Нестор из «Крокодила»

Нестор из «Крокодила»

Демьян Бедный, Владимир Владимирович Маяковский, Николай Яковлевич Москвин, Валентин Петрович Катаев, Николай Константинович Иванов-Грамен, Борис Михайлович Левин, Николай Алексеевич Карпов, Михаил Яковлевич Козырев, Исаак Павлович Абрамский, Александр Васильевич Чикарьков, А. Зорич, Александр Трифонович Твардовский, Александр Григорьевич Архангельский, Владимир Николаевич Тоболяков, Зубило, Борис Григорьевич Самсонов, Аркадий Сергеевич Бухов, Эдуард Георгиевич Багрицкий, Илья Арнольдович Ильф, Евгений Петрович Петров, Абрам Маркович Арго, Анатолий Адольфович д'Актиль, Михаил Яковлевич Пустынин,

Пантелеймон Сергеевич Романов, Павел Николаевич Васильев, Вячеслав Яковлевич Шишков, Вера Михайловна Инбер, Лев Вениаминович Никулин, Рина Васильевна Зеленая, Георгий Александрович Ландау, Михаил Ефимович Кольцов, Ефим Давидович Зозуля, Иосиф Павлович Уткин, Леонид Сергеевич Ленч, Варвара Андреевна Карбовская, Максим Горький, Константин Яковлевич Финн, Н. Крэн, Михаил Аркадьевич Светлов, Борис Леонтьевич Горбатов, Михаил Ефремович Левитин, Алексей Иванович Колосов, Р. Роман, Агния Львовна Барто, Евгений Григорьевич Бермонт, Сергей Званцев, Сергей Яковлевич Алымов, Владимир Абрамович Дыховичный, Александр Андреевич Прокофьев, Братья Тур, Павел Григо-

рьевич Антокольский, Вильгельм Исаакович Гранов, Николай Николаевич Асеев, Александр Матвеевич Флит, Давид Иосифович Заславский, Сергей Александрович Васильев, Василий Иванович Лебедев-Кумач, Владимир Михайлович Иванов, Михаил Львович Матусовский, Николай Альфредович Адуев, Самуил Яковлевич Маршак, Николай Леопольдович Браун, Борис Андреевич Лавренёв, Семён Исаакович Кирсанов, Алексей Николаевич Толстой, Морис Романович Слободской, Ян Александрович Сашин, Илья Григорьевич Эренбург, Михаил Васильевич Исаковский, Владимир Захарович Масс, Михаил Абрамович Червинский, Александр Ильич Безыменский, Илья Львович Сельвинский, Аркадий Николаевич Васильев, Влади-

мир Александрович Соловьев, Сергей Владимирович Михалков, Дмитрий Герасимович Беляев, Степан Иванович Олейник, Ольга Владимировна Позднева, Михаил Михайлович Зощенко, Осип Яковлевич Колычев, Алексей Карлович Малин, Василий Иванович Куканов, Николай Иванович Штанько, Иван Павлович Горелов, Михаил Владимирович Эдель, Иван Афанасьевич Рябов, Сергей Александрович Ананьин, Николай Матвеевич Грибачев, Юрий Николаевич Благов, Эдуардас Беньяминович Межелайтис, Леонид Сергеевич Соболев, Георгий Дмитриевич Гулиа, Борис Николаевич Тимофеев, Василий Александрович Журавский, Александр Ильич Стоврацкий, Михаил Владимирович Владимов, Евгений Петрович Замятин, Кондрат

Кондратьевич Крапива, Ричард Вячеславович Сарцевич, Константин Яковлевич Ваншенкин, Виктор Васильевич Маевский, Роман Зиновьевич Коган, Елена Александровна Цугулиева, Расул Гамзатович Гамзатов, Сергей Александрович Швецов, Николай Константинович Доризо, Самуил Михайлович Шатров, Александр Яковлевич Яшин, А. Костовецкий, Остап Вишня, Владимир Петрович Котов, Бронислав Адольфович Кежун, Лев Абрамович Галкин, Лазарь Иосифович Лагин, Роберт Иванович Рождественский, Мкртич Корюн, Яков Моисеевич Быланин, Григорий Ефимович Рыклин, Николай Исидорович Полотай, Гулам Али Мамедович Мамедли, Гавриил Николаевич Троепольский, Олег Михайлович Бушко, Абдулла Каххар, Лариса

Николаевна Романенко, Феликс Давидович Кривин, Вадим Павлович Земной, Владимир Иванович Корбан, Виктор Фёдорович Боков, Фёдор Юрьевич Макивчук, Петрусь Бровка, Аркадий Владимирович Эриванский, Пётр Петрович Дудочкин, Всеволод Петрович Нырко, Андрей Васильевич Карасёв, Сергей Владимирович Ревзин, Константин Кондря, Виктор Ефимович Ардов, Витауте Юргисовна Жилинскайте, Алексей Иванович Распевин, Андрей Самойлович Малышко, Александр Ефимович Вихрев, Марк Зосимович Ланской, Яков Аркадьевич Дымской, Владимир Константинович Константинов, Борис Михайлович Рацер, Яков Аронович Костюковский, Лев Абрамович Кассиль, Виталий Васильевич Фролов, Юрий Александрович

Алексеев, Руслан Тимофеевич Киреев, Александр Александрович Лацис, Юозас Юозасович Булота, Виталий Исидорович Аленин, Эмиль Кроткий, Владимир Яковлевич Евтушенко, Сейфеддин Даглы, Александр Николаевич Ремезов, Алексей Иосифович Ходанов, Виктор Степанович Сапарин, Людмила Константиновна Татьяничева, Александр Борисович Гатов, Александр Борисович Раскин, Иван Васильевич Костюков, Михаил Яковлевич Андраша, Наталия Иосифовна Ильина, Владимир Маркович Санин, Мануил Григорьевич Семёнов, Виктор Аврамович Подольский, Семён Давыдович Нариньяни, Сергей Васильевич Смирнов, Юрий Леонидович Золотарёв, Николай Иванович Монахов, Иван Павлович Законов, Давид Никитич

Кугультинов, Николай Васильевич Билкун, Юрий Семёнович Мартынов, Виктор Венедиктович Орлов, Цезарь Самойлович Солодарь, Валентин Константинович Лагода, Борис Георгиевич Стрельников, Игорь Иванович Тарабукин, Алексей Яковлевич Марков, Валентин Иванович Козлов, Василий Иванович Ардаматский, Алексей Борисович Голуб, Т. Константинов, Евгений Васильевич Шатров, Борис Авксентьевич Привалов, Игорь Вячеславович Мартьянов, Наум Давыдович Лабковский, Наум Самуилович Станиловский, Рудольф Юльевич Бершадский, Иммануил Ильич Левин, Григорий Городецкий, Марона Вениаминович Арсанис, Владимир Фёдорович Канаев, Александр Маркович Николаев, Борис Александрович Сибиряков,

Михаил Михайлович Генин, Илья Миронович Шатуновский, Борис Михайлович Юдин, Цаль Анзикович Меламед, Антон Лигов, Борис Константинович Данелия, Марк Анатольевич Захаров, А. Титов, Владимир Борисович Жемчужников, Михаил Александрович Дудин, Н. Сергеев, Никита Владимирович Богословский, Николай Дмитриевич Баженов, Андрей Владимирович Никольский, Владимир Соломонович Поляков, Александр Алексеевич Жаров, Борис Андрианович Егоров, Михаил Иванович Глазков, Лазарь Давидович Митницкий, Надежда Михайловна Черепанова, С. Марков, Владимир Михайлович Хочинский, Владимир Александрович Ветров, Ян Азарович Полищук, Борис Павлович Рябикин, Владимир Александрович Панков, Сергей

Донатович Довлатов, Владимир Васильевич Митин, Михаил Александрович Заборский, Александр Алексеевич Суконцев, Семён Анатольевич Комиссаренко, Феликс Иванович Вибе, Юрий Дмитриевич Никольский, Михаил Михайлович Кокшенов, Зиновий Юрьевич Юрьев, Станислав Васильевич Родионов, Юрий Леонидович Скрылёв, Михаил Евсеевич Раскатов, Эдуард Иванович Полянский, Евгений Александрович Матвеев, Ясон Александрович Герсамия, Святослав Сергеевич Спасский, Владлен Ефимович Бахнов, Ефим Миронович Весенин, Леонид Израилевич Лиходеев, Самиг Абдукаххар, Дмитрий Андреевич Епифанов, Александр Ильич Рохович, Андрей Миронович Внуков, Борис Савельевич Ласкин, Владимир Дмитриевич

Ломаный, Леонид Исаакович Нефедьев, Александр Юрьевич Моралевич, Владимир Ефимович Комов, Николай Павлович Исаев, Марк Эзрович Виленский, Георгий Осипович Осипов, Владислав Владимирович Князев, Владимир Петрович Шикунов, Владимир Павлович Алексеев, Владимир Михайлович Котенко, Адольф Филиппович Давидович, Александр Львович Портер, Андрей Всеволодович Кочетов, Вадим Петрович Полуян, Андрей Леонидович Кучаев, Виктор Иванович Коняхин, Герман Фёдорович Дробиз

Аннотация

Нестор из «Крокодила»

ПРИРОДА СМЕХА

1922—1924

Демьян Бедный. КРАСНЫЙ КРОКОДИЛ — СМЕЛЫЙ ИЗ СМЕЛЫХ! — ПРОТИВ КРОКОДИЛОВ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ

Владимир Маяковский. НАТЕ — басня о «Кроко-

диле» и о подписной плате

Н. Москвин. НА ЛЕВОЙ ВЫСТАВКЕ. Заметки «неспециалиста»

Валентин Катаев. КИНОМИТЬКА

Н. Иванов-Грамен. СЕРЬЕЗНЫЙ ПОДХОД

Б. Левин. БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ

1925—1940

Н. Карпов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АГАФЬЯ

Мих. Козырев. ЩЕТКА

И. Абрамский. ВСЕ В ПОРЯДКЕ

А. Чикарьков. ШУТКА

А. Зорич. В АЛТАРЯХ

А. Твардовский. СИДЯТ И СМОТРЯТ

А. Архангельский. О БАРАБАНЩИКЕ

Вл. Тоболяков. СПОРТСМЕНКА

Зубило (Ю. Олеша). ГУЛЛИВЕР

Б. Самсонов. ДРУЗЬЯ

Арк. Бухов. ЗАПУТАННЫЙ СЛУЧАЙ

Эдуард Багрицкий. ПЕСНЯ О СОЛДАТЕ

Илья Ильф, Евгений Петров. ИХ БИН С ГОЛОВЫ ДО НОГ

Арго. ТОВАРИЩ БЕРАНЖЕ

А. Д'Актиль. КОЛЕСА И ПОЛОЗЬЯ

Михаил Пустынин. ГОТОВЬТЕ КАБИНЕТ!. (Письмо литератора Мальбрука, собравшегося в культпоход)

Пантелеймон Романов. НОС
Павел Васильев. ТЕРНОВСКАЯ ОКРУГА
Вяч. Шишков. ОПЕЧАЛЕННАЯ РАДОСТЬ
Вера Инбер. У НАС ВО ДВОРЕ
Л. Никулин. САПОГИ
Рина Зеленая. КУЛЬТПОХОД
Георгий Ландау. КОНСУЛЬТАЦИЯ
Михаил Кольцов. СТРАННАЯ ПЬЕСА
Ефим Зозуля. «ДАЛ». «НЕ ДАЛ»
Иосиф Уткин. ПЕСНЯ ОБ УБИТОМ КОМИССАРЕ
Леонид Ленч. СЕАНС ГИПНОТИЗЕРА
Варвара Карбовская. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
Максим Горький. РАЗГОВОР ПТИЦ
Константин Финн. ХОРОШИЙ ЗНАКОМЫЙ
Н. Крэн
(Н. Кружков). НАУЧНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ
Михаил Светлов. СКАЗКА
Борис Горбатов. БОЦМАН С «ГРОМОБОЯ»
Мих. Левитин. ЛИЗОЧКА
А. Колосов. ГОЛУБОЙ БЫЧОК
Р. Роман. ПРИМЕР ДЛЯ МНОГИХ
Агния Барто. НАШ СОСЕД — ИВАН ПЕТРОВИЧ
Евгений Бермонт. ЗАЯЧЬЯ ДУША
Сергей Званцев. ВНИМАТЕЛЬНЫЙ СТАМЕСКИН
1941—1945
Сергей Алымов. САМОВАРЫ-САМОПАЛЫ

Владимир Дыховичный. ТЫ МОРЯК, МИШКА

Александр Прокофьев. «СТРАДАНЬЕ»

Братья Тур. СКАНДАЛ В ШАЛМАНЕ

Павел Антокольский. ПИРАТСКАЯ БАЛЛАДА

В. Гранов. ЛИСИЦА И СТАЛИНГРАД. (Басня)

Н. Асеев. ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА В ЧАСТУШКАХ

А. Флит. СРОКИ И УРОКИ

Д. Заславский. СТРАТЕГИЯ НЕМЕЦКОГО ОСЛА

Сергей Васильев. НИХТ ГУТ, ГОСПОДА ОККУПАНТЫ!

Вас. Лебедев-Кумач. ОСВЕДОМЛЕННЫЙ ТОВАРИЩ

Влад. Иванов. НЕРВЫ

Мих. Матусовский. ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Ник. Адуев. РЕЧЬ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА,. произнесенная им в одном из самых аристократических бомбоубежищ Берлина

С. Маршак. ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА

Николай Браун. ЭХ, ЯБЛОЧКО!

Борис Лавренев. НЕПРОЧНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Семен Кирсанов. СОН ЗЛОВЕЩИЙ, ЗЕЛО ВЕЩИЙ

Алексей Толстой. КАРТИНА 1946—1972

Морис Слободской. ПЯТНА НА МРАМОРЕ

Я. Сашин. БАЛЛАДА
Илья Эренбург. ПОКЛОНЕНИЕ ДОЛЛАРУ
Михаил Исаковский. ОПЛОШНОСТЬ
Вл. Масс, Мих. Червинский. НОРМЫ ДЛЯ ПРОФОРМЫ
Александр Безыменский. КИТЫ И ПЛОТВА
Илья Сельвинский. БЛОХОИСКАТЕЛЬ ВАСЮК
Арк. Васильев. БАРХАТНАЯ ДОРОЖКА
Владимир Соловьев. ВМЕСТО ОБЗОРА ПЕЧАТИ
Сергей Михалков. ОСТОРОЖНЫЕ ПТИЦЫ
Д. Беляев. СТИЛЯГА
Степан Олейник. ТАКОВЫ У НАС ДЕЛА!
Ольга Позднева. СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО
Мих. Зощенко. ДЖЕНТЛЬМЕНСКИЕ НРАВЫ
Осип Колычев. ПОЙМАНЫ С ПОЛИЧНЫМ
Алексей Малин. ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ
Вл. Дыховичный, М. Слободской. ТИПИЧНАЯ КАША
В. Куканов. КЛЕН КУДРЯВЫЙ
Николай Штанько. РАБОТЯГА
Иван Горелов. ВИТЕНЬКА
Михаил Эдель. ЗЕМЛЯК
И. Рябов. НАСЛЕДНИЧКИ
Сергей Ананьин. ПРАВДИВАЯ СКАЗКА О ПЕРЕУСЕРДНОМ НАЧАЛЬНИКЕ
Николай

Грибачев. ВТОРЖЕНИЕ С ПОРАЖЕНИЕМ
Юрий Благов. ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК
Эдуардас Межелайтис. УТРОМ
Леонид Соболев. ВЕЛИКОЕ И СМЕШНОЕ
Георгий Гулиа. ЗУД МУДРОСТИ
Борис Тимофеев. ГАРРИ
В. Журавский. СУПРУЖЕСКОЕ СЧАСТЬЕ
А. Стоврацкий. УБИЙСТВЕННЫЙ РЕЦЕПТ
Михаил Владимов. ЧЕЛОВЕК-АНКЕТА
Евг. Замятин. ВОЛЧОК
К. Крапива. ДИТЯ, ЗМЕЯ И ЕЖ
Р. Сарцевич. ГОСТЬ
Константин Ваншенкин. ТИП
В. Маевский. ГЕНЕРАЛ ГРЮНТЕР ПОПАДАЕТ В ИСТОРИЮ
Роман Коган. ПОНЯЛ...
Елена Цугулиева. ПОХИЩЕНИЕ МАДИНЫ
Расул Гамзатов. ДОКЛАДЧИК БЫЛ ДОВОЛЕН
Сергей Швецов. БРАКОРАЗВОДНАЯ ЛИРИКА
Николай Доризо. БАЛЛАДА О «ТАК НЕ БЫВАЕТ»
С. Шатров. КАК МЫ ХОРОНИЛИ ЛЯЛЬКУ
Александр Яшин. НЕПОСЕДА
А. Костовецкий. ПЕЧАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ С ИВОЙ ПЛАКУЧЕЙ
Остап Вишня. МОЯ БИОГРАФИЯ
Владимир Котов. ОН ОБОЖАЕТ КРИТИКУ,

ИДУЩУЮ С НИЗОВ...

Б. Кежун. ОЙ, ГАРМОНЬ МОЯ, ГАРМОНЬ!. Литературная пародия (М. Исаковский)

Л. Галкин. НЕ ПОЙМАН, НО ВОР!

Л. Лагин. ПРО ЗЛУЮ МАЧЕХУ. (Сказка для родителей младшего, среднего и старшего возраста)

Роберт Рождественский. ТЫ. Пародия

Мкртич Корюн. ТРИ ШУТКИ

Яков Быланин. АНГЛИЙСКИЙ СПЛИН

Г. Рыклин. НАКАЗАННЫЙ ОБМАНЩИК

Николай Полотай. НА ЗАКАТЕ

Гулам Мамедли. ОБМАНУТЫЙ АЗРАИЛ

Гавриил Троепольский. ПАРШИВАЯ ФАМИЛИЯ

О. Бушко. ВОЛК-РЕЦЕНЗЕНТ

Абдулла Каххар. СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ.... Автореферат кандидатской диссертации

Л. Романенко. ЛЮБИМЫЙ ЖАНР. Опыт научного исследования

Феликс Кривин. СКАЗКИ

Вадим Земной. ДВА СТРОГАЧА

Владимир Корбан. РЕКОРДНЫЙ ОГУРЕЦ

Виктор Боков. ЛЕСНАЯ УЛИЦА

Федор Макивчук. БЫЛО Б ТЕБЕ ЛУЧШЕ НЕ ХОДИТЬ...

Петрусь Бровка. РАЙОННЫЙ УХАЖЕР

Арк. Эриванский. РОЗА

Петр Дудочкин. КАК Я ПОЙМАЛ СУДАКА

В. Нырко. В ДВУХ СМЫСЛАХ

Андрей Карасев, Сергей Ревзин. НОВАЯ ПРОФЕССИЯ

К. Кондря. КАК СТАТЬ ДРАМАТУРГОМ...

Виктор Ардов. ВОТ ЧТО НАДЕЛАЛИ СПРАВКИ ТВОИ.... Трагикомедия в пяти картинах со счастливым концом

Вита Жилинскайте. ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

Алексей Распевин. ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ ПРУТКОВА-ВНУКА

Андрей Малышко. ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАТА

Александр Вихрев. КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

М. Ланской. ОКРУЖЕНИЕ ЧАШКИНА

Я. Дымской. НАТУСЯ

Владимир Константинов, Борис Рацер. ЭНТУЗИАСТ

Яков Костюковский. БАНКЕТ

Лев Кассиль. ТАК-ТО, БРАТ ПУШКИН!

В. Фролов. ПОДКУПИЛ

Юрий Алексеев. ОТ ПЕЧКИ

Руслан Киреев. ПОДВИГ РОБИНЗОНА

Александр Лацис. ОПАСНАЯ МЫСЛЬ

Иозас Булота. «ВЕЛИКОМУЧЕНИК» МОТЕ

Вит. Аленин. АНТОН СЕРГЕЕВИЧ СТАНОВИТСЯ ВЕЖЛИВЫМ

Эмиль Кроткий. ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО
В. Евтушенко. ОТСТАЛЫЙ КВАС
Сейфеддин Даглы. ЕЕ НЕ ПРОВЕДЕШЬ...
Александр Ремезов. ДРУГ ДЕТСТВА
Алексей Ходанов. НА УДОЧКУ С КРАБОМ
Виктор Сапарин. ТЕЛЕСТРАДАНИЯ
Л. Татьяничева. ЗЛЫЕ СТИХИ О ГОСТЕПРИИМСТВЕ
Александр Гатов. БОЖИЯ КОРОВКА
Александр Раскин. ТОВАРИЩ ЗОНТИКОВ
Иван Костюков. РАБ БОЖИЙ
Михаил Андраша. БАБУЛЯ
Наталья Ильина. «РОДИТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ». Пародия на журнал для воскресного чтения
В. Санин. КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПАПА
М. Семенов. ИДУЩИЙ ВО ГЛАВЕ
В. Подольский. ЗА МИЛЫХ ЖЕНЩИН
Сем. Нариньяни. СВАТОВСТВО НА АРБАТЕ
Сергей Смирнов. САТИРИЧЕСКАЯ РОССЫПЬ
Ю. Золотарев. СЛУШАЛИ — ПОСТАНОВИЛИ
Николай Монахов. ШПИЛЬКА
Иван Законов. ТЕТЯ ВАРЯ ЧТО-ТО ВАРИТ
Давид Кугультинов. СМЕЯТЬСЯ ЛЕГЧЕ
Микола Билкун. МАМА У НАС ОТДЫХАЕТ
Юрий Мартынов. ВЕЧЕРНЕЕ ПЛАТЬЕ

Виктор Орлов. В НЕПРИНУЖДЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

Ц. Солодарь. ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Валентин Лагода. ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Борис Стрельников. НАШИ «АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ»

Игорь Тарабукин. ДРУГОЕ ДЕЛО

Алексей Марков. ПОВЕЗЛО

В. Козлов. РАССКАЗ БЫВАЛОГО БОКСЕРА

Василий Ардаматский. ЧЕЛОВЕК И КНИГИ

Алексей Голуб. РЯДОВАЯ МАРЬЯ ПРИНИМАЕТ ПРИСЯГУ

Т. Константинов. УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Евгений Шатров. АНОНИМ ПРОСИТ ИЗВИНЕНИЯ

Борис Привалов. ЦЕННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ

Игорь Мартьянов. ТЕЩА ВИНОВАТА

Наум Лабковский. НЕВЫПОЛНИМОЕ ЗАДАНИЕ

Н. Станиловский. МИМОХОДОМ

Руд. Бершадский. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Им. Левин. ПРИВЕТ С ЧЕРНОГО МОРЯ. в письмах

Гр. Городецкий. НА ВЫСОТЕ

М. Арсанис. МЫСЛИ ВСЛУХ

В. Канаев. МИМОХОДОМ

Александр

Николаев. КАК Я СТАЛ КЛЕВЕТНИКОМ
Борис Сибиряков. ИЗ МУХИ
М. Генин. МИМОХОДОМ
Илья Шатуновский. ЗА СЛОВОМ В КАРМАН
Борис Юдин. БОРЗЫЕ ЩЕНКИ
Ц. Меламед. КОРОЧЕ ГОВОРЯ...
А. Лигов. МИМОХОДОМ
Борис Данелия. СЛОВО МУЖЧИНЫ
Марк Захаров. Я, ИНСПЕКТОР МАНЕЖА, УКРОТИТЕЛЬ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЫСЬ
А. Титов. МИМОХОДОМ
В. Жемчужников. ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ
Михаил Дудин. ЛЕНИНСКИЙ ВЕК
Н. Сергеев. МИМОХОДОМ
Никита Богословский. ПОСЛЕ ПОЛУЧКИ
Николай Баженов. ПУСТЫННИК АГАФОН
Андрей Никольский. ЗЛОБОДНЕВНАЯ ТЕМА
Владимир Поляков. ДОМАШНИЙ ТЕАТР
Александр Жаров. КОГДА ЦВЕТЕТ ЧЕРЕМУХА
Борис Егоров. САНАТОРИЙ «БОРЗАН»
Михаил Глазков. КАК НА ОДНОМ ЗАВОДЕ ШТАТЫ СОКРАЩАЛИ
Л. Митницкий. МИМОХОДОМ
Надежда Черепанова. НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ. (Рассказ моего знакомого)
С. Марков. МИМОХОДОМ

В. Хочинский. МЕЖДУ СТРОК
В. Ветров. МИМОХОДОМ
Ян Полищук. УКУС МОСКИТА
Б. Рябикин. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ
Вл. Панков. ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ПУСТЯЧОК
Сергей Довлатов. ПОБЕДИТЕЛИ
Владимир Митин. САРЫНЬ НА КИЧКУ!
Михаил Заборский. ЖЕНИХ
Александр Суконцев. НАШ ЧЕЛОВЕК В СТОЛИЦЕ
Семен Комиссаренко. УЗЕЛОК
Феликс Вибе. НЕ ЩАДЯ ЖИВОТА
Юрий Никольский. ИСПОВЕДЬ
Михаил Кокшенов. РЕКОРД
Зиновий Юрьев. СТРАХ
Станислав Родионов. РЕСТОРАН НА ДОМУ
Ю. Скрылев. МИМОХОДОМ
Михаил Раскатов. ЧУДО-ЧАДО
Эдуард Полянский. ЧТО МНЕ ПОДАРИТЬ?
Евгений Матвеев. ВОТ Я СИЖУ И ДУМАЮ
Ясон Герсамия. СУХУМСКИЕ ФОНТАНЫ
Святослав Спасский. НАТАША
Вл. Бахнов. БЕЗ НАМЕКОВ
Е. Весенин. ЧАСТУШКА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ
Леонид Лиходеев. ЗАКОН И ОБЫЧАЙ

Самиг Абдукаххар. ЛЮБИМЫЙ СПОРТ
Д. Епифанов. ...И Я ЗА СЕБЯ СПОКОЕН
Ал. Рохович. ГРИБЫ
Андрей Внуков. ПАМЯТКА ХУЛИГАНУ
Борис Ласкин. ОДНО СПАСЕНИЕ
В. Ломаный. КСТАТИ ГОВОРЯ
Л. Нефедьев. МИМОХОДОМ
Александр Моралевич. ЛЕОПАРДОВАЯ ЖАБА
В. Комов. СПЛОШНЫЕ НАМЕКИ
Н. Исаев. УНИКАЛЬНЫЕ ГОРОДА
М. Виленский. ПИСЬМО МАЛЬЧИКУ С ПЛАКАТИКОМ. (вручить через 20 лет)
Г. Осипов. УБИЙЦЫ ДАЮТ ИНТЕРВЬЮ
В. Князев, В. Шикунов. ПРАВДЫ РАДИ
Владимир Алексеев. ПРОГРЕСС С УМОМ И БЕЗ
В. Котенко, А. Давидович. БРАК ПО РАСЧЕТУ
А. Портер. ВЕДРО
А. Кочетов. БОЛИТ СЕРДЦЕ
Вадим Полуян. КАРТОФЕЛЬНЫЙ ТРИУМФ
А. Кучаев. МЫ ЖДАЛИ ИХ
В. Коняхин. ТЕЛЕФОН
Г. Дробиз. ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Аннотация

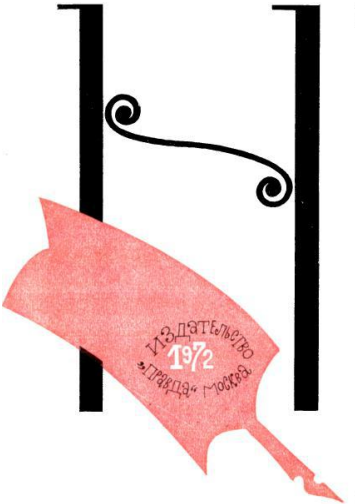
Летопись полустолетия, созданная всерьез и в шутку 268-мью крокодильскими авторами веселых и грустных рассказов, сердитых фельетонов, едких памфлетов, персоно-щипательных стихов и прочих произведений трагикомического жанра.

Нестор из «Крокодила»

НЕСТОР
ИЗ
«КРОКОДИЛА»

Летопись полустолетия,
созданная всерьез
и в шутку
268-мью крокодильскими
авторами
веселых и
грустных рассказов,
сердитых фельетонов,
едких памфлетов,
персоно-щипательных
стихов и прочих
произведений
трагикомического жанра
.

НЕСТОР ИЗ «КРОКОДИЛА»



КРОКОДИЛЬСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗА 50 ЛЕТ /1922-1972/

ПРИРОДА СМЕХА

«Нестор из «Крокодила» — это альманах прозы и поэзии журнала за 50 лет его существования. Это и своеобразная летопись событий, описание нравов, типов, характеров, исполненных не бесстрастным пером стороннего наблюдателя, а пером сатирика и юмориста — активного преобразователя жизни. И поэтому наше краткое введение было бы целесообразно посвятить выявлению роли сатиры в системе искусств.

О юморе и сатире можно говорить и судить по-разному. И также по-разному определять свое отношение к этому жанру литературы. Вплоть до главного, основного вопроса: что есть сатира, каким должен быть сатирический писатель?

С прямым, лобовым вопросом дело обстоит просто. Кто же может вдруг откровенно брякнуть: «Не терплю сатиру!»? Ведь никому не хочется прослыть ретроградом, консерватором или еще хуже — глушителем ищущей критической мысли. И если бы был проведен публичный общественный опрос, то он выявил бы, что одна половина читающей публики любит сатиру, а

другая — обожает. Критик Икс мог бы сообщить, что утреннюю зарядку он неизменно проводит под музыкальные ритмы сатирических песенок Беранже, а его коллега Игрек стал бы утверждать, что он ежевечерне засыпает с томиком щедринских «Губернских очерков» в руках.

Сложнее с так называемой «чистой» теорией. Тут что ни автор, то свой взгляд на истоки и происхождение сатиры, что ни исследователь, то новое толкование ее роли в обществе. И внешне такое «разнотравье» выглядит даже привлекательно: чем больше точек зрения, чем разнообразнее доводы и аргументы, тем плодотворнее спор и точнее истина, рожденная в этом споре. Но если пристальнее присмотреться к периодически возникающим на Западе дискуссиям о назначении сатиры в жизни, то нельзя не заметить, что у многих с виду разных «трав» один и тот же корень.

Каков же он?

Тут мы должны сослаться на труд «Сатира и жизнь», изданный Кембриджским университетом. Читаем:

> «Точно так же, как некоторые люди испытывают потребность, когда видят висящую вкось картину, подойти к ней

и выровнять, так и сатирик чувствует необходимость привлечь внимание к отклонению от того, что он считает верным, честным, справедливым».

Естественное стремление устранять различного рода отклонения от нормы и житейские неурядицы — вот что, дескать, движет сатириком. Взгляд, весьма удобный благодаря своей универсальности. Его можно легко применить как единую мерку к любым историческим и социальным условиям.

Нельзя сказать, что такой объективистский взгляд на сатиру, как на некое однажды приготовленное патентованное лекарство против любых общественных несуразностей, разделяется нашими сатириками. Но отражения пресловутой теории нейтрализма в некоторых произведениях сатирического и юмористического жанра, к сожалению, еще встречаются. Позитивная мысль, авторская тенденция бывают в них так расплывчаты и неопределенны, что читатель невольно остается в недоумении: а во имя чего это написано? Чаще всего этого не может сказать и сам автор:

— Проповедь какой-нибудь морали и не входи-

ла в мои цели. Но ведь получилось смешно, не правда ли?

Надо ли говорить, что ни Твен, ни Чехов не могли бы рассуждать таким образом, хотя в искусстве смешить читателя не знали себе равных.

Для подавляющего большинства наших сатириков остается непреложной истиной, что сатиры внеклассовой, лишенной определенных социальных тенденций не существует. Нельзя быть обличителем, лекарем нравственных недугов, не исповедуя определенных идеалов и не борясь против того, что им противостоит. «Люблю и ненавижу» — вот девиз истинного сатирика-бойца.

Если оторвать творчество конкретного сатирического писателя от конкретных социально-исторических условий, если отвлечься от его убеждений и предубеждений, то нельзя понять, во имя чего он писал и творил.

Не будет особенным преувеличением и натяжкой, если мы скажем, что формальным предшественником «Крокодила» в русской сатирической периодике был «Сатирикон», возглавлявшийся очень популярным в свое время писателем-юмористом Аркадием Аверченко. Журнал читала «вся» Россия, за аверченковскими рассказами

охотились. И вдруг «Сатирикона» не стало, кончился как писатель и Аркадий Аверченко. Что же произошло?

Любопытно посмотреть, что и как писал Аверченко в канун Октябрьской социалистической революции. Вот его фельетон «За гробом матери», напечатанный в 1917 году в «Новом сатириконе»:

> «Подумайте, какая трагедия: смех — это наша профессия, это стихия сатириконцев, а мы не можем смеяться.
>
> Мы могли бы плавать в этом чудовищном, бурлящем океане смеха, а мы, беспомощные, лежим на берегу этого океана на песке и только судорожно открываем рот.
>
> Улыбка это? Точно такая же улыбка бывает у дохлых собак, когда пасть раскрыта и зубы оскалены. Не думаю, чтобы такой собаке было весело».

Питательная почва, какой была мелкобуржуазная среда, стремительно уходила из-под ног некогда влиятельного сочинителя. Приходил новый читатель, совсем не разделявший ни верноподданнических взглядов автора, ни его

шовинизма. Он с негодованием швырял листы «Сатирикона» или незамедлительно обращал их на цигарки. Было от чего впасть в отчаяние.

Если брать во внимание чисто формальные литературные приемы и стиль, Аверченко еще оставался мастером, но дни его как сатирика уже были сочтены. Непреодолимый барьер возник между ним и нарождающейся новой читательской массой. Впоследствии, как известно, сатириконец Аверченко выродился в заурядного антисоветчика.

Эта история будет для нас вдвойне поучительной, если мы учтем, что при организации «Крокодила» в журнал пришли литераторы и художники, некогда сотрудничавшие с Аверченко, но потом решительно порвавшие с ним. Они пошли за Коммунистической партией и своим опытом дополнили энтузиазм молодежи, призванной в сатиру революцией. Родился «Крокодил» — боевой орган политической сатиры и юмора, принципиально новый журнал, непохожий на все существовавшие до него издания подобного типа.

Иногда спрашивают: в чем отличительная особенность крокодильской прозы и поэзии, какие характерные черты они содержат? Легче

ответить на этот вопрос, прибегнув к частице «не». Итак, какие же черты и признаки в произведениях прозаиков и поэтов «Крокодила» не присутствуют и не просматриваются? Они, эти произведения, лишены:

а) расплывчатости и неопределенности авторской точки зрения, позволяющих скрывать, что таковая вообще отсутствует;

б) двусмысленностей, помогающих под прикрытием добрых мыслей прятать дурные;

в) лукавой уклончивости, очень удобной в тех случаях, когда автору что-то хочется сказать, а боязно.

Зарубежные недруги «Крокодила» часто упрекают его в излишней с их точки зрения прямолинейности. Если, дескать, вы видите белое, то называете его белым, если черное, то — черным. А нельзя ли, мол, немножко помягче, нельзя ли почаще прибегать к полутонам?

Нет, господа, нельзя!

«Крокодил» с первых дней своего существования придерживался и придерживается четкой политической линии — линии партии. И в этом его сила, в этом секрет его популярности. А всякого рода идейные вихляния и морально-этические «зигзаги» надо искать в каком-либо другом месте,

но не на крокодильских страницах.

Конечно, при организации журнала никто не вручал ему страхового полиса, гарантирующего от ошибок. Были в его практике и огорчительные промахи и досадные заблуждения. Случалось, что крокодильские вилы утрачивали былую остроту. И тогда проглядывала на его страницах серость, безликость, обтекаемая критика. Как печальный анекдот, сохранила редакционная подшивка такой, например, эпиграф к карикатуре:

> «Есть отдельные случаи нарушения отдельными железнодорожниками правил ношения форменной одежды».

Все это, повторяем, было. Но партия, Центральный Комитет терпеливо указывали крокодильскому коллективу на его промахи и помогали находить правильные пути для исправления ошибок. Свою поддержку журналу всегда оказывал доброжелательный друг — читатель.

Не раз «Крокодил» подвергался яростным нападкам тех, против кого было направлено острие его вил. Но опять-таки партийные принципы отношения к критике, убедительность и аргументированность критических выступлений помогали журналу в единоборстве с опровергате-

лями. И, вероятно, не такие уж редкие схватки с зажимщиками критики подсказали крокодильскому поэту следующие строки:

Бойтесь кричащих: «Сатиру — долой!»
Мусор всегда недоволен метлой!

В таких вот условиях развивалась острая, нелицеприятная, но всегда несущая в себе созидательное начало крокодильская проза и поэзия. За 50 лет существования журнала накоплен богатый литературный материал. К сожалению, ни в какой одной книге нельзя представить его целиком. Да составители настоящего сборника и не ставили перед собой такой непосильной задачи. Каждый из сотрудничавших когда-то в «Крокодиле» и выступающих на его страницах сегодня авторов представлен только одним произведением. И если читатель, познакомившись с нашим юбилейным изданием, воспримет его как своего рода летопись становления и развития советской сатиры и уловит своеобразие литературных почерков и стилей многочисленных авторов «Крокодила», — наша цель будет достигнута.

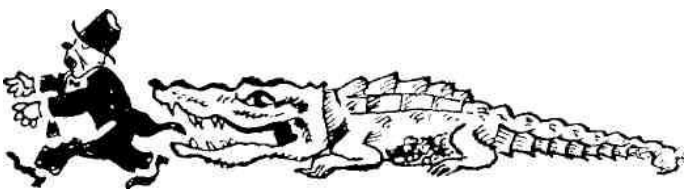
М. СЕМЕНОВ,
главный редактор «Крокодила»

1922—1924

1922-1924

Демьян Бедный
КРАСНЫЙ КРОКОДИЛ — СМЕЛЫЙ ИЗ СМЕЛЫХ! — ПРОТИВ КРОКОДИЛОВ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ

Писатель не для «господ», а для «простонародья»,
В пору нэповского половодья,
Когда НЭП, накопляя жирный ил,
Стал походить на мутный Нил
И когда можно видеть поминутно,
Как там, где наиболее мутно,
Орудует крокодилье племя,
Решили мы, что пришло время
Для очистки нэповского Нила
Выпустить КРАСНОГО КРОКОДИЛА.



КРАСНОМУ КРОКОДИЛУ честь и хвала!

Ему предстоят большие дела:

ДОБИРАТЬСЯ ДО ВСЯКОЙ ГНИЛОСТИ

И ВОРОШИТЬ ГНИЛЬ БЕЗО ВСЯКОЙ МИЛОСТИ,

ЧТОБ НЭПОВСКАЯ МУТЬ НЕ ЦВЕЛА

И НЕ ГНИЛА,

ВОТ КАКОВА ЗАДАЧА КРАСНОГО КРОКОДИЛА!

Мы же,

Подписавшиеся ниже,

Кто пером, кто помелом,

Воздавая «коемуждо по делом»,

Приложим все наши старания,

Чтоб достойно описать все его великие деяния.

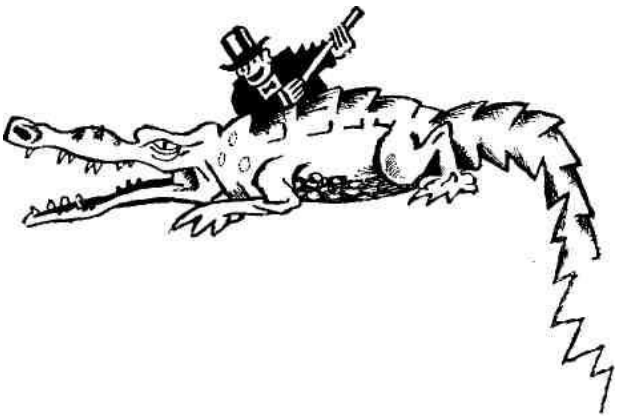
На том бьем вам, товарищи, челом!

№ 1, 1922 г.

Владимир Маяковский
НАТЕ — басня о «Крокодиле» и о подписной плате

Вокруг «Крокодила»
Компания ходила.
Захотелось нэпам,
Так или иначе,
Получить на обед филей «Крокодиляччий».
Чтоб обед рассервизить тонко,
Решили
«Сначала измерим «крокодиленка»!»
От хвоста до ноздри,
С ноздрею даже
Оказалось —
Без вершка 50 сажен.
Перемерили «Крокодилину»,
И вдруг
В ней
От хвоста до ноздрей 90 саженей.

Переметили опять
До ноздри
С хвоста,
Саженей оказалось больше ста.



«Крокодилище» перемерили,
Ну и делища!
500 саженей!
750!
1 000!
Бегают,
Меряют.

Не то что съесть,
Времени нет отдохнуть сесть.
До 200 000 саженей дошли,
Тут
Сбились с ног,
Легли —
И капут.
Подняли другие шум и галдеж.
«На что ж арифметика?
Алгебра на что ж!»
А дело простое.
Даже из Готтентотии житель
Поймет.
Ну чего впадать в раж?!
Пока вы с аршином в ноздре бежите,
У Крокодила
С хвоста
Вырастает тираж.
Мораль простая,
Проще и нету!
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА «КРОКОДИЛА»
И НА «РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ»!

№ 4, 1922 г.

Н. Москвин
НА ЛЕВОЙ ВЫСТАВКЕ
Заметки «неспециалиста»

— Ты сейчас свободен?

— Свободен. А что?

— Пойдем заглянем на выставку левых.

. . . . . .

Вошли.

При входе я зацепил рукавом за какую-то жестяную трубу. Она со скрипом вздрогнула.

Мы невольно обернулись.

Перед нами было что-то темное, мрачное…

Хищный конус пронзал бок мирно спящего куба. Клубок жестяных труб, подобно удаву, предательски впился в ребро куба.

— Что это такое? — спросил я у своего друга-художника.

— Это? Это скульптура.

— Да что ты — какая же это скульптура?

— А что же, по-твоему?

— Да просто еще несобранная печка. Разве ты не видишь, вот сюда кладут дрова… вот труба…

задвижка.

— А конус?

— Гм, конус… Возможно, это какой-нибудь усовершенствованный дымоход.

— Тебе нравится «Жница»?

— Где?

— А вот напротив.

— Ты серьезно уверен, что это жница? — спросил я.

— Ну, конечно, если женщина с серпом в руках стоит около ржи, то, вероятно, она жница. Но это неважно, лучше посмотри, как художник гениально разрешил стационарность фигуры. Ему нужно было изобразить фигуру, крепко и прочно стоящую на земле. Как же он это делает? А чрезвычайно просто: увеличивает ступню ноги в три раза. И вот эти две ступни у жницы, которые ты, вероятно, по простоте своей, принял за копыта носорога, на самом деле являются исходным пунктом к пониманию гениально выполненной задачи.

Дальше набрели на большое полотно с зеленым рабочим. Я хотел было тайком пройти мимо, но мой друг схватил меня за рукав.

— Подожди, осталась еще целая комната, самая интересная.

В комнате на стенах плясали цветные треугольники, тупо смотрели черные квадраты. Мы остановились перед небольшим полотном и тихо

замерли.

На хорошо покрытой белой поверхности была приклеена конфектная бумажка; из-под нее кокетливо смотрел обрезок кружев; громадная пасть ножниц намеревалась проглотить бедную бумажку и кружева.

На куске ситца, приклеенного в углу картины, мы заметили иголку и великолепно написанную катушку ниток.

— Нравится?

— Как тебе сказать…

— Ну, ты, вероятно, не понял замысла этой картины. Видишь ли, гнилой реалист для того, чтоб изобразить портниху за работой, первым делом написал бы самое портниху, а затем иголки, нитки и прочее… Все это банально и неинтересно. А вот этот талантливый левый художник подходит к такому же сюжету смелее и красочнее. Ты видишь, самой портнихи нет, есть только ее «орудия производства». Пойми только, какая великая социальная мысль!.. Человек убит машиной. Личность растворилась в «орудиях производства» — ее нет. Вот эта конфектная бумажка, что ты видишь, — это слабость человеческая, последний крик умерщвленной личности.

Портниха съела конфекту — бумажка осталась

на ее рабочем столе. Художник и налепил ее здесь, чтобы показать, что личность еще существует, но существует только в своей слабости…

У двери я опять зацепился за хищный конус. Он вздрогнул.

№ 19, 1923 г.

Валентин Катаев
КИНОМИТЬКА

Митька — папиросник.

Однако это не мешает Митьке вести шумную великосветскую жизнь, полную захватывающих интриг, запутанных авантюр и жгучего шика.

Уж такой человек Митька.

Ничего не поделаешь!

Вечером Митьку можно видеть на третьих местах дешевого кинематографа.

Митька возбужден. Глаза у него горят. Он топает ногами и кричит:

— Пора! Даешь Мабузу! Даешь Чарли Чаплина!

Кино — это академия, где Митька учится красивой жизни.

Днем Митька торгует папиросами у почтамта.

Лицо у него напряженное и крайне озабоченное. У него масса дел: во-первых, не выпускать из виду милиционера, во-вторых, не пропустить покупателя, в-третьих, ухитриться свистнуть у зазевавшейся бабы булку и, в-четвертых, квалифицировать прохожих.

Это самое главное.

В глазах Митьки прохожие делятся на Мабуз, Чарли Чаплинов, Билли, Мэри Пикфорд, Конрадов Бейтов, Коллигари, Мозжухиных, сыщиков, миллионеров, преступников и авантюристов.

Вот из вагона трамвая выскочил изящный молодой человек в широком пальто, кепи, полосатом шарфе, с трубочкой. Несомненно, этот человек принадлежит к разряду сыщиков — Гарри Пиллей.

Митька не сомневается в этом. Для Митьки ясно, как ириска, что молодой человек преследует важного государственного преступника. У него нет времени купить у Митьки спичек.

Сыщик перебегает улицу. Ага! Он догоняет человека, который садится в экипаж. Попался голубчик! Митька бросается к месту происшествия, рискуя попасть под автомобиль, и останавливается около сыщика и преступника.

— Послушайте, Саркизов, — взволнованно говорит Гарри Пилль, — два вагона муравьиных яиц франко Петроград… Накладная в кармане, я только что звонил в трест… Сорок процентов и ни копейки меньше.

Но у Митьки нет времени дослушать до конца. Его внимание отвлечено другим.

Мимо почтамта быстро-быстро бежит золо-

товолосая девушка, прижимая к груди вагон толстых книг.

Конечно, это Мэри Пикфорд, только что выгнанная из дома своего злого дяди. Бедняжка! Ее так жаль!

Митька не сомневается, что она сейчас сядет на тротуар и заплачет. Митька уже готов подбежать к ней и подарить самую лучшую папиросу, но в этот миг возле Мэри Пикфорд вырастает великолепный экземпляр Конрада Вейта.

Митька останавливается, затаив дыхание.

Конрад Вейт берет под руку Мэри Пикфорд.

— Здравствуйте, Соня, ну как дела?

— Здравствуйте, товарищ Кошкин. Какая совершенно случайная встреча!

Мэри Пикфорд ужасно краснеет.

— Товарищ Кошкин, у вас нет ли учебника политграмоты? У меня позавчера Левка свистнул.

Но Митька уже занят другим: с извозчика слезает чудесный, толстый, преступный доктор Мабузо.

Митька знает, что доктор Мабузо курит исключительно «Посольские» и платит, не торгуясь. Он кидается к нему и попадает головой в живот милиционера. Митька панически взмахивает руками, круто поворачивается, топчется на месте

и стрелой летит к Чистым прудам.

— Стой, постреленок! — кричит сердитый милиционер.

Но Митька ничего не слышит.

Ветер свищет в ушах, сердце колотится, захватывает дух, и Митьке кажется, что он Чарли Чаплин и что за ним гонится по меньшей мере рота полисменов на мотоциклетах…

№ 29, 1923 г.

Н. Иванов-Грамен
СЕРЬЕЗНЫЙ ПОДХОД

Товарищ Заведующий пригласил меня к себе в кабинет:

— Садитесь, пожалуйста… Курите? Ну-с, дело тут вот какого рода… В настоящее время, как вам известно, поставлена на очередь борьба с бюрократизацией и с другими нездоровыми извращениями нашего аппарата. Печать, как вам известно, неоднократно указывала, как на вопиющее зло, на чрезмерное количество всевозможных комиссий и совещаний и на так называемое «анкетное наводнение». Вы, конечно, читали статью этого самого… как его?..

Я подтвердил, что читал.

— Ну вот. Я, со своей стороны, не могу не признать, что и нашем ведомстве все эти комиссии за последнее время приняли характер стихийного бедствия. Лично мне, например, приходится ежедневно заседать в 36 комиссиях, что, если даже класть на каждое заседание только по два часа, отнимает у меня не менее 72 часов в сутки! Вы, конечно, понимаете, насколько затруднительна

и насколько вместе с тем необходима решительная борьба с таким ненормальным положением дела?..

Я подтвердил, что понимаю.

— Ну вот… Вы человек у нас новый, свежий и в некотором роде причастный к периодической прессе. Вся наша беда, видите ли, в том и заключается, что к борьбе с бюрократическим злом мы подходим с бюрократическими же приемами… Думаю, что вы, как свежий человек, сумели бы подойти иначе. Попробуйте наметить ряд конкретных и действительных мер, приняв, конечно, во внимание все особенности нашего аппарата, и представьте проект! А?

— Сейчас? — спросил я.

— Нет, зачем же сейчас… Я жду от вас серьезного и продуманного подхода к делу. Сегодня у нас третье?.. Ну, к двадцатому!

К возложенной на меня задаче я отнесся внимательно, честно, добросовестно и горячо.

— В чем дело? Ах, да: сегодня у нас двадцатое! Ну-с, итак?.. — спросил товарищ Заведующий.

— Брандспойт, — сказал я.

— Бранд… что?!

— Пожарная кишка. Если у нас ее нет, то нужно ходатайствовать, чтоб дали во временное поль-

зование. Лишних штатов не требуется: к кишке можно приставить за небольшое добавочное вознаграждение любого курьера. Курьеру вменяется в обязанность разузнавать, в какой комнате и в какое время будет заседать комиссия. Он заблаговременно прилаживает кишку и, как только комиссия засядет, окатывает всех струею воды. Небось, в другой раз не станут собираться!.. Но, конечно, это мероприятие нужно проводить с неуклонной решительностью, не допуская никаких изъятий и послаблений.

Товарищ Заведующий усмехнулся (как-то криво) и сказал (как-то сухо):

— Господи, вздор какой невероятный! Нет, серьезно: вы надумали что-нибудь? Предупреждаю, что у меня мало времени: в два часа я должен быть на совещании.

Я пожал плечами:

— Уж если и это, по-вашему, недостаточно серьезная мера… Впрочем, у меня есть еще один проект, но он, по-моему, несколько отдает бюрократизмом. Нужно издать и довести до всеобщего сведения два строжайших циркуляра…

— Ну, ну! — оживился товарищ Заведующий. — Какие же именно?

— Циркуляр № 1: «Безусловно и строжайше

воспрещается устраивать какие бы то ни было заседания комиссий и совещания в служебное время. Виновные в нарушении сего подлежат…»

— Чему?

— Я еще не придумал. Хорошо бы, конечно, обезглавить их, но этого, пожалуй, не разрешат… Ну, затем циркуляр № 2: «Безусловно и строжайше воспрещается устраивать заседания комиссий и совещания также и во внеслужебное или какое бы то ни было иное время». Пускай тогда попрыгают!.. Посмотрел бы я, как они тогда изловчатся улучить минутку и заседнуть!..

Заведующий сказал:

— Хорошо, отложим наш разговор до двадцать пятого. Это последний срок. Предупреждаю, кроме того, что у меня нет времени выслушивать совершенно неуместные глу… шутки! Кто не умеет или не хочет серьезно отнестись к делу, тот, по моему, не должен и служить!

Мне не очень хотелось служить. Кроме того, независимо от моих желаний, меня наметили к сокращению. Я решил, что терять мне все равно нечего, и подал товарищу Заведующему дерзко-издевательскую докладную записку:

«Принимая во внимание… и т. д., пола-

гаю необходимым:

1) в срочном порядке создать особую комиссию по разработке мероприятий для сокращения числа имеющихся комиссий; 2) в целях скорейшей разработки штатов и определения состава проектируемой комиссии в срочном порядке назначить штатно-составную комиссию; 3) в целях борьбы с т. н. «анкетным наводнением» разработать и разослать на места анкету с вопросами о количестве анкет, заполняемых на местах, о количестве анкет, самостоятельно разрабатываемых местами, и т. п.».

— Ну, вот и прекрасно! — сказал товарищ Заведующий. — Вот это я называю серьезным подходом к делу. Как видите, я не ошибся, поручив составление проекта именно вам!..

Затем, подумав, он добавил:

— Одно только замечание… Анкета об анкетах — это хорошо, но для разработки такой анкеты необходимо, по-моему, созвать специальную комиссию. Как вы думаете, в каком составе?..

— Думаю, — сказал я, — что для обсуждения состава комиссии следовало бы назначить совещание.

№ 30, 1923 г.

Б. Левин
БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ

Последним взял слово тов. Голова. Тот самый, у которого в анкете на вопрос, с какого года в партии, значится: официально с 20-го, а неофициально с 1908 года.

Заранее ехидно улыбаясь, он начал:

— Итак, товарищи, разрешите и мне высказаться по поводу наболевшего вопроса, а именно бюрократии. Как раз только вчера мне нужно было пройти к замзаву тов. Лисенко, который здесь находится и может подтвердить мои слова, чтоб подписать заявление о выдаче мне аванса. Два раза ходил, а он все занят. Извольте видеть — разговаривает со спецом, а как нашему брату рабочему, так нельзя. Я хоть сам и не рабочий, но все-таки как муж моей сестры еще до империалистической бойни содержал парикмахерскую… и вот я говорю, товарищи, нужно шире открыть двери и окна. Необходимо так сделать, чтобы наши преды и завы не прятались в кабинетах, чтоб к ним был свободный доступ, а не ждать, пока секретарю вздумается доложить. Да! Это

раз, а во-вторых, необходимо связаться с низами. Вот, скажем, я, здесь многие товарищи могут подтвердить, какая колоссальная связь у меня с массой, т. е. с низами. Что-нибудь, так сейчас: «Тов. Голова, объясни!» «Тов. Голова, вызволи, тов. Голова, дай закурить!» Я не хвастаюсь, потому мы, рабочие, не привыкли хвастаться, но это так. А правды не боюсь и буду говорить, что будет, то будет. Почему, скажем, 14-й разряд должен оплачиваться меньше, нежели 16-й?.. Но это денежный вопрос, а всем известно, что я не шкурник, мне на каких-нибудь два червонца плевать. Итак, вопрос стоит ребром: долой бюрократию, смерть казенщине!

* * *

Ровно через месяц тов. Голова сидел в кресле, курил и озабоченно морщил лоб, рассматривая объявления «Известий». У дверей его кабинета, на которых было вывешено: «Без приглашения не входить, член правления Брахлотреста Голова», — сидели посетители и надоедали секретарю:

— Доложите, пожалуйста, очень срочно.

— Дело стоит, необходимо видеть…

— Очень прошу вас, товарищ, пропустите.

— Говорят вам, что нельзя. Занят! — огрызался секретарь.

— Сами знаете, пятый день хожу. Из провинции приехал.

— Ну ладно, сейчас справлюсь! — смилостивился секретарь и прошел в кабинет, а вместе с ним проскочил и один из посетителей.

* * *

Тов. Голова, увидав незнакомца, в ярости набросился:

— Это что такое?! Вас кто просил?!

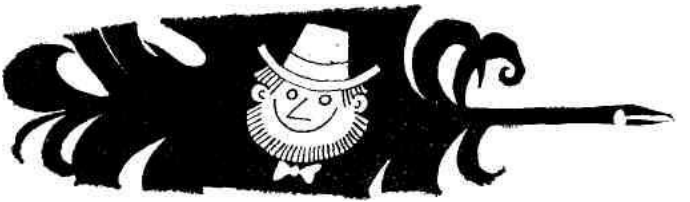
— Да я сам, простите, но крайность…

— Прошу покинуть кабинет и соблюдать очередь! Терпеть не могу партизанщины…

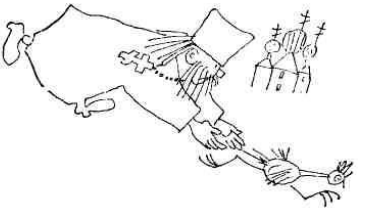
— Черт знает что такое! Бюрократизм, казен… — бормотал поспешно уходящий посетитель.

— Что-о?! Прошу не выражаться! — рассердился Голова. — А вы чего там смотрите, еще секретарь! Впредь не имейте привычки вваливаться в кабинет, пока вас не позову. А если нужно, то сначала звоните по телефону. Ступайте, я вам об этом сообщу в письменной форме.

№ 2, 1924 г.



1925—1940



1925-1940

Н. Карпов
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АГАФЬЯ

Домой со схода Потап Лушкин вернулся мрачный, как грозовая туча.

— Тятька, а мамка где? — спросил маленький Гришутка.

— Мамка? Эх, милай… Мамку-то нашу… — швыряя шапку на лавку, со слезами в голосе заговорил Потап, — мамку-то… в председатели выбрали… Вот оно какое дело-то!

Напуганный его зловещим тоном Гришутка заревел густым басом.

— Гришенька! Ты что плачешь, дитятко? — спросила с печи бабка.

— Мамку… в председатели… забрили!.. — захлебываясь от слез, проревел парнишка.

— Ах, батюшки! — заныла бабка. — Вон горюшко… Видать, светопреставление начинается. Бабу и чтоб в председатели! Слыхано ли это?

Потап тоскливо оглядел плачущих домочадцев, схватил шапку и пошел к куму Евсею Пузину.

Войдя в избу, он снял шапку, сел на лавку и уныло пробормотал:

— Ну и дела! Не жисть, а жестянка!

— Што ж такое стряслось с тобой, кум? — спросил Евсей.

— Аль не слыхал? Бабу-то мою… Агафью… тово… в председатели выбрали! — со вздохом отозвался Потап.

— Выбрали? Ну и распрекрасное дело!

— В каких же это смыслах и на каком хвакте, чтобы, значит, распрекрасное? — угрюмо спросил Потап, искоса посматривая на кума. — Оно, конешно, над чужим горем легко надсмешки да смехунчики выстраивать!..

— И никаких тут нет надсмешек, — перебил его Евсей. — Ты раскинь мозгами, кум! Окромя пользы, тебе от эстаких делов ничего не будет. Перво-наперво, как твоя баба председатель, тебе всяческое уважение от гражданов и всякие полегчения насчет очередных подвод и налогов. Потом жалование какое ни на есть она получать будет. А окромя всего прочего, и дружкам своим через бабу свою ты полегченье сможешь исделать. Вот, к примеру, у меня есть хороший препарат. Препарат прямо выдающий, самосильно два ведра самогону в сутки гонит! Пока от большого шуму я его в овине схоронил, а теперь, ежели ты своей бабе словечко замолвишь, достану его и буду в

пользу производить. И ты будешь сыт, и я тоже. А на магарыч я чичас бутылочку хорошенького самогону достану. Тяпнем, кум?

— Ну-к што ж, — заговорил Потап, у которого отлегло от сердца, — оно, пожалуй, верно, кум. Правда, чудно как-то: баба моя единоутробная — будем так говорить — и вдруг председатель. Ну, и выпить я могу. И словечко бабе могу замолвить. Она хоша и баба, а власть, ничего не поделаешь! А я, выходит, ейный муж. Верно говорю, кум?

Поздно ночью, пошатываясь, Потап вошел в избу. Чиркая спичками, он громко заговорил:

— Лампу вздуть надо. Почему темно? Почему такое? Жена! Агафья!

— Здесь я! — отозвалась Агафья с полатей. — Что тебе надобно? Ложись спать, проспись, а то наглохтился, как свинья!

— Кто свинья? Кто наглохтился? — грозно вскричал Потап. — Хоша ты и председатель, а дома ты мужняя жена, и я могу даже в крайности за волосья да об угол! В Совете ты председатель, а здесь моя единоутробная Агишка — и вся недолга! А как ты есть жена и обратно председатель, то и жалаю я тебе сделать предлог, а ты должна эфтот предлог самый исполнить. Был я чичас у кума Евсея, двистительно, пил самогон и, двистительно,

есть у кума плепарат, коим он будет пользу производить. А пока плепарат этот в овине спрятан. И должна ты куму Евсею полегченье исделать и его плепарат ему оставить. Чтобы, значит, без никаких обысков и неприятностев было ему фактически слободно. Поняла, аль тупо?

— Поняла! — отозвалась сонным голосом Агафья. — Ложись уж…

Утром Потап проснулся с головной болью.

— Эх, елки зеленые!.. — пробормотал он, почесывая затылок. — Здорово, видать, вчера у кума урезали. Гришутка, а где мамка?

— В Совет ушедши, — ответил парнишка. — Корове замесила, печку истопила и ушла. А завтрак тебе бабка подаст.

Потап уже собирался снова завалиться спать, но в избу вошел десятник с палкой и сказал:

— Иди в Совет, Потап, тебя председатель требует!

— Какой председатель? — с недоумением взглянул на него Потап.

— Товарищ Агафья Лушкина, вот какой.

— Да это ж моя баба! — ухмыльнулся Потап.

— Это нам известно, — сказал десятник, — а, промежду прочим, требует тебя — и весь сказ. А наше дело подначальное.

Потап, ухмыляясь, надел шапку и пошел с десятником.

Когда он вошел в Совет, улыбка сбежала с его лица и глаза пугливо замигали. У дверей толпились десятники, за столом сидела Агафья, а перед ней стоял навытяжку Евсей Пузин. В стороне на полу валялся самогонный аппарат. Агафья строго внушала Пузину:

— И довольно даже стыдно, гражданин Пузин, заниматься этакими делами. Чичас отправлю тебя вместе с плепаратом в волость для составления протоколу. А теперь иди сюда ты, товарищ Потап. Как мне известно, что ты имеешь приверженность к самогону, то ставлю тебе тюльтимат, чтобы, значит, с этого текущего момента никаких самогонов! А за то, что ты вчера был выпивши, назначаю тебе первую очередную подводу.

— Агаша... ты постой, Агаша, — робко заговорил Потап.

— Никакой тут для тебя нет Агаши! — резко оборвала его Агафья. — Твоя Агаша у тебя в избе. А здесь председатель. Понял? Можешь увольняться домой!

Потап вышел из Совета, бормоча себе под нос:

— Ну и дела!..

Вечером, когда Агафья вернулась из Совета,

он подошел к ней и заискивающим тоном заговорил:

— А знаешь, Агаша, меня седни председатель вызывал в Совет.

— Да ну? — удивилась Агафья.

— Вызывал, верно говорю. И в первую очередную подводу назначил. А лошаденка-то у нас, сама знаешь, прицапывает на правую переднюю. Беда, да и только!

— Ну, ладно, я попрошу председателя, чтобы снял с тебя первый черед, — усмехнулась Агафья.

Потап развеселился.

№ 16, 1923 г.

Мих. Козырев
ЩЕТКА

Пелагея Тыркова, натирая мочалкой пол того учреждения, в котором она служила уборщицей, сказала находившемуся здесь сторожу:

— Хоть бы щетку купили, позаботились. Только зря спину гнешь! То ли дело со щеткой!

— Дура ты, — покровительственно ответил сторож. — Сказала бы коменданту — давно бы купили…

Утром Пелагея встретила помощника коменданта.

— Щетку бы мне купили, — неуверенно сказала она.

— Какую щетку?

— Поты мыть… Жесткие такие щетки есть… На палке…

«Что за щетка такая полы мыть? — подумал помощник коменданта. — Ну, я понимаю — швабра. Ну — метла… А то что выдумала — щетку!»

— Щетка — дело небольшое, — ответил он. — Только я за свой страх не могу. А вдруг отвечать придется? Спроси у коменданта!

Комендант выслушал Пелагею очень внимательно.

— Щетка? — переспросил он. — Вот хорошо! Надо купить…

— Купите, товарищ комендант… Невелик расход…

— Ну, конечно, куплю… Гм… Только вот что: напишите мне бумажку, что, мол, нужна щетка… Порядок все-таки…

Бумажку написал сам комендант, а Пелагея только расписалась под ней крупными корявыми буквами и ушла.

Комендант отложил бумажку на край стола и задумался.

«Щетка, — подумал он. — Какой же это расход? Домоуправления? Нет! Пелагея моет прихожую и полы в канцелярии… Значит, это канцелярский расход… А к тому же пол будто бы относится к самому дому и, следовательно, в моем ведении… Нет, этот вопрос необходимо согласовать, — решил он. — Произведешь расход, а его и не утвердят, и тебе же нагорит. Тем более, нет у меня такой ассигновки — на щетки…»

Он взял бумажку и побежал к управделами. Управдел брезгливо прикоснулся к бумажке:

— Уборщица? Сама написала? Я всегда говорил,

что надо будить инициативу! Я это в докладе поставлю… «Даже уборщицы начинают понимать, что они работают в Советской стране… Каждая кухарка…»

Управдел взял перо, и оно быстро запрыгало по бумаге.

— А как же со щеткой? — спросил комендант.

— Что? Щетка? — удивился управдел. — Щетка — расход, а я расходных документов не подписываю… И вообще не могу взять на свою ответственность… Сходите к бухгалтеру…

Бухгалтер достал смету и долго искал соответствующую графу.

— Не предусмотрено, — ответил он, передавая бумажку коменданту.

— Пустяк, подпишите — и все, — ответил комендант.

— А если пустяк, так подпишите вы… Зачем я отвечать буду?

Комендант замялся.

— Не знаю… Как же я сам… Ответственность все-таки…

— А, ответственность, так и я не хочу отвечать… Из-за какой-то там щетки… Ну, ладно, доложу заведующему…

Заведующий только что окончил весьма непри-

ятный разговор по телефону и был расстроен.

— Щетка? Накладной расход? — спросил он.

— Пустяк… Полтинник какой-нибудь…

— Сегодня щетка, завтра щетка, а послезавтра пылесос потребуется… А полтинник или рубль — значения не имеет. Важен принцип… Впрочем, — закончил он, — я этот вопрос в общем масштабе на коллегии поставлю… Пусть она отвечает…

И, свалив с себя ответственность, успокоился.

* * *

Вопрос о щетке быстро пошел по инстанциям. Коллегия, наткнувшись на этот вопрос, даже не читая, отложила его:

— Связано с денежными ассигнованиями… Не предусмотрено сметой. Доложить в наркомат.

Вместе с другими бумажка, подписанная Пелагеей, поехала в наркомат. Теперь это была уже не бумажка, а целый вопрос: «Об изменении сметного расписания расходов в связи…» С чем в связи — неинтересно. Вероятно, в связи со щеткой.

— Ну, и головотяпы же, — сказали в наркомате. — Беспокоят такими пустяками… Сколько денег на переписку ухлопали…

И «вопрос об изменении сметного расписания...» прибыл в учреждение с таким ответом:

> «Делаем вам выговор за непроизводительную трату... Надеемся, что впредь... В то время, когда борьба с бюрократизмом...»

Одним словом, в ответе было все, что полагается.

Пелагея долго ждала ответа на свое заявление и наконец не вытерпела, спросила у коменданта:

— Щетка-то как же? Забыли?

— Забудешь ее, — злобно ответил комендант. — Целый скандал с этой щеткой! Выговор за нее получили!.. А тут еще покупай! Уходите вы с глаз долой со своей щеткой!

№ 3, 1927 г.

И. Абрамский
ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Товарищ Мерлушкин очень занят. Пятый день перед ним на столе лежит циркуляр о подготовке к зиме. В окно кабинета стучится нудный и мелкий осенний дождь.

Мерлушкин берется наконец за циркуляр и начинает сосредоточенно вчитываться: «Проверить готовность предприятий к зиме».

Мерлушкин поднимает телефонную трубку.

— Танюша! Пора готовиться к зиме. Как быть с твоей шубой?.. Что? Воротника нет?.. Хорошо, записано!

Он звонит по телефонам, ездит, долго ведет в магазине дискуссию о преимуществах выдры перед черно-бурой лисицей и, наконец, к вечеру возвращается домой, победно размахивая воротником из крашеной кошки.

Наутро циркуляр снова маячит перед его глазами.

«Необходимо утеплить все производственные помещения».

— Как я мог об этом забыть? — ужасается

Мерлушкин. — Это же, по существу, основная проблема!..

И он уже советуется с завхозом, шепчется с управделом и оживленно беседует со старшим агентом. К концу трудового дня портфель туго набит войлоком для обивки входной двери его квартиры и первосортной замазкой для окон.

Мерлушкин облегченно вздыхает и снова возвращается к циркуляру. Но ему не дают сосредоточиться.

— Товарищ Мерлушкин, что у вас сделано по проверке овощехранилищ?

— Дорогие товарищи, — начинает привычно декламировать он, — я не могу разорваться, у меня только две руки и две ноги…

Не успел еще уйти сотрудник, как мозг Мерлушкина лихорадочно заработал:

— Как бы не остаться на зиму без квашеной капусты. До сих пор у Маруси нет кадушки…

И он лаконично отмечает в своем блокноте: «Тов. Ангельчиков — кадушка».

Ртуть в термометре катастрофически падает. И уже по утрам морозные ветры взапуски бегают по улицам.

Мерлушкин торопливо поднимает воротник. Он спешит: времени для подготовки к зиме оста-

ется все меньше и меньше. По дороге он заходит в театральную кассу и запасается абонементом в оперу на зимний сезон.

Обтрепавшийся, постаревший циркуляр продолжает лежать на столе. Мерлушкин дочитывает его последние строки:

«Вся работа по подготовке к зиме должна быть закончена не позднее 10 ноября».

Глаза его перебегают на листки календаря, уже перешагнувшие в ноябрь.

— Как я устал! — вдруг решает Мерлушкин. — Заработался. Изнервничался…

Мерлушкин отправляется в местком.

— Должен же и я когда-нибудь отдохнуть! — вздыхает он. — У меня только две руки и две ноги. Путевку мне, путевку!..

И вот Мерлушкин прощальным взглядом осматривает свой стол: сонная осенняя муха, последняя муха сезона, на лету замертво падает в чернильницу; сморщенный, пожелтевший циркуляр снова назойливо лезет в глаза.

Мерлушкин сердито хватает ручку и, волоча пером захваченную в чернильнице муху, пишет резолюцию:

«Тов. Пастухову. Ввиду моего отъезда в

отпуск прошу выполнить к сроку. Мерлушкин».

Собственно говоря, Мерлушкин уже свободен: дела сданы, осенне-зимняя кампания закончена, впереди лазурное Черное море.

Он возвращается домой и внимательным, хозяйским глазом окидывает плоды своих трудов: в квартире пахнет свежей замазкой, дверь аккуратно обита войлоком, аппетитные кадушки заботливо поставлены на кухне, и роскошная крашеная кошка отныне прочно связала свою судьбу с жениной шубой.

— Есть от чего устать, — вздыхает Мерлушкин. — Но зато подготовка к зиме закончена блестяще…

№ 19, 1928 г.

А. Чикарьков
ШУТКА

Четыре часа дня. В продуктовом магазине кооператива «Коммунар» ни одного покупателя. Тихо. С визгом отворяется дверь, и входит старушка с сумочкой.

— Лавровый лист есть? — спрашивает она.

— Есть… как же!.. — отвечает продавец.

— По сколько даете?

Продавец посмотрел на старушку, на стоявший подле него полный мешок с лавровым листом, улыбнулся про себя и ответил:

— По десяти граммов, гражданка, выдаем… Но из уважения к вам и принимая во внимание ваше пролетарское происхождение вам выдадим, сколько пожелаете…

Старушка беспокойно посмотрела на продавца, подумала и сказала:

— Дайте мне тогда полкило!

Получив полкило, старушка, кряхтя, потащила лавровый лист домой. По дороге она встретила соседку:

— Анисьюшка… беги скорей в «Коммунар», там

лавровый лист выдают… по десять граммов. Беги скорей, пока не расхватали… Мне, вот спасибо, продавец такой хороший попался… полкило дал… потому, говорит, уважаю вас очень… А я…

Соседка Анисьюшка, не дослушав, стремглав побежала в «Коммунар».

Через десять минут в кооперативе было полно народу… Все спрашивали десять граммов лаврового листа. Пришлось установить очередь. Скоро очередь стала расти, вышла на улицу, растянулась на пять домов… Начались скандалы.

Завкооп, услышав шум, прекратил манипуляции со счетами, вышел из своей комнатки и обратился к продавцам:

— Ребята, в чем дело?

— Сами не понимаем, — ответили продавцы, — кажется, совсем ошалел народ… Все по десять граммов лаврового листа спрашивают, и больше ничего!.. И если бы лаврового листа этого не было, тогда понятно, а то этого добра еще лет на десять хватит! А они, как чумовые, настановилися.

Завкооп минуты три посмотрел на происходящее, затем взобрался на бочку из-под сельдей и крикнул:

— Граждане, одну минуточку внимания!.. С чего это вы в очередь установились? Ведь у нас

сегодня все есть.

— Как все есть, что ты арапа заправляешь?.. — раздалось сразу несколько голосов. — А лавровый лист?.. По десяти граммов только выдаете, хватит ли на всех? Слезай лучше с бочки!.. Помогай отпускать!

— Позвольте, граждане, как лаврового листа нет?.. Кто сказал, что по десяти граммов выдаем?.. Да берите вы его хоть по двадцать кило!.. Пожалуйста, обсыпайтесь им! Пожалуйста, берите, сколько хотите… Ну, берите! Что же вы?..

— Да нет, тогда нам его не надо, — загудели в очереди, и все стали расходиться.

Через несколько минут кооператив опустел.

№ 41, 1928 г.

А. Зорич
В АЛТАРЯХ

Верующие деревни Вятские Поляны недовольны своим церковным причтом и попом. Они жаловались сарапульскому архиепископу, указывая, что их поп — скрытый обновленец. Признаков этого обновленчества указано было три: во-первых, поп обстриг волосы, во-вторых, он ворует деньги из церковной кружки, и, в-третьих, удаляясь во время службы за врата царства, он неизменно вступает с дьячком в алтаре в мирские споры, употребляя при этом выражения, отнюдь не располагающие к смиренномудрию и душевной кротости православных христиан. Так, например, упрекая дьячка в покраже моркови с церковного огорода, он обзывает его рябой мордой и грозит лишить ангельского чина. Дьячок же утверждает, напротив, что сам поп гусиным пером вылавливает деньги из кружки, что он обмерял огород иудиной саженью и что вообще вместо того, чтобы носить крест и рясу, ему давно пора бы уже с бритой башкой возить землю в тачке на злой каторге. Диалоги их бывают явственно

слышны и в церкви и неизменно заканчиваются тем, что дьячок, вооружась крестом и став в боевую позу, вызывающе говорит попу из притвора:

— А чи не пойдете вы, отец Гавриил… знаете куда?

Тогда поп хватает чашу с телом и кровью христовыми, и они начинают возиться, срамя звание и божье место, вокруг святого престола.

Псаломщик тщетно пытается скрыть это от взоров прихожан, задергивая рваненькую занавеску на райских вратах…

Сарапульский архиепископ, которому была подана жалоба, ответил, однако, что он не усматривает еще в этих прискорбных фактах признаков пагубного обновленчества, и в просьбе о смещении священника отказал. Частным же образом, через третьих лиц, церковному старосте полянской церкви стало известно о некоторых интимных отношениях сарапульского владыки с легкомысленной супругой суетного обновленца.

Тогда староста собрал церковный актив и поставил вопрос о кумовстве и протекционизме, разъедающих засоренный аппарат епархии. Именно так и было сформулировано! Обсудив вопрос о язвах церковного строительства, актив постановил придать этому делу обще-

ственную огласку, опубликовав материалы в… центральном органе партии — в «Правде» и в «Крокодиле».

Самокритика! Невзирая на лица! Пусть живой контроль масс оградит от бюрократического загнивания епархиальный аппарат! Пусть решительное вмешательство здоровых церковных низов положит предел разложению оторвавшейся от паствы архиерейской верхушки! Левым ревизионистам евангельского наследства и закомиссарившимся бюрократам надо дать по рукам!

> «…Приход просит «Правду», одновременно доводя об изложенном до сведения митрополита Петра, дать накачку кому следует, а также продуть сарапульского архиепископа и попа Гавриила в «Крокодиле». Иначе религия в нашей волости, и без того малая, рухнет окончательно. Архиепископ толстый, с большой пузой, который ужасно любит поповских жен; поп ростом высок, худощав, ходит как козлище; председателя церковного совета и секретаря, каковые держатся также точки архиепископа, рисовать в ветхой

одежде и пьяными под забором. Номера газет и журнала выслать по адресу...»

Интересен здесь не живописный поповский быт, конечно. Кто же не знает его, пьяненького, лживого, грязного, убогого, жадного и трусливого сельского попа? Преподобные лесковские старички священники, которые так искренне и твердо верили в божье произволение, что брали с собой зонтик и калоши, отправляясь молебствовать о дожде, давно перевелись на Руси. Нынешний поп не верит сам и никого не может заражать верой; он просто торгует нехитрым семинарским умением бубнить славянские тексты с амвона. Народ давно разгадал и презирает его лживую сущность, утверждая, что «поп и цыган живут обманом».

Интересно даже и не то, что церковный актив пытается открыть дискуссию по «больным вопросам церкви» в органах Коммунистической партии.

Замечателен новый язык, которым начинают говорить церковники, те чисто советские методы, к которым они обращаются, пытаясь оживить агонизирующий церковный организм. И попы и прихожане всячески ищут путь, на котором удалось бы сблизить церковь с жизнью, незаметно и постепенно внедрить ее, видоизменяя, в советский быт. Не так давно в газетах сообщалось, что съезд духовенства в Сибири обязал всех отцов этого края в кратчайший срок проштудировать… Маркса и Ленина. Вероятно, вскоре им придется сдавать политграмоту в особой епархиальной комиссии: что вы можете сказать, отец Елпидифор, об эпохе «Звезды» и «Правды»?.. В последнюю годовщину Октябрьской революции в Орше, в соборе, был отслужен «красный молебен»; попы молились о всех… «созидающих социализм» и вначале хотели даже предать анафеме шахтинских вредителей. Потом их заменили просто «злобствующими» и «недругами». И мы не удивимся, если попы в Орше станут прорабатывать с амвона правый и левый уклоны и контрольные цифры Госплана.

№ 48, 1928 г.

А. Твардовский
СИДЯТ И СМОТРЯТ

С праотцовскими вещами,
Сидя вместе,
Чинно слушают мещане
Наши песни.

Сохраняя мир домашний,
В окна смотрят,
Как идут колонны наши
В общем смотре.

Голоса ли, шум ли, крик ли, —
Будь, что будет:
Ко всему они привыкли,
Эти люди.

На знамена посмотреть им
Так ли трудно?
Интересно, как и детям, —
Многолюдно.

Приходилось им когда-то,

Скуки ради,
Посмотреть, как шли солдаты
На параде.

Демонстрация проходит —
Разве страшно?
Смотрят, споря о погоде
О вчерашней.

Голоса ли, шум ли, крик ли, —
Будь, что будет:
Ко всему они привыкли,
Эти люди.

Смотрят папы,
Смотрят мамы,
Смотрят смело.
Ведь не треснут
Стекла в рамах, —

Будут целы!

№ 40, 1929 г.

А. Архангельский
О БАРАБАНЩИКЕ

Не только в наш ударный год,
Но в годы прошлые и раньше,
Когда отряды шли вперед,
Шел с ними также барабанщик.
Он впереди всегда шагал
И палок не держал в кармане,
Но бодро ими выбивал
Сухую дробь на барабане.
И этой дробью он не раз
Прославил трудные походы.
Есть барабанщик и у нас,
Увы, совсем другой породы.
Когда бойцы стремятся в бой,
Плетется он в хвосте отряда
И в барабан свой бьет отбой,
Он бьет отбой, когда не надо.
Идет борьба за промфинплан,
Рабочий класс спешит к победам.

Но, палки положив в карман,
Шагает барабанщик следом.
А чуть прорыв, заминка — вмиг
Засуетится и воспрянет
И в барабан свой за двоих
На весь Союз забарабанит.
Эй, барабанщик! Что с тобой?
Чего ты барабанишь, шалый?
Он бьет отбой.
Он бьет отбой.
Он испугался, бедный малый.
Довольно ловко наш герой
К отбою приспособил палки.
Да, барабанщики порой
Бывают и такой закалки.
Но скоро, что ни говори,
Мы не услышим прежней дроби.
Отбойщик года через три
Найдет себе приют во гробе.
Он бил отбой, отбой, и вот,
Угроблен пятилетним планом,
Он вместе с палками гниет

Под безутешным барабаном.

№ 16, 1930 г.

Вл. Тоболяков
СПОРТСМЕНКА

Спортсменка — это Маня Коржик. А впрочем, много и других.

Долго смеялась Маня, когда осенью мы записывались в спорткружок:

— Еще чего! Семь часов у машины трепись, а потом еще дрыгаться ходи…

— Ничего, — весело отвечал Павлик Сазонов. — В здоровом теле — здоровый дух. Такой дохлятиной не будем…

— И потом знаете, где этот спортзал помещается?

— Ну?

— В бывшей церкви. Вас еще бог накажет за то, что вы там дрыгаться будете…

Как-то на днях Маня подошла ко мне и взяла за руку повыше локтя.

— Погоди, погоди…

— Что, Маня, у меня бицепсы крепкие?

— Крепкие… — пробормотала, как во сне, Маня. — Не кустарная работа.

— Еще бы!.. — самодовольно улыбнулся я, на-

прягая мускулы.

— А где их дают?

— Мускулы? В спорткружке…

— Да не мускулы, а свитер вот этот зеленый…

— А, свитер? Да вчера выдавали в спорткружке… Восемь рублей…

— По заборной или по паевой? — быстро спросила Маня.

— Да нет, только спортсменам… Без всяких книжек…

— Без всяких книжек?.. Постой, постой. Как это?.. В здоровом духе… А меня сейчас примут туда?

— Примут. Только ведь знаешь, Маня, где спортзал помещается? В бывшей…

— В бывшей церкви. Знаю, знаю… Спасибо…

И Маня тотчас же убежала записываться в спорткружок.

Вчера я видел Маню гуляющей по проспекту. На голове ее синела вязаная физкультурная шапочка, зеленый свитер охватывал ее грудь, на ногах чернели добротные конькобежные ботинки.

— Здорово, в здоровом духе! — крикнула мне Маня.

— Записалась в спорткружок? — спросил я.

— А ты разве не видишь?

Я посмотрел на ее напудренное лицо с накрашенными губами.

— Не особенно заметна физкультурница…

— Вот так да! — обиделась Маня. — А шапочка, а свитер, а ботинки? Я уже тут раз напоролась с физкультурой. По неграмотности записалась в плавательный бассейн…

— Это — хорошее дело. Плавание, особенно зимой, очень полезно…

— Вот так польза, ха, ха, ха! — засмеялась Маня. — Какая от него польза, коли там одни только купальные костюмы выдают! Кому их надо? Я думала, хоть вафельные или махровые полотенца без ордера. Зато, зато я очень люблю хоккей…

— Да ведь хоккейный сезон, Маня, еще не начинался?

— Неважно. Уже дают.

— Клюшки и коньки?

— Коньки пока я не взяла, и палки эти, кривули мне ни к чему. Но какие свитера!..

Маня сжала кулачок.

— Но какие ботинки!..

Маня потрясла ладонью.

— А какое теплое белье… Ах, как я люблю хоккей!.. Я хочу сразу в три кружка записаться… Особенно в «Динамо». У них там в буфете бутер-

броды с семгой…

Читатель! Если ты видишь на ногах спорт-туфли, обладатель их может и не быть спортсменом. Он может быть и Маней Коржик.

№ 31, 1930 г.

Зубило (Ю. Олеша)
ГУЛЛИВЕР

На портрете видим мы мужчину
В парике, похожем на овчину,
Подбородок у него пудовый.
Кто это? Какой-нибудь Людовик?
Нос плюс губы — как трефовый туз.
Это Миних?
Или это Брюс?
Но известно, что обманчив вид
И на самом деле это Свифт.

В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера.

Чтоб не лопнул у читавших зоб,
Он писал на языке Эзопа.
Он выдумывал как будто сказку. Просто
Приключения. Какой-то остров.
Потерпел крушение корабль,
И, надежды исчерпав запасы,

Выползает на берег, как краб,
Гулливер —
Единственный, кто спасся.

Все, как в сказке. Много разных тайн.
Остров, кажется, необитаем.
Гулливер, похожий на кузнечика,
Спать ложится. Видит, делать нечего.
Спал и видел дом родной под вязом,
Родину зеленую, овечек,
Не подозревая, что его привязывают
В это время маленькие человечки
(Ясно — сказка, раз такие вещи,
Как микроскопические человечки!).

В детстве так и думали: — О да!
Эта книга для детей подарок...
Столько всяких там чудес напутано
Про гигантов
И про лилипутов!

Гулливер обедать вышел в сад.
Вдруг громадная летит оса
И, как коршун, плавает над тортом —

Гулливер ее сражает кортиком!

Много в этой книге удивительного…
Он потом попал в страну, где люди
Держат голову
В наклонном виде
(Голова лежит при этом, как на блюде!).
Сказочка!
Читать зимой у печки, —
Осы… Великаны… Человечки…
В результате оказалось: где там!
Тут не приключения для деток, —
В каждой строчке издевательство и злоба!
Оказалось, что язык Эзопа…

Вот как приходилось изворачиваться…
Гулливер какой-то, корабельный врач,
Лилипуты… множество историй, —
А на самом деле виги, тори,
Двор, ханжи, ученые, король,
Тупоумии суеверных рой.

В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера.

Мы — в стране гигантов!
Но порой
У подножия гигантской стройки
Возникает лилипутов рой…
Вот он, паразит, вредитель, плут,
Вот он, тупоумец-лилипут!

Мы в стране гигантов, но порой
Люди ходят в ней с наклонной головой
Влево, вправо, — как при Гулливере:
Этот сомневается, а тот не верит…
Великаны мощные растут,
По стране расставленные Планом,
Но порой
Ничтожный лилипут
Вдруг себя
Воображает великаном!

В юбилей наш вспомним кавалера,
Нам придумавшего Гулливера.

У врагов глаза вылазят рачьи…

Пятятся враги, как ящеры...
Нам теперь не надо изворачиваться, —
Мы — сатира,
Не просачивающаяся,
А разящая!

№ 15—16, 1932 г.

Б. Самсонов
ДРУЗЬЯ

Сколько товарищеской заботливости и поддержки оказывают верные друзья!

Как легко и радостно живется при их помощи!

Помню, приехал я в Москву восьмого, а девятого уже пошел на новую службу. Работать, правда, не пришлось, — ходили хоронить счетовода Естомина, но зато в этот день я познакомился с превосходнейшими людьми, вернейшими друзьями усопшего.

Мы шли торжественной процессией по прекрасным улицам столицы. Друзья покойного самоотверженно переносили дождь и трудности уличного движения.

У меня на ходу разыгралась печень, но я крепился. Скорбные воспоминания друзей увлекали меня.

— Жить бы ему да жить! Мы ли не заботились о нем? Мы ли не старались скрасить его жизнь нежной дружбой и преданностью?

— Да. Про покойника нехорошо говорить плохое, но нельзя не отметить: неблагодарно

поступил Вася, неблагодарно. Прямо, надо сознаться, умер назло друзьям.

— Да, нянчились мы с ним, как с другом, а он по эгоизму только злился. Иногда даже по пустякам. Помнишь, Павлуша, как он тебя за книжку-то грыз?

— Еще бы. Взял я у него какую-то книжонку. Не столько для чтения, а так, чтобы польстить. Уж очень он книжками интересовался. Смотри, говорит, Павлик, книжка редкая, поаккуратней. А сам трясется. Может, говорит, какую другую лучше возьмешь? Нет, говорю, отчего же? Редкую-то и давай для друга. Ну, дома смотрю — чепуха, из персидской больше жизни. Старье! А тут кто-то на грех взял ее и не вернул. Вася расстроился необыкновенно. Словно простыню или какую-нибудь другую вещь у него украли. Хамское, говорит, отношение и все такое. Ни за что обидел.

— Да… грубоватый был парень, а главное — эгоист, не тем будь помянут. Помню, гитара у него была знаменитая, краснощековская, кажется. Звук удивительный! Ну, тоже хотели порадовать Васину гордость — выпросили на пикник. Никак не хотел давать: отсыреет на реке. Ну, обещались на реку не ходить. Со слезой, но дал. Но не вышло.

— Отсырела?

— Нет. Гриф был совершенно сухой.

— А самый этот? Как его? Кузов…

— Кузов — неизвестно. Андрюшка ударил кузовом лодочника по голове. Щепки и забыли на пристани, а гриф вернули в целости, даже с пучком струн. Надо было видеть, как Естомин позеленел. Я, говорит, так и знал. Ну, знал, так чего же ты волнуешься? Мучители, говорит, вы мои! Прохвосты! Это друзьям-то!

— Сынишку его тоже раз повезли на прогулку, а парнишка на другой день и заболел. Мы же виноваты: зачем давали мороженого и пива?

— Всегда так: хочешь сделать людям добро, — тебе же и по шее. Благодарности не леди.

— Когда приходили навещать, нас же Вася и ругал. Мало, говорит, того, что помешали отдохнуть, но и подушки прокурили табачищем: спать ему, оказывается, неприятно.

— Ну, уж это каприз! Неужели Естомин не поддавался дружескому влиянию?

— Пробовали мы его перевоспитывать. В местком выбирали, всегда заставляли секретарствовать на общих собраниях, а он только раздражался. Зачем выбираем, и без того он измучен.

— Вообще к общественности никак не могли приучить. Не компанейский он был человек! Бывало, просим: выпей за компанию. Ни за что не станет. Ему, видите ли, вредно. А нам точно не вредно: собственная шкура была ему дороже товарищей…

— Отчего же он все-таки помер?

— Говорю, от злобы. Уезжал товарищ Ногайный. Ну, конечно, были проводы. Был и Естомин. Ногайный и спрашивает по-демократически: «А вы не пьете, товарищ Естомин?» «Не пью, — отвечает Вася, — у меня почки». Ну, тут мы все на него накинулись. Ерунда, брось, у всех почки! Выпей да выпей. Не хотели, чтобы он перед Ногайным свиньей оказался. Пристали без отвязного. Обозлился Вася до дикости, но все-таки нахлестался. Назло вам, говорит, пью. Вам же на венок собирать и по жаре на кладбище провожать. И действительно, словно нарочно: поболел, поболел и помер… Только вместо жары — дождь!

— Эх, Естоша, Естоша! Посмотрел бы ты теперь, как настоящие-то друзья ради тебя мокнут!

— И тут навряд ли сказал бы спасибо. Верно! Не ценят бесчувственные эгоисты истинную дружбу!

Проводили мы прах и отправились к Павлуше

на поминки. Я хотел было зайти домой, переодеться, но друзья отсоветовали.

— Ерунда, брось. Не ломай компании. Мы тоже мокрые.

— Ладно.

Пришли и прямо к столу.

— Пей, согреешься…

— Да мне нельзя. У меня печень…

— Чепуха, брось!.. У всех печень. Не будь свиньей для первого раза.

Отказать таким чудесным парням было невозможно. Душевный народ. Чокались, целовались, и вечером заботливо доставили домой. Положили у двери и даже позвонили.

И всего-то был знаком с ними один день, а с тех пор, как я заболел, они постоянно навещают меня и даже потихоньку приносят коньячок. Лучшее, говорят, средство от всех заболеваний. Хотя и не велено, но понемножку выпиваем. Разве таким друзьям откажешь!

№ 21, 1932 г.

Арк. Бухов
ЗАПУТАННЫЙ СЛУЧАЙ

За последние полтора месяца библиотекарша Лиза завела ни с того ни с сего шелковые серые чулки, регулярно ставила у себя дома в баночку из-под простокваши свежие цветы и демонстративно круглые сутки пахла одеколоном «Магнолиям.

— Ты бы бросила это, — обиженно заметил ей Вася Колобаев, чувствуя, что у него еще сильнее стало екать сердце и от Лизиного голоса и от ласковых завитушек над загорелой шеей, — комсомолка ведь…

— А это по-твоему: комсомолка должна рыбьим жиром да дегтем пахнуть? — поставила Лиза вопрос ребром.

— Чулки вот тоже, — промычал Вася.

— А что — плохая нога? — вытянула Лиза левое вещественное доказательство.

Вася уныло посмотрел на ногу и вздохнул. Такую ногу действительно в шелковом чулке нельзя было рассматривать в дискуссионном порядке. Нога говорила сама за себя.

— Девушка с чулка портится, — теоретически бубнил Вася. — Сегодня — одеколон, завтра — семья в пять детских душ, и прощай человек за тюлевые занавески… А ты, как дурак, ходи и люби, и ни от кого тебе товарищеской помощи… С этим надо покончить…

В первый же выходной день Вася зашел к Лизе, поймал ее на чтении тютчевских стихов и заявил решительно и хмуро:

— Ну вот я ушел…

— Куда ушел? — удивилась Лиза этому странному началу. — Ты же только что пришел…

— Вообще ушел, — мрачно уронил Вася, — совсем… навсегда.

— А, навсегда?.. — зевнула Лиза, пробуя пальцем утюг. — А я думала сейчас уходить… Чаю хочешь?

— Не понимаешь ты меня, Лиза, — горько усмехнулся Вася, — покатилась ты…

— Ну и ты катись, — неожиданно резюмировала Лиза, — надоел ты мне, Васька, со своими теориями… Ой, надоел!.. Корпишь, чадишь, как самовар с угаром…

— Опомнишься, — еще раз горько вздохнул Вася, — бросишь все это, — позови… Приду…

— Хорошо. Открыткой извещу. С оплаченным

ответом, — беззаботно закончила беседу Лиза, и Вася ушел.

«А может, это я напрасно? — уныло подумал он минут через десять на улице. — Ну, чулки, ну, одеколон… Может, я человека под одеколоном не понял… Может, вернуться, а?»

Но, заметив, что он уже начал разговаривать с водосточной трубой, Вася взял себя в руки и решил:

«Пойду к Шурке Висмутову. Он парень твердый, во всем подкованный. Скажет, что дурак, — вернусь… Поддержит, — прощай, девушка… Эх, легко сказать — прощай!..»

Вася вспомнил Лизину комнату, ее самое, и ему вдруг до слез стало жалко самого себя.

«А вдруг Висмутов скажет, что я дурак? — мелькнула надежда. — Ну, миленький, ну, Шурка, ну, скажи, что я дурак… Штопором бы назад полетел…»

Перед висмутовской дверью Вася оробел и затревожился:

«А вдруг Шурка скажет, что того… Что завидно, что я сделал… Молодец, мол, Вася, поздравляю тебя с твердостью и т. д., люби, мол, Катю Пырину, — она свой парень: от нее одеколоном не запахнет. Не имеет он права так говорить… Это

же не по-товарищески, свинья он лохматая…»

Вася робко постучал. Еще раз. Никто не ответил.

— Фу, — облегченно вздохнул Вася, — нет его дома.

Он вошел в висмутовскую комнату, зажег свет, огляделся по сторонам и удивленно засопел… Около висмутовской кровати стоял большой букет цветов.

— Цветы, — процедил сквозь зубы Вася, — так, так… Здорово…

На столе лежал развернутый томик Блока, а из книжки высовывался узенький клочок бумаги, на которой висмутовским почерком были написаны четыре строчки:

«Когда с тобою мы встречались,
С тобой вдвоем
Природою мы любовались…
Шикарным днем»…

— Так, — испуганно прошептал Вася, — стихи, значит, пишет…

Он осторожно положил книгу на место и задел рукой какой-то зеленый флакончик, на флакончике значилось: «Красный мак».

— Ах, вот как! — вспыхнула в Васе теоретиче-

ски не обоснованная радость. — Висмутище ты мой… Дорогой мой… И ты, значит…

Он вытащил из кармана блокнот, вырвал листок и торопливо написал, хитро улыбаясь:

> «Был у тебя. Заходил за Плехановым. Прорабатываю второй том. Смотри, Шурка, не скатывайся: одеколоны да стишки с цветочками — это, брат, не для нас. В. Колобаев».

И через две минуты Вася уже бежал к Лизиному дому, сшибая по дороге какую-то кадку у ворот.

В окне у Лизы был свет.

— Не спит еще… Милая моя… Лизонька…

Он лихо взбежал по лестнице, поправил волосы и тихо постучал.

— Войдите, — ответил странно знакомый мужской голос.

Вася открыл дверь и сразу заметил, что у Лизы на свободе была только одна рука. Другая упорно покоилась на плече Шурки Висмутова.

— А я к тебе того… — беззвучно прошептал Вася, — к тебе, Висмутов, заходил… За этим… за Плехановым… Ну, я того… пошел…

— А то посиди, — равнодушно предложила Лиза, — а мы тут с Шуркой стихи читаем… Послу-

шаешь… Может, чаю хочешь?

Через час Вася шел вместе с Висмутовым домой, и Висмутов, весело потряхивая шевелюрой, бубнил молодым баском:

— А я к тебе, Васька, зайти хотел посоветоваться. Нравится мне эта девушка… Не сухарь какой-нибудь, вроде Пыриной… Тонкая девушка, женственная… Ты у нас парень твердый, подкованный, ты все понимать должен, так одобряешь мой выбор, а? Молчишь? Не осуждаешь, значит? Спасибо, парнишка!

И он с чувством пожал дрожащую Васину руку.

№ 25—26, 1932 г.

Эдуард Багрицкий
ПЕСНЯ О СОЛДАТЕ

С Карпат на Украину
Пришел солдат небритый,
Его шинель в лохмотьях
И сапоги разбиты.

Пропахший мглой ночлегов
И горечью махорки,
С георгьевской медалью
На рваной гимнастерке.

Он встал перед простором
На брошенном погосте,
Четыре ветра кличут
К себе солдата в гости.

Взывает первый ветер:
— В моем краю хоромы,
Еда в стеклянных бочках,
В больших машинах громы.

Горит вино в стаканах,

Клубится пар над блюдом,
Иди — ты будешь главным
Над подневольным людом.

Второй взывает ветер:
— В моем краю широком
Взлетели кверху сабли,
Рванулась кровь потоком,

Там рубят и гуляют,
Ночуют под курганом,
Иди ко мне — ты будешь
Свободным атаманом.

Взывает третий ветер:
— Мой тихий край спокоен,
Моя пшеница зреет,
Мой тучный скот удоен.

Когда закроешь веки,
Жена пойдет за гробом.
Иди ко мне — ты будешь
Достойным хлеборобом.

Кричит четвертый ветер:
— В моем краю пустынном

Одни лишь пули свищут
Над брошенным овином,

Копытом хлеб потоптан,
Нет крова и нет пищи.
Иди ко мне — здесь братья
Освобождают нищих.

Солдат берет винтовку
И разминает плечи…
Вперед, за ветром братьев —
Победа недалече!

№ 29, 1932 г.

Илья Ильф, Евгений Петров
ИХ БИН С ГОЛОВЫ ДО НОГ

Была совершена глупость, граничащая с головотяпством и еще чем-то.

Для цирковой программы выписали немецкий аттракцион — неустрашимого капитана Мазуччио с его говорящей собакой Брунгильдой (заметьте, цирковые капитаны всегда бывают неустрашимы).

Собаку выписал коммерческий директор, грубая, нечуткая натура, чуждая веяниям современности. А цирковая общественность проспала этот вопиющий факт.

Опомнилась только тогда, когда капитан Мазуччио высадился на Белорусско-Балтийском вокзале.

Носильщик повез в тележке клетку с черным пуделем, стриженным под Людовика XIV, и чемодан, в котором хранились капитанская пелерина на белой подкладке из сатина-либерти и сияющий цилиндр.

В тот же день художественный совет смотрел собаку на репетиции.

Неустрашимый капитан часто снимал цилиндр и кланялся. Он задавал Брунгильде вопросы.

— Вифиль? — спрашивал он.

— Таузенд, — неустрашимо отвечала собака.

Капитан гладил пуделя по черной каракулевой шерсти и одобрительно вздыхал: «О моя добрая собака!»

Потом собака с большими перерывами произнесла слова: абер, унзер и брудер. Затем она повалилась боком на песок, долго думала и наконец сказала:

— Их штербе.

Необходимо заметить, что в этом месте обычно раздавались аплодисменты. Собака к ним привыкла и вместе с хозяином отвешивала поклоны. Но художественный совет сурово молчал.

И капитан Мазуччио, беспокойно оглянувшись, приступил к последнему, самому ответственному номеру программы. Он взял в руки скрипку. Брунгильда присела на задние лапы и, выдержав несколько титров, трусливо, громко и невнятно запела:

— Их бин фон копф бис фусс ауф либе айгенштельт...

— Что, что их бин? — спросил председатель худсовета.

— Их бин фон копф бис фусс, — пробормотал коммерческий директор.

— Переведите.

— С головы до ног я создана для любви.

— Для любви? — переспросил председатель, бледнея. — Такой собаке надо дать по рукам. Этот номер не может быть допущен.

Тут пришла очередь бледнеть коммерческому директору.

— Почему? За что же по рукам? Знаменитая говорящая собака в своем репертуаре. Европейский успех. Что тут плохого?

— Плохо то, что именно в своем репертуаре, в архибуржуазном, мещанском, лишенном воспитательного значения.

— Да, но мы уже затратили средства. И потом эта собака со своим… как его… Бокаччио живет в «Метрополе» и жрет кавьяр. Капитан говорит, что без икры он не может играть. Это государству тоже стоит денег.

— Одним словом, — раздельно сказал председатель, — в таком виде номер пройти не может. Собаке нужно дать наш, созвучный, куда-то зовущий репертуар, а не этот… демобилизующий. Вы только вдумайтесь! «Их штербе». «Их либе». Да ведь это же проблема любви и смерти! Искусство

для искусства! Отсюда один шаг до некритического освоения наследия классиков. Нет, нет, номер нужно коренным образом переработать.

— Я как коммерческий директор, — грустно молвил коммерческий директор, — идеологии не касаюсь. Но скажу вам как старый идейный работник на фронте циркового искусства: не режьте курицу, которая несет золотые яйца.

Но предложение о написании для собаки нового репертуара уже голосовалось. Единогласно решили заказать таковой репертуар шестой сквозной бригаде малых форм в составе Усышкина-Вертера и трех его братьев: Усышкина-Вагранки, Усышкина-Овича, Усышкина-Деда Мурзилки.

Ничего не понявшего капитана Мазуччио увели в «Метрополь» и предложили покуда отдохнуть.

Шестая сквозная нисколько не удивилась предложению сделать репертуар для собаки. Братья в такт закивали головами и даже не переглянулись. При этом вид у них был такой, будто они всю жизнь писали для собак, кошек или дрессированных прусаков. Вообще они закалились в литературных боях и умели писать с цирковой идеологией — самой строгой, самой пуританской.

Трудолюбивый род Усышкиных немедля уселся

за работу.

— Может быть, используем то, что мы писали для женщины-паука? — предложил Дед Мурзилка. — Помните, был такой саратовский аттракцион, который нужно было оформить в плане политизации цирка? Помните? Женщина-паук олицетворяла финансовый капитал, проникающий в колонии и доминионы. Хороший был номер.

— Нет, вы же слышали. Они не хотят голого смехачества. Собаку нужно разрешать в плане героики сегодняшнего дня! — возразил Ович. — Во-первых, нужно писать в стихах.

— А она может стихами?

— Какое нам дело! Пусть перестроится. У нее для этого есть целая неделя.

— Обязательно в стихах. Куплеты, значит, героические — про блюминги или эти… как они называются… банкароши. А рефрен можно полегче, специально для собаки, с юмористическим уклоном. Например… сейчас… сейчас… та-ра, та-ра, та-ра… Ага… Вот:

«Побольше штреков, шахт и лав.

Гав-гав,

Гав-гав,

Гав-гав».

— Ты дурак, Бука! — закричал Вертер. — Так тебе худсовет и позволит, чтоб собака говорила «гав-гав!». Они против этого. За собакой нельзя забывать живого человека.

— Надо переделать... Ту-ру, ту-ру, ту-ру... Так. Готово:

«Побольше штреков, шахт и лав,
Ура! Да здравствует Моснав!»

— А это не мелко для собаки?

— Глупое замечание! Моснав — это общество спасения на водах. Там, где мелко, они не спасают.

— Давайте вообще бросим стихи. Стихи всегда толкают на ошибки, на вульгаризаторство. Стесняют размер, метрика. Только хочешь высказать правильную критическую мысль, мешает цезура, или рифмы нет.

— Может, дать собаке разговорный жанр? Монолог? Фельетон?

— Не стоит. В этом тоже таятся опасности. Того не отразишь, этого не отобразишь. Надо все иначе.

Репертуар для говорящей собаки Брунгильды был доставлен в условленный срок.

Под сумеречным куполом цирка собрались все — и худсовет в полном составе, и несколько опухший Мазуччио, что надо приписать неумеренному употреблению кавьяра, и размагнитившаяся от безделья Брунгильда.

Читку вел Вертер.

Он же и давал объяснения.

Шпрехшталмейстер объявляет выход говорящей собаки. Выносят маленький стол, накрытый сукном. На столе графин и колокольчик. Появляется Брунгильда. Конечно, все эти буржуазные штуки — бубенчики, бантики и локоны — долой. Скромная толстовка и брезентовый портфель. Костюм рядового общественника. И Брунгильда читает небольшой, двенадцать страниц на машинке, творческий документ…

И Вертер уже открыл розовую пасть, чтобы огласить речь Брунгильды, как вдруг капитан Мазуччио сделал шаг вперед.

— Вифиль? — спросил он. — Сколько страниц?

— На машинке двенадцать, — ответил Дед Мурзилка.

— Абер, — сказал капитан, — их штербе — я умираю. Ведь это все-таки собака, так сказать, хунд. Она не может двенадцать страниц на машинке.

— Это что же? — спросил председатель. — Нет, теперь я ясно вижу, что этой собаке нужно дать по рукам. И крепко дать.

— Брудер, — умоляюще сказал Мазуччио. — Это еще юная хунд. Она еще не все знает. Нужно время — цайт. Не надо так быстро шпринген — прыгать. Она хочет. Но она еще не может.

— Некогда, некогда, — молвил председатель, — обойдемся без собаки, будет одним номером меньше.

Здесь побледнел даже неустрашимый капитан. Он подозвал Брунгильду и вышел из цирка, размахивая руками и бормоча: «Это все-таки хунд. Она не может все сразу».

Следы говорящей собаки потерялись.

Одни утверждают, что собака опустилась, разучилась говорить свои унзер, брудер, абер, что она превратилась в обыкновенную дворнягу и что теперь ее зовут Полкан.

Но это нытики-одиночки, комнатные скептики.

Другие говорят иное. Они заявляют, что сведения у них самые свежие, что Брунгильда здорова, выступает и имеет успех. Говорят даже, что, кроме старых слов, она освоила несколько новых. Конечно, это не двенадцать страниц на машинке, но все-таки кое-что.

№ 31, 1932 г.

Арго
ТОВАРИЩ БЕРАНЖЕ

I

II

III

IV

V

Ваш юбилей в литературном цехе
Прошел под знаком нынешнего дня.
Вы думаете: «Говорят о смехе, —
Так позабыть не могут и меня!»
И правильно: забытого поэта
На вольный воздух волокут уже,
И смех цветет, с улыбки сняли вето, —
Вам нравится ли это,
Товарищ Беранже?

И вот проделан творческий анализ
И выявлено ваше мастерство!
А прежде как о вас же отзывались!

«Малоформист — и больше ничего!
Писал себе какие-то куплеты
О бодрости, любви и мятеже!
Ему в большом искусстве места нету».
Вам нравилось ли это,
Товарищ Беранже?

Поэты наши намудрили вдосталь,
А ваша простота — сегодня клад!
Идти за вами — это значит просто
Идти вперед, а вовсе не назад!
Нет, ваша песенка еще не спета,
Она претит педанту и ханже,
В ней много ласки, и тепла, и света.
И нравится нам это,
Товарищ Беранже!

Вы как поэт честны и бескорыстны.
Вот он, Париж Киаппа и Тардье,
Они для вас должны быть ненавистны
При вашем на мошенников чутье.
Идите к нам, одна шестая света
Вас перечтет в повторном тираже.

Вот предложенье от Страны Советов, —
Вам нравится ли это,
Товарищ Беранже?

Поверьте мне, что, с нами поработав,
Вы молодость узнали бы опять,
Вы указали б на «Искариотов?»
И «червяков» смогли бы отыскать.
Вы притянули б пошляка к ответу,
Нашли бы всех примазавшихся «лже».
Работа есть, — на правду нет запрета!
Вам нравится ли это,
Товарищ Беранже?

№ 32, 1932 г.

А. Д’Актиль
КОЛЕСА И ПОЛОЗЬЯ

1

2

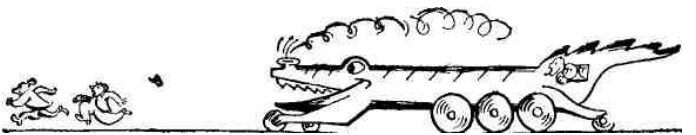
«Зима. Крестьянин, торжествуя…»

Живя мечтою: жать, не сея
Без задних мыслей на уме,
Бывало, старая Расея,
Кряхтя, готовилась к зиме
Да и какая подготовка?
Уж так от дедов и отцов:
Была бы темная кладовка
Полна соленых огурцов;
Да чтобы шуба в нафталине,
Да чтобы с лета на малине,
Ароматичный и густой
Хмелел испытанный настой;
Да чтобы сменою телеге
Стояли легкие в разбеге
Утехою морозных дней

Все разновидности саней.

Вопрос восходит к печенегам,
К далеким дням,
К замшелым пням.
Пришел апрель — разгул телегам!
Пришел ноябрь — простор саням!
Не раз говорено и пето
Про то и в шутку и всерьез:
Вопрос зимы и лета — это
Вопрос полозьев и колес.
Морозный ветер, злясь и дуя,
Слепит глаза и студит грудь,
И вот «крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь?».
Но мы отцам своим не ровни:
Делам и планам нет числа.
Проблема транспортная — дровни —
Для нас давно переросла.
Уж нам колеса на полозья
Менять не стоит и труда:
Эпоха наша — паровозья!
Телеги наши — поезда!

Мы в сокрушительном разбеге
Летим навстречу бытию:
Не нам победы на краю
Скользить на льду и вязнуть в снеге.
Менять нам надо не телеги
А психологию свою!



3

4

«Зима. Крестьянин, торжествуя...?»
Нет! Вас, читатель, не зову я
(Мне на традиции плевать)
Заранее торжествовать.
Пообождем. Еще не время.
Сначала надо скинуть бремя
Подготовительных трудов,
Чтобы движенью поездов
Преград не ставили метели;
Чтоб над землей они свистели,

Не обрывая проводов;
Чтобы глубокие сугробы
Не прерывали нам учебы;
Чтоб и в столице и в селе
Страна зимой, как летом, пела
И чтобы в жилах кровь кипела
На реомюровском нуле!

В судьбе страны своей не волен,
Крестьянин был уж тем доволен,
Что мелкой рысью — как-нибудь —
Он обновлял на дровнях путь.
Но должен круто повернуть я
И углубить проблему. Глядь:
Нам все пути и перепутья
Сегодня надо обновлять.
Мы на полозья смотрим косо...
Еще бы! Вперекор всему —
Мы жизнь саму,
Мы жизнь саму
Умело ставим на колеса.

№ 32, 1933 г.

Михаил Пустынин
ГОТОВЬТЕ КАБИНЕТ!
(Письмо литератора Мальбрука, собравшегося в культпоход)

Меня мобилизнуть хотите вы? Чудесно!
Ну, что же, я готов вполне.
Мне закалиться интересно
На производственном огне!
Заводы, фабрики, цеха и мастерские
Меня, конечно, вдохновят...
Но... виноват!
Условия нужны мне, знаете, какие?
Работать КОЕ-КАК я не согласен! Нет!
Вы дайте мне уютный кабинет.
Чтоб лился в окна свет не слишком резкий,
Мне тюлевые дайте занавески.
Моя организация тонка!
Я не могу писать на уголке станка!
Чтоб написать две-три частушки,

Потребны мне диванные подушки.

Чтоб я работать мог, тая в душе покой,

Мне нужен кабинет, хотя бы вот такой.

Чтоб я спокойно мог писать свои стихи там,

Отделайте камин и стены малахитом!

Тогда я напишу вам два иль три райка.

Готовьте кабинет! Я буду ждать!! Пока!!!

№ 18, 1933 г.

Пантелеймон Романов
НОС

Мещеров, заведующий, проходя по коридору, наткнулся на кучку сотрудников, которые стояли в уголке и, надрывая животы, чему-то смеялись.

Хотя это был непорядок, но заведующий, слывший великолепным человеком, не сделал им выговора, а, как бы по-товарищески заинтересовавшись, подошел и спросил, в чем дело, наперед уже улыбаясь. Сотрудники, захваченные за бездельем, смутились. Стыдно было хорошему начальнику показаться в некрасивом свете: за болтовней и смехом в служебные часы.

Тогда один, покраснев, сказал:

— Да вот, товарищ Мирошкин замечательные эпиграммы пишет. До того талантливо, что просто сил нет.

— Что вы говорите, это интересно! — сказал заведующий. — На кого и на что он пишет?

— Да на все и на всех. Только некоторые из них очень… с политической стороны… просто неудобно.

— Ничего, ничего, в своей семье можно, вы ведь

знаете, я как раз отличаюсь «гнилым либерализмом», — сказал, улыбаясь, заведующий.

— Ну, Мирошкин, прочти, не стесняйся, тов. Мещеров не взыщет строго, — заговорили служащие, обращаясь к молодому человеку в узеньком пиджачке с короткими рукавами, из которых далеко выходили его красные руки.

Тот, сконфузившись, стал быстро отказываться, но на него насели уже все, и он, откашлявшись, прочитал:

«В одном нашем отделе
Что-то не видно работы.
Мало говорят о деле,
А рассказывают анекдоты».

Заведующий, усмехнувшись, покачал головой, как качают при очень скользких вещах, и сказал:

— Остро, остро… А ну-ка еще что-нибудь. Про сотрудников есть?

— Есть, — сказал автор, поднял глаза кверху, подумал и сказал: — Вот:

«У нас есть общественник,
Издает стенгазету,
Любит блага естественные

И предан Фету».

Заведующий расхохотался.

— Это, конечно, Степанов? Пишет о пятилетке, а сам нет-нет, да продекламирует лирические стишки.

— Товарищ Мещеров, а Степанов ведь обиделся.

— Чего ж тут обижаться! Я не обижаюсь, когда про мое учреждение пишут. Как у нас люди самолюбивы! Других критикуют с удовольствием, а как самих коснутся, так и не нравится. Нет, знаете, у вас, несомненно, сатирический талант, его надо развивать, я с удовольствием вам помогу. Нам сатира нужна. А на меня есть эпиграмма?

— Нет, не написал еще, — сказал автор, покраснев.

Заведующему показалось немножко обидно: как будто выходило так, что его персона так мало занимала собой внимание сотрудников, что о нем даже не подумали.

— Ну, когда напишете, тогда скажете, — сказал он, уже несколько холоднее обращаясь к автору.

Наконец однажды один из служащих, подавая ему утром на подпись бумаги, сказал с застенчивой улыбкой:

— А Мирошкин все-таки написал на вас эпи-

грамму.

— А, это интересно. Что же он не придет и не прочтет?

— Стесняется. И… боится.

— Глупости, глупости, вы видите, как я отнесся даже к такой эпиграмме, в которой высмеивалась работа нашего учреждения.

Сотрудник ушел и через несколько времени привел автора, а за ним в кабинет набилось человек десять сотрудников, которые ободряюще подталкивали его. Некоторые из них даже сели в кресла для посетителей, как будто недоступный прежде для них кабинет начальника превратился в зал-кабаре.

— Ну, что же, говорят, написали и на меня?

— Написал, — сказал автор, покраснев, в то время как рассевшиеся в креслах сотрудники с видом гостей переглядывались с начальником. В кабинет заглянул управляющий делами и удивленно обвел глазами сидевших в креслах третьестепенных сотрудников.

— Петр Петрович, что же, все-таки отправлять Фролова в Ленинград?

— Нет, я, кажется, дам эту командировку другому.

— Очень рад, он совсем не годится.

— Подождите минуть десять, я вам потом скажу.

И когда озадаченный управляющий, еще раз оглянув рассевшуюся компанию, вышел из кабинета, заведующий запер дверь и сказал:

— Ну, давайте, давайте!..

Мирошкин, у которого в его красных руках была свернута в трубочку тетрадка, проглотил слюну в пересохшем рту и прочел:

«Всем хорош наш начальник Мещеров,

Один лишь дефект: ноздри его, как пещеры».

Заведующий приготовил свое лицо на поощрительную улыбку, как его готовит человек, которому предстоит услышать что-нибудь про себя и он этой улыбкой хочет показать, что стоит выше мелкого самолюбия и умеет быть либеральным и объективным даже относительно вещей, направленных против него.

Но со второй строчки он почувствовал, что улыбка не удержится у него на лице.

Во-первых, его обидело то, что эпиграмма была явно дубовая и бездарная по форме, вторая строчка не ладила по размеру с первой. А потом и содержание ее как-то задело заведующего.

— Ну, это уж неудачно, — сказал он, — и мелко по содержанию и никуда не годится по форме. Я думал, что вы возьмете какую-нибудь черту моего характера или деятельности, а вы взяли наружность. При чем тут наружность?

У сотрудников на лицах появились сконфуженные улыбки. Больше всех был смущен сам автор.

— Да, это у меня не совсем удачно… Я ведь не хотел читать, это вот они…

Несколько сотрудников, сидевших ближе к двери, сделали вид, что им что-то нужно, и вышли из кабинета, как выходят зрители при провалившейся пьесе.

— Вас слишком захвалили, — сказал начальническим тоном заведующий, — вот вы и снизились. — Он говорил это, а сам, видя обращенные на себя взгляды слушавших его сконфуженных сотрудников, вдруг почувствовал в своем носу странную неловкость.

И когда сотрудники, смущенные, покинули кабинет, ему вдруг захотелось посмотреть на свой нос и именно на ноздри, на которые он как-то никогда не обращал внимания. Он пошел в уборную и посмотрел в зеркало.

— Нос как нос, — сказал он сам себе, — но в самом деле ноздри как будто великоваты. И как это

он сразу заметил, мерзавец, я всю жизнь ходил с ними и не обращал на это внимания.

Когда он вышел из уборной в коридор, где проходили сотрудники с бумагами и были посетители, он почувствовал еще большую неловкость в носу, какая бывает, если на нем есть какой-нибудь посторонний предмет, какая-нибудь наклейка. И он поскорее поспешил пройти людное место и войти в свой кабинет.

Его раздражало больше всего то, что он сам поддавался этому ощущению и никак не мог отделаться от него.

— Глупо еще то, что я расхвалил его слишком поспешно. Теперь будут говорить, что написанное про других я хвалил, а как у самого подметили правильную, но не совсем приятную черточку, так это мне не понравилось.

Даже выйдя на людную улицу, заведующий продолжал чувствовать наклейку на носу, ему уже казалось, что все встречные пешеходы смотрят на его нос.

— Что ты все нос трогаешь? — спросила его жена, когда сидели за обедом. — Болит, что ли?

— Нет, ничего, — ответил заведующий, покраснев.

Придя на следующий день в учреждение и

столкнувшись в коридоре с управляющим, он сказал:

— В Ленинград пошлите Фролова.

— Как Фролова, ведь он дурак форменный! Вы как будто хотели другого.

— Нет, пошлите его. А этого Мирошкина уберите от меня куда-нибудь, чтоб я его не видел. Это бесталанный, глупый и даже вредный человек.

№ 35—36, 1933 г.

Павел Васильев
ТЕРНОВСКАЯ ОКРУГА

Черные земли — небу в упор,
Травы и травы
И снова травы.
На этой округе с давних пор
Тенью плыло
Крепостное право.
Орел двуглавый
Тяжким крылом
Край прикрывал,
Не снизиться силясь.
Между Тамбовом и Орлом
Черные земли расположились.
В этой округе,
Где огоньки
Изб слепых
Глядят сквозь метели,
До сих пор
Барские особняки,

В землю осевшие,
Уцелели.
Здесь процветал
Подъяремный труд —
Войны, болезни людей пололи;
В этой округе
Еще поют
Песни о горести и неволе.
Пороховой, кровавый туман
Плыл здесь когда-то.
Мужичье тело
Помнит разгул
Антоновских банд,
Шаткие виселицы и расстрелы.
Стоят в округе который год
Глухие,
Сдавшиеся не сразу,
Еще пригодные для работ
Кулацкие мельницы
И лабазы.
Но ты узнала свой передел,
Терновская пасмурная округа,

Услышав имя:
Политотдел —
Железное имя
Вождя и друга.
Грудь к груди
С землею люди сошлись,
С черной землей,
Перемытой кровью!
Пшеница работает на социализм,
На молодость нашу
Не прекословя,
На месте хат
Дома прорастут;
Все меньше песен
О горькой доле.
В округе этой песни поют
О красном знамени
И комсомоле.
Здесь сытно живут!
И пусть!
И пусть
Пошире от щей разносится запах;

Кулацкое брюхо
Колхозный гусь
Несет к реке
На сафьяновых лапах.
И гусь колхозный
Жирен недаром,
Недаром мычат
Стада коров...
Мы и запахом щей
С густым наваром
Глушим сегодня
Наших врагов!

№ 2, 1934 г.

Вяч. Шишков
ОПЕЧАЛЕННАЯ РАДОСТЬ

В вестибюль больницы вошел крестьянин. В руках кнут, валенки в снегу, бороденка мокрая. Он спросил швейцара:

— А где бы мне тут, милый человек, покойника отыскать, родственника моего? Я за ним с гробом из деревни приехал.

— Иди в бюро справок, — важно ответил швейцар и с неуважением посмотрел на посетителя. — Вон в окошечке бюра. Шагай… Да снег-то отряхни с ножищ!

Крестьянин околотил кнутом снег с сапог и робко подошел к окошечку:

— Гражданочка, будьте столь милостивы, мне бы покойничка получить… Брат мой двоюродный у вас помер.

Сестра милосердия поджала сухие губы и лениво подняла на крестьянина блеклые глаза:

— Как фамилия?

— Это кому? Мне-то?

— Не тебе, а покойнику… Ну, скорей, скорей!

— Покойнику фамиль, конешно, Захаров, а

звать Василий. Значит, Василий Захаров он будет. Вот, вот…

Сестра, снова поджав губы, стала перелистывать книгу с записью умерших.

— Василий Захаров в книге не значится, — сказала она. — Погоди, погоди, я еще раз посмотрю. А ты откуда знаешь, что он помер?

— А нам на деревню телеграмма была отстукана из вашей больницы. Правда, что Ваську-то, как захворал он, привезли в скорой карете в другую больницию, земляк был в то время при нем, сказывал нам. А там определили, что заразный Васька-то, ну, его сюда к вам, то ли живого, то ли мертвого, я не могу знать, только что в телеграмме отстукано — помер.

Сестра поднялась, подогнула отсиженную ногу и, опершись о стол, сморщилась от неприятного ощущения в ноге.

— Погоди, я справлюсь, — сказала она. — Может быть, еще не успели записать, а может, и похоронили…

— Похоронили?! То есть как это похоронили без родственников?

— А ежели б родственники за ним год не приехали? Глупости какие говоришь! Погоди. — И сестра скрылась во внутреннее помещение боль-

ницы.

У крестьянина от неприятности забилось сердце, он все ахал про себя, все покряхтывал, уныло крутил головой. Пробираясь чрез толпу посетителей, он подошел к окну, заглянул во двор. Мухрастая лошаденка теребит сено, на санях красный гроб — вечное жилище его двоюродного брата.

— Иди сюда! — услышал он окрик.

Крестьянин торопливо подошел к сестре и неизвестно почему заулыбался, обнажая белые зубы.

— Василий Захаров не умер, а жив. Он поправляется. Дней через пять-шесть мы выпишем его…

Улыбка на лице крестьянина враз исчезла, лицо вытянулось, глаза стали злыми.

— Как это жив? Как это поправляется? — заговорил он, задыхаясь. — У меня телеграмма… Это что же вы, товарищи хорошие, путаете, не можете покойника отыскать. Видно, вас еще в стенгазете не продергивали?! Слышишь, гражданка? Я из района бумагу имею при себе… Без покойника я не уеду. Вот погляди, полюбуйся, гроб во дворе стоит…

Сестра трижды менялась в лице, трижды хоте-

ла остановить собеседника, но он палил словами, как из пулемета. Из внутренних покоев вышла краснощекая сиделка в белом халате и встала возле сестры, ожидая, что будет дальше. Сестра резко сказала:

— Я тебе в последний раз говорю, что твой родственник Василий Захаров жив и поправляется.

— То есть, как это жив?! — зашумел крестьянин. — Подавай мне покойника! Это у тебя, может, другой Василий Захаров поправляется, а мой Васька помер, я это лучше тебя знаю, телеграмма у меня… Веди меня к главному доктору!

— Да что ты, дядя, с ума сошел?! — не своим голосом закричала сестра.

— Я тебе не дядя, ты мне не племянница…

— Гражданин! — загалдели столпившиеся возле них. — Орать здесь нельзя. А ты требуй, чтоб показали тебе родственника, вот… И вопрос разрешится конкретно. Очень даже странно ваше поведение. Вас утешают в смысле жизни вашего кузена, а вы делаете жесты кнутом и шапкой… Довольно глупо!

— Вот что, гражданин, — заговорила деловым голосом румяная сиделка. — Надевайте халат, идемте со мной. Василий Захаров в моей палате. Можете с ним свидание иметь. Надо, гражданин,

быть сознательным…

Крестьянин сразу затих.

— Ах, мать честная, неужто Васька жив? — закрутил он головой. Раздались сдержанные хохотки, колкие словечки: «Видно, пьяный, не проспался еще», «Нет, должно, матка из люльки уронила его, головой ударился». Меж тем дядю обрядили в белый халат, повели по коридору. Он шел, нетвердо ступая по скользкому паркету. Сердце его сжималось недобрым предчувствием и страхом. Вошли в палату 25, сиделка остановила его возле койки и сказала:

— Ну вот, признавайте друг друга. — И ушла. Вытянувшись, лежал на койке молодой парень, глубоко запавшие глаза его приветливо взглянули на вошедшего.

— Вася, ты? — уныло спросил крестьянин.

— Я, брат… Нешто не узнал?

— Не узнал и есть… Шибко исхудал ты. И башка обритая. Значит, не умер, жив?

— Как видишь. А ты что? Ты не рад, что ли?

Кровь бросилась крестьянину в голову, заскучал живот, и ноги ослабли. Он шлепнулся на край койки и, давясь словами, забормотал:

— Как не рад. Известное дело — рад. Ведь ты не чужой мне, — смущенно замигал крестьянин. —

Только видишь ли, Вася, какое дело вышло нехорошее… По моему адресу была телеграмма из больницы на деревню отстукана, что ты совсем померши. Я, значит, взгрустнул, поплакал тихомолком и побежал скорей доложиться об этом в сельсовет. А как считаешься ты у нас первым комсомольцем, общественником, там подняли великую бучу, выдали мне аванец средств и велели как можно скорей ехать за тобой, и купить красный гроб, и везти тебя.

Крестьянин передохнул и кивком головы откинул свисавшие на лоб волосы. Выздоравливающий, глядя на своего родственника, менялся в лице.

— Что за чертовщина такая, не могу понять! — сказал он слабым голосом. — Ну-ка покажи, что за телеграмма. Я сам просил, чтоб больница послала. Я без гроша, один. Ну-ка, покажи.

— Сейчас, сейчас. Она в кошеле, а кошель на вешалке. Тьфу ты, как прошиблись мы: за мертвым ехал, а ты живой. Главное дело в том, музыкантов из города вытребовали, человек двадцать трубачей да барабанщиков приехали к нам еще при мне. Избы украшают елками, траурные флаги, а плакаты парни стряпают, комсомольцы. Словом, похороны что надо. Эх, Вася, Вася, брат!.. А

с музыкой все трудящиеся хотели выйти за пять верст вперед, в деревню Машкину, туда я должен привезти к завтрашнему утру твое тело, Вася…

Комсомольцу было смешно, больно и обидно. Но светлое сознание, что вот его, незаметного работника, оказывается, очень ценила молодежь, товарищи, — это сознание стало теперь в мыслях Василия Захарова во всей своей силе и сразу смяло было охвативший его гнев.

— Ерунда! — весело воскликнул он и приподнялся. — Ерунда! Сходи за телеграммой… И не печалься, что я жив…

— Эх, Вася! Не в том дело. А дело вот в чем. Главный член из города обещал прибыть и еще председатель комсомола.

Через две минуты комсомолец читал вслух телеграмму:

> «Опасно больной Василий Захаров больнице Память Октября палате 25 помер. Переведите деньги. Администрация».

— Двадцать пятого помер ты, а сегодня двадцать седьмое. А уж завтра похороны твои.

— Ну, так и есть. Переврали, дьяволы! Не помер, а номер двадцать пять, палата. Понимаешь?

Ну, теперь поезжай, брат Федор, разъясни там... Тьфу!

Через два дня Василий Захаров получил с родины телеграмму. Собравшиеся на его похороны выражали восторженное чувство по поводу его мнимой смерти и горячо желали ему скорейшего выздоровления.

№ 4, 1934 г.

Вера Инбер
У НАС ВО ДВОРЕ

Красавицей и модницей
В жакетке шерстяной —
Домашнею работницей
Пленился я одной.

Пойду в распределитель,
Скажу, что я влюблен.
Мне счастья отпустите
На розовый талон.

Товарищи, скажу я,
Чтоб без очередей
Десяток поцелуев
Мне был, как у людей.

Скажу я так сурово
Об этом потому,
Что сорта никакого
Второго не возьму.

Что, как угодно, драться я,

Товарищи, готов
За в корне ликвидацию
Пониженных сортов...

Сиреневою веткой
Махая на меня,
Сидит в цветной жакетке
Красавица моя.

Но все же кто же именно —
Об этом ни гу-гу.
Назвать ее по имени,
Простите, не могу.

А может, и не надо
(Я тем и знаменит).
Вечерняя прохлада
Мне струны серебрит.

А дальше, разумеется,
Мечтай кому не лень.
У каждой ведь имеется
Жакетка и сирень.

И каждой пусть представится
В домашней тишине:

«Ведь это я красавица,
Ведь это обо мне».

№ 18, 1934 г.

Л. Никулин
САПОГИ

Есть люди, которым никак не идет форма.

Я имел непрезентабельный вид в гимназической куртке. Неважно сидела на мне студенческая тужурка с золотыми пуговицами. Но хуже всего я выглядел в форме вольноопределяющегося 192-го Путивльского стрелкового полка.

В ротной швальне мне кое-как пригнали казенное обмундирование, но бескозырка с грязно-белым околышком была не к лицу, и особенно угнетали меня казенные пудовые сапоги.

На плацу в марте месяце я утопил один сапог в жидкой, как сметана, грязи. Это произошло на глазах помиравшей со смеху учебной команды.

Фельдфебель Павлюк имел некоторое уважение к вольноопределяющимся за их неизменную заботу о том, чтобы у него под кроватью не оскудевали запасы казенного столового вина. Он посоветовал мне заказать хромовые сапоги у знаменитого сапожного мастера Наума Песиса, у того самого, который шил сапоги даже штабс-капитану Маркову.

В общем, я не поминаю лихом Павлюка, хотя он был страшен, потому что пил в одиночестве. В офицерское собрание подпрапорщиков не пускали, а с нижними чинами Павлюк по своему чину общаться не мог. И он пил в одиночку и действительно был по утрам страшен, как может быть страшен «шкура», фельдфебель сверхсрочной службы, подпрапорщик.

Итак, теперь у меня были сапоги на ноге из хромовой кожи и притом с особенным глянцем. В то утро я начистил их первого сорта ваксой. Она придала сапогам серебристый блеск и матовую зеркальность.

Я шел по лагерной линейке. В кармане у меня лежал отпускной билет по шестнадцатое июля. Эту ночь я мог ночевать в городе. Я мог вылезть из солдатской кожи, переодеться в штатское платье и вместо бескозырки посадить на голову широкополую шляпу колоколом, шляпу того фасона, который в то время предпочитали юноши свободного образа мыслей.

Как хорошо прикрыть такой шляпой наголо остриженную голову и гулять по главной улице, крепко держа в кармане правую руку, чтобы она не тянулась к козырьку при встрече с обер- и штаб-офицерами! Притом следить, чтобы ноги

сами собой не становились во фронт в ту минуту, когда на перекрестке улицы заалеет подкладка генеральской шинели.

Пожалуй, мне было чуть-чуть жалко расстаться с сапогами. Они ловко сидели на ноге, и июльское солнце отражалось в них серебряным, сплющенным рублем.

Я шел, не торопясь, осторожно обходя лужи. Сутки лил дождь, и жирная черноземная грязь блестела на плацу, как повидло. Она облепила колеса обогнавшей меня пролетки. Я козырнул спине в светло-серой шинели и двинулся дальше, выбирая сухие места на дороге. Все же мне хотелось появиться в городе настоящим военным, и больше всего я боялся мальчишек нашего двора. Они в первый раз видят меня в военной форме, а мальчишки южного приморского города, да еще на Слободке, — это, знаете ли…

— Вольноопределяющийся!

Голос раздался как гром с ясного неба. Я посмотрел вперед и назад. Пролетка остановилась по ту сторону плаца. В пролетке сидел штабс-капитан Марков. Он сложил руки рупором и еще раз крикнул через плац:

— Вольноопределяющийся!

Указательный палец капитана делал призыв-

ные знаки. Между капитаном и мной лежал плац — мертвое море грязи, южной черноземной грязи.

Сорок минут я потратил на то, чтобы навести глянец на новые сапоги — шедевр Наума Песиса, теперь все погибнет.

И бессознательно, почти инстинктивно я пошел к ротному Маркову не по диагонали и не рысью, как полагалось, а пошел шагом по краю плаца, осторожно обходя лужи.

— Вольноопределяющийся!

Третий удар грома. Согнутый палец ротного двигался быстрее и быстрее, солдат на козлах смотрел на меня с уважением и немым ужасом, но я уже не владел собой. У меня немели ноги, я двигался, не торопясь, находя сухие островки среди моря грязи и перепрыгивая через лужи.

— Вольноопределяющийся!

Тогда я сделал страшный прыжок, попал в самую середину глубокой лужи и утопил в ней на треть сапоги, затем выпрыгнул на дорогу и очутился перед ротным.

— Что это вы прыгаете, как козел?

Я молчал и смотрел в землю. Сапоги выглядели так, точно на них вылили ведро дегтя. Все кончено! В таком виде нельзя ехать в город. Надо

вернуться в лагерь, сушить и чистить проклятые сапоги. Тем временем уйдет дачный поезд-кукушка. Ярость переполняла меня. Я молча смотрел на сапоги.

— Вольноопределяющийся!

Я поднял глаза. По уставу надо есть глазами начальство. Но я не хотел смотреть в выцветшие голубенькие глазки штабс-капитана Маркова, я не хотел видеть его пушистых белокурых усов.

Я изловчился и глядел мимо, хотя он стоял прямо передо мной.

— Вольноопределяющийся! Вы что косите?

«Чего тебе еще надо? — думал я, холодея от тоски и злости. — На кой ляд я тебе нужен?»

— Вернетесь в команду, разыщете Павлюка, скажете: «Ротный командир приказал никого из роты не отпускать...» Понятно?

Я сделал налево кругом и вернулся в лагерь.

Это произошло 16 июля по старому стилю, 16 июля 1914 года, почти двадцать лет назад. В следующее воскресенье, как вы понимаете сами, мне не дали отпускного билета. Спустя десять дней я уехал на фронт в новых хромовых сапогах работы Песиса.

* * *

...Году, кажется, в девятнадцатом, в осеннее время грузовик «бенц» остановился на главной улице у здания военного трибунала. По бортам грузовика стояли моряки из особого отдела.

Несколько ниже их сидели люди, одетые в штатское и полувоенное платье.

— Прими арестованных, — сказал моряк.

Арестованные молча заносили ногу через борт грузовика и прыгали на мостовую. Тот, кто прыгнул первым, поскользнулся и схватил меня за локоть.

— Капитан Марков, — сказал я громко, — что это вы прыгаете, как козел?

Марков посмотрел на меня, изменившись в лице, но не ответил.

— Капитан Марков! Что это вы косите?

— Давай проходить! — сказал ему матрос и указал на дверь комендатуры.

Пока его уводили, я смотрел на свои старые походные сапоги. Они были в глине, грязи и заплатах, но мне показалось, что они сверкали, как новые, знаменитые, хромовые сапоги работы Наума Песиса.

№ 20—21, 1934 г.

Рина Зеленая
КУЛЬТПОХОД

…А когда мы утром пришли, учительница сказала, что арифметики не будет, а будет культпоход в крематорий. А Борька сказал, что хорошо, что арифметики не будет, потому что он все равно ее не знает.

А когда мы сели в трамвай, Настя и Вова остались на остановке. А когда мы на другой остановке хотели сойти, кондукторша сказала, что на другой остановке нет остановки. А когда уж мы вернулись на ту остановку обратно, их уж там не было, а учительница сказала, что мы на трамвае не успеем, и мы все выстроились по парам и побежали.

А Борька сказал, что он уже в крематории был с папой и все равно неинтересно, когда тебя жгут, потому что как тебя крышкой заколотят, так ничего не видно. А когда мы прибежали в крематорий, там уже был перерыв на обед, а учительница сказала, что тогда мы пойдем в кино, у нас билеты на завтра, но, может быть, нас сегодня пустят.

А в кино самый главный сказал, что картина сегодня для нас неподходящая, она для старшей группы, а что он нас устроит в ихний клуб на расширенный пленум с концертом.

А Борька сказал, что он с папой на расширенном пленуме был, и все равно неинтересно. А там долго не начиналось, а потом один вышел и сказал, что сегодня ничего не будет, потому что отменяется.

А когда мы на улицу вышли, уже темно было, и дождь шел, мальчики еще шли, а девочки в лужи падали.

А тогда учительница сказала, что все могут идти домой, потому что все равно сегодня культпохода не будет.

№ 24, 1934 г.

Георгий Ландау
КОНСУЛЬТАЦИЯ

Началось с того, что начальник постройки научно-исследовательского института пригласил для консультации профессора.

В подвале дома, назначенного на сломку, оказалась вода: откуда? В подвалах соседних домов было сухо; в буровых скважинах, заложенных вокруг дома, воды также не было. Это была загадка.

— Не будем ломать голову, — сказал, наконец, начальник постройки, обращаясь к своему старшему инженеру Синицыну. — Позовем для консультации профессора. Там, где мы с вами тычемся, как щенята, откуда вода, — для него это будет просто и ясно.

Профессор потер тонкими пальцами подбородок.

— Я помню подобный случай около озера Файр Лейк — в Америке.

Начальник постройки красноречиво взглянул на выцветшего сразу Синицына. «Хорошо, что я сам ему предложил за консультацию три, а не две тысячи, — наспех подумал он, — пусть одна

тысяча лишняя».

— На время постройки я им рекомендовал замораживание грунта. Вам я рекомендую то же, товарищ Синицын.

— Замораживание? — ежась, спросил начальник постройки. — Но ведь это… отразится на смете?

— Конечно.

— Так, значит, как же, профессор? Вы подозреваете, что между Патриаршим прудом и подвалом есть связь? Подземное сообщение?

— Я полагаю. Узкая жила, не схваченная вашими скважинами. Разумеется, я говорю это только на основании представленных мне данных и более чем общих соображений о характере окружающей местности. До окончательного заключения мне придется провести весьма солидную работу по руководству специальной изыскательской группой.

— Конечно, конечно, — не вполне отдавая себе отчет в собственных чувствах, сказал начальник постройки. — Товарищ Синицын!

— Слушаю! — откликнулся инженер.

— Товарищ Синицын… Вы подробно договоритесь обо всем с профессором, чтобы была полная картина: какими способами, во что это обойдет-

ся… Пару сот тысяч будет достаточно? — спросил он, просительно глядя на профессора.

— Пару сотен? — Профессор поплыл глазами по потолку. — Мне несколько трудно ориентироваться в наших экономических измерителях. Пару сот…

Он потер свой высокий лоб.

— Пару-другую сотен? — деликатно облегчил начальник работ.

— Я вам отвечу, пользуясь укрупненными показателями, — кивнул головой профессор. — Сейчас… Нормальная холодильная установка… или, позвольте, нам можно применить цементизацию…

— Да кто там ко мне лезет! — закричал начальник постройки. — Закройте, говорю, дверь… Товарищ Синицын! Не откажите: какого там черта-дьявола?.. Простите, профессор… Тебе чего надо?!

Вошедший, или, скорее, втершийся, человек был упрямый старик низкого роста с ощерившимся отставшей подошвой валенком.

— Вы меня кликали? — спросил он. — Не вы, а вот этот, лохматый. — Он показал на Синицына. — Кликал меня али нет? — строго прикрикнул он. — Я Гречишкин.

Профессор с болезненным видом прервал расчеты.

— Послушай, — сказал начальник постройки, сознательно отметая слова, которые бы он употребил без профессора. — Иди ты, старичок…

— Пойду! — сказал старичок. — Пойду… Только ты у меня набегаешься!

Он возбужденно хмыкнул. Присутствующие были озадачены.

— Курьезный тип, — улыбнулся, снимая пенсне, профессор. — Но в общем, суммируя произведенную мозговую работу, — сказал он, — трехсот тысяч хватит.

— На что хватит? — подозрительно спросил его старик в валенках.

— За триста тысяч, — не примечая старика, качнул головой профессор, — приток воды в ваш подвал прекратить можно.

— Можно? — Старик критически наклонил набок голову и прищурился.

— Послушай, — начал опять начальник. — Ты видишь…

— Погодь, погодь, — отгородился от него рукою старик. — Ты меня такими словами не обкладывай: ты материалист, и я материалист; слово за слово. Тот, лохматый, меня зачем кликал?

Слово «лохматый» было неприятно старшему инженеру, но ему что-то подсказывало, что у старика было чем заплатить за вольность. Поэтому он выступил и сказал:

— Мне соседний дворник говорил, что товарищ Гречишкин — старожил и потому может быть нам полезен…

— Во-во-во, — подтвердил старик. — Насчет дырки.

— Какой дырки? — стесняясь перед профессором всей этой комедии, спросил начальник постройки.

— Насчет той самой. Через какую вода в этот подвал тикет. Да.

Профессор махнул рукой.

— Что ж это за дырка? — юмористически поглядев на профессора, спросил начальник постройки.

— Что за дырка?.. А тебе даром сказать? — Старик покачал наискось головой, выражая удивление, что его считали способным на такую наивность. — Вы вон тому гражданину сколько за совет дали? — Он показал на профессора.

Профессор принужденно засмеялся.

— Ну вот что, — переходя на серьезный тон, хмурясь, сказал начальник постройки, — ты

глупостей здесь не городи. Можешь что-нибудь дельное сказать, — говори. Не можешь…

Старик не спешил.

— Как это так — дельное? Воду вам надо из подвала угнать? Платите деньги… Мы тоже вон с ними не зря в этих делах башками мерекаем. — Он сделал движение, чтобы привлечь на свою сторону профессора. — Нам обоим, чай, деньги нужны.

— Ладно… Говори, тебя не обидят. Не лавочка.

Старик посмотрел на пол.

— Случай-то такой редкий… Да и прижимать вас очень не хочется. — Он почесал лысину. — Десяти рублей не много с вас будет? — Он неожиданно вскинул голову, чтобы ухватить произведенный эффект. — Менее не возьму: хотите — стройтесь, хотите — нет.

В доказательство своей непреклонности он надел шапку.

— Будь добр, товарищ Синицын, — устало попросил начальник своего инженера, — поговори с ним в другой комнате. Нам с профессором некогда.

— Не знаю, куда десять рублей отнести, товарищ Синицын, — нервно сказал бухгалтер.

— Какие еще десять рублей?

— По счету какого-то там Гре… Гречишкина. Пишет-то как: разобрать ничего нельзя.

— Гречишкина? — Старший инженер повернулся на стуле. — Гречишкина? На выгребную яму.

Он открыл папку и посмотрел на подшитый к смете листок:

> «Раскопка старой выгребной ямы, очистка ее от песку и строительного мусора и обратная ее засыпка с утрамбовкой глиной».

— Так бы и бились, если б не старый черт: дождевая вода через яму в подвалы просачивалась.

— А-а, — сказал бухгалтер. — Он меня еще чем сбил?..

Бухгалтер поднес ближе счет.

— Видите: «Десять рублей за кон…стул…станцию… Сполна получил Гречишкин». Я их на консультацию сперва и отнес. А потом гляжу: там уже есть три тысячи на профессора. Ну, как-то рядом неловко… Да у нас и без того по этой статье много выходит.

№ 1, 1935 г.

Михаил Кольцов
СТРАННАЯ ПЬЕСА

Недавно ходили вдвоем в театр. Иван Вадимович, человек хотя и очень занятой, служебный, но за искусством следит неослабно, зорко. Всегда в курсе линии, знает, кого кто прорабатывает, кого с чем едят, и вообще всю подноготную. С таким приятно пойти — не просыпешься в разговоре со специалистами.

К началу мы опоздали и чуть ли не силой прорвались в зал. На сцене уже завывал речевой хор и мигали фиолетовые молнии.

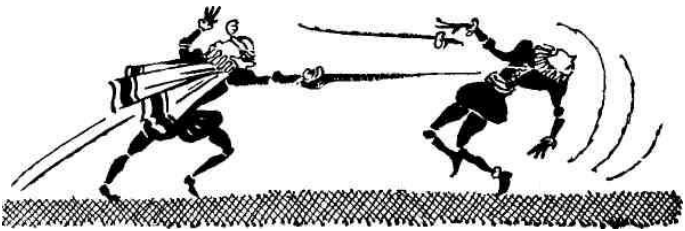
Два славных высоких рода,
К прискорбию всего народа,
Старинной лютою враждой
Влеклись, что день, то в страшный бой.

— Ага, — кивнул Иван Вадимович, — родовая месть. Кавказская пьеса. Так-так. Шариат. То есть адат. Бек-Назаров. Амаглобели. Имени Ахметели.

На сцене, в декорациях городской площади, бились мечами слуги двух знатных аристократи-

ческих домов.

— Обманутые баями дехкане. Так-так. На экономической почве. Тут еще будет спор из-за воды. Арык будут делить. Медресе… Человек меняет кожу. Лахути. Фирдоуси. Калевала.



— А костюмы? У них костюмы как будто иные… Вон те двое — в беретах, в камзолах…

— А как же: формалистическая условность. Неореализм. Левачество. Шкловский. Гронский. Дос-Пасос. И вам бы следовало в курсе быть. Нельзя в наше время оставаться односторонним специалистом. Театр — это, знаете, большой фактор.

Стычки и перебежки сменились торжественным пиром в одном из враждующих домов. Юный представитель другого дома проник туда в маске. Действие кончилось любовной сценой при свете луны.

— Это для затравки. Сюжетная линия. Ведущая

роль драматургии. Что-то муллы не видно. Наверно, появится во втором действии.

В антракте я хотел купить программку, но Иван Вадимович отговорил от ненужной траты денег.

— Исполнители все равно не те, что обозначены на программке, а ход пьесы я вам объясню заранее. Сейчас, очевидно, вблизи селения найдут марганец и начнут для него бурить нефтяную скважину. Парень пойдет сторожем на эскалатор, вступит в союз безбожников, а девушку отец с муллой и с группой кулаков запрут в башню. Ну, а жена инженера с новостройки будет тайком обучать ее грамоте. Остальное — тракторы, убийство из обреза, укушение начальника политотдела змеей и пуск турбины — это будет в последнем, в третьем, акте.

Занавес поднялся и открыл обиталище старого муллы, точнее, католического монаха Лоренцо. Но дальнейший ход пьесы не удовлетворил Ивана Вадимовича. К мулле (монаху) явился не кулак-отец, а почему-то молодой влюбленный. Они, правда, повели разговор о религии, но юноша был далек от последовательной защиты взглядов воинствующих безбожников. Монах же, в свою очередь, разыгрывал доброго, отзывчивого старичка и объяснял влюбленному, как соединиться

с девушкой. Классово нечеткий образ давала и кормилица. По-видимому, автор хотел показать тип искренне колеблющейся середнячки, но это ему не удалось.

— Искания, — задумчиво сказал Иван Вадимович, — творческие искания. Олеша. Типические характеры в типических обстоятельствах. Афиногенов. Шкваркин, Проблема социалистической семейной единицы. Метод Станиславского. Мэй Лань-фан. Биль-Белоцерковский. Это все понимать надо!..

Но в третьем действии началась полная неразбериха. Положительные элементы, долженствующие изменить ход событий, не появились. Представители враждующих родов дрались непрестанно и чем попало. Вместо тою, чтобы заняться антирелигиозными вопросами, юноша, как назло, зачастил к служителю культа. Тут же, по дикому капризу автора, он приколол брата своей девушки. Кормилица превратилась в одну из ведущих фигур, не будучи, однако, вскрыта в своем классовом нутре.

Вдобавок третье действие вовсе не оказалось заключительным. Мы было кинулись, сбивая друг друга с ног, к вешалке, но встретили там тишину и пустоту.

— Начудили, — сказал хмуро Иван Вадимович, опять садясь в кресло. — Приспособленчество. Тематическая бесхребетность. Маяковщина. Джойс. Просто любопытно, как они думают выпутаться из подобной мешанины. По-видимому, в городе начнется восстание, и это разрядит сразу все.

Но автор не думал выпутываться. В четвертом действии опять выплыл злополучный мулла (патер), развел невероятные интриги и всучил девушке сонный напиток, от коего она умерла. Тут-то и подоспеть бы комсомольцам-безбожникам: поднять похороны закабаленного подростка на принципиально политическую высоту. Но и этого не произошло. С церковными обрядами и колокольным звоном девушку снесли в склеп.

— Фабульная штучка, — нерешительно заметил мой спутник, — курс на развлекательность… Пути советской оперетты… «Веселые ребята»… «Личная жизнь»… «Дама с камелиями»… Н-да. Только уж очень длинно. Неужели будет и пятый акт? Прямо трудно поверить.

Пятый акт оказался налицо. Автору так понравился склеп, что он из него уже не вылезал до конца спектакля. Сюда, в склеп, сошлись и юноши, и священник, и представители враждующих домов. Над трупом возлюбленной юноша совер-

шил самоубийство, после чего покойная ожила, но тут же опять покончила с собой. Ни тракторы, ни работники ликбеза, ни раскаявшиеся вредители так и не появились перед рампой.

Зажегся свет, публика табуном двинулась к выходу, театральный администратор льстиво склонился перед моим спутником, выпрашивая какой-то блат по фарфоро-фаянсовой части.

— Что это за пьеса?! — спросил Иван Вадимович, высоко подняв плечи.

— «Ромео и Джульетта».

— А автор кто?

— Шекспир.

— А текст чей?

— Шекспира.

— Я слышу — Шекспир. Но чей текст? Как? Его же и текст? Без обработки? В сыром виде?!

Иван Вадимович не стал больше расспрашивать. И только в подъезде, внешним спокойствием прикрывая нервность, сказал:

— С ума сошли. Это надо будет тотчас же прекратить. Я завтра кому надо позвоню!..

№ 7—8, 1935 г.

Ефим Зозуля
«ДАЛ». «НЕ ДАЛ»

«Дал». «Дало́». «Дали». Этот глагол самый частый в его устах. Но в подавляющем количестве случаев с прибавлением отрицания: «не дал», «не дало», «не дали». И губы, плотоядные и неприятные, когда он произносит эти слова, еще более неприятны. В них преобладает выражение бездушной требовательности, самодовольства, равнодушия и неблагодарности.

— Работал я полгода, но это мне ничего н е д а л о. Чувствовал, что не расту.

— ?

— Он занимался со мной. Приходил, правда, аккуратно, все такое, но, понимаете, ничего мне н е д а л.

— В лаборатории вы работали?

— Работал, но мало вырос. Чувствовал, что не расту. Лаборатория мне ничего н е д а л а.

— А там же замечательный профессор?!

— Может быть, но мне он ничего н е д а л.

Плотоядные, жадные губы привыкли к этому глаголу: «дал», «не дал».

— Но ведь это же все-таки замечательный профессор… Это — общеизвестно…

— Не знаю. Я чувствовал, что не расту. Мне лично он ни чего н е д а л.

— А почему вы ушли с завода? Ведь там великолепный коллектив был?

— Великолепный? Может быть, великолепный, но мне он ничего н е д а л.

…Против этого юноши нарастает острое раздражение: какое счастье, что среди нашей молодежи мало таких интеллектуальных иждивенцев, но как печально, что в каком-то небольшом количестве они все же существуют и подобные разговоры бывают.

— А что вы дали, дорогой товарищ, лаборатории, школе, коллективу завода, товарищам, учителям, профессорам и всем, кто с вами возился, кто вас учил и воспитывал? Что в ы д а л и им?

Он настораживается, смотрит исподлобья и явно обижается. Он ничего не говорит, но ясно, что вывод у него готов — этот разговор ему тоже ничего «н е д а л».

№ 19, 1935 г.

Иосиф Уткин
ПЕСНЯ ОБ УБИТОМ КОМИССАРЕ

Близко города Тамбова,
Недалеко от села,
Комиссара молодого
Пуля-дура подсекла.
Он склонялся,
Он склонялся,
Падал медленно к сосне
И кому-то улыбался
Тихо-тихо, как во сне.
Умирая в лазарете,
Он сказал:
«Ребята… Тут
Есть портрет… Елизавета
Эту девушку зовут.
Красным гарусом расшитый
Вот он, шелковый кисет…
Ну, так вы ей… напишите,
Что меня в помине нет.

Мол, под городом Тамбовом,
Недалеко от села...
Комиссара... молодого
Пуля-дура подсекла».
Мы над ним
Не проронили
Ни единого словца.
Мы его похоронили
Честь по чести, как бойца.
Но тамбовской ночью темной,
Уцелевшие в бою,
Мы задумались,
И вспомнил
Каждый девушку свою...

...Я хотел бы, дорогая,
Жизнь мою
Прожить любя,
Жить-любить...
И, умирая,
Снова вспомнить про тебя!..

№ 26—27, 1935 г.

Леонид Ленч
СЕАНС ГИПНОТИЗЕРА

Гипнотизер Фердинандо Жаколио, пожилой мужчина с длинным лошадиным лицом, на котором многие пороки оставили свои печальные следы, гастролировал в городе Н. уже вторую неделю.

Объяснялась эта задержка тем, что в городе Н. гипнотизеру жилось довольно уютно. Никто его не притеснял, и неизбалованная публика хорошо посещала представления, которые Фердинандо устраивал в летнем помещении городского клуба.

На одном таком представлении и встретились директор местной конторы треста «Домашняя птица» товарищ Верепетуев и его заместитель по индюкам из той же конторы Дрожжинский.

Места их оказались рядом. Усевшись поудобнее, Верепетуев и Дрожжинский стали созерцать представление.

Для начала Фердинандо, облаченный в старый, лоснящийся фрак, с сатиновой хризантемой в петлице, лениво, привычным жестом воткнул

себе в язык три шляпные дамские булавки образца 1913 года и обошел ряды, демонстрируя отсутствие крови.

Зрители с невольным уважением рассматривали толстое фиолетовое орудие речи, проткнутое насквозь. Девочка в пионерском галстуке даже потрогала удивительный язык руками и при этом вскрикнула:

— Ой, какой шершавый!

— Здорово! — сказал товарищ Верепетуев.

— Чисто работает! — откликнулся тощий Дрожжинский.

А гипнотизер уже готовился к сеансу гипноза.

— Желающих прошу на сцену, — галантно сказал он.

Тотчас из заднего ряда поднялась бледная девица, с которой гипнотизер обычно после представления сиживал в пивной «Дружба». Фердинандо записал ее фамилию и имя в толстую книгу.

— Это для медицинского контроля, — пояснил он публике.

Через пять минут бледная девица сидела на сцене с раскрытым ртом и деловито, но как бы во сне выполняла неприхотливые желания гипнотизера: расстегивала верхние пуговицы блузки,

готовясь купаться в невидимой реке, декламировала стихи и объяснялась в любви неведомому Васе.

Потом девица ушла, и гипнотизер снова пригласил на сцену желающих подвергнуться гипнозу. И вот из боковой ложи на сцену вышел старичок в байковой куртке и рыжих сапогах.

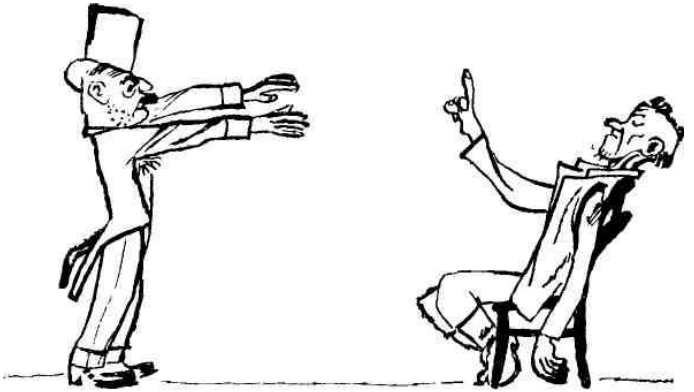
— Мы желаем подвергнуться, — сказал он. — Действуй на нас. Валяй!

— Смотрите, это наш Никита! — сказал Дрожжинский директору «Домашней птицы». — Ядовитый старик, я его знаю.

— Должность моя мелкая, — между тем объяснял гипнотизеру старик в байковой куртке, — сторожем я тружусь на птичьей ферме. А зовут меня Никита Борщов, так и пиши.

Фердинандо Жаколио усадил Никиту в кресло и стал делать пассы. Вскоре Никита громко вздохнул и с явным удовольствием закрыл глаза.

— Вы засыпаете, засыпаете, засыпаете, — твердил гипнотизер, — вы уже спите. Вы уже не сторож птицефермы Борщов, а новый директор всей вашей конторы. Вот вы приехали на работу. Вы сидите в кабинете директора. Говорите! Вы новый директор! Говорите!



Помолчав, спящий Никита проникновенно заговорил:

— Это же форменное безобразие! Десять часов, а в конторе никого. Эх, и запустил службу товарищ Верепетуев!

Товарищ Верепетуев, сидевший в третьем ряду, густо покраснел и сердито пожал плечами. Дрожжинский слабо хихикнул.

— Ну, я-то уж порядочек наведу! — продолжал Никита. — Я вам не Верепетуев, я в кабинетах не стану штаны просиживать. Ведь он, Верепетуев, что? Он птицы-то не понимает вовсе. Он, свободное дело, утку с вороной перепутает. Ему бы только бумажки писать да по командировкам раскатывать. Он на фермах раз в году бывает.

— Это ложь! — крикнул Верепетуев с места.

В публике засмеялись.

— Не мешайте оратору, — бросил кто-то громким шепотом.

— Нет, не ложь! — не открывая глаз, сказал загипнотизированный Никита. — Это чистая правда, ежели хотите знать!.. Сколько раз мы Верепетуеву про этого гусака Дрожжинского говорили? Он и в ус не дует. А Дрожжинский корму индюкам не запас, они и подохли, сердечные!

— Это неправильно! — завизжал со своего места Дрожжинский. — Я писал в трест! У меня есть бумажка! Гипнотизер, разбудите же его!

— Не будить! — заговорили разом в зале. — Пусть выскажется. Крой, Никита! Отойдите, товарищ Жаколио, не мешайте человеку!

— Не надо меня будить, не надо! — гремел Никита Борщов, по-прежнему с закрытыми глазами. — Когда надо будет, я сам проснусь. Я еще не все сказал. Почему сторожам, я вас спрашиваю, полушубки доселе не выданы?..

Верепетуев и Дрожжинский, растерянные, красные, протискивались к выходу, а вслед им все еще несся могучий бас загипнотизированного Никиты:

— А кому намедни двух пекинских уток отнес-

ли? Товарищу Дрожжинскому! А кто в прошлом году утят поморозил? Товарищ Верепетуев!

И какая-то женщина в цветистом платке из первого ряда тянула к Фердинандо Жаколио руку и настойчиво требовала?

— Дай-ка после Никиты мне слово, гражданин гипнотизер. Я за курей скажу. Все выложу, что на сердце накипело. Все!

Цирк бушевал.

№ 28—29, 1935 г.

Варвара Карбовская
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Плохо твое дело, Бобка, — сказал Сережа, укладываясь спать накануне дня своего рождения. — Рождения у тебя нет, пирог тебе печь не будут, и гости к тебе не придут.

Белый шпиц ласково ткнул голую Сережину ногу мокрым, блестящим носом. Сережа похлопал его по лохматой шкурке:

— Ничего, Бобик, не огорчайся. Пирогом-то уж я тебя завтра угощу. — И, зажмурив глаза, он повернулся к стене, чтобы скорее уснуть.

Громко хлопнула кухонная дверь, и мамин голос раздраженно произнес:

— Не могу я разорваться! И по магазинам... и здесь ничего не делается...

Сережа проснулся и сразу вспомнил, что сегодня ему исполнилось десять лет. Он тихонько засмеялся от радости и залез с головой под одеяло, в тепло и темноту.

— Сереженька, детка, проснись, голубчик! — наклонилась над ним мать. — Нынче день твоего рождения, поздравляю тебя, дорогой!

И когда Сережа высунул на свет разлохмаченную голову, она деловито сказала:

— Уж ты извини меня, что рано бужу, но сам знаешь, гости будут. Я с раннего утра в кухне верчусь, а уже в магазины за тем, за другим — прямо некогда. Встань, сбегай, голубчик! — И, видя поскучневшее Сережино лицо, добавила: — Все ведь это, милый, для тебя делается.

Когда Сережа принес молоко и яйца, его послали за яблоками, потом — за сахаром.

— Мне уроки повторить надо, — уныло сказал он, предвидя, что яблоками и сахаром дело не кончится.

— Ах, боже мой! Как будто я все это для себя делаю, — вскипела мать, у которой что-то булькало и пригорало в большой синей кастрюле. — Люди придут, скажут: единственного сына рождение и то справить не могли как следует! А ему все равно. Бесчувственный какой-то! — И тут же отправила Сережу за колбасой.

Уходя в школу, Сережа предупредил:

— Я вернусь поздно: после школы у меня сегодня музыка.

— И слава богу! — сказала домашняя работница Груша. — По крайности под ногами вертеться не будешь.

Вернувшись, Сережа долго звонил на темном крыльце. За дверью слышны были смех и музыка.

«Гости, — подумал Сережа, — патефон».

Наконец ему открыла Груша.

— Только и делов, — проворчала она, — отворяй да затворяй за тобой. Там сейчас радио закрутят, а тут…

За столом сидело много народу, все папины и мамины знакомые. Они стучали посудой, пили, ели и с полным ртом говорили все враз.

— А-а! Именинник! — закричал, заметив Сережу, Семен Иванович, папин сослуживец, про которого папа недавно говорил, что Семен Иванович — кляузник и подхалим.

Его соседка удивленно подняла подбритую в ниточку бровь:

— Как? Разве это маленький именинник? А я думала — сам хозяин!

Сереже стало неловко. Во-первых, никакой он не именинник, а вовсе его рождение, а потом даже доктор сказал, что он «большой не по годам». Маленький!

Он тихонько пробрался к матери на конец стола и, примостившись на ее стуле, шепнул ей на ухо:

— Мам, я есть хочу.

— Сейчас, Сереженька, — понимающе кивнула она головой. — Вот килечку скушай и винегрета.

— Я пирога хочу.

Мать окинула взглядом стол.

— Погоди, Сереженька, пирога мало осталось, а некоторые еще не брали.

Сережа вздохнул и стал ковырять вилкой в винегрете.

— Ведь он у вас, кажется, музыкант, — снисходительно обратилась к матери незнакомая Сереже полная дама, похожая на белого медведя.

— Своего как-то неловко хвалить, — расцвела мать.

— Чего там неловко, — перебил с другого конца стола отец. — Не то что музыкант, а прямо юное дарование. Так и учитель сказал: вундеркинд. Будущий, конечно. Шуберта играет и этого… как его…

— Просим, просим! — закричали гости.

Сережа вяло сел за рояль и, подумав, заиграл.

Все на минуту смолкли.

— Люблю музыку, — сказала, громко жуя яблоко, дама, похожая на белого медведя. — Она дает такое настроение!

— А по мне, — махнул рукой Семен Иванович, — такой музыки хоть бы и не было. Панихи-

да! — Гости засмеялись. — Вот я понимаю музыка: мимо бара какого-нибудь идешь — та-та-та-ти-та-та-ти… ноги сами танцуют. Зажигательно! А это что ж?

— Сереженька, а ну-ка фокстротец! — весело подмигнул папа.

— Нас этому не учили, — сказал Сережа и виновато добавил: — Разве по нотам?

Ноты достали, и Сережа стал играть.

— Вот это я понимаю! — зааплодировал Семен Иванович, и, схватив за спину свою соседку, уткнулся ей в плечо, и засеменил ногами.

Все оживились. Танцевали долго. Потом заставили Сережу играть вальс. Потом опять пили, встретив овацией появившиеся откуда-то полные бутылки. Наконец, кто-то взглянул на часы. Все заохали и, суетливо толкаясь, смеясь и крича, пошли в прихожую.

Оставшись один, Сережа оглядел развалины ужина: на скатерти валялись объедки пирога, окурки торчали из консервных коробок, лежали мокрые во всех тарелках. На уцелевшем куске торта красовалась, широко раскрыв рот, голова селедки.

Под столом кто-то завозился. Сережа заглянул туда: Бобик, зажмурив от удовольствия глаза,

объедал большой кусок пирога, кем-то уроненный с тарелки.

— Небось, не поделишься, — сказал Сережа. — Я с тобой вчера и то обещал поделиться.

Шпиц покосился на Сережу и продолжал есть, прижав кусок лапой.

— Ишь, жадный! — укоризненно произнес Сережа и, полусонный, залез на диван.

— Счастливый ты, Бобка: рождения у тебя нет, пирог ешь… гости к тебе не ходят… — и, обиженно вздохнув, опустил на подушку сонную голову.

В прихожей захлопнулась дверь за последними крикливыми гостями.

— Ну слава богу! — сказала мать, входя в комнату. — Рождение справили не хуже, чем у людей. Кажется, все довольны.

№ 7, 1936 г.

Максим Горький
РАЗГОВОР ПТИЦ

В саду за окном моей комнаты по голым ветвям акаций прыгают воробьи и оживленно разговаривают, а на коньке крыши соседнего дома сидит почтенная ворона и, слушая говор серых пташек, важно покачивает головой. Теплый воздух, пропитанный солнечным светом, приносит мне в комнату каждый звук, и я слышу торопливый и негромкий голос ручья, слышу тихий шорох ветвей, понимаю, о чем воркуют голуби на карнизе моего окна, и вместе с воздухом мне в душу льется музыка весны.

— Чик-чирик, — говорит старый воробей, обращаясь к товарищам. — Вот и снова мы дождались весны. Не правда ли? Чик-чирик.

— Фа-акт, фа-акт, — грациозно потягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе как в утвердительном смысле. Будучи от природы глупой, она еще и пуганая, как большинство ворон. Она занимает в обществе прекрасное положение и каждую

зиму устраивает что-нибудь благотворительное для старых голубей. Я знаю воробья: хотя с виду он кажется легкомысленным и даже либералом, но, в сущности, эта птица себе на уме. Он прыгает около вороны с виду почтительно, но в глубине души хорошо знает ей цену и никогда не прочь рассказать о ней две-три пикантных истории.

А на карнизе окна молодой щеголеватый голубь горячо убеждает скромную голубку: «Я умру, умру от разочарования, если ты не разделишь со мною любовь мою».

— А знаете, сударыня, чижики прилетели, — сообщает воробей.

— Фа-акт.

— Прилетели и шумят, порхают, щебечут… Ужасно беспокойные птицы. И синицы явились за ними… как всегда, хе-хе-хе. Вчера, знаете, я спросил в шутку одного из них: «Что, голубчик, вылетели?» Ответил дерзостью… В этих птицах совершенно нет уважения к чину, званию, общественному положению собеседника. Я надворный воробей.

Но тут из-за угла трубы на крышу неожиданно явился молодой ворон и вполголоса отрапортовал: «Внимательно прислушиваясь по долгу службы к разговорам всех, населяющих воздух,

воду и недра земли, тварей и неукоснительно следя за их поведением, честь имею донести, что означенные чижики громко щебечут о всем и осмеливаются надеяться на якобы скорое обновление природы».

— Чик-чирик, — воскликнул воробей, беспокойно оглядываясь на доносителя.

А ворона благонамеренно покачала головой.

— Весна уже была, она была уже не однажды, — сказал воробей. — А насчет обновления всей природы это… конечно, приятно, если происходит с разрешения тех сил, коим надлежит сим ведать.

— Фа-акт, — сказала ворона, окинув собеседника благосклонным оком.

— К вышеизложенному должен добавить, — продолжал ворон, — означенные чижики выражали недовольство по поводу того, что ручьи, из которых они утоляют жажду, якобы мутны, некоторые из них дерзают даже мечтать о свободе…

— Ах, это они всегда так, — воскликнул старый воробей. — Это от молодости у них, это ничуть не опасно. Я тоже был молод и тоже мечтал о… ней. Разумеется, скромно мечтал… Но потом это прошло. Явилась другая «она», более реальная… хе-хе-хе… и, знаете, более приятная, более необ-

ходимая воробью… хе-хе…

— Э-гм, — раздалось внушительное кряхтенье. На ветвях липы явился действительный статский снегирь, он милостиво раскланялся с птицами и заспорил:

— Э-гм, замечаете ли вы, господа, что в воздухе пахнет чем-то, э?

— Весенний воздух, ваше-ство, — сказал воробей.

А ворона только склонила голову набок и каркнула звуком нежным, как блеяние овцы.

— Н-да… вчера за винтом тоже говорил один потомственный почетный филин… чем-то, говорят, пахнет… А я отвечаю: заметим, понюхаем, разберем. Резонно, э?

— Так точно, ваше-ство…

— Вполне резонно, — согласился почтительно старый воробей. — Всегда, ваше-ство, надо подождать. Солидная птица всегда ждет.

На проталину сада спустился с неба жаворонок и, озабоченно бегая по ней, забормотал:

— Заря своей улыбкой нежно гасит в небе звезды… ночь бледнеет, ночь трепещет, и, как лед на солнце, тает тьмы ночной покров тяжелый… Как легко и сладко дышит сердце, полное надежды встречи света и свободы…

— Это что за птица? — спросил снегирь, прищуриваясь.

— Жаворонок, ваше-ство, — строго сказал ворон из-за трубы.

— Поэт, ваше-ство, — снисходительно добавил воробей.

Снегирь искоса посмотрел на поэта и прохрипел:

— М-м… какой серый… прохвост. Он что-то там насчет солнца, свободы прошелся, кажется?

— Так точно, ваше-ство, — подтвердил ворон, — занимается возбуждением неосновательных надежд в сердцах молодых птенцов, ваше-ство.

— Предосудительной… глупо.

— Совершенно справедливо, ваше-ство, — отозвался старый воробей, — глупо-с. Свобода, ваше-ство, суть нечто неопределенное и, так сказать, неуловимое…

— Однако, если не ошибаюсь, вы сами к ней… взывали?

— Фа-акт, — вдруг крикнула ворона.

Воробей смутился.

— Действительно, ваше-ство, однажды воззвал… но при смягчающих вину обстоятельствах…

— А… то есть как?

— Тихо сказал: «Да здравствует свобода» — и тотчас же громко добавил: «В пределах законности».

Снегирь посмотрел на ворона.

— Так точно, ваше-ство, — ответил ворон.

— Я, ваше-ство, будучи надворным воробьем, не могу себе позволить серьезного отношения к вопросу о свободе, ибо сей вопрос не значится в числе разрабатываемых ведомством, в котором я имею честь служить…

— Фа-акт, — снова каркнула ворона. Ей все равно, что подтверждать.

А по улице текли ручьи и пели тихую песню о реке, куда они вольются в конце пути, и о своем будущем:

— Широкие, быстрые волны нас примут, обнимут и в море с собой унесут, и снова, быть может, нас в небо поднимут горячего солнца лучи, а с неба мы снова на землю падем прохладной росою в ночи, снежинками или обильным дождем.

Солнце, великолепное, ласковое солнце весны, улыбается в ясном небе улыбкою бога, полного любви, пылающего страстью творчества.

В углу сада, на ветвях старой липы, сидит стайка чижиков, и один из них вдохновенно поет товарищам где-то слышанную им песню о Буре-

вестнике.

Здесь кончается текст, запрещенный царской цензурой, и начинается песня о Буревестнике: «Над седой равниной моря» и т. д.

№ 18, 1936 г.

Константин Финн
ХОРОШИЙ ЗНАКОМЫЙ

Я встретился с ним на улице и отступил пораженный.

— Иван Иванович, вы ли это?

— Я, — сказал он, — представьте себе, это я.

— Что с вами? Вы болели?

Он действительно выглядел неважно, похудел, позеленел. Словом, это был тот же Иван Иванович Сметкин, которого я нередко встречал, но в другом, я бы сказал, весьма ухудшенном, удешевленном издании.

— Я, понимаете, в Крыму был, — сказал он.

— Малярия? — догадался я. — Ужасная болезнь. Она там часто подстерегает около моря.

— Дело не в малярии, — сказал он. — Крым мне вообще противопоказан, а я уже много лет туда езжу. Ну, первые годы это было еще ничего, в прошлом году я еле дотянул до конца, а в этом году сразу как приехал, так себя почувствовал очень плохо. А в следующем году придется опять ехать, хочешь не хочешь.

— Зачем же ехать? — спросил я удивленно.

— Зачем? Видите ли, мне по состоянию здоровья показана деревня. Обыкновенная деревня.

— Так почему же…

— Почему? — Он усмехнулся. — Кто же туда ездит, в деревню? Кого я там встречу? Колхозников? В месяц отпуска я успеваю, дорогуша, больше, чем за одиннадцать месяцев работы. Этот месяц, так сказать, целый год кормит.

Мое непонимание, моя наивность, видно, раззадоривали его. Может быть, какое-то чувство осторожности и подсказывало ему что-нибудь, но он не дал воли этому чувству.

— Вот, — сказал он, — пальто на мне. Коверкот?

— Коверкот, — сказал я. — Очень хороший коверкот.

— То-то и оно. Старшая моя дочка, Ирочка, безо всяких экзаменов принята в институт?

— Принята.

— Мать получает персональную пенсию неизвестно за что или известно за что?

— Неизвестно за что.

— Да что говорить. Вот галстук. Да вы пощупайте, вы не бойтесь. Вы чувствуете, какой это галстук? Вы его за пятьдесят рублей не достанете. А мне он стоит рубль семьдесят две копейки. Ка-

кой-то там третий брак, а на нем пятнышка нет. Так вот этот галстук тоже заработан на курорте, а вы мне предлагаете ехать в деревню под Тулу. Кто я такой, чтобы ехать в деревню под Тулу?! Управляющий трестом? Летчик? Главный инженер? Извините, я маленький человек, мое место в Крыму. Почему? Да потому, что сюда, а не в деревню, куда вы хотите меня послать, съезжаются нужные люди. Лежишь на пляже, а рядом с тобой голыш. Кто этот голыш, по-вашему?

— Я не знаю.

— Ах, не знаете! Этот голыш — начальник управления наркомата или там, уж на худой конец, директор завода. Слово за слово, а через неделю я его просто Володей зову. Скажите, имею я начальника управления наркомата в вашей деревне? Или я его там не имею? Или я вместо него там имею черт знает что. Я за отпуск такие знакомства завожу!.. А главное, просто все это делается: «Простите, это ваши трусы?» «Да, мои». «А я думал, мои». И через две недели я его Володей зову и по плечу хлопаю. А во время волейбола прямо говорю: «Тюлень ты, Володя», — а он смеется. Такой загорелый, в трусиках или в белых штанишках. А в Москве этот тюлень Володя сидит в кабинете из свиной кожи, управляет

объединением, и на прием к нему можно попасть на шестой день. Знакомств нужно заводить как можно больше. Два-три отпадут — кто умрет, и это бывает, кого переведут, кто не признает. Вообще в этом деле усушка и утруска довольно большие. И все, главное, просто. Звонишь ему по телефону: «Сережа, ты? Здорово, Ваня. Ну как твои волейбольные дела? Ты же хотел в Москве продолжить. Не выходит? А что я тебе говорил? Перегрузка, дела. Верно, верно, я и сам завертелся. Сережа, устрой мне, пожалуйста, то-то и то-то. Я к тебе зайду. И так далее».

Но вот бывает непредвиденный случай. В позапрошлом году я с одним познакомился. И в волейбол я с ним играл, и рассказы его идиотские слушал, и на пикнике я для его удовольствия в сарафане плясал. Словом, он мною бредил. А в Москве являюсь к нему — помер. Скоропостижно.

Месяца тоже разные бывают. Год на год непохож. Бывает год — на управляющих трестами не смотришь, а бывает год — и заведующего отделом сюда подай, хоть что-нибудь. Но тут нужен все-таки человек настоящий.

Во-первых, в волейбол надо играть, во-вторых, плавать. Я ведь всего этого раньше не умел. В-тре-

тьих, шахматы. Обязательно вы должны уметь плохо играть в шахматы. Почему плохо? Чтобы вы проигрывали, вот только поэтому. Ни для чего другого. Да что говорить, я везу с собой каждый сезон не меньше 20—25 новых анекдотов. Все это очень нужно.

Да, заговорился я с вами… А то, бывает, такой попадется, все хорошо: и Ваня и трусы, а как дело дошло до чего-нибудь, так сухо скажет: если, мол, твоя мать по нашим законам имеет право на персональную пенсию, то ей без моего письма дадут. И в глазах нет уже былой ласки. Так что… Заговорился я с вами. У меня дел сегодня по горло. Всех их надо проведать, моих новых ялтинских знакомых. Пока они еще, так сказать, тепленькие.

Первый месяц после приезда у нас самый боевой считается. Покамест он загорелый и ты загорелый — тут самая работа. А то как отгорать начинает какой-нибудь начальник управления, так он понемножку забывать начинает. А то сразу так: «Эх, и загорели мы с тобой, Николаша!» — И к зеркалу подойдешь с ним в обнимку. «А помнишь нашего Клинкова, который тогда на волейбольной площадке растянулся, когда ты здорово низкий мяч взял? А помнишь то, а помнишь другое, а нельзя ли мне тебя попросить

и так далее». Сейчас время боевое. Первый месяц. Он основной!

— Подождите, Иван Иванович, — сказал я, хватая его за руку. — А вам не приходило в голову, что все это, так сказать, недостойно…

— Эх, милаша, не наводите тень. Работник, надо вам сказать прямо, я небольшой. А потом от работы, надо прямо сказать, человек не поправляется. Работать, милаша, каждый может. Это что! Ну, я побежал. Сейчас время боевое. В партию прием открыт. Вот я и думаю путем моих знакомых что-нибудь предпринять. Да вот трое отказали. Загорелый, загорелый, а как дошло до рекомендации, так не может. А один дал. Заговорился я с вами, бегу. Очень быстро загар отходит. С каждым годом, я замечаю, он все быстрее и быстрее отходит. А у нас пока загар — самая работа. Как вы считаете, я еще очень загорелый?

Не дожидаясь моего ответа, он убежал. Я поглядел вслед его вихлявой фигурке.

— Подождите! — закричал я, но он уже был далеко.

Я вспомнил о том, что познакомился с ним на пляже в Сочи, и что устраивал ему билеты в театр, и что достал ему редкую книгу, которая была ему нужна для подарка какому-то человеку, и что…

Ах, лучше не рассказывать, о чем я вспомнил...

№ 31, 1936 г.

Н. Крэн (Н. Кружков)
НАУЧНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

В психиатрическую больницу поступил странный больной. Он говорил тихо, рассуждал здраво, читал газеты и на этом основании был посажен в полубуйное отделение. Врачи его выслушали, выстукали, спросили: «Какой сейчас месяц? Какое число? Что вы вчера кушали?» — а затем хитро подмигнули друг другу и вынесли резюме:

— В полубуйное. Пока безопасен, но в дальнейшем может ожесточиться.

Больной Петр Ручкин, не вникая в тайны медицины, выслушал приговор спокойно, полагая, очевидно, что в сумасшедшем доме лучше не спорить. Он решил подождать несколько дней, надеясь, что родственники отыщут его и недоразумение рассеется.

Надо думать, что у Петра Ручкина крепкие нервы и счастливый характер.

Сидит Петр Ручкин в сумасшедшем доме день, два, три… семь дней. Кругом него — больные, издерганные люди, одержимые многообразными маниями. Петру Ручкину тоскливо и даже жутко,

но он продолжает надеяться. Врачам Ручкин говорит:

— Поймите, что тут какая-то чепуха. Я служащий Снабсбыта. Вполне здоров…

Врачи делали понимающие лица:

— Успокойтесь, больной, не волнуйтесь, примите ванну или душ.

А потом совещались между собой:

— Отрицает, как и все. Жаль беднягу, но явно сумасшедший.

— Пропишите ему успокоительного, коллега.

Сидит Петр Ручкин. Единственно, кто удивлен, — это больничные сторожа и санитары…

— Толковый больной, — говорят они. — Читает книги и газеты. Нам разъясняет. Побольше бы таких. Прямо была бы не служба, а малина.

Впрочем, сторожа и санитары, как известно, люди в медицинском отношении невежественные, и потому их суждения носили явно дилетантский характер.

Однажды в больницу к заведующей Скобелевой явилась женщина, которая, назвав себя женой Петра Ручкина, спросила, почему и на каком основании держат в сумасшедшем доме ее мужа.

Заведующая внимательно осмотрела просительницу и сказала:

— Успокойтесь, гражданка, не волнуйтесь. Ваш муж находится под наблюдением опытных психиатров, а оставлен в больнице по распоряжению краевого отдела здравоохранения… Обращайтесь туда.

На другой день жена Петра Ручкина пришла к одному из многочисленных крайздравских начальников и поведала ему свое горе.

— Ничего не понимаю, — удивился тот. — Вы же сами просили поместить вашего родственника.

— Никогда я не просила.

— Вы Ручкина?

— Я Ручкина.

— Ваш муж — Алексей Ручкин?

— Мой муж — Петр Ручкин.

— Вы твердо уверены, что он Петр?

— Убеждена.

— Может, вы что-нибудь путаете?

— Думаю, что скорей путаете вы.

— Наш аппарат, гражданка, работает четко. Нам твердо известно, что ваш муж — Алексей Ручкин и что он болен и нуждается в специальном лечении.

Неизвестно, чем кончился бы этот странный спор, но тут вошла другая женщина, соседка Ручкиной по очереди.

— Товарищ заведующий, — сказала она, — когда же вы возьмете моего родственника в больницу? Прямо жутко домой идти.

— Как фамилия вашего родственника?

— Ручкин.

— Опять Ручкин?! — вскричал начальник. — Что вы со мной делаете?! Я, кажется, сам попаду в сумасшедший дом. А как звать вашего Ручкина?

— Алексей, — сказала женщина.

— Нехорошо получилось, — прошептал заведующий и выпил залпом три стакана воды.

Тут-то все и разъяснилось… Оказалось, что надо было поместить в больницу Алексея Ручкина, а заведующая больницей приказала доставить Петра Ручкина, что и было выполнено.

Итак, Петр Ручкин пал жертвой научного недоразумения.

Впрочем, мы не обвиняем представителей медицины. Виноват сам Ручкин, который вел себя крайне подозрительно: говорил тихо, рассуждал здраво, стекол не бил и албанским королем себя не объявлял. Естественно, что такое странное поведение смутило представителей медицины, занимающихся психиатрией в городе К.

№ 8, 1937 г.

Михаил Светлов
СКАЗКА

Петухи поют. На рассвете
По полям, по лесам глухим
Бродят сказки — родные дети
Андерсена и братьев Гримм.

К новой сказке подходят звери:
«Мы пришли! Отворите двери!
Неужели все дети спят?» —
Звери вежливо говорят.

«Мы с далекой периферии
Сквозь болота идем сырые,
Через реки, через тайгу,
Через северную пургу.

Шли мы утром, и шли мы ночью,
Сотни верст позади лежат,
И у каждого зверя очень
По четыре ноги болят!..»

Молодой гражданин Андрей

Услыхал разговор зверей,
И до юной гражданки Тани
Докатилось зверей роптанье.

Петухи поют. На рассвете
Смело к зверям выходят дети,
Восемь бабочек впереди,
Два кузнечика позади.

Дети к зверям идут, играя,
Приглашают гостей во двор,
Долго-долго потом у сарая
Шел таинственный разговор...

Я — стареющий непоседа —
В это время во двор вхожу,
Интересную их беседу
Я подслушал, но не скажу!..

Скоро стая четвероногих
Покидала друзей двуногих,
И Андрюша совсем ослаб
От пожатья звериных лап...

Солнце медленно зажигалось
На далеком краю земли,

Вся Республика просыпалась,
Дети спали, а звери шли

Через реки, через тайгу,
Через северную пургу,
Наготове клыки держа,
До границы — до рубежа...

От таинственного народа
Начинает тайга шуметь:
Шерстяное дитя природы —
По опушке идет медведь,

С напряженьем в горящем взоре
Он вразвалку идет сквозь тьму.
Помогать часовым в дозоре
Предложили дети ему.

Над границею напряженно
Бродит полночь. Тайга глуха...
Пять лисиц одного шпиона
Ободрали, как петуха.

Петухи поют. На рассвете
Бродит по снегу старый волк.
Он безумно привязан к детям,

Понимающим в зверях толк.

Нарисованный на тетради,
Оживает он в детских снах,
Чтоб на следующей декаде
Отчитаться во всех делах.

№ 27, 1937 г.

Борис Горбатов
БОЦМАН С «ГРОМОБОЯ»

Немногие знали его настоящее имя. Все звали его просто боцманом. Когда-то он плавал на легендарном «Громобое», пережил Цусиму, служил и царю, и купцу, и ученому, теперь он состарился, но от моря уйти не мог.

Я не знаю, как попал он сюда, на зимовку, но смены менялись, начальники менялись, а он все оставался в домике на крутом берегу бухты, старый моряк на мертвом якоре. И хоть море девять месяцев в году было сковано льдом, но старик уверял, что здесь и лед пахнет солью. Он величал себя «старой матросской шкурой, просоленной в семи морях и четырех океанах», и говорил, что этого «рассолу» ему хватит на век.

Он был в том возрасте, когда уже не стареют. Его черные глаза блестели удивительно молодо и насмешливо, седоватые боцманские усы были щегольски подстрижены, морская фуражка лихо сдвинута набекрень, а на волосатой груди, на руках и на ладонях красовались косые синие якоря.

Боцман был суетлив, подвижен, строен, как может быть подвижен и строен старик и моряк. Он вечно балагурил, подмигивал, болтал, рассказывал смешные истории, сыпал прибаутками, солью корабельного камбуза — знать, и впрямь был крепок «рассол», в котором жизнь вымочила этого человека, если сумел он и в пресной, стариковской гавани сохранить свою бравую оснастку.

Зимой боцман работал в порту.

Насвистывая и разговаривая сам с собой, возился он подле старых, как и сам он, катеришек, что-то чинил, малярил, строгал.

По вечерам в кают-компании вокруг боцмана собиралась портовая молодежь, и он потешал ее. Он врал, но складно, пускался в воспоминания, но весело и, подмигивая левым глазом под седой косматой бровью, отплывал в такие фантастические плавания, что даже бывалый полярный народ уши развешивал.

Ну что ж, если хотите, он корчил шута. И сам лучше всех знал, что это — шутовство. Он догадывался даже, что его не уважают, но зато крепко знал, что любят.

— Отчего я не помира́ю, братцы? — говаривал он, подмигивая. — Да все вас жаль: скучно вам

без меня зимовать будет.

Но летом в горячие дни навигации старик преображался. Шутовство слетало с него словно смытое волной. Он становился строг и озабочен. Теперь было не до шуток: под ним качалась палуба. Правда, то был не линейный корабль и даже не «купец», а всего-навсего дрянной кавасаки. Но море остается морем. А к морю он питал уважение.

Целыми днями носился боцман на катере по бухте. Стоя твердыми ногами на обрызганном волнами носу, командовал: «Льдина по правому борту. Полный назад! Полный вперед!» — и, приставая на своей скорлупе к неуклюжим могучим ледоколам, кричал хриплой, простуженной боцманской глоткой:

— Э-эй на «Сибирякове-е»! Э-эй на «Ермаке-е»! Бери конец!

И так лихо, с таким шиком и мастерством бросал канат, что сразу узнавался старый боцман.

Его знали на всех ледоколах, лесовозах, теплоходах и лихтерах, плавающих в западных долготах Арктики.

Моряк с «Хронометра» говорил мне смеясь, что в тот день, когда он не услышит этого трубного гласа, он выкинет сигнал бедствия, решив, что

наступил конец света.

Вот каков был наш боцман с «Громобоя». Таким я застал его на зимовке, таким оставил его уезжая. Через год я встретил его там же, но уже в новой и необычной роли.

Однажды весной в порту случилось несчастье: при взрыве скалой придавило старика подрывника Тараса Андреевича. Его вытащили из-под груды камней и, так как он не охал, не стонал и не жаловался, испугались было, что он умер. Но старик произнес: «До больницы доеду...» — и больше не издал ни звука, ни стона.

Сопровождать его в больницу вызвался боцман: старики были приятелями. Раненого уложили на нарту, боцман сел рядом, обнял приятеля за плечи и крикнул на собак:

— Ус-усь, тихий вперед! Старайтесь, собачки! Вы теперь санитарный транспорт.

Он шутил, но на глазах у него блестели слезы. Он смахивал с ресниц ледяшки, с трудом сдерживаясь, чтоб не расплакаться. Раненый утешал его:

— Ничего, ничего, боцман. Не расстраивайся. У меня кость железная. Не так-то скоро ее сломишь.

— Ты потерпи, Андреич, — в свою очередь,

утешал раненого боцман. — Сам знаю, что такого красивого мужчину камнем не придавишь. Вот у нас, на «Громобое», тоже случай был: кочегар по пьяной лавочке в топку полез…

— Не могло этого быть, боцман. Ох!

— Ну и не могло, что ж с того? А кочегар-то выжил. Здоровехонек из топки вылез. Так вот и ты. Не унывай!

Так, утешая друг друга, старики прибыли в больницу. Санитарный транспорт, высунув розовые языки, стал лизать снег, а боцман, подняв на руки, как малое дитя, товарища, внес его в больницу.

В островной больнице в те поры оставался один только доктор: заболевшую медсестру самолетом отправили на Большую землю. Доктор и оперировал, и лечил, и ходил за больными, и таскал воду, и чуть даже не сам мыл полы. Он попросил боцмана помочь ему при перевязке. Боцман согласился. И хоть ему стало чуть нехорошо при виде крови и замутило от больничных запахов, он и виду не подал, что «слабит», и даже шутил:

— Ах, Тарас Андреич, посуда старая! Вот доктор тебе сейчас капитальный ремонт даст. Такой тебе парусок приладит — чайкой взовьешься. Ты потерпи.

И Тарас Андреич, стиснув зубы, молчал и терпел. И даже гордо улыбнулся, когда мучительная перевязка кончилась: вот, мол, и не пикнул.

Доктор попросил боцмана немного посидеть с больным, боцман обрадовался: ему не хотелось уходить. Он просидел весь вечер, развеселился и развеселил все немногочисленное население больницы. В этот вечер он рассказывал о механическом человеке.

— Был у нас, на «Громобое», механический человек, братцы, — повествовал он, подмигивая. — Свинчивался утром, на ночь развинчивался. Между прочим, мой земляк, калуцкий, и из одного уезда, из Массальского. Его, значит, били в жизни много: и урядник бил, и мастер учил, и боцман прикладывался, и старпом нет-нет да ручкой и охорошит, а ручка офицерская, тяжелая — совсем изломали парня. Ни ребер, ни рук, ни ног. А был у него дружок — тульский слесарь. И говорит туляк: «При такой твоей битой жизни, бедняга, тебе надо кости иметь не человечьи, а железные. Дай-ка я тебе изладю». И изладил ему туляк механические руки, ноги, ребра — все на винтах да на шурупах. Переломает ему, к примеру, старпом ребра, а он и глазом не моргнет, мигом в кузницу, сварят, склепают — и снова гож

под линек. Так-то, Андреич! Вот попроси доктора, нехай тебе механические ребра выхлопочет.

Короче говоря, боцман скоро освоился с больницей, словно то и не больница вовсе, а знакомый, теплый, пропитанный тютюном и потом кубрик. Никогда еще не было у боцмана таких благодарных слушателей, как эти больные. Он почувствовал, что нужен им, может быть, даже не меньше, чем доктор. И даже возгордился немного.

— Ну-с, болящие, — спрашивал он утром, входя в палату, — как вы тут без меня? Температурку мерили?

Незаметно для себя боцман так и остался в больнице. Тарас Андреич выписался, зато другие больные появились: на кого же их покинешь? Он ходил за ними, как за малыми ребятами, помогал доктору при перевязках и операциях, был даже один раз «ассистентом при родах» (как важно хвастался он на кухне) — словом, стал незаменимым человеком в больнице. Кончилось тем, что доктор оформил переход боцмана на время в больницу, и боцман стал «медсестрой».

У него был уже свой халат (он называл его «медицинской робой»), он завел себе очки, как и доктор, но для смеха выбрал очки дымчатые (их носят полярники в белые, солнечные дни). Когда

приходили больные, он надевал очки на самый кончик своего синеватого крупного носа и строго спрашивал:

— Вы к доктору или ко мне?

— К тебе, боцман, к тебе, — охотно подхватывали шутку больные. — Подсоби, сделай милость. Неможется.

— Ага! Ну расскажи, что ж у тебя болит? В области живота или в области кишок? А ну, покажь язык, — требовал боцман, — дрянной язык, болтаешь много. Ну это мы с доктором тебе все исправим. Подвинтим, смажем, просмолим, законопатим.

Он вводил больного к доктору, сохраняя при этом все тот же невозмутимый, «научный» (как выражался он) вид, только глаза его блестели насмешливо, как у факира-любителя, показывающего смешной фокус.

— Вот этот гражданин — больной, доктор, — представлял больного боцман. — Я уж его немножко освидетельствовал, между прочим. Но нужен консилиум. Вы как думаете: аппендикцит?

— А вы как полагаете, коллега? — не улыбаясь, отвечал доктор.

— Я полагаю, надо операцию исделать, доктор.

— Я с вами вполне согласен, уважаемый коллега. Только не операцию, а касторку.

— Вот и я это самое думал. Олеум рецини — сила медицины. Сколько ему касторки вкатать?

Ну что ж, если хотите, он и здесь корчил из себя шута, клоуна в медицинской робе. И сам лучше всех знал, что это — шутовство. Но, знаете, невеселая это вещь — болеть, тем более болеть на зимовке. И больные были несказанно благодарны веселому боцману за его лекарство, лучшее в мире, — за смех. Смех лечит. Доктор всерьез «прописывал боцмана» больным.

Странно, что, постоянно находясь в больнице, среди разговоров о болях и смерти, боцман сам оставался чужд стариковскому страху смерти. Считал ли он себя бессмертным? Ему было уже добрых шестьдесят. Он прожил жизнь долгую и трудную. Пора бы и на покой, дозимовывать жизнь на Васильевском острове, в Ленинграде. Но ему все было недосуг подумать о смерти и покое. Он доживал свои дни так же беззаботно, как жил, со смехом и свистом.

Иногда он, впрочем, говорил:

— Когда почую я, братцы, что смерть от меня не дальше двух кабельтовых, отправлюсь снова в море, в последнее плавание.

И тут же начинал развивать фантастический план, чертил длинным пальцем в воздухе маршрут плавания, обстоятельно объяснял, в какие гавани будет входить и что делать на берегу («Всю жизнь мечтал живого попугая добыть. Вот тогда и добуду!»). Слушатели поддакивали ему, но знали, что уж не плавать старому боцману по семи морям и четырем океанам. Да и сам он знал: не плавать. С морем кончено. Это он лучше всех знал. И это было его тайной печалью.

Ну что ж! Не плавать так не плавать. Он был дядькой моряков, теперь стал их нянькой. Он сам напросился в няни, потому что и людям тепло с ним. Он все отдал морю: здоровье, молодость, силу. У него остался только смех. Он пронес его, не расплескав, через всю свою каторжную жизнь, и смех его звенит по-прежнему чисто, звонко, молодо. Вот все, что он имеет. Много это или мало, больше у него ничего нет. Он отдает все.

Я застал боцмана в больнице. Он был в халате и морской фуражке. Увидев меня, он вытянулся во фронт и приложил правую руку к козырьку; в левой он держал клизму.

— Честь имею представиться! — гаркнул он. — Старший помощник главного доктора, боцман-акушерка.

И, весело подмигнув мне, расхохотался, замахав клизмой.

Где ты зимуешь, где плаваешь теперь, чудесный боцман? Ушел в заветный, последний рейс или пустился в такое плавание, из которого уже не возвращаются на берег? Или удалился на покой, дозимовывать жизнь на Васильевском острове?

Но всякий, кто хоть день пролежал на больничной койке на Старом Диксоне, никогда не забудет тебя, старший помощник главного доктора, боцман-акушерка!

№ 11, 1938 г.

Мих. Левитин
ЛИЗОЧКА

Однажды — не скажу точно, когда именно, — на щитах горсправки появилось такое, запоминающееся, как стихи, объявление:

> «Одинокий солидный гражданин с женой меняет комнату со всеми удобствами в центре города на любую комнату, даже без удобств, в любом районе, только в тихой квартире. Согласен оплатить ремонт и прочие расходы».

Объявление, как видите, довольно редкое и странное, и, коль пошло на откровенность, так я вам открою секрет. Автор этого объявления я сам.

И не думайте только, что сделал я это с каким-то тайным, нехорошим умыслом. Нет. Человек я незлой, и если пошел на такой обмен, то только из-за нее! Из-за жены своей, Лизочки.

А комната у нас была замечательная. Район прекрасный, и дом недавно ремонтировали. Даже лифт обещали скоро пустить.

Одним словом, все удобства. Все, кроме одного. Жить в нашей квартире стало невозможно. Скандалы замучили.

Лично я, правда, при этих скандалах не присутствовал. Потому что, сами знаете, уходишь на работу в семь утра, домой приходишь вечером, ну, а к этому времени уже все кончилось. На кухне кастрюли валяются, мебель, табуретки свалены в кучу, а народу не видно: все спят.

Да и не удивительно. Кое-кто из жильцов старается пораньше лечь спать и уснуть покрепче, чтобы к утру набрать побольше сил для новых скандалов.

Правда, жена моя, Лизочка, не спит. Она лежит бледная, с повязанной головой и стонет, как маленький ребенок:

— Не могу я больше! Меня эти скандалисты в гроб сведут! И за что такое наказание? Женщина я тихая, спокойная, а они мне жизнь отравляют.

— Ну что ж, — отвечаю, — раз опять такие скандальные соседи попались, тогда лучше давай отсюда переезжать.

Вот так все время и менял. Каждые шесть месяцев. Разные жильцы подбирались. Старые, молодые… И все то же самое. Скандалят, да и только! Не ладят с моей женой.

Я уж как-то спрашиваю:

— Лизочка, дорогая, скажи мне, из-за чего вы скандалите? Где здесь собака зарыта?

— А откуда, — отвечает, — я знаю… Я-то здесь ни при чем. Виноваты во всем они, соседи.

— Да, верю, — говорю, — что ты ни при чем. Только уж больно мне причины хотелось бы выяснить. Ведь хорошо еще, что в таком большом городе живем. Тут еще лет на пять квартир для обмена хватит, а уж там придется куда-нибудь в другой город податься!

И вот поселились мы, помню, с Лизочкой в одной небольшой квартирке. Жили там муж с женой и их дальняя родственница — глухонемая старуха.

Вот, думаю, теперь наконец избавимся от скандалов. Никто мою Лизочку изводить не будет, и жизнь в квартире начнется спокойная и тихая.

А скандалить-то, и верно, некому. Соседка в колхоз к родным уехала, остались во всей квартире четверо: я на работе, сосед на работе, Лизочка дома, а что касается старухи, то она, может быть, и рада бы поскандалить, но не может. По не зависящим от нее обстоятельствам. Поскольку она глухонемая. Так что старуха все время молчит, улыбается и занимается хозяйством. Прямо не

квартира, а санаторий! Вот в такой обстановке, думаю, Лизочка моя отдохнет и поправляться будет.

Однако, смотрю, с того дня, как мы переехали в новую квартиру, худеет моя Лизочка и от тоски осунулась даже.

Ну, испугался, позвал из платной поликлиники доктора.

Доктор подробно осмотрел Лизочку, расспрашивал долго, нашей жизнью интересовался, а попутно всякие Лизочкины наклонности выяснял. Одним словом, доктор попался стоящий.

— Ну что ж, — говорит он в заключение, — дело поправимое. Если хотите, чтобы ваша жена вылечилась, немедленно меняйте квартиру!

Но тут уж я возмутился:

— Да зачем же нам, доктор, менять квартиру, если мы теперь как в раю живем? Лизочка целыми днями одна, в квартире тихо, спокойно. Никого, кроме нее, нет. Никто с ней не скандалит.

— Вот это, — отвечает доктор, — и плохо, что не скандалит. Главная-то беда, что в квартире этой скандалов нет. Жена ваша в непривычную для нее обстановку попала. Без скандалов она как цветок без воды. Вянет. Переезжайте как можно скорей!

Услышав эти слова, Лизочка моя засияла. Обрадовалась.

— Переедем, Васенька, отсюда. Не могу я по соседству с глухонемой жить. Не привыкла. Она ведь на мои оскорбления даже внимания не обращает. Только молчит и улыбается!

И тут же добавляет:

— Вот мы с тобой десять лет живем, а я целыми днями дома. А от нечего делать одно развлечение — с соседями поговорить!

И, выслушав эти слова, понял я, по чьей вине скандалы в доме происходили. Виноват, оказывается, был во всем я сам. Любил очень Лизочку. Здоровье ее оберегал. И хотя она много раз собиралась идти работать, я ее всегда отговаривал: хватит, говорю, и моего заработка. Сиди и отдыхай.

Но уж после всей этой истории пошла Лизочка работать. Я ей сам работу подыскал. У нас на заводе. Табель вести.

И с тех пор живем мы дружно и тихо. Лиза моя целыми днями на заводе, а вечером в доме общественными делами занимается.

Ну прямо не узнать человека. С соседями стала ласковой, доброй, со всеми дружна, и в нашем доме избрали ее председателем товарищеского

суда. Скандалистов, значит, судит.

Так что, если вам расскажут об активистке Елизавете Павловне Скворцовой и о том, какие полезные дела она делает, так и знайте, дорогие товарищи: Елизавета Павловна — это и есть моя жена, Лизочка. Бывшая иждивенка и отчаянная скандалистка!

№ 11, 1938 г.

А. Колосов
ГОЛУБОЙ БЫЧОК

Четыре месяца тому назад обоз передвижного зверинца ехал в село Тучки на большую осеннюю ярмарку. Невдалеке от этого села в обозе случилась большая неприятность: из старой, давно не ремонтированной клетки выскочил галицийский волк. Ошалев от неожиданной радости, зверь не знал, что ему делать, куда бежать. Сперва он кинулся под телегу, потом — в овсы, из овсов снова выскочил на дорогу. Произошла паника: лошади помчали прямо в овраг, две телеги перевернулись, а с третьей сорвалась и ринулась к далеким перелескам молодая быстроногая антилопа-гну.

Произошло все это в одно дыхание: грек Ампулио, сопровождавший обоз, не успел и охнуть. Он заохал и стал выкрикивать разные отчаянные

слова, когда антилопа и волк пропали с глаз.

Теперь Ампулио, круглый, бритоголовый здоровяк мужчина, стоит перед народным судом и обосновывает иск, предъявленный администрацией передвижного зверинца колхозу «Муравей».

Колхоз этот расположен в пятидесяти километрах от места, где произошла авария, но доказано, что антилопу поймали колхозники «Муравья», поместили ее в свой омшаник и в течение месяца скрывали этот факт. Антилопа погибла, и зверинец понес убыток в размере 1 200 рублей. Пусть колхоз внесет эту сумму на текущий счет зверинца.

В судебном зале сидят старики Иван Ненашкин, Прохор Окунев и старуха Китаиха. Из молодых колхозников здесь присутствует только Семен Дымов, член правления «Муравья». Он уже дал суду свои показания. Суть их в том, что ни правленцы колхоза, ни активисты, ни животноводы не повинны в гибели антилопы. Эту антилопу поймали, посадили в омшаник, ухаживали за ней телячий пастух Ненашкин и сторож колхозных огородов Окунев, тихие, малоприметные колхозные старики. Они сообщили председателю «Муравья», что к телячьему стаду приблудился

чей-то бычок, но время было горячее — колхоз молотил хлеб, поднимал зябь, — и председатель не обратил на это сообщение внимания. Однако, когда в деревне пошли разговоры, что старики Ненашкин и Окунев поймали какого-то диковинного, совсем необыкновенного бычка, председатель велел завхозу, то есть Семену Дымову, съездить в залесный омшаник, посмотреть приблудного бычка, и если это действительно стоящий бычок, то дать объявление в районную газету. Семен Дымов хотел поехать в омшаник, но повстречал старика Прохора Окунева, и тот сказал:

— Нечего тебе ехать: подох он, бычок-то!

И если бы не старуха Евдокия Китаиха, то до сих пор никто не догадался бы, что это была антилопа, а не бычок.

— Гражданка Китаева! — обращается председатель суда к низкорослой, ласково улыбающейся старухе. — Что вы можете сказать по настоящему делу? Сообщите суду, при каких обстоятельствах вы обнаружили в лесу антилопу.

— Я по маслята ходила. Как раз после дождя было.

— Так. И где же вы увидели антилопу?

— Где увидели? В лесу и увидели. Беру я мас-

лятки, а он, бычок-то, тихонько подбег, я и не слышала совсем, как он и подбег-то.

— Так. И вы что, поймали его, что ли? Ухватили?

— Уж больно ты, товарищ, прыткий! — горячо возражает Китаиха. — «Ухватили?»! Глянула я на него, и в животе у меня даже морозно стало. Хочу крикнуть — нету голоса.

— Так. Дальше?

— Не помню, как откинулась, как побегла. Прибегла на телячьи выпасы, говорю вон Иван Егорычу: «Иван Егорыч, погляди, чего там на полянке ходит». Иван Егорыч пошел. Чего-то он больно долго ходил, а потом тащит бычка, а шапку, видать, потерял, без шапки идет и вроде как сам не свой. «Иван Егорыч, — спрашиваю, — чего это такое будет?» А он: «Иди, — кричит, — как можно скоренько к Прохору Окуневу, скажи, что приблудился голубой масти бычок!» Я пошла.

— Гражданин Окунев, — говорит председатель

пастуху, — вы подтверждаете показания гражданки Китаевой?

— Подтверждаю.

— Так как же вы, опытный пастух, не могли отличить бычка от антилопы? Ведь вот, скажем, я городской человек, а если бы мне сказали про антилопу, что это бычок, я не поверил бы.

— Годов пятнадцать тому назад и я не поверил бы, — сердито отвечает пастух. — Пятнадцать годов тому назад мужик и в трактор не верил, и что корова по девять тысяч литров доит, тоже не верил, и что по пескам можно сто восемьдесят пудов пшеницы брать с каждого гектара, мы тоже не верили. Ежели бы в старое, прежнее время мне кто сказал, что свинья может принести в год двадцать пять поросят, я бы того человека нехорошим словом назвал. А теперь удивляться нечему. При колхозном положении человек всего может сделать, не то что голубого бычка, а и все, чего хочешь! Для науки нынче ворота широкие.

— Да, все это так, — прерывает судья Окунева. — Но при чем тут антилопа?

— На ней не написано, что она антилопа, — хмуро говорит пастух. — А сходство с бычком у нее есть. У меня такое мнение было: этого бычка наши ученые люди развели. Ну сердце-то и разго-

релось: хотится опыт в своем колхозе сделать.

— Какой опыт?

— Вырастить его, бычка-то, припустить к нашей корове, симменталке или горбатовке. Тут главное, чтоб нам щукинцев обогнать. А то уж больно они вперед далеко убегли: у них и мериносы, и быков-шортгорнов купили, и гусей вон каких развели! Что ни гусь, то Ляксандра Македонский! И вот желательно нам было, то есть мне и Прохору Матвеичу, такой опыт сделать, такую породу произвести, чтобы они, щукинцы-то, зашатались от удивления. Ну и радость колхозу желательно сделать. Так мы с ним, с Прохором Матвеичем, и толковали: «Давай вырастим бычка без шуму, тихонько. А шум уж потом пойдет». Мы его, бычка-то, из омшаника взяли да ночью к Прохору Матвеичу в старую баню отнесли. Хлопот сколько — страсть! Нынче, скажем, мое дежурство, а завтра — его, вон Прохора Матвеича. Холода-то бычок не любит, еще не притерпелся, дрожит, так мы баню через каждый день топим. И любит, чтобы его теплой водой мыли. Мы каждую неделю его моем. Ну, и денег тоже требует. Я за эту зиму уже пятьдесят рублей в него положил. Да и Прохор Матвеич рублей сорок положил. Говорю Прохору Матвеичу: «Трудов он нам стоит много, а

соответствует он колхозному положению или не соответствует, шут его знает». А Прохор Матвеич мне так: «Мичурин, — говорит, — поболе нас терпел, а своего добился». А теперь вот сидим тут, слушаем, и выходит, что он вовсе и не бычок, а вроде зверя. Ошиблись, значит. И совсем зря согрешили, что будто он подох. Конечно, кабы он не зверь был, уж мы, то есть я и Прохор Матвеич, этому гражданину как-никак рублей шестьсот уплатили бы, шут с ними, но своего бы добились, вырастили бы колхозу бычка. Ну, а ежели он зверь, то пускай гражданин приедет, возьмет его — и все тут.

— Позвольте! — изумленно произносит председатель. — Стало быть, антилопа жива?

— А что с ней сделается? — однотонно говорит пастух. — Как дите ее обхаживали. Думали: растим колхозу радость, золотой опыт делаем, щукинцев удивим. Ну ошиблись, значит.

Семен Дымов, побелев от удивления, ломким голосом говорит:

— Тут у тебя какая-то неясность, Иван Егорыч, потому что…

— Да что, Семен Васильевич, лишнее толковать-то, — прерывает его пастух. — Вот и ключ с собой ношу от бани-то. Там он у нас живет до

сей поры.

Председатель поднялся. Он смотрит на пастуха, на друга его, Прохора Матвеича, хочет что-то сказать, но, не найдя, видно, нужных слов, машет рукой, и на усталом лице его мягкая, светлая улыбка.

Улыбаются и члены суда, и районный прокурор, и протоколист…

№ 2, 1939 г.

Р. Роман
ПРИМЕР ДЛЯ МНОГИХ

Работник видный он. Но важности — ни тени.
Успокоения, зазнайства — ни следа!
Он не отлынивал, не бюллетенил,
И не опаздывал он никогда.
В его работе не отыщешь пятен.
Приветлив, светел, чист он и пригож,
Всегда подтянут, четок, аккуратен.
Не бюрократ: к нему ведь каждый вхож!
Он принимает в день толпу народа,
И ничего — доволен каждый им.
Без отпуска работает три года
И так же точен и неутомим.
Он очень скор, хотя над ним не каплет.
Глубок, но глубиной не тычет в нос.
Кто видел, чтобы он устал, ослаб ли?
И в деле он буквально в землю врос.

Он не задерживает, не подводит,
Хвоста за справками не видишь тут.
Сказал бы я, что, как часы, он ходит,
Но, на беду, часы-то часто врут.
В работе быстрота — его основа.
Им восхищен, гордится им народ.
Немногословен. Скажет лишь: — Готово! —
И двинется, добавивши: — Вперед!
Ни разу он не свертывал с дороги.
Был чужд ему всегда «опасный крен».
Пример работникам он очень многим!
— Кто он?
— Московский метрополитен!

№ 3, 1939 г.

Агния Барто
НАШ СОСЕД — ИВАН ПЕТРОВИЧ

Знают нашего соседа
Все ребята со двора.
Он им даже до обеда
Говорит, что спать пора.

Он на всех глядит сердито,
Все не нравится ему:
— Почему окно открыто?
Мы в Москве, а не в Крыму.

На минутку дверь откроешь,
Говорит он, что сквозняк.
Наш сосед Иван Петрович
Видит все всегда не так.

Вот сегодня день хороший,
Тучки в небе ни одной,
Он ворчит: «Надень калоши:
Будет дождик проливной».

Я поправился за лето,

Я прибавил пять кило,
Я и сам заметил это:
Бегать стало тяжело.

— Ах ты, мишка косолапый, —
Мне сказали мама с папой, —
Ты прибавил целый пуд!
— Нет, — сказал Иван Петрович, —
Ваш ребенок очень худ.

Мы давно твердили маме:
Книжный шкап купить пора:
На столах и под столами
Книжек целая гора.

У стены, с диваном рядом,
Новый шкап стоит теперь.
Нам его прислали на дом
И с трудом втащили в дверь.

Так обрадовался папа:
Стенки крепкие у шкапа,
Он отделан под орех.
Вдруг пришел Иван Петрович,
Как всегда, расстроил всех.

Он сказал, что все не так,
Что со шкапа слезет лак,
Что совсем он не хорош.
Что цена такому — грош,
Что пойдет он на дрова
Через месяц или два!

Есть щенок у нас в квартире,
Спит он возле сундука.
Нет, пожалуй, в целом мире
Добродушнее щенка.

Он не пьет еще из блюдца.
В коридоре все смеются:
Соску я ему несу.
— Нет, — кричит Иван Петрович, —
Цепь нужна такому псу.

Вот однажды все ребята
Подошли к нему гурьбой,
Подошли к нему ребята
И спросили: — Что с тобой?

Почему ты видишь тучи
Даже в солнечные дни?!

Ты очки протри получше,
Может, грязные они?

Может, кто-нибудь назло
Дал неверное стекло?
— Прочь, — сказал Иван Петрович, —
Вас сейчас я проучу!
Я, — сказал Иван Петрович, —
Вижу то, что я хочу.

Отошли подальше дети:
— Вот сосед какой чудак!
Очень плохо жить на свете,
Если видеть все не так.

№ 9, 1939 г.

Евгений Бермонт
ЗАЯЧЬЯ ДУША

Даже когда Михаил Михайлович Ранев укладывается наконец в постель, мысли, как черные мухи, всю ночь не дают ему покоя.

Действительно, разве за всем уследишь? Вот, скажем, недавно задели одного крупного товарища, которого лучше было не задевать. А вчера, наоборот, недозадели другого крупного товарища, которого именно сейчас выгодно задеть.

Трудно приходится заячьей душе, если она выбрала себе совсем неподходящую оболочку — редактора некоего печатного органа. Бедный, бедный заяц: ему ведь нужно ходить по тропинке тигров!

И вот по длинному редакционному коридору с круглыми пароходными люками мчится курьер:

— Гвоздикова к Михал Михалычу!

Театральный рецензент вяло плетется в кабинет. Ему заранее кисло: он знает, что предел критических дерзаний редактора — это театр Планетария или джаз, играющий в фойе кино «Чары».

Михаил Михайлович, склонив затылок, медленно читал:

— «...к сожалению, замечательная пьеса Шекспира не нашла достойного сценического истолкования. Режиссер Концупский очень плохо справился со своей задачей...»

Редактор остановился:

— Позвольте, позвольте, Гвоздиков, ведь этот Концупский — орденоносец?

— Да. Орденоносец. И заслуженный деятель искусств.

Михаил Михайлович от неудовольствия даже заикнулся:

— Сколько раз я вас просил в рецензиях не пропускать званий... Я же должен... ну... ориентироваться...

И, старательно вписав все титулы, Ранев перечел:

— «...к сожалению, замечательная пьеса Шекспира не нашла достойного сценического истолкования. Заслуженный деятель искусств, орденоносец Концупский очень плохо справился...» Гм-гм... Что же это у вас получается, Гвоздиков?

Рецензент уныло молчал.

— У вас получается, что режиссер-орденоносец

не справился с пьесой драматурга-неорденоносца… Как это может быть?!

— Но ведь это Шекспир!

— Ну так что, если Шекспир? Понимаю, если режиссер, имеющий «Знак почета», не справился бы с пьесой драматурга, у которого «Трудовое Знамя»… Это естественно… А так… — И, махнув рукой, добавил: — Придется вычеркнуть…

Рецензент обрадовался:

— Вычеркнуть звание Концупского?

— Да нет!.. Вычеркнуть, что он не справился с Шекспиром… Я сам за беспощадную критику, но не так же, Гвоздиков… Сейчас как раз шекспировский юбилей… 375 лет…

Оба — и редактор и рецензент — забыли, что, кроме шекспировского юбилея, наступил и щедринский. А еще чиновник Передрягин из «Пестрых писем» Михаила Евграфовича отличился тем, что однажды по поручению написал проект «о расширении, на случай надобности, области компетенции», а в другой раз тоже по поручению написал другой проект — «или наоборот»…

На театральных рецензиях не кончились страхи заячьей души. Если Раневу на глаза попадалась заметка, в которой репортер сообщал, что «качество сиропов в киосках и сатураторах

чрезвычайно низко», то у него моментально портилось настроение.

— Это — обобщение, — выговаривал он, заикаясь. — По-вашему, выходит, что в красной столице передового в мире государства плохие сиропы?..

— А при чем тут красная столица, Михаил Михайлович? Возьмите и попробуйте сами, например, клюквенный…

Но редактор не давал репортеру закончить:

— Тогда так и пишите: отдельные, мол, клюквенные сиропы в некоторых сатураторах по вине кое-каких работников… Вот это деловая критика!..

А один раз Ранев с мрачным выражением лица вошел в кабинет секретаря редакции. В руках у него была смятая полоса типографского оттиска.

Он сердито черкнул ногтем по телеграмме:

— Читай!

— «Вчера над Новороссийском пронесся шквал с дождем. Во многих домах выбиты стекла».

Секретарь редакции, невозмутимый любитель футбола, бокса и боя быков, удивленно взглянул на него:

— Ну что здесь такого?

— А вот другая заметка — шквал с дождем над

Туапсе. Тоже выбиты стекла.

— Ну?

Редактор рассердился:

— Что «ну»? Нужно иметь политическое чутье. Это же обобщение. По всей стране шквалы с дождем… Нет, про Новороссийск ты оставь, а про Туапсе вычеркни…

И Михаил Михайлович направился было к двери. Потом он вернулся:

— Или, знаешь, лучше напишем, что в Туапсе яркий солнечный день, пляж усеян купающимися, в городском театре с большим успехом прошел «Богдан Хмельницкий» Корнейчука…

— А при чем тут «Богдан Хмельницкий»?

— Как противовес шквалу. Шквал — это неполадки, а «Богдан Хмельницкий» — достижение…

Страх «обобщений» настолько обуял сотрудников раневского печатного органа, что заведующий отделом объявлений поминутно звонил секретарю редакции:

— Тут у меня, понимаешь, подряд четыре объявления о том, что одинокий инженер ищет комнату с удобствами… Можно печатать?

— Почему же нет?

— Все-таки, знаешь, какое-то обобщение… Что еще Михаил Михайлович скажет?..

Кстати, должен сознаться, что этот фельетон я диктовал машинистке, работающей под началом у вышеупомянутой заячьей души. Примерно на десятой строке она вздрогнула и спросила:

— Это что же, обобщение?

Но я успокоительно заметил:

— Не волнуйтесь, Тамара, печатайте. Это вполне конкретный печальный случай…

№ 13, 1939 г.

Сергей Званцев
ВНИМАТЕЛЬНЫЙ СТАМЕСКИН

Требование внимательно относиться к людям бухгалтер Стамескин принял с большим удовлетворением. Как человек несколько педантичный, он поставил себе за правило все семь часов пребывания в тресте проявлять к сослуживцам заботу и внимание. А потом, в выходные дни, лежа на диване, он подводил итоги своей деятельности за истекшую неделю и… огорчался.

Странно! Почему-то все облагодетельствованные им люди оказывались поразительно неблагодарными.

Взять хотя бы младшего счетовода Лиду Титову. Всем в тресте было известно, что у Лиды произошла размолвка с ее женихом. Все видели, что она ходит с заплаканными глазами, но никто не подумал проявить к ней внимание. Больше того, сослуживцы до того зачерствели, что старались даже не замечать ее огорчений. Делали вид, что ничего не случилось.

И только Стамескин решил разбить эту стену холодного равнодушия к живому человеку!

В аккуратно разграфленной книжечке Стамескина в клеточке «среда» появилась запись: «Титова. Проявить внимание».

Утром в назначенный день, придя в учреждение, Стамескин приступил к делу.

— Жизнь прекрасна, — сказал он, подходя к Лиде и знаками приглашая остальных сотрудников принять участие в беседе. — Плюньте, Лидочка, на этого дурака, ей-богу, плюньте!

— Какого дурака? — вздрогнув, спросила Лида. — О ком вы говорите?

— Как будто вы не знаете?

Стамескин расчувствовался и уже хотел, пожертвовав вечерним отдыхом, предложить Лиде сходить в кино, но Лида сердито оборвала его.

Незаслуженно обиженный Стамескин поплелся к своему столу. Неблагодарные люди!..

А случай с завхозом? У этого человека были серьезные неприятности из-за нехватки бензина. Его уже два раза вызывали к следователю, и дело, кажется, принимало неприятный оборот, хотя завхоз решительно не признавался в хищении. Стамескин сказал ему в перерыве:

— У меня есть знакомый, он хороший адвокат. Он мне сказал, что лучшая защита — это чистосердечное признание. Ей-богу, признайтесь, и все

будет в порядке. Отсидите сколько положено — и гуляй на здоровье!

Завхоз вспыхнул, как будто бы под ним подожгли весь пропавший бензин.

— Уйди! — тихо, но выразительно сказал он внимательному Стамескину.

Другой бы на месте бухгалтера проникся досадой к людям, отвергающим его участие, но не таковский был Стамескин! Не из того материала сделан! Он продолжал свой благородный путь внимания и участия. Не его вина, если этот путь тернист!

Соседа Стамескина по квартире, молодого монтера, постигла беда: где-то его угостили, а угостив, отпустили одного домой, хотя монтер, до того никогда не пивший, опьянел сильнейшим образом. Соседа подобрали на улице и свезли в вытрезвитель, о чем и было напечатано в вечерней газете. Монтер свой позор переживал тяжело, и это не прошло мимо Стамескина. Бухгалтер, встретив парня в коридоре, остановил его и сказал:

— Если в следующий раз вам придется выпить, рекомендую закусывать после каждой стопки. Лучше всего в этих случаях жареная рыба, я уже заметил!

Монтер шарахнулся в сторону, точно перед

ним разверзлась пропасть, и пробормотал нечто крайне недружелюбное. Вот она, человеческая неблагодарность!

Наконец, последней каплей в чаше терпения внимательного бухгалтера явился случай с известным в городе футболистом, дисквалифицированным за грубость игры. Дело заключалось в том, что футболист сильно ударил по ноге нападающего команды противника и переломил берцовую кость. Колеблясь, к кому именно проявить внимание: к пострадавшему или к виновнику его страданий, — Стамескин остановился на последнем варианте. «Больному оказывает внимание персонал больницы, — подумал он, — а что касается футболиста, то, наверное, все от него отвернулись. Именно к нему и надо сходить!»

Чувствуя, что в данном случае внимание должно быть увязано с педагогическим подходом, Стамескин явился на квартиру к дисквалифицированному футболисту и, застав его дома, сказал:

— Восхищаюсь вашей игрой. Но нельзя же так — кости ломать! Надеюсь…

Он не успел досказать, на что именно он надеется. Футболист двинул натренированной правой ногой, и Стамескин оказался за дверью с быстротой мяча, влетающего в ворота противника.

Нет, невозможно было это терпеть!

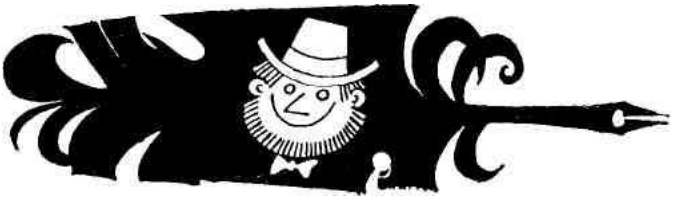
Жизнь человека, посвятившего себя служению человечеству, показалась Стамескину горькой, как перестоявшееся пиво. Люди необыкновенно привередливы. Мало им обыкновенного внимания — им подай еще что-то сверх того! А что именно — никто не говорит! Безобразие!

На следующий день, придя на работу, Стамескин узнал, что дочь управделами провалилась на экзамене. По привычке он хотел было проявить внимание расстроенному товарищу, сказав ему, например, что молодежь когда-то отлично обходилась и без образования, но управделами, завидев его, вскочил со стула и кинулся в противоположном направлении.

«Ну, и черт с вами! — подумал Стамескин. — Не хотите — не нужно. Я-то без вас обойдусь, а вот как вы обойдетесь — это я еще посмотрю!»

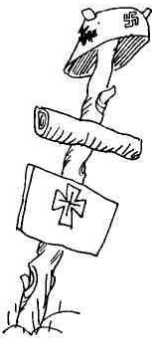
В этот день он никому из сослуживцев не сказал ни слова.

№ 11, 1940 г.



1941—1945

1941-1945



Сергей Алымов
САМОВАРЫ-САМОПАЛЫ

Никогда не умирала
Слава тульских кузнецов —
Самовары-самопалы
Смастерили для бойцов.
В этом хитром самоваре
Кран особый, боевой —
За версту врага ошпарит
Кипяточек огневой.

Ой, горяч в тебе кипяточек,
Самовар-самопал, дружочек!
Пышут жаром небывалым
Самовары-самопалы,
Вот так самовары!..

Тульский чай совсем не сладкий
Для непрошеных гостей —
И вприкуску и внакладку
Прожигает до костей.
Подается чай с припаркой

И горячим леденцом,
Самовары тульской марки
Пышут жаром и свинцом.

П р и п е в.

В нашу землю Гитлер рвется,
Хочет чаю-сахарку,
Скоро Гитлер захлебнется
От советского чайку.
Мы бандитов угощаем
По привычке боевой
Дегтяревским крепким чаем
И водицей огневой.

П р и п е в.

Мы большие хлебосолы —
Наготове кипяток.
Для фашистов в наших селах
Партизанский есть чаек.
У коричневой оравы
Аппетит к чайку пропал,
Угощает их на славу
Самоварчик-самопал.

Ой, горяч в тебе кипяточек,
Самовар-самопал, дружочек!
Пышут жаром небывалым
Самовары-самопалы,
Вот так самовары!

№ 24, 1941 г.

Владимир Дыховичный
ТЫ МОРЯК, МИШКА

1

2

3

4

Песчаные лиманы, цветущие каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом…
В красавице Одессе мальчишка голоштанный
С ребячьих лет считался заправским моряком.
И если горькая обида
Мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет, — скажет ему мать:
— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

Изрытые лиманы, горящие каштаны.
Красавица Одесса под навесным огнем,
С горячим пулеметом на вахте неустанно
Молоденький парнишка в бушлатике морском.
И эта ночь, как день вчерашний,
Несется в свисте и пальбе.
Парнишке не бывает страшно,
А станет страшно, скажет сам себе:
— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда,
Ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

Померкшие лиманы, опавшие каштаны
И тихий, скорбный шепот приспущенных знамен.
В печальной тишине, без труб, без барабана
Одессу оставляет последний батальон.
Хотелось лечь. Прикрыть бы телом
Родные камни мостовой!

Впервые плакать захотел он,
Но комиссар обнял его рукой:
— Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

Песчаные лиманы, цветущие каштаны,
Победоносный рокот развернутых знамен.
С морскою песней входит походкою чеканной
В красавицу Одессу усталый батальон.
И, уронив на камни розы —
Знак возвращенья своего,
Сдержать не может Мишка слезы,
Но тут никто не скажет ничего.
Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда,
Хоть моряк Мишка, — моряк не плачет,
На этот раз поплакать, право, не беда.

№ 30, 1941 г.

Александр Прокофьев
«СТРАДАНЬЕ»

То ли в Риме, то ль в Берлине
Гитлер встретил Муссолини.

Оба хмуры, оба биты,
Где-то встретились бандиты.

Гитлер мрачен, Гитлер страшен,
У Бенито нос расквашен.

Нос расквашен, скулы набок —
Словом, хуже пьяной бабы!

Словом, здорово потертый,
Словом, морда — что у черта!

И у Гитлера, о боже,
В синяках и шишках рожа!

В синяках и шишках точных,
Наших, подлинных, восточных!

Гитлер молвил:
— Беня, Беня,

У меня дрожат колени.

Я один с большой тоскою:
Мне досталось под Москвою.

Под Москвою и под Тулой
В спину вьюга мне подула.

В спину вьюга гонит с юга,
В спину — Тихвин и Калуга!

От московского свиданья
Мне досталось лишь страданье.

Гитлер смолк. Темнее тучи
Отвечал бандиту «дуче»:

— Я не нюня и не плакса,
Но дела мои, как вакса!

Обо мне молва по свету
Надо хуже бы, да нету!

Мне одна судьба с тобою:
Ты заблеешь, я завою.

До свиданья, до свиданья!
Нам осталось лишь страданье.

П р и п е в:
Один бандит да другой бандит —
А вместе бандитов двое.
Один говорит, другой говорит —
А вместе, конечно, воют.

№ 9, 1942 г.

Братья Тур
СКАНДАЛ В ШАЛМАНЕ

В кабинете у нашего знакомого следователя мы видели однажды вора. Сидя в кресле, он горько плакал, растирая грязным кулаком голубые жуликоватые глаза. Признаться, мы были растроганы этим бурным проявлением раскаяния.

— Что, старина, совесть мучает? — спросили мы.

— Да, — тоскливо ответил вор, — она самая…

И захныкал еще жалостливей:

— Что я наделал! Ведь я же потерян отныне для общества… Ведь этого же мне не простят…

— Ну, ничего, — возразили мы, — исправитесь. Усердным трудом и воздержанием от преступления вы, несомненно, заслужите прощение.

— Нет! Такие вещи не прощают, — мрачно сказал ворюга, шмыгнув носом.

— Что же вы такое натворили? — в ужасе спросили мы, отшатнувшись от этого исчадия ада. — Вырезали семью? Убили свою матушку? Ограбили отделение банка?

— Хуже, — пробормотало исчадие. — Перед

самым моим арестом я имел глупость спереть часы у товарища…

Ища сочувствия, он бурно зарыдал чистыми, младенческими слезами.

— Эх, да вам меня не понять!.. Понимаете, у своего украл! Меня же теперь ни в один шалман не пустят!..

У уголовников есть своя этика. Она строга и взыскательна. Укравший у «своего» считается парием и скотом даже в мире профессиональных жуликов. Он, так сказать, выродок среди мерзавцев и мерзавец среди выродков. И нет ему места даже в шалмане, то есть на воровской квартире.

И только у одного вида уголовников — у немецких эсэсовцев — отсутствует даже такая примитивная этика.

Командир 11-й роты 1-го пехотного полка дивизии СС «Мертвая голова» издал приказ по роте (№ 12), гласящий:

> «С тех пор, как я возвратился из госпиталя, я не узнаю моей роты, моей старой, 11-й роты. Мне порой кажется, что я командую сбродом мошенников, а не ротой СС, которая как будто является и отборной частью немецкого народа».

Хозяин воровской квартиры вернулся после отлучки и не узнает своих молодчиков. Боже, что творится в притоне!

> «Случаи воровства участились. Я не могу надеяться ни на одного из моих людей, оказывать ему доверие, ибо бывает, что даже самого меня обкрадывают тем или иным образом».

Вот это уже совсем выводит из себя беднягу командира. Он взбешен. Стоило ему отлучиться на минутку, как у него из-под носа слямзили добычу. Если эти скоты-солдаты будут так бессовестно таскать, то что же останется, черт возьми, на его долю?!

> «Для неисправимых преступников, — грозится дальше ротный командир, — я не знаю пощады и перевожу их к «скопище потерянных». Это сводная группа, в которой состоят исключительно воры, дезертиры и прочие негодяи, чья честь может быть восстановлена только милостивой пулей врага. Ввиду наказания за разные жульнические дела:
>
> 1. Передаю в военный суд дело о воров-

стве на стрелка Эшмана из 2-го взвода. Одновременно ходатайствую о его переводе в «скопище потерянных».

2. Отменяю впредь поощрительные отпуска солдатам в обоз, ибо старшие стрелки СС Гартман (1-й взвод), Варзер (2-й взвод), стрелок СС Холингер (3-й взвод), будучи в обозе, нашли нужным сразу же проявить свою признательность за гостеприимство тем, что уворовали масло и колбасу».

Караул! Северные рыцари сперли колбасу! И, доведенный до отчаяния, отец-командир с трогательной непосредственностью восклицает:

«Пусть даже полроты придется перевести в «скопище потерянных», чем терпеть все это безобразие! Лучше уж не командовать ротой, чем иметь дело с такими людьми!

Настоящий приказ прочитать командирам взводов перед строем отделений.

Гауптштурмфюрер и командир роты Вебер».

Чистые, детские слезы катятся из голубых глаз

бандита. Полная деморализация и разложение в еще недавно безоблачно ясном и добропорядочном шалмане. Вор у вора отмычку украл.

Шум доносится из воровского шалмана. Передравшаяся жулябия вцепилась друг другу в носы, волосы и глаза. Пусть их дерутся! Скоро «милостивая» пуля советского бойца раз и навсегда прекратит эту перебранку бандитов!

№ 23, 1942 г.

Павел Антокольский
ПИРАТСКАЯ БАЛЛАДА

ГЛАВНЫЙ

Плывут, потерявши компас и маршрут.
Плывут, некрасивые песни орут.

Валяются в зверской и подлой красе
И Зигфрид, и Готфрид, и рыцари все.

И вьется на мачте со свастикой флаг.
Все выпито к черту из бочек и фляг.

Все съедено к дьяволу.
И на борту Голодные морды глядят в темноту.

ТОЛСТЯК

Хотите цифр! Отчета ждете!
Не выйдет, рыцари! Шалишь!
Недаром нам гадала тетя,
Что все на свете снится лишь.

Я обещал вам сто Германий,
Подачки роздал на сто лет,
И, дулю спрятавши в кармане,
Вбил пулю в каждый пистолет.

Вы шли со мной по доброй воле.
Мы квиты, рыцари-друзья.
А вы, нажравшись мокрой соли,

Орете, дулами грозя!

Бей, сволочь! Только целься зорче.
Бей! Всем зарядом в морду грянь.
А я заговорен от порчи
И от твоей обоймы, дрянь.

Тут лезет на бочку плясать на костях
Еще один главный, мерзавец-толстяк.

Бросает он золото пьяным в лицо,
И рыцари тесно сдвигают кольцо.

ГОРБУН

Не крал у Лары я кораллов,

У Карла крейцеров не крал,
Но среди ваших генералов
Я главный обер-генерал.

Я беззаконье узаконю
И за дебош не расплачусь.
И до рассвета на драконе,
Как штопор, в облако ввинчусь.

Затем без лишних проволочек
Стремглав спикирую на вас,
Герр обер Доннер Веттер — летчик,
Герр обер Дрекскрегирунг — ас.

Тут лезет на бочку ученый горбун
И что-то лопочет, предчувствуя бунт.

Вчера от Кондора до Канда,
От Мандрагоры до Халвы
Гремела наша пропаганда.
Она исчерпана, увы!

Вам не наскучили консервы.
Вас не шторма сбивают с ног:
У вас, друзья, плохие нервы,
И, значит, третий бьет звонок.

— Ты путаешь, дура! — кричат горбуну.
Вдруг кто-то: — Слабею!

Другой: — Я тону!
Десятый: — Мне тошно!
Пятнадцатый: — Брр...
Таким междометьем кончается пир.
Ворюги потеют, теряют жиры,
Теряют броню боевой кожуры...
Одна только звездочка в небе горит.
Баллада ломает слаженный ритм.

Корабль куда-то несется вскачь,
Сигает в штормах, как циркач.

Когда балладу прочтет мой внук,
Пройдет он мимо балладных штук.

Увидит внук во весь разворот,
Что здесь намалеван фашистский сброд.

Ему не надо знать их имен.
Карикатурой здесь заменен

И Гитлер, и Геринг, и Геббельс, и др.
Их лица стерлись давно до дыр.

№ 25, 1942 г.

В. Гранов
ЛИСИЦА И СТАЛИНГРАД
(Басня)

Фашистская лиса пошла на Сталинград:
Стерляжья ей мерещилась ушица.
Зубами ляскает лисица,
Как жар, глаза у хищника горят...
Да рыба волжская сидит глубоко.
Лиса то в лоб зайдет, то сбоку вдруг шмыгнет, —
«Хоть видит око,
Да зуб неймет!»
Лиса затее и сама не рада:
Уж третий месяц у нее трещат бока,
На морде у нее досада.
— Хоть рыбы много, — говорит, — у Сталинграда, —
Да чересчур костиста и жестка!
Из басни вывод следует короткий:

Ушица у лисы колом застряла в глотке.

№ 41, 1942 г.

Н. Асеев
ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА В ЧАСТУШКАХ

Гитлер спорит с Риббентропом
Каждый день, часов с шести:
Как порядок по Европам
Легче новый навести?

Гитлер хочет все дубы
Порубить и — на гробы;
Предлагает Риббентроп
Заказать всеобщий гроб:

«Это будет очень грубо —
Сделать все гробы из дуба.
Предлагаю: общий тип
С окантовкою из лип!»

«Для подобной мебельцы
Не подходит это:
Пригласи-ка Геббельса,
Спроси-ка совета!»

Гитлер Геббельса спросил,
Что он рот перекосил.
У красавца слезы градом:
Подавился Сталинградом.

Сообщает Триполи:
«Здесь снега повыпали», —
А земля у Калача
Задымилась, горяча.

Всюду в мире беспорядки.
Вся материя из дыр —
Ставят новые заплатки
На коричневый мундир.

Как ты, Гитлер, ни тянись
И на Дон и на Тунис,
Не гляди воякою:
Станешь раскорякою.

Есть запрос от Роммеля:
«Нету войска кроме ли?
Наши шансы в Ливии
Ваших не счастливее:

У пехоты нет охоты

Под огонь такой идти,
Нас повсюду самолеты
Настигают на пути!»

Гитлер Геббельса спросил:
«Вновь ты рот перекосил?»
Геббельс Гитлеру в ответ:
«Хочешь — любишь, хочешь — нет!»

Так сидят они втроем,
Собираясь с мыслями,
Мы их нынче застаем
С рожами прокислыми!

№ 45, 1942 г.

А. Флит
СРОКИ И УРОКИ

Фюрер выл, визжал, рычал,
Фюрер сроки назначал:
«Взять к седьмому Сталинград —
Закачу я в нем парад!»
Бесновался пес проклятый.
Срок шестой, восьмой, десятый —
Все он числа перебрал,
Генералов покарал —
Мертвых фрицев пухнет груда...
«Что за дьявольское чудо?! —
Фюрер в бешенстве вопит. —
Город крепостью стоит!»
Дни бегут, летят недели —
Фюрер вздор в эфире мелет:
«Мы не знали, — вот те на! —
Перед городом — стена!
Не простая, земляная,
А железная, стальная!

Эту стену, так сказать,
Нам придется прогрызать».
Мы о сроках не болтали,
Но пришел наш час и срок —
Дали фюреру урок:
Сталинградская припарка
Греет крепко, греет жарко —
В клещи огненные взят,
Заметался черный гад.
Сроки русские настали —
Он отведал русской стали,
Той, чье имя Сталинград!

№ 47, 1942 г.

Д. Заславский
СТРАТЕГИЯ НЕМЕЦКОГО ОСЛА

В Древнем Риме говорили: армия баранов, которой командует лев, сильнее, чем армия львов, которой командует баран.

Гитлеровская армия — это армия волков, которыми командует осел. Чем занята теперь вся немецко-фашистская пропаганда? Она усиленно прячет ослиные уши Гитлера. Но они торчат в районе Сталинграда, под Воронежем и Ленинградом, на Северном Кавказе. Всюду бегут немецкие волки. Осел бежит впереди всех. Этого не скроешь. Это видно всему миру и становится ясно немецкому народу.

Гитлеровские лгуны кричат, что немцы отступают по своей доброй воле, что это они «выпрямляют» фронт.

Не бегут, а выпрямляют!

«Не вмер Данило, а болячка задавила». Эта народная пословица относится к людям, которые смертельно боятся слова «смерть». Гитлеровцы смертельно боятся слова «поражение». Они выдумывают самые мудреные и нелепые слова, лишь

бы избежать слова «поражение».

Признать, что Гитлер потерпел поражение — значит развенчать Гитлера. Это значит убить Гитлера.

Некогда египтяне возвели в божество быка. Они называли быка священным Аписом, поклонялись быку и верили в его божественную мудрость. Но пришел час, когда весь народ увидел в своем боге простого, самого обыкновенного быка.

Приближается час, когда весь немецкий народ увидит в Гитлере простого, самого обыкновенного немецкого осла. Красная Армия разрушила ореол непобедимости германской армии уже в первые месяцы войны. Теперь Красная Армия разрушает ореол германской стратегии. Она разоблачает осла в верховном главнокомандующем германской армии.

Поражение немцев в районе Сталинграда, окружение и уничтожение 22 отборных немецких дивизий — это неудача одного немецкого генерала.

Поражение немцев в излучине Дона, в среднем его течении, — это неудача другого немецкого генерала.

Поражение немцев в районе Ленинграда, прорыв блокады — это неудача третьего немецкого

генерала.

Поражение немцев в районе Моздока и Владикавказа, поспешное бегство немцев из захваченных районов Кавказа — это неудача четвертого немецкого генерала.

Поражение немцев в районе Элисты, бегство немцев из обширных пространств, прилегающих к нижнему течению Волги, — это неудача пятого немецкого генерала.

А все эти неудачи первого, второго, третьего, четвертого, пятого, шестого, десятого, двадцатого немецких генералов есть оглушительный провал Гитлера.

Разбиты Красной Армией не только немецкие дивизии: разбита вся стратегия гитлеровского командования. У немцев бывали и еще могут быть частичные и временные успехи. Немцы не выполнили ни одного своего стратегического плана. Вся их война на советско-германском фронте — это провал и неудача гитлеровских военных замыслов.

Суворов говорил: «Все удача да удача, — помилуй бог, надо немного и ума!»

О Гитлере надо сказать: «Все неудача и неудача — черт возьми! — слишком много глупости!»

Сумасбродство, нереальность планов Гитле-

ра — вот одна из причин провала немцев. В гитлеровской стратегии соединились идиотское высокомерие и первобытное невежество. Немцы сунулись в Советскую страну, переоценив свои силы и недооценив силу советского народа.

В баснях всех народов осел самоуверен и глуп. Таков он и в германской военной действительности. Адольф фон Эзель — по-немецки — Адольф-осел — ведет германскую армию к окончательному и неминуемому поражению.

№ 6, 1943 г.

Сергей Васильев
НИХТ ГУТ, ГОСПОДА ОККУПАНТЫ!

Итак, господа оккупанты,
два годы войны —
срок большой.
А ваши войска
(то есть банды)
никак не вернутся домой.
Всё те же дороги лесные,
Но нету возврата назад.
И пули советские, злые,
по-прежнему
густо свистят.
Всё те же снаряды
и мины,
и негде укрыться в тиши.
И гложут арийские спины
простые окопные вши.
И бомбы летят повсеместно,
и бьют партизаны в ночи.

И спрятаны — где
неизвестно —
от «полной победы» ключи.
Итак,
господа оккупанты,
пора бы закончить базар.
А ваши войска
(то есть банды)
то в холод бросает, то в жар.
Спокойно!
Такое бывает —
И бледность и немощный вид…
(Когда карачун подступает,
всегда почему-то знобит.)
Да, да,
господа оккупанты,
здоровье больного
«нихт гут».
Военные ваши таланты
зачахли в России,
капут!
Но мы,

господа, вам поможем,
Мы дружный
и верный народ.
Мы наши лекарства умножим —
и кризис на убыль пойдет.
Даем мы вам честное слово
(А мы обещанья храним!),
Что тягостный кризис
больного
Мы вытравим вместе
с больным!

№ 22—23, 1943 г.

Вас. Лебедев-Кумач
ОСВЕДОМЛЕННЫЙ ТОВАРИЩ

— А я вам говорю, что это будет так!
Поверьте мне, иначе быть не может!

Вы знаете, где служит мой свояк?

Так вот, он говорит буквально то же!

Ему сказал один знакомый врач,

А у врача есть пациент знакомый,

Который, безусловно, не трепач

И часто у него бывает дома.

Так этот пациент — он через зятя вхож

В одну семью, к известным очень людям...

И там был разговор... Понятно вам? Ну что ж?

Зачем же мы впустую спорить будем?

В газетах этого пока, конечно, нет,

Но будет... А когда? Конечно, неизвестно!

Я новости узнать стараюсь до газет,

Иначе просто жить неинтересно...

Что-о? Все наоборот? Откуда эта весть?

Вы можете ручаться?.. Ну, едва ли!

Кто это вам сказал?.. Во всех газетах есть?

Чудак! Так что же вы мне сразу не сказали!

Недаром грыз меня сомнения червяк,

И я сказал вчера одним своим знакомым,

Что будет все совсем, совсем не так,

А непременно по-другому!

№ 32, 1943 г.

Влад. Иванов
НЕРВЫ

* * *

— С чего бы вдруг напасть такая?
Мне страшно, — волк сказал, икая, —
Меня пугает каждый куст,
И каждый шорох, каждый хруст...
Не знаю, то ли от погоды
Иль стали сказываться годы,
Но потрясенья мне страшны,
Хочу я страстно тишины,
Нужна мне от озноба грелка...
— Послушай, волк! — задорно белка
С высокой крикнула сосны. —
Давно ль ты стал такого нрава?
— С тех пор, как началась облава, —
Ответил, взвизгнув, битый зверь.

Чем больше враг несет потерь,
Чем он к своей могиле ближе,

Тем у него и нервы жиже.

№ 37, 1943 г.

Мих. Матусовский
ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Фашистская газета «Фелькишер беобахтер» сообщает, что в развитии войны Германия остановилась на «мертвой точке».

«Мы готовим наступленье!!»,
«Мы отбили все атаки!!» —
Доктор Геббельс ставил в сводках
Восклицательные знаки.

Но за валом небывалым
Не укрылась вражья стая,
И на этот раз у немцев
Получилась запятая.

После нового провала
Присмирели забияки,
В их газетах появились
Вопросительные знаки.

Сдав Кубань и Приднепровье
Без особой проволочки,
Фрицы пишут: «Что нам делать?
Мы дошли до мертвой точки...»

Бей, товарищ, вражью силу
И гуртом и в одиночку,
Чтоб загнать их всех в могилу
И потом поставить точку.

№ 40, 1943 г.

Ник. Адуев
РЕЧЬ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА, произнесенная им в одном из самых аристократических бомбоубежищ Берлина

«Господа! (Я надеюсь, нет возражения
Против этого выражения? Да?
Правда, мы уже не господа положения,
Но по положению мы господа!)
Итак, господа, я имею честь
Открыть интимное это собрание,
Чтобы в компании нашей учесть
Итоги блестящей нашей кампании.
Не скрою: есть маловеры и нытики,
Которые шепчут на всех углах
О безумье и тупости нашей политики,
Но разбить эти басни нетрудно в прах.
Нам легко ответить таким элементам,
Их убедить и решить этот спор
Простым, но увесистым аргументом,

Зовущимся в общежитии «топор».

Господа! (Я надеюсь, что едва ли
Оправдать этот термин стоит труда!
У нас есть еще квислинги, есть лавали,
А раз есть лакеи, значит, мы господа.)
Итак, господа, прошу внимания!
Я выступаю, желаньем влеком
Доказать, что все свои обещания
Я выполнил полностью и целиком.

Я покончить с Москвой обещал?
Не скрою! Я это помню сам, как сейчас.
И что ж? Посмотрите! Разве с Москвою
Навеки не кончено все для нас?

Я обещал вам твердо и честно
Из-под Сталинграда не сдвинуться с места.
Кто ж посмеет меня упрекать во лжи?
До сих пор моя армия там и лежит.

Я, кажется, чуть ли еще не вчера

(Прошу вас факт этот тоже отметить!)

Обещал, что ни Дона, ни Днепра
Я не отдам ни за что на свете.
Я построил за валом мощный вал
И гордо скажу, не вдаваясь в детали:
Ни Днепра, ни Дона я не о т д а в а л.
Да, да! Их русские с а м и в з я л и.

Я обещал уничтожить врагов.
И что же? Прошу, подсчитайте ныне,
Сколько сотен враждебных голов
Слетает за сутки в одном Берлине.
Это значит — по части тотальной войны
Я также выполню все обещанья:
Ее методы мной будут применены
Буквально тотально ко всей Германии!
Я надеюсь, что это мое заявление
Успокоит навеки немецкую нацию!

(Бурные знаки отступления,

Переходящие в прострацию.)

№ 41, 1913 г.

С. Маршак
ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА

В ноябре сезон закрыт.
Замерли курорты.
А в Крыму фашист сидит,
К берегам припертый.

Перерезали пути
Пушки да винтовки,
И фашисту не найти
Дверцы в мышеловке.

Он мечтал собрать в Крыму
Много винограда,
Но теперь уже ему
Ничего не надо.

Смотрит в даль морскую он,
Хмурый и печальный.
Для него теперь сезон
Настает купальный.

№ 44, 1943 г.

Николай Браун
ЭХ, ЯБЛОЧКО!

Держись, доска,
Начнем с носка —
Выходи на середину,
Наше «Яблочко»!

А вдогонку за носком
Так ударим каблучком,
Чтобы фрицам подавиться
Нашим «Яблочком»!

Эх, яблочко,
С тонкой кожею —
Уж мы фрица окунем
В воду рожею!

Эх, яблочко,
Золотой налив, —
Немцы в Балтике ныряют
Головой в залив.

Ходи, зима, ходи, лето,

Ходи, улица, —
Над Москвой летят ракеты,
Немцы жмурятся.

С наших «яблочек»
Фрицы давятся,
Наши «яблочки» бандитам,
Ох, не нравятся!

Ходит буря над горами,
Гнутся тополи, —
Скоро «Яблочко» мы грянем
В Севастополе!

В саду яблоня-цветок
На проталине,
Скоро мы с тобой, браток,
Будем в Таллине!

Эх, яблочко,
Нет румянее, —
Скоро с «Яблочком» пойдем
По Германии!

№ 11—12, 1944 г.

Борис Лавренев
НЕПРОЧНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Штурмбаннфюрер эсэсовского охранного отряда Освальд Винтертум славился среди своих коллег и подчиненных как человек, способный на всякие хитрые штуки.

Поэтому, когда в округе села Веселая Горка появился партизанский отряд деда Гаврилы и фрицы ежедневно стали списывать в убыток людей, автомашины и имущество, Винтертум поклялся перед двумя приятелями, начальниками соседних охранных отрядов, что он этого деда Гаврилу изловит и зажарит живьем.

На следующее утро на стене комендатуры появилось собственноручно написанное Винтертумом объявление:

«Всем проживателям

округа Веселая Горка

Объявляется от немецкий командований, что личность, которая имеет изловить и доставить в живая или мертвая наличность партизана под прозыванием «дед Гавриля» осчастливливается получать от германская правительства шесть гектаров хороший земля по свой набор и наверх этого десять литров чистая водка.

Штурмбаннфюрер СС О. Винтертум».

— Это будет иметь действие, — глубокомысленно сказал Винтертум, читая собственное творчество.

Три дня никто не шел и не тащил за собой деда Гаврилу. Вечером четвертого дня Винтертум лег на пуховик в своей комнате, в бывшей сельской амбулатории. Подвинув к постели ночник, он углубился в чтение очередных инструкций по внедрению в население любви к Германии и заснул за этим почтенным занятием. Он проснулся от невежливого толчка в бок, протер глаза и едва не свалился с пуховика, увидев у своего ложа трех бородачей с пистолетами, направленными ему в переносицу.

— Вас ист дас? — спросил изумленный штурмбаннфюрер.

— Третий час, — в рифму ответил ему один из бородачей. — Вставай, чучело немецкое, давай знакомиться. Я дед Гаврила.

Винтертум сидел на пуховике и хлопал выпученными глазами.

— Да что ты, как будто не рад? — спросил бородач. — Вот же чудак! То объявление вешает, чтобы меня к нему доставить, а когда сам доставился, он, гляди, недоволен.

— Что вы будете с меня делать? — с трудом выговорил Винтертум, щелкнув зубами.

— А ничего, — засмеялся бородач, — просто пришли на тебя поглядеть да побалакать маленько. Это же ты сам писал? — И перед лицом Винтертума закачалось вышеуказанное объявление.

— Я писал, — скромно ответил штурманнфюрер, — капут Гитлер!

— Что Гитлер капут, это безусловно, — согласился партизан. — Но про Гитлера разговор потом. Сперва у нас с тобой отдельная беседа состоится. Садись за стол, гостем будешь.

И так как Винтертум медлил последовать приглашению, железная рука подняла его за ворот и плюхнула на табурет у стола.

— Вот, видишь, милок, — сказал дед Гаврила, — прочел я твое объявление и, прямо скажу,

расстроился. До чего же вы, немцы, щедрый народ! За такую незначительную личность, как я, целых шесть гектаров отваливаете! Видать, что у вас госконтроля нет, потому так и швыряетесь. А вот насчет шнапса — это дело другое. Вот и хочу тебя, дружок, угостить. Степа, поставь их благородию шнапсу. Тринкай! Битте шнапс за наше здоровье!

— Данке, — робко произнес Винтертум, — я не любиль пить на ночь.

— Чепуха, — ответил дед Гаврила и неторопливо вытащил из кобуры пистолет. — Пей, голубок! Ночью еще способней, чем днем. Бог в темноте пьяницу не видит. Ты извини, что без закуски.

Дед еще ближе придвинул кружку и взвел курок пистолета. Услыхав этот звук, Винтертум зажмурился и поспешно опрокинул кружку в рот. Водка огнем хлынула по его телу, и он закашлялся.

— Чихни! — ласково сказал дед Гаврила, наполняя кружку опять. — Это помогает.

— Я… я больше не могу, — пролепетал штурмбаннфюрер, дрожа.

Черный кружок пистолетного дула уставился в его глаза, и голос деда Гаврилы, внезапно ставший угрожающим, загремел:

— Что? Партизанским угощением брезгуешь? Да как ты смеешь! Пей, собака!

Винтертум простонал и, закрыв глаза, выпил вторую кружку. Дед Гаврила тотчас же наполнил ее в третий раз. Изба поплыла у немца перед глазами, и дед Гаврила раздвоился.

— Пей, пей, милок! — приговаривал партизан. — Водка — чистый первач! Пей без капризу!.. А то у меня характер нетерпеливый стал.

Винтертум выпил, вдруг заклохтал, как курица, и грузно сполз под стол.

— Пущай передохнет, — сказал дед Гаврила. — Достаньте-ка, хлопцы, огурчиков, теперь мы выпьем по кружечке.

Через полчаса дед Гаврила приказал поднять Винтертума. Но тот не очнулся даже от пинка сапогом. Тогда Степа наклонился над ним и заглянул в лицо.

— Не дышит, — сказал Степа, выпрямляясь.

— Да ну? — удивился дед Гаврила. — Вот те и на! Не ожидал. Я думал малость споить его, чтоб легче было утащить его в лес, а он того-с… До чего слабая нация! Непрочный элемент! Сплошные эрзацы! Пора, ребята, до лесу! Пошли!

И, закончив надгробное слово над Винтертумом, дед Гаврила вместе с товарищами вышел из избы, и все трое растаяли в серых предрассветных сумерках.

№ 21—22, 1944 г.

Семен Кирсанов
СОН ЗЛОВЕЩИЙ, ЗЕЛО ВЕЩИЙ

Под бетонным потолком,
под железным колпаком
фюрер спит в подземной спальне,
страхом скрючена рука,
острый нос на роже сальной,
под глазами два мешка,
над губой торчит щетина,
спит Адольф-полумужчина,
над Берлином бомбопад,
остальные все не спят.

Мимо спальни ходят слуги,
сообщают тихо слухи:
— Говорят... опять котел:
...Русс... до Пруссии дошел...
Говорят... Иван уже...
на германском рубеже...
...Говорят... попался Гаман...
Расстрелял сто тысяч там он.

...Как податься нам в Мадрид...
...Тише, с фюрером припадок...
Сон его теперь несладок,
он рычит, он говорит...

Фюрер спит под колпаком,
под бетонным потолком,
на лице его ожоги,
забинтованные ноги.
Фюрер мечется в постели,
он увидел вещий сон,
что два раза был расстрелян
и сто раз повешен он.
Видел он
в своем кошмаре,
что по длинному шоссе
он шагал, его по харе
били, били, били все.
Он проснулся
весь в поту
и уперся в темноту.

У дверей стоит охрана —

два эсэсовских уркана,
говорят между собой:
— Дело — дрэк, конец плохой.
— Я один замучил триста
русских пленных большевистов.
— Нас в Швейцарии найдут.
И в Испании! И тут!..
Может, фюрера угробить?
Нас помилуют, должно быть!..

Под бетонным потолком,
под железным колпаком
Гитлер пальцем карту мерит,
веки щурит, зубы щерит:
— ...До границы сорок точно,
за три дня пройдут они...
Сто — по Пруссии Восточной,
тоже считанные дни...
От Варшавы
до Берлина
всей дороги половина!..
А они — идут, идут,
скоро, скоро будут тут!

Надо золото скорее
отослать за Пиренеи...
Бриллиант зашить под кожу!..
Ужас корчит злую рожу,
истекает пеной рот,
черным мучимый недугом,
слышит он — шаги за Бугом,
видит свой последний год,
чует он петлю на шее
и на набережной Шпрее
слышит голос:
— Суд идет!

№ 26—27, 1944 г.

Алексей Толстой
КАРТИНА

Захотела свинья ландшафт писать. Подошла к забору, в грязи обвалялась, потерлась, потом грязным боком о забор — картина и готова.

Свинья отошла, прищурилась и хрюкнула.

Тут скворец подскочил, попрыгал, попикал и говорит:

— Плохо, скучно!

— Как? — сказала свинья и насупилась, прогнала скворца.

Пришли индюшки, шейками покивали, сказали:

— Так мило, так мило!

А индюк шаркнул крыльями, надулся, даже покраснел и гаркнул:

— Какое великое произведение!..

Прибежал тощий пес, обнюхал картину, сказал:

— Недурно, с чувством, продолжайте... — И поднял заднюю ногу.

Но свинья даже и не поглядела на пса.

Она лежала на боку, слушала похвалы и по-

хрюкивала.

В это время маляр пихнул ногой свинью и стал забор красной краской мазать…

Завизжала свинья, на скотный двор побежала:

— Пропала моя картина, замазал ее маляр краской… я не переживу горя.

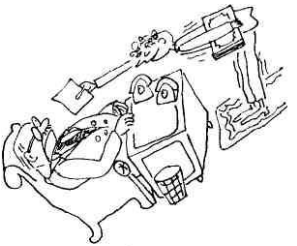
— Варвары… варвары… — закурлыкал голубь.

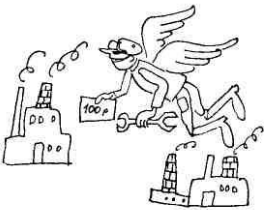
Все на скотном дворе охали, ахали, утешали свинью, а старый бык сказал:

— Врет она… переживет.

№ 8, 1945 г.

1946—1972





1946-1972

Морис Слободской
ПЯТНА НА МРАМОРЕ

На мраморе прекрасных зданий
Распространенней всех изданий
Повсюду вывески висят.
Мы в день по сотне их читаем,
Как книгу, улицу листаем:
Страница — дом, строка — фасад.
Но эти все произведенья
Не доставляют наслажденья.
С фасадов кто-то каждый день
Нам преподносит дребедень.
Неудержимо и упрямо,
Как резолюцию на лист,
Большими буквами на мрамор
Кладет печать канцелярист.
Ни одного простого слова,
Слова — одно страшней другого,
Родной язык давно забыт,
И незаметно, постепенно,

Покинув мраморные стены,
Слова-уроды входят в быт.
Не магазин, а «райпродбаза»,
Не масло, а «животный жир»...
От этих слов скучнеет сразу
И блекнет многоцветный мир.
Я чувствую себя паршиво —
Вопрос передо мною вдруг:
Кто шьет в артели «индпошива»:
Индус, индеец иль индюк?
Мне неуютно в ресторане.
Зашел туда — и сам не рад:
На ресторане, как на бане,
Написано: «Второй разряд».
Вино стоит в бутылке старой,
Оно, как золото, блестит.
Но от названья «стеклотара»
Меня и без вина мутит.
К тому ж невкусно мне вино,
Когда на вес идет оно.
Бокал вина за здравье дамы
Готовы поднимать всегда мы,

Но поднимать за милых дам
Нельзя, допустим, двести грамм.
Нельзя любимой в самом деле
Дарить коробку «кондизделий».
И креп-сатин — уже не креп,
Когда он назван «ширпотреб»,
Итак, я ем «мясопродукты».
Хожу обедать в «пищеблок»,
Из «Горпродторга» «сухофрукты»
Я в «жилмассив» свой приволок…
Бледнею я от возмущенья,
Я всюду вижу сокращенья,
Я начинаю горячиться.
Схожу с ума. Я сам не свой:
— Гор-чица — городская чица?
Мужской порт-ной — портовый Ной?
Кол-басник — коллективный басник?
Гор-дыня… Господи, прости!..
Нет, право, нет меня несчастней!..
Куда бежать, куда уйти?!
Слова холодные роятся,
И скрыться некуда от них,

Слова конторских калькуляций
И канцелярских накладных!
Куда деваться, я не знаю,
От изуродованных слов —
Канцпринадлежность я кусаю
И бумпродукцию бросаю,
Не дописав сатирстихов!

№ 6, 1946 г.

Я. Сашин
БАЛЛАДА

На восемнадцатый этаж
Поднялся репортер.
В его портфеле репортаж
О трех десятках крупных краж
И радиообзор.
Редактор, сморщив толстый нос,
Сощурив рыжий глаз,
Солидным басом произнес:
— В обзоре освещен вопрос
Неправильно у вас.
Должны заботиться о том
Издатели газет,
Чтоб был доволен мистер Гром,
Чтоб был доволен мистер Бром,
Хотя между собой ни в чем
У них согласья нет.
— Так что ж мне делать, мистер Нуль?! —

Воскликнул репортер. —
При данных трудностях смогу ль
Я выправить обзор?
— Вы молоды еще, мой друг,
Вам трудности страшны,
Но прогоните свой испуг —
Мы круг практических наук
Осваивать должны.
И мистер Нуль, со стула встав,
Продолжил не спеша:
— У кошелька строптивый нрав.
Он в мире вводит свой устав,
Все прочие круша.
А мистер Бром и мистер Гром
Имеют крупный счет,
И мы, работая пером,
Должны учесть, что всё кругом
По-ихнему течет.
Да, мистер Гром влюблен в кино,
А Бром в балет влюблен.
Один, проснувшись, пьет вино,
Другой покушать любит, но

Блюдет сухой закон.
Да, мистер Гром — с недавних пор
Франкистам друг в душе,
А Бром ему наперекор
Имел интимный разговор
С китайским атташе.
У них различие во всем,
До платья и манер,
Но оба сходятся в одном:
Не любит Гром, не любит Бром
Страну ЭсЭсЭсЭр.
И Гром и Бром событий ход
Непрочь бы повернуть.
Конечно, если взять народ,
То он совсем наоборот.
Но не в народе суть.
Так вот вам Ариадны нить —
Исправьте свой обзор.
— Теперь я знаю, как мне быть! —
Воскликнул репортер.
И он тотчас же сел за стол
И через пять минут,

Забыв про виски, про футбол
И про прекрасный дамский пол,
Пространный начал труд.
Да, это был газетный блиц —
«Москва», «Москве», «Москвой» —
Пятнадцать пакостных страниц
Невероятных небылиц,
Вранье и злобный вой.
И был доволен мистер Гром,
И был доволен мистер Бром,
Читая эту муть.
Конечно, если взять народ,
То он совсем наоборот,
Но «не в народе суть».

№ 33, 1946 г.

Илья Эренбург
ПОКЛОНЕНИЕ ДОЛЛАРУ

В Америке очень много зарегистрированных культов, однако самая популярная религия — это долларопоклонничество. Доллар не только деньги, доллар — это божество, благодать, мистерия.

Художественный критик, представив мне одного молодого художника, скороговоркой произнес фамилию, зато отчеканил: «Три тысячи долларов». Желая сказать приятелю комплимент, говорят: «Вы выглядите сегодня, как миллион долларов».

Меня пригласили на обед одного прогрессивного общества. Меню было обычным: компот с майонезом, куски гигантской курицы, которая по праву может быть названа пернатым бегемотом, мороженое; запивали это ледяной водой. Самые именитые гости сидели на подмостках. Когда все проглотили мороженое, председатель ударил деревянным молотком по столу и начал говорить о преимуществах мира над войной, вернее, он читал доклад, написанный заранее; то же самое проделали четыре других оратора. Вслед за этим

к микрофону подошла певица и спела сентиментальный романс. Ее сменил пастор — специалист по сбору денег. Все знают, что пасторы умеют собирать деньги куда лучше, чем инженеры, врачи или журналисты, поэтому у пасторов существует подсобный заработок — ежевечерне на различных обедах они собирают деньги то в пользу частного университета, то на поддержку китайских миссионеров, то для сирот полицейских. В тот вечер пастор собирал на «дело защиты мира»; он говорил очень громко и страстно, обильно жестикулируя. Перед ним лежал список лиц, которые заранее согласились дать кто тысячу, кто пятьсот долларов. Изобразив удивление, пастор закричал: «Мистер Смитс потрясает меня своей щедростью — только что мне сообщили, что он жертвует тысячу долларов!» Раздались дружные аплодисменты; мистер Смитс встал, кокетливо раскланялся. Потом пастор перешел к тем, кто дал по двести долларов. Девушки рыскали между столиками и собирали чеки. Когда я сказал, что у нас люди, борясь за Родину, отдавали свою жизнь с большей скромностью, чем присутствующие дают доллары, меня не поняли, и один американец участливо спросил: «Вы не больны?..» Будучи «прогрессивным», он мог отрицать все, только

не доллары.

Помимо культа доллара, общераспространен культ успеха. Равно восторгаются успехами сенатора и кинозвезды, боксера и гангстера.

Конферансье в кабаре объявляет публике: «Среди нас находится известный русский писатель». Аплодисменты. Потом конферансье объявляет, что в зале другие именитые гости: сенатор, знаменитая певица и некто Девис. Чем славен этот Девис?

У него магазин электрических приборов, и он «после войны увеличил втрое свои обороты». Овация.

Любовь к рекордам. Один проповедник недавно сказал в церкви: «Особенно велик Иисус Навин, который, остановит солнце, побил этим рекорд чудес…»

№ 11, 1947 г.

Михаил Исаковский
ОПЛОШНОСТЬ

Наш колхоз по телефону
Извещал он всякий раз:
«Дескать, езжу по району,
Буду, значит, и у вас.

Надо встретиться с народом,
Разузнать про все дела.
Говорят, что много меду
Ваша пасека дала...»

Говорил он веско, четко
И кончал, бывало, так,
Что яичница и водка —
Это тоже важный факт.

Пить он мог и днем и ночью —
Не за свой, конечно, счет.
А еще любил он очень,
Чтобы был ему почет,

Чтоб у нас его встречали

Честь по чести у двора,
А как выпьет, чтоб качали
И кричали бы «ура».

Эта вещь — уж будь надежен! —
Не знакома все была.
Но одна оплошность все же
И у нас произошла.

Не смекнули мы вначале,
Не сумели оценить:
Мы качать его качали,
Но… забыли уронить!

№ 11, 1947 г.

Вл. Масс, Мих. Червинский
НОРМЫ ДЛЯ ПРОФОРМЫ

Ждать, казалось, бесполезно,
Мы сидим — его все нет.
Вдруг он вышел и любезно
Пригласил нас в кабинет.
Он нас принял очень мило.
Закурил, потом сказал:
— Значит, вы из «Крокодила»?
Да, знакомый мне журнал!
Вы, наверно, знать хотите,
Кто у нас передовой?
Если так, тогда берите
Сразу весь участок мой.
Все — стахановцы! Участок —
Уж поверьте — первый класс!
Повышаем норму часто
Мы и в пять и в десять раз.
Все по 1 000 процентов! —
Вот отныне наша цель.

Цифры? Это я моментом,
Дайте только взять портфель.
Вот. Прошу вас убедиться.
Землекопы. Все подряд:
Норма выработки — тридцать,
Дали — двести пятьдесят.
Или вот вам Костин — плотник.
Цифры — просто чудеса.
Замечательный работник:
Сделал норму в полчаса!
В полчаса? Вот это сроки!
Но неясно нам пока:
То ли люди так высоки,
То ли норма так низка?
Как у вас, скажите, нормы?
— Мне понятен ваш намек.
Дело в том, что до сих пор мы
Брали нормы…
— На глазок?
— Нет, зачем! Мы можем вскоре
Сверить цифры…
— У станка?

— Нет, на месте, здесь, в конторе.
Мы возьмем их...
— С потолка?
— Нет, зачем! Смотрите, кипу
Разных данных я собрал.
Мы берем в основу...
— Липу?
— Нет, не липу — матерьял!
— Матерьял научный?
— Ясно!
Всё по форме мы берем.
Арифметика прекрасно
Помогает нам во всем.
Я не первый, не последний,
Это мне не в первый раз...
Матерьял, конечно, средне-
статистический у нас.
Пять работников похуже,
Двух совсем берем плохих,
Ну и трех неважных тут же,
Этих множим на других.
Делим этих мы на этих,

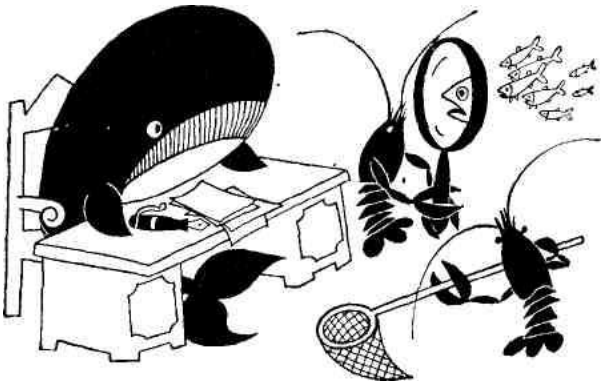
Вычитаем тех из тех.
Сбросим с этих по две третьих —
Норма есть, и есть успех!
— В чем успех?
— Успехи эти
Мне нетрудно доказать:
Нашу норму даже дети
Могут перевыполнять.
В результате скажем прямо:
Учтено все до конца.
Каждый день у нас программа
Пере-выпол-няет-ся!
Наши нормы…
— Для проформы!
— Что вы!.. Мы со всех сторон…
Тут прервали разговор мы,
Чтобы сесть за фельетон.

№ 15, 1947 г.

Александр Безыменский
КИТЫ И ПЛОТВА

За многотомными спесивыми китами
Плыла литературная плотва.
Киты смотрели темными глазами
И говорили строгие слова
О том, что некогда возиться им с плотвою,
Со всякой мелочью литературных вод,
Что мелких рыб количество такое
В святилище бессмертных
не войдет.
Но вот китам
сурово разъяснили,
Что так к плотве не надо подходить,
Что лишь вчера
киты плотвою были,
Что надо им в другом работать стиле:
Плодить плотву!

Выращивать!
Любить!



...И вновь за многотомными китами
Плыла литературная плотва.
Киты смотрели томными глазами
И говорили нежные слова
О том, что надобно возиться и с плотвою,
С любою мелочью литературных вод.
Пускай живет содружество святое!
Ура-ура! Вперед-вперед-вперед!
И, чтобы ясности придать своим сло-

вам,
Плотву направили к дельфинам-
консультантам,
Которые с присущим им талантом
Хвостами шлепнули плотву по голо-
вам!

Мы молодых печатаем все шире,
Все больше к ним любви и доброты!
Но, к сожалению,
в литературном мире
Еще встречаются спесивые киты.

№ 18, 1947 г.

Илья Сельвинский
БЛОХОИСКАТЕЛЬ ВАСЮК

Среди граждан Советского Союза, живущих высокими духовными интересами, есть и такой: Васюк, Николай Иваныч.

Анкетой его мы заниматься не будем, скажем только, что служит он младшим экономистом в одном из московских учреждений. Но это не главное в его жизни, и теперь вы поймете, почему нас не может интересовать такая сухая вещь, как анкета. Главное в этом человеке — неутолимая, неистребимая любовь к искусству. Точнее, к литературе. Еще точнее, к поэзии. Не успеет Васюк прийти с работы домой, как тут же садится за стол и, вдохновенно ткнув перо в чернильницу, пишет, пишет, пишет.

Какого же рода изящную словесность избрал для своего творчества живущий духовными интересами Васюк?

«Уважаемый тов. редактор!

Во вчерашнем номере Вашей газеты прочитал я стихотворение, в котором имеются следующие строки, вызываю-

щие у массового читателя вполне закономерное недоумение:

«Высокó, высóко ли
Пролетали соколы…»

Не говоря уже о том, что автор так и не ответил на им же самим поставленный вопрос, на каком именно уровне соколы пролетали, мы даже не знаем того, пролетали они «высóко», как говорят на севере, или же «высокó», как произносят на юге».

Почти ежедневно в большой редакционной почте среди настоящих читательских писем, среди горячих и взволнованных откликов мы находим и корявое письмецо Васюка.

Однажды с Васюком произошел конфуз, который чуть было не выбил из-под него почву. И если этого не случилось, то исключительно благодаря твердости его характера.

В редакцию поступило очередное послание Васюка:

«Уважаемый тов. редактор!
С недоумением и даже негодованием

прочитал я на страницах Вашей газеты цитату из какого-то стихотворца:

«В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я...»

Хотя буква «С» повторяется здесь дважды, но ведь звук-то ее слышится однажды! И возникает вопрос: с каким таким «винцом» недвижимо лежал незадачливый автор сих, с позволения сказать, «виршей». Стихотворца я, конечно, понимаю: стихотворцу важен гонорар. Но куда смотрит редакция? В надежде, что вы напечатаете это мое письмо.

С приветом Николай Васюк».

Письма, конечно, не напечатали, и Васюк явился ко мне поплакать в жилетку:

— Вот ваши литературные нравы! Не напечатали? Ясное дело — дружки, небось, и выпивают вместе. Нет, что ни говорите, а не любят у нас самокритику.

— Вы не совсем правы, гражданин Васюк: выпивать с автором этих стихов сейчас довольно

затруднительно, поскольку он все-таки, знаете, Лермонтов.

— Нет, вы серьезно?

— Могу доказать.

Я потянулся к полке за книгой.

— М-да… — разочарованно протянул Васюк, и глаза его утратили присущий им ядовитый оттенок. — М-да-а…

Я глядел на Васюка соболезнующим взглядом, но в глубине души коварно надеялся, что этот «случай с классиком» произведет на него отрезвляющее действие.

Но — увы! — я плохо знал Васюка.

— Как живете, Николай Иваныч? — спросил я его через неделю. — По-прежнему истребляете нашего брата, современника?

— Нет уж. Подымай выше. На классику перешел.

— ?!?

— Лермонтовым занимаюсь.

— Биографию, что ли?

— Подымай выше: ищу блох.

— Чего-чего?

— Блох ищу. Я имею в виду всякие словесные блошки. Извольте полюбопытствовать.

Он вынул блокнот.

— Я человек нелицеприятный. Лермонтов, не Лермонтов — меня это не интересует. Важен критический метод, ибо только он может дать явлению, так сказать, литературы подлинно объективную оценку, не зависящую от вкусовщины. Возьмем так называемого Лермонтова. Вы, конечно, согласны с тем, что «Мцыри» — одно из лучших его произведений, а бой Мцыри с барсом — одно из лучших мест этого произведения. Так вот, глядите, что вскрывает мой метод:

«То был пустыни вечный гость,
Могучий барс».

Блоха № 1. «Вечный гость»! Гость, дорогие товарищи, — это такое лицо, которое приходит на время, а ежели оно торчит у вас вечно, то это уж, извините меня, хозяин!

«Сырую кость
Он грыз и весело визжал».

Блоха № 2. Кошачий хищник никогда не позволит себе визжать, да еще весело! Это, уверяю я вас, исключительно собачья специальность (см. Брем. Т. III, стр. 351)».

Я засмеялся.

— Ага! Дошло! То-то же. Я и до Пушкина доберусь! Что это, скажите на милость, за «Медный всадник», который при ближайшем рассмотрении оказывается «гигантом на бронзовом коне»? Хороша медь! Вот увидите, я с моими блошками далеко пойду. Сейчас я готовлю новых двенадцать писем в редакцию. Достанется и современникам и некоторым зарвавшимся классикам.

№ 18, 1947 г.

Арк. Васильев
БАРХАТНАЯ ДОРОЖКА

Зрение у Пчелкина было превосходное. Но как только его назначили заместителем управляющего, он купил очки, такие же, как у самого управляющего товарища Волкова.

Оставаясь один в своем кабинете, он снимал очки, а если кто-нибудь, войдя без доклада, заставал его без них, он торопливо доставал из жилетного кармана кусочек замши и начинал старательно протирать стекла.

Пчелкин старался во всем подражать своему начальнику. Он стал носить такой же костюм, обзавелся такой же, как у Волкова, толстой тростью с медной насечкой. Он долго не решался сменить привычную кепку на шляпу, но не вытерпел и купил шляпу, такую же, какую носил управляющий, — темно-синюю, с узкой черной лентой.

Прежде чем показаться в шляпе на улице, он около двух недель привыкал к ней дома. Придя с работы и отдохнув после обеда, он надевал шляпу и гулял в ней по двору.

Управляющий был высокий, дородный, а Пчел-

кина природа ростом обидела. Неприветливый и часто угрюмый, он расцветал, если ему говорили:

— Я вчера вас на улице видел. Думаю, кто это идет? Сначала мне показалось, что это ваш Волков, а это вы…

И все же, несмотря на все его старания походить на управляющего, он был всего-навсего только Пчелкин.

У управляющего была не только шляпа, но и авторитет. У Пчелкина была шляпа, а вот авторитета не было. И Пчелкин решил приобрести авторитет.

На собраниях Пчелкин, не дожидаясь выборов, появлялся за столом президиума. Если же он опаздывал и видел, что место рядом с Волковым занято, то он мрачнел и был в плохом настроении весь день.

Из всех искусств Пчелкин признавал только игру в шестьдесят шесть. Но для поддержания авторитета и следуя опять-таки примеру Волкова, он часто появлялся в театре: устраивался в ложе поудобнее и засыпал, мечтая об антракте, когда можно будет выпить бутылку пива.

На совещаниях, где Пчелкин бывал довольно часто, он видел, как многие, придя пораньше,

толпились у книжных киосков, жадно выбирая книги.

— Отложите мне десяточек посвежее, — важно говорил он киоскерше, так, как будто она продавала не книги, а жирных карасей.

Даже дома Пчелкин не забывал о своем авторитете. Наставляя жену и девятилетнего сына Кольку искусству жить, он, не мигая, глядя в одну точку, говорил им:

— Сколько в нашей округе докторов? Много. Еще больше учителей, агрономов и прочих. Я же один, если не считать товарища Волкова.

Однажды Пчелкин, придя на службу, вызвал к себе в кабинет завхоза. Медленно выговаривая каждое слово, он спросил:

— Вы мне ответьте: на каком основании вы решили подрывать мой авторитет?

Завхоз, не понимая, в чем дело, молча стоял, дожидаясь разъяснений.

Но Пчелкин сухо произнес:

— Идите и подумайте, а через час зайдете.

Через час завхоз вновь предстал перед Пчелкиным. Заместитель управляющего сидел в кресле, как каменный идол. Не глядя на завхоза, Пчелкин спросил:

— Додумали?

Завхоз развел руками и взмолился:

— Алексей Кузьмич! Не томите душу! Скажите, в чем я перед вами провинился?

— У вас авторитета нет, вам и терять нечего. А каково мне?

Завхоз снова ничего не понял. Тогда Пчелкин уточнил обиду:

— Почему до моего кабинета не дотянул?

Тут все и выяснилось. Оказалось, что накануне завхоз купил где-то по случаю новую бархатную дорожку и положил ее в коридоре. Дорожка была короткая, и два метра коридора до двери Пчелкина остались непокрытыми.

Завхоз пытался было объяснить, что длиннее дорожки не было и что не стоит, дескать, из-за этого волноваться. Он так и сказал:

— Вы уж меня простите, Алексей Кузьмич, что я обмишулился. Я учту. Но волноваться, право, не стоит.

Все, может быть, на том бы и кончилось. Но, уходя, завхоз высказал еретическую мысль, что авторитет дорожкой не поднимают.

— Дорожка — она и есть дорожка. Вот у соседей один начальник в кабинете кресла и стены шелком обтянул. А приемник поставил… не приемник, а целый орган. И его все-таки сняли…

Такого святотатства Пчелкин вытерпеть не смог. Он забыл, что полгода говорил басом, и перешел на визг…

Приказ Пчелкина об увольнении завхоза был отменен после вмешательства общественных организаций. Сочтя это за личную обиду, Пчелкин подал заявление об уходе. Его не задержали.

Скоро в этом учреждении о нем забыли. Забыли даже, как его звали, а если вспоминали, то только так:

— Помните, у нас этот работал… ну как его… да этот «бархатная дорожка»?

Где-то он сейчас? По какой ходит дорожке?

№ 28, 1947 г.

Владимир Соловьев
ВМЕСТО ОБЗОРА ПЕЧАТИ

В английском «Таймсе» опубликовано письмо, где автор высказывает опасение, как бы Москва не воспользовалась для своей пропаганды публичным высказыванием одного из министров о том, что «английская пресса занимает по своей продажности первое место в мире».

Что пресса в Англии продажна,
Тому легко найти пример,
Но что на первом месте даже
Она стоит, — навряд ли, сэр!

Покамест есть газеты Херста,
Покамест действует Ялчин, —
Еще идет борьба за место,
И горячиться нет причин.

И по продажности не просто
Добиться первенства страны:
Зависит многое от спроса

И от предложенной цены.

В сравненьи с прессой стран соседних
По добыванью тайных средств
У англичан одно из средних,
Но, так сказать, почетных мест.

У них есть опыт, это верно,
При постановке острых тем —
От неких «писем Коминтерна»
И вплоть до протоколов «М»,

Но Херст, как это всем известно,
Шагнул настолько далеко,
Что перекрыть рекорды Херста
И англичанам нелегко!

А то, что пресса их продажна,
Известно всем в СССР.
Вот почему мы мненьем вашим
И не воспользуемся, сэр,

№ 23, 1948 г.

Сергей Михалков
ОСТОРОЖНЫЕ ПТИЦЫ

Топтыгин занемог — вскочил чиряк на шее.

Ни лечь ему, ни сесть, ни охнуть, ни вздохнуть

И ни уснуть.

Вот Дятла он велит к себе позвать скорее,

Чтоб злой чиряк немедленно проткнуть.

За Дятлом послано. Как лекарь объявился,

Он тотчас же и так и сяк

Со всех сторон обследовал чиряк.

Но вскрыть его, однако, не решился,

Топтыгину сказав при этом так:

«Уж коли сам, злодей, до ночи не прорвется

И протыкать его придется,

То следует созвать совет из лекарей.

К тому ж у Филина, известно, клюв острей!»

За Филином, за Петухом послали.

Глаз не сомкнул больной всю ночь.

На утренней заре врачи слетаться стали,

Слетелись и сидят — решают, чем помочь,

И к общему приходят мненью:

«Чиряк покамест не вскрывать,

А если к вечеру не будет облегченья,

Придется, видно, Журавля позвать,

Поскольку у него и глаз вернее

И клюв длиннее!»

* * *

Тем временем Медведь, ворочаясь в углу,
Вдруг ненароком придавил Пчелу,
И бедная Пчела, как это ей пристало,

Куда-то, наугад, свое вонзила жало,
И ожил тут Медведь: Пчела его спасла!
Вздохнули лекари: им тоже легче стало,
Не потому, что жало в цель попало,
А потому, что милая Пчела
С них, так сказать, ответственность сняла...

Перестраховщики! Я вам мораль прочел
Не для того, чтоб вы надеялись на пчел!

№ 30, 1948 г.

Д. Беляев
СТИЛЯГА

Прошлым летом мы со знакомым агрономом брели по ржаному полю. И вот я заметил один резко выделяющийся из массы колос. Он был выше всех остальных и гордо покачивался над ними.

— Смотрите, — сказал я агроному, — какой мощный, красивый колос! Может быть, это какой-нибудь особенный сорт?

Агроном безжалостно сорвал колос и протянул мне:

— Пощупайте, в этом красивом колосе совсем нет зерен. Это колос-тунеядец, он берет влагу и все прочее от природы, но не дает хлеба. В народе его называют пустоколоска. Есть и цветы такие в природе — выродки. Они часто красивы на вид, но внутренне бессодержательны и не плодоносят, называются пустоцветом. Так вот и этот колос…

— Колос-стиляга! — воскликнул я.

Пришел черед удивляться агроному:

— Как вы сказали?

— Стиляга, — повторил я и рассказал агроному

следующую историю.

* * *

В студенческом клубе был литературный вечер. Когда окончилась деловая часть и объявили танцы, в дверях зала показался юноша. Он имел изумительно нелепый вид: спина куртки ярко-оранжевая, а рукава и полы зеленые; таких широченных штанов канареечно-горохового цвета я не видел даже в годы знаменитого клеша; ботинки на нем представляли собой хитроумную комбинацию из черного лака и красной замши.

Юноша оперся о косяк двери и каким-то на редкость развязным движением закинул правую ногу на левую, после чего обнаружились носки, которые, казалось, сделаны из кусочков флага какой-то экзотической страны, — так они были ярки.

Он стоял и презрительно сощуренными глазами оглядывал зал. Потом юноша направился в нашу сторону. Когда он подошел, нас обдало таким запахом парфюмерии, что я невольно подумал: «Наверное, ходячая реклама ТЭЖЭ».

— А, стиляга, пожаловал! Почему на доклад опоздал? — спросил кто-то из нашей компании.

— Мои вам пять с кисточкой! — ответил юно-

ша. — Опоздал сознательно: боялся сломать скулы от зевоты и скуки… Мумочку не видели?

— Нет, не появлялась.

— Жаль, танцевать не с кем.

Он сел. Но как сел! Стул повернул спинкой вперед, обнял его ногами, просунул между ножками ботинки и как-то невероятно вывернул пятки: явный расчет показать носки. Губы, брови и тонкие усики у него были накрашены, а прическе «перманент» и маникюру могла позавидовать первая модница Парижа.

— Как дела, стиляга? Все в балетной студии?

— Балет в прошлом. Отшвартовался. Прилип пока к цирку.

— К цирку? А что скажет княгиня Марья Алексевна?

— Княгиня? Марья Алексеевна? Это еще что за птица? — изумился юноша.

Все рассмеялись.

— Эх, стиляга, стиляга! Ты даже Грибоедова не знаешь… В это время в зале показалась девушка, по виду спорхнувшая с обложки журнала мод. Юноша гаркнул на весь зал:

— Мума! Мумочка! Кис-кис-кис!..

Он поманил пальцем. Ничуть не обидевшись на такое обращение, девушка подпорхнула к

нему.

— Топнем, Мума?

— С удовольствием, стилягочка!

Они пошли танцевать.

— Какой странный юноша! — обратился я к своему соседу-студенту. — И фамилия странная: Стиляга — впервые такую слышу.

Сосед рассмеялся:

— А это не фамилия. Стилягами называют сами себя подобные типы, на своем птичьем языке. Они, видите ли, выработали свой особый стиль в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их «стиле» — не походить на обыкновенных людей. И, как видите, в подобном стремлении они доходят до нелепостей, до абсурда. Стиляга знаком с модами всех стран и времен, но не знает, как вы могли убедиться, Грибоедова. Он детально изучил все фоксы, танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией. Он знает наизусть все арии из «Сильвы» и «Марицы», но не знает, кто создал оперы «Иван Сусанин» и «Князь Игорь». Стиляги не живут в полном и в нашем понятии этого слова, а, как бы сказать, порхают по поверхности жизни… Но посмотрите…

Я и сам давно заметил, что стиляга с Мумочкой

под музыку обычных танцев — вальса, краковяка — делают какие-то ужасно сложные и нелепые движения, одинаково похожие и на канкан и на пляску дикарей с Огненной Земли. Кривляются они с упоительным старанием в самом центре круга.

Оркестр замолчал. Стиляга с Мумочкой подошли к нам. Запах парфюмерии разбавился

терпким запахом пота.

— Скажите, молодой человек, как называется танец, который вы танцуете?

— О, этот танец мы с Мумочкой отрабатывали полгода, — самодовольно объяснил юноша. — В нем шикарно сочетается ритм тела с выражением глаз. Учтите, что мы, я и Мума, первые обратили внимание на то, что главное в танце — не только движение ног, но и выражение лица. Наш танец состоит из 177 вертикальных броссов и 192 горизонтальных пируэтов. Каждый бросс или пируэт сопровождается определенной, присущей данному броссу или пируэту улыбкой. Называется наш танец «стиляга це-дри». Вам нравится?

— Еще бы! — в тон ему ответил я. — Даже Терпсихора в обморок упадет от восторга, увидя ваши 177 броссов и 192 пируэта.

— Терпсихора? Кажется, так вы сказали? Какое шикарное имя! Кто это?

— Терпсихора — это моя жена.

— Она танцует?

— Разумеется. И еще как! В пляске святого Витта она использовала 334 бросса и 479 пируэтов!

— Пляска святого Витта? Здорово! Даже я такого танца не знаю.

— Да что вы?! А ведь это сейчас самый модный

танец при дворе французского короля Генриха Гейне.

— А я где-то слышала, что во Франции нет королей, — робко возразила Мумочка.

— Муму, замри! — с чувством превосходства заметил стиляга. — Не проявляй свою невоспитанность. Всем известно, что Генрих Гейне не только король, но и французский поэт.

Гомерический хохот всей компании покрыл эти слова. Стиляга отнес его в адрес Мумочки и смеялся громче всех. Мума сконфузилась, покраснела и обиделась.

— Мумочка, не дуйся. Убери сердитки со лба, и пойдем топнем «стилягу це-дри»…

Мума улыбнулась, и они снова принялись за свои кривлянья…

— Теперь вы знаете, что такое стиляга? — спросил сосед-студент. — Как видите, тип довольно редкостный, а в данном случае единственный на весь зал. Однако находятся такие девушки и парни, которые завидуют стилягам и мумочкам.

— Завидовать? Этой мерзости?! — воскликнула с негодованием одна из девушек. — Мне лично плюнуть хочется!

Мне тоже захотелось плюнуть, и я пошел в курительную комнату.

№ 7, 1949 г.

Степан Олейник
ТАКОВЫ У НАС ДЕЛА!

Жинке — слава по заслугам,
Ну, а мне не повезло:
Знает жинку вся округа,
А меня — одно село...

За отличную пшеницу
Жинку вновь зовут в столицу...
Но, увы, — ее одну...
Вот дела-то! Ну и ну...

Раскрываю я газету —
Так и есть: опять она!
Улыбаюсь я портрету,
Всем твержу: «Моя жена...»

И ребята и девчата
Пишут жинке-адресату,
Похвалам тут нет конца;
Про меня же — ни словца!..

А порою всем ответы

Под диктовку я пишу,
Клею марки на конверты
И на почту отношу.

Всех, выходит, поучаю,
Как добиться урожая.
Сам-то я всего к тому ж
Знаменитой жинки муж...

И сказал себе я как-то —
По натуре я ведь горд:
«Ну-ка, сяду я за трактор
Да поставлю свой рекорд!»;

...Вместе с жинкой мы в округе
Ныне «знатные супруги»:
Ей почет, и мне хвала...
Таковы у нас дела!

Перевел с украинского Б. Тимофеев.

№ 14, 1949 г.

Ольга Позднева
СЛУЧАЙНОЕ ЗНАКОМСТВО

На Замоскворечье спускались весенние сумерки.

Писатель Николай Синицын неспешно прогуливался, стараясь отогнать горькие мысли. Вчера на одном собрании жестоко раскритиковали его новый роман «Тупик». Больше всего досталось литературному языку, который был единодушно признан стандартным, сухим, а кто-то даже назвал его нищенски-бедным. Правда, автор «Тупика» относил эту резкую критику за счет личного недоброжелательства и мелкой зависти, но все-таки неприятно…

Синицын шел по улице Островского, бывшей Малой Ордынке. Тут когда-то жили именитые купеческие тузы, чей душный быт гениально описан Островским. Все здесь изменилось. Но старые особняки — очевидцы давних дел и дней — еще сохранились.

«Вот этот домишко наверняка был при Островском, — подумал писатель, свернув на проходной двор с небольшим скверико́м. — Экая старина!»

Перед ним стоял флигелек с крошечными окнами. На его фасаде Синицын разглядел мемориальную доску:

«В этом доме 12 апреля 1823 года родился
и жил

великий русский драматург

Александр Николаевич

Островский».

Глубокое умиление охватило писателя. «Так вот, — размышлял он, — вот где родился русский гений! В этой лачуге текли его младенческие годы! Ни тебе центрального отопления, потолки низкие, сторона несолнечная. А удобства? Можно себе представить! Д-д-да…»

Синицын грустно усмехнулся. В одном окне вспыхнул свет, и он подумал, что, может быть, именно в этой комнате сто двадцать лет назад сидел за столом, уча букварь, мальчик с большим лбом и вкось поставленными серыми глазами…

— Ну, как, нравится? — услышал он веселый голос.

Возле него стоял пожилой добродушный мужчина с метлой и совком. Писатель не любил, когда прерывали его размышления, но дворник так лу-

чезарно улыбался, что не ответить было нельзя.

— Вы о домике? Что ж, сохраняется он, как видно, тщательно. Молодящегося старичка напоминает!

— Предложи-ка теперешним писателям здесь квартиру. Вот бы завертели носами! — Дворник засмеялся. — Им тут неподалеку какие же дома отстроили! У меня там шурин в истопниках. Здорово, должно быть, они пишут теперь!

— Вы думаете? — весело отозвался Синицын. Неожиданный собеседник ему понравился.

— Живучи в таких домах, плохо не напишешь, — убежденно заявил дворник.

«Вот с кем надо общаться, — растроганно подумал Синицын. — Как нам нужна эта непосредственность, это почти детское благоговение перед талантом! Чувствуешь себя значительнее, выше».

— А кто занимает квартиру Островского? — спросил он, чтобы продлить разговор.

— Люди занимают, жильцы. А ты зайди туда, не стесняйся. — Доброжелательность к незнакомцу так распирала дворника, что он даже перешел на «ты».

— Неудобно.

— Чего там неудобного? Иди, — ободрял двор-

ник. — На жулика ты не похож. Ну, не хочешь туда, — зайди к нам погреться.

…Веселый дворник быстро накрыл стол и поставил перед гостем пиво.

— Кто у вас играет? — спросил гость, увидев пианино.

— Дочь учится в консерватории, певицей будет. Да ведь и я, можно сказать, пою неплохо. Меня сам начальник районной милиции хвалил. Это, брат, не шутка. В кружке хоровом состою.

Синицын хотел было открыться хозяину и свернуть на подробный и душевный разговор о писательском творчестве, но тот, к его огорчению, смотрел на литературу сквозь призму мнений шурина-истопника, подходя к ней, так сказать, не с парадного, а с черного хода.

— Не знаю, врет шурин или нет, — говорил он, тыча вилкой в огурец, который увертывался, как живой, — а будто у некоторых писателей такой порядок: если кто долго не работает, сейчас дают аванс. Он опять не работает, ему еще аванс, и так, пока не помрет. А вот я не выйди утром с метлой…

— Труд писателя нужно понимать и уважать, — внушительно сказал Синицын, опечаленный тем, что читательское благоговение страдает от

досужих толков.

Выпив еще стакан пива, он уже хотел было прощаться, но тут дверь открылась и… «вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос», — оторопев, подумал Синицын гекзаметром и поправил галстук.

Младая Эос вежливо поклонилась, бросила ледяной взгляд на пивные бутылки и, сняв берет, села к столу.

«Какие же, однако, розы цветут в этих руинах!» — восторгался про себя писатель. Дворник было засновал, стуча тарелками, но будущая певица сказала равнодушно и чеканно:

— Ты, папа, в принципе правильно решаешь поставленные перед тобой хозяйственные задачи. Но, отметив твою высокую активность, проведенную тобой значительную работу по подготовке данного обеда и проявленную при этом заботу о высоком качестве такового, я тем не менее намерена ликвидировать его скоростными методами ввиду того, что мой лимит времени резко ограничен.

«Что она говорит?! — ужаснулся про себя писатель. — Кошмар, бред какой-то!»

— Вы, кажется, учитесь петь? — попытался он перевести разговор. — Прекрасное искусство!

— Учусь, — охотно отозвалась девушка. — Стараюсь ударно и интенсивно осваивать существующие учебные программы. Но для того, чтоб закрепить успехи, достигнутые в этом сезоне, и, не снижая темпов, напряженно бороться за дальнейший подъем, я должна проанализировать и продуктивно использовать как опыт лучших мастеров отечественной вокальной культуры, так и…

— Маргарита, ты пообедай, — вмешался дворник, испуганно глядя на дочь.

— Папа, не подменяй администрированием принцип, — поморщилась девушка. — Впрочем, для того, чтобы развить и поддержать твою инициативу, я пока выпью чаю.

С безграничным изумлением слушал Синицын молодое, милое существо.

— Вы как-то странно говорите, — мягко заметил он. — С кем вам, простите, приходится общаться, если ваша разговорная речь стала такой, еще раз простите, ради бога, стандартной, сухой, нищен… гм… я бы сказал, бедноватой?

— Да видите ли… — Девушка чуть-чуть задумалась. — Мы, студенты, народ молодой, восприимчивый. Прочтешь какую-нибудь книгу и долго думаешь о ней. Вот я прочитала роман Николая

Синицына «Тупик» и невольно подражаю тому, как говорят его герои. Вы знаете этот роман?

— Я?.. Знаком… Э-э… в общих чертах…

— Вот, послушайте. — Она взяла с полки книгу. — Я прочту отрывок из главы, которая называется «Шестое чувство». Героиня романа, зоохирург, прощается со своим женихом. Он едет на новостройку, а она не хочет бросить институт, где ведет научную работу. Словом, разлука влюбленных.

«Вера перестала анатомировать лягушку.

— Мой лимит времени резко ограничен, — сказала она Сергею, машинально вертевшему в руках портсигар. — Ты едешь сквозным или транзитом?

— Транзитом, — ответил Сергей. — Твое решение бесповоротно?

— Да. — Вера медленно вытирала ланцет. — Я приняла это решение, достаточно проверив материал, обосновывающий правильность моего выбора. Я не могу заморозить мои научные опыты, занимаясь разработкой только теоретических проблем. А распыленность семьи, как правило, дает отрицательные результаты.

Сергей машинально повертел в руках лягушиную лапку.

— Учти, что я тебя люблю.

— Учту, — отозвалась Вера.

— Когда ты учтешь?

— Учту тогда, когда произведу детальный анализ всего комплекса моих чувств к тебе.

За окном гудели провода. Каким-то шестым, а может быть, седьмым или восьмым чувством Сергей понял, что еще не все потеряно.

Машинально повертев в руках абажур от лампы, он бодро направился к выходу.

— Счастливый путь! — говорила Вера, провожая его до двери. — Обобщай и распространяй опыт передовиков стройки. Не подменяй принцип мелочным администрированием. Участвуй, Сережа, в художественной самодеятельности. Пиши мне не кампанейски, а систематически, это явится основным вкладом в дело улучшения наших отношений и поможет ликвидировать кризисную ситуацию скоростными методами.

Сергей машинально…» Вам жарко?

Это уже относилось к гостю, усиленно вытиравшему взмокшим платком лоб и шею.

— Ничего…

— Ну, скажите на милость, где писатель выискал такую молодежь, где он услышал такой язык?

— Говорят, — пробормотал Синицын, откашлявшись, — будто автор собирается переделывать свой роман.

— А пусть он бросит его в печку, — предложил дворник. — Мне шурин рассказывал, не знаю, врет или нет, что будто у них в писательском доме всем жильцам велели писать понятно и народный язык изучать. Вызывает это один ихний жилец шурина к себе домой. Ну, угостил, конечно. А ну-ка, говорит, Кузя, ты же сам родом деревенский; вот давай сделаем маленький — как это он назвал? — тренинг, что ли… Побалакаем, говорит, покалякаем, погутарим с тобой, по-сельскому, по-деревенскому. Ну, шурин застеснялся… Вы уже уходите?

— Милости просим, навещайте нас, — сказали в один голос дворник и его дочь.

Когда гость ушел, она долго смеялась:

— Знаешь папа, ведь это был Синицын; я его сразу узнала!

— Экая жалость! — огорчился дворник. — Не придет он теперь. Обиделся.

Но Синицын пришел на другой же день. И у него с дворником и его дочерью завязалась дружба. Говорят, что он отказался от мысли переделать свой роман и пишет новый: «Прощай, тупик!».

№ 11, 1951 г.

Мих. Зощенко
ДЖЕНТЛЬМЕНСКИЕ НРАВЫ

Дрю Пирсон заслуживает того, чтобы его знали. Тем более что там, у себя в США, это довольно-таки крупная личность, согретая лучами сомнительной славы.

В двух словах расскажем, что он собой представляет. Это журналист. Ближайший сотрудник газеты «Дейли миррор». Видный радиокомментатор и радиообозреватель.

Политическая физиономия его лишена полутонов. Его собрат по перу, некто Роберт Аллен, так охарактеризовал Пирсона: «Среди представителей печати Дрю является самым ярым сторонником программы справедливого курса».

А так как в Америке «справедливым курсом» официально называют курс нынешнего правительства, то (в переводе с английского) получается, что Пирсон является ярым сторонником и поджигателем новой мировой войны. И общеизвестно, что эту свою линию он ведет систематически и неуклонно.

* * *

Свою карьеру Пирсон начал довольно оригинально. На поприще журналистики он избрал также и обличительный жанр. Он разоблачал видных деятелей США. Описывал скандалы из их личной жизни и всякого рода аферы этих власть имущих людей.

Конечно, особого вреда (кроме беспокойства) видным деятелям он не причинял, тем не менее в журналистике он занял позицию обличителя.

Однако, «бичуя» пороки и «вскрывая» язвы, Дрю Пирсон отнюдь не стремился к уничтожению их. Напротив, как раз на обилии пороков он строил свой «маленький бизнес». Нарывы и язвы помогали ему «делать деньги». Зачем же уничтожать то, что приносит благо? Абсурд с коммерческой точки зрения.

Такая маскировка под благородного обличителя приносила Пирсону добавочные доходы и выгоды. Обывателям нравились его скандальные статейки с благородной моралью. Спрос на его продукцию возрастал. И Пирсон стал богатеть. Его заработок достиг 300 тысяч долларов в год.

Это уже были те приличные деньги, которые открывали двери в высшие сферы.

Правда, о Пирсоне отзывались кисло. Нередко добавляли к его пресветлому имени колкие эпитеты, например: «лживый дегенерат», «продажная свинья». Но это не меняло дела, и Пирсон со своими распухшими карманами поднимался все выше и выше по ступеням капиталистической лестницы.

И наконец исполнилась мечта его жизни: его стали приглашать в лучшие американские дома на званые обеды и балы.

На одном таком званом обеде случилось происшествие, которое увенчало Дрю Пирсона неувядаемой славой.

* * *

Однако скажем несколько слов о том, что случилось до званого обеда.

Незадолго до этого пышного события мистер Пирсон имел неосторожность коснуться своим нержавеющим пером сенатора Джо Маккарти — бешеного сторонника всего реакционного и фашистского.

Конечно, Пирсон знал, с кем он имеет дело, но он, так сказать, недоучел некоторые душевные свойства сенатора. Это только потом, по окончании всей истории, Пирсон (в своем заявлении,

поданном в суд) охарактеризовал сенатора Маккарти как человека «с жульническими манерами гангстера».

А до этого Пирсон, не ожидая никаких бед, задел сенатора в своем выступлении, уличая его в каких-то неблаговидных поступках.

Обвинения были близки к истине. Сенатор Маккарти пришел в неописуемую ярость и решил при случае рассчитаться «с этим дегенератом Пирсоном».

Такой случай вскоре представился.

Журнал «Тайм» игриво сообщает, что «в столице США имеют привычку забавляться: приглашают на званые обеды заядлых врагов и затем потешаются теми скандалами, которые возникают в результате этих встреч».

Так произошло и тут. Некая представительница высших сфер, Луиза Штейман, желая повеселить своих гостей, пригласила на обед сенатора Джо Маккарти и журналиста Пирсона.

Враги столкнулись почти что сразу, еще не успев, так сказать, вкусить обеда. Сенатор Маккарти, узрев среди гостей журналиста, с яростью тигра кинулся на него.

Солидная газета «Вашингтон пост» не без удовольствия сообщает, что «сенатор Маккарти

схватил Пирсона за шиворот и, ударив по животу, причинил ему боль».

Журнал «Тайм» описывает эту дикую сцену более подробно:

«Схватив Пирсона за шиворот, сенатор потащил его за собой. Затем, ударив ладонью по лицу, сбил его с ног. А когда Пирсон поднимался с пола, сенатор дважды ударил его ногой по животу».

Все произошло так быстро, что гости не успели как следует насладиться зрелищем. Тем более что Пирсон (по словам журнала) «поспешил уйти в туалет». Однако сенатор выгреб его оттуда и новым «ударом ноги в низ живота опрокинул его на пол».

Журнал «Тайм» авторитетно добавляет, что «никакой судья не засчитал бы этих ударов».

Ошеломленный Пирсон хотел было подняться, но тут сенатор (с помощью гостей) «подбросил Пирсона в воздух на три фута над полом».

Печать не сообщает, что́ было дальше, но надо полагать, что после падения с высоты Пирсон уже не смог драться.

Однако обед (без участия Пирсона и Маккарти) все же состоялся. За обедом именитые гости, вероятно, делились впечатлениями. Кушая, лениво перекидывались фразами:

— Да, этот Маккарти, пожалуй, забьет любого гангстера…

— Должно быть, он прошел хорошую школу среди них…

— А кто его знает, может, он и сам гангстер…

— Между нами, господа, сейчас сам черт не разберет, где кончается гангстер и начинается сенатор…

Обед прошел в теплой и дружеской атмосфере. Гости единственно сожалели, что драка закончилась слишком быстро. Но надо полагать, что хозяйка утешила гостей, обещав на следующем обеде устроить побоище более грандиозное, так сказать, соответствующее их вкусам.

* * *

Чем же кончилась вся эта история? Быть может, вы думаете, что Пирсон повесился, не перенеся публичного оскорбления?

Нет, он и тут остался верен себе: решил «делать деньги» из создавшейся ситуации.

Побитый и растерзанный, он поспешил в суд и подал заявление с просьбой взыскать с сенатора и гостей… нет, сколько, вы думаете, он потребовал? Пять миллионов сто тысяч долларов!

Солидная цифра за столь пакостную личность!

Впрочем, Пирсон сам собой торгует, и ему виднней, сколько он тянет на коммерческих весах Америки.

Следует учесть, что сенатор Маккарти уже успел ударить его по карману и, как говорится, «выбил из бизнеса»: уговорил субсидировавшую выступления Пирсона фирму «Эдэм Хэт Сторс» не возобновлять с ним контракта как с радиокомментатором.

Нет, мы не думаем, что Пирсон получит по суду пять миллионов. Не такой человек сенатор Маккарти, с которого можно будет что-либо взять. Он сам с любого возьмет, судя по его мертвой хватке.

* * *

Потерпев неудачу в рукопашном бою с сенатором, Пирсон не упал духом. Недавно он широко оповестил поклонников своего таланта о намерении приступить к разоблачению самого Маршалла.

Зачем понадобилось ему это новое «разоблачение»?

Это понадобилось ему для того, чтобы попрежнему маскировать истинные намерения поджигателя войны. Ведь под такое разоблачение

нетрудно будет освежить кампанию по разжиганию военной истерии.

Надо думать, что запросит он за это немало, если за простой мордобой заломил пять миллионов!

№ 25, 1951 г.

Осип Колычев
ПОЙМАНЫ С ПОЛИЧНЫМ

Мистер Трумэн ассигновку
В сотню миллионов
Подписал на подготовку
Армии шпионов.

Ассигновки… для шпионов,
Диверсантов злобных!
Мир не знал еще законов,
Этому подобных!

Видит око, как широко
Наша Родина цветет…
Видит, видит вражье око,
Только зуб не достает.

Мистер Трумэн диверсантам
Выдает бывалым
Парашюты с провиантом,
С теплым одеялом,

Чтоб подкупленный убийца,

Перейдя границу,
Мог спокойно приземлиться
И не простудиться…

Бережет шпионов штаты
Мистер Трумэн лично,
Но разведчики из Штатов
Пойманы с поличным!

Знай, чужой земли любитель,
Знай, лазутчик вражий,
Что советский истребитель
Наш всегда на страже!

Вам не спрятаться за тучей,
Не уйти от кары.
Всех ползучих и летучих
Уничтожим тварей.

Пусть и впредь советский воин
Зорко смотрит в оба!
Будем бдительнее вдвое
Против вражьей злобы!

Видит око, как широко
Наша Родина цветет…

Видит, видит вражье око,
Только зуб не достает.

№ 1, 1952 г.

Алексей Малин
ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Однажды, дав Пегасу шпоры,
В приливе юношеских сил
Один поэт, знаток фольклора,
Такие строки сочинил:
Молодой казак садится
На горячего коня.
Не грусти, краса-девица,
У высокого плетня!
По-над степью ветер мчится,
По-над кручей гнет лозу.
Я тебе, краса-девица,
Полушалок привезу…
Но тут спросили у поэта:
— Где ж современности приметы?
Придя домой, налег поэт
На привнесение примет.
И в результате привнесенья
Так освежил стихотворенье:

Молодой казак садится
На колхозного коня.
Не грусти, краса-девица,
У колхозного плетня!
По-над степью ветер мчится,
По-над кручей гнет лозу,
Я тебе, краса-девица,
Экскаватор привезу...
Освоив времени приметы,
Осовременив свой сюжет,
Бежит в редакцию газеты
Неунывающий поэт...
Что удивительней всего —
Кой-где печатают его!

№ 5, 1952 г.

Вл. Дыховичный, М. Слободской
ТИПИЧНАЯ КАША

Написал вчерне поэму
Начинающий поэт.
Взял бытующую тему,
Взял кочующий сюжет.
Выбрал из возможных фабул
Ту, с которой был знаком:
«Жили-были дед да баба,
Ели кашу с молоком...»,
И принес поэму эту
Он редактору в журнал.
Тот прочел и так поэту
Назидательно сказал:
— Типизировано слабо!
Спросят вас: вы, мол, о ком:
«Жили-были дед да баба,
Ели кашу с молоком...»
Дед — бытует, баба — наша,
Но типична ль ваша каша?

Вместо каши вставим: крабы —
В этом нового симптом:
«Жили были дед да баба,
Ели крабов с молоком...»
Вот теперь уже типично,
Но... немного эксцентрично!
Наш советский дед по форме
И по сути чудаком
Здесь представлен. Кто же кормит
Бабу крабом с молоком?!
Бабе сладкая еда бы —
Бабу ромовую в дом!..
«Жили-были дед да баба,
Ели дед да баба бабу...
Ну, допустим, с молоком».
Вкусно. Жизненно. Но... сложно!
Здесь логический пробел —
Разобраться невозможно,
Кто кого и с кем тут ел.
Получается, что лично
Дед ел бабу... Нетипично!
Мы заменим пищу, дабы

Не придрались к нам потом:
«Жили-были дед да баба,
Ели мясо с чесноком».
Так сюжет весьма логичен —
Очень жизненный обед!
Но… теперь проблематичен
Ваш любимый старый дед:
Дед для мяса нетипичен!
Зубы есть у деда? Нет!
Прямо скажем: деда я бы
Заменил бы пареньком:
«Жили-были парень с бабой,
Ели мясо с чесноком».
Это жизненно, правдиво,
Но… герой без коллектива!
Лучше — ясно, точно, броско —
Так и скажем прямиком:
«Жили-были два подростка,
Ели мясо с чесноком».
Хорошо! Но… мы не дали
Производственной детали,
Чтоб герой не пищей просто

Был читателю знаком:
«Жили-были два подростка
С долотом и с молотком...»
Вот теперь умно, тактично,
Без уволенных в тираж
Нетипичных, схематичных
Дедов, баб и разных каш!..

Так, покончив с бабой, с дедом,
С их надуманным обедом,
Наш редактор вечерком
Упражнялся над стишком,
Создавая «вещь с масштабом»...

. . . . . .

А в кафе за уголком
В это время дед да баба
Ели кашу с молоком.

№ 12, 1952 г.

В. Куканов
КЛЕН КУДРЯВЫЙ

Дорога с голого, обветренного холма спускается в низину. Здесь по обе стороны от нее густо разрослись набравшие силу многолетние лесонасаждения. Буйная смесь молодых сосен, кленов и орешника тянется вдоль дороги до очередного холма и там, будто испугавшись крутого подъема, обрывается.

Когда машина скатывается в зеленый коридор, по лицам шофера Кувалдина и сидящего с ним в кабине агента отдела снабжения Водохлебова разливается удовольствие. Только что пронесся бурный ливень. По кюветам вперегонки с машиной бегут пенящиеся ручьи. На полнеба размахнулась яркая радуга. Умытые деревца тянут жадные ветви к солнцу, уже сбросившему с себя мешанину грозовых туч.

— Скажи на милость! — изумленно восклицает Водохлебов, сдвигая потертую шляпу неопределенно песочного цвета со лба на затылок. — После степи будто в другой мир въехали, а?! Вот что значит лес!

— Сравнения нет! — отзывается Кувалдин. — То, словно на лысине, только ветерок гуляет, а то зеленые кудри — разница большая.

Мотор гудит, полупустой кузов громыхает, но собеседники слышат друг друга прекрасно: у Кувалдина бас, перед которым рокотание мотора кажется мурлыканьем котенка; Водохлебов же, наоборот, сверлит хаос звуков пронзительным тенорком. Могучий, угловатый Кувалдин занимает почти всю кабину, а Водохлебов пристроился рядышком, вроде румяного припека у каравая. Он весь округлый, и только рыжеватые усики выделяются двумя строгими прямоугольничками.

До сих пор спутники молчали. Словоохотливый Водохлебов несколько раз порывался начать разговор, но Кувалдин не отводил взгляда от дороги, стремительно ускользавшей под радиатор, и отделывался ничего не значащим «угу». Новая тема, по-видимому, заинтересовала и его. Завязывается обстоятельная беседа.

— Я вот иной раз подумываю: какие же мы, люди, варвары! — размышляет вслух Водохлебов. — В стародавние времена вся земля была покрыта лесами. На этих вот лысых холмах зеленое море бушевало! А теперь?! Ну, тут, в наших местах, положим, степь издавна, а туда, север-

нее, — там еще старики помнят дремучие леса. Где они? Их начисто вырубили да выжгли! Ну разве ж это не варварство?

— И не говори, Федор Иваныч! — машет рукой Кувалдин.

— Ведь, наоборот, в степях леса насаждать надо было, как вот сейчас это делают. Видал, за Сухим логом какая полоса проходит? Ого! Это, брат, по плану преобразования природы. А ты представь себе, что будет лет эдак через пятнадцать. И не узнаешь свою родную сторонку. Пораскинутся по ней рощи зеленые, засеребрятся пруды зеркальные; жизнь-то, я думаю, уютнее будет, а?

— Еще бы! Совсем другая картина, — соглашается Кувалдин. Он зорко следит за дорогой и беспрерывно действует рычагами, поэтому успевает бросать только отрывистые фразы. Но видно, что говорит их он от души.

— Да-а-а! — мечтательно тянет Федор Иванович. — За хорошее дело взялись. Но и труд надо положить великий. Заново лес растить — дело не шуточное! Лет двенадцать назад, помню, тут всю дорогу от самого города обсаживали, а поднялись деревья только кое-где в ложбинках. На буграх и корешков давно не осталось…

— Там как на сковороде жарит, — с чувством

вставляет шофер, — трава сохнет уже в половине лета.

— Уход нужен, уход, — назидательно поднимает голос Федор Иванович. — Ты думаешь, ткнул хворостину в землю, а назавтра дуб вырос? Не-ет! За каждым деревцом поухаживать надо не один годок.

— Это уж конечно!

— Охранять тоже надо. В городе новые посадки козы местами начисто обглодали, вихорь их возьми!

— От этой скотины пользы на грош, а вреда на миллион, — басит Кувалдин.

— Вот именно!.. — Федор Иванович вдруг спохватывается: — Слушай-ка, сворачивай сейчас налево…

— А проедем тут? Я эту дорогу не знаю, — колеблется шофер.

— Ездят! Здесь же нам вдвое ближе. Давай, давай, сворачивай! Я за проводника. Чего ради нам крюк делать!

Кувалдин сбавляет ход и неуверенно крутит баранку, сворачивая на проселок, разбитый у съезда с шоссе до ухабов. Машину бросает из стороны в сторону, она буксует, разбрасывает жидкую грязь и в десяти шагах от первых кустов

лесонасаждения оседает колесом в рытвину. Сколько шофер ни нажимает на рычаги и педали, машина только гудит и дергается, но ни с места. Кувалдин выбирается из машины и взглядом знатока оценивает положение.

— Загорать! — коротко заключает он.

— Сейчас пойдут машины, вытянут, — виновато подает надежду незадачливый «проводника.

— Вытянут, сиди, жди! — с явной насмешкой подтверждает Кувалдин. Всем своим видом он как бы говорит: «Черт нас понес куда не следует!»

Федор Иванович внезапно вспоминает, что позавтракал рано, а перед отъездом с завода не пообедал: нужно было срочно отвезти в пионерский лагерь фанеру, гвозди, краски.

— Надо что-то придумать! — нетерпеливо вскрикивает он, вылезая из кабины. — Приятного мало торчать тут, в грязи.

Кувалдин, не глядя на него, достает из кузова лопату и начинает сосредоточенно копать землю и бросать ее под застрявшее колесо. Увлекшись работой, он совсем забывает о своем спутнике. Вдруг тот прямо на лопату ему бросает охапку молодых кленовых веток.

— На-ка, подсунь под колесо для лучшего

сцепления! А я еще наломлю… Средство испытанное…

Кувалдин от изумления роняет лопату и, сидя на корточках, удивленно смотрит на ветки. А Федор Иванович снова решительно семенит к ближайшим деревцам.

Но рука его не успевает коснуться очередной ветки, как попадает в могучие тиски.

— Стой, с ума сошел?! — оглушительно гремит бас Кувалдина.

Оторопевший Федор Иванович в ожидании дальнейших событий втягивает голову в плечи и отстраняется от Кувалдина, насколько позволяет вытянутая рука.

— Ты что, ты что? — испуганно бормочет он.

Кувалдин, краснея от возмущения, окидывает Водохлебова гневным взглядом.

— «Козы, вихорь их возьми!» — презрительно копирует он. — Сам ты во сто раз хуже козы!

Отпустив руку Водохлебова, он подходит к только что ободранному с одного бока кудрявому клену и пытается бережно оправить надломленную, бессильно повисшую ветку.

— Какой кленок испортил! — с огорчением говорит он. — Ты бы только подумал, каким он мог стать лет через пятнадцать! Эх ты, краснобай! А

я-то считал, что ты серьезно рассуждаешь.

— Чего зря горячишься? — примирительно бормочет «краснобай». — Посадки, небось, старые, не по плану выросли… Клочок какой-то…

— Клочок это или не клочок, — снова закипает гневом Кувалдин, — а если тронешь еще хоть листик, то вот, видишь?!

Перед самым носом Водохлебова возникает для обозрения увесистый кулак — нечто среднее между небольшим арбузом и пудовой гирей.

— Ви-жу… — торопится подтвердить Водохлебов. Оттого, что кулак поднесен близко к его носу, глаза у него сходятся к переносице и смешно косят.

Кувалдин молча повертывается и направляется к машине. Там он старательно выбирает из-под колеса ветки клена и аккуратно выкладывает их на промытую дождем траву. Затем снова принимается яростно окапывать колесо.

Почувствовав, что все как будто бы обошлось, Водохлебов начинает поднимать голос:

— И вообще… знаешь что… Ты не очень-то размахивай кулаками. Подумаешь, герой какой нашелся! Сам виноват, не может ямку проскочить. Тебе не машину водить, а на быках только ездить, на «му-два».

Кувалдин не обращает на него ни малейшего внимания. Вскоре он лезет обратно в кабину и заводит мотор. Несколько толчков — и машина выбирается на ровную дорогу, по другую сторону полосы насаждения. Водохлебов догоняет ее, но в кабину сесть ему не приходится: Кувалдин демонстративно захлопывает дверцу перед самым его носом. Чертыхаясь про себя, провинившийся пассажир лезет в кузов. Машина катит дальше, оставляя в колеях глубокие чешуйчатые следы. Над дорогой, быстро просыхающей под горячим солнцем, поднимается легкая испарина. Радуга бледнеет, небо с каждой минутой становится прозрачнее и голубее.

№ 21, 1952 г.

Николай Штанько
РАБОТЯГА

Была ночь. Более того, был первый час ночи — чудесной майской ночи. В лунном свете нежно таяли сахарные ветки цветущей акации. В скверах и парках, выбирая почему-то теневые стороны, сидели парочки и, судя по всему, вряд ли обсуждали производственные вопросы.

Филипп Николаевич, председатель горсовета, и его старый, времен гражданской, войны, друг Никита Иванович, директор музея, не спешили домой. Они шагали по голубому асфальту и говорили о рыбалке, о шахматах, о любви…

— А я люблю уху с уксусом и без всяких приправ. Только варить ее надо там же. На месте преступления… — проникновенно начал Филипп Николаевич и вдруг замолк на полуслове.

— Смотри, — прошептал он благоговейно. — Все еще работает…

Никита Иванович мечтательно поднял голову. На той стороне улицы высилось здание горсовета. Все окна его спокойно сияли лунной голубизной, кроме одного — ядовито-зеленого. Так и угадывалась за этим окном укоризненно согбенная спина и преждевременная лысина, осененная нимбом настольной лампы.

— Мы вот гуляем себе, время транжирим, а Филькин трудится… — сокрушенно вздохнул Филипп Николаевич. — Ночи напролет просиживает…

— А может, «Вокруг света» читает, — робко вставил директор музея, — или его разбудить забыли?

— Не меряй на свой аршин. Если бы все у нас так работали! Самоотверженный он какой-то…

Друзья замолчали и ускорили шаг. Прелесть прогулки померкла. И уже не цветущие ветви, а просто зеленые насаждения вставали на их пути.

…Прочная слава самоотверженного работника и ужасно занятого человека установилась за Антоном Савельевичем Филькиным, заведующим городским отделом культуры. Стоило раз увидеть его, чтобы сразу же убедиться, насколько он заслужил эту славу.

Филькин всегда спешил. Ходил он словно по наклонной плоскости, бесконечно ускоряя шаг, и поминутно смотрел на запястье левой руки. В воспаленных глазах его раз и навсегда застыло отчаяние опоздавшего на поезд пассажира, а руки, когда они не были заняты портфелем, дергались в таких порывистых движениях, будто он ежесекундно хватался за соломинку. Когда же Антон Савельевич засыпал на каком-нибудь ответственном совещании, соседи сочувственно шептали: «Умаялся, работяга», — и сострадательно улыбались.

Рабочий день Филькина был понятием условным. Состоял он главным образом из вечера и поздней ночи. И каждая минута этого неопределенного отрезка времени была наполнена до краев кипучей деятельностью, отчаянным напряжением всех его сил и способностей.

В половине двенадцатого Филькин, заспанный и хмурый, вбегал в кабинет и захлопывал за собой дверь с таким видом, как будто за ним гнались по пятам. Отдышавшись, он привычным жестом швырял на диван портфель и кидался к подпрыгивающему от ярости телефону.

— Горкультотдел слушает! — выпаливал он одним духом и потом, болезненно морщась, скан-

дировал: — Вы же. Знаете. Мне. Некогда.

Измятое лицо Антона Савельевича с еще свежим оттиском пуговицы от наволочки на левой щеке принимало озабоченное и несчастное выражение. Он медленно обходил вокруг стола, отечные тумбы которого подкашивались под тяжестью бумажных завалов, и обреченно опускался в жесткое полукресло с протертым до дыр сиденьем.

Так начинался каждый рабочий день этого страстотерпца. И дни эти походили друг на друга, как передовицы в плохой газете.

…Антон Савельевич порылся в одной кипе бумаг, ворохнул другую… Быстро выдвинул ящик стола, заглянул в него невидящим оком и так же быстро задвинул обратно. То же самое проделал со вторым, с третьим…

За этим занятием застала его секретарша Татьяна Павловна.

— Там вас люди с утра ждут, — доложила она.

— Пусть подождут. Не разорваться мне! Куда вы задевали…

— Да ведь многие третий день сидят!

— И откуда только время у людей берется?.. Это что, столько почты привалило?

— Да. Будете смотреть?

— Некогда. Складывайте в тот ящик.

— Больно долгий он у вас. Некоторые товарищи по второму разу пишут.

— Боже мой! И находят же люди время письма писать! Тут читать их и то некогда. Куда вы задевали… этот… Как его…

— Да что?

— Гор-культ-дел-слушает! Совещание библиотечных работников? Не могу. Занят. У меня смотр. Ничего не поделаешь. Переносите на послезавтра. Художественная самодеятельность — это вам не фунт… Всего хорошего! Куда же вы его задевали?

— Да кого — его?

— Я, кажется, ясно сказал: материалы к справке на заседание исполкома городского Совета о состоянии клубной работы за истекший квартал текущего года.

— На столе у вас лежат. Уже неделя, как вы их держите.

— То-то и есть, что неделя. А срок был дан — три дня! Конечно, не вам за это голову снимать будут… Гор-куль-дел-шает! Что? Смотр. Не могу. Занят. У меня совещание библиотекарей. Переносите на послезавтра. Библиотечное дело — это вам не фунт… Ну и что ж, что сроки? Мне не разо-

рваться. Я не железный. Пока… Так… Что еще у вас ко мне?

— Может быть, хоть это письмо посмотрите?

— После, после! Дайте мне справкой заняться. А что за письмо? Из редакции! Что ж вы его в общий ящик суете? Понимать надо. Гм… Вырезка какая-то… «Порочный стиль работы»». Батюшки! Когда ж это они нас так успели?

— Я еще в воскресенье читала.

— И успевают же люди газеты читать! Да… не загружен у вас рабочий день. Явно не загружен. Садитесь и срочно пишите ответ: статью обсудили, факты подтвердились, меры приняты. Или нет, лучше так: статью обсуждаем, факты подтверждаем, меры принимаем. Впрочем, вы напутаете. Я сам.

Секретарша вышла. Филькин отодвигает папку с материалами к срочной справке. Берет чистый лист бумаги, выводит на нем название газеты и тяжело задумывается. Муки творчества прерывает телефонный звонок.

— Изобрели тебя на нашу голову, — ворчит Филькин, стискивая хрупкое горло телефонной трубки. — Гор-дел-шет! Ах, Филипп Николаевич? Здравствуйте, Филипп Николаевич! Как на рыбалку съездили? Какую справку? Ах, справку!

Вчера до трех часов сидел. Заканчиваю, Филипп Николаевич. Во вторник сдам. Как четверг? Неужели сегодня четверг? До чего ж время летит… Тогда вечером пришлю. Отрывают. То смотр, то совещание. Вот и я говорю: важные мероприятия. Ясно. Понимаю. Нет, нет. Не беспокойтесь. Не подведу. Сделаю. Кровь из носу, а сдам. Всего наилучшего.

Филькин бережно, как младенца в люльку, кладет трубку, решительно отодвигает начатое письмо, некоторое время лихорадочно роется в папке с материалами, затем энергично набрасывает на чистом листе бумаги: «Справка о состоянии…» Но извечный враг его телефон высовывает из бумажного хаоса тупое рыльце трубки и вдруг рассыпается злорадной трелью.

— Гор-дел-шет! Из редакции? Очень приятно! Здорово это вы нас, того… Хе-хе! Очень стилистичио. Обсуждаем. Подтверждаем. Принимаем. Ясно. Понимаю. Сегодня получите ответ. Кровь из носу! А как же? На то и критика…

Филькин швыряет трубку, затем опять снимает и, воровато оглянувшись по сторонам, сует ее в бумажный омут. Срочная справка отлетает на другой конец стола. На ее место ложится письмо в редакцию. Опять мучительное раздумье. Пре-

рывает его все та же настырная секретарша.

— Вы бы, Антон Савельич, — пристает она, — дали все-таки инспектору задание. Пятый день человек томится. Ждет, когда вы его примете. Вчуже и то смотреть больно…

— Подумать только, люди даже томиться время находят! Подождет. Некогда мне!

— Справку сегодня печатать будем?

Антон Савельевич подозрительно покосился на телефон, отодвинул от себя письмо и придвинул справку.

— А как же? Я сказал — кровь из носу…

Страда в полном разгаре. Стоит Филькину приняться за справку, как становится совершенно очевидным, что письмо в редакцию никак нельзя откладывать. С другой стороны, едва только он заносит перо над злополучным письмом, как перед ним возникает образ разгневанного председателя горисполкома. И чем дольше перекладывает с места на место эти две бумажки Филькин, тем ярче в его глазах разгорается беспокойный огонек, тем судорожнее становятся движения рук, рыщущих по столу в поисках соломинки. Но соломинки нет.

Когда, уже под вечер, вошла Татьяна Павловна и потребовала подписать ведомость на выда-

чу зарплаты, Филькин сидел, обхватив голову руками, и безнадежно глядел на обе бумажки, лежащие перед ним рядком.

— Некогда, да некогда же... — простонал он. — Разве не видите? Петля! Вот вас бы на мое место...

Но секретарша на этот раз проявила такую настойчивость, что он вынужден был уступить. Кряхтя и поминая недобрым словом каких-то дармоедов, Филькин подмахнул ведомость.

Это было единственное дело, которое ему удалось совершить за весь день.

...Чуть-чуть серел рассвет очередного воскресного дня. Город безмятежно спал. Филипп Николаевич со своим другом ехали по пустынным улицам, и удочки, словно корабельные снасти, топорщились над парусиновой крышей старенького «Москвича».

— Мы, наверное, сегодня раньше всех встали, — с удовольствием отметил председатель горсовета и вдруг осекся.

Прямо на них надвигалось знакомое здание с темными окнами. И только одно окно, как всегда, источало на тротуар ядовитую парижскую зелень.

— Ну что ты с ним будешь делать! — горестно

всплеснул руками председатель. — Ведь как трудится человек! А мы в понедельник на исполкоме бить его собираемся. Не везет бедолаге! Старается, из кожи лезет, ну, просто копытом землю роет! А вот не тянет… Совещание провалил, смотр сорвал, кадры растерял, справку пустяковую вторую неделю составить не может. Черт его знает почему! Просто загадочный человек какой-то!

— Давай зайдем к нему, — предложил Никита Иванович. — Побеседуем. На рыбалку захватим. Пусть свежего воздуха глотнет…

Друзья поднялись на второй этаж, вошли в приемную Филькина. И попали в сонное царство. Спала тетя Дуся, свернувшись калачиком на несгораемом ящике и прижимая к груди швабру. Спала секретарша, откинув голову на спинку стула и уронив руки на клавиши пишущей машинки. Замерли в воздухе на полпути к бумаге мушиные лапки «Мерседеса». Из методкабинета доносился мощный храп одичавшего от безделья инспектора.

— Эк, дрыхнут, — заметил председатель, невольно позевывая. — А хозяин, небось, за всех отдувается.

Хозяин отдувался во сне. Он прирос небритой щекой к успевшей уже пожелтеть злополучной

бумажке, на которой значилось: «Справка о состоянии…» — и мирно посапывал. Зеленый нимб настольной лампы колыхался над скорбно сияющей лысиной. Свежий предрассветный ветерок врывался в раскрытое окно, шевелил листы входящих и исходящих, роняя их на пол…

— С добрым утром! — приветствовал Филькина председатель горсовета, усаживаясь напротив него. — Здравствуй, Антон Савельевич!

Работяга вскочил, взметая бумажные вихри, и привычно прирос к телефонной трубке. Так их потом и не смогли оторвать друг от друга.

— Некогда, Филипп Николаевич, работы по горло! — осовело мигая глазами, кричал в трубку Филькин, спросонья воображая, что председатель разговаривает с ним по телефону.

— Чего некогда? Здравствуй, говорю. Как живешь?

— Некогда жить. Текучка заела!

— Да брось ты телефон! Расскажи, как работается…

— Некогда работать, времени не хватает!

…Когда друзья садились в машину, их все еще преследовал осипший тенорок Филькина, надрывавшегося у телефона:

— А насчет справки не беспокойтесь! До утра сидеть буду... Кровь из носу!

№ 23, 1952 г.

Иван Горелов
ВИТЕНЬКА

Витеньке скучно.

Он только что закончил рисовать вислоухого зайчика с красной, как огонь, морковкой и теперь не знает, чем бы ему заняться.

Рисовал Витенька без охоты, наперед зная, что никто из домашних не поинтересуется его творением, и поэтому головастый зайчик получился похожим на соседскую собаку Альфу, а морковка напоминала окровавленный меч с зеленою рукояткой.

Всего лишь год назад был Витенька и «цыпленочком», и «лапонькой», и «колобочком». Все в доме жили им, все им дышали. Казалось, что весь мир вертится вокруг него.

Бывало, он еще в постельке, а уж в спальне топчется вся семья: мама, бабушка, тетя Мариша и высокий, как пожарная каланча, папа.

Витенька нежится еще на пуховиках с закрытыми глазками, а уж его донимают разноголосым, сладеньким шепотом.

— Открывай же глазенки, пыпа. Открывай! — певуче причитает сердобольная, ласковая мама.

— Порадуй нас, ясная зоренька! — чуть слышно шамкает у двери бабушка.

— Иди ко мне, колобочек! Перекатись! — упрашивает папа, протягивая длинные волосатые руки.

Тетя Мариша заботливо надевает на Витеньку теплую, прогретую на батарее фуфаечку, мама разминает пуховые носочки, а папа, ожидая очереди, держит наготове новенькие синие туфельки.

Затем Витенька, словно мячик, переходит с рук на руки. Один сует ему шоколадку, другой — каленых орешков, третий предлагает почитать сказочку про козу-дерезу. Он то на коленях, то

на шее, то на руках: ножки его за день-деньской едва касаются пола… Быстро пролетает счастливый день, и сон-чародей неслышно смыкает его реснички до следующего радостного утра.

Но золотые денечки кончились.

Как только мама «купила в магазине» эту неугомонную, писклявую Аленку, стал Витенька и «липучкой», и «приставкой», и даже «назойливой мухой». Правда, до сих пор его именуют все тем же ласковым словом — «Витенька», но слово это давно уже потеряло свою первоначальную искренность и произносилось теперь без тех душевных интонаций, какие слышались прежде.

Витенька грустно вздыхает, забирает со стола листик с зайчиком-меченосцем и тихонько приоткрывает дверь.

Папа сидит в кресле за письменным столом — видна его спина, обтянутая полосатой пижамой, и огромными ножницами режет свою старую велюровую шляпу.

Вот взобраться бы сейчас на эти плечи да поездить, как бывало, по комнатам, доставая пальцами то округлое медное лицо барометра, то часы.

Но теперь этого делать нельзя: папа тоже стал вечно занятым и сердитым.

— Пап, а пап!.. Почему ты шляпу режешь? — спрашивает Витенька.

Папа нехотя поворачивает голову, не сразу отрывая глаза от своего рукоделья, скупо улыбается:

— Это ты, шалун? Мешать пришел? Я, братец ты мой, Аленушке нашей тапочки выкраиваю. Будет скоро по комнаткам чапать: чап, чап!

— Пап, а пап!.. А почему это мой зайчик на Володькину Альфу похож? — несмело трется о кресло Витенька.

— А я почем знаю! Рисовать, значит, не умеешь. Другого нарисуй, — скороговоркой выпаливает папа.

— А ты покажи, как…

— Как, как! Маленький, что ли? Иди! — строго бросает папа, локтем отталкивая Витеньку к двери.

Мальчик робко пятится назад, комкает свой рисунок и плетется в кухню.

Мама, чистенькая, сияющая, в беленьком кружевном фартуке, стоит у плиты и спокойно помешивает манную кашку. Она долго не замечает Витеньку, пока наконец не наступает ему на ножку.

— Ты что, мамуха! — вскрикивает Витенька.

— Это ты бродишь, большун? Ну, чего тебе?

— Мам!.. Мамочка! А почему… почему…

— Ну, вот, започемучкал! — нервно обрывает мама. — Вон какой верзилушка вырос, через два года в школу пойдешь, а все почемучкаешь!

— Я спросить хочу: почему тетю Маришу каучуконосом зовут? — обидчиво заканчивает Витенька.

— Кто зовет?

— Мальчишки.

— Дураки твои мальчишки.

— А Вовка говорит, потому, что она туфли на толстой резине носит.

— Ну, ладно, марш к своему Вовке! Займись чем-нибудь!

Витенька мрачнеет, спотыкается о порог и идет в спальню.

Аленка спит. Окна зашторены. Оставлена лишь узенькая щелочка, сквозь которую падает веселый пучок солнечных лучей. Тетя Мариша на цыпочках ходит вокруг кроватки, то и дело поправляя узорчатую кисею.

— Тсс! — шипит она по-гусиному, заметив Витеньку. — Ты зачем сюда?

— Не бойтесь, не трону, — шепчет Витенька.

Растопырив руки, тетя Мариша, как привиде-

ние, движется на него, намереваясь выдворить из спальни.

Но Витеньке удается юркнуть в сторону. Под руки попадается красивая рубчатая ваза для цветов. Он хватает ее, приставляет к глазам и, озоруя, смотрит на золотистый солнечный ручей, который струится из-за зеленой шторы. Грани ярко отсвечивают полированным серебром, и по стенам проворно бегают разноцветные «зайчики».

— Сейчас же поставь! Это хрусталь! Понимаешь, голова садовая: хру-сталь! — испуганно лепечет тетя Мариша.

— А почему он не хрустит?

— Кокнешь, вот и захрустит! Поставь! Такой большой, а озоруешь! Кыш!

С минуту Витенька недвижно стоит в полуосвещенном коридоре, затем, пораздумав о своем горестном одиночестве, уходит на улицу.

Уже за полдень. Огромное бронзовое солнце вот-вот коснется крыши семиэтажного дома, который высится напротив угловатым сундуком. Следом за солнечным колесом ползет рыжебокая туча, похожая на медведя.

— Витька! Давай в медяки! — кричит смуглолицый Володька, выскочивший из-за угла.

— У меня нет копеек…

— А у матери в сумке? Эх, ты, разиня!.. Ну, ладно. Давай на щелчки. Будешь?

— Буду, — соглашается Витенька.

Он неумело бросает о стенку желтенькую монетку, тщетно пытается дотянуться пухлой ладошкой до другой такой же монетки, лежащей на песке, и покорно подставляет противнику свой лоб.

Володька бьет с азартом, невзирая на возраст случайно подвернувшегося партнера, смачивает слюной палец, которым лепит щелчки, злорадно улыбается.

— Больно же! — крутит головой Витенька.

— Ничего, закаляйся!..

— Эй, ты, ангел! За что мальчонку истязаешь? — слышится из подъезда басовитый окрик Егора Денисовича.

Володька, испуганно оглянувшись на дворника, хватает пятаки и исчезает за изгородью.

Егор Денисович парусиновым фартуком сметает край скамейки, чинно усаживается и достает из кармана горсть земляных орехов, похожих на маленькие кувшинчики.

— Милости прошу к нашему шалашу! — зовет он Витеньку. — Иди, фисташками ядреными угощу! Сладкие, как горох.

Витенька, обрадовавшись ласковому слову, стремглав летит к Егору Денисовичу, которого он долгое время считал настоящим дедом-морозом, усаживается рядышком на чистое местечко, и они долго грызут орехи, молча наблюдая жизнь городской улицы. Мимо один за другим гуськом проходят трамваи.

— Дедушка Егор, а почему трамвай едет? Без лошадей, а едет? — любопытствует Витенька, пытливо заглядывая в добрые глаза Егора Денисовича.

— Почему?.. Очень просто, мил человек: прет по рельсам, да и шабаш, — сбивчиво отвечает старик.

— А почему прет?

— Вот чудак человек!.. Видишь вон тот железный ящик? У вожатого под рукой?.. Вот в нем махонький такой чертик сидит, горбатенький, с железными ножками…

— Ишь ты! — всерьез восхищается Витенька.

— Чиркает этот чертик ножками по шестеренке, а она, шельма, крутится. Слышишь, как дребезжит?

Повеяло прохладой. Туча закрыла уже полнеба и крутым козырьком свисает над частоколом антенн. В отдалении слышится глухая барабанная

дробь грома.

— Дедушка, что это? Почему гремит? — боязливо ежится Витенька, вплотную пододвигаясь к Егору Денисовичу.

— Старые люди говорят, будто Илья-пророк на огненной колеснице по небу катается. По-теперешнему: в командировку едет, — смеется старик. Сощурив по-степному глаза и склонив набок волосатую голову, он долго озирает окрестности и сообщает: — Будем сматываться, сынок! Сейчас этот Илья таким дождиком хлестанет, держись только! Вот как я из шланга. Давай провожу тебя, сердечный…

Он осторожно берет Витеньку на руки и несет через весь двор в крайнее парадное. Асфальт пятнают первые крупные капли дождя.

— Опять «сироту» нянчили, Егор Денисович? — слышится шутливый голос лифтерши.

— Приходится, милая…

Проводив Витеньку и осмотревшись вокруг, Егор Денисович поясняет полушепотком:

— Вот, скажи на милость, семья! У Кравцовых четверо, и каждому из них мать с отцом уделяют внимание. А этим Аленка весь свет загородила. И люди вроде неглупые: он в институте работает.

В прихожей унылая тишина. Все в детской:

Аленка проснулась. Мама бежит за чем-то в кухню и натыкается на Витеньку.

— Ах, Витенька! Ты ведь еще не ужинал… Ну-ка за стол быстренько!

Витенька долго жует сухие, словно деревянные, коржики, пьет молоко и таинственно сообщает маме:

— А в трамвае чертик сидит. Малюсенький такой, ножки железные…

— Что ты мелешь! Какой чертик?

— Честное слово, сидит!.. А по облакам, знаешь, кто гремит? Дедушка один на пожарной машине. Он и дождик делает…

— Перестань! Кто тебя научил этой чепухе? Мал еще про такие дела рассуждать!

Витенька идет к своей кроватке, но на ней целая гора Аленкиных кукол, медвежат и погремушек. Подушки нет, ватная перинка взбита комом. Осмотревшись вокруг, Витенька одиноко садится в кресло и, запрокинув голову, долго смотрит на потолок. Смотрит и мечтает: хорошо бы позвать сейчас дедушку Егора. Он бы и сказочку рассказал и смешной прибауткой порадовал.

Из смежной комнаты доносится монотонная восторженная воркотня, которая быстро убаюкивает Витеньку.

И видится ему широкая, как поле, улица, выстланная рыхлыми облаками. По облакам, словно по вате, степенно расхаживает дедушка Егор. Из прозрачного шланга, который он держит над головой, радужно бьет дождевой фонтан. Крупные, как орех, капли с ветром залетают в открытое окно и падают на Аленку, на маму, на тетю Маришу. А они спят, как ни в чем не бывало. Витенька, не раздумывая, вскакивает на подоконник и закрывает окно.

Над самым ухом слышится треск грома, и мальчик испуганно открывает глаза. Оказывается, мама свалила нечаянно железный тазик.

— Мамочка! Мама! Позови сюда дедушку Егора!.. Позови его! — взволнованно упрашивает Витенька.

— Что ты, мальчик! Зачем он тебе? — слышится из полумрака.

— Пускай он… мою постельку… разберет.

Мама зажигает свет, видит сына, уснувшего в кресле, ворох игрушек на взбитой постели, и краска стыда ощутимо заливает ее щеки.

№ 24, 1952 г.

Михаил Эдель
ЗЕМЛЯК

Должно же было случиться, что вновь назначенный директор завода Алексей Алексеевич Полуэктов оказался земляком и другом юности экономиста производственного отдела Клещикова!

Об этом экономист доверительно сообщил своему начальнику, тихому и аккуратному Виталию Борисовичу.

— Алексей без моего совета шагу не делал. Какой был умница! Смешно вспомнить, но Алеша Полуэктов обожал парную баню и ледяной квас. Вы поверите?

Однако это сообщение не очень потрясло Виталия Борисовича.

Начальник неопределенно кивнул головой, пригладил пробор на седой голове, снял телефонную трубку и как ни в чем не бывало стал разговаривать по телефону.

«Старый сухарь! Никаких чувств! — подумал Клещиков. — Чудак! В самом деле, не каждый же день директором завода оказывается твой старый

друг и товарищ!»

В коридоре заводоуправления Клещиков наткнулся на завхоза, пугливого и суетливого Келейкина.

— Сильвестр Петрович! — поманил Клещиков завхоза. — Я вам желаю добра. Стройте немедленно персональную баню для нового директора. Алексей Алексеевич — мой друг с малых лет. Также советую подыскать специалиста по квасу. Действуйте. Не задавайте мне лишних вопросов! Потом будете благодарить.

Оставив завхоза осмысливать новую задачу, Клещиков помчался дальше. Калькуляцию и расчеты стоимости круглой и листовой стали экономист оставил в покое. Не до этого. Взыграли мечты. Давние, глубоко затаенные… Клещиков стал горд и рассеян.

Чтобы помочь своему подчиненному привести себя в чувство, тихий Виталий Борисович объявил ему выговор с предупреждением за необоснованное повышение стоимости рессорной стали в квартальном отчете.

— В такое время и такое взыскание! — воскликнул экономист. — Посмотрим!..

Наконец приехал Полуэктов.

В кабинете директора с утра находился парторг

завода Бурилов. В приемной собрались начальники цехов. Переждать всех Клещикову было невмоготу. Влекомый неведомой силой, Клещиков с ходу бросил секретарю директора, уже немолодой и педантичной Агнии Филипповне:

— Я к Алексею!

Агния Филипповна сделала было рывок, чтобы ухватить за пиджак экономиста, но Клещиков уже скрылся за дверью директорского кабинета.

У широкого окна Клещиков увидел Полуэктова. Правда, на голове друга юности явно отсутствовала густая, в прошлом каштановая шевелюра и заметно округлилась когда-то стройная фигура, но это был он, Алеша Полуэктов.

Дальше все шло, как полагается: рукопожатия, душевные вопросы, на которые следовали всем нам хорошо известные ответы: «Ничего!.. А ты как? Скажи, пожалуйста!»

Парторг Бурилов, наблюдая лирическую сцену, соответственно улыбался. Но когда Клещиков уселся в кресло и пошел по линии развертывания мемуаров, Бурилов нахмурился и шепнул ему:

— Начальники цехов ждут. Зайдете в другой раз.

Клещиков вышел в приемную и оглядел руководителей цехов с многозначительной улыбкой.

Открытое пренебрежение к тому, что он, Клещиков, был принят новым директором одним из первых, явно задело экономиста, но Леонид Власович быстро успокоился: главное впереди, они еще узнают, каков Клещиков!

— Меня двенадцать лет затирали! — сказал экономист своей жене. — Ничего, Алексей разберется. Пусть на первое время назначит меня хотя бы заместителем этого сухаря Виталия Борисовича. А там увидим!

— Именно увидим, — неопределенно ответила жена, не очень убежденная в талантах своего супруга.

Неожиданно Полуэктов захворал. Клещиков встревожился. До этого он уже раза два успел побывать в доме директора и был там радушно принят. Младшая дочь Полуэктова, второклассница Ляля, поспешила поинтересоваться у папиного товарища:

— Верно, что папа учился только на пятерки, или он хвастает?

Вечером на квартире захворавшего Полуэктова нежданно появился медицинский авторитет города, главный врач железнодорожной больницы Русов.

— Доктор, очень рад познакомиться… Но я не

тревожил вас. Я почти здоров. Просто насморк, — оправдывался Полуэктов.

— Не знаю… Мне настойчиво звонили из вашего заводоуправления… Ну-с, раз я уже здесь, позвольте послушать вас.

Вслед за доктором к дому подкатила машина, и из нее заводской шофер, медсестра и санитарка с трудом извлекли сложный агрегат для облучения директорского носа.

— Кто послал? Кто приказал? — не понимая, спрашивал Полуэктов по телефону дежурного врача заводской поликлиники.

— Звонили из заводоуправления, — ответил врач.

В это самое время Клещикова пригласил к себе заместитель директора, вежливый и обходительный Березов.

— Объявляю вам, дорогой Леонид Власович, еще один выговор за небрежность при составлении важных документов. Не исправитесь, вынуждены будем расстаться. Вот так, — любезно закончил заместитель директора.

— С ума сошли! Меня двенадцать лет затирали, а теперь еще задумали расправиться! Боятся, чтобы я не стал правой рукой Алексея. Я им покажу!

Первым к выздоровевшему директору явился

начальник хозяйственного отдела Карамышев, человек, умеющий видеть насквозь.

— Я хотел бы уточнить, Алексей Алексеевич, — улыбаясь, сказал Карамышев, — баню строить с парной или без оной? Специалиста по квасу Келейкин уже раздобыл…

Немедленно вызванный Келейкин торжественно вошел в кабинет директора с большим графином изюмного кваса в одной руке и с проектом персональной бани в другой и восторженно оглядел Полуэктова и Карамышева. Но, почуяв что-то недоброе, немедля стал отмежевываться от Клещикова.

— Еще угрожал снять меня с работы! — фантазировал перепуганный завхоз. — Я ему говорю: «Бани — это же пережиток, когда имеются персональные ванны».

Полуэктов и Карамышев все же отведали изюмный квас. После дегустации Келейкину было указано: производство кваса продолжать, но передать его в ведение орса. А о бане категорически забыть.

Тут же к Полуэктову был вызван и Клещиков. Леонид Власович охотно откликнулся на зов директора: «Наконец-то!»

— Ты как будто похудел? — дружелюбно заме-

тил Полуэктов. — Садись.

Наступил долгожданный момент исполнения затаенных мечтаний рядового экономиста производственного отдела.

— Знаешь, Алексей, меня здесь двенадцать лет затирают, — скромно начал Клещиков. — Ты же знаешь меня… Но они продвигают только своих. Ты понимаешь… Только своих.

— Это нехорошо, — сказал Полуэктов. — Очень нехорошо! Вот этого я никогда не делал и делать не буду. Правильно?

— В основном, конечно, — выдавил Клещиков, тревожно глянув на друга детства. Но продолжал тем же обиженным тоном: — Почему они меня не продвигают?! Потому, что я принципиален. Я не подхалимствую, не угодничаю…

— И правильно делаешь, — заметил Полуэктов, поставив пресс-папье на ребро. — Кстати, я понимаю, что ты действовал от души, без задних мыслей. Но, к слову сказать, проект бани, кварц на дом и прочее… Ведь это — явное подхалимство. Верно? Я думаю, что о здоровье директора есть кому побеспокоиться, помимо экономиста производственного отдела. Зачем тебе этим заниматься? Кроме того, парную баню я уже давно не воспринимаю. К сожалению, не то сердце…

Клещиков понял, что вспыхнувшая надежда сделать карьеру явно гаснет. Надо перестраиваться, пока не поздно.

— М-да… Как иногда получается! — вздохнул Клещиков. — Учились вместе, я даже несколько лучше тебя, но ты директор такого гиганта, а я только рядовой экономист… И, главное, помочь мне никак не можешь, а может, не хочешь? А?

— Когда-то я реально хотел помочь тебе… Помнишь, я предлагал тебе приехать на один завод, который по тем временам строился не в очень жизнерадостных условиях? Ты мне убедительно ответил: «Я, Алексей, не приспособлен к преодолению немыслимых трудностей. Мне бы уютную квартирку на солнечной стороне, жениться на Тане и ездить с удочками на лоно природы!..» Ну вот, все это у тебя есть. Верно? Чего же более?

— Хорошо! Я проглядел перспективу! Допустим. Но твои помощники за один месяц объявили мне два выговора. Это как называется? И я тебе объясню, почему! Потому что я…

— Не надо объяснять, — уже вполне серьезно сказал Полуэктов.

Клещиков встал и, не глядя на Полуэктова, гордо произнес:

— У меня больше нет вопросов.

— У меня тоже, — сказал директор завода.

Чтобы успокоить клокотавшие чувства, Клещиков вышел на крыльцо заводоуправления. Взглянув на звезды, он бросил в ясное небо:

— Зазнался, товарищ Полуэктов! Зазнался!

№ 25, 1952 г.

И. Рябов
НАСЛЕДНИЧКИ

Какая-то в державе датской гниль…
(Шекспир. «Гамлет». I акт, 4-я сцена).

Какая-то в державе британской гниль. Замечается нечто вроде повреждения умов некоторых вполне почтенных обитателей острова, над которым реет флаг Британии.

Порой просто диву даешься: до каких белых слонов дошли в своем бреду те самые титулованные английские жители, что ведут родословную от великих людей Англии, прославивших в былое время свою родину высокими проявлениями творческой мысли и душевного благородства, великими приращениями наук и искусств!

Полтора года назад Крокодил имел неудовольствие рассказать своим читателям о том, как в нынешней Англии втаптывают в грязь имя Шекспира. Пачкуны, именующие себя историками литературы, обвинили гениального драматурга в том, что он якобы выполнял поручения по шпионской части и за сие получал из королевского кошелька некоторую толику шиллингов. Заодно

они обозвали Бернса «пьяным гулякой», а Байрона — «коварным обольстителем».

Современные бумагомараки хотят подобного рода гнусностями низвести гения до своего уровня, как бы сказать о нем:

— Шекспир? Да он был не лучше нашего брата!..

Они бессовестно лгут, эти вурдалаки, оскверняющие гробницы гениев прикосновением своих лап.

Они клевещут на Шекспира потому, что в созданных им типах предателей, плутов, растлителей видят самих себя. Они против Шекспира потому, что бессмертное слово гения английской нации направлено и против современных Шейлоков, Яго, леди Макбет и иже с ними.

Окололитературные британские торгаши действуют заодно с «литературоведами». Они специализируются на купле, продаже и перепродаже чудом уцелевшего имущества великих людей Англии. Не так давно, например, был продан с молотка дом, в котором жил и писал Чарльз Диккенс.

Власти предержащие не пожелали, чтобы этот дом стал достоянием народа, читающего и любящего автора «Оливера Твиста», «Холодного

дома» и «Давида Копперфильда». Муниципалитет Лондона не превратил дом Диккенса в музей, а запродал его какому-то денежному тузу.

Воскресни Шекспир, он, конечно, выступил бы на этом низком аукционе. Он сказал бы словами Гамлета:

— Какая грязь! И все осквернено,
Как в цветнике, поросшем сплошь бурьяном!

Советский поэт С. Маршак выразил и наши чувства и, несомненно, чувства многих простых и честных англичан, откликнувшись на прискорбное происшествие такими словами:

Будь этот дом в стране труда,
А не в столице лейбористов,
Его бы, право, никогда
Не описал судебный пристав.
В музей он был бы превращен.
Очищен от столетней пыли.
Туда бы школьники ходили
По воскресеньям на поклон.

Теперь старые классики полностью, так сказать, утилизированы. Взять с них нечего. Взоры

некоторых руководящих британских деятелей обратились поэтому на наследство недавно умершего писателя Бернарда Шоу.

Под нажимом янки Англия тратит на «оборону» колоссальные средства. Куда уж тут до литературы! И вот министр финансов Батлер открыл кампанию сбора средств в фонд памяти Шоу. По расчетам министра, фонд должен был составить 250 тысяч фунтов стерлингов. На эти деньги намечалось превратить дом покойного в музей.

Воззвание министра финансов было обнародовано в ноябре прошлого года. А в августе текущего года агентство Рейтер мимоходом сообщило, что фонд памяти Шоу не будет создан. И председатель организационного комитета Айвор Браун сокрушенно признался:

— Не собрано даже одной тысячи фунтов…

Организаторам сбора не удалось сорвать с титулованной публики необходимые средства. Зато сама титулованная публика пытается поправить свои дела с помощью великих мертвецов.

Живет, например, в Англии некая леди Астор. Никакого вклада в интеллектуальную жизнь страны она не внесла. Языком, однако, владеет. Любит выступать в аристократическом кругу. Болтает на банкетах. Примазывается к знаме-

нитостям. При жизни Шоу пыталась обратить писателя в свою веру. А вера у леди Астор довольно банальная. Коммунисты, по этой вере, суть дети сатаны.

Из этой злой старухи, столь похожей на великосветских ведьм, образы коих блестяще рисовал Диккенс, давно сыплется песок. Но, проповедуя небесное блаженство, она почему-то цепляется за блага земные.

Ей, видите ли, не нравится завещание Шоу. Дело в том, что писатель значительную часть своих средств завещал употребить на борьбу за введение упрощенного алфавита. Однако леди Астор находит эту идею вредной. Она полагает, что в Англии ничто и ни в коем случае не должно измениться. Кроме того, она не видит для себя выгоды в каком-то упрощенном алфавите. На митинге писателей, артистов и политических деятелей, собравшихся отметить обедом посмертный фонд Шоу, леди Астор потребовала нарушить волю покойного. Старушка, забыв правила английского хорошего тона, назвала завещание «безобразным». Она даже предложила организовать «Общество по борьбе за ликвидацию этого завещания». Она предалась воспоминаниям:

— Я много раз приходила к Шоу, чтобы спорить

с ним о разумности такого завещания…

При этом старуха кружевным платком смахнула набежавшую слезу и обратилась к обществу с горькой жалобой на неблагодарность великого человека, в наперсницы которого она лезла при его жизни:

— Я говорила ему: оставь деньги мне, и все будущие поколения будут говорить: вот женщина, которую он любил…

Глумление над именем Шекспира, продажа с молотка имущества Диккенса, кощунственные речи в адрес Шоу — так чтит официальная Англия великих сынов английской нации.

Впрочем, кощунственными речами дело не кончилось. На этих днях корреспондент агентства Рейтер скороговоркой поведал миру, что дом Бернарда Шоу «будет сдан в аренду, как обычный дом», и злорадно добавил: «Однако будет нелегко найти арендатора, который согласился бы жить в доме великого человека».

Да! Едва ли найдется честный англичанин, который согласится жить в доме, осквернённом могильщиками национальной культуры!

Неужели оскудел британский остров литературными талантами? Шекспира бы на джентльменов, сплавляющих за океан национальное достояние! Диккенса бы на эту гнусную старушенцию Астор!

№ 28, 1953 г.

Сергей Ананьин
ПРАВДИВАЯ СКАЗКА О ПЕРЕУСЕРДНОМ НАЧАЛЬНИКЕ

В одном учреждении жил-был начальник по имени Кузьма Кузьмич, по фамилии Служейкин, по прозвищу Переусердный.

Всякое прозвище — это, как известно, исправление народом ошибки, допущенной родителями при избрании имени своему дитяти. В данном случае из худосочного Кузьки получился не столько Уважаемый Кузьма Кузьмич, сколько Его административное величество Переусердный.

Переусердие Служейкина заключалось в том, что в любое время дня и ночи его можно было застать, так он любил говорить, на вверенном ему боевом посту.

— Государственном, — многозначительно добавлял Кузьма Кузьмич.

Боевой пост состоял из мягкого кресла, набора телефонов, связывающих Служейкина с жизнью, и громадного письменного стола, за которым Переусердный и в дождь и в жару бодрствовал с красным карандашом наготове.

Все шло хорошо. Как-то главк даже поставил Служейкина в пример другим начальникам. Воодушевленный высокой похвалой, Кузьма Кузьмич было поклялся совсем не выходить из кабинета, но своевременно сообразил, что ему приходится ежедневно выезжать в главк согласовывать свои руководящие указания.

Печалило Служейкина то, что подчиненные его выдерживали только до ночи, а затем стыдливо уходили домой. Наблюдая за ними через форточку, Кузьма Кузьмич очень огорчался и утешал себя тем, что со временем воспитает у них сознательность.

Однажды Служейкину понадобилось срочно попасть в главк — согласовать вопрос о списании прохудившейся тары. Как всегда в таких случаях, Кузьма Кузьмич приказал секретарю вызвать из гаража машину. Гараж ответил, что машина сломалась. До главка было всего два квартала, и Служейкин рискнул пойти пешком.

Выйдя на улицу, Кузьма Кузьмич с непривычки растерялся и, сам не зная как, вместо главка оказался дома.

К чести Служейкина надо сказать, что он быстро сориентировался в малознакомой обстановке и сразу узнал жену и сынишку.

Изумленные, они молча смотрели на главу семейства.

— Не узнали? — засмеялся Служейкин и весело спросил: — Ну, как вы тут без меня?

Вместо ответа жена почему-то заплакала.

— Что случилось? — встревожился Служейкин. — Кто тебя, Маруся, посмел обидеть?!

— Он еще спрашивает, кто?! Вспомни, как ты когда-то заверил, что всю жизнь будем вместе, а теперь?.. Не понимаю, и зачем тебе семья? Зачем?..

— Маруся!

— Разве я неправду говорю?

Мария Николаевна вытерла слезы, посмотрела в забегавшие глаза Служейкина и медленно сказала:

— Сегодня мы пойдем с тобою в театр.

— В театр?! — испугался Кузьма Кузьмич. — Ты забыла, что сегодня пятница. Потерпи до воскресенья. В воскресенье я постараюсь вырваться.

— Сегодня, — твердо сказала Мария Николаевна, — или ищи себе другую!

У Служейкина остановилось сердце: как же он в будни и вдруг пойдет в театр? Ну, хотя бы еще в субботу. Говорят, некоторые начальники вырываются в театр в субботу и взысканий за это,

кажется, не получают.

— Послушай, Маруся…

— И слушать не хочу.

— Войди в мое положение. Ты забыла, что я на руководящей работе.

— Пойдешь или нет?

— П-пойдем! — плачущим голосом выкрикнул Служейкин. — Пойдем, если ты так хочешь моей преждевременной гибели! Пусть все летит к черту! Все наше семейное благополучие!

Почувствовав ужасную слабость в ногах, он доплелся до телефона и позвонил секретарю горкома партии. Ответил дежурный.

— Т-товарищ дежурный. Это говорю я, начальник конторы «Соберикость». По непредвиденным, так сказать, извините за выражение, семейным обстоятельствам вечером мне нужно, то есть необходимо, быть некоторым образом в театре. Конечно, только на время действия, после чего…

— Так вам что, требуется санкция бюро горкома? — засмеялся дежурный и повесил трубку.

«Начинаются неприятности!» — решил, побледнев, Кузьма Кузьмич и набрал номер служебного телефона своего заместителя.

— Иван Романович? Это я. Слушай внимательно. В связи с некоторыми исключительно

экстренными делами я, возможно, задержусь. Так что ты смотри. В оба. Понял?

В театр Служейкин пробирался по самым темным улицам, подняв воротник пальто и низко надвинув на глаза шляпу.

Раздевшись, он побежал к администратору и опять позвонил заместителю.

— Ну как? Все в порядке? — тревожно допытывался Служейкин. — Все пришли? Хорошо. Загрузи чем-нибудь и смотри в оба… В оба, говорю, смотри!

До начала спектакля оставалось пятнадцать минут. Боясь, как бы его не увидел кто из знакомых, Кузьма Кузьмич спрятался в темном углу курительной комнаты, за войлочной пальмой и, задыхаясь от дыма — сам он никогда не курил, — со страхом взирал на публику.

На душе у Служейкина было мерзко, словно он уже получил строгий выговор с предупреждением за легкомысленный образ жизни.

Вдруг в курительную, крадучись, будто передразнивая его, вошел коротенький человечек, в котором, к ужасу своему, Кузьма Кузьмич опознал Луку Лукича, начальника базы «Облтрахяйцо». Лука Лукич определенно облюбовал его убежище. Бежать было поздно.

— Ай! — испугался Лука Лукич. — Ты, Кузьма Кузьмич? Здесь?!

— К-кажется, я, — не сразу признался Кузьма Кузьмич и торопливо стал оправдываться: — Это все жена, Лука Лукич. Такие, понимаешь, орг-выводы сделала — не только в театр, к черту на рога пойдешь!

— И у меня жена, — понимающе вздохнул Лука Лукич. — Такая ультиматорша оказалась! Никакого понимания нашего с тобой положения! Вдруг кто увидит нас, Кузьма Кузьмич, из руководства? Поговорим!

— Поговорим, Лука Лукич… Надеюсь, — заискивающе предложил Служейкин, — останется между нами, ну, что мы оказались вынужденно, конечно, в театре?

— Дорогой мой, я сам хотел просить тебя об этом! — обрадовался Лука Лукич.

После первого действия Служейкин помчался в кабинет администратора, но опоздал: телефонной трубкой успел завладеть Лука Лукич.

— Ну как? Все в порядке? Все пришли? — допытывался он тревожно. — Придумай что-нибудь. Все чтобы работали. Я вынужден задержаться… Все.

— Заместителю звонил, — пояснил Лука Лукич,

положив трубку.

— А может, того, удерем, Лука Лукич? — предложил Служейкин. — Непривычно как-то: люди работают, а мы с тобой баловством занимаемся.

— И то правда, Кузьма Кузьмич! Нагрянем сейчас: а что вы тут без нас делаете? В шашки играете? Ха-ха!

Сразу повеселев, друзья в обнимку направились в гардеробную.

Не успели они сделать и десяти шагов, как увидели прямо перед собой — и кого! — самого секретаря горкома.

— Здравствуйте! — приветствовал их секретарь, протянув обе руки. — Очень хорошо, что вы находите время и для театра. Некоторые на занятость ссылаются, а по-моему, они просто работу организовать не умеют. Как вы думаете, а? Постойте, куда вы?

Обгоняя друг друга, приятели кинулись к телефону.

— Иван Романович! — тяжело дышал в телефонную трубку Служейкин. — Немедленно отпускай народ домой, и чтоб впредь не задерживались! Понял?.. Нет, я звоню не из горкома, а из театра… Какой ты непонятливый: из театра… Ну, где показывают, как все должно быть… Плохо, что давно не был. По-моему, ты просто работу организовать не умеешь. Да! Передай народу, чтобы завтра все были в театре! И без всяких отговорок!

№ 34, 1952 г.

Николай Грибачев
ВТОРЖЕНИЕ С ПОРАЖЕНИЕМ

Солдат американской армии Джо Гопкинс грохнулся в обморок в кино во время сеанса. Когда его выволокли в фойе и окатили водой, он потребовал, чтобы его немедленно доставили в полицию.

— Что, Джо, снова избил шофера такси? — добродушно осведомился полицейский комиссар. — Европейские привычки американской армии…

— Никак нет! — сказал Джо. — Изменил…

— Ничего, — утешил комиссар. — Пусть это переживает красотка, а ты солдат.

— Никак нет! — настаивал Джо. — Красотка ни при чем. Я изменил Америке.

— Ты что ж, подлец, — насторожился комиссар, — читал книжки красных? Слушал Поля Робсона? Истолковывал американскую конституцию?

— Хуже, господин комиссар. Я, господин комиссар, вторгся в составе американской армии через Аляску в США. Мы сожгли Вашингтон, захватили здание конгресса и установили в Америке

марксистское общество, свободное от капиталистической эксплуатации. Я не понимаю, господин комиссар, как это получилось. Мы только проводили маневры, а оказалось, что мы вторгались…

Полицейский комиссар постучал пальцами по лбу и приказал помощнику отправить Джо Гопкинса в клинику для душевнобольных.

Что же произошло в кино с американским солдатом Джо Гопкинсом?

Попытаемся разобраться.

Существуют тысячи способов залезания в чужой карман. Уворовать. Отнять с применением угрозы. Обсчитать. Обмануть. И т. д. и т. п. Все эти способы широко практикуют американские бизнесмены от политики и политики от бизнеса. Немецкие исторические ценности и произведения искусства крали. Корейский вольфрам, прикрыв руки голубым флагом ООН, крадут. Английские колонии, припугивая отказом в долларовой помощи, отнимают. Кроме того, они обманывают, обсчитывают, вымогают, шантажируют, ловят рыбку в мутной воде, пытаются брать, где не положили, и жать, где не сеяли.

Но всего этого мало. Война, которую выкармливают вашингтонские няньки, оказывается менее популярной и более прожорливой, чем

предполагалось. Приходится снова и снова организовывать психические атаки и выворачивать карманы народа — налогоплательщика и поставщика пушечного мяса.

С этой целью в свое время был выпущен поджигательский номер «Кольерса». Это был прием обольщения — война против СССР изображалась как увеселительная туристская прогулка. Но народ не дал себя провести, а мировое общественное мнение заклеймило позором провокацию «Кольерса». Американский журнал «Тайм» по этому поводу исторг из себя печальный вздох: «Выход «Кольерса», возможно, подорвал все положительные результаты, которых наша пропаганда, возможно, достигла в прошлом году».

Свою скромную лепту в пропаганду вооружений решил вложить и английский журнал «Нэйчур». В роли Пристли, состряпавшего по заказу «Кольерса» поджигательскую статейку, но в несколько иной ипостаси выступил некий Ричардсон. Он «доказал» необходимость гонки вооружений с помощью... дифференциальных уравнений! Вывод из формул вполне мог сойти за свидетельство о необходимости направления автора в дом сумасшедших: чем быстрее будем вооружаться, тем скорее наступит конец гонки

вооружений! Бреду не поверили.

И вот американская пропаганда организовала новое наступление на психику налогоплательщика. Методы обольщения и методы околдовывания с помощью иксов и игреков были отброшены как несостоятельные. Пошли в ход методы запугивания. Голливудская компания «Колумбия пикчурс» выпустила фильм «Вторжение в США».

Фильм настолько примитивен, что его содержание можно передать в нескольких строчках.

Нью-Йорк. Бар. За столиком сидят и выпивают: корреспондент газеты, заводчик, конгрессмен, фермер-скотовод, девушка в декольтированном платье и некий мужчина, именующий себя предсказателем. Вольный перевод диалога выглядит примерно так.

Конгрессмен. Не знаю, что делать! Избиратели засыпали меня письмами, жалуются на высокие налоги, требуют сокращения расходов на вооружение. Придется выступить в конгрессе…

Заводчик. Я делаю тракторы, а военное министерство требует, чтобы я делал танки. Почему я должен делать танки, если бы было выгоднее делать тракторы?

Фермер. Налоги высокие, цены падают… Если мы и дальше будем вооружаться, у меня от всего

скота на ферме останутся только мыши…

Корреспондент. Мы лезем вон из кожи, но наших призывов к патриотической поддержке не слушают. Может быть, правы те, кто борется против вооружения?

Девушка молчит.

Предсказатель оглядывает всех тяжелым взглядом гипнотизера и взмахивает рукой.

Сразу:

с Аляски вторгается армия «некоей» иностранной державы, переодетая в американскую форму;

начинаются бомбардировки американских городов;

десантные войска «противника» захватывают штаты Вашингтон, Орегон, Калифорнию.

Начинается поспешная расправа с героями фильма. Фермер возвращается к семье в штат Аризона. «Противник» бомбит плотину Боулдэр-Дэм атомными бомбами, и фермер гибнет в потоках воды. Заводчик возвращается в Сан-Франциско. Его расстреливают «десантники» за отказ выпускать танки вместо тракторов. «Десантники» захватывают Вашингтон и в конгрессе расстреливают конгрессмена, собиравшегося выступать против гонки вооружений. Полупья-

ные солдаты расстреливают корреспондента. Спасаясь от насилия, прыгает в окно декольтированная девушка.

Засим магический пасс гипнотизера-предсказателя — и снова нью-йоркский бар.

Фермер, заводчик, корреспондент, девушка и конгрессмен просыпаются. Они увидели этот страшный сон и теперь, словно по инструкции ФБР, публично раскаиваются в «крамольных» мыслях, клянутся быть лояльными и честно служить политике войны.

И все!

Сюжет картины гол, как ощипанный цыпленок. Идея фильма не поднимается выше гангстерской философии: кошелек или жизнь. Композиционно картина представляет собой дикую окрошку: тут и кадры из документальных фильмов о взрыве атомных бомб, и куски фильмов, показывающих маневры американских войск и флота, и всякие другие обрывки и обрезки. Бомбардировщики «В-29» в этом фильме выдаются за новейшие самолеты «противника», пылающий от гитлеровских бомб Лондон — за Манхэттен в период вторжения.

Почему же грохнулся в обморок Джо Гопкинс?

Он участвовал в маневрах американских войск

на Аляске. В фильме эти же самые маневры показаны как вторжение неприятельской армии. Есть от чего зайти уму за разум!

Как указывает критик «Таймс геральд», на производство этой картины были потрачены ничтожные средства. Она сделана из отходов, из старья. Постановщики собираются нажить на доллар тысячу, американская пропаганда надеется при помощи фильма запугать американский народ и еще раз вывернуть его карманы на военные нужды.

Напрасные надежды. Можно с уверенностью сказать, что доходы не окупят затрат, какими бы грошовыми они ни были. Фильму уготована судьба пресловутого номера «Кольерса». Не случайно обозреватель газеты «Вашингтон пост» Коу писал: «...Я не уверен в том, что при таком низком качестве фильм послужит своей цели». Не спорим. Американским корреспондентам в этом случае видней, что к чему. А для нас не новость ни озлобленность американской пропаганды, ни ее топорность и дуболобость, ни ее провалы.

В заключение хочется напомнить один факт.

Жил-был в Америке Форрестол. Жил в обстановке военного психоза, был министром обороны. Разрабатывал военные планы, подстегивал

военную пропаганду. Доразрабатывался и доподстегивался до того, что в состоянии умопомешательства выпрыгнул в окно: бедняге почудилось, что русские танки ворвались в Нью-Йорк.

Что такое фильм «Вторжение в США»? Не более как экранизированный бред. Гонорар за сценарий и композицию этой форрестолиады придется посылать в сумасшедший дом, за постановку — в военное министерство, в филиал маньяков все того же сумасшедшего дома.

Американским же пропагандистам можно сказать одно:

— Кого пугаете? Сами себя пугаете!

№ 7, 1953 г.

Юрий Благов
ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК

Я — за смех! Но нам нужны
Подобрее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали…

№ 12, 1953 г.

Эдуардас Межелайтис
УТРОМ

Нет,
Марите спать не хочет,
Песню слушает
чуть свет:
«Ой, сады,
сады-садочки, —
То цветут они,
то нет...»
Рада
солнечной погоде,
Думает:
«Вставать пора.
Кто здесь ходит?
Кто здесь бродит?
Кто заводит песнь
с утра?
Кто поет?»
Ей интересно.

Выглянула из окна.
Разве ноги есть
у песни?
Разве ходит песнь
одна?
Девушка
метнулась в сени,
Все обшарила углы.
Видит только:
день весенний,
Яблонь белые стволы.
Кто поет?
А вдруг на крыше
Примостился тот певец?
Взгляд Марите —
выше, выше;
Увидала наконец!
Он с отверткой,
ясноглазый,
С проводами,
озорной.
Вот по крышам бы не лазал,

Был бы парень
недурной!
Говорит ему
Марите
(Голос нежен,
серебрист):
— Что за песня?
Помолчите,
Уважаемый солист!
Он смеется,
круглолицый:
— Песнь для вас
всегда одна:
«Ну и девушки,
девицы,
Все гуляют допоздна...»
— Что сказал?
— Гуляла, видно.
— А тебе-то что,
завидно?
— Нет, нисколько!
— Говори,

Что здесь делаешь? —
сурово
Глянула ему в глаза.
— Ничего тебе плохого
Я не сделал,
егоза…
На рассвете влез на крышу,
Влез
и провода тяну…
Ты чего таишься?
Вижу:
Целовалась —
ну и ну…
— Лжешь! Зачем меня
обидел?!
Ну, а парень ей в ответ:
— Мы проверим,
мы увидим,
Как дадим
на свадьбу свет!
Ты теперь мне петь
позволишь?

Пусть услышит
все село:
Я желаю
одного лишь,
Чтоб жилось тебе
светло...
— Как к монтеру
есть доверье,
А у лжи
низка цена... —
И, сердито хлопнув дверью,
К зеркалу бежит она.
Парень брови
гневно поднял,
Под бровями —
вспышки гроз.
— Не до шуток ей
сегодня,
Завтра все скажу всерьез!
И запел он,
круглолицый,
Про сады,

про вешний цвет
«Что за девушки,
девицы!
Когда любят,
когда нет...»
Если б глянул
на мгновенье,
Увидал бы,
что она
На него
в немом смущенье
Долго смотрит
из окна.

Перевел с литовского Л. Озеров.

№ 12, 1953 г.

Леонид Соболев
ВЕЛИКОЕ И СМЕШНОЕ

Недавно за океаном случилось некое литературно-уголовное происшествие, настолько скандальное, что обстоятельно рассказать о нем нам очень трудно. Безмерно обидно, что один из самых замечательных юмористов мира, кто одинаково владел и тайной добродушного заразительного смеха и силой беспощадно хлещущей сатиры, Марк Твен, умер четыре десятка лет тому назад. Он-то уж наверняка сумел бы рассказать об этом невероятном случае, тем более, что, во-первых, дело идет об инициативе некоторых его соотечественников, а во-вторых, прямо касается его самого.

Поразительна судьба этого первоклассного мастера смеха. На небе американской литературы XIX века он просиял подобно ослепительной ракете, связавшей огненной дугой первых классиков нового материка с Джеком Лондоном, О'Генри, Драйзером, со всеми, кто пошел по пути реализма. По нашим, советским понятиям, мы называем Марка Твена одним из основоположников аме-

риканской литературы. Он не родился в России, но наш народ чтит его память, зачитывается его книгами и по беспокойному свойству своему побуждает директоров наших издательств и те государственные организации, которые ведают библиотеками, издавать и распространять произведения Твена снова и снова огромными тиражами.

За океаном же с книгами лучшего отечественного писателя прошлого века выходит, как говорится, совсем напротив.

При государственном департаменте США существует некое щедринское «недреманное око» под вывеской «Управление международной информации». Ведает оно американскими библиотеками в других странах и распространением американских книг и журналов за границей. Несколько недель тому назад в указанном управлении началась беспокойная жизнь. Сенатор Маккарти вдруг встревожился: нужные ли книги распространяются оным управлением, — и дал приказ проверить, какой духовной пищей кормит оно заграничных читателей. Деятели управления решили перестраховаться. Они вкатили в список нежелательных книг все, что, по их мнению, было или даже могло показаться

сомнительным. В том числе они занесли туда, как об этом сообщается в американской прессе, и произведения писателя Сэмюэля Клеменса, более известного под псевдонимом Марк Твен.

Дико звучит этот полицейско-доносительный стиль! Так и пахнет уголовной формулировкой привода в участок: «Изловлен некий Сэмюэль Клеменс, он же Марк Твен». Представьте себе, что сейчас в нашей печати появилась бы статья «о творчестве писателя Алексея Пешкова, более известного под псевдонимом Максим Горький»!

В редакционной статье газета «Нью-Йорк пост» иронически отмечает, что государственный департамент наконец-то разыскал преступника Сэмюэля Клеменса, который в течение многих лет ухитрялся скрываться под другим именем. Газета советует государственному департаменту заодно вынести решение о Томе Сойере и Гекльберри Финне, которые, несомненно, являются «парочкой активных красных».

Как разрешит «Управление международной информации» этот действительно сложный вопрос, неизвестно. Известно только, что Сэмюэль Клеменс, он же Марк Твен, в последние годы жизни записал в своем дневнике: «Только мертвые имеют свободу слова, только мертвым дозволено

говорить правду». Но теперь даже эта скромная надежда не оправдывается. Через четыре десятка лет его самого, великого гражданина Америки, чьи творения живут в сердцах и в умах сотен миллионов людей, говорящих на разных языках, пытаются лишить слова. Книги его запрещают. Хотят, чтобы он умер вторично, и на этот раз уже не как смертный человек, а как бессмертный гений.

За океаном закопошились карлики, подымающие руку на этого литературного великана.

Они, конечно, не могут простить Твену язвительный памфлет «Мистер Рокфеллер и библия», в котором беспощадно высмеиваются жадность и ханжество одного из основателей ныне процветающей в Америке династии миллиардеров.

Не могут простить Твену и его гневный памфлет под исчерпывающим названием «Соединенные Линчующие Штаты», где великий сатирик бичует расистов.

Вряд ли могут реакционеры простить сатирику и гневные статьи о грабительском захвате колоний — Филиппин и Кубы, — появившиеся в 1906 году, где он обличает американских генералов, зверски расстрелявших в кратере потухшего вулкана Дажо шестьсот туземцев.

Великий печальник американского народа, который свою скорбь о нем, свою жажду справедливости и свободы, свою всечеловеческую мечту о равенстве всех людей скрывал под маской весельчака, добродушного шутника и только изредка гневно взмахивал свистящим бичом сатиры, Марк Твен страшен и сейчас людям, боящимся собственного народа.

В США пытаются запретить книги Марка Твена. Но Сэмюэль Клеменс, он же Марк Твен, останется бессмертным. Книги его живут на всех языках, и с этим положением ничего и никому не поделать.

№ 16, 1953 г.

Георгий Гулиа
ЗУД МУДРОСТИ

Литературный критик должен быть прямым, многоопытным и — не в последнюю очередь — мудрым мужем. Так полагал Назар Назарович Мурлыкин.

«А что значит быть мудрым? — рассуждал Мурлыкин. — По крайней мере не казаться дураком, то есть делать вид, что знаешь все, и обо всем иметь суждение самое непринужденное».

Малейшее отступление от этого правила грозило Мурлыкину неисчислимыми бедствиями. Так ему казалось. Состоя на работе (штатной и внештатной) в трех толстых и двух тонких журналах, он уже три десятка лет сиднем сидел в славном городе Москве, в уютном Лавровом тупике и не менее уютной квартире. От тупика до редакций — вот почти весь творческий путь этого известного критика. В кулуарах Союза писателей, где разговоры нелицеприятны, его считали мурлыкающим критиком, иными словами, человеком никчемным. Однако Мурлыкин время от времени выступал на различных

собраниях комиссий и секций, в которых нет недостатка в Союзе писателей. Мурлыкина слушали скрепя сердце. Иной раз аплодировали. Порой его фамилия отмечалась петитом в хронике «Литературной газеты». Таким образом, имя Мурлыкина так или иначе пребывало на определенном уровне литературной жизни, что создавало ему необходимый авторитет в редакциях и издательствах.

Главная обязанность Назара Мурлыкина состояла в том, чтобы давать советы, поучать молодых, встряхивать старых и ободрять престарелых писателей. Обязанность его вовсе не была щекотливой, то есть он мог говорить что угодно, не отвечая за свои советы ни перед собственной совестью и, разумеется, ни перед Союзом писателей. Со своими делами управлялся критик отлично, ибо выработал… Впрочем, к чему длинное предисловие? Давайте лучше послушаем его.

Вот он сидит в кресле, чуть-чуть лысеющий, вполне довольный собой, Назар Мурлыкин. Он держит в руках пухлую рукопись. Напротив Мурлыкина на краешке стула ерзает молодой писатель Н. Бойцов, приехавший из далекого края.

— Я прочитал вашу рукопись, — говорит Мурлыкин, щуря глаза. — Очень интересно столк-

нуться с сибиряками, вашими героями.

Бойцов явно смущен. Он нервно закуривает папиросу.

— Однако, — продолжает Мурлыкин, — самое главное — правда жизни.

Бойцов утвердительно кивает головой. Мурлыкин оживляется.

— Вы пишете об охотниках-медвежатниках, товарищ Бойцов, но я не вижу их. Вы живописуете тайгу, но я не чувствую ее. Вы говорите о любви, но я не ощущаю ее. Вы рассказываете о храбром юноше, повисшем над пропастью в горах, но я не воспринимаю этот эпизод… В чем же дело?

Мурлыкин грозно поднимает кверху указательный палец, испачканный в чернилах. Бойцов опускает глаза и краснеет до корней волос. Ему кажутся весьма странными утверждения маститого критика, но как-то неловко спорить…

— Вы мало знаете жизнь, мало ее изучаете, — продолжает Мурлыкин.

Молодой писатель едва верит своим ушам. Он молча берет рукопись.

— А вы в Сибири бывали? — спрашивает Бойцов.

— Э-э-э…

— А вы сибиряков знаете?

— Видите ли…

— Живого медведя в тайге видели?..

— Э-э-э…

— Ну, а я, например, видел… Поглядите сюда, на этот шрам: память об одном медведе… Понятно? Прощайте, товарищ критик!

Следующим на приеме был некто Соколов с Северного Кавказа, молодой человек лет двадцати пяти, литератор, пока что пребывавший в безвестности.

— Кавказ? — проговорил Мурлыкин, доставая из туго набитого портфеля три рассказа Соколова. — Так-так… «Кавказ подо мной. Один в вышине…» и так далее…

Соколов тряхнул чубом и улыбнулся широкой улыбкой.

— Ну, что вам сказать, товарищ Соколов? Горы ваши неубедительны. Туманы тоже. Ледники тем более. Э-э-э… Как бы это выразиться? Мало живого, непосредственного видения, мало индивидуального восприятия… Главное — это жизнь. Надо изучать жизнь…

— Я все писал с натуры, — попытался возразить Соколов.

— О! — воскликнул Мурлыкин. — Разве изучение жизни заключается только в этом? Надо быть

с народом, в гуще масс, надо безвылазно общаться с ними, жить одними помыслами, и так далее, и так далее. Я не встречал таких людей, какие действуют в ваших рассказах. Они не совсем ясны. Я их не ощущаю. Я их не вижу. Я не могу взять их на ощупь. Они где-то здесь, а я где-то там… Вам, конечно, ясно, о чем я говорю?.. Надо изучать жизнь, надо вариться в одном котле с героями, надо жить с ними бок о бок. Иначе все уходит в песок. Иначе этой самой… как ее… правды не чувствуется.

Соколов ушел, хлопнув дверью. Критик вздрогнул. Но он быстро оправился от неприятного ощущения, ибо перед ним уже сидел новый посетитель.

— Белов из Архангельска, — представился он Мурлыкину.

— Ах, Белов! — сказал Мурлыкин. — Это ваша рукопись «Заполярные ночи»?

— Да, моя.

— Читал, читал.

И Мурлыкин вывалил на стол махину в восемьсот страниц.

— Вы что же это, бывали на Новой Земле?

— Я прожил там несколько лет, — скромно ответил Белов.

— Несколько лет?

— Да. А что?

Мурлыкин развалился в кресле.

— Видите ли, — начал он. — Признаюсь, я читал вашу работу не без любопытства. Все это не лишено интереса. Я бы сказал больше: здесь, в этой рукописи, есть нечто такое, что импонирует, нечто такое, что притягивает, и так далее. Но будем откровенны. Я не ощутил этой чудесной, но суровой северной природы. Я не увидел белых медведей, о которых вы пишете. Они где-то здесь, недалеко. (Мурлыкин вытянул руку.) Но я не ощутил полярного холода. Я не увидел вот где-то тут, перед глазами, ледяных глыб. Я не почувствовал дыхания людей. Голубые песцы мне показались взятыми напрокат из мехового магазина…

Мурлыкин отпил глоток воды.

Белов сидел, насупившись, туго сжав губы. Между тем критик, окончательно войдя в свою роль, продолжал с воодушевлением:

— Как вам угодно, товарищ Белов, но я не вижу глубокого знания жизни. Я не вижу материала, не ощущаю его всеми пятью чувствами. Я не могу пощупать его руками. Наша главная обязанность — изучать жизнь, вариться в общем котле со своими героями. Надо быть там, с народом,

надо все пережить самому. Да-да, я знаю, что вы жили на Севере. Но я не чувствую, не ощущаю, не вижу ваших героев, не вижу природы, неба, моря, и так далее, и так далее.

Белов прерывает его:

— Довольно, уважаемый критик! Перестаньте зудить!

Белов забирает свою рукопись. Он уходит, грохоча грубыми ботинками.

Мурлыкин припадает к стакану. Он истово глотает воду. Нет, не имели права его так оскорбить! За что же, спрашивается? Ему хотелось говорить, все говорить и говорить. Он понимал, что призван поучать, наставлять и так далее. Он весь был во власти зуда критической мудрости, но с кем говорить? Он выглянул в коридор. Там не было никого. Но как же унять этот зуд?

И выход был найден.

Мурлыкин уселся за рецензию. Он начал набрасывать очередную «закрытую» рецензию для издательства на повесть молодого писателя из Петрозаводска. Вот первые слова, которые он начертал:

«Повесть не лишена интереса, однако я не ощутил, не почувствовал где-то здесь, недалеко от себя, людей, природу и так далее. Автор плохо

знает жизнь… Автор должен изучать…» и так далее и так далее…

Время шло, а Мурлыкин все писал, писал. Зуд критической мудрости не давал ему покоя.

№ 28, 1953 г.

Борис Тимофеев
ГАРРИ

В самом модном пиджаке,
С видом безразличным,
Франт с колечком на руке
Ходит «львом столичным»…
На прическу посмотри:
Он завит игриво,
Только пусто там, внутри,
Под волнистой гривой.
Как шнурочек, тонок ус,
Нету ярче шляпы…
В третий раз бросает вуз
Иждивенец папы.
Был он Гришей, но сейчас
Носит имя Гарри…
Каждый день в обычный час
Гарри на бульваре.
Вон, собой любуясь, встал,
На девиц глазея.

Книг давно он не читал,
Не бывал в музеях.
Вот на выставку собак
Он пойдет, пожалуй:
Все увидят как-никак
Галстук небывалый!
Он всегда блеснуть не прочь
Пошлым анекдотом,
Протанцует хоть всю ночь —
Мастер по фокстротам.

Может даже показать
Танец «буги-вуги»,

Любит сплетню передать
О ближайшем друге.
Перед девушкой — поэт,
Лирик в каждой фразе,
Чуть ушла, смеясь, ей вслед
Бросит комья грязи...
Все ж у барышень-кривляк
Он в героях ходит...

. . . . . .

Кто же этот франт? Сорняк
В нашем огороде!

№ 35, 1953 г.

В. Журавский
СУПРУЖЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

По профессии я агроном. Двадцать лет на посту. Колхозники уважают, и в районных сферах авторитетом пользуюсь. Пройдите от нашего села Скибин до самой Белой Церкви — хоть шляхом, хоть проселком, остановите любого селянина и спросите, какого он мнения о Макаре Карповиче. И пусть меня первый весенний гром разразит, если кто скажет худое слово… Прошу прощения. В субботний вечер моя законная супруга Хивря Станиславовна возвращается с базара. Не приведи господь вам при встрече с нею осведомиться обо мне! Наговорит семь верст до небес…

— Я ли, — скажет, — не любила моего Макара, я ли его не уважала! Я ли не была первой дивчиной на селе! А он, лысый дидько, променял свою Хиврю на агрономию… Чем она его приворожила, что ни дня, ни ночи без нее не может? По полям да по полям… Без обеда и ужина. Галушки сварю — остынут. Сердце горячей кровью обливается, жаром пылает. Эх, агрономишка неблагодарный! Загубит он мою молодую жизнь, бо заместо души

у него кукурузный початок!

У женской фантазии журавлиные крылья! А если разобраться объективно, то во всем радиусе нашей МТС нет души более тонкой и романтичной. Конечно, агрономия превыше всего. Но ничто человеческое мне не чуждо. Меня волнует и в поле каждая былинка и в небе каждая звезда. А больше всего на свете люблю я песню. Как запоют девчата — плачу. Тем временем Хивря из себя выходит: ревнует, к девчатам или к песне, трудно сказать.

И все эти супружеские сцены происходят не иначе, как от бездетности. Будь у нас, к примеру, сынок, ревность и прочие пережитки проклятого прошлого исчезли бы из Хивриного сознания, как дым!

Ой, что за дивчина была, а как стала женой, будто кто подменил! Впрочем, слушайте дальше.

Молодежная тракторная бригада Ивана Коваля решила ехать на освоение целинных земель. Загорелось юным огнем и мое сорокапятилетнее сердце.

Хивря рыдала, умоляла, грозила разводом. Я был непоколебим, как скала.

Провожала нас вся Белая Церковь. Со знаменем и с оркестром. Секретарь райкома комсомола

речь произнес. Хивря, тихо роняя слезы, напутствовала меня:

— Ты, Макар, настоящий казак, потому я за тебя и замуж вышла! Только смотри у меня, на чужих женок не зазирайся, ежели какая подморгнет! Снимешь квартиру или угол — сразу пиши вызов! Я покуда тут справлю хозяйственные дела: корову продам, кабана заколю.

Поцеловала меня крепко и сладко, как двадцать пять лет назад. Разлука облагораживает женщину!

От станции Белой Церкви до Кустаная на волах ехать шесть месяцев, а поезд идет всего восемь суток. За этот короткий период я изучил почвы и климат Казахстана и написал своей Хивре три письма: два в прозе, одно в стихах. После она признавалась, что наибольшее впечатление на нее произвели следующие строки:

Как рыдала Ярославна
На путивльской на стене,
Так же Хивря Станиславна
Тосковала обо мне!

Встречали нас хлебом-солью. Сам секретарь обкома мне руку жал. Поинтересовался семейным положением, спросил, где бы я пожелал

устроиться.

— По некоторым литературным источникам мне известно, что полвека назад сюда переселялись мои земляки. Хотелось бы поближе к ним, — намекнул я.

— О, тут в редком селе нет украинской семьи! В Федоровском районе найдете даже белоцерковских!

…А между прочим, не только белоцерковских — скибинских встретил! На квартире остановился у Ивана Ивановича Перебейноса. Ради знакомства с хозяином по чарке выпили и по другой. Прасковья Тарасовна, его супруга, на стол поставила макитру вареников, глечик сметаны и сот пять пельменей. Об Украине вспомнили. Хозяйка всплакнула. Не потому, что Сибирь — мачеха. Нет! Этот край теперь близок их сердцу, как и днепровская степь. Но что за женщина, если у нее глаза сухие?

Работаю я в должности главного агронома МТС. Освоился, прижился. Не раскаиваюсь, что приехал. Тут такие горизонты раскрываются, аж дух захватывает! Чудесный край — Сибирь! Многое мне напоминает Украину. И небо голубое, и земля — добрый чернозем, и «садок вишневый коло хаты…». А главное — люди: русские, казахи,

украинцы — одна семья. Молчалив, конечно, сибиряк. Раза в три меньше говорит, чем украинец. Но у каждого есть процент романтизма!

Всем хорошо, только что-то не летит моя голубка сизокрылая и весточки не подает.

Дел по горло. Светового дня не хватает, хоть разорвись на мелкие части! С утренней до вечерней зари — на полях, а с вечерней до утренней — почту разбираю. В течение суток поступает тридцать одна директива — приказы, письма и телеграммы из Министерства сельского хозяйства Казахстана и Кустанайского облзу. Очевидно, там тоже не спят, бедолаги! За два месяца я изучил полторы тысячи директив. Сначала возмущался, а сейчас понял, что в них тоже есть своя романтика! За каждым словом сидит живой человек, может быть, даже кандидат наук. Зарплату получает. Понимать надо!

…Согласно неписаной директиве, выехали в поле. Бригада Ивана Коваля дала в первый день на целине двести процентов! Знай наших!.. Я возвратился с полевого стана, когда уже пропели третьи петухи. Сел за почту. Читаю приказ министра… Страница десятая… Смежаются веки. Буквы, слова, строки — все как в тумане… Передо мною расстилается степная равнина. Не спеша

ступаю по траве. В чистом небе сияет солнце. Вдруг, откуда ни возьмись, черная хмара. Все зашумело, загудело, и сверху посыпалось что-то белое… Листы, листы, листы… Скоро вся степь укрылась бумажной пеленой. Нагибаюсь, беру лист, читаю — директива: пахать на глубину полтора метра. Поднимаю другой — телеграмма: немедленно сообщить, какие надои и настриги дают индюшки. Хватаю еще письмо:

«Уваж. тов. Макар Карпович! Отвечаю на Ваш № 17/51, согласно форме № 35: а) корову продала, б) кабана заколола. Жду последующих распоряжений. Хивря».

…Просыпаюсь в холодном поту… Стол. Приказ министра, страница десятая. Солнце уже над соседской трубой. За стеной с кем-то тихонько беседует Прасковья Тарасовна. Потом… Ушам не верю. Или это снова сон? Голос моей Хиври!

— Ой же ты, мое серденько, — слышу, говорит, — и полюбила ж я его… Никитушку! Сильней полюбила, чем тогда Макара (это значит сильней, чем меня!).

— Да, деточка, — отвечает елейным голосом Прасковья Тарасовна, — любовь сильнее смерти, перед нею никто не устоит. Покоряться надо сердцу.

«Ах ты, старая ведьма! Семейный уклад рушишь?!» Во мне вскипает кровь. Я хватаю вечную ручку, как ураган, врываюсь к женщинам, останавливаюсь в упор перед изменницей и кричу не своим голосом:

— Кто он?

— Никитушка, — говорит спокойно, нараспев Хивря. — Красавец, и глаза голубенькие. Со мною приехал… Никитушка!

Открывается дверь из кухни. Входит… Вихрастый, голубоглазый, щеки горят, как маков цвет… Лет восьми-девяти.

— Полюбуйся, — говорит Хивря. — Такой же, как ты, романтик. Начитался «Пионерской правды», и пришло ему в голову ехать осваивать целину. Отца-матери нету, а в детском доме недоглядели… Вышла я ночью из вагона в тамбур, смотрю, а он прижался в уголок и зиркает оттуда очами… Прошу тебя, Макар, давай усыновим, бо полюбила я его больше своей жизни! Видно, планида у меня такая — любить романтиков.

Тут мы наконец обнялись.

…Прошлое воскресенье в районе зарегистрировали Никиту на нашу фамилию. На обратном пути дали телеграмму-молнию, заверенную загсом, уведомили детский дом: «Не беспокой-

тесь, Никита нашел своих родителей. С приветом. Макар, Хивря и Никита Нежурись» (такая, значит, фамилия).

…Близок и май. Точь-в-точь, как на Украине! Все расцветает, все пробуждается… Сеем. Никита учится… Романтик!.. Хивря на свиноферме работает. И за Никитой пуще матери родной ухаживает… Не жена — сущий клад! Конечно, улучает свободную минуту, чтобы обозвать меня неблагодарным агрономишкой, вспомнить кукурузный початок и так далее… Но, скажите, где, какая роза растет без шипов? Мы счастливы. У нас есть сын!

№ 12, 1954 г.

А. Стоврацкий
УБИЙСТВЕННЫЙ РЕЦЕПТ

Американские политики пытаются доказать, что Европа, мол, смертельно больна, а единственным средством ее исцеления является будто бы отказ европейских государств от своего национального суверенитета.

Европе вряд ли пригодится
Совет, как быть здоровой впредь:
Ведь для того, чтоб «исцелиться?»,
Ей предлагают умереть!

№ 17, 1954 г.

Михаил Владимов
ЧЕЛОВЕК-АНКЕТА

Считал завкадрами Чумак,
Что мир — скопление бумаг.
Вокруг заводов ухал гром,
Цвели сады, и песни пелись,
Но слух его везде, во всем
Ловил один бумажный шелест.
Считал завкадрами Чумак,
Что жизнь — движение бумаг.
И говорил, итогам рад,
Придя к начальству на доклад:
— Анкета номер двадцать пять
Пошла заводом управлять.
Взысканье дали двадцать третьей
Недобросовестной анкете,
А сто тридцатая снята
С номенклатурного поста.
И вызывал он на беседу
Не человека, а анкету.

И задавал, меняя позы,
Одни анкетные вопросы.
Вперивши взгляд бездумный в стол,
Угрюмо спрашивал он: — Пол?
И расстановку вел без толку:
Сдал инженера в здравотдел,
Ветеринар на счетах щелкал,
Бухгалтер в химиках сидел.
Когда ж тревогу били где-то:
Мол, что за кадры! Брак! Провал! —
Он торопливо брал анкеты
И, словно карты, тасовал...
Как он в завкадры угодил?
Кто подобрал, кто утвердил?
Отвечу просто, не подробно:
И сам Чумак — все дело в том
— Лишь по анкете был подобран
Вышестоящим Чумаком.

№ 18, 1954 г.

Евг. Замятин
ВОЛЧОК

Волчка однажды завели.
Не чуя под собой земли,
Кружил Волчок:
«Долой покой!
Смотрите,
Я
Живой какой!»
Но вот
Последний оборот,
Волчок
Улегся на бочок,
И вновь —
Молчок.

* * *

Иные, как волчок: начнут кружиться сразу,
Лишь стоит поступить приказу,

А в остальные дни они
Лежат спокойненько в тени
И без толчка не двинутся. Ни-ни!

№ 23, 1954 г.

К. Крапива
ДИТЯ, ЗМЕЯ И ЕЖ

На ярком солнышке весною
Гадюка грелась под сосною.
А девочка, играя на опушке,
Змее обрадовалась, как игрушке.
К ней беззаботно подбежала,
Но только протянула руку,
Чтобы с земли поднять гадюку,
Гадюка выпустила жало:
— Тебя, дитя, я нежно обовью,
Узнаешь ты любовь мою…
Под деревом, у детских ножек,
Зафыркал зло колючий ежик
И кинулся отважно на змею.
Как ни шипит она, ни злится,
Ее зубов он не боится
И рвет гадюку на куски.

* * *

А девочка кричит, сжимая кулачки:
— Игрушку ты сломал,
и я тебя побью!
— Дитя, постой, — ответил еж, —
Хоть я колюч и непригож,
Но победил я смерть твою.
Как подрастешь, оценишь ты услугу
И будешь благодарна мне, как другу.

Я не в детей своею басней метил.
Есть много взрослых дяденек на свете,
Что на груди змею пригреть готовы
За лестное, обманчивое слово.
Таким милее льстивый гад ползучий,
Чем верный друг — правдивый, но колючий.

Перевел с белорусского А. Николаев.

№ 23, 1954 г.

Р. Сарцевич
ГОСТЬ

Отшумела рожь густая.
Тишина над Кулундой.
В город с дальнего Алтая
Прибыл парень молодой.
Оглядел себя он строго.
В дом вошел. Лицо горит.
Поклонился у порога.
— Чай да сахар! — говорит.
Вот сейчас хозяин скажет:
«Ну, вернулся, комсомол! —
И на стул рукой укажет: —
Просим милости, за стол!»
Он гостей принять умеет,
Нет хозяина добрей:
«Ну-ка, дочка, поживее
Самоварчик подогрей!
Чтобы чай играл в стакане,
Аромат бы источал...»

Это так подумал Ваня,
А хозяин промолчал.
Покосился нелюдимо,
Папиросу закурил.
И, пуская тучу дыма,
Не спеша заговорил.
Он с особенною силой
На последний слог нажал:
— Напахался, значит, милый?!
Наработался?! Сбежал?!
От подобных слов у Вани
На душе обиды ком:
— Ты бы лучше вместо брани
Угостил меня чайком.
Тот, свои расчеты строя,
Говорит ему в ответ:
— Для таких, как ты, «героев»
Никакого чая нет!
Дочь родителю с укором:
— Зря ты Ваню огорчил:
Он опять уедет скоро —
Он же отпуск получил.

Хмурь с лица отца пропала,
Стали ласковы глаза:
— Что ж ты сразу не сказала,
Попрыгунья-стрекоза?
Он гостей принять умеет,
Нет хозяина добрей:
— Ну-ка, дочка, поживее
Самоварчик подогрей!
Дочка что-то шепчет Ване
От папаши в стороне —
О каком-то чемодане,
О какой-то целине.
Видит батя: дочка что-то
Начинает городить.
— Ты куда?
— Да мне охота
Гостя Ваню проводить.
— Это верно ты сказала,
Я не вижу в том беды.
Ты проводишь до вокзала?
— Нет, до самой Кулунды.
— Да тебе и здесь не тесно, —

Возражает ей отец. —
И к тому же сам чудесно
Доберется молодец.
Дочка весело смеется,
Голосок ее дрожит:
— Может, он и доберется,
Да вторично убежит.
Он уж спец по этой части.
Нужен сторож, нужен глаз.
Он — бежать, а я за хлястик
Удержу его как раз.
Тут и Ваня вставил слово:
— Можно даже не держать:
Мне от сторожа такого
Не захочется бежать.

№ 7, 1955 г.

Константин Ваншенкин
ТИП

Когда в президиум его
У нас не выберут, бывает,
Он ночь не спит из-за того,
Что свой «позор» переживает.
И, погасив в квартире свет,
Лежит, собрав на лбу морщины:
«Так подорвать авторитет!
Должны же быть к тому причины».
Он размышляет в темноте:
«Что нужно завтра сделать срочно,
Чтоб снова быть на высоте
И сесть в президиуме прочно?..»
И он не спит во тьме ночной,
И он мечтает в эту пору.
Любым путем, любой ценой
Он неуклонно лезет в гору.
А как размах его велик,
И как хитер он, между прочим!..

Разоблачить? Да нет улик,
И скажут, мы его порочим.
А ведь красив, подлец, высок
И наделен талантом в меру...
Он много б в жизни сделать мог,
Когда б не делал он карьеру.

№ 8, 1955 г.

В. Маевский
ГЕНЕРАЛ ГРЮНТЕР ПОПАДАЕТ В ИСТОРИЮ

— Что это? — строго спросил лондонский таможенный чиновник, извлекая содержимое небольшого пакета.

— Штаны, то есть брюки, — последовал ответ.

— Откуда?

— Из Парижа.

— Уплатите таможенный сбор.

— Что вы, господин чиновник! Ведь это брюки самого генерала Грюнтера!

— Возможно. С вас десять фунтов стерлингов.

— Десять фунтов за поношенный мундир?! Ведь это подарок.

— Закон есть закон.

— Но поймите, генерал уже третью неделю стоит в публичном месте совершенно, так сказать, без ничего!..

— И ему не стыдно?

— Он без головы. Его нельзя снабдить головой, пока нет мундира.

— Вот как! Десять фунтов — и вы снабдите ге-

нерала всем, что требуется.

Этот или подобный ему разговор произошел в Лондоне некоторое время тому назад. Ему предшествовали события, которые необходимо изложить со всей последовательностью.

Среди многих достопримечательностей английской столицы есть музей восковых фигур, некогда созданный француженкой мадам Тюссо.

Кого не встретишь в просторных залах этого музея! Рыжебородый Генрих VIII со своими многочисленными женами и лейбористский лидер Эттли; Гай Фокс, пытавшийся поджечь английский парламент, и сэр Уинстон Черчилль; Наполеон Бонапарт и Трумэн; Спящая Красавица и папа Пий XII; мадам Тюссо в черном капоре с белыми кружевами и знаменитый футболист Стэнли Мэтьюс — все застыли здесь в своем восковом величии.

Особое место занимают в музее военные. Здесь можно видеть прославленного бегством от гитлеровцев в Арденнах фельдмаршала Монтгомери, битого в Корее генерала Макартура, бывшего командующего воинством Североатлантического блока генерала Риджуэя и многих других.

Однако в этой коллекции до недавнего времени был существенный изъян: в ней не хватало

американского генерала Грюнтера. И это несмотря на его высокий пост преемника Риджуэя и вполне заслуженную славу одного из главных поджигателей атомной войны!

Разумеется, такое положение было нетерпимым. Дирекция музея поспешила восполнить пробел.

Мастера без особого труда создали восковую голову Грюнтера. Затем была выполнена гипсовая фигура. На этом этапе работы оказалось, что американскому генералу, прежде чем иметь голову на плечах, необходимо обрести генеральский мундир — без этого голова не прикрепляется.

Музей обратился с соответствующим запросом к Грюнтеру, и тот, явно польщенный перспективой заживо попасть в историю, выслал в Лондон свой поношенный мундир. Пакет прибыл на таможню, его задержали: полагалось платить таможенный сбор. Музей отказался. Начались трехнедельные переговоры. Тут-то и произошел тот принципиальный разговор, с которого начинается это повествование.

В конце концов музею пришлось заплатить пошлину. Грюнтера облачили в мундир цвета хаки, снабдили головой, портфелем и, потеснив отставного Риджуэя, водворили в одном из верх-

них залов музея Тюссо.

Обо всем этом рассказала в краткой корреспонденции из Лондона газета «Нью-Йорк геральд трибюн».

Читая газету, мы живо представили себе обширные, тускло освещенные залы хорошо знакомого музея и многочисленных его посетителей.

Вот они тянутся вереницей, останавливаются у экспонатов, находят их под номерами в каталоге, осматривают, молча идут дальше или обмениваются замечаниями:

— А это кто?

— Генерал Грюнтер.

— Черт возьми, как попал сюда этот атомщик?

— Да, его место явно внизу…

Внизу, в подвальном помещении музея Тюссо, находится «камера ужасов». Здесь собраны мрачные атрибуты инквизиторских пыток, восковые изображения нашумевших в свое время убийц и прочих преступников. Среди них, нам помнится, военные преступники Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс, Муссолини — организаторы агрессивной войны, виновники гибели миллионов людей.

Да, это общество подходит генералу Грюнтеру больше, чем общество Генриха VIII и Спящей

Красавицы. Он прочно зарекомендовал себя кандидатом в военные преступники своей безудержной проповедью атомной войны против миролюбивых народов.

И, кто знает, возможно, наше представление о музее Тюссо устарело. Английские правящие круги так ретиво взялись за вооружение западногерманских реваншистов, что, быть может, Гитлер и его компания уже извлечены из подвала и водворены наверх, в общество Трумэна, Монтгомери и Грюнтера.

Впрочем, не будем гадать.

Народы, делающие историю, поставят каждого из поджигателей новой войны — кандидата в военные преступники — на то место, которое он заслужил.

№ 10, 1955 г.

Роман Коган
ПОНЯЛ...

Один товарищ перед сном
Взял в руки популярный том.
И там с вниманием глубоким
Он прочитал такие строки:
«Он знак подаст — и все хлопочут;
Он пьет — все пьют и все кричат;
Он засмеется — все хохочут;
Нахмурит брови — все молчат».
Прочтя, воскликнул он: — О боже!
Какой подобострастный раж!
Как гениально Пушкин все же
Описывал... подхалимаж!

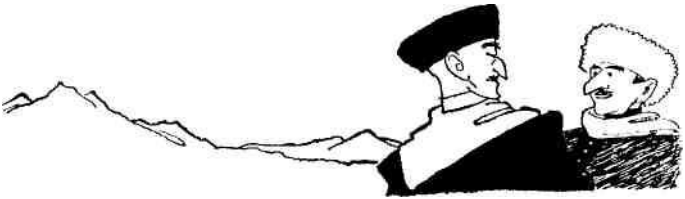
№ 30, 1955 г.

Елена Цугулиева
ПОХИЩЕНИЕ МАДИНЫ

Бывали вы когда-нибудь в Фиагдоне? Недавно в этом осетинском селении случилась интересная история. О ней я и хочу сегодня рассказать.

Начнем с того, что к тетушке Саниат приехали в гости из районного центра племянник Тотырбек и племянница Мадина, которая до этого училась в городе Орджоникидзе. По случаю приезда дорогих гостей тетка Саниат устроила вечеринку. Молодежь собралась со всего селения, играли попеременно два аккордеона. Танцевали с таким жаром, что пыль взвивалась столбом, посуда в шкафчике угрожающе гремела, а с потолка сыпалась штукатурка.

Красивы в Фиагдоне девушки, но даже среди них Мадина выделялась своей красотой и привлекала внимание молодых джигитов. Понравилась она и бригадиру-животноводу Темболу. Он глядел на нее, разинув рот, сдвигал шапку то на одно ухо, то на другое и, наконец, не выдержав, подошел к ее брату Тотырбеку.



— Черные косы, черные брови — настоящий ягненок, — заявил он и толкнул приятеля в бок.

— Ничего сестренка, не хуже других, — скромно ответил тот. — Хочешь познакомлю?

— Клянусь предками! — восторженно взревел Тембол. — Если бы ты уговорил ее выйти за меня замуж, я бы стал тебе слугой до конца дней.

Такая перспектива, по-видимому, понравилась Тотырбеку. Он немедленно подошел к сестре и изложил ей чувства, внезапно вспыхнувшие под щегольской зеленой рубашкой бригадира.

— О ком ты? Об этом страшилище с головой, как тыква? Наверно, я надоела тебе, брат, что ты хочешь отдать меня за первого встречного! — И она засмеялась, показав белые, как свежий сыр, зубы.

Тембол же этот смех расценил по-своему. «Радуется, — подумал он, — значит, и я ей понравился». В этом мнении утвердил его и Тотырбек:

— Она от тебя без ума. Но какая девушка открыто в том признается?!

— А замуж она за меня пойдет? — деловито осведомился Тембол.

— Прежде чем сажать хлебы в печь, нужно ее протопить, — туманно ответил хитрец. — На пожар, что ли?

— Но Мадина в любой день может уехать к себе в район, а там, как тебе известно, молодцов много. Еще под носом перехватят! Если сосватаешь, — пообещал он Тотырбеку, — подарю тебе новую каракулевую шапку и дедовский серебряный кинжал.

На другой день Тотырбек сообщил Темболу радостную весть:

— Мадина согласна стать хозяйкой в твоем доме.

— Когда же присылать сватов? — торопился Тембол.

— Сватов не надо, — таинственно сказал Тотырбек. — Она говорит, что на свадьбу уйдет много денег, а они вам в хозяйстве пригодятся. Лучше будет, если ты по старинному обычаю ее похитишь.

Тембол призадумался. Конечно, похитить девушку он бы сумел, но как бы потом не потащили к прокурору. Да еще на всех собраниях будут прорабатывать за «пережиток».

Но Тотырбек успокоил его:

— Если с согласия невесты, никому дела нет.

— Тогда пусть она сама мне напишет, — потребовал осторожный «жених».

К вечеру он получил расписку, нацарапанную от имени Мадины шкодливым Тотырбеком. Тут же в предельно короткий срок — за две минуты — был обсужден план похищения.

— Завтра вечером я уйду из дому, — пояснил Тотырбек. — Мадина спит в комнате направо, а тетка — налево. Смотри не перепутай. И не бойся: тетка глухая, не услышит. — При этом хитрец указал комнаты как раз наоборот, рассчитывая, что Тембол нарвется именно на тетку. Вот смеху-то будет!

Но случилось так, что в комнате Мадины перегорела лампочка, ей нужно было что-то писать, и они с теткой поменялись комнатами.

Поздним вечером Мадина услышала за спиной легкий шорох. Не успела она сообразить, в чем дело, как на ее голову упала плотная мохнатая бурка. Чьи-то руки быстро завернули ее и понесли. Над ухом кто-то громко сопел. Потом ее помчала телега, подскакивая на ухабах, и наконец остановилась. Девушку внесли в комнату, положили на тахту и ушли. Она слышала, как

хлопнула дверь. Выпутавшись из бурки, Мадина осмотрелась и по фотографии, висевшей на стене, без труда узнала своего похитителя.

Дверь открылась и, улыбаясь во весь рот, вошел Тембол.

— Ты меня ждала, о черная голубка? — вкрадчиво спросил он. — Вот я перед тобой, как горный олень.

Он подошел поближе и протянул к ней руки. Но не успел «горный олень» коснуться плеча Мадины, как отлетел в дальний угол, отброшенный ударом маленького, но крепкого кулака.

— Так и покалечить можно, — ошеломленно пробормотал он, потирая челюсть и со страхом поглядывая на «черную голубку».

— Значит, не зря я столько времени занимаюсь спортом, — спокойно произнесла она. — Убирайся вон!

«Обиделась, наверное, что не в машине вез», — подумал Тембол, а вслух смиренно сказал:

— Не сердись, солнечный луч, я даже сундучок твой захватил с собой. — И он поставил на пол кожаный чемоданчик.

— Как тебе в голову могла прийти такая умная мысль? — удивилась Мадина. — Действительно, он мне очень нужен… А теперь подойди-ка сюда.

Обрадованный этим приглашением, «жених» приблизился к Мадине, которая пристально смотрела куда-то на улицу.

— Что это за кошки? — сердито спросила она, указывая в окно.

— Какие кошки? — испугался Тембол. — Это же коровы, свет моих очей!

— Я тебе сейчас покажу «свет очей»! — еще больше рассердилась «невеста». — За кем закреплено это стадо?

— За мной! — гордо отвечал Тембол. — Я же бригадир животноводов.

— Интересно знать, почему они без присмотра на улице бродят? И чем ты их кормишь?

— С-соломой, — пролепетал Тембол.

— Как они только, несчастные, на ногах держатся! А почему нет силоса, комбикорма, сена?

— Да это, наверно, порода такая, — изворачивался Тембол, уже забыв о своих брачных планах. — Вот приедет новый зоотехник, тогда…

— Он уже приехал, пустая твоя башка! — закричала Мадина, высоко подняв руки над головой. — Он приехал и видит твой позор, о величайший из лодырей!

— Что ты говоришь?! — испуганно отступил Тембол. — Как приехал? Где он?

— Перед тобой, перед тобой, о горе колхоза! Я зоотехник! — Мадина так сверкнула глазами, что незадачливый «жених» опрометью выскочил из комнаты. Но за порогом он встретил Тотырбека, который вежливо осведомился, что это за синее пятно у него на скуле, а потом лукаво сказал:

— Я за шапкой приехал. Ты же обещал…

— Я тебе целый мешок шапок дам, только увези ее поскорее, ради живых и мертвых!

— А что случилось? Ты ее обидел, наверное. Конечно, она девушка слабая и…

— Слабая! — завопил «жених». — Разве только потому, что ей не удалось с одного удара разбить мою голову. Увези ее, если в тебе есть хоть капля совести!

Тотырбек вошел к сестре, а через минуту выскочил из комнаты.

— Не хочет ехать, — сообщил он. — «Пока, — говорит, — не наведу здесь порядка, никуда не поеду». Акт на тебя составляет за порчу стада. Иди подписывай. Придется тебе, видно, другую невесту подыскать.

— Другую голову ему подыщи! — решительно заявила похищенная, появившись на пороге. — Одевайся, о губитель колхозного стада! Коровники пойдем смотреть. Представляю, что

там творится! А о твоей проделке поговорим в другом месте. И тебе тоже попадет, — повернулась она к брату. — Не хотелось шум поднимать, а то бы я...

— Так ты же сама собиралась сюда ехать! — защищался Тотырбек. — Вот он тебя и привез...

— Спасибо! — ядовито сказала «невеста». — Без вас бы никак не добралась... Да оденешься ты когда-нибудь?

Тембол, дрожа, не попадая в рукава, стал натягивать пиджак.

— «Фарн Фацауы!» («Благодать грядет в дом жениха!»), — вслед Темболу торжественно пропел Тотырбек слова из свадебной песни.

№ 36, 1955 г.

Расул Гамзатов
ДОКЛАДЧИК БЫЛ ДОВОЛЕН

Уборки время подошло,
Текло зерно со звоном.
И вдруг приехал к нам в село
Докладчик из района.
На зал он посмотрел в упор,
Глоток воды отпил.
Сказал: «Начнем!»
Очки протер.
Тетрадь свою раскрыл.
И напряженно стали ждать
Колхозные бригады,
Что смогут ценного узнать
Из этого доклада.
Он от стола не поднял глаз,
Боялся, верно, сбиться,
Покашливая каждый раз,
Когда листал страницы...
Читает долго свой доклад

Оратор из района.
А люди в зале говорят:
— Каким бы длинным был канат,
Из этих слов сплетенный!
Давно пора кончать ему.
Работа ждать устала!
И люди все по одному
Выходят вон из зала.
И снова на поле народ,
Уборка движется вперед!
Лишь в положенье глупом
Сидит один завклубом.
Он слушал, слушал, задремал
И выспался на славу,
Но бросить этот скучный зал
Он не имеет права.
Завклубом выход вдруг нашел,
К трибуне быстро подошел
И, прозвенев ключами,
Сказал: «Запрете сами!»
Последний звук слетает с губ,
В окне — заката луч.

И наконец затихший клуб
Уже закрыт на ключ.
Докладчик по полю идет.
Он несказанно рад:
Еще бы, трудится народ,
Уборка движется вперед,
Знать, вдохновил доклад!..

Перевели с аварского Е. Николаевская и И. Снегова.

№ 6, 1956 г.

Сергей Швецов
БРАКОРАЗВОДНАЯ ЛИРИКА

Лирические миниатюры

РАЗЛУКА

Немало лириков сейчас,
Гонясь за темой очень модной,
Усиленно снабжают нас
Поэзией бракоразводной.
И публика уже привыкла,
Взяв наугад журнал любой,
Там находить стихи из цикла:
«Зачем я развелась с тобой!»
Стихов таких и в этом роде
Печется много в наши дни.
Читатель ждет от нас пародий.
Я сочинил их. Вот они.

На траве, еще не скошенной,
Я сижу, тобою брошенный,
И пишу рукой проворною
О разлуке песнь минорную.

Знаю я: мои элегии
Любят члены редколлегии.
Пусть обильно слезы катятся,
Все они сполна оплатятся…

Олег Спекулириков

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Любимый мой! Меня ты лучше брось.
Должна тебе признаться честно:
Мне очень трудно жить с тобою врозь,
Еще труднее жить совместно…

Евгения Скушнова

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

И он меня любил и я его,
Довольны были всем и я и Вася.
Скажите, люди, отчего
Я все же с Васей развелася?

Полина Мотылькова

ПРИЗНАНИЕ

Сегодня от соседей я узнал,
Что неверна мне стала Дуся.

Оповещаю всех через журнал:
Я скоро с Дусей разведуся.

Филат Возбужденцев
№ 10, 1956 г.

Николай Доризо
БАЛЛАДА О «ТАК НЕ БЫВАЕТ»

Он в трудном деле, так сказать, мастак,
Немало написал статей в газеты,
В которых учит: это, мол, не так,
Для нас сегодня нетипично это...
Случилось так, что в доме денег нет.
— Как денег нет? — он вопрошает зычно. —
Вздор!
Деньги есть!
Давай, жена, обед!
В семье советской это нетипично.
И вот однажды грянула беда.
Вошел он в дом,
застыл от удивленья.
Записка: «Ухожу я навсегда.
С меня довольно!.. Лопнуло терпенье!?»
Была тоска смертельно тяжела.

Но он записку прочитал вторично:
— Ушла от мужа?!
Вздор!
Ты не ушла!
Так не бывает. Это нетипично.
А как бывает, знает он один
Наперекор всему, что есть на свете.
Любовь... Печаль...
Но этих дисциплин
Не проходил он в университете...
Боюсь, что и теперь, меня кляня,
Не будет критик тот самокритичен:
— Поклеп!
Я утверждаю:
нет меня,
Поскольку я сегодня нетипичен!..

№ 12, 1956 г.

С. Шатров
КАК МЫ ХОРОНИЛИ ЛЯЛЬКУ

Мама говорит, что несчастья никогда не приходят в одиночку. Они ходят друг за другом, как гуси по дороге. Сначала к нам пришло одно несчастье. Папе дали маленькую работу вместо большой. И на этой маленькой работе приходится много работать. А когда папа был на большой работе, он работал совсем мало.

Потом пришло еще одно несчастье. Моя сестра Лялька окончила институт.

Мама давно боялась, что она окончит институт.

— Я с ужасом жду этого дня, — говорила мама. — Я этого не переживу!

— Переживешь! — смеялся папа.

И мама пережила. Она только страшно испугалась, когда Лялька пришла и сказала, что ее уже распределили.

— Куда? — спросила мама.

— В Уфу!..

— Я так и знала, что тебя похоронят в глуши!

У мамы задрожали губы и кончик носа стал

совсем красный.

Значит, Ляльку похоронят в глуши. Мне сразу стало ее жалко. Я люблю Ляльку. Она хорошая сестра. Правда, не всегда она бывает хорошей. Утром, когда Лялька опаздывает в институт, она становится злой как черт. Вечером она не такая злая. И она делается совсем доброй, когда приходит Володя-длинный — баскетболист. Лялька говорит, что он ей безразличен. Она чихать на него хотела. Поэтому, когда Володя приходит, она становится веселой, вызывает меня в свою комнату, обнимает за плечи и дает билеты на каток. Она говорит Володе, что я хороший парень. А Володя-длинный — баскетболист — отвечает, что я просто замечательный парень, таких парней он никогда не видел и, наверное, не увидит до самой своей смерти. И Лялька смеется…

И вот такую сестру мы скоро похороним. Мне стало жалко Ляльку. Я очень разволновался. Мама тоже разволновалась и попросила лекарство для сердца. Тут я вышел на кухню.

Дедушка Бедросов, как всегда, возился у плиты. Он варил обед. На нем был фартук в клеточку. Этот фартук сшила себе его жена Евгения Николаевна. Она была толще дедушки, поэтому фартук висел на нем, как сарафан на палке.

Бедросов держал в руках большую кишку и запихивал в нее гречневую кашу.

— Что нос повесил, джигит? — спросил меня Бедросов. — Никак, ты схлопотал двойку?

— Не схлопотал… Мы скоро Ляльку похороним…

Бедросов так испугался, что кишка у него упала на пол и из нее вывалилась каша.

— Ты что, сдурел? — рассердился он.

— Нет, не сдурел.

— Такая здоровая девка — и вдруг помрет!

— Еще как помрет, — сказал я. — Ее похоронят в глуши.

— В какой глуши?

Я все рассказал старику. Он еще больше рассердился и начал кричать, что мой папа жил не в столицах, а в Воронежской области, а мама — в Пятихатке. И они там жили и не померли в глуши, а вот их дочь должна обязательно помереть! Дедушка заговорил быстро-быстро, и слова у него вылетали, как пули, и наскакивали друг на друга, так что уж ничего нельзя было понять.

Я вернулся в комнату. Пришел с работы папа. Мы сели обедать. Никто ничего не ел, все ковыряли, как говорит мама, вилками в тарелках.

Папа уже не смеялся над мамой, он сказал, что

надо спасать Ляльку.

— Может быть, достать справку, что она больна? — спросила мама.

— Болезни не ее козыри, — ответил папа. — Каждый, кто на нее посмотрит, скажет, что она может кидаться гирями в цирке.

Лялька сидела красная и злая. Она не любит, когда говорят, что она здоровая и сильная. Она хочет быть тонкой и бледной.

— Я слыхала, — сказала мама, — что замужних не посылают.

— Еще как посылают!

— А если муж живет в Москве?

— Тогда не посылают!

— Володя-длинный, кажется, холостой? — спросила мама.

— Баскетболистов нам не надо! — рассердился папа. — Проживем без них!

Потом все замолчали. Папа лег на диван и начал читать про Кортина д'Ампеццо.

— «Наша спортивная делегация, — читал папа, — живет в высокогорном отеле «Тре Крочи», находящемся в 20 минутах езды на автомобиле от Кортина д'Ампеццо. Это комфортабельная гостиница, из окон которой открывается чудесный вид…»

— Как ты можешь думать сейчас про Ампеццо! — заплакала мама.

Папа отложил газету и сказал, что не надо плакать. Лялька сама по себе, Ампеццо само по себе. Не все еще потеряно. Можно еще поговорить с Лешей Смузиковым.

— Это еще что за Смузиков? — удивилась мама.

— Он работает у нас в конторе. Хороший такой хлопец.

Мама всегда говорила, что папа умеет быстро разгадывать людей. Другому, чтобы узнать человека, надо сесть с ним за один стол и съесть целый пуд соли. Папе соли не надо. Он узнает без соли. Он посмотрит на человека и сразу скажет, чем тот дышит и что думает.

— А как нам поможет твой Смузиков? — спросила мама. Папа посмотрел на меня и начал говорить так, чтобы я ничего не понял:

— Бракейшн будет фиктивнейшн. Понимэйшн?

— Понимэйшн, — ответила мама.

Папа еще долго говорил, а мама слушала, и вздыхала, и все боялась, как бы Смузиков не подложил нам свинью.

Мама всегда чего-нибудь боится. А чем плохо

иметь свинью? Ведь у нас дома нет даже собаки!

Лялька тоже испугалась свиньи. Папа клялся и божился, что Смузиков — честный человек, хоть и работает у них в конторе, где жулик на жулике сидит. Но Лялька и слушать не хотела. Она сказала, что пусть ее лучше похоронят в глуши, — и дело с концом! Мама опять заплакала, легла на диван и сказала, что у нее разрывается сердце. Папа дал ей капли. Он начал кричать на Ляльку, что она хочет доконать свою мать. Лялька убежала к себе в комнату. Я так расстроился, что опрокинул на скатерть химические чернила. Папа еще больше рассердился и сказал, что в доме все идет прахом.

В воскресенье к нам пришел Смузиков. Он сразу мне понравился. Он был веселый, здоровый, как борец, и от него пахло пивом и одеколоном. На левой его руке были нарисованы рулевое колесо и русалка, которая сидела на двух кинжалах. Сверху была надпись:

«ВСЕГДА ПОМНЮ СВОЮ МАМУ».

Рисунки маме не понравились, но она сказала, что из-за надписи прощает Леше колесо и русалку.

Леша ответил, что свою маму он любит больше

всех на свете. А татуировка ему нужна теперь, как зайцу насморк. Когда я услышал про заячий насморк, меня разобрал смех. Я помирал от смеха целый вечер, потому что такого остроумного человека я еще не встречал. Он знал не только про зайца. Он говорил: это мне нужно, как собаке велосипед, или как слону качели, или как селедке патефон. Под конец он до того насмешил, что у меня из носа потек чай, и выпали кусочки пирога, и я чуть не вылетел из-за стола.

Наш гость сказал, что он может жениться на Ляльке. Папа хотел дать ему за это кожаную тужурку, почти еще совсем новую, но Леша отказался. Оказывается, тужурка ему нужна, как покойнику калоши. Леша сказал, что он не феодал, ему калыма не надо. Он женится на Ляльке потому, что любит папу. Леше ничего от нас не нужно. Он просит только прописать его в нашей квартире. Понарошке. Жить он будет за городом, в Малаховке.

Тут мама опять испугалась. Но папа мигнул ей и сказал Леше:

— Сделаемся!

Смузиков ушел от нас поздно вечером. Он пообещал маме достать тюль на занавески, а меня взять на «Динамо».

И этот человек станет мужем Ляльки! Просто не верится. Я считаю, что нам повезло. Мама, и та сказала, что у Леши интеллигентная душа, ему только не хватает высшего образования.

В следующее воскресенье Лялька и Леша пошли в загс. Так они стали мужем и женой.

Когда Володя-длинный — баскетболист — приехал из командировки, он сразу пришел к нам. Дома никого не было…

— А у Ляльки уже есть муж, — сказал я. — Хотите, могу показать паспорт!

Лялькин паспорт всегда лежал на комоде за зеркалом. Я принес его и показал Володе. Он посмотрел, и глаза у него стали круглые, как у рыбы. Потом он сел на стул и икнул. Он еще много раз икал, пока я не принес воды. Володя-длинный — баскетболист — выпил воду и начал по ошибке засовывать стакан в пиджачный карман. Меня разобрал смех. Я сразу понял, что Володя-длинный — чепуховый молодой человек. Он, наверно, сам хотел стать Лялькиным мужем. Как хорошо, что Лялька об этом не знает! Володя-длинный — баскетболист — ушел, забыв у нас калоши.

— Чьи это калоши? — спросила Лялька, когда пришла.

— Володины.

— Он здесь был?

— Еще как был! Икал полчаса!

— Ты что-нибудь ему говорил? — испугалась Лялька.

— Ничего не говорил, только показал твой паспорт. И он сразу начал икать…

Тут Лялька развернулась и дала мне такую пощечину, что меня подбросило на диван. Я так удивился, что даже не успел заплакать. Лялька побежала к себе. Она разревелась, как маленькая, и ревела до тех пор, пока не пришел папа.

Просто удивительно! Все время Володя-длинный — баскетболист — ей не нравился, и вдруг, после того как он начал икать, она полюбила его.

С этого дня Лялька стала злая и раздражительная, и все боялись сказать ей слово. А папа был веселый. Целыми днями он пел «Самара-городок». Он говорил, что все прекрасно устроилось. Лялька осталась с нами в Москве, и теперь ее уже не похоронят в глуши. Пусть другие хоронят своих дочерей, если это им нравится. Мама тоже была довольна и говорила, что мы должны быть благодарны Леше. И я так думал и очень жалел, что Лялькин муж никогда не приходит к нам. Можете себе представить, как я обрадовался,

когда встретил его около нашего двора!

— Здорово, кореш! — сказал Леша и протянул мне руку. — Как жизнь молодая течет? Ты тайну хранить умеешь?

— Умею.

— Так вот, хочу переехать к вам на постоянное местожительство. Когда, говоришь, твои старики не бывают дома?

— Утром!

— Толково. Утром и переедем!

— А зачем вам переезжать, когда никого не будет? Вы хотите сделать нам сюрприз?

— Ясно, сюрприз. Старики здорово обрадуются.

Утром Леша принес свой чемодан и письмо. Чемодан я поставил в Лялькиной комнате, а письмо вечером отдал папе.

— Это еще что? — спросил папа.

— Это сюрприз, — ответил я.

— Боже мой! Что все это значит? — закричала мама и схватилась за сердце.

Лялька побежала за каплями.

— Я так и знала! — прошептала мама. — Что теперь с нами будет?

— Ничего не будет! — закричал папа не своим голосом. — Я вышвырну этого мерзавца вместе с чемоданом!

Я ужасно удивился. Вот это сюрприз! Леша — мерзавец? Только вчера они говорили, что он замечательный парень!

Папа еще долго кричал, но почему-то не выкидывал Лешин чемодан. Мама все время плакала. Так продолжалось два дня, пока не пришел Леша. Он был, как всегда, веселый, и от него пахло пивом и одеколоном «Эллада». Он принес с собой раскладушку.

— Давайте не будем расстраиваться, — сказал Леша. — Все идет нормально. Дорогой зять пришел в родную семью.

— Ты подлец, Леша! — сказал папа. — Твоей ноги не будет в моем доме!

— Не разрушайте семейный очаг! Не выгоняйте зятя! Скажите-ка лучше, где поставить раскладушку.

— Ты думаешь, на тебя не найдется управы? — опять закричал папа. — Врешь, подлец, управа на тебя найдется!

— Значит, я подлец, а вы честный человек? — Леша постучал ложечкой по графину. — Давайте разберемся без шума! Дорогие товарищи! Перед вами семья гражданина Васюкова. Пять лет государство растит и холит его единственную дочь — будущего специалиста. Что же обще-

ственность видит в итоге? Товарищ Васюков благодарит за дочь Советскую власть? Кланяется ей в ноги? Дудки! Он обманывает ее посредством фиктивного брака. Больше того! Он и его дочь завлекают бедного, но честного Лешу Смузикова в свои сети. И когда гражданин Смузиков по наивности своей женится, то выясняется, что он уже больше не нужен. Его выбрасывают, как вещь…

Мне так стало жалко Лешу, что я чуть не заплакал. Но вдруг он улыбнулся и сказал совсем другим, веселым голосом:

— Как вы думаете, дорогой товарищ Васюков, если бедный Смузиков придет с таким материальчиком в редакцию? Что получится? Получится толковый фельетон. Тираж — два миллиона! Газет не хватает. Люди стоят у щитов и читают. Общественность реагирует. Вас вызывают на местком. Словом, скандал на весь мир… Вопросы есть?

У папы вопросов не было. У мамы тоже. Леша поставил свою раскладушку и начал у нас жить.

А через пять дней уехала от нас Лялька. Она поехала в Билимбай вместе с Володей-длинным — баскетболистом. Они похоронили себя в глуши и пишут, что это им очень нравится.

№ 12, 1956 г.

Александр Яшин
НЕПОСЕДА

Непоседу повстречала,
Полюбила без ума,
Не заметила, как стала
Непоседою сама.

Ничего ему не стоит
Руку наскоро пожать:
То канал уедет строить,
То леса в степи сажать.

До всего нужда-забота,
Обо мне заботы нет.
Вдруг найдет еще кого-то —
Погибай во цвете лет!

С той поры за ним по следу
Я в далекие края,
Не задумываясь, еду:
Куда милый, туда я.

Лишь одно теперь пугает,

Но пока молчу, тяну:
Что-то много он читает
Про ракеты, про Луну.

Ох уж эти мне ракеты!
Как за милым усмотреть?
На соседние планеты
Не решилась бы лететь!

№ 12, 1956 г.

А. Костовецкий
ПЕЧАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ С ИВОЙ ПЛАКУЧЕЙ

Как то лирик, бывший
Много лет в прорыве,
Дал стихи журналу
О плакучей иве.

Как она склонилась
В красоте печальной,
Как она все плачет
Над водой зеркальной...

Закричал редактор:
— Что все это значит?!
Почему, скажите,
Ваша ива плачет?

Выглядит картина
Неоптимистично.
В наше время плакать —
Это нетипично!

Где такую иву
В жизни вы встречали?
Не было печали —
Черти накачали!

Нам нужны, конечно,
Строки о природе.
Но в ином разрезе,
Но не в этом роде.

И редактор сделал
В тех стихах пометки:
Взял он и подрезал
Ивушкины ветки!

Чтобы наконец-то
Ива распрямилась,
Чтобы над водою
Грустно не клонилась!

Обкорнал он иву...
В благородном рвенье,
И она предстала
В новом отраженье.

Только ива с горя

Пуще разрыдалась...
И плакучей ивой
Все равно осталась!

№ 17, 1956 г.

Остап Вишня
МОЯ БИОГРАФИЯ

Теперь я уже твердо знаю, что я родился. Но когда я появился на белый свет и даже несколько лет спустя, мать уверяла, что меня нашли в капусте на огороде. А тетка говорила, что меня принес аист, принес в клюве, до хаты не донес, выронил из клюва, и я упал в телячьи ясли, где меня будто и нашли. Бабушка же, наоборот, доказывала, что меня вытащили из колодца, когда поили корову Оришку.

А когда я спрашивал отца:

— Тату, откуда я взялся?

— Вырастешь, сам узнаешь, откуда взялся! Иди лучше в чурки играться! Не мешай мне!

Родился я в ночь с 31 октября на 1 ноября (старого стиля) 1889 года в местечке Груни, Зеньковского уезда, на Полтавщине. Теперь это Грунский район, Сумской области.

Собственно, событие это произошло не в самом местечке Груни, а на хуторе Чечве, близ Груней, в помещичьем имении, где мой отец работал у панов.

Условия для моего развития были вполне подходящие. Подо мною колыбель на веревочках, а я в колыбели, а надо мною мама. Немного поспишь, немного мама накормит, губами почмокаешь — и растешь себе помаленьку.

Так оно, значит, и пошло: ешь — растешь, а

потом растешь — ешь!

Родители мои были, как обычно все родители: отец мужского пола, мать женского. У отца и у матери тоже были родители.

Отцов отец (мой дед) был в Лебедине сапожником, мамин отец (тоже мой дед) был в Грунях хлеборобом.

А вообще мои родители были хорошие люди. Чтобы мне не очень скучно было расти, они обзавелись для меня семнадцатью братишками и сестренками. Так мы вместе и росли. Выросло только пять братишек и восемь сестренок. Воспитывались сообща и мальчики и девочки, как теперь в советских школах — совместное обучение.

Стал я, значит, расти…

Как?

Как и все растут, ел хлеб, борщ, кашу, галушки, вареники, печеную картошку, зеленые дички, лопуцки[1], свербигуз[2], черемуху, от которой язык превращался в напильник, вишни — пузо от них становилось красным, ягоды бузины, от которых

---

[1] Примечания: 1

Лопуцок — молодой мягкий стебель растения, употребляемый в пищу.

[2] Примечания: 2

Свербигуз — дикая редька.

и лицо, и язык, и голова, и руки, и рубашка были синие-синие, как куриный пуп.

Играл, как и все, в чурки, в мяч, в кегли, в свинки, гонял покотьоло[3], прыгал через перелазы, зимою скользил по льду и спускался на салазках. Бегал наперегонки. Тогда еще стометровок не было, а называлось это так:

— А ну, от груши до соломы! Тю! — и побежали.

«Тю!» — это теперешний выстрел судьи на старте.

Как видите, я рос и делал все то, что в будущем мне пригодилось, как писателю.

— Будет писать! — сказал как-то отец, когда я, сидя на полу, размазывал рукою лужу.

Что имел в виду отец под словами «будет писать», трудно было мне угадать. Возможно, он мечтал о том, что его сын будет работать писарчуком в волостном правлении или будет записывать в церкви попу «в грамотку» — «во здравие» и «за упокой», — а возможно, в нем реяла более далекая мечта о том, что его сын будет писателем не меньшим, чем земляк Николай Васильевич Гоголь!

---

[3] Примечания: 3

Покотьоло — детская игрушка, деревянный кружок.

Разве угадаешь?

Оправдалось, как видите, отцовское пророчество: пишу, хоть далеко не так, как Н. В. Гоголь…

Но, ой, как много прошло времени, пока отцовское предсказание воплотилось в жизнь!

Писатель не так живет и не так растет, оказывается, как обыкновенный человек.

Что обыкновенный человек? Живет, проживет, помрет… Да и все!

А писатель — нет. О писателе обязательно подай: что повлияло на его мировоззрение, что его окружало, что его организовало, когда он лежал у матери на руках и не думал совсем о том, что когда-нибудь придется писать свою биографию.

А вот теперь сиди и думай: что на тебя повлияло и ты стал писателем, какая нелегкая тебя в литературу понесла, когда ты стал задумываться над тем, «куда дырка девается, когда бублик едят»?

И вот вспоминаешь свою жизнь и приходишь к выводу, что с будущим писателем на самом деле происходят какие-то необычайные явления, не такие, как со всеми, и если бы таких явлений не было, не становился бы человек писателем, а был бы порядочным врачом, инженером, механизатором, дояркой или просто толковым кооператором.

Нападут на тебя эти явления — и пошел человек писать.

Главную роль в формировании будущего писателя играет природа, а в формировании украинского писателя — еще и ночь, луна, «верба рясна», стреха, картофель, конопли, бурьяны…

Если у мальчика или у девочки есть склонность к задумчивости, а вокруг растет картофель, или бурьян, или конопля, — амба! Так и знайте: из ребенка вырастет писатель.

Так было и со мною.

За хатой недалеко — картофель, на грядке — конопля. Сядешь себе: ветер веет, солнце греет, картофель навевает мысли о поэтических образах, о вселенной, о космосе…

И все думаешь, думаешь, думаешь…

Пока мать не крикнет:

— Пойди-ка, Мелашка, погляди, не заснул ли Павло там часом в картошке. Да осторожненько, не напугай, чтобы не пришлось откачивать…

Так оно и пошло. Начал задумываться. Сидишь и колупаешь перед собой ямку: все тебя вглубь влечет. А мать, бывало, ругается:

— Что за напасти, кто картофель весь перерыл? Ну вот уж, как попадешься!..

А то влечет тебя вверх…

Тогда ляжешь в клуню на балку воробьев гонять или на вербу за галчатами.

Характер у меня был очень впечатлительный, нервный: стоит отцу показать ремень или кнут-восьмерик — моментально под кровать и дрожу.

— Я тебе покажу балку! Я тебе покажу галчат! Если бы хоть сразу убился, это еще ничего, а то ведь покалечишься, чертов сын!

А я лежу под кроватью, трепещу, носом шмыгаю и думаю печально:

«Господи! Чего только не приходится переживать из-за той литературы!»

Вот так между природой, с одной стороны, и людьми — с другой, и промелькнули первые годы моего детства золотого.

Потом отдали меня в школу.

Школа была четырехклассная, и не простая, а Министерства народного просвещения. Обучали меня хорошие учителя: Иван Максимович — доброй души старикан, белый-белый, как бывают белыми у нас перед весенними праздниками хаты, и учительница Мария Андреевна — старенькая-престаренькая. Она, бывало, все в теплый платок куталась и в желтый кулачок кашляла… Кашлянет, поглядит на нас, а из глаз ее лучи, и такие ясные-ясные и ласковые-ласковые, и те

лучи так вас укутывают, так тепло-тепло лелеют, будто смотрит на вас родная ваша мама с ясным, горячим солнышком в глазах. Учили они меня добросовестно, так как сами они были ходячей совестью людской. Любил я их, любил даже и линейку Ивана Максимовича, которая ходила иногда по нашим рукам, школярским, испачканным. Ходила потому, что такая тогда «система» была, но ходила она, когда я того заслуживал, и никогда не ходила больно.

Где теперь та линейка, что выработала у меня стиль литературный? А писал ли бы я вообще, если бы не было старенького Ивана Максимовича и тихой Марии Андреевны?

В это самое время начала формироваться и моя классовая сознательность. Я уже знал, что вот это помещики и господа, а это не помещики и не господа. Частенько, бывало, отец, посылая меня с чем-нибудь к барыне в горницу, наказывал:

— Как войдешь, то сразу поцелуй барыне ручку!

«Важная, — думал про себя, — значит, барыня персона, если ее ручку целовать надо».

Каким-то неясным было тогда у меня классовое сознание. С одной стороны, целовал барыне ручку, а с другой стороны, как накричит, бывало, за

что-нибудь барыня, ногами затопает, я залезу под господскую веранду и шепчу:

— Погоди, эксплуататорша! Придет Октябрьская революция, я тебе покажу, как триста лет из нас кровь пили! — И т. д. и т. п.

Отдали меня в школу рано. Не было, должно быть, мне и семи лет. Проучился я там четыре года, окончил школу. А отец и говорит:

— Мало еще ты учился! Повезу еще в Зеньков, уездный город, поучись еще там. Посмотрим, что из тебя выйдет.

Зеньковскую школу я окончил в 1903 году со свидетельством, что имею право быть почтово-телеграфным чиновником какого-то очень высокого (чуть ли не четырнадцатого) разряда. Да куда же мне в эти чиновники, когда «мне только тринадцать минуло»!

Приехал я домой.

— Рано ты, — говорит отец, — закончил науку. Куда же тебе, если ты еще такой маленький? Придется еще учиться, а у меня и без тебя уже двенадцать.

И повезла меня мать в самый Киев, в военно-фельдшерскую школу, поскольку отец, как бывший солдат, имел право учить детей в той школе на «казенный кошт».

Закончил я школу и сделался фельдшером.

А потом все учился, учился, учился, чтобы экстерном сдать экзамен на аттестат зрелости и постучаться в университет.

Удалось мне это сделать, когда мне было уже под тридцать лет.

Вот как добывалось когда-то образование!

А теперь наша молодежь в двадцать три года уже заканчивает высшую школу, они уже врачи, инженеры, агрономы, педагоги, председатели колхозов и т. д.

Вот что значит Советская власть!

Писать я начал, когда мне было уже тридцать лет с гаком. Начал с фельетонов. Было это в 1919 году.

С того времени пишу и пишу…

Так что же, спрашиваете вы, необходимо для того, чтобы стать писателем?

1. Хорошо учиться. На «отлично». Чтобы знать, где надо писать одно «н», где два «н», где нужен «ь», а где он не нужен, где ставится запятая, где точка, где тире, где «не» пишется вместе, а где раздельно.

2. Надо больше читать, чем писать.

3. Не надо писать так, как писали А. С. Пушкин, Тарас Шевченко, А. П. Чехов, Иван Франко, Вла-

димир Маяковский и т. д. и т. п. У классиков и у всех хороших писателей надо учиться, а писать надо по-своему, чтобы читатели говорили:

— Глядите! Написал не Александр Сергеевич Пушкин, а Сергей Александрович Мушкин, а между тем тоже талантливо!

Да здравствует Мушкин!

4. Антон Павлович говорил, что основное в работе писателя не писать, а зачеркивать написанное. Очень ценный совет!

5. Необходим ли для писателя талант? Да, необходим. Но что такое талант? Чудесный, талантливый и «очень смешной» еврейский писатель Шолом Алейхем говорил: «Талант — это такая штука, если она есть, так она есть, а если ее нет, так ее нет!»

Великий писатель Максим Горький о таланте сказал так: «Талант — это труд, работа!»

…Давайте, дорогие товарищи, учиться и работать!

Перевел с украинского Е. Весенин.

№ 33, 1956 г.

Владимир Котов
ОН ОБОЖАЕТ КРИТИКУ, ИДУЩУЮ С НИЗОВ...

Это надобно понимать,
Как критику зажимать!
Иной ее зажимает грубо,
Навалится,
как медведь.
Ну, а другой зажмет так, что любо-
Дорого
посмотреть...

Он перестал быть грозным,
Как только

грянул гром,
Притих
под перекрестным
Критическим огнем.

Уж он не смотрит строго,
Он обещает,
кается,
Улыбчиво,
растроганно
(Как здесь и полагается...):

— Ой, верно!
Ой, как правильно!
Всю правду-матку чуя,
Возьмусь за дело пламенно
И горы сворочу я!

Ну, нет,
не слыл я нытиком,
Всегда вставал на зов,
И о-бо-жа-ю
критику,
Идущую с низов!..

Ошибочки не эти ли
Опутали меня?
Вы правильно подметили,
Отметили,
Наметили,
И с завтрашнего дня...

Но самокритик скоро
Обрел покой душе,
Засев за частоколом
Цветных
Карандашей.

Где ж
пылкость «обожания»!
Где ж сладость речи той?
Увы, все обещания
Еще на заседании
Он проглотил
С водой!..

№ 33, 1956 г.

Б. Кежун
ОЙ, ГАРМОНЬ МОЯ, ГАРМОНЬ!
Литературная пародия (М. Исаковский)

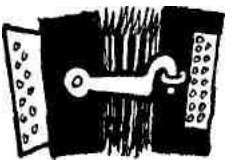
Ой, гармонь моя, гармонь!
Ой, вы, верстки-гранки!..
Раньше песенный огонь
Веселил гулянки.

А теперь и там и тут
Расцветают вишни,
Груши-яблоки цветут,
А тебя не слышно.

Потерял знакомый путь
Песенник-забава,
Не используя ничуть
Авторское право.

Дел подобный оборот
Видеть неприятно:
Всех обида нас берет,
Ясно и понятно!

Что ж ты песни позабыл?
Дорогой, послушай:
Что ж ты, Миша-Михаил,
Делаешь с «Катюшей»?!



№ 36, 1956 г.

Л. Галкин
НЕ ПОЙМАН, НО ВОР!

Мы знаем его! Он живет по соседству,
И часто мы слышим такой разговор:
— Ворует, наверно: живет не по средствам.
Да что тут поделать: не пойман — не вор!

Жена его — в шубе из меха куницы,
Сам важно и чинно в «Победе» рулит.
Бобровая шапка сверкает, искрится.
Известно, на воре и шапка горит!

В отделе снабжения нашего треста
Работает. Вырвался там на простор.
Все ясно: нашел себе теплое место,
Но, как говорится,
Не пойман — не вор!

И спрятать концы не приложит стараний.
Мы знаем, говаривал раньше народ,

Что воры не строят, мол, каменных зданий,

А этот построил себе и живет.

Откуда взялися и домик и дача?

Конечно, казенные денежки плачут!

Не пойман — не вор!

И мошенник беспечно

Живет припеваючи и без забот.

Не пойман — не вор! Это вором, конечно,

Такая пословица пущена в ход!

За жуликов следует взяться построже.

Пусть слышится чаще другой разговор:

— Не пойман! Ну что же, поймать мы поможем!

Не пойман, но жулик!

Не пойман, но вор!

№ 1, 1957 г.

Л. Лагин
ПРО ЗЛУЮ МАЧЕХУ
(Сказка для родителей младшего, среднего и старшего возраста)

Жил один вдовый гражданин. У него была дочь Тома. И была одна вдовая гражданка. У нее тоже была дочь, Дуся. Женился тот гражданин на той вдове. Стала Тома той вдове падчерицей. А бывшая вдова, понятно, стала Томе мачехой.

Тут все и началось.

Конечно, нынешние мачехи, как правило, не чета сказочным. Однако бывают и среди нынешних мачех исключения. Томина как раз и оказалась таким исключением. Она почему-то с первого взгляда невзлюбила Тому и решила ее извести. Но она была неглупая и довольно начитанная особа, все сказки в свое время основательно проработала, а про Золушку так даже законспектировала, и она знала, что сколько ты постылую падчерицу ни терзай, а та назло тебе будет день ото дня хорошеть, а придет она в совершенные лета, обязательно выйдет замуж за распрекрасного юного графа (в далекие сказоч-

ные времена графы считались завидной партией для небогатой девушки). А Томина мачеха любила жизнь во всех ее проявлениях и вовсе не собиралась раньше времени помирать от досады. Тем более что ее новый муж, тоже довольно начитанный в сказках, прямо так и заявил, когда они расписывались:

— Будешь моей Томочке плохой мачехой — разведусь!

Сказал и ушел заниматься мирным заседательным трудом.

Что делать? Время идет, падчерица час от часу хорошеет, злая мачеха час от часу чахнет, точит ее, точит черная злоба.

Кинулась мачеха к бабе-яге — проконсультироваться.

Ну, а у бабы-яги, конечно, все получается совершенно недиалектически, в полном отрыве от современности, проще говоря, по старинке.

— Разложи, — говорит эта милая старушка, — костры горючие, что ли, разогрей котлы чугунные, наточи ножи булатные, рубай поскорей постылую падчерицу на мелкие фрагменты да в котел ее, в котел!..

— Что вы, бабуся-яга?! А милиция?! Да она меня за такие дела…

— В таком случае пошли-ка ты ее, падчерицу свою, за каким-нибудь делом на самое дно моря-окияна, а уж там ее обязательно морской царь живьем заглотает. Это уж как пить дать!

— Ах, да что, бабуся! Наукой доказано: нет никаких морских царей на дне морском.

— Наукой, говоришь? В таком случае последний мой тебе совет: изведи ты ее, падчерицу свою, непосильной работой.

— Это в советских-то условиях изводить падчерицу работой! А что скажут соседи? А общественность? А как на это в роно посмотрят? Не ровен час, еще и в газетах пропечатают.

Плюнула мачеха с досады, отправилась восвояси. А по дороге сама уже додумалась, как ей с постылой Томой поступить.

А случилось все это утром. Еще обе девицы спали.

Мачеха первым делом с родной дочери одеяло долой.

— Вставай, Дуся! Пора матери помогать, горницу убирать, батюшке да сестричке завтрак собирать.

— Что вы, маменька, что вы, родная! Это вы, верно, обознались! Это ведь я, ваша родная дочь Дусенька!

— Не учи мать! Не обозналась я! Вставай!

— Ах, маменька, ах, родная! Пощади мои ручки белые!

— Нет, вставай! Нет, убирай! Нет, собирай!

— А как же Томка?

— Нечего тебе на Томочку кивать. Томочка ныне вроде беспокойно спала… Притомилась, бедняжечка. Еще она не все сны досмотрела. Пусть ее досматривает.

Так с того утра и повелось. Тома до самого поздна в постельке нежится, а Дуся с матерью по хозяйству хлопочут. Тома глазки продерет, завтраком давится, в школу опаздывает, а мачеха за нею тем временем постельку заправляет, последние нерешенные задачки решает! Тома

отзавтракает, Тома отобедает, Тома отужинает, а посуду мыть — Дусина забота.

Чуть у Томочки с учением не ладится, сразу мачеха к мужу:

— Беги, непутевая душа, в кассу взаимопомощи, нанимай нашей Томочке репетитора!

А у Дуси задачки не получаются — сиди, доченька, хоть час, хоть два, хоть до самого утра, а добейся, реши.

Случится, кто дома захворает, за доктором — Дуся, за лекарством в аптеку — снова Дуся, за молоком в магазин — опять-таки Дуся. А Томочка и бровью не поведет. А мачеха и сама ее ни за что не пошлет. Что вы! Томочка нынче совсем без аппетита кушала! Томочка вроде что-то с утра бледновата с лица. И одышка.

А на самом деле Томочка краснощека и мордаста. А аппетита у Томочки нету: сладостями объелась. А одышка у Томочки от обильных жиров, телесами Томочка что твоя попадья! И жирная рука в кольцах — мачехины подарочки.

Видят соседи, мачеха холит и нежит падчерицу — хвалят. И отцу нравится, что все идет, слава богу, тихо, без скандалов. Ему нравится, что его дочь такая упитанная: никто не скажет, что он плохой отец. Все скажут, что он хороший отец.

А того он, дурак, не замечает, что злая мачеха своего добилась, что родную свою дочку она вырастила доброй, скромной, работящей, хорошо грамотной, а его дочка Тома выросла халдой, свинья свиньей.

Долго ли, коротко ли, захворал как-то Томин папа. Пришли доктора, прописали клубнику. А где ее в декабре достать? Попробовали купить свежезамороженную клубнику — доктора против. Будто бы с научной точки зрения нельзя: чересчур холодна. Попробовали эту клубнику оттаивать. Опять нельзя. Доктора против. Будто бы с научной точки зрения чересчур сыра.

Дуся говорит:

— Дозвольте мне, маменька, во зеленый лес сходить. Читала я во многих сказках, что ежели зимою в лесу хорошенько поискать, то при известном везении случается набрать клубники. Уж очень мне папеньку жалко!

— Что ты, доченька, это ведь только в сказках зимою в лесу клубника произрастает!

— Нет, маменька, это уж вы, извините меня за резкость, ошибаетесь. Вспомните слова поэта Германа: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Видит Дусина мама, против цитаты не по-

прешь, отпустила.

Вот приходит Дуся во зеленый лес. Ей навстречу дедушка-беседушка. Борода заиндевелая. Сам не гораздо высокий, в валеночках, рукавичками похлопывает. Веселый такой. А при нем парень статный да ладный, и не какой-нибудь хлыщ, юный граф, а вполне приличный советский молодой человек Вася.

— Здравствуйте, дедушка! С комсомольским приветом, добрый молодец!

— Здравствуй, девица-красавица! А как ты в наш лес попала, по какой-такой надобности?

— Я по клубнику, дедушка. Моему отчиму доктора прописали клубнику.

— Что ты, красная девица! — будто бы удивляется старичок. — Да это ведь только в сказках клубника зимою в лесу произрастает!

— Нет, уважаемый дедушка, это уж вы меня извините, но только мы рождены, чтоб сказку сделать былью.

— А ты веником орудовать умеешь?

— С детства приучена.

— А лопатою снег разгребать?

— И это умею.

— Так вот тебе веник и лопата, разгребай снег вот в этом месте.

Стала Дуся в указанном месте снег разгребать, видит, а под снегом — стеклянная крыша, а под той крышей — теплица, а в той теплице клубника рдеет. Сочная, сладкая, крупная, сама в рот просится.

Дуся залюбовалась.

— Ах, какая чудесная мичуринская клубника!

— А ты, умница, как догадалась, что она мичуринская?

— А вот по таким и таким признакам.

И Дуся так тонко все объяснила про гибридизацию и всякие другие учености, что и старичок и Вася от удивления только рты пораскрыли.

— Ну, а сколько будет семью восемь?

Это старичок спросил. Он все еще не верил, что она настолько разносторонне грамотная. Дуся моментально отвечает:

— Пятьдесят шесть. Только вы меня, дедушка, лучше про бином Ньютона спросите или еще потруднее.

Так старик даже и спрашивать не стал дальше.

Дуся тогда спрашивает:

— А можно для папеньки немножко клубники нарвать? Ему доктора прописали.

Вася говорит:

— Разрешите мне, профессор, как старшему

научному сотруднику отобрать на сей предмет наилучшие экземпляры нашего нового сорта. Мне ее папу ужасно жаль. Потому что, я так полагаю, у такой славной и образованной девушки отец, безусловно, личность незаурядная. Нам таких людей, как ее папа, надо беречь.

Профессор говорит:

— Действуйте, Вася. И ежели вас не очень затруднит, не поленитесь, угостите клубникой и эту умницу-красавицу. Любимых девушек надо угощать самой лучшей клубникой.

Вася даже удивился, как это профессор сразу догадался, что Дуся ему так понравилась. Потом понял: потому что он профессор.

Проводил Вася Дусю домой. Дусе он тоже пришелся по сердцу. А ее родители видят: парень хороший, толковый, научный сотрудник, грамотный. Почему за такого человека дочку не отдать?

Отдали.

А Томе, конечно, завидно стало: замуж захотелось. Отправилась втихомолку в лес. Там ее и съели волки.

Ну, не съели. Это я так, для острастки придумал, будто ее волки съели. Будет она ходить зимой в лес! Очень ей нужно! Ей мачеха клубнички и в магазине купит. Она никуда сама не ходит. Она

только в девках сама по сей день ходит.

А мачеха будто и ни при чем.

А отец руками разводит, у знакомых спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, почему у нас Томочка такая неудачная выросла? Мы ли о ней не заботились!

А что ему его знакомые могут ответить? У них у самих сплошь и рядом такие же заботы!

Понятно?

То-то же!

№ 1, 1957 г.

Роберт Рождественский
ТЫ
Пародия

«Ты — всё.
Ты — море,
ты — гроза...
Ты — всё,
река ты.
Нет, не то...»
«И все же ты —
святоша и трусиха,
Ханжа, в гордыне выгнувшая бровь...»
Мих. Луконин

О чем я?
О себе я?
О тебе я?
Кто выдумал меня?
Скажи мне —
кто?

Ты кто?
Цветы?

Да нет, не то...
(Терпенье!)

Река ты?
Нет, не то...
Земля?
Опять не то...

Когда же будет
«то»?
(Послушай:
где я?)
Куда девался взмах твоих бровей?
...Вчера проснулся я.
Пришла ко мне идея
Поехать на машине.
На своей.
С чего это?
Куда меня несет?!
(Смотри,
какая в небе высота...)
Наверно, ты
не та,

а я, конечно,
тот!
А может, я
не тот,
а ты, наверно,
та?
(Я понял!
Ты —
святоша и трусиха!
Ханжа!..)
...Перегревается мотор.
И я потом закончу
этот психо-
логичный,
нелогичный разговор.

№ 14, 1957 г.

Мкртич Корюн
ТРИ ШУТКИ

Чужой успех

Мать и сын

Ты и Торичелли

— Скажи мне, что с тобой? Ты мрачен,
словно ночь.
Едва-едва сквозь зубы цедишь слово…
Ты весел должен быть! Жена здорова,
И сам ты жив-здоров, и замуж выдал
дочь!
Ты чем-то огорчен? Кто этому виной?
Что мучает тебя? Работа? Сердце?
Совесть?..
— Ты хочешь правду знать, приятель,
что со мной?
Товарищ написал отличнейшую по-
весть!

За тридевять земель, моря и океаны
Поехал сын смотреть чужие страны.

Он на чужбине пробыл много лет,
Исколесил почти весь белый свет
И в путешествии порядком утомился.
Вот час настал — домой он воротился.
Соседи в тот же день зашли проведать мать.
— Ну, как твой сын? Наверно, не узнать?
— О, нет! — вздохнув, сказала мать в ответ. —
Он только заменил фуражку на берет!

Ты ничего вовек не написал,
И ничего не создал ты покуда,
Но доктором наук ты все же как-то стал.
Как говорится: совершилось чудо!
Великий Торичелли опыт свой
Осуществить бы мог с твоею головой!

Перевел с армянского С. Михалков.

№ 18, 1957 г.

Яков Быланин
АНГЛИЙСКИЙ СПЛИН

По сообщению зарубежной печати, в Лондоне основан «Клуб пессимистов».

В стране капиталистов
У многих скучный вид.
Не зря для пессимистов
Особый клуб открыт.

В унылом клубе этом,
Как в стае хмурых сов:
Ни звонких песен нет там,
Ни бодрых голосов.

Им радость незнакома,
Зато знаком надлом.
В буфете много рома —
Там попивают бром...

Там, встретясь, хмурят брови,
И разговор один.
Не спросят: «Как здоровье?»

А спросят: «Как ваш сплин?»

Вздыхают англичане,
Косясь на небосвод,
И пишут завещанья,
Встречая Новый год.

Попробуй быть веселым,
Когда над головой
Летают форрестолы
С нагрузкой бомбовой!

№ 36, 1957 г.

Г. Рыклин
НАКАЗАННЫЙ ОБМАНЩИК

Общеизвестно, что ложь и обман являются злейшими пороками, с которыми необходимо всемерно бороться. Пусть эта безобидная на первый взгляд история лишний раз послужит назиданием всем тем, кто пытается ступить на эту скользкую стезю.

На днях я получил от одного приятеля, человека как будто серьезного и солидного, такое письмо:

«Дорогой друг!

Я страдаю. Я измучен. Я не нахожу себе места.

Ты меня знаешь с юношеских лет. Ты был знаком с моим покойным родителем. Ни я, ни отец мой никогда в жизни не храпели ни во сне, ни наяву.

Тем не менее я повержен в прах собственным храпом. Вернее сказать, собственным обманом. Потому что я открыто нарек себя первостатейным храпуном и тем возвел на себя хулу и напраслину.

Пишу тебе это письмо из санатория «Горные дубки». Приехал я сюда по путевке около двух

недель тому назад. Узнал, что здесь имеются комнаты на четырех человек, на трех, на двух и на одного.

Захотелось мне пожить одному, без соседей. Но как получить такую одноместную келью?

Я же хитрый. Пошел, как только приехал, к директорше и, мягко улыбаясь, говорю:

— Уважаемая Ольга Федосеевна! Хочу вас в самом начале предупредить, дабы потом не было никаких недоразумений. Я, знаете ли, плохой компаньон для трудящегося человека на отдыхе, а тем более для нервозного.

— Кричите ночью?

— Нет, — говорю, — криком не балуюсь. Но заместо крика храплю, извините за выражение.

— И крепко?

— Вовсю! Еще никто не превзошел меня в этом деле. Одно слово — талант. Спать со мной рядом нет никакой возможности. Даже очень стойкие люди, скажем, философы или критики, больше часа не выдерживают и бегут стремглав куда глаза глядят, лишь бы подальше от моей музыки.

Ольга Федосеевна, женщина мужественная, сказала мне спокойно:

— Не волнуйтесь, больной, все устроим так, что будете довольны. Маша!

На этот клич отозвалась девушка в белом халате — главный квартирмейстер санатория.

— Вот что, Маша, — сказала директорша. — Этот товарищ в какую палату намечен?

— В пятую.

— Отменить. Бросьте его в девятую.

— Храпит? — деловито осведомилась девушка.

— Высший класс! — поспешил я ответить с гордостью.

И вот водворили меня в девятый номер. Вхожу и сразу вижу: промахнулся. Там уже прохлаждается один постоялец. Каюта двухместная. Ну, думаю, не удалось. Ну, и не надо.

Мой сосед — это я сразу выяснил — председатель какой-то промысловой артели. Человек общительный. Я тоже не меланхолик. Живо разговорились о том о сем. Вдруг он меня огрел вопросом:

— Храпите?

— В этой области, — отвечаю, — могу сказать, не хвастая, я достиг высоких результатов.

— Значит, будем вместе храпеть. Нечто вроде парного конферанса.

У меня внутри все похолодело. Катастрофа! Авария!

— Вы умеете храпеть? — пробормотал я.

— Лучший храпун во всей промкооперации. В другой системе такого специалиста не сыщешь ни за какие деньги.

— Шутите?

— Такими вещами не шутят. Сегодня же ночью обещаю показать свое незаурядное искусство.

Кооператор оказался человеком благородным. Он сдержал свое слово. После вечерней прогулки мы сразу легли спать. То есть спать лег кооператор. А я приготовился к казни. Не успел мой сосед смежить очи, как сразу, не откладывая дела в долгий ящик, приступил к храпу.

Сначала была нежная увертюра. Что-то вроде музыкального вступления, в котором корнет-пистон перекликался с флейтой. Затем сразу наступил антракт.

Все это несколько демобилизовало меня. Но вскоре я пожалел о потере бдительности. Я не подозревал, что на белом свете функционируют этакие мощные носоглотки.

После краткой паузы кооператор заработал во все носовые завертки, так что я в ужасе чуть не скатился с кровати. Тут уж пахло не флейтой. В ход были пущены тромбоны, фаготы, скрип немазаного колеса и скрежет зубов гиппопотама.

Затем все умолкло. Опять антракт. А я, конечно,

не сплю, лежу и дожидаюсь, чем еще угостит меня боевой кооператор.

В следующем заходе мой сосед показал, что он парень начитанный. Потому что в храпении он подражал чичиковским слугам Петрушке и Селифану, которые спали, не только «поднявши храп неслыханной густоты», но еще добавляли к этому самые замысловатые «захрапы, носовые свистки и прочие принадлежности». Относясь бережно к литературному наследству, кооператор дополнил Петрушку и Селифана собственными вариациями сильного звучания.

Так, дорогой друг, я прожил пять страшных ночей. Утром шестого дня я пошел к Ольге Федосеевне просить другую комнату. Дескать, в этом помещении мало солнца. А я с малых лет обожаю солнце.

Ольга Федосеевна пошла мне навстречу. Она тут же приказала Маше:

— Киньте его в седьмую палату. — И, обратившись ко мне, сказала: — Но я предупреждаю: палата четырехместная.

Я с радостью дал свое согласие. Пусть будет четыре человека, двадцать, триста, но чтоб подальше от храпуна.

Дорогой друг! Знаешь ли ты, что случилось?

Меня «кинули» в специальную палату для храпунов. Там их было уже три, и все оказались храпунами высокой квалификации. Но я вовсе не намерен стричь их под одну гребенку. Каждый из них проявляет во сне свою индивидуальность, свой характер: один храпит легкомысленно, ближе к легкому жанру, другой — важно и сердито, третий — мягко, задушевно.

Я, конечно, всю ночь не смыкаю глаз. Слушаю этот своеобразный концерт. Слушаю и чувствую, что под давлением превосходящих сил противника сам начинаю похрапывать.

Что делать? Посоветуй. Сбежать ли из санатория, где я так сам себя наказал за обман? Иль, может быть, пойти к Ольге Федосеевне, пасть к ее стопам, покаяться?»

№ 8, 1958 г.

Николай Полотай
НА ЗАКАТЕ

В часы заката
от Осла
Тень все росла,
росла,
росла
И растянулась на версту.
— Ого! —
Осел сказал. —
Расту!

№ 12, 1958 г.

Гулам Мамедли
ОБМАНУТЫЙ АЗРАИЛ

Мы вам расскажем о людях, которые среди бела дня обманули… как вы думаете, кого? Самого Азраила — черного ангела смерти.

Казалось бы, если Азраил получил свыше директиву умертвить такого-то гражданина и, снабженный адресом обреченного, вылетел на выполнение задания, ничто уже его не остановит.

Нет, напрасно вам так казалось. Есть на свете люди похитрее Азраила. Взять хотя бы старуху Нисбат…

Впрочем, расскажем все по порядку. У ашхабадского жителя Сеида Аббаса умерла жена. А спустя некоторое время он потерял и ребенка. Весть об этом двойном несчастье немедленно дошла до ушей старухи Нисбат, и она срочно отбыла в дом Сеида Аббаса для оказания посильной помощи.

— Известно ли тебе, дорогой ага, что если Азраил посетил чей-либо дом дважды, он обязательно явится туда и в третий раз? — строго вопросила она.

Да, Сеиду Аббасу, как правоверному мусульманину, эта скверная привычка Азраила была хорошо известна.

— Но, увы, никто из смертных не может помешать ангелу смерти выполнять возложенные на него функции!.. — вздохнул он.

— То есть как это «увы»?! — возмутилась Нисбат. — Неужели ты будешь сидеть сложа руки и ждать, пока Азраил тебя самого заберет?.. Больше ведь никого не осталось.

— А что я могу сделать? Не просить же путевку в дом отдыха!.. Азраил и туда нагрянет как миленький!..

— Стыдись! Действовать надо, а не покорно подставлять голову под удар! Обманем Азраила — и все! — И, наклонившись к самому уху Сеида Аббаса, Нисбат стала ему что-то нашептывать.

Тот затрепетал и отшатнулся.

— Да будет милостив аллах к твоим покойным предкам! — испуганно залепетал он. — Никогда я не решусь на такое страшное кощунство. И потом, где гарантия, что Азраил действительно клюнет на эту удочку?

— Клянусь Меккой, — торжественно зашамкала Нисбат, — что уже несколько раз я заставляла Азраила поворачивать с пустыми руками от две-

рей моих ашхабадских клиентов!

— Хорошо… Но что же я должен сейчас делать?

— Скорее иди на базар и купи то, что я тебе сказала… А я сбегаю к твоим родным и друзьям, приведу их сюда.

И работа закипела…

Дом Сеида Аббаса наполнился родными и знакомыми. Прибыл заказанный катафалк, а вслед за ним явился, потирая руки, и мулла. Он без промедления стал читать заупокойные молитвы.

Многочисленные родственники и друзья покойного во главе со старухой Нисбат завыли и запричитали. Наконец катафалк в сопровождении процессии двинулся к кладбищу.

И как раз в этот момент Азраил прилетел к дому Сеида Аббаса за третьей жертвой.

Увидев погребальную процессию, он сильно удивился и, не выпуская шасси, стал делать над ней виражи.

Да, сомнений не было: кто-то опередил Азраила и умертвил Сеида Аббаса до него!

Делать нечего. Качнув крылом над покойником в знак прощального приветствия, Азраил повернул на свою базу.

Процессия дошла уже до ворот кладбища, но встретила здесь неожиданное препятствие в

лице сторожа.

— Кого хороните? Справку от похоронного бюро! — потребовал он.

Старуха Нисбат не растерялась. Многозначительно моргнула она одному из родных покойного, и заранее приготовленная бутылка «Столичной» была предложена сторожу, дабы он мог как следует помянуть всеми уважаемого усопшего.

— Что же, помянуть можно… Отчего не помянуть? — сказал сторож. — Только покойничка вы мне все же покажите…

Не ожидая согласия растерявшихся родственников, сторож сам отвернул край савана и невольно попятился назад: перед ним, задрав кверху тощие, синеватые лапы, лежал… петух. Да-да, самый настоящий петух, утром приобретенный Сеидом Аббасом на колхозном рынке за тридцать целковых!

Родственники и друзья покойного стояли в почтительном молчании, горестно опустив головы. А старуха Нисбат смахнула набежавшую на глаза слезу.

Сторож с минуту колебался, но, нащупав лежавшую в кармане бутылку «Столичной», махнул рукой…

— Валяйте! — сказал он. — Так и быть. Пусть успокоит его аллах в селениях праведных! — И пропустил процессию к заготовленной свежей могиле.

Петуха захоронили с соблюдением всех обрядов.

Вечером пролетавший над домом Сеида Аббаса Азраил видел своими глазами, какие пышные поминки справлялись там. Одного только он никак не мог понять: откуда мог взяться на поминках сам «усопший»?

Говорят, что после этого случая все прочие ангелы не дают покоя Азраилу, преследуя его насмешками.

А что мог сделать один ангел, если его решили обмануть столько ловких и хитроумных правоверных рабов божьих?!

Рабы-то они рабы, но от них можно ожидать всякого подвоха!

№ 31, 1958 г.

Гавриил Троепольский
ПАРШИВАЯ ФАМИЛИЯ

Он высокий, сухой, остроносый. Волосы жесткие, густые, почти седые. Голос же совсем не соответствует росту: тонкий, со скрипом, чуть приржавленный. А лет ему приблизительно пятьдесят пять — шестьдесят. Он никогда не улыбается, не может улыбаться, всегда суров и смотрит букой. Представьте себе тощего, прямого, как сухостойная ольшина, человека, тщетно пытающегося изобразить лицом и телом своим, скажем, Илью Муромца. Вот вам и будет он самый.

Его можно часто видеть и на улице города и в Доме культуры, в кино, на базаре, в горсовете, на почте, в милиции — где угодно. Он вездесущий, этот угрюмый человек. И куда бы он ни пришел, там людям становилось не по себе. Если они до этого смеялись и были веселы, то сразу мрачнели; если они работали не покладая рук, то после него опускали руки; если люди были добрыми, то становились злыми; если же до приезда угрюмого кто-то был невесел, то, будьте спокойны,

обязательно заплачет.

Я совсем не хотел называть этого интересного субъекта по той причине, что очень уж паршивая у него фамилия, тоже совсем какая-то несоответственная. Даже неудобно говорить — Прыщ. И каких только фамилий не бывает на белом свете! Только подумать — Прыщ!

Так вот, гражданин Прыщ, получая хорошую пенсию, отгрохал себе домик. Потом продал его. Потом отгрохал дом. И еще раз продал. После таких операций он потребовал, чтобы ему дали квартиру. И дали. Пытались не дать, но куда там!

— Вот как вы относитесь к народу! — заскрипел гражданин Прыщ в лицо председателю горсовета. — Значит, учтем. Мы и в центр дорогу найдем. Что ж, будьте здоровы… до поры до времени.

— Вы же продали собственный дом! — развел руками председатель.

— А вы хотели, чтобы я в коммунизм вошел собственником? Интересно! Идеология! И вы, товарищ председатель, собираетесь руководить обществом, воспитывать?.. Да… Это действительно, — поскрипывал он с мрачной улыбочкой, стоя и пристукивая пальцами по притолоке, собираясь уходить. — Идеология! Ты, председатель, бюрократ! — И ушел, угрюмо усмехаясь.

Он никогда не стеснялся в выборе выражений, будь перед ним молодой человек или старый, заслуженный или незаметный.

А через неделю из области — запрос, из Москвы! — запрос. И все по поводу «дела» гражданина Прыща. Пять раз заседал Озерский горсовет, пять раз отписывались, разводили бюрократизм, а в шестой раз дали-таки квартиру тому человеку, который не желает войти в коммунизм собственником, а желает войти туда со сберкнижкой ценою в двести тысяч.

После того, как гражданин Прыщ перестал быть собственником и стал на порог коммунизма, он посвятил себя целиком и полностью делу укрепления общества города Озерска и воспитанию молодежи. Такую он поставил задачу, поскольку делать ему было нечего. И стал воспитывать.

Шел как-то гражданин Прыщ по улице. Шел медленно, будто он очень тучный человек, переваливаясь. Шел угрюмо, посматривая исподлобья. И вдруг услышал — боже мой! — он услышал веселый, раскатистый смех. Навстречу ему — три комсомольца, веселые, жизнерадостные. Они что-то рассказывали друг другу наперебой и заразительно смеялись, прижимая книжки к груди.

— Непорядок! — сказал товарищ Прыщ. — Эй

вы, хулиганы, стойте! — И он сам остановился перед ними.

Для ребят он будто вырос из земли. Ершистый парень с непослушными волосами вытаращил глаза и в ужасе прошептал:

— Пры-ыщ!..

— Где вы находитесь? Почему хулиганите?

— Мы не… — попробовал возразить ершистый парень.

— Ну? Возражаешь? Хорошо. Учтем. Заявляю в милицию. Пятнадцать суток.

Ребята попробовали его обойти. Один даже извинился, неизвестно за что. Но гражданин Прыщ преградил дорогу. Около них уже собралась группа любопытных.

— Что там? — спрашивали граждане друг друга.

— Да хулиганов задержали. Послушаем. Интересно…

А гражданин Прыщ пошел и пошел точить:

— Вы слышали, что неделю тому назад обокрали магазин? Кто воры? Оба молодые люди. Отчего это так? Воспитываем, граждане, вот таких вот. — И он указал на смущенных ребят. Гражданин Прыщ уже вошел в азарт: — Вы несчастные хулиганы, вы не понимаете, что улица для всех

трудящихся! А вы идете и гогочете…

— Смеялись на улице, — сказал один из толпы. — Что же им за это будет?

И в тот момент, легонько раздвигая толпу, подошли два милиционера. Один из них сразу узнал Прыща и спросил:

— Кого задержали?

— Троих. Хулиганов. Нарушали порядок.

— Граждане, разойдитесь! Ничего не произошло! — взывал пожилой милиционер. — Давайте пройдемте… Пошли, ребята! В милиции разберемся.

— Пойдемте скорее: стыдно! — шепнул милиционеру ершистый паренек.

И они все ушли. Угрюмо ушел и гражданин Прыщ.

За углом первого квартала ребята кратко изложили о происшедшем. Их отпустили с миром. Но никто из троих уже не смеялся так заразительно, как они всегда смеялись. Было обидно. А вокруг все стало мрачным.

Но гражданин Прыщ проследил за ходом исполнения. Он узнал-таки, что ребят не довели до милиции, он пришел к начальнику милиции и мрачно запилил:

— Потакаете хулиганам! Для вас не существует

законов! Воров разводите, хулиганов воспитываете! Кто виноват, что молодежь развращенная?

— Я этого не вижу, — перебил его спокойно начальник. — Наша молодежь хорошая. Есть, конечно, исключения. Этих надо лечить. Паршивая овца все стадо портит.

— Что вы мне слова не даете сказать?! — пилил гражданин Прыщ. — Вы виноваты. Зачем отпустили троих хулиганов? За взятки? Да?

— Каких хулиганов? — забеспокоился начальник.

И пошла катавасия. Прыщ — заявление. Начальник вызвал тех двух милиционеров. Нашли тех самых ребят, вызвали их в милицию, допросили. И опять отпустили. И опять гражданин Прыщ написал в область. И опять — запрос. И снова — ответ в письменной форме.

О, если гражданин Прыщ вошел в милицию, будьте покойны, милиционеры потеют: обязательно будет «дело»!

А в доме, где жили три веселых комсомольца, пошла молва: «Вызывали. Всех троих. Два раза вызывали. Ну и молодежь пошла! Ну и ну!»

— Воспитываем плохо, — скрипел гражданин Прыщ на каждом перекрестке. — Хулиганов отпускают. Она, и милиция-то, разложилась. С кого

спрашивать?!

В общем, получалось так: если гражданин Прыщ шел по улице, то улица становилась угрюмой и казалось, дома сереют, а небо опускается и давит на городок Озерск.

Более того, гражданин Прыщ внес в горсовет письменное предложение следующего характера: «1. Запретить красить дома в белый, розовый, голубой, зеленый цвета, а равно и в прочие цвета, не внушающие доверия. 2. Предупредить всех граждан города о том, что дома должны быть преимущественно серыми, располагающими к серьезным раздумьям, или красными, поднимающими революционный дух масс».

Поскольку горсовет отказался от такого предложения, то гражданин Прыщ дал этому делу ход и написал в газету. Поскольку же газета не опубликовала его статью, то он написал на редактора вышестоящей инстанции. Будут скоро разбирать дело о невнимании редактора районной газеты к письмам трудящихся. Очень настойчивый этот сухой человек с жесткими волосами!

Но что дома? Дома — пустяк! А вот воспитание молодежи — это дело сложнее. Дело дошло до того, что гражданин Прыщ не удовлетворился полным молчанием улицы: он все чаще и чаще стал просто останавливать молодых людей и продолжал воспитывать на ходу.

Однажды шли по тротуару девушки, человек пять-шесть. Все они из десятого класса, все в фартучках — очень культурная и милая ватажка. Вдруг одна из них тихо произнесла:

— Пры-ыщ!

И все произнесли тоже:

— Пры-ыщ!

Девушки приняли прямо-таки монашеский вид: слегка опустили головы, не разговаривали и скромно поприветствовали товарища Прыща. Он глянул на них, нахмурив брови и опустив углы губ, и спросил:

— А куда вы идете, позвольте-ка вас спросить?

— По домам, — ответила Лиза, самая смелая и самая маленькая из ватажки. — По домам. Из школы.

— Та-ак. А разве вы все живете в одном доме?

— Нет.

— Зачем так: ватагой?

— Так лучше, — ответила все та же Лиза.

— Ах, видите ли что! Так лучше! А если вас соберется сорок человек? А если сто? Значит, все можно? Так лучше вам? — Он уже не давал открыть им рта. — Знаете ли вы, что в поведении на улице мы видим лицо школы, мы видим и результаты воспитания? Вы разве не слышали, что в нашем городе за один год народный суд рассмотрел шесть разводов? Да. Шесть женщин бросили шесть мужей! Отчего? От плохого воспитания в школе и дома. Школа призвана воспитывать молодежь. А вы, бессовестные, ватагой, как те глупые овцы… Бесстыдницы!

Высокая сухощавая Нина заплакала. Она никогда не слышала подобной обиды ни дома, ни в школе. А маленькая Лиза, как обозленный котенок, прыгнула к сухому человеку и выкрикнула в негодовании, покраснев:

— Товарищ Прыщ! Вы прыщ!

О! Это было уже хулиганство. Гражданин Прыщ немедленно отправился к директору школы. Гражданин Прыщ негодовал и требовал немедленного созыва родительского собрания, где он, Прыщ, желает сделать доклад о воспитании молодежи.

— Распустили! Довели молодежь до того, что жутко жить становится, — методично пилил он, скрипя и чуть взвизгивая, как тупая ножовка на сучке. — Вы понимаете, что вы разрушаете будущее нашего общества? С кем мы войдем в коммунизм, спрашиваю я вас? — пилил он директора. — Известно ли вам, что обокрали магазин? А? Неизвестно? Обокрали. Кто? Два молодых человека. Вы привели молодежь к пропасти. Вы!

Директор поднял обе руки, замахал ими и прокричал одно только слово:

— Уходите!

— Учтем, — сказал гражданин Прыщ. — Голос общественности выгоняете… Совесть народа! Прекрасно. У нас и в Москву дорога известна. Мы и в облоно знаем путь.

Директор, уже совсем обессилев, тихо и жалобно, в изнеможении, сказал еще раз, будто выдохнул:

— Уходите…

Гражданин Прыщ ушел. А директор, закрыв за ним дверь, сел в кресло и заплакал. По-настоящему заплакал. Сколько трудов, сколько бессонных ночей, сколько теплых писем из разных концов страны от выпускников школы! А тут пришел «голос общественности» (он же «совесть народа») и оскорбил старика… Заплачешь! Волком завоешь!

В тот же день об оскорблении директора узнали и те трое парней, которых таскали в милицию. (Они, оказывается, носили одно и то же имя — Петя. Так их, впрочем, и на улице звали — «три Пети» или «три веселых Пети».) Они возмутились. Чаша их терпения переполнилась. Они потрясали кулаками в воздухе, будто угрожая неприятелю.

— В райком комсомола! — крикнули все трое. — Завтра в райком! Больше терпеть нельзя! Нам теперь все равно: два привода в милицию уже имеем.

Все три Пети притопали в райком комсомола: Петя-длинный, Петя-толстый и Петя-ершистый.

Пети требовали немедленно созвать бюро и обсудить вопрос о гражданине Прыще.

— Не понимаю, — удивился, разводя руками, секретарь. — Как же вы сформулируете вопрос в повестку дня? Это же совершенно невозможно!

— Возможно! — гаркнули три Пети.

— Как же сформулировать? — повторил секретарь.

— «О влиянии Прыщей на состояние лица комсомола», — предложил Петя-длинный.

— «Борьба молодежи с Прыщами», — предложил Петя-толстый.

— Не так, — сказал Петя-ершистый. — «Прыщи порочат лицо советской молодежи и комсомола».

— Ну, это уж совсем не годится, — сказал секретарь. — Может быть, просто «О гражданине Прыще»?

— Нет, — сказали три Пети сразу, наперебой. — «О Прыщах», обязательно «О Прыщах», а не о Прыще. Может, еще где есть такие. Обо всех надо.

— Тогда так: «О гражданине Прыще и ему подобных», — заключил секретарь.

Представьте себе, ведь обсуждали на бюро! Степенный Петя-длинный сделал краткое сообщение.

— Товарищи! — говорил он. — Мы молодежь. Это точно. Мы любим школу. Точно. Мы работаем. Это тоже точно. Молодежь покорила целину, молодежь строит заводы, молодежь строит дома,

молодежь проливала кровь на защите Родины. Это уж точно. Раз я сказал... — Тут он малость зарапортовался, сбился и продолжал: — Не так я сказал. Значит, так: откуда же взялась такая молодежь? Из плохой школы, из плохой семьи? Не может этого быть! Точно. А гражданин Прыщ позорит нас на каждом шагу, оскорбляет. Везде сует нос и везде портит здоровый воздух. За что он порочит всех и вся? А от нас требуют вежливости к таким вот... Да если курицу дразнить, то и она будет драться! — крикнул он и вытер лоб рукавом. — Вот я вам еще расскажу. Играл на гармошке на базаре комсомолец из колхоза «Луч», а он, гражданин Прыщ, назвал его хулиганом. И чуть гармошку не отобрал. Да, спасибо, парень с головой. Говорит: «Ты за гармошку не берись. А то будешь очень бледный». И кулак показал. «Играть, — говорит, — не буду. Извиняюсь, если не полагается на базаре играть. А за гармошку прошу вас не лапать». Почему это не полагается? Приехал человек из колхоза на базар, купил гармошку, а играть нельзя. Да еще и хулиганом обозвал. Да тут любой выйдет из терпения. Какую же от него требовать вежливость? Я и так еще скажу, как сказал один писатель: «Если человека каждый день называть свиньей, то он обяза-

тельно захрюкает»... Почему нельзя играть на гармошке? Глупости все это! В общем, я кончил.

— А что же ты предлагаешь? — спросили Петю.

— А я не знаю, что предлагать. Просто нельзя дальше терпеть таких Прыщей.

Долго думали ребята, какое же предложение внести и как его сформулировать. Да так ничего и не придумали. Отложили до следующего заседания. В общем-то, все согласились: терпеть дальше нельзя. А вот что же делать с Прыщами? Решили подумать.

А гражданин Прыщ пронюхал о заседании бюро райкома комсомола и заскрипел уже в райкоме партии. У первого секретаря:

— Я пойду куда следует! Дойду! За что они опорочили голос общественности, молокососы? Вы что же распустили их так? Так вы воспитываете комсомол? С кем же мы придем в коммунизм, товарищ секретарь? — И скрипел, и скрипел, и скрипел, как разлаженный чирковый манок.

А секретарь все выслушал. Он не заплакал, как директор школы, не вскипятился сразу, как три Пети, не стал проверять, как начальник милиции, не испугался, как председатель горсовета. Он сказал так:

— Гражданин Прыщ! Я вас выслушал. Воспиты-

вать молодежь надо. Согласен.

— От вас первого слышу такие слова! — воскликнул гражданин Прыщ. — Вот видите…

— Нет уж, я вас слушал, теперь вы послушайте. Так вот. Больше того, убежден я, в систему воспитания надо вносить коренные изменения, но… не с того конца, с которого вы… Впрочем, есть у меня совет.

— В советах я пока не нуждаюсь, мне…

— А все-таки…

— …мне не двадцать лет.

— …а все-таки…

— А все-таки! Все-таки!.. До свидания, черт вас возьми!

Нет! Не выдержал секретарь. Он отошел к маленькому столику, налил из графина воды в стакан и пробовал спокойно освежить горло. Но зубы застучали о край стакана. Что поделаешь, у каждого человека нервы, а секретарь был тоже человек, и не железный. Вот и застучали зубы.

Теперь-то уж гражданин Прыщ напишет прямо в Москву. Будет и там «работа» по «делу» гражданина Прыща. Очень крепкий этот гражданин Прыщ. Крепок, как сухая мозоль: твердая, а нестерпимо больно. Сидит такая мозоль, мучает ногу и воображает, что без нее нога совсем бы

пропала.

Ну что с ним делать? Да и что сделаешь, если он дошел даже и до библиотеки! Говорил, «дойду» — и дошел. Там он категорически заявил, как «голос общественности», что все книги, от которых читатель смеется, надо изъять.

— Вы мне не возражайте, — монотонно зудел он там. — Вы не думаете о том, что развращаете молодежь. Да. А надо думать. Да. Учтите: народ требует. Народ наш не желает смеяться в такие ответственные моменты строительства новой жизни. Учтите! Вот так. Я говорю это вполне серьезно. Я пишу критическую статью. Скоро будет готова. Учтите. Вот так.

Не дай-то бог, чтобы гражданин Прыщ проник еще и в литературу! Тогда мы перестанем смеяться, а сатире закажем гроб с бархатной обивкой и такими надписями: с одной стороны — «Со святыми упокой рабу божию сатиру», а с другой — «Жила бледно, умерла незаметно».

Что бы такое придумать для борьбы с Прыщами? Правда, Петя-ершистый предложил написать такой лозунг: «Товарищи взрослые! Не проходите мимо Прыщей. Очень просим от лица всей молодежи».

Кто ж его знает? Может быть, он и прав, этот

Петя-умница…

А насчет борьбы с Прыщами в литературе уж и не знаю, что порекомендовать. Заседание, что ли, какое-нибудь устроить в Союзе писателей в свободный от заседаний день? Или, может быть, по методу Пети вывесить золоченую табличку размером 2×2 метра, на каковой начертать крупно: «Прыщам вход воспрещен!»?.. Не знаю. Не знаю, дорогой читатель. Это не мое дело. Я даже и фамилию-то не хотел называть. Больно уж паршивая фамилия. Ха! Прыщ!

№ 32, 1958 г.

О. Бушко
ВОЛК-РЕЦЕНЗЕНТ

Баснописца слопал Волк —
Понимал он в баснях толк.

№ 5, 1959 г.

Абдулла Каххар
СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ… Автореферат кандидатской диссертации[4]

Наукой установлено, что жилые дома предназначены для заселения. Отсюда следует, что с каждым днем наш народ увеличивает спрос на столы, стулья, буфеты, шкафы, кровати и другие культурные подставки. При этом я позволю себе заметить, что в ЕДИНИЧНЫХ СЛУЧАЯХ (выделено мной) у мебельных магазинов образуются скопления людей, именуемые в разговорном языке очередью.

Ряд специально произведенных мной наблюдений позволил установить, что при этом в практику внедряется новый и, на мой взгляд, более совершенный метод культурного обслуживания населения — составление рукописного списка покупателей.

Подобный метод, несомненно, заслуживает самого внимательного изучения, ибо, с одной сто-

---

[4] Примечания: 4

Полный текст диссертации находится в Ташкентской Публичной библиотеке.

роны, он направлен на решение первоочередной задачи — максимально экономить драгоценное время наших покупателей, с другой — опирается на прочную традицию известных с давних времен рукописных списков.

Изложу свои соображения по поводу одного из таких списков, который любезно предоставлен мне для научного исследования заместителем директора магазина № 87 тов. ШАЛТАЙ-БОЛТАЕВЫМ (выделено мной)[5].

Прежде всего нужно отметить, что эта рукопись, охватывающая 22 фамилии, многогранна (бумага перегнута восемь раз) и весьма красочна: шесть фамилий написаны черными, одна — красными, одна — синими, остальные — зелеными и фиолетовыми чернилами. Есть зарисовки карандашом. Уже один этот факт не оставляет сомнений в том, что автор рукописи обладает большими творческими возможностями. Полагаю, что можно полностью одобрить такой стиль записи, рассчитанный, как мне кажется, на то, чтобы заинтересовать и увлечь читателя.

Одно из главных достоинств рукописи заключается в том, что в ней ведущее место отведено

---

[5] Примечания: 5

«Список граждан, стоящих в очереди за мебелью», одна страница, написана на хорошей бумаге из-под чая. Ташкент, 1958.

фамилиям, созвучным с фамилией директора магазина ТОВАРИЩА ГУЛЯЕВА (выделено мной). Например: Разваляев, Хватаев, Сажаев и т. п. Особенно гармонирует с фамилией ТОВАРИЩА ГУЛЯЕВА (выделено мной) фамилия Опохмеляев.

Важно отметить, что, записывая фамилии, автор сделал попытку не допустить ошибок.

Однако, несмотря на это, в рукописи есть отдельные серьезные недостатки[6].

Прежде всего фамилии в списке не пронумерованы. Это свидетельствует не только о несерьезном, граничащем с безответственностью отношении автора к делу, но и о том, что автор, видимо, недопонимает того огромного значения, какое имеют цифры в народном хозяйстве. Другого объяснения здесь быть не может!

Кроме того, фамилии в записке не классифицированы ни по содержанию, ни по форме. Много места отведено отрицательным фамилиям: Царев, Боярский, Кулаков, Приспешников, Баймуллаев, Суткин[7], то есть фамилиям, по-

---

[6] Примечания: 6

См. кандидатскую диссертацию автора, глава «Происхождение и развитие недостатков, просчетов, серьезных ошибок», стр. 2967.

[7] Примечания: 7

Последняя фамилия заключает в себе вызывающий намек на еще не изжитое у нас, к сожалению, явление мелкого хулиганства.

рождающим неправильное представление о нашей эпохе. В то же время положительным фамилиям — Станков, Чайкин, Бодров, Зарядкин — отведено очень мало места, и к тому же почти все они написаны неразборчиво.

В списке фигурируют фамилии, нетипичные для нашей эпохи: Холопов, Взятченко, Ленивцев и т. п.

Встречаются в рукописи и повторения. Например: П. Носов, О. Носов, Д. Носов. Если эти повторения сократить и написать так: ПОД. НОСОВ, — ценность рукописи, несомненно, возрастет.

Говоря о серьезных недостатках рукописи, нельзя пройти мимо неправильного отношения автора к труду. Например, в списке значится: Досугов. Но предаваться досугу можно, как известно, только после самоотверженного труда, а где и как это отражено в рукописи? Скажем прямо: совсем не отражено!

Указанные недостатки следует исправить и уточнить. И тогда можно надеяться, что столь тщательно изученная мною, но по причине узких рамок рецензии, к сожалению, слишком бегло проанализированная рукопись займет достойное место в деле укрепления необходимых связей нашей науки с торговой практикой и в воспита-

тельной работе среди наших покупателей.

Хочется пожелать автору новых успехов и более крупных по объему работ в жанре вышеуказанных рукописных списков. Нет сомнения в том, что директор магазина ТОВАРИЩ ГУЛЯЕВ (выделено мной) окажет автору необходимую поддержку.

Перевод с узбекского.

№ 8, 1959 г.

Л. Романенко
ЛЮБИМЫЙ ЖАНР
Опыт научного исследования

В нашей стране музыку любят, музыку знают, музыку ценят. В консерваториях, в концертных залах, в садах и парках звучат с эстрады симфонии, арии, увертюры.

Пожалуйста, я не против.

Но все же я страстно люблю другой жанр: я люблю частушки.

Во-первых, частушка — это молниеносное развитие действия. Посмотрел парень на девушку, а она на него, раз — и готово:

— Милка!

— Чо?

— Милка!

— Чо?

— Я влюбился горячо!..

Во-вторых, этот жанр музыкален: музыка забористая, бодрая, хватает за душу.

В-третьих, отражает сегодняшний день, зовет, понимаете ли, будит!

Вот недавно по радио слышал частушку… Ше-

девр, глубина необычайная:

Я морожено клубнично
Обожаю оченно.
Кушай, кушай, дорогая,
За него заплочено.

Прямо вам скажу, потрясла меня эта частушка! Ведь вы только вдумайтесь, осмыслите, оцените, как психологически тонко автор в четырех строках сумел выразить волнующие его мысли!

Девушка, возможно, знатная доярка, возможно, многостаночница, уже не хочет молочного или сливочного мороженого, ей подавайте клубничное! Налицо явный рост потребностей.

Из текста нам ясно, что девушка обладает значительным интеллектом. Словом «обожаю» автор выпукло и ярко показывает нам, что девушка сознательно относится к процессу поедания мороженого. По одному этому слову мы можем судить о том, что это эмоциональная натура, ей присущи возвышенные чувства.

«Я морожено клубнично обожаю оченно…» Вы слышите, как кокетливо это сказано, какой внутренний смысл угадывается в этих строках?! Тут и уверенность в своем милом, и надежда на его щедрость, и легкий каприз избалованной жен-

щины, знающей свою неотразимость. Дурнушка или нелюбимая женщина не посмела бы вести себя с такой чисто женской обаятельностью.

И уже из третьей строки мы узнаем, что такое поведение нашей героини полностью оправданно. Ее возлюбленный, несомненно, являет собой один из лучших образов положительных героев в нашей литературе. Постараюсь обосновать это утверждение.

Что заявляет он в ответ девушке? «Кушай, кушай, дорогая, за него (за мороженое. — **Л. Р.**) заплочено». С какой заботой и чуткостью относится он к женщине, как снисходителен он к ее слабостям! Слова «Кушай, кушай, дорогая...» рисуют нам благороднейшего человека. Заботой о государственных интересах проникнуто его заверение о том, что за мороженое «заплочено». Ярко видны тут и гордость за свои трудовые деньги и благородное стремление уверить подругу в законности совершаемого акта.

Автор не случайно умалчивает об именах своих героев. Прежде чем был создан их светлый собирательный образ, ему пришлось проделать титаническую работу по обобщению и типизации положительных сторон в характерах многих советских людей. Жадность, зависть, стремление

угощать своих подруг за чужой счет — все эти черты, еще имеющие место в качестве пережитков проклятого прошлого, были беспощадно отброшены автором и не нашли места в его произведении.

А как новаторски смело обращается он со стихом, как тонко пользуется рифмой!..

Окончание «е» в словах «мороженое клубничное» растягивало стих, делало его вялым и дряблым. Автор прекрасно поступил, отбросив окончание и сказав просто: «морожено клубнично». Этим он придал стиху динамичность и добился того, что вся фраза приобрела подлинно народное звучание. А какая сочная рифма: «оченно — заплочено»! Ново, свежо, оригинально! Посмею заявить, что ничего подобного я не встречал ранее, даже у больших и известных поэтов.

Нельзя не отметить скромности автора. Он предпочел остаться неизвестным. Ему достаточно, что его произведение стало популярным и часто передается по радио, доставляя миллионам людей эстетическое наслаждение.

Но вместе с тем нам жаль, что мы не можем заявить автору о своем восхищении, чествовать и юбилярить его.

И, кстати, чествовать оставшихся пока неиз-

вестными многоопытных работников музыкальных редакций радио, которые бережно опекают и культивируют подобные частушки — восхитительные ростки народного творчества.

Нет, что ни говорите, люблю я этот жанр:

Я морожено клубнично
Обожаю оченно.
Кушай, кушай, дорогая,
За него заплочено.

№ 9, 1959 г.

Феликс Кривин
СКАЗКИ

Форточка

Любопытная, ветреная Форточка выглянула во двор («Интересно, по ком это сохнет Простыня?») и увидела такую картину.

По двору, ломая ветви деревьев и отшибая штукатурку от стен, летал большой Футбольный Мяч. Мяч был в ударе, и Форточка залюбовалась им. «Какая красота, — думала она, — какая сила!»

Форточке очень хотелось познакомиться с Мячом, но он все летал и летал, и никакие знакомства его, по-видимому, не интересовали.

Налетавшись до упаду, Мяч немного отдохнул (пока «судья» разнимал двух подравшихся «полузащитников»), а потом опять рванулся с земли и влетел прямо в опрокинутую бочку, которая здесь заменяла ворота.

Это было очень здорово, и Форточка прямо-таки содрогалась от восторга. Она хлопала так громко, что Мяч наконец заметил ее.

Привыкший к легким победам, он небрежно подлетел к Форточке, и встреча состоялась

чуточку раньше, чем успел прибежать дворник — главный судья этого состязания…

Потом все ругали Мяч и жалели Форточку, у которой таким нелепым образом была разбита жизнь.

А на следующий день Мяч опять летал по двору, и другая ветреная Форточка громко хлопала ему и с нетерпением ждала встречи.

Краеугольный камень

— Уголь — это краеугольный камень отопительного сезона, — говорил Кусок своим товарищам по сараю. — Мы несем в мир тепло. Что может быть лучше этого? И пусть мы сгорим, друзья, но мы сгорим недаром!

Зима была суровой, тепла не хватало, и все товарищи Куска сгорели. Не сгорел только он сам и на следующий год говорил своим новым товарищам по сараю:

— …Мы несем в мир тепло. Что может быть лучше этого? И пусть мы сгорим…

«Краеугольный каменья оказался не антрацитом, а камнем обыкновенным.

Часы

Понимая всю важность и ответственность своей жизненной миссии, Часы не шли. Они стояли на страже времени.

Люстра

В зале ресторана Люстра принадлежала к высшему свету. Благодаря огромному количеству свечей, а также неплохому положению в центре потолка жизнь ее была ярка и красива, и по вечерам, когда подвыпившие завсегдатаи ресторана, не вполне согласуясь с оркестром, лениво и небрежно шаркали по паркету, Люстра чувствовала себя на верху блаженства.

Где-то там, за стенами ресторана, трудились на своих рабочих столах настольные лампы, и Люстра глубоко презирала их за неудачливость, за то, что при их ничтожном количестве свечей им никогда не выбиться в «светила». Но, ослепленная своим собственным блеском, не могла понять Люстра, что эти скромные лампы, разумно расходующие свою небольшую энергию, значительно счастливее ее, хотя каждая из них тратит за весь свой век меньше, чем ресторанная

Люстра прожигает за один вечер.

Пень

Пень стоял у самой дороги, и пешеходы часто спотыкались об него.

— Не все сразу, не все сразу, — недовольно скрипел Пень. — Приму, сколько успею: не могу же я разорваться на части! Ну и народ: шагу без меня ступить не могут!

Патефонная игла

Тупая Патефонная Игла жаловалась:

— Когда-то я пела, и меня с удовольствием слушали, а теперь вот уши затыкают. Еще бы! Разве это пластинки?!. Разве это репертуар?!.

Окурок

Попав на тротуар, Окурок огляделся вокруг себя и, не найдя ничего примечательного, недовольно подумал: «Обстановочка! И надо же было моему старому болвану выплюнуть меня именно в этом месте!»

Потом он занялся рассматриванием прохожих, и настроение его значительно улучшилось.

— Эге, да тут, я вижу, довольно смазливые туфельки есть! — воскликнул Окурок и тут же прицепился к одной из них.

— Отстаньте, нахал! — возмутилась Туфелька. — Я вас совсем не знаю!

— Хе-хе-хе! — ухмыльнулся Окурок. — Можно и познакомиться.

Потом, когда Туфелька его стряхнула, Окурок прицепился к старому Ботинку:

— Все еще скрипишь, папаша? Не пора ли в утильсырье?

Так слонялся он по тротуару, приставая к обуви, никому не давая проходу, пока не явились блюстители порядка. Это были Совок и Метла — гроза всех окурков квартала.

— Ты чего хулиганишь? — строго спросил Совок.

Окурок съежился, обмяк, его боевой пыл моментально угас.

— Я ничего… я только так… извините, пожалуйста… — лепетал он, когда Совок и Метла отправляли его куда следует.

Так окончились подвиги Окурка, как, впрочем, кончаются и все подобные подвиги.

№ 8, 1959 г.

Вадим Земной
ДВА СТРОГАЧА

— Здорово, кум!
— Здорово, друже!
— Ну, как делишки? Жив-здоров?
— Мои делишки все наружи:
Иду купить вязанку дров.
— Оставь шутить, глава гортопа!
У вас прекрасные дрова!
— Так это ж было до потопа,
Теперь я сам себе глава.
Сказать ясней? Скажу ясней:
Дела давно минувших дней.
Возил дрова соседу, свату.
Сестре жены, второй жене,
И все, конечно, туговато
Платили денежки родне.
Потом, со мною, без меня ли,
Растаял уголь, как свеча.
Ну, что ж еще? С работы сняли

И — ясно! — дали «строгача»...
А ты куда метнулся рано
От всех своих торговых дел?
— Ищу нежирного барана:
Котлеты с луком захотел
— Смешно директору продмага
Бежать за каждой отбивной!
— Прогнали, брат. Пришла бумага:
Растрата числится за мной.
Вчера в одном высоком зале
Была мне банька горяча:
До самых пяток прочесали
И — ясно! — дали «строгача»...
. . . . . .
Все ясно из таких речей!
Хапуг не очень огорчили:
Они расплату получили,
Но, может, мало «строгачей»?

№ 7, 1959 г.

Владимир Корбан
РЕКОРДНЫЙ ОГУРЕЦ

Мечтая об известности в народе,
Какой-то агроном-хитрец
Задумал вырастить рекордный огурец.
И вот, росток избрав на огороде,
Он начал день и ночь корпеть над ним.
Был агроном неутомим:
Нередко и фосфаты и навоз
К ростку он в собственных ладонях нес;
Когда ж настали дни цветенья,
Сам произвел и опыленье.
Понятно, что при хлопотах таких
Увидел вскоре он успеха признак явный:
Росток листву пустил куда пышней других,
На нем огурчик завязался славный.
Толстел тот огурец на диво просто,
В час прибавляя граммов по сто…
И вылился день снятия его

В общеколхозное большое торжество:
Не шутка овощи подобного объема!
Когда же наконец
Был на весы положен огурец,
То, к вящей славе агронома,
Он потянул (ура!) почти что пуд...
Поставить можно б точку тут,
Но скрыть не вправе мы одной детали:
Ростки другие... ничего не дали.
Да и хлеба-то так себе в колхозе...
Короче говоря, колхоз — в обозе,
Поскольку лишь об огурце одном
Заботился тщеславный агроном.
Как часто рекордсменское зазнайство
Мы порождаем криками «ура!».
Один рекорд — не цель, когда пришла пора
Бороться за подъем всего хозяйства.

№ 8, 1959 г.

Виктор Боков
ЛЕСНАЯ УЛИЦА

У Белорусского вокзала
Есть улица Лесная.
Зачем ее Лесной назвали,
Я до сих пор не знаю.
Лес — это древние стволы
С ветвями в поднебесьи.
Летят из-под его полы
Серебряные песни.
Лес — это то, что люди чтут.
Он крепостью своею
Перегораживает путь
Бродяге-суховею.
Лес — это сказка и мечта.
Лес — это лучший отдых.
Какие есть в лесу места,
Какой чудесный воздух!
А здесь,
На улице Лесной,

Два деревца лишь чахнут.
На них нет листьев, и весной
Они бензином пахнут.
Пока названье это — вздор,
Я утверждаю смело.
Вот был бы здесь сосновый бор,
Тогда другое дело!
Тогда бы здесь искали вы
Здоровье, силу, бодрость.
Не значил вовсе б для Москвы
Тысячелетний возраст.

Лесная улица Москве
Нужна, как людям руки.
Не взять ли, Моссовет, тебе
Лесную на поруки?!

№ 11, 1959 г.

Федор Макивчук
БЫЛО Б ТЕБЕ ЛУЧШЕ НЕ ХОДИТЬ...

Короткая документальная повесть об одном председателе колхоза, который сначала не любил животноводство, а потом так полюбил, что эта неугасимая любовь привела его к великой печали и воздыханию.

Председатель колхоза Иван Григорьевич Хомич мало уделял внимания животноводству. Он просто недолюбливал эту хлопотливую отрасль сельского хозяйства.

— Животноводство — это не моя стихия, — говорил Иван Григорьевич в узком кругу своих приятелей. — Я люблю полеводство, бескрайние поля, опьяняющие запахи злаков.

А когда кто-нибудь шутя спрашивал, так ли равнодушен Иван Григорьевич и к продукции животноводства, ну, скажем, к жареной колбасе, он скептически махал рукой:

— Да! Год могу не смотреть на мясо. Мне больше по вкусу овощи.

Но тут Иван Григорьевич лукавил. Он никогда не был вегетарианцем, и, если уж говорить

начистоту, то следует сказать, что продукты животноводства были его подлинной стихией. Иван Григорьевич с превеликим аппетитом употреблял сметану, молоко, холодец, колбасу, а борщ со свининой был коронным номером в его повседневном пищевом рационе.

А животноводство, повторяю, недолюбливал. Уже и колхозники стали пожимать плечами:

— Что за чудеса творятся с нашим Иваном Григорьевичем? На фермы его и калачом не заманишь.

Так продолжалось довольно долго. И вдруг Иван Григорьевич словно переродился. Ну, будто кто-то взял и вытряс из его души ту нелюбовь, а на ее место всыпал несколько десятков пригоршней самой чистой, самой пламенной любви к колхозной скотинке. Особенно к рогатой.

Ну не узнать человека, да и все!

Раньше, бывало, встанет утречком, сделает физзарядку, умоется, побреется, позавтракает, послушает последние известия, а только потом идет в контору или в поле. А теперь не успеет солнце выглянуть из-за горизонта, и Ивана Григорьевича будто ветром сдуло. Он уже на ферме, возле телушек.

Внимательным, хозяйским оком каждую осмат-

ривает со всех сторон, нагнется и поглядит на вымя, пощупает копыта, заглянет в рот, под хвост… Да все допытывается у доярок:

— Сколько молока дает вот эта симменталочка?

— А вот эта рябенькая?

— А вот та белоголовая с кривым рогом?

Доярки давали каждой корове обстоятельные характеристики, называли цифры надоев, проценты жирности молока, а на душе у них был праздник. «Теперь, — думали, — пойдет дело. Раз уж сам Иван Григорьевич приковал свое внимание к животноводству — потечет молоко рекой».

Иван Григорьевич знал теперь каждую корову по имени, знал ее продуктивность, ее нрав. И коровы узнавали его. Едва только он появлялся в коровнике, буренки дружно поворачивали в его сторону головы и приветливо мычали, как бы говоря: «С добрым утром, уважаемый Иван Григорьевич! Радехоньки видеть вас в нашей хате».

Однажды утром, когда доярки подоили коров, Иван Григорьевич взял за руку заведующую фермой Яковину, подвел к молодой симменталке-рекордистке и сказал:

— Ишь ты, какая красавица! Ну, чистая тебе королева! Так ты на пастбище ее не выгоняй.

Пускай постоит в коровнике.

Не знала «королева», какой изменчивой бывает иногда человеческая любовь. В тот же день на ее симпатичные рога накинули обыкновенную несимпатичную веревку и повели в село Ветровое к матери Ивана Григорьевича.

В тот же солнечный августовский день на место молодой симменталки-рекордистки поставили старую, яловую безрогую дохлятину, приведенную из Ветрового от матери Ивана Григорьевича.

А еще через несколько дней с фермы исчезло пять самых лучших стельных коров, а вместо них появились дряхлые, захиревшие создания, похожие больше на помесь осла с рогатым чертом, чем на коров.

На том и оборвалась любовь Хомича к общественному животноводству. На том и оборвалось председательство Хомича. Общее собрание колхозников единодушно заявило:

— Желаем прокатить Ивана Григорьевича на той самой дохлятине, что он пригнал на ферму!

Но потом несколько смилостивились и… прокатили на вороных.

Сидит теперь Иван Григорьевич без дела и гру-у-устно, грустно поет:

Было б тебе лучше не ходить

Да коровок лучше не водить...

Кое-кто может сказать: Иван Григорьевич теперь уже отставной козы барабанщик. Зачем же о нем фельетон писать?

А так, «в назидание потомству». Чтобы нигде такого не произошло!

Перевел с украинского Е. Весенин.

№ 30, 1959 г.

Петрусь Бровка
РАЙОННЫЙ УХАЖЕР

Вот быль. В ней говорится
Про жоха одного.
Слышь, девушка-сестрица,
Остерегись его!
Порхает, словно птичка,
В делах сердечных скор
Евлампий Черевичка,
Районный ухажер.
Всегда к романам склонный,
Одет он — просто шик…
На базе на районной
Он главный кладовщик.
Хоть невысок, но в теле.
Усы — «держи фасон».
С брезентовым портфелем
По чайным ездит он.
Опробует все вина —
И, смотришь, вечерком

С очередной дивчиной
Садится под дубком.
Ручьем слезу пуская,
Дудит в одну дуду:
— Ты лишь одна такая!
Другой я не найду!
Ей лестно, ей все ясно:
Ну чем он не жених?
Она… уже согласна.
Полно дурех таких!
Решают сами, с пыла,
Что́ им отец и мать!
А он? Ему б лишь было
Местечко, где поспать.
Знай, сыплет излиянья:
Навек, мол! Не шутя!..
Но вот прошло гулянье.
Рождается дитя.
У папы грусть во взоре,
Он злится: «Вот беда!..»
Дает он тягу вскоре
Неведомо куда.

О чувства кавалера!
Вам тесен круг семьи.
И брошенная Вера
Рвет волосы свои.
Ее дитя без папы.
То в плач она, то в крик,
А он уж к ручкам Капы,
Страдающий, приник.
Ручьем слезу пуская,
Дудит в одну дуду:
— Ты лишь одна такая!
Другой я не найду!
Она с ним не сурова:
Ну чем он не жених?
Она на все готова.
Полно дурех таких!
Его объятья жарки,
Он стелется травой
И думает о чарке,
Перинке пуховой…
Он входит в дом с букетом,
Лишь ею и дыша.

Но вот, по всем приметам,
Ждет Капа малыша.
Любимый прячет очи,
Какие уж цветы!
И как-то среди ночи
Дает он лататы.
А там, глядишь, и третьей
Дудит в одну дуду:
— Другой такой на свете,
Ей-богу, не найду!
И льнет к нему Агата:
Он так учтив, так мил...
Ах, сколько вам, девчата,
Он горя причинил!
В чью ж душу он с отмычкой
Ползет теперь, как вор,
Евлампий Черевичка,
Матерый ухажер?

Перевел с белорусского В. Корчагин.

№ 5, 1960 г.

Арк. Эриванский
РОЗА

Дверь приоткрылась, и в комнату, где помещалось почтовое отделение, пахнуло горьковатой свежестью расцветшего миндаля. Это подтверждало, что весна действительно прибыла на Черноморское побережье досрочно и март действует с апрельским размахом.

Вместе с весенним благоуханием в помещение почты вошел молодой человек. В руках у него был небольшой сверток.

Прямо перед ним сидела миловидная девушка, отмежеванная от посетителей канцелярским заборчиком. Девушка яростно штемпелевала письма, словно заколачивала гвозди. Ранний посетитель обратился к ней:

— Простите, до которого часа вы принимаете авиапочту на сегодня?

— Странно, гражданин, — ответила девушка, не прерывая своего основного занятия. — Вы же грамотный, гражданин. Для чего же повешено объявление? Не могу же я каждому по отдельности объяснять!

— Да, да, я не заметил. Извините.

Плакатик сообщал всем желающим, что «операции по приемке авиапочты на текущий день производятся до 9 часов утра».

Значит, до объявленного срока оставалось шесть минут.

— Дайте мне, пожалуйста, конверт.

Оставив в покое письма, девушка выложила конверт на барьер.

— И марку… марку тоже дайте.

Девушка красноречиво глянула на посетителя и добавила:

— Надо сразу говорить, гражданин. Все? Или, может, еще что надумали?

— Нет, нет! Все. Спасибо.

Молодой человек направился к столу для клиентов.

Отполированный рукавами тысяч пиджаков и нежными локтями с ямочками и без ямочек, большой сосновый стол мог бы многое рассказать о том, что писалось на нем за текущее столетие.

Но стол молчал.

Он не мог даже ответить на немой и полный скорби вопрос, светившийся в глазах раннего посетителя: где же достать ручку?

Ученической ручкой, единственной на всю

почту, завладела пожилая дама в платье совершенно невообразимого, почти детского фасона. Когда молодой человек опустился на соседний стул, курортница демонстративно отвернулась и заслонила свое сочинение сумочкой.

— Простите, не будете ли вы любезны одолжить мне на минуту ручку? — сказал молодой человек своей соседке. — Только адрес написать. Я очень тороплюсь.

— Я тоже спешу на процедуры. И потом, вы ведь видите: я пишу ручкой, — рассудительно добавила женщина, стремящаяся победить свой возраст.

— Да, да, вижу. Извините.

Тяжело вздохнув, молодой человек положил свой сверток на стол, осторожно вскрыл газетную оболочку и извлек пунцовую розу. Смущаясь, он неловно пытался втиснуть ее в конверт вместе с шипами и листьями.

Молодящаяся курортница, выглядывая из-за сумочки, с умильной улыбкой следила за его действиями и наконец участливо спросила:

— Не получается?

— Удивительно маленький конверт!

— А вы оборвите лепестки и вложите их в

письмо.

— Что вы! Мне хочется, чтобы она поставила розу в вазочку с водой. На Восьмое марта я всегда дарю ей живые цветы. А самолет через несколько часов будет в Москве.

— Разрешите, я попробую. Может быть, нужны женские руки.

Но и они не помогли.

Тогда был предложен компромисс:

— Поверьте мне, молодой человек, что для женщины важно внимание, а роза может быть и без стебля. Ваша подруга сложит лепестки в коробку из-под духов и сохранит их до вашего возвращения. Давайте обломаем стебель.

— Конечно, конечно! А то я не успею сдать письмо.

Через минуту молодой человек подбежал к барьеру с канцелярским заборчиком.

— Вот…

— Опоздали, гражданин. Ваше «авиа» сегодня не пойдет. Я уже составила опись. Из-за вашего письма переписывать не буду.

— Да, но…

— Гражданин, прошу не кричать на меня!

— Но ведь…

— Гражданин, прошу не оскорблять меня!

Тут вмешалась активная посетительница почты:

— Видите ли, у этого молодого человека…

— Я все вижу! — И, взяв в руки конверт, девушка спросила: — На завтра принять?

— А может быть…

— Гражданин отправитель, — воскликнула девушка, — что это? У вас в письме недозволенное вложение? В конверте посторонний предмет?

— Это не предмет…

— Я не приму письма. Можете жаловаться.

Тут снова вмешалась курортница. Она стала объяснять:

— Видите ли, этот молодой человек посылает своей подруге розу.

— Чего? Чего?

— Розу, — подтвердила дама. — К Восьмому марта.

— Да, да, именно розу, — приободрившись, засвидетельствовал и сам отправитель.

На мгновение задумавшись, девушка сказала мягко:

— Роза — это, в общем… не посторонний предмет. — Она привычно замахнулась штемпельным молотком, но задержала руку в воздухе и, нежно-нежно прикоснувшись к конверту, сказала

уже другим, неслужебным голосом: — Сегодня вторник. Значит, идет скорый самолет. Через три часа роза, то есть письмо, будет доставлена вашей знакомой.

— Это моя жена. Большое вам спасибо, товарищи женщины, за доброе отношение. И с праздником вас! — Молодой человек широко распахнул двери и вышел.

В почтовое отделение снова ворвались озорные, будоражащие ароматы весны. Они мгновенно победили официальные запахи чернил, расплавленного сургуча и клея, пузырящегося в консервной банке из-под килек пряного посола.

Вздохнув всей грудью, курортница мечтательно сказала, обращаясь к девушке:

— Какой милый муж! Не правда ли?

— Да, хорошо той, которой такой попадется, — ответила девушка. — Счастливая... — Взяв конверт, она задумчиво понюхала его и доверительно сообщила: — Даже через бумагу запах идет!

— Хорошо пахнет?

— Здорово!

— Это была чудесная роза, — сказала курортница, — пунцовая. На языке цветов она означает пламенную любовь.

№ 7, 1960 г.

Петр Дудочкин
КАК Я ПОЙМАЛ СУДАКА

Не скрою, люблю порыбачить. Особливо приятно помечтать о судаках, о тех самых судаках, которые у нас, вблизи устья Тверцы, до того славно ловились на живца — сердце радовалось. Недаром доктора советовали мне ходить на рыбалку!

А наш тверецкий судак — это не то что какой-нибудь другой судачишка. Наш в собственном жиру хорош. Положишь на сковородку — ни масла, ни помазка не надо: жарится и ничуть не пригорает.

Ловились! Было времечко! А с некоторых пор не ловятся, хоть белугой реви. Днюешь и ночуешь на берегу, а домой идешь без единой рыбешки. Настроение препаршивое, даже докторам перестаешь верить, что рыбная ловля — полезный отдых.

Сижу однажды на прибрежном камне, тоскую. Вдруг слышу: «О чем задумался, добрый молодец?»

Оглянулся — бородатый прохожий. Поведал

ему свое горе.

— А той ли ты стежкой-дорожкой на рыбалку ходишь? — спросил прохожий.

— И раньше, — говорю, — этой тропкой хаживал. Прямо-прямо бережком и вот сюда. Место так и называется — Судачий омут.

— Нет, мил человек, — возразил бородач, — отныне твоя дорога другая: не прямо-прямо бережком, а с поворотом-заворотом.

— С каким таким поворотом-заворотом?

— Нынешняя дорога на рыбалку идет через кабинет Коврижкина.

Вот-те, думаю, загадка! Смеется старик, что ли?

А секрет оказался проще простого. Товарищ Коврижкин, тот самый Коврижкин, который директорствует на механическом заводе, распорядился все жидкие отходы своего производства спускать прямо в речку неподалеку от Судачьего омута. А судаки — что они за дураки плавать в вонючих местах. Им чистую воду подавай. Вот и перебазировались куда-то всем судачьим сословием.

— Бери на абордаж и атакуй Коврижкина! — повелел бородач. — Другого выхода нет!

Пришлось проситься на прием к Коврижкину. Принял. Усадил в кожаное кресло. — Поче-

му, — спрашиваю, — вонь в Тверце? Директор, худенький, дробненький, но важный, глянул исподлобья и насмешливо-удивленно спросил:

— А разве она на территории моего завода?

— Кто? — не понял я. — Вонь?

— Не вонь, а Тверца.

Он кивнул в окно.

— Территория завода — полюбуйтесь — огорожена честь по чести. Никакой Тверды тут нет. А значит, за нее в ответе не директор, а кто-то еще.

— Она, — говорю, — общенародная. Куда это годится, судаки ушли.

— Кто ушел?

— Судаки! Понимаете, су-да-ки!

Директор пожал узкими плечами.

— Мой, — говорит, — завод механический, и никакими судаками я не ведаю. Могу показать промфинплан — там про них ни слова.

— Судаки, — объясняю, — общенародные, но…

Товарищ Коврижкин и слушать не захотел. Хлопнул ладошкой по столу и властным тенорком заявил:

— Раз общенародное, идите к городским властям. Территория, где Тверца с судаками, подчинена — да будет вам известно — горсовету. Вот если найдете беспорядки на заводской терри-

тории, головой отвечаю. А то, что за воротами, извините, мне неподвластно. До свидания! Привет судакам!

Несолоно хлебавши вышел я из коврижкинского кабинета и скрепя сердце поплелся на рыбалку.

И снова встретил там бородача.

— Был, — спрашивает он, — у Коврижкина?

— Был, — отвечаю. И поведал про все, как побывал и что из этого получилось.

— Что ж, ничего удивительного, — рассудил мой новый знакомый. — Коврижкин — особого склада директор, узковедомственной породы. Не случайно почти четверть века в одном кресле.

И рассказал старик все, что знал. Свой завод и свое ведомство Коврижкин любит пуще всего на свете. Только свой завод, только свое ведомство. Упаси бог, увидит, что где-нибудь на территории завода валяется битая шестерня, шуму не оберешься. Несколько дней подряд будет говорить про недооценку металлолома, который ждут мартены, сделает злосчастную шестерню предметом обсуждения во всех цехах, во всех отделах. Но будь за воротами не шестерня, а железная гора, пройдет мимо в самом чинном спокойствии.

Извинившись перед собеседником, я при-

знался, что будет лучше, если вести речь не про Коврижкина, а про судаков: где их ловить?

Ответ был прежний:

— Дорога на рыбалку проходит через кабинет Коврижкина.

Старик сообщил, что кому-кому, а ему, лаборанту треста «Канализационная труба», досконально известно, как ловить судаков на том самом месте, где их уже нет.

— Скажите, как? — вскрикнул я.

— Весь секрет вот в этой бумажке, — таинственно заметил лаборант и подал мне листок, озаглавленный скучными, отнюдь не рыбацкими словами: «Анализ сточных вод механического завода».

Сперва я опешил, а потом понял. Понял и сказал твердо:

— Теперь ясно. Теперь добьюсь толку!

Обрадованный, что наконец-таки мне удастся поймать судака, я через два часа уже снова был в кабинете товарища Коврижкина.

Встретил он меня неприветливо.

— Опять, — говорит, — со своими судаками пришли?

— Нет, нет, — отвечаю, — пришел без судаков.

— А с чем же?

— С предложением. С рационализаторским!

Хозяин кабинета повеселел.

— А это самое рацпредложение на моем заводе приемлемо?

— А как же! Именно для вашего завода!

Разговор оживился.

— Годовая экономия? — нетерпеливо спросил директор.

— Гигантская! — уверенно выпалил я. — Не поддается подсчету!

— Да неужели? — радостно воскликнул Коврижкин. Сияющий, он вышел из-за стола, сел рядом со мной и, учтиво положив свои теплые ладошки на дрожащие мои колени, прошептал: — Ну, дорогуша, слушаю. Говорите же скорее, не томите!

— Ваш завод, — вкрадчиво заметил я, — может иметь то, что у вас дефицитно.

— Что именно?

— Все вот это, что в списке. Я подал бумагу.

Директор даже привскочил.

— Да ну?

Коврижкин недоверчиво посмотрел на меня и потребовал расчеты, но я, прежде чем конкретно перейти к делу, взял от своего собеседника твердое директорское слово, что, если расчеты

правильны, он незамедлительно внедрит в производство мое рацпредложение.

— Неизвестно по чьей вине, — начал я, — ваш замечательный завод и ваше ведомство терпят колоссальные убытки: вместе с отбросами в сточных водах с территории завода каждодневно уплывают из цехов тонны ценных веществ. Вот полюбуйтесь, точные анализы!

Директора прошиб пот.

В тот же день он самолично взял пробу в канализационной трубе, самолично сделал лабораторный анализ и самолично поблагодарил меня, пообещав солидную премию.

Вскоре на территории завода появились какие-то новые сооружения — всевозможные отстойники, насосные станции, лаборатории. В реке — ни одного грамма отбросов: с ними что-то делают и куда-то девают прямо на заводской территории.

Спасибо врачам. Это они вмешались, помогли.

И, представьте себе, судаки вновь заселили свой Судачий омут.

Можете меня поздравить: поймал судака. Да еще какого! Ведь наш тверецкий судак — это не то, что какой-нибудь другой судачишка. Наш в собственном жиру хорош. Объедение!

Вот, говорят, плохо, если у директора завода узковедомственный подход к делу. А я благодаря этому распроклятому узковедомственному подходу судака поймал. Чего и вам желаю! Вот сами поймаете, как я, судака, поймете, что такое хорошее настроение рыболова!

Недаром же доктора говорят, что рыбная ловля — полезнейший отдых!

№ 13, 1960 г.

В. Ныpко
В ДВУХ СМЫСЛАХ

Завмаг наш с ревизором стал дружить,
А ревизор ужасно был несносным.
Он всем свинью старался подложить,
Конечно, в смысле переносном.
Но о завмаге отзывался он похвально:
Тот подложил ему свинью... буквально.

№ 23, 1960 г.

Андрей Карасев, Сергей Ревзин
НОВАЯ ПРОФЕССИЯ

Мой приятель Ванюшка Маслов, встречая меня, каждый раз говорил:

— Эх, Саня! Кругом люди как люди, а ты существо среднего рода. Ни рыба ни мясо. А ведь когда-то комбайнером мечтал быть! Оку туда-обратно переплывал. На глазах у сторожа яблоки воровал. Словом, настоящим парнем был! И кем ты стал? Кто ты есть теперь?..

А я, товарищи, по специальности, извините, доярка. Или, ежели приличней сказать, дояр. Женская профессия мужского рода.

Ванюшка допытывался:

— Не может того быть, чтобы ты просто так, с бухты-барахты, в доярки подался! Не иначе в какую-нибудь доярочку влюбился и хочешь с ней цельный день в коровнике сидеть. Коли это так, я тебе прощаю, потому что оно как в романе получается. В противном случае мне с тобой ходить неудобно. Лучше уж я с нормальной дояркой гулять буду.

А в доярки я подался очень просто. Сестренку

мою в Рязань на совещание доярок вызвали. Она меня на два дня своих коров доить и пристроила. Ну, девчата надо мною смеются, подшучивают. То уже подоенную корову мне подсунут, а то нетель подставят. Два дня, куда ни шло, с грехом пополам отмучился… И вдруг вызывает меня председатель:

— Саня, мы твою сестру учиться посылаем, и по этому случаю придется тебе, так сказать, с головой в молоко окунуться.

— Не выйдет, — говорю, — что хотите со мной делайте, не согласен! Я вам план удоя по неопытности завалить могу. Тогда кто отвечать будет?

Председатель говорит:

— Ладно, потом поглядим.

Пошел я к своим коровам. А ну, коровушки-буренушки, не выдайте, помогите!.. Придержите молочко! На время, конечно, пока меня не выгонят. Потом наверстаете. Я их умоляю, а они… Одно слово, коровы. Что ни день, удой все больше и больше.

Председатель радуется:

— Молодец, Саня! Давай!

Недели не прошло — я на доске почета оказался. У меня аж слезы из глаз. А у Ванюшки Маслова от смеха даже ремень лопнул.

— Не пройдет и месяца, — говорил он, — как нашего Саню райком премирует отрезом на платье!

И знаете, накаркал! Дали в район сведения об удое. Район передал их в область. А в области мою фамилию в газете пропечатали. Мол, среди доярок района первое место занимает А. Клименко. Аккурат это я. Клименко — моя фамилия…

И вот неожиданно приходит письмо: «Дорогая Саша! Пишет вам сержант срочной службы (такой-то). Прочитал я о вас в газете и очень захотел подружиться с вами. Вы мне во сне приснились, с голубыми глазами, с тяжелой русой косой… Скоро демобилизация, и я мечтаю познакомиться с вами лично, а может быть, и остаться в вашем колхозе работать… Хотя это уж зависит от будущей ситуации, если возникнет у вас ко мне симпатия. Пришлите фото и напишите, какой номер туфель вы носите…»

После этого сержантского письма мне в колхозе проходу не давали.

А председатель так сказал:

— Спасибо тебе, Саня, что не на сторону замуж выходишь. Как-никак новый работник к нам прибудет… И свадьбу справим на славу…

Хотел я сержанту ответить, но на меня Ванюш-

ка Маслов набросился:

— Не смей писать! Может, твоему сержанту симпатия к тебе помогает в боевой и политической подготовке. Может, он благодаря своему чувству спортивные рекорды ставит. Разве ж можно человека так сразу огорошить? Надо его подготовить постепенно…

— А что значит «постепенно»? Не стану же я в одном письме ему сообщать, что номер туфель у меня тридцать пятый, в другом письме — сорок второй, а в третьем, что, между прочим, я сам жениться собираюсь.

В общем, что ни день, все хуже и хуже. То журнал «Крестьянка» просит автобиографию прислать. То само министерство поздравляет меня с днем 8 Марта. Ну просто хоть с работы уходи!..

А легко сказать уходи, когда уже втянулся! Да и, полозка руку на сердце, надо признаться, что работа наша не простая. Нужная работа. И главное, перспективная. Представляете, в каждой квартире на кухне кран установят. Открыл кран — и, пожалуйста, парное молоко!

Вначале, конечно, могут быть и неполадки. Скажем, вместо молока до потребителя дойдет простокваша или трубы творогом забьет. Но по-

том наладится, все будет идти по расписанию. К примеру, в понедельник — молоко, во вторник — сметана, в среду — кефир, в четверг — кумыс, в пятницу — сливки, в субботу — для любителей молоко порошковое, а в воскресенье — сгущенное с сахаром.

Перспективы огромные.

Так что назад пути нет. Да и к чему, когда есть все возможности вперед двигаться! Вот недавно Прасковья Николаевна Коврова — мать рязанских доярок — при всем народе расцеловала меня и сказала:

— До сих пор я только дочек имела, а теперь и сынки появились.

И от имени Верховного Совета мне на грудь медаль повесила.

На следующий день с утра ко мне Ванюшка Маслов подходит.

— Прости, Саня. Покаяться хочу. Это ведь я тебе письмо как будто от сержанта написал, это я девчат подговаривал, чтобы они тебе подоенную корову подставили…

— Ладно, — отвечаю, — я не злопамятный.

— А еще, Саня, возьми меня к себе в ученики. Больно твой личный пример заразителен. Я и комбинированные корка буду готовить и коров-

ник чистить...

— Ну, что ж, — говорю, — Ваня, давай. Надевай передник, бери подойник в руки. Глядишь, и из тебя человек получится!

№ 29, 1960 г.

К. Кондря
КАК СТАТЬ ДРАМАТУРГОМ…

Меня однажды спросили:

— Как стать драматургом?

— Очень просто, — ответил я, поскольку вопрос был сложный, — нужно работать, читать, учиться у классиков, потом сесть и написать пьесу.

Мой ответ не претендовал на оригинальность, он был просто заимствован у наших литконсультантов.

Да, путь в драматургию нелегок. И я вспомнил свой литературный путь.

Вначале я писал стихи, и притом для детей. Писал без особых усилий, потому что все усилия тратил на печатание своих стихов. К детям я был очень привязан. Годы шли, дети росли, и я в силу своей привязанности к ним стал незаметно писать стихи… для взрослых.

Однажды я показал свои вирши одному товарищу. Он сказал: «Так это же проза!»

Это был компетентный и объективный человек, и я имел все основания ему верить. Так я стал прозаиком.

Как-то раз в Союзе писателей, прочитав стихи, напечатанные в стенной газете, я воскликнул громко: «Вот те на!»

Ко мне подошел редактор нашего толстого журнала.

— Молодой человек, у вас есть критическая хватка.

В то время в Молдавии было мало критиков в отличие от сегодняшнего дня, когда их еще меньше.

— Признайтесь, вы критик! — наступал на меня редактор.

Припертый к стенной газете, я не стал отнекиваться.

Так я стал критиком.

Свою работу выполнял добросовестно: критических статей не писал, на собраниях в творческих секциях не выступал. На общих собраниях я брал слово последним. Поскольку время было позднее и меня торопили, я говорил лаконично: «Здесь были правильные и неправильные выступления. Я на стороне правильных с учетом всего правильного, что было в неправильных».

Обо мне стали говорить как о вдумчивом и серьезном критике.

Но головокружение от успехов свело меня с

правильного пути. Я написал рецензию на писателя Зет. Статья была хвалебная, но в конце (что значит неопытность!) я заметил, что Зет может писать еще лучше.

Зет стал сухо со мной здороваться. При встрече бросал мне коротко: «Здрасьте!»

Это был явный зажим критики, и я решил перейти к другому жанру.

Помог мне случай. Как-то я предложил редактору критическую статью об одном руководителе нашего Союза писателей.

— Вы не лишены юмора, — заметил редактор.

Передо мной открылась новая перспектива. Я начал писать смешные вещи. Удачные я называл юмором, неудачные — сатирой.

Работа шла хорошо.

Мне даже пришло в голову послать кое-что в «Литературную газету», но мне отсоветовали:

— Там сатиру и юмор считают устаревшими и загоняют в музей.

Тем временем в молдавской сатире и юморе появились новые имена. Ради укрепления этого трудного сектора мне предложили выбрать себе другой жанр.

Большого выбора не было, и я стал драматургом.

Как видите, путь в драматургию нелегок.

№ 36, 1960 г.

Виктор Ардов
ВОТ ЧТО НАДЕЛАЛИ СПРАВКИ ТВОИ… Трагикомедия в пяти картинах со счастливым концом

Действуют: жилец, управдомами, заведующая, милиционер, врач, два санитара.

Время действия — увы! — еще наши дни…

Картина первая

Домоуправление. Под вывеской, гласящей «Управдомами», сидит величественный управдомами. Входит жилец.

Жилец (скромно). Здравствуйте…

Управдомами (величественно). Привет!

Жилец. Вот какая штука… Мне бы надо справочку о том, что я проживаю у вас в доме.

Управдомами. Это еще зачем?

Жилец. Понимаете, не выдают мне иначе книгу, которая…

Управдомами (перебивает). Ну тогда пусть они вам дадут справку, что вам нужна справка о том, где вы живете.

Жилец. Да, но мне кажется…

Управдомами (строго). Вам кажется, а мы точно знаем. Принесите справку от них — получите справку от нас. Ясно?

Жилец хочет что-то сказать, но, махнув рукой, уходит.

Картина вторая

Учреждение. Под табличкой «Заведующий» сидит величественная гражданка средних лет. Входит жилец.

Жилец. Здравствуйте.

Заведующая. А, это вы!.. Ну, принесли справку из домоуправления?

Жилец. Видите ли…

Заведующая. Пока не вижу…

Жилец. Они говорят, чтобы вы мне сперва дали справку, что вам нужна справка о том, что я у них живу.

Заведующая. Вот бюрократы! Ну, что ж… Мы не возражаем. Принесите только от них справку, что вам нужна справка, что нам нужна справка о том, где вы живете. И мы дадим такую предварительную справку.

Жилец (с некоторым испугом). А?

Заведующая. Вы что? Оглохли? Я говорю:

принесите из домоуправления справку, что им нужна справка, что нам нужна справка, что вы у них живете.

Жилец (покорно). Хорошо. Принесу. (Уходит).

Картина третья

Снова домоуправление. Управдомами на своем месте. Входит жилец.

Жилец. Здрав…

Управдомами. А, почет!.. Ну, принесли от них справку?

Жилец. Принес. То есть нет. В общем, они тоже просят от вас…

Управдомами. А мы дадим. Только сперва пусть они…

Жилец. А они говорят, сперва пусть они…

Управдомами. В каком же это смысле?

Жилец (повторяет реплику заведующей, боясь сбиться). «Принесите, — говорят, — справку, что им нужна справка о том, что нам нужна справка о том, где вы живете?»… Вот!

Управдомами. Что вот?

Жилец. Дадите?

Управдомами. Что дадите? Что вы у нас живете? Так я же еще тогда сказал: принесите нам

справку, что вам нужна справка…

Жилец. Э, нет, теперь я хлопочу о другой справке — справке, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка… Простите, я немного запутался.

Управдомами. Вот именно. Но мы не какие-нибудь бездушные сухари. Вы только принесите от них справку, что им нужна справка, что нам нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка… Ой, что-то и я не так говорю! Значит, давайте сначала: нам нужна справка, что им нужна справка, что нам нужна справка, что вам нужна справка… Куда же он делся?..

Картина четвертая

Снова кабинет заведующей. Рядом стоит милиционер.

Заведующая. Он сейчас явится, товарищ старшина. Сами увидите: просто хулиган. Дразнится, что будто бы мы бюрократы… Бормочет насчет каких-то там справок, а сам подмигивает. Вот он идет! Вы послушайте только!..

Входит жилец. У него тик, он дергается всем лицом и мигает.

Жилец. Здравствуйте…

Заведующая (угрожающе). Здравствуйте, здравствуйте… Вы опять?

Жилец. Я не опять, я еще…

Заведующая. А что вам нужно? (Делает знак милиционеру, предлагая наблюдать).

Жилец. Как же, я вам столько раз говорил: мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка…

Милиционер (берет за плечо жильца). Пройдемте, гражданин!

Жилец. Куда? Разве теперь справки не здесь надо просить?

Заведующая. Видите, видите, как он хулиганит?.. Жалко, больше пятнадцати суток вы ему не можете дать.

Милиционер (выводит жильца). Давайте, давайте, гражданин. Вроде вы сами трезвый, и пожилой, и вообще с виду приличный товарищ. К чему нам это безобразие? Так и быть: сегодня ступайте домой, а если еще раз… тогда пеняйте на себя…

Картина пятая

Управдомами у себя за столом. Рядом стоит врач в белом халате, с чемоданчиком в руках.

Врач. Ну, и в чем это у него выражается?

Управдомами. Вроде навязчивого бреда. Все время бубнит про какие-то там справки… Да вот он и сам, зайдите мне за спину. Вы сейчас убедитесь…

Входит жилец.

Он, видимо, помешался: смеется, ловит свой палец, дергается и т. д.

Управдомами (жильцу). С чем пожаловали?

Жилец (тихим голосом). Справки мне нужны, разные… справочки, справочаточки, справищи, хе-хе-хе… Сперва я хочу справку, что мне нужна справка, что вам нужна справка, что им нужна справка, что всем нужна справка, что справка есть справка, что все где-то проживают и справки наживают… Белое, розовое, голубое, зеленое! Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой… а справки не имеет. Как тут быть?

Управдомами подмигнул врачу, тот вышел вперед.

Врач. Спокойней, дружочек, спокойней… Дайте руку. Вот так. Пойдемте со мною… Там у нас много-много справок… Разных… красивых…

Жилец. И мне дадут?

Управдомами. И тебе и тебе! Всем хватит!

Жилец. А почему ты мне не давал?

Управдомами. Смотрите, псих псих, а разбирается…

Врач. Кстати, товарищ управдом, это ведь ваш жилец?

Управдомами. А как же?

Врач. Так дайте мне справку…

Управдомами. О чем?

Врач. Что он проживает…

Управдомами. Пожалуйста. Только сперва вы дайте мне справку, что вам нужна справка…

Жилец. Так его! Так!

Врач. Вы, наверно, шутите?

Управдомами. Почему?.. У нас такая установка из жилотдела…

Врач. Ах, установка?!

Жилец. Правильно, кройте дальше!

Управдомами. Безусловно. Если вам нужна справка, предъявите справку, что вам нужна справка…

Врач. Понятно! (Хлопнул в ладоши.)

Входят два санитара.

1-й санитар. Которого тут?
Врач. Этого. (Указал на управдомами).
2-й санитар. Ясно.

Оба санитара хватают управдомами.

Управдомами. Братцы, да вы что? Братцы, я ведь нормальный!..
Жилец (внезапно прояснившимся, разумным голосом). Там разберут… Еще бы заведующую прихватить…
Врач. И прихватим. Ведите его, товарищи!.. (Жильцу.) А вы будете свидетель: приступ острого бюрократизма, осложненного волокитой…

Санитары уже увели сопротивляющегося управдомами.

А где, вы говорите, эта заведующая?
Жилец. Тут недалеко… Сходим?
Врач. Пошли. У нас есть указание всех подобных субъектов срочно изолировать…

№ 36, 1960 г.

Вита Жилинскайте
ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

Бедные жены! Их обвиняют в подозрительности, нервозности, придирчивости и, самое малое, в недостатке нежности.

Перед вами идеальная жена. О такой жене мечтают многие мужья.

Явление первое. Муж и жена пришли с работы.

Жена. Миленький, иди скорей в садик. Я повесила для тебя гамак. Ты, наверное, очень устал: шутка ли, просидеть за столом целых семь часов! Не сердись, что я не могу покачать тебя: готовлю на обед твои любимые пирожки… Что? Забыл купить газету? Сейчас, солнышко, я мигом сбегаю в киоск. А после обеда, лапочка, сходи в кино. Правда, хорошо, что я купила тебе гамак? Пойду на кухню, не буду больше надоедать тебе, радость моя.

Явление второе. Муж пришел утром неизвестно откуда.

Жена. Какой ты умница, что вернулся! Нет! Не объясняйся! Я не спрашиваю, где ты был. Это —

твое личное дело. Позволь мне снять с твоего воротника этот длинный светлый волос. Ты выглядишь таким усталым! Не разогреть ли тебе котлетку? Может быть, перед работой поспишь немного? А я мух от тебя буду отгонять… Почему ты в старом галстуке? Нужно было надеть новый. Я хочу, чтобы ты всегда был изящным в женском обществе.

Ну, а теперь спать, спать. Закрой глазки…

Явление третье. Муж пришел пьяный.

Жена. Ах, как хорошо, что мой ненаглядный не заблудился и нашел дорогу домой! Боже мой, кто это разорвал моему солнышку рукав и выпачкал известкой спинку? Хулиганы! Дай я почищу. Кисонька, да ты еле стоишь. Ну, садись, садись скорей вот сюда, на подушечку. Вот так. Какой ты бледный и почему-то икаешь! Хочешь огурчика? Или кислого молочка? Дай я тебя поцелую, горюшко мое. Вижу, опять пил водку. В другой раз, когда захочешь выпить, обязательно предупреди меня, я добавлю на коньячок, и головка болеть не будет. Вон уже и «Гастроном» открылся. Принесу тебе сто грамм. Бегу, бегу…

№ 2, 1961 г.

Алексей Распевин
ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ ПРУТКОВА-ВНУКА

Не будь так ревнив, чтобы запрещать жене, прощаясь с мужчинами, говорить «До свидания».

Обращай на себя внимание, не только проходя мимо зеркала.

Слухи ходят на наших ногах.

Только солнце может благополучно заходить слишком далеко.

Стоя на одном месте, новых горизонтов не откроешь.

Не будь таким, чтобы от общения с тобой даже чемодан становился замкнутым.

Делая доклад, приглядывайся: может, собравшиеся не одобрительно кивают головой, а просто клюют носом.

Советам отдавай должное, но не оставайся в долгу и у собственного разума.

Помни: медлительностью не удлинишь сроки жизни.

№ 25, 1961 г.

Андрей Малышко
ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАТА

Эй, накипь людская!
Пожалте в хату,
Выдать пора вам
последнюю плату.
Лезут, спешат...
И мальки-нигилистки,
И себялюбцы —
надутые, гордые,
И узколобые
стильные глистики,
И карьеристов
туши двумордые;
Вот
поллитровкины други-приятели,
Вот спекулянты,
очковтиратели,
Вон анонимщики
в шубках овечьих...

В руки возьму себя.
Выдержу.
Встречу их.
Сколько, однако,
вас привалило!..
Ладно, входите.
Черкну вам напутствие.
Только живее:
сохнут чернила,
Перья ржавеют
в вашем присутствии.
Сядьте!
Не ждите ни хлеба, ни соли...
Вы напоследок
спели бы, что ли!
Пойте:
цвели, мол, для нас незабудочки...
Войте:
остались, мол, ножки да рожки...
Время пришло вам
сматывать удочки —
Кончились ваши

стежки-дорожки!
Дня молодого
вижу
сияние,
Место ищу там
для вашей компании.
И, не найдя его,
вот что я думаю:
Сделать из вас
(подходящий же случай!)
Оптовую,
разноликую мумию
С черным нутром
и шкуркой гадючьей.
Законопатить
под надписью злою,
Спирта не тратить,
залить смолою!

Перевел с украинского В. Корчагин.

№ 29, 1961 г.

Александр Вихрев
КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

Петр Филиппович Барсуков твердо решил бороться с частнособственническими пережитками в сознании отдельных граждан. Или, точнее, отдельных гражданок.

Не просто так, вообще бороться, а практически. Не словом, а делом.

Стратегический план Петра Филипповича сводился к следующему: наметив типичную жертву, пораженную вирусом приобретательства, войти к ней в доверие, установить контакт, а затем, улучив удобный момент, вырвать жертву из липких пут мещанского корыстолюбия.

И вырвать опять-таки не уговорами и поучениями, а всамделишным образом. Подорвать ее экономически. Лишить питательной почвы. Рубануть, что называется, под самый корень.

Жертву чуждой психологии Петр Филиппович облюбовал подходящую. Анна Иосифовна Глянц по всем статьям отвечала стратегическому плану. Добротный дом, земельные участки общей площадью двадцать соток, солидное парниковое

хозяйство. Конечно, кубышки да сберкнижки, перины да шифоньеры, то да се. Опять же с точки зрения чуждых нравов все обстояло как нельзя более типично: скаредности и мелочности Анне Иосифовне занимать не было нужды.

Будь Анна Иосифовна мужчиной, Петру Филипповичу пришлось бы, видимо, трижды подумать, прежде чем начать осаду. Но так как Анна Иосифовна по законам природы была женщиной, решение созрело само собой. И Петр Филиппович пошел на штурм.

Впрочем, тут же и выяснилось, что он ломился в открытую дверь. Анне Иосифовне как раз требо-

валась мужская поддержка. Двадцать соток — их обиходить надо. А тут, пожалуйста, скромный на вид работяга, или, как сам про себя пишет Петр Филиппович, «труженик-котельщик морского транспорта».

И, придя из загса в удельное садово-огородное княжество Анны Иосифовны, труженик-котельщик поплевал на ладони и взялся за лопату.

Стратегический план Петра Филипповича осуществлялся с великолепной точностью. Скромный котельщик проник в сокровенные святыни прибыльной фирмы «Глянц и К°». Бывало даже, что ему милостиво дозволялось присутствовать при подсчете засаленных десяток. При виде того, как десятки исчезают в бездонных комодах Анны Иосифовны, бедный труженик загадочно вздыхал. Он страдал. Частнособственнические инстинкты торжествовали.

Два с лишним года пролетели незаметно. Петр Филиппович в совершенстве освоил тяпку и лейку. Анна Иосифовна исправно поставляла на одесский рынок помидоры и прочую снедь. Двадцать соток приносили много сотен.

До сих пор так и неизвестно, какой удар и с какой стороны собирался нанести в конце концов Петр Филиппович по прогнившей системе част-

ной собственности, только осуществить это ему не удалось. Анна Иосифовна опередила смельчака-труженика, затаившего камень за пазухой. То ли она догадалась о чем-то, то ли… Ходят слухи, что Петр Филиппович так и не научился как следует подвязывать помидорные кустики. Как бы там ни было, ему был нанесен предательский удар в спину: Анна Иосифовна выставила его за дверь.

Вы, может быть, думаете, что отчаянный борец против пережитков дрогнул? Ничуть не бывало. Стратегический план оставался в силе: надо было взорвать экономику этой хищницы Анны Иосифовны. И если не изнутри, то теперь хотя бы извне.

Петр Филиппович ринулся в атаку. Он вынудил свою бывшую подругу жизни занять оборонительные позиции. Он через суды метал в нее отравленные стрелы сарказма и изобличения. Она отвечала на эти выпады из своего частнособственнического окопа злым шипением.

«Гр-ка Глянц А. И. — бывалая женщина, до брака со мной была несколько раз замужем и, использовав их в своих целях

обогащения, расставалась с ними, как я узнал позже.

Как я только зарегистрировался с гр-кой Глянц, то я понял, что нужен ей как рабочая сила и ширма, чтобы скрыть свое лицо за моей рабочей спиной от людей, которые видели в ней человека, признающего только наживу».

Разоблачив таким образом растленное, паразитическое нутро матерой эксплуататорша, самоотверженный труженик-котельщик смачно описывал те жертвы, на которые он пошел ради идеи.

«Гр-ка Глянц заставляла меня все свободное время от работы на заводе с рассвета до полной ночи работать. Выручая огромные суммы денег от реализации первых помидор (парниковых), деньги припрятывала, экономя даже на пище для меня.

Прожив с гр-кой Глянц более двух с половиной лет и вложив в хозяйство свой повседневный труд и средства (получаемая зарплата на заводе), тем самым я помог ей увеличить свое благополучие,

так как последняя от реализации ранних помидор имела доход за 2,5 года около 15 тыс. руб., и все это благодаря моему огромному безустанному труду.

Кроме того, мною вложен был личный труд и средства по улучшению хозяйства: постройка теплиц, приобретение рам и т. д.

Однако гр-ка Глянц расходовала средства с таким расчетом, что мне, рабочему здоровому человеку, можно было от истощения умереть, а деньги прятала в тайник. Я нищим ушел от нее, будучи выгнанным, как собака».

Ради чего же приносились все эти жертвы? Как было сказано, ради идеи. Идея же заключалась в том, чтобы выбить из-под ног у Анны Иосифовны экономический базис. А выбить никак до сих пор не удается. И вот почему:

«Исходя из указанного в связи с тем, что мы с ответчицей Глянц расстались, я предъявил к ней иск на сумму 2,2 тыс. рубл., но народный суд 4-го участка Приморского р-на гор. Одессы удовлетворил мою просьбу-иск лишь в размере

557 руб., исчислив доходы от помидор по 50—60 коп. за кг., в то время как в деле имеется справка торг. отдела о продаже таковых (первых парниковых) по значительно более высокой цене…»

Смотрите, как навострился Петр Филиппович за те годы, пока он упорным трудом подрывал презренную частную собственность! Все-то он превзошел, все постиг: и что почем, и сколько можно содрать, и когда именно содрать удобнее всего. Одного только понять не может: почему ему, труженику-котельщику морского транспорта, схватившемуся один на один с мелкобуржуазной стихией, судьи не идут навстречу. И даже больше того, вроде как бы относятся к нему с предубеждением.

«…Суд извратил имевший место доход, а ведь, помимо парников, еще ежегодно на грунте высаживалось большое количество кустов помидор, что также давало доход.

Суд также не учел, что не только был вложен мой труд, но и материальные средства: на постройку теплиц, приобретение окон и т. д., что было подтверждено

свидетелями.

Народный суд и судебная коллегия по гражданским делам Одесского облсуда отклонили мои требования к Глянц безосновательно и незаконно».

Короче говоря:

«Суд стал на сторону богатого, не пожелал защищать интересы труженика».

Как видите, Петра Филипповича жестоко обидели. Не поняли его лучших чувств и светлых помыслов. Не пошли навстречу скромному труженику, чуть было не сокрушившему частнособственнические устои.

И вот теперь Петр Филиппович пишет во все концы. Жалуется на «бездушно-бюрократические отношения некоторых судебных органов». И просит «вмешаться в это дело».

Ну, и вот мы вмешиваемся. И даже хотим выдвинуть такую — наверное, крамольную с точки зрения некоторых статей гражданского кодекса — идею.

Давайте в самом деле пойдем навстречу Петру Филипповичу. Вот, скажем, требует он себе половину того дома, что куплен был Анной Ио-

сифовной, — надо отдать. Требует взыскать со своей бывшей благоверной 854 рубля 64 копейки «за приобретенные доски, распиловку последних, изготовление 60 шт. парниковых рам, а также приобретение оконных стекол, какими были застеклены парниковые рамы на площади 90 кв. метров» — надо взыскать. Настаивает на полюбовном дележе доходов от спекулятивных помидорчиков — надо разделить дивиденды поровну. И так далее.

А что же, вы спросите, потом?

А потом неплохо было бы поставить Петра Филипповича рядом с Анной Иосифовной и задать им ряд наводящих вопросов. И по выяснении обстоятельств взыскать с того и другого ответчика поровну все то, что они в тесном творческом содружестве награбили на одесском рынке.

Кстати, это пошло бы и еще кому-то на пользу, ибо, как сообщает нам Петр Филиппович, Анна Иосифовна «нашла теперь другого заместителя, каковой является очередной жертвой».

Впрочем, мы не настаиваем на нашем предложении. Как говорят, возможны варианты. Мы только вмешались в это дело по просьбе самого Петра Филипповича. А уж он, как неподкупный труженик, беззаветно сражающийся со скверной паразитического хищничества, надеемся, нас поддержит.

№ 32, 1961 г.

М. Ланской
ОКРУЖЕНИЕ ЧАШКИНА

Письмо из милиции извещало дирекцию и местком, что товаровед Чашкин был подобран на улице в состоянии сильного опьянения, а во время погрузки на машину оказал словесное и физическое сопротивление.

Письмо это было не первым, и вопрос о Чашкине, давно висевший в воздухе, встал наконец ребром. Нужно было реагировать.

В месткоме мнения разделились. Одни считали, что Чашкина пора окружить презрением. Другие предлагали окружить его заботой и вниманием.

Первую точку зрения отстаивал инспектор Колдобин. Речь его и по форме и по содержанию напоминала дубину средних размеров.

— Чего с ним чикаться, с этим прохвостом? — вопрошал Колдобин. — Давайте дружно, всем коллективом плюнем ему в морду, и дело с концом. А не поможет — дадим коллективно по шее, и пусть катится на все четыре стороны.

Прямо противоположную позицию занял юрисконсульт Слюнявушкин.

— Это проще всего, — говорил он, — отмахнуться от живого человека, оттолкнуть его, сбросить со счетов, унизить его человеческое достоинство. Дмитрий Чашкин молод, холост, одинок. Задумывались ли мы? Знаем ли мы, отчего и почему он пьет? Не задумывались и не знаем. Пробовал ли кто-нибудь из нас приласкать Чашкина, пожалеть его, посочувствовать? Не пробовал! Давайте проявим чуткость, завоюем его признательность, окружим дружеской заботой, вниманием и пониманием. Согреем его душу теплом наших сердец, и она раскроется перед нами во всей своей красоте.

Речь Слюнявушкина произвела впечатление. Сторонники окружения презрением смущенно молчали. Только инспектор Колдобин попытался возражать. Но потом все-таки сдался.

— Черт с ним! — сказал он. — Окружайте Чашкина хоть ватой. Но давайте по крайней мере предупредим его и скажем: «Если ты, скотина, еще раз…»

Тут приверженцы окружения заботой не дали Колдобину договорить и дружно зашумели:

— Что вы! Таким шагом мы все испортим! Разве можно травмировать человека!

Председатель месткома страдальчески махнул

рукой. Прения закончились. Предложение Слюнявушкина было принято к исполнению.

С этого дня для Чашкина началась странная жизнь, полная приятных неожиданностей. Раньше, бывало, после сильной выпивки он приходил на службу придавленный чувством тяжелой вины. Он прятал от сослуживцев припухшее лицо, терпеливо выносил их иронические замечания и боязливо ждал встречи со своим непосредственным начальником — завотделом Куропятовым.

Никогда не страдавший излишней деликатностью Куропятов разговаривал с товароведом, наступая на все мозоли сразу:

— Послушайте, молодой человек, вам давно пора переменить фамилию на более точную. Какой вы Чашкин? Вы Рюмкин, Стопкин, на худой конец Шкаликов, а еще лучше — Полулитров. Хочу дать вам еще один дружеский совет: когда приходите с похмелья на работу, закрывайте лицо чадрой — есть такие занавески, которыми пользуются дамы на Востоке. А то этот ваш репчатый лук и другие фитонциды, которыми вы закусываете, создают в отделе чересчур экзотическую атмосферу.

За малейшую оплошность Куропятов взыскивал с Чашкина втройне.

И вдруг все волшебно изменилось. Проинструктированные Слюнявушкиным, сотрудники отдела включились в операцию окружения Чашкина заботой. Стоило теперь Чашкину появиться с головой, трещавшей по всем швам, как навстречу ему устремлялись взоры, полные братского сочувствия и дружеской тревоги. Никто не попрекал его опозданием. Прекратились всякие смешки и ядовитые реплики. От стола к столу неслись озабоченные возгласы:

— Чашкин нездоров… Митеньке опять плохо… Тише, товарищи, у Чашкина голова болит!

Даже завотделом Куропятов вызвал его к себе и после долгих откашливаний сказал:

— Ты, брат Чашкин, береги себя… Может, тебе для здоровья полежать нужно часок-другой, так ты не стесняйся — вот тебе диван, ложись, поправляйся…

— Что вы, Алексей Кузьмич! — смущался вначале Чашкин. — Как же так? Все кругом работают, а я вдруг завалюсь…

— Это пустяки, — успокаивал его Куропятов, — все работают, потому что им так положено. А ты у нас один такой… окруженный… Мы за тебя в ответе.

Слюнявушкин ловил Чашкина в коридоре,

брал за руки, ласково заглядывал в глаза и сладчайшим голосом приговаривал:

— Ну как, Дима? Опять перехватил? Ай-ай-ай! Как ты нас огорчаешь! Смотри, какие у тебя глазки нехорошие. Возьми конфетку мятную, пососи… Как у тебя с деньжонками? Профукал, наверно, до получки не дотянешь? Пиши заявление в местком. Пиши, пиши, я поддержу, изыщем. А насчет выпивки, ты уж постарайся, воздержись. Сразу, конечно, не бросить, я понимаю, но ты потихоньку отвыкай, помаленьку… Мы подождем.

Чашкин удивлялся и пил с удвоенной силой. На службу он теперь приходил, когда хотел, и уходил, когда вздумается. Его потребность в заботе все возрастала. Схватив как-то юрисконсульта за шиворот, он с укоризной сказал ему:

— Плохо ты, Слюнявушкин, окружаешь меня. Заботы не вижу. Я на тебя жаловаться буду. Дай пятерку сироте.

Зато если выпадали светлые дни и Чашкин являлся трезвым, Слюнявушкин ходил гордый, потирал руки и говорил всем встречным:

— Видали Чашкина? Как стеклышко! Начинает поддаваться.

Но обычно после такого просвета Чашкин вовсе исчезал на несколько дней и возвращался одно-

временно с очередным письмом из вытрезвителя. В таких случаях Слюнявушкин сокрушался:

— Мы виноваты! Недоокружили! Ослабили заботу. Давайте пошлем Митеньку в санаторий. Сразим его повышенной чуткостью!

Путевку Чашкину пообещали, но не успели вручить, как произошло событие из ряда вон выходящее.

Однажды в отделе появился могучий старик саженного роста, с пудовыми кулаками. Его свели со Слюнявушкиным, и он представился:

— Здравствуйте, я Чашкин, отец Митьки Чашкина, того самого, что у вас тут околачивается.

— Очень рад! — воскликнул Слюнявушкин. — А мы и не знали, что у него отец в наличии.

— Я в колхозе кузнецом работаю. Митька писал, что он на ответственной работе сидит. А на прошлой неделе приехал к нам сосед из города и рассказывает, что Митька больше по пивным шатается, чем работает. Вот я и приехал, чтобы самолично удостовериться. Верно ли?

Слюнявушкин стал горячо защищать Чашкина-сына и подробно разъяснять сущность тактики окружения заботой.

Старый кузнец выслушал, не перебивая, усмехнулся в продымленные усы и сказал:

— Окружаете, значит. Ну-ну... Вот и я его сегодня тоже окружу.

И, не сказав «спасибо», не попрощавшись, ушел.

Какой смысл заключался в последних словах старика и какую именно педагогическую систему избрал он для перевоспитания своего сына, никто не знал, но эффект был потрясающий.

Уже на другой день Дмитрий Чашкин явился на службу раньше других и поразил всех смиренностью своего облика, деловым усердием. Он не отрывался от бумаг, лишь время от времени осторожно поглаживая бока и лопатки.

Прошла неделя, другая, и перерождение Чашкина стало фактом. Более старательного и аккуратного работника трудно было сыскать. А когда при нем произносили слово «водка», он вздрагивал, как мышь при виде кошки. Выздоровление было полным и окончательным.

На очередном заседании месткома Слюнявушкин торжественно доложил об одержанной победе.

— Можем себя поздравить, товарищи, — говорил он. — Мы своего добились — не дали человеку упасть. Удержали. Больше Чашкин в нашей заботе не нуждается!

Это сообщение было встречено с радостью, потому что всем порядочно надоело участвовать в операции окружения Чашкина.

На товароведа перестали обращать внимание. Свободно вздохнул и завотделом Куропятов. Он стал по-прежнему покрикивать на Чашкина, хотя и называл его теперь мягче: «бывший Рюмкин» или «бывший Стопкин-Запивонский». Взыскивали с Чашкина за всякую малость, и он принимал это как должное.

Когда подошло время летних отпусков, Чашкин как-то перехватил Слюнявушкина в коридоре и робко напомнил:

— Василий Васильевич, мне местком путевочку обещал в санаторий. Нельзя ли сейчас, к отпуску получить? Что-то здоровье подкачало…

Слюнявушкин изумленно посмотрел на Чаш-

кина и покачал головой:

— Удивляюсь вам, товарищ Чашкин. Никакой у вас скромности. Мы на вас и так годовой запас чуткости израсходовали, а вы… Нехорошо! Довольно! Живите, как все живут. Нам теперь вахтера Кандыбу окружать надо — пятнадцать суток человек за хулиганство просидел, травмирован. Все силы сейчас на него бросим.

И, помахав рукой, Слюнявушкин умчался.

Чашкин долго смотрел ему вслед, потом плюнул и пошел…

Куда?.. Кто его знает! Теперь это никого не волнует: окружение снято.

№ 5, 1962 г.

Я. Дымской
НАТУСЯ

Жена всегда права.

Огорошив холостого читателя этим интригующим вступлением, мы переходим непосредственно к рассказу.

Наталья Васильевна, молодящаяся женщина средних лет и вышесредней комплекции, лежала на малогабаритной для нее тахте и читала однотомник Ремарка. В тот самый волнующий момент романа, когда она всеми фибрами души почувствовала, что ее неудержимо клонит ко сну, хлопнула входная дверь, и в комнату вошел Николай Петрович.

— Прошу встать, муж идет! — патетически произнес он голосом Левитана и, положив упитанный портфель, устало опустился на стул.

— А, это ты, Николаша! — обрадованно сказала Наталья Васильевна и встала. — Наконец-то! Я уже заждалась. Ну как, был в главке?

— Был. У самого начальника. Меня, оказывается, вызвали…

— А почему не в отделе кадров?

— Я сперва пошел туда, но начальник отдела…

— Он мужчина или женщина?

— Женщина. Она пошла со мной…

— Молодая?

— Вероятно, твоего возраста. Мы с ней…

— Красивая?

— Я не обратил внимания! Она сказала мне…

Пухлые пальчики Натальи Васильевны нежно легли на губы мужа.

— Мне все это совсем не интересно, милый! — проворковала она. — Я хочу знать, что было у начальника.

Николай Петрович усмехнулся.

— Но ты же сама меня перебиваешь, — сказал он, пожав плечами. — Так вот, когда мы вошли к начальнику главка…

— Он мужчина или женщина?

— Мужчина. Он подробно расспросил меня…

— Молодой?

— Кажется, моих лет. Его интересовало, как я руковожу цехом…

— Он предложил тебе сесть?

— Конечно. Я рассказал ему…

— А мебель у него в кабинете красивая?

Николай Петрович недоуменно уставился на жену.

— Мебель? При чем тут мебель?

Наталья Васильевна насмешливо хмыкнула.

— Это ты скажи, при чем тут мебель. — Она укоризненно покачала головой. — Можно подумать, что тебя пригласили в главк для мебели. Вместо того, чтобы рассказать, зачем тебя вызвали, ты все время говоришь о каких-то пустяках.

— Я говорю о пустяках?! — саркастически произнес Николай Петрович. — Да-а-а!.. Ну, ладно, короче говоря, начальник главка познакомил меня с директором одного машиностроительного завода…

— Он мужчина или женщина?

— Он с усами! Директор описал мне…

— Молодой?

— Лет тридцати — шестидесяти!! У них на заводе не ладится операция…

— А что делали остальные, пока вы разговаривали?

Николай Петрович хрустнул пальцами и нервно сказал:

— Сидели. Стояли. Ходили. Слушали. Говорили. Пели. Выбери сама, что тебя больше устраивает.

— Меня не устраивает, милый, — нежно произнесла Наталья Васильевна, — что ты двух слов сказать не можешь и сам же еще сердишься.

— Я не сержусь, — сердито проворчал Николай Петрович. — Я… я… я… показал директору чертежи наших приспособлений для этой операции…

— Они у тебя были с собой?

— Нет, я показал их заочно!.. Одним словом, в конце беседы начальник главка…

— А сколько времени ты пробыл у него в кабинете, Николаша?

— Ну, какое это имеет значение? — воскликнул он дребезжащим фальцетом. — Опять ты не даешь мне досказать. Просто бред какой-то!

— Я не даю тебе досказать? — печально произнесла Наталья Васильевна. — Я целый день, как дура, волновалась, зачем тебя вызвали в главк, а ты… ты…

Она безнадежно опустила голову и приложила платок к глазам. Николай Петрович беспомощно развел руками и примирительно сказал:

— Но ведь я, Натуся…

— Спокойствие жены, — гробовым тоном перебила Наталья Васильевна, — для тебя ничего не значит.

— Но ведь ты, Натуся…

— Для тебя нет большего удовольствия, чем расстроить жену.

Николай Петрович вздохнул и, подойдя к окну,

стал молча смотреть на улицу. Наталья Васильевна жалобно высморкалась и прерывающимся голосом сказала:

— Еще не было случая, когда бы ты признал свою неправоту. Что бы я ни сказала, ты всегда говоришь наперекор. Никогда не даешь мне слова вымолвить. — Она горестно всхлипнула и, обращаясь к спине безмолвствующего мужа, с надрывом прошептала: — Довел до слез, а теперь еще кричишь на меня. Замолчи сейчас же! Слышишь? Я тебе говорю.

Николай Петрович обернулся и спокойно, ровным голосом сказал:

— А в конце беседы начальник главка предложил мне должность главного инженера на этом машиностроительном заводе. Я подумал и согласился.

— Правда, Николаша? — воскликнула Наталья Васильевна, безо всякого перехода сменив надрыв на ликование. — Ой, как это здорово! Почему же ты мне сразу не сказал?

— Сразу? — усмехнулся Николай Петрович. — Я пытался, но, видимо, не сумел. Ты уж меня, Натуся, прости, пожалуйста!

— Эх, ты! — Натуся взъерошила мужу волосы. — Никогда ничего не можешь толком рассказать. Ну что с тобой поделаешь? Прощаю.

№ 8, 1962 г.

Владимир Константинов, Борис Рацер
ЭНТУЗИАСТ

Сережа слыл энтузиастом,
Его в райкоме каждый знал,
И секретарь довольно часто
Его в речах упоминал.
Он был в Кузбассе и в Каховке,
На Ангаре и на Двине,
Он с комсомольскою путевкой
В колхозе был на целине.
Как только к нашей молодежи
С призывом обращался съезд,
Овладевала вмиг Сережей
Охота к перемене мест.
Уже буквально через час он
Летел с газетою в райком
И заявлял там громогласно,
В грудь ударяя кулаком:
«Желаю быть я в самой гуще,
Нет, слава мне не дорога,

Готов хоть в самый отстающий,
Готов хоть к черту на рога!»
Оформив нужные бумажки,
Забрав подъемные сполна,
Он через день под звуки маршей
Махал фуражкой из окна.
Но вот недели через две
Он пропивал последний рубль,
Подъем, конечно, шел на убыль,
И наш герой опять в Москве.
Опять до нового «подъема»...
А через месяц или два
Влетит он в здание райкома,
Бросая громкие слова:
«Готов пахать и строить домны,
Доить коров, рыть водоем!..»
По окончании подъемных
Опять пройдет его подъем.

№ 12, 1962 г.

Яков Костюковский
БАНКЕТ

Свой двор он тайно обожал,
Наш дворник дед Егор,
И не случайно содержал,
Как королевский двор.
Махал метлой что было сил
И славил свой удел,
«Сто грамм с прицепом» он не пил,
«Шумел камыш» не пел.
Хвалили лучшие умы
Наш двор. И оттого
На дворника молились мы —
Придворные его.
Он был достоин похвалы,
Но день настал — и вот
Старейший труженик метлы
На пенсию идет.
— Его я знаю много лет,
Он славный человек,

Устроим в честь его банкет! —
Сказал начальник жэк.
Немало слов родил наш век,
И я охотно вам б
Здесь объяснил, что значит жэк,
Но жэк не лезет в ямб.
Однако дело тут не в том,
Не в ямбе корень зла,
А дело в том,
Что кувырком
Работа жэк пошла.
Все занялись банкетом здесь!
Ведь званы на банкет
Райторг, райплан, короче, весь
Райгенералитет.
Начальник жэк был жук и жох,
А может, жох и жук,
Он знал, кто любит суп-горох,
А кто — уху из щук.
Он сразу выяснил тайком,
Что ест райфин пилав,
Что трезвенник — райвоенком,

Что язвенник — райздрав.
И что в мясной цыплята есть,
И секретарь РК
По воскресеньям любит есть
Цыпленка-табака.
Начальник жэк был жох и жук,
А может, жук и жох,
Он применил тончайший трюк,
Чтоб был банкет неплох.
Он втер бухгалтеру очки,
Пролез в ушко иглы:
Бычки оформил как бачки,
Котлеты — как котлы,
Кефаль — как кафель,
Лук — как лак,
Шпинат — как шпингалет,
Как печки — почки — словом, так,
Чтоб был неплох банкет.
Балык как балку он притом
Оформил мастерски,
А деньги на борьбу с грибком
Пустил он на грибки.

Вот долгожданный час настал,
Однако, как назло,
В украшенный банкетный
зал Начальство не пришло.
Напрасно ждали час, другой —
Его все нет и нет.
Начальник жэк махнул рукой
И отменил банкет.
Но не о том я вел рассказ,
Что жук начальник жэк,
Что плачут денежки сейчас...
Нет, плачет человек!
Как праздника, банкета ждал
Наш дворник дед Егор.
Он весь истратил капитал
Жене наперекор.
Он ей купил на платье шелк,
Эмалевый браслет,
Он в ресторан впервые шел
За семь десятков лет.
Вверх по ступенькам тяжело
С женой поднялся он...

Но раз начальство не пришло,
Банкет был отменен.
И, не промолвив ничего,
Ушел печальный дед.
Теперь он понял, для кого
Затеян был банкет.

№ 14, 1962 г.

Лев Кассиль
ТАК-ТО, БРАТ ПУШКИН!

Что там ни говори, а шибко пошла в ход культура на Западе! Нынче в Америке и Западной Европе без нее шагу не ступишь. Не подкультуришь — не продашь... И подавай покупателю что-нибудь этак пошекспиристей, порафаэлистей!

Могут сгодиться и те имена, что обессмертили себя по части музыки. Великие композиторы хорошо идут в дело. Особенно под пиво.

Увидев на рекламной странице газеты «Сан-Франциско кроникл» большие портреты Бетховена, Брамса, Баха, я подумал было, что вся эта полоса отведена под публикацию издательства, выпускающего ноты, или фирмы, занимающейся производством роялей. Смутило меня, правда, скромно притаившееся в углу полосы изображение предмета, никак не причисляемого к категории музыкальных инструментов, а именно пивной бутылки. Но затем я прочел строку, напечатанную сверху на той же странице: «Пиво фирмы Рэнье делает первый шаг в борьбе за культуру». Это озадачило меня еще больше.

Смутившись и опустив глаза долу, я прочел внизу под портретами великих композиторов пространное пояснение, втолковывавшее читателям, как они должны поступить, чтобы решиться на «первый шаг в борьбе за культуру».

Фирма разъясняла, что сегодня, чтобы прослыть культурным, интеллигентным человеком, мало лишь пить пиво. Желательно было бы, чтобы при этом потребитель продукта фирмы Рэнье был еще облачен в «спортивный свитер категории три «Б» (Бетховен, Брамс, Бах). Набранный громадными буквами, занимающий весь центр большой газетной полосы, призыв гласил:

БУДЬТЕ ПЕРВЫМ ИНТЕЛЛИГЕНТОМ СВОЕГО ОКРУГА

БУДЬТЕ ПЕРВЫМ ОБЛАДАТЕЛЕМ СПОРТИВНОГО СВИТЕРА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БЕТХОВЕНА, БРАМСА или БАХА!

Портрет одного из вышеупомянутых «Б» украшает свитер, который предлагают вам прислать по почте пивовары фирмы Рэнье. Тут же эта почтенная пивоварня сообщает, что она, стремясь «нести культуру в массы, финансирует ежевечернюю часовую музыкальную программу классической музыки». Очевидно, фирма предлагает своим рвущимся к высотам культуры

потребителям потягивать пивцо и одновременно акать в такт Бетховену, Брамсу или Баху…

Фирме Рэнье понадобились для рекламы целых три «Б». Более экономная западногерманская фирма Штейнхаген в Вестфалии обходится одним «П». На одной из страниц журнала «Дер Шпигель» нарисован человек в жокейском картузике, со стеком, спортивным кубком в руках и стаканом, который он подставил своему собутыльнику — медведю. А над этим красуется огромная надпись: «Пушкин — для настоящих мужчин». Тут же на рекламе запечатлена бутылка с царским гербом, русской надписью «Столовая водка» и немецкой этикеткой: «Пушкин».

Отдельно под большим гербом бывшей Российской империи напечатан следующий диалог между господином в жокейском картузике и его собутыльником-медведем, который держит в лапах бутылку:

«— Будем здоровы, Пушкин!
— Крепкие капельки…
— Превосходный вкус!
— …И не пахнет.
— Даже больше того…
— Пушкин — для настоящих

мужчин!»

Иван Александрович Хлестаков в свое время, как говорится, заливал, что он «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все...»

Сегодняшний Хлестаков из Вестфалии с Пушкиным уже не только на дружеской, но и на коммерческой ноге. Сегодня он уже «заливает» в самом прямом смысле этого слова бутылки своей фирмы водкой, которую не стесняется настоять на славе великого русского поэта.

Для торгаша нет ничего святого. Ему все одно, что отрыгнуть под Бетховена, что наклюкаться под Пушкина, что нажиться на бюстгальтерах под Венеру Милосскуго.

Так-то, брат Пушкин! Вот оно как, друг Брамс, приятель Бах и кум Бетховен!..

№ 15, 1962 г.

В. Фролов
ПОДКУПИЛ

Битый час Федор Петухов убеждал следователя, что он никакой не спекулянт и сам всей душой ненавидит жуликов. А следователь, пропуская это мимо ушей, задавал один и тот же вопрос:

— Так откуда же все-таки, Петухов, вы привезли свежие фрукты, с которыми были задержаны на рынке?

— Опять купи меня за гривенник, продай за грош! — досадливо взмахнул руками Петухов. — Да ни к чему нам возить их. Мы сами фрукты... выращиваем. Сызмальства пристрастен. Бывало, отец скажет: «Чего, Федюшка, все дома сидишь? Беги, играй с дружками». «Нет, — говорю, — папаня, не пойду. Я лучше за яблоньками ухаживать буду».

— Ишь ты, — улыбнулся следователь, — юннат-ом, значит, были?

— Чего?

— Природой, говорю, увлекались?

— А-а! Сызмальства увлекался.

— При обыске у вас в одном ящике на дне на-

шли джонатан. Где вы взяли?

Петухов испуганно вытаращил глаза:

— Чего нашли? Врут! Ничего я не прятал на дне. Одни яблоки в ящиках были.

— Джонатан, Петухов, и есть яблоки. Южный сорт. — усмехнулся следователь и сурово заключил: — Ну вот что, юннат! Хватит наводить тень. Будем судить вас.

— За что? — подскочил на месте Петухов. — Я справку от сельсовета могу принести, что яблоки из своего сада.

— Несите, только быстрее, — предупредил следователь. Тот умчался и вскоре уже стоял у стола секретаря сельского Совета.

— Ты что? — спросил секретарь. — Штраф за потраву решил наконец заплатить?

— Заплачу, Андреич, ей-богу, заплачу. Дай срок. Мне бы сначала справочку, будто я свой сад, значит, имею.

— Это когда же он у тебя вдруг вырос? — удивился секретарь. — И зачем тебе справка?

— В милицию. А я б тебя… На вот, возьми на гостинцы детишкам.

Петухов сунул в руку секретаря помятую десятирублевую бумажку. Тот посмотрел на деньги, подумал, почесал за ухом, потом сел и, спрятав в

ящик стола десятирублевку, быстро написал на бланке справку.

— На, — сказал секретарь. — А теперь убирайся быстрее.

Петухов схватил справку, поспешно сунул ее в карман пиджака и был таков. К следователю он входил с надменно оскорбленным видом.

— Вот, возьмите, — небрежно бросил Петухов справку на стол. — Я не спекулянт какой-нибудь… Я сызмальства…

А пока Федор Петухов изливал обиду, следователь читал справку:

«Справка

Дана настоящая Петухову Ф. Г. в том, что им уплачен штраф в сумме десяти рублей…»

№ 16, 1962 г.

Юрий Алексеев
ОТ ПЕЧКИ

Отсмотрев воскресную телепередачу, работник живорыбной базы А. Я. Демидов ощутил предрасположенность к публичным рассуждениям по вопросам культурного просвещения. В итоге получилось письмо в редакцию, дающее толчок полезным мыслям.

> «Из Дома культуры имени Ленсовета передавали концертное представление… Я от своего имени скажу, что такая пошлятина не представляет особой ценности в багаже культурного просвещения… К примеру, был показан отрывок «Одажио» из одного балета. Выбегают на сцену двое: он и она. Она от него убегает, он ее ловит и, поймав ее, ухватывает ее за талию, за голые ноги, поднимает ее над головою и делает с нею всевозможные выкрутасы, а она у него в руках изгибается, как змея. К чему это?»

Действительно, к чему? Даже при наличии

избытка чувств вовсе не обязательно ухватывать человека за талию. Мог бы без выкрутасов подойти к ней, занозе, по-хорошему, по-товарищески пожать руку, поднести букет иван-да-марьи или угостить подсолнухом. А поднимать над головой совсем уж ни к чему: непедагогично и опять же нарушение техники безопасности. И потом, неужели мы так обедняли, что не в силах обеспечить балерину, скажем, охотничьими сапогами для сокрытия голизны ног?

> «Еще пример: «Известно ли для науки, какая народность или национальность могла когда-то или в данный момент разговаривать нараспев? — с намеком спрашивает тов. Демидов. — Это относится к опере, да еще под музыку. Я полагаю, что только людям, которые заикаются и не могут выговаривать слова, легче разговаривать нараспев… Я по-своему считаю, что на сцене должно передаваться натуральное, то, что могло где-то, когда-то и с кем-то быть в действительности, и к тому же скромное, но поучительное: спектакль, драма, трагедия, комедия и прочее. Но ни в коем случае какая-то выдумка».

Это уж точно! По слухам, первый оперный театр появился в качестве филиала лечебницы для заик. Потом, конечно, от частых песнопений заики обучились говорить нормальным житейским голосом, но в драму или трагедию хитрецы не подались, дабы сохранить непрерывный стаж. Они, эти хитрецы, вообще горазды на всякую диковинку. У них там тридцать три богатыря вылезают из моря на пляж без аквалангов. Или объявляется антиатеистический леший по кличке Мефистофель и прочая выдумка с излишеством в виде музыки.

Зачем, скажем, этот самый Ленский тянет нараспев: «Куда, куда, куда вы удалились?» Не проще ли было бы спросить по-деловому: «Куда и зачем ушли? И скоро ли возвратитесь?» Или для чего нескромная пальба в виде дуэли? Ее можно вполне заменить товарищеским судом при домкоме по месту жительства Онегина. Получилось бы очень поучительно. Тем более товарищеских судов под музыку не бывает. Значит, открылась бы возможность сократить оперный штат за счет оркестра, где одни инструменты стоят многие тысячи. Взять арфу, например. Сколько загублено лесу и проволоки, потребных народному хозяйству!

«Может, я плохо разбираюсь в данных действиях, как в музыке, так и в танцах, — скромничает тов. Демидов. — Но я могу твердо заявить, что предыдущая телепередача была несравнимо лучше. Там были показаны русские танцы и песни, выход и приглашение к танцу и проводы молодым человеком барышни после танца».

Мысль понятная. Почему бы, в самом деле, не предоставить милым сердцу тов. Демидова танцам и пляскам неделимую монополию, попридержав запретительным циркуляром все иное прочее?

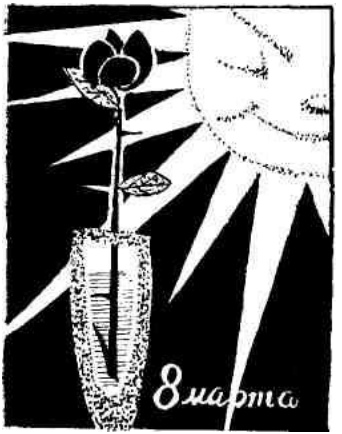
Справедливо отметив, что, окромя непотребной оперы и бесстыжего балета, имеют еще место «немыслимые джазы и танцы», от коих только один «писк, визг, шум, гром и более ничего», тов. Демидов деликатно заключает:

«Не хочу делать какой-то переворот в этом направлении, но желательно, что кто более компетентен в культурном просвещении, чтобы вошли в рамки и не занимались тем, что не соответствует русской народности».

Тонкое, а главное, своевременное замечание! Как это допустили всякие «липси» и прочие сомнительные новинки, которым обучают даже в танцевальных школах? Не похвальнее было бы поощрять только привычное и устоявшееся? Иначе можно зайти в огорчительный тупик. Приведем доказательство.

В квартире одного москвича провели паровое отопление и, понятно, сломали печь. Так он теперь не может танцевать на дому. Не знает, откуда начинать. Не от батареи же!

Вообще непривычное и новое травмируют глаз, склонный к прямолинейному видению. А вот, например, издательство «Советский художник» этого не учло. Оно выпустило к Женскому дню одну открытку.



«Разве такую открытку можно назвать художественным произведением? — пишет по сему поводу А. Н. Сотникова. — Миллионы женщин будут недоумевать, красиво это или нет. Просим поздравить издательство с потерей реалистического направления».

Действительно, с какой целью издательство повергло Анну Николаевну в тягостное недоумение, отступив от поздравительного сахарно-акварельного стандарта?

Ну что стоило легко, не напрягаясь, изобразить

на открытке карамельного школьника, преподносящего приятной во всех отношениях маме жирную пятерку в дневнике, и чтобы можно было разглядеть на ней через лупу, что задано на дом по ведущим предметам.

Вот это было бы вполне натурально. Привычка — вторая натура. А она, натура, себя выказывает. Она требует, чтобы все окружающее во всем ей соответствовало. И потому всякие вольные изменения вызывают принципиальные нарекания.

> «Посмотрите, — докладывает в редакцию Серафима Андреева, — мужчины уже не похожи на мужчин, а за женщин и говорить стыдно… Наши модницы-стиляги уже года два показывают колени».

Достоверное сообщение. Люди действительно стали гоняться за расцветкой, фасоном и так называемой модой. Это порочно. Одежда служит не столько для красоты, сколько для прикрытия наготы. Веселенькая расцветочка и безответственный покрой — все это от лукавого.

Костюм, например, надо выбирать с расчетом и обстоятельно: вначале подпалить его слегка спичкой, потом помять в ладонях до треска, попробовать на разрыв. Если костюм все эти ис-

пытания выдержал, тогда его следует покупать, чтобы в случае надобности можно было ходить в нем и на медведя.

Могут, конечно, возразить: не всем же ходить на медведя. Мол, не хватит на всех медведей. Ничего, тогда стойкий во всех отношениях костюм пригодится для тушения пожара.

В общем, над всем вышеизложенным надо крепко подумать. Люди в основном почему-то увлеклись декоративной живописью, стали разно одеваться, исправно посещать оперу, балет и даже выступления джаз-оркестра. И мало того что посещают! Им даже нравится!

> «Как становится больно и обидно за людей, — искренне сокрушается тов. Демидов, — которые производят аплодисменты и вызывают такую пошлость на бис, тогда как требуется освистать такие номера».

А может, и вправду освистать? Конечно, закладывать три пальца в рот не очень скромно и не совсем поучительно. Но если уж столкнулся с чем, особо нетерпимым, не грех и откинуть прочь ложную деликатность. Хотя бы по примеру поборников нравственности из почтового отде-

ления г. Краснослободска.

Однажды они обнаружили на страницах сатирического журнала, доставляемого гражданину К., предосудительно голые ноги. Ноги, разумеется, женские, потому как мужские, особенно у кавалеристов, скромны и поучительны.

Гражданину К. немедля, в порядке профилактики, прекратили доставку журнала на дом. И тогда краснослободский вольтерьянец стал бегать на почту сам.

Волей-неволей блюстителям нравственности пришлось пустить в ход три пальца.

— А вот и любитель голых баб пришел! — изо дня в день резали правду-матку строптивому подписчику, едва он переступал порог почты.

Терпение и труд все перетрут. Не устояв перед откровенной товарищеской критикой, гражданин К. пал ниц и отказался от подписки.

В общем, как видите, по линии самодеятельного наступления на адажио, ненатуральное смутьянство уже имеется скромный опыт.

Однако наступление это как-то ослаблено скромным служебным положением атакующих. Тот же Демидов, увы, не директор театра или филармонии. Реального административного давления на дело культурного просвещения ему

оказать не дано.

Но как выиграет дело скромности и поучительности, ежели стоишь у руля и можешь проявить административную мудрость! Взять, к примеру, народного просветителя тов. Сидоренко С. В. Он не просто просветитель, но и директор школы — ему, стало быть, дано право пресечения. И он не оплошал.

Под угрозой отстранения от занятий тов. Сидоренко С. В. Приказом № 3 запретил учителям появляться на уроках в узких брюках.

Это уже не самодеятельность, а доподлинный приказ с исходящим номером.

Пусть не совсем удобно ходить в брюках, где под каждой штаниной можно спрятать астраханский арбуз; пусть кое-кому до изнурения надоели карамельно-акварельные поздравления; пусть недозрелая публика требует, чтобы ей наряду с исконными переплясами показывали и современные танцы. Все это блажь, не стоящая внимания. Но сколь выигрывает зато в просветительном балансе натуральная идея скромности и поучительности! Сколь пристойно начинать каждое культурное дело от теплой, пахнущей дымком и валяным сапогом домашней печки!

№ 17, 1962 г.

Руслан Киреев
ПОДВИГ РОБИНЗОНА

Я думаю,
что было бы резонно
Нам вспоминать почаще Робинзона.
Я подвиг славный ощущаю остро.
В восторге от него.
Я покорен
Не тем,
что необжитый, дикий остров
Сумел обжитым сделать Робинзон;
Не тем,
что не терял к труду охоты
И Пятницу воспитывал в труде;
Не тем,
что расширял объем работы
Он каждый год,
вернее, каждый день;
Не тем, что он,
борясь с природой стойко,

Посевы увеличивал, постройки;
Не тем,
что ни зимою и ни летом
Не допускал,
чтоб в чем-то был провал, —
А тем я восхищаюсь,
что при этом
Он штаты никогда не раздувал!

№ 22, 1962 г.

Александр Лацис
ОПАСНАЯ МЫСЛЬ

Откуда взялся писатель Триптих, точно неизвестно. Говорят, что раньше он служил в граммофонном отделе универмага.

Последнее время Триптиху не по себе.

Многие лета на обсуждениях, дискуссиях, юбилеях Триптих выступал по своей испытанной системе.

Слушал трех-четырех ораторов, ухватывал главное направление и начинал быстро и взволнованно выражать совершенно то же самое. Ради придания речи творческого своеобразия, писательского колорита в ход пускались испытанные приемы, а именно: непосредственность, взволнованность, пафос, жизненные примеры и наблюдения.

Из этого Триптиха, может, получился бы талантливый актер-импровизатор. Ах, как он изображал взволнованность!

Особенно хорошо удавались заранее придуманные оговорки, работавшие на графу «непосредственность». Вы как бы присутствовали при

кипении, бурлении, клокотании мысли. Не сразу находит оратор нужное, точное слово:

— Пусть на меня обидится уважаемый автор, вот. Но я не могу не сказать, дорогие мои, о моем невыразимом, вот, волнении. О том впечатлении, которое на меня произвела его книга. Это праздник, вот. Как сейчас помню, я ехал в поезде. Ехал я в поезде. Кругом раскинулись необозримые поля, луга, одним словом. Вот. Вы понимаете, что я хочу сказать? Нет, почему же огороды? Совсем не огороды. Просторы, вот. Эта книга — она зовет. Она зовет нас вперед, и я протягиваю руки и говорю: давайте вместе идти вперед! Именно такие книги нужны нам, товарищи! Они зовут нас в это прекрасное, светлое. Вот в это они нас зовут. Вот.

Много лет держался Триптих на одной лишь эмоциональной пене. Если бы Триптих умел создавать афоризмы, он бы изрек: «Я не из тех писателей, которые пишут. Я из тех писателей, о которых пишут».

Репортеры привычно строчили: «С взволнованной, темпераментной речью выступил тов. Триптих» или: «Ярко и убедительно раскрыл…»

Шли годы. Годы шли. Вот. (Извините, очень прилипчивое словечко.) Триптих выступал все длиннее. Репортеры писали все короче. «К этому

именно присоединились тт. Триптих, Ублажаев и Амба». Или: «В обсуждении приняли участие также тт. Триптих, Ублажаев и другие».

Наконец, последний звонок: «Выступили также Ублажаев, Триптих и др.».

Еще один шаг, еще одна ступень — и глухая пропасть забвения, именуемая «и другие», поглотит его звучное имя.

«И другие» означает, что в Домах творчества не будет отдельной комнаты.

«И другие» означает, что, записавшись в прения не сразу, можно вообще не получить слова. А записываться заранее Триптих не может, поскольку, куда гнуть, ему неведомо.

Пропасть забвения была совсем близко. Как пишут в детективных романах, гибель казалась неминуемой. И вдруг Триптих пружинно подскочил и перелетел на другую сторону пропасти, вот, — забвения.

Вместо жизнеутверждающего «вот» теперь он к месту и не к месту вставлял нигилистическое «нет». После трех-четырех ораторов брал слово и весьма эмоционально, опять же задушевно, приводя жизненные примеры и прочая, и прочая, и прочая, начинал возражать предыдущим товарищам:

— Кругом что? Луга, поля, огороды. Да, да, именно огороды. Не просторы, как некоторые утверждали в те нелегкие времена. А в книге нет ничего нового. Эта книга — праздник. Она зовет нас вперед. А я протягиваю руки и отвечаю: нам нужны книги, которые не зовут нас вперед. Не бодрой, не передовой должна быть наша творческая палитра. Нам не нужна жизнеутверждающая литература. Не нам нужна литература.

Его так мутило и выворачивало наизнанку на слове «нет», что даже видавшие виды репортеры терялись. Но затем уверенно находили обтекаемую форму отчета: «С тт. Ублажаевым и Амба не согласился тов. Триптих».

Какая-то девица, воспитанная на чистом Дебюсси с нечистой примесью Би-би-си, призывно верещала в телефон: «Есть новостя. Ужасно смело говорил Триптих. Это было прогрессивное выступление… Заходите ко мне, расскажу подробненько. Я все записала».

Триптих выступал и все повторял: «Нам не давали. Не рекомендовали. Неправильно ориентировали. Не нацеливали писать талантливо, вдохновенно. И потому мы не могли. И я не писал. Талантливо. Вообще не писал. Не имел возможности выразить. Теперь нам создали условия, и

мы выразим».

Какую бы, собственно, мысль выразить? Триптих не затруднял себя таким вопросом. Выражать он не собирался. Решил, что новой пластинки хватит надолго. Можно будет несколько лет хвастать тем, что он, Триптих, ничего не писал, и гордо козырять своей пустотою, яко особого рода доблестью.

Но прошло полгода, год, и даже знойные девицы перестали вслушиваться в монотонные шелестения: «Нам не давали… Мы не могли…»

Писатели между тем писали. Кто как мог. У одних не получалось, у других получалось. Люди работали.

Триптих издавал только звуки. Он ухватывал, подключался и доходил до абсурда, всегда занимая одну и ту же позицию: самую шумную.

Пластинка, впрочем, истерлась удивительно быстро. И снова чуткие репортеры отмечали: «Выступили также Амба, Триптих и другие».

И вдруг Триптих замолчал. Притих. Ибо пришла наконец к нему, к Триптиху, Мысль.

Пришла и ехидно сказала:

Не тот, товарищи, писатель,
Кого не знает наш читатель.

А тот, товарищи, писатель,

Кого читает наш читатель.

Мысль не уходит, буксует на месте. Триптих больше не выступает. Опасно: вдруг забудется, проговорится и эту мысль выразит?

№ 24, 1962 г.

Иозас Булота
«ВЕЛИКОМУЧЕНИК» МОТЕ

Мотеюс Слункис — колхозная молодежь называла его просто Моте — сидел на краю канавы в глубоком раздумье. Разве это жизнь? У всех дяди как дяди, а у него — настоятель костела, да еще где — в Чикаго!

Когда мать получила первое письмо от американского дяди, Моте даже обрадовался: посыплются посылки, можно будет наплевать и на работу в колхозе и на опостылевшую учебу. Да где там! Уже в следующем письме старик писал, что собирается завещать свое богатство «Обществу старых дев». Правда, в конце письма дядя сообщал: «Если мой племянник Моте пойдет по духовной линии, то часть наследства перейдет к нему».

Подумав еще немного, Моте все-таки твердо решил: в ксендзы он не пойдет. А как же доллары? Не оставлять же их старым девам!

...Выпросив у матери адрес дяди, Моте написал в Чикаго очень трогательное и, как ему сначала показалось, очень убедительное письмо:

«Дорогой дядя! Спаси и помилуй! Из школы меня выгнали и в колхозе работы не дают, когда узнали, что ты живешь в Чикаго да еще работаешь настоятелем. Я много думал о спасении своей души и решил идти по твоим стопам, решил посвятить свою жизнь служению господу богу. Помоги мне сделать черную сутану и белую накидку, так как в наших магазинах продают одну только красную материю».

Заклеил Моте конверт и даже сам испугался. Не слишком ли он загнул? Вдруг старик не поверит?

Но чикагский дядя верил, видимо, даже в то, что теперь на литовской земле все деревья растут без листьев.

Поэтому через два месяца Моте получил большую посылку с отличными материалами. Он сшил себе костюм, а остальное выгодно продал.

Вдохновившись, Моте написал в Чикаго, что уже почти готов вступить на духовную стезю, но ему еще надо выучиться играть на органе. А так как коммунисты запретили держать в костеле органиста, то ксензды аккомпанируют друг другу. Не может ли дядя прислать если не орган, то хотя

бы аккордеон?

Дядя снова обидел старых дев и прислал аккордеон.

В новом шикарном костюме, с аккордеоном под мышкой Моте помчался к даме своего сердца Эле. Раньше она работала в клубе, а сейчас, как и Моте, бездельничала.

— Элите, научи меня играть, а я тебе мужа найду.

— А кто он такой? — оживилась Эле.

— Я, собственной персоной!

— Очень ты мне нужен! У тебя ни копейки за душой.

Но когда Эле познакомилась с грандиозными планами будущего обладателя долларов, то стала поглядывать на Моте более ласково.

Моте и Эле сразу же отправились сочинять очередное письмо в Чикаго. Они долго спорили о том, какие вещички выгодно попросить у американского дяди, и не заметили, как в комнату вошел отец Моте. Он взял письмо, бегло просмотрел его и… через минуту явился с вожжами в руках.

— А я и не знал, что ты святой попрошайка…

Моте, взбодренный отцовскими вожжами, пошел работать на колхозную ферму. А с ним и Элите.

Чикагский дядя до сих пор не может понять, почему вдруг замолчал его духовный воспитанник. Не иначе как преследуют его за веру. Бедный «великомученик» Моте!

А чикагские старые девы воздают громкую хвалу господу за спасенные доллары.

Амен!

№ 26, 1962 г.

Вит. Аленин
АНТОН СЕРГЕЕВИЧ СТАНОВИТСЯ ВЕЖЛИВЫМ

Нет, что ни говорите, а характер у Антона Сергеевича, прямо скажем, не ангельский. Тяжелый характер.

Едет, к примеру, Антон Сергеевич в троллейбусе. Кругом люди. И разговаривают они, естественно, на волнующие их темы. Один полный гражданин с печалью информирует знакомого о том, что врачи нашли у него пониженную кислотность. При этом он делает огорчительный жест рукой и случайно задевает Антона Сергеевича.

И сразу начинается.

— Я попросил бы вас не бравировать своей пониженной кислотностью! — вскипает Антон Сергеевич. — У меня у самого митральная недостаточность левого сердечного клапана. Тем не менее я не задеваю посторонних пассажиров...

Полный гражданин, конечно, извиняется, но Антон Сергеевич до конечной остановки продолжает обличать бестактных людей.

Антон Сергеевич очень любит кино. Причем

имеет обыкновение вслух комментировать фильм. Если при этом сосед неосторожно прошепчет: «Тише, товарищ, вы мешаете…», — то сразу же начинается целая трагедия.

— Вы на меня не шикайте, — вскипает Антон Сергеевич, — вы дома на жену шикайте! Или я не имею права высказать свое критическое мнение по поводу данного кинокадра? И вообще мне не терпится увидеть ваш входной билет, поскольку я подозреваю, что вы проникли на это культурное мероприятие зайцем…

И так до конца сеанса.

В одну из августовских суббот Антон Сергеевич вышел из дому в плохом настроении. Виновата в этом была, конечно, соседская девочка, которая с шумом ворвалась на кухню и закричала:

— Сергей Антоныч! Сергей Антоныч! Опять человеков запустили!

— Я не знаю, кого там запустили, — язвительно заметил Антон Сергеевич, — но если речь идет о нравах современной молодежи, тогда я согласен; они действительно крайне распущены. Кроме того, меня зовут Антон Сергеевич, а не Сергей Антонович. А имя-отчество дается людям для того, чтобы не искажать его, не допускать по отношению к нему всякие непозволительные

вольности…

Беседа продолжалась долго, после чего соседская девочка побежала домой плакать, а Антон Сергеевич в мрачном состоянии вышел из дому.

С газетного стенда на него смотрели двое улыбающихся военных с хорошими, открытыми лицами.

«Левого не знаю, — подумал Антон Сергеевич, — а вот правого где-то видел. Кто же это такой?»

И тут Антон Сергеевич вспомнил. Он вспомнил, что однажды вечером он прогуливался по городскому скверу, вдоль занятых скамеек. И вдруг какой-то парень, сидевший рядом с девушкой и аппетитно поедавший эскимо, неожиданно поднялся и добродушно сказал:

— Садитесь, папаша!

И тут снова проявился характер Антона Сергеевича.

— Я вам не папаша, молодой человек, — раздраженно сказал он, — мне такие дети, извиняюсь, ни к чему! И если вы не смогли выбрать другого эпитета, то я отказываюсь занять предложенное вами место. Я лучше буду ходить на своих усталых ногах, а вы — молодой и здоровый — сидите и набирайтесь сил!..

Парень смутился, а Антон Сергеевич, гордо подняв щетинистый подбородок, проследовал дальше.

«По-моему, это он, — думал Антон Сергеевич, — а может, не он? Может, только похож?»

И тут Антон Сергеевич увидел подпись под портретами:

> «Андриян Николаев и Павел Попович радируют из космоса: все в порядке, самочувствие отличное».

— Космонавт! — прошептал Антон Сергеевич и почувствовал, как кровь прилила к его щекам. — Неужто именно его я тогда отбрил? А может, просто сходство?

Домой Антон Сергеевич шел совсем хмурый.

«Это что же делается? — размышлял он. — Космонавты прямо по улицам ходят. И, может, теперь он летает, смотрит на землю и думает о злом старикашке, который его обидел из-за своего плохого характера».

Какой-то юноша, ведя под руку девушку, случайно задел Антона Сергеевича плечом.

— Ну, знаете ли, молодой человек! — привычно заскрипел Антон Сергеевич.

Парень обернулся. У него было открытое, муже-

ственное лицо и добрые серые глаза.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, — я случайно…

«Притворяется! — подумал Антон Сергеевич. — Притворяется простым парнем, а на самом деле тоже космонавт. По глазам видно. Вот сейчас я его обругаю, а потом он меня сверху недобрым словом поминать будет…»

— Есть о чем говорить, — неожиданно для себя сказал Антон Сергеевич, — если уж кто из нас виноват, так это я: иду, смотрю по сторонам.

Парень кивнул головой.

Говорят, что с тех пор Антон Сергеевич стал неузнаваем. Он очень вежлив и предупредителен. Да это и понятно.

Разве можно вести себя иначе там, где космонавты запросто ходят по улицам, сидят в скверах с девушками и с аппетитом едят обыкновенное земное эскимо?

№ 27, 1962 г.

Эмиль Кроткий
ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

День, уходя, говорил Вечеру:
— Ты плетешься за мной!
— Нет, — отвечал Вечер, — я иду впереди Завтрашнего дня.

Кто работает на совесть, а кто и на других заказчиков.

Он не мог расстаться с ней в дни ссор: зуб не рвут тогда, когда он болит. А когда наступало примирение, расставаться уже не хотелось: нет смысла рвать зуб, когда он перестал болеть.

Ледниковый период прошел. Наступил период холодильниковый.

Нарушение моды королями становится модой для их подданных.

Притихшая, с обручальным кольцом на пальце, она походила на окольцованную птицу.

Гости сидели до тех пор, пока не вышли на пенсию.

Правая рука его не знала, что делает левая. А левая брала взятки.

Покойник не отвечает за то, что делается у него на похоронах.

Пишет про закаты, рябину, пташек. А сквозь строчки видно: подлец!

В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как уходит жизнь.

Он давно уже считался известным писателем, но никто об этом не знал.

Неудержимое желание писать. Упорнография.

Разношенные, как домашние туфли, удобные, небеспокоящие мысли.

От волос у него осталась только расческа.

Он не был ей спутником на дальние расстояния. Довел до греха — и бросил.

Исписанная бумага либо дешевле, либо дороже чистой. Смотря по тому, кто ее исписал.

Жили безалаберно, но весело. Всегда к обеду были гости, и всегда не хватало денег на сметану к борщу.

В глупости человек сохраняется, как шуба в нафталине.

Брак — это мирное сосуществование двух нервных систем.

Не кичись тем, что стихи твои на устах у девушек. Губная помада тоже не сходит с их уст.

Мемуарист помнил все, до последних мелочей. Он не помнил только, где потерял рукопись своих мемуаров.

У Пушкина была няня. Это хорошо. Плохо, когда у писателя семь нянек.

Она привыкла к готовым мнениям, как к кулинарным полуфабрикатам: они облегчали ей приготовление духовной пищи.

У него была хорошая память на плохое и плохая — на хорошее.

Ссорясь, они швыряли друг в друга стульями, но ни семейной жизни, ни мебели это не вредило. Семья была крепкая, мебель — тоже.

Гейне говорил, что мир раскололся и трещина проходит через сердце поэта. Теперь это называют инфарктом.

В своей шубке мехом наружу она походила на того хищника, с которого был снят этот мех.

№ 1, 1963 г.

В. Евтушенко
ОТСТАЛЫЙ КВАС

Никодим Иванович Губов возвращался домой из областного центра. Жара стояла невероятная. В раскаленной «Победе» Губов чувствовал себя, как сом, вытащенный на берег. Откинувшись на спинку сиденья, он молча страдал от жажды.

На областном совещании он был именинником. Докладчик назвал Суходольский район в числе передовых, «уделяющих повседневное внимание вопросам развития местной промышленности».

Особенно хвалил докладчик подчинявшуюся Губову промартель «Чудо-напиток».

— Эта артель, товарищи, — говорил областной трибун, — освоила производство замечательной пищевой продукции, незаменимого летнего ширпотреба — мятного прохладительного кваса…

«Хорошо бы сейчас этого самого нашего… суходольского кваску!» — мечтательно подумал Губов. «А не заехать ли в промартель? — осенило его. — Почему бы не попробовать кваску на месте? Ишь, герои, освоили и молчат. В области

знают, похваливают, а я сижу, как дурак, и в ладони хлопаю… Только надо припомнить, где она расположена, эта самая артель».

— По пути можно завернуть, — сказал шофер. — Возле конторы лесхоза.

…Председатель промартели «Чудо-напиток» Петр Артемович Тимошечкин собирался идти в цех, когда увидел остановившуюся у крыльца конторы «Победу» и самого Никодима Ивановича.

«Что бы это означало? — встревожился председатель. — Не было печали…»

— Привет, дорогой! — сказал, войдя в кабинет, Никодим Иванович. — Так… значит, свирепствуешь тут, дорогой. Слышал, слышал…

— Это вы насчет чего? — тоскливо спросил Тимошечкин.

— Ну, ну, не скромничай… о квасе я говорю. Тащи на пробу.

Квас и в самом деле был хорош. Душистый, с приятной кислинкой и, главное, холодный.

— Да вы, оказывается, колдуны. Ишь, чего вытворяете!.. — допивая третий стакан, говорил Никодим Иванович.

«Пей, пей да зубы-то не заговаривай, — тревожно думал Тимошечкин. — Уж лучше быстрей бы

сказал, зачем пожаловал, в чем вина наша».

Никодим Иванович выпил кваску и поехал себе на здоровье.

«Спасибо» даже сказал.

— Эх, ты! — покачал головой Тимошечкин. — Кваску попил, «спасибо» сказал… Уж я-то знаю, что такое начальство. Просто так квасок распивать оно не приезжает. Нет, брат Василий, тут жди грозы с оргвыводами…

Волнение председателя передалось другим работникам. Профком провел внеплановое заседание и выделил комиссию, которой поручено было обследовать квасоварный цех.

— Наверняка загвоздка в квасе, — сказал Тимошечкин, инструктируя комиссию.

Комиссия старалась. Она сразу же поставила под сомнение рецептуру кваса и потребовала от мастера дать объяснения.

— Ответ у меня простой, — сказал мастер. — Еще моя бабушка Ниловна слыла мастерицей по части квасов. Уж как она их делала! И с клюквой, и со смородиной, и на меду, и с мятным настоем… А матушка моя все тонкости переняла у нее и мне насоветовала…

— Постой, постой! — ахнули проверяющие. — Выходит, ты делаешь квас без научных обосно-

ваний?

— Да люди-то пьют и хвалят. А спрос какой? На триста декалитров увеличение…

Но комиссия решительно отклонила оправдания мастера и доложила обо всем председателю промартели.

Петр Артемович срочно собрал заседание правления. Мастера квасоварного цеха сняли. Изготовление кваса по рецепту бабушки Ниловны запретили.

Спустя неделю Тимошечкина вызвали в райисполком. Возвратился он в контору часа через три.

— Строгий выговор, — сказал он бухгалтеру. — За то, что квас перестали делать. Скажи, Василий, мог ли я подумать, что Никодим Иванович приехал просто кваску попить? Нет, не мог. Уж я был уверен, что строгача не миновать.

— Вот и не миновали, — вздохнул Василий.

№ 4, 1963 г.

Сейфеддин Даглы
ЕЕ НЕ ПРОВЕДЕШЬ...

— И где ты только пропадаешь?!

— Пора бы знать.

— Да-да, конечно, на собрании был?

— Где же я еще мог быть?

— Бедненький! Ну, например, в парке, в кино. Мало ли у тебя знакомых женщин...

— Ради бога, перестань, не клевещи на меня! Дай лучше поесть!

— Пусть тебя кормит та, с которой...

— Тише! Дети услышат!

— Они давно спят. Любил бы детей — приходил бы вовремя...

В управлении, где он работал, собрания в самом деле бывали чуть ли не каждую неделю, и бедняга после семи часов работы еще часа три просиживал штаны в клубе или в кабинете начальника. А вечером, усталый, отбивался от нападок супруги.

— Знаешь что? — сказал как-то выведенный из терпения муж. — Не веришь — позвони в управление, узнай, где я был...

— Этого еще не хватало! Подумают, что я рев-

ную.

Непрерывные собрания и следующие за ними скандалы вконец измучили беднягу.

А тут на беду случилось так, что однажды, перед очередным собранием, принял приглашение сослуживицы, тоже утомленной совещаниями. Сослуживица эта купила два билета в кино — для себя и подруги. Но в последний момент подруга, струсив, не решилась уйти с собрания…

«Будь что будет, сцены не миновать. Пойду посмотрю картину, отдохну. По крайней мере не обидно будет…»

Домой он вернулся на целый час раньше, чем бывало в дни собраний.

«Скажу правду, — решил он. — Врать не буду!»

И на обычный вопрос жены «Где был?» он почти равнодушно ответил:

— В кино.

К величайшему изумлению, жена не вспылила и не раскричалась.

— С кем? — кротко спросила она.

— С сослуживицей…

— Небось, устал, проголодался?

— Нет, мы в буфете закусили…

— Ладно, не будем валять больше дурака? — нежно улыбнулась жена. — Стыдно: дети услы-

шат. И, пожалуйста, не клевещи на себя. Меня не проведешь. Я звонила в управление, дежурный сказал, что у вас собрание. Умывайся и садись обедать…

Перевод с азербайджанского.

№ 10, 1963 г.

Александр Ремезов
ДРУГ ДЕТСТВА

Все началось с газеты. С вечерней московской газеты, каким-то чудом очутившейся в магазине далекого городка, в котором жил Петр Васильевич.

Утром, как обычно, Петр Васильевич зашел за папиросами и тут, прямо на прилавке, обнаружил столичную гостью. Это была далеко не новая газета, но, поскольку вести в городок всегда приходили с большим опозданием, Петр Васильевич незамедлительно углубился в чтение. Читать газеты он любил.

Он просмотрел объявления о разводах, о новых кинокартинах и театральных постановках, осуждающе почмокал языком, дойдя до тем готовящихся к защите диссертаций, изучил спортивную информацию («Отлично! Опять победил «Спартак») и хотел было отложить газету в сторону, как…

Очевидцы утверждают, что именно с этого момента Петр Васильевич навсегда потерял покой. Поперек газетной страницы огромными

буквами тянулся заголовок «Новый почин работников московского универмага. Берите пример с С. Д. Калинкина!».

«Это какого же Калинкина? — радостно ужаснулся Петр Васильевич. — Уж не Сереги ли? Ну, конечно, его отчество — Данилыч. Господи, приятность-то какая! Серега, которого мы в школе калинкой-малинкой дразнили, за вихры таскали… А! Наш Серега — и вдруг в самой столице! Заведует секцией бытовых приборов крупнейшего универмага! А?»

Через минуту новость о том, что Петр Васильевич спустя двадцать лет неожиданно отыскал друга, стала известна всему магазину, через пять минут — всему городу, через пять дней — горисполкому, в котором трудился наш герой. Прошла неделя, и Петр Васильевич начал укладывать чемоданы.

Он ехал в Москву, к другу детства.

Столица встретила Петра Васильевича перронной сутолокой, последним морозцем и обилием мороженого. Десятки сортов ледяного деликатеса громоздились на лотках у вконец простуженных продавцов. Поеживаясь и приплясывая, продавцы заглядывали приезжим в глаза, умоляя не подрывать финансовый план лучшего в стране

хладокомбината. Но Петру Васильевичу было не до мороза, не до финансового плана и соблюдения порядка на стоянке такси. Он растолкал очередь, нырнул в машину и помчался в универмаг.

В секции бытовых приборов толпился народ. Петр Васильевич схватил за рукав первого подвернувшегося продавца и с такой радостной уверенностью завопил: «Заведующего мне!» — что ему сразу же вынесли жалобную книгу.

— Зачем мне жалобная? — продолжал на высоких нотах приезжий. — Заведующего давайте… Который у вас тут почин поднял. А? Товарищ он мой. Старинный. С детства! Понимаете?

Продавцы понимали, но ничем помочь не могли.

— Болен наш заведующий. Да, тяжело. Да, сердце. А вы поезжайте к нему домой. Для больного встретить старого друга — лучшее лекарство. Право, не стесняйтесь!..

Первый этаж… третий… пятый. Вот и квартира, где живет его друг. Петр Васильевич нажал кнопку звонка и только потом заметил приколотую записку: «Ушла на базар. Скоро буду».

Петру Васильевичу ждать было некогда, и он позвонил в квартиру рядом.

— Сергея Данилыча? — Из двери выглянула

соседка. — Эх, батенька… В больнице он. Вторую неделю. Что вы! Ужасные строгости. Пускают по воскресеньям, и то одного человека. Подождите, батенька мой, лучше супругу. Где больница?

Соседка растолковала, как ехать, и Петр Васильевич заторопился к лифту.

День в больнице был действительно неприемным. Петру Васильевичу не открыли даже дверь.

— И не пытайтесь, гражданин. Приходите, когда положено. Да не кричите вы, здесь медицинское учреждение.

Но Петр Васильевич не сдавался. Из больницы он помчался в Моссовет, затем в редакцию журнала «Здоровье» и, наконец, в Министерство здравоохранения. Он убеждал, ругался и умолял.

— Дорогие мои, хорошие, помогите пробиться к другу! Хоть на минутку. Столько лет прошло! Бросьте вы эту бюрократию! Подойдите по-человечески. А?

Люди не камни. И Петр Васильевич получил разрешение пройти в палату, но… на другой день. Сегодня было уже поздно.

Что же, скажет читатель, оставим нашего героя до завтра. Но вы просто не знаете Петра Васильевича! Он не привык останавливаться на полпути. Друг его детства Серега где-то здесь, рядом, а он!..

Петр Васильевич снова поехал в больничный городок. Разузнал, на каком этаже лежит Калинкин, примерился… Деревья до окна не доставали, а водосточная труба была явно в веселом предремонтном состоянии. И Петр Васильевич принял единственно правильное решение: начать переговоры со старушкой, дежурившей у входа. Он говорил долго, и его слушательница все время согласно кивала головой.

— Вот бюрократы! К другу не пускают. Эх-ма, до чего дошло. Черствые люди, а вот в наше время…

Через несколько минут старушка совсем размякла, провела его черным ходом на третий этаж и показала дверь палаты.

— Только на одну минутку. И тише. Ненароком дежурный врач…

Но в ушах Петра Васильевича уже свистел ветер. Он несся по коридору, словно владелец лотерейного билета, предположивший, что выиграл «Москвич». Табуретки и фикусы летели в стороны, как щепки.

Рванул дверь, плюхнулся на стул и прерывающимся, но ликующим голосом зашептал:

— Серега! Посмотри сюда! Узнаешь старого приятеля Петьку? А? Еле прорвался. И только на минутку. У меня к тебе важное дело. Специ-

ально приехал. Будь другом, помоги достать холодильник. А? Я понимаю, в один день покупки не оформишь. Поэтому сразу с поезда и к тебе. Сделаешь? Ну, что тебе стоит? Ты же заведующий секцией…

Больной медленно повернулся к гостю, и Петр Васильевич увидел перед собой совсем молодого человека.

А с соседней кровати на Петра Васильевича с грустью смотрели знакомые с детства глаза.

Обратный путь по лестнице Петр Васильевич проделал без помощи собственных рук и ног. Прибежавшие на шум дежурный врач и санитары, вероятно, помогли развить другу детства приличную начальную скорость. Петр Васильевич пролетел несколько поворотов, шлепнулся и зло проворчал:

— Вот так всегда. Как станут начальниками, сразу зазнаются! Друга детства не мог выручить. Бездушный он человек! Трудно было записку о холодильнике написать, что ли?

№ 11, 1963 г.

Алексей Ходанов
НА УДОЧКУ С КРАБОМ

Бухгалтер Вера Семеновна появилась как-то под руку с бравым молодцем. Молодец был гренадерского роста, с ослепительной улыбкой и добрыми, мягкими глазами. На голове у него красовалась овеянная морскими ветрами капитанская фуражка с крабом.

— Вот встретила хорошего человека, — потупившись, сообщила Вера Семеновна знакомым. — Замуж выхожу… Владимир Иванович, между прочим, знаменитый китобой!

— Фамилия-то у него какая? — поинтересовались знакомые. — Может, и читали в газетах.

— Гм… — замялась Вера Семеновна. — Действительно, Владимир, какая у вас фамилия?

Знаменитый китобой застенчиво улыбнулся.

— Разве в фамилии дело? Зовите меня просто Вовой.

На вечерних рандеву жених рассказывал о штормах, коралловых рифах и, естественно, о китах.

— Ус у них большой. Китовый. И ростом они

разные. Помнится, близ Кейптауна загарпунил я двоих…

Вскоре китобой окончательно переселился к Вере Семеновне. Со всем своим скарбом: домашними туфлями, зубной щеткой и старинной шпагой с надписью «Толедо».

— О, эта шпага! — воскликнул он, поцеловав эфес. — Ее подарил мне индийский принц. Несчастный погибал среди акул в Индийском океане, а я тут как тут…

Жених с сожалением посмотрел на свой потрепанный костюм и добавил:

— Перевод я получить должен. Три тысячи. И все не шлют. Бюрократы. Вчера пробовал душить кассира — не помогло. Костюм купить надо. Грешно носить шпагу при таком костюме.

Вера Семеновна понимающе кивнула и выложила деньги на бочку.

Получив триста рублей, китобой вышел на улицу, где и повстречал заведующую химчисткой Аглаю Никифоровну.

— Розы, — сказал он, приподняв капитанскую фуражку с крабом. — Такая женщина, как вы, любит розы, Нептун меня побери! Подождите на углу.

Потом китобой куда-то исчез, но вскоре появил-

ся с огромным букетом роз.

— Я человек прямой, — начал китобой. — Сказал — загарпунил. Свяжемся морским узлом, а?

— А я женщина честная, — обиделась Аглая Никифоровна. — Я только через загс свяжусь.

— Ну загс так загс, — вздохнул китобой. — Пошли.

Вера Семеновна была забыта. В утешение ей остались домашние туфли, зубная щетка и старинная шпага с надписью «Толедо».

Через пару дней Владимир повел свою новую супругу на Ленинский проспект.

— Видишь этот дредноут? — показал он на только что отстроенный дом. — А теперь посмотри на шесть иллюминаторов, что на третьем этаже. Это наша каюта. А сейчас дай мне немножко денег — мастику купить, пол натереть. Четыре тысячи завтра получу: сегодня недосуг.

Китобой вернулся домой под утро. Вошел в комнату, едва волоча ноги, и озабоченно сказал:

— Уезжаю в Ригу. Зачем? Военно-морская тайна. Спецзадание, связанное с китами. Дай пока рублей сто. Вернусь — получим наши пять тысяч.

Вместо Риги капитан прибыл на пригородную станцию Колшево. Разыскал нужный дом, радостно ворвался в квартиру и, стиснув могучими

руками двух стариков, просто сказал:

— А вот и я.

— То есть к-как я? — ахнули старики.

— Да это же я! Я ваш сынок Вовик.

— К-какой… Вовик? — изумились старики.

Тогда китобой выхватил из кармана свой паспорт и показал штамп регистрации брака.

— А разве не может быть сыном муж вашей любимой племянницы Аглаи Никифоровны? Я ведь прошу немного — только пятьсот. Сами понимаете: мебель, такси, медовый месяц…

Старики торопливо выложили из заветного места пятьсот рублей, и капитан благополучно отбыл в неизвестном направлении.

Больше знаменитого китобоя никто не видел.

Вера Семеновна и Аглая Никифоровна долго плакали. Выплакавшись, они писали письма во все китобойные флотилии. Безуспешно. Капитан как в воду канул.

Сведения о рейсах этого морского волка, впрочем, начали потихоньку просачиваться в милицию. Биография морского волка оказалась отнюдь не морской, но волчьей.

В сорок первом он поступил в балет. Потом стал бродяжничать. Время от времени поворовывал и коротал дни в специальных местах. Потом купил

капитанскую фуражку с крабом и ушел на жениховские промыслы.

Он весь как на ладони, этот универсальный альфонс. И просто диву даешься, как на удочку с тухлым крабом на крючке могли клюнуть отдельные легковерные гражданки.

№ 18, 1963 г.

Виктор Сапарин
ТЕЛЕСТРАДАНИЯ

Сначала пожилой человек, не поднимая глаз, читал лежащие перед ним листки. Читал он хуже, чем диктор-профессионал, в остальном ничем от него не отличаясь.

Закончив, он с выражением явного облегчения на лице оторвал наконец глаза от бумаги и тут же исчез, как привидение.

— Мы передавали беседу из серии «Спрашивайте — не стесняйтесь», — сообщил диктор. — Беседу вел профессор…

Потом за овальным столиком, рассевшись в разнокалиберных креслах, трое мужчин и две женщины, замерев с напряженными лицами, уставились в аппарат.

— Начинаем передачу «Давайте поспорим!» — объявил диктор. — Спор ведут сегодня…

Он назвал фамилии, и их обладатели стесненно заулыбались.

Константину Петровичу стало их жалко.

— Мучаются бедняги, — сказал он жене. — Силком их заставили, что ли?

Крайний из сидящих за столиком с решительным видом произнес несколько фраз. Его сосед, которому он задал вопрос, покорно поддакнул. Одна из женщин пролепетала свое мнение и, не скрывая удовлетворения тем, что ее миссия благополучно закончилась, непринужденно откинулась в кресле. Теперь она стала похожей на себя и с обыкновенным человеческим интересом следила за продолжением дискуссии. Остальные держались скованно и мямлили, словно актеры, плохо выучившие роль.

— Нет, — сказал Константин Петрович. — Какие-то скучные устраивают передачи. Неужели нельзя пригласить настоящих, интересных людей?

Телефонный звонок прервал его рассуждения.

— Тебя, — сказала жена, передавая трубку.

— Константин Петрович? — заверещала трубка. — Это говорят из студии телевидения. Мы просим вас принять участие в нашей очередной передаче «Рассказы бывалых людей». Расскажите о вашей последней экспедиции.

Через несколько дней Константин Петрович с другими участниками передачи находился в телестудии.

— Сюда, сюда! — командовал режиссер, невы-

сокий, плотный, озабоченный человек. — Нет, лучше сюда. Держите колени вместе. Можете положить ногу на ногу. Не шевелите носком. Руки лучше положите на колени. Вот так. Придвиньте плечо к соседу. Хорошо. Помните: когда зажжется красный огонек, вы должны смотреть на него и улыбаться.

До сих пор Константин Петрович улыбался только тогда, когда хотелось. Сейчас такого настроения у него не было. Поэтому на настойчивые повторные предложения попробовать улыбнуться он механически раздвинул губы, как картонная кукла, когда ее дергают за нитку.

— Шире! — строго потребовал режиссер.

Константин Петрович показал зубы, как если бы находился в кабинете дантиста.

— Вы что, всегда так улыбаетесь? — удивился режиссер. — Надо, чтобы улыбка была как можно более естественной. Потренируйтесь немножко.

Константин Петрович из вежливости поупражнял немного лицевую мускулатуру. Но естественности как назло не получалось.

— Переходим к выступлениям, — объявил режиссер. — Внимание!

Константину Петровичу приходилось рассказывать о своих научных исследованиях в разных

аудиториях. Говорил он обычно сдержанно, с едва заметной иронией, с внутренней, мягкой улыбкой. Знакомые и сослуживцы считали его интересным рассказчиком.

Он и начал в обычной своей манере.

— Больше бодрости, — прервали его на первой же фразе. — Очень вяло! Потом нехорошо, когда лицо такое неподвижное. Здесь вам надо показать удивление. Вот так, глазами. Попробуйте. Нет, не так. Повторим!

Но как актер Константин Петрович оказался полной бездарностью.

Режиссер совсем замучился.

— Ладно, — сказал он, обессилев. — На сегодня хватит. Репетиция окончена. Выступление в пятницу, в семь вечера. Значит, приезжайте к трем часам дня.

— Почему же к трем? — удивился Константин Петрович.

— Будет тракт, — загадочно произнес режиссер.

Два дня удрученный сознанием собственной бездарности Константин Петрович со страхом думал о предстоящем тракте. Он представлялся ему чем-то вроде хирургической операции.

Тракт оказался на деле генеральной репети-

цией.

Заглянув в текст выступления, перепечатанный в студии на машинке, Константин Петрович не узнал многих своих фраз, а главное, своего привычного строя мысли. С удивлением он обнаружил чуждые ему, короткие, как спички, и столь же простые предложения.

— Так лучше, — сказала редактор, розовощекая девушка с голубыми глазами. — А то у вас очень длинные фразы.

— Сейчас можете заглядывать в текст! — снисходительно заметил режиссер. — А потом, в перерыве, поучите.

В перерыве Константин Петрович сидел на диване в большом, заполненном людьми помещении, похожем на зал ожидания аэропорта, и уныло зубрил составленную для него роль, чувствуя себя не то школьником, не то начинающим членом театрального кружка.

К началу передачи он окончательно потерял уверенность в себе. Вместе с другими он покорно уселся в предписанной позе за круглым столом.

— Тишина! — испуганно прошептал чей-то голос.

Операторы сделали серьезные лица и двинули камеры на сидящих.

Ведущий лихо затараторил вступление.

Растерявшийся от многообразия требований, отупевший от долгого ожидания, Константин Петрович с ужасом обнаружил, что никак не может вспомнить отредактированный девушкой с голубыми глазами текст и многочисленные советы режиссера. Поэтому, когда очередь дошла до Константина Петровича, он, обливаясь потом, глухо и безжизненно стал произносить слова, которые приходили ему на память, перемежая их длиннющими «э-э» и «м-мэ»…

— Очень интересно, — бодро произнес ведущий, когда Константин Петрович перестал наконец мямлить. — А сейчас попросим Ивана Ивановича…

Но все на свете кончается; кончилась и передача…

— У вас был такой замученный вид, — говорили потом с сочувствием знакомые Константину Петровичу. — Вы были нездоровы? И говорили как-то еле-еле. Совсем непохожи на себя. Почему вы не отказались, раз чувствовали себя плохо?

А режиссер вечером жаловался жене:

— Бьешься, бьешься с этими бывалыми людьми… Ну, никак у них естественности и непринужденности не получается! Прямо, знаешь, руки опускаются.

№ 19, 1963 г.

Л. Татьяничева
ЗЛЫЕ СТИХИ О ГОСТЕПРИИМСТВЕ

Приходит к нам незваный гость —
Известный сплетник
И ханжа.
Ненужный, как январский дождь,
И разъедающий, как ржа.
Закрыть бы двери перед ним,
Пойти в кино иль на футбол,
А мы лукавим:
— Сколько зим!
Варенье ставим мы на стол.
Сидит он,
Словно в горле кость,
У нас от трех
И до восьми.
Случайный гость,
Постылый гость…
…Так нам и надо,

Черт возьми!

№ 24, 1963 г.

Александр Гатов
БОЖИЯ КОРОВКА

Из всего божественного
Только и люблю
Я коровку божию,
Что изводит тлю.

№ 26, 1963 г.

Александр Раскин
ТОВАРИЩ ЗОНТИКОВ

Товарищ Зонтиков… Такого
Мы все встречали, и не раз
Товарищ Зонтиков… Легко вы
Его припомните сейчас.

Когда вельможа — чин районный —
Забыл советские законы:
— Я сам себе авторитет! —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко…
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!
Как хорошо там, где вас нет!

Когда у зава-семьянина
В отделе просто именины:
Жена, племянник, теща, дед, —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко…
Ба! Сколько зим и сколько лет!

Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда в рыбтресте мало рыбки,
Но часто признают ошибки,
И так идет уж много лет.
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко…
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда прекрасен дом снаружи,
Внутри же все настолько хуже,
Что в страхе дыбом встал паркет, —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко…
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда начальник не ворует,
Но сам себя все премирует.
За что? За то, что он зампред! —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко…
Ба! Сколько зим и сколько лет!

Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда, болтая «по секрету»,
Всему, как говорится, свету
Болтун доверит н а ш секрет, —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко…
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда курьера кр-ритикуют,
А о директоре воркуют
И нежный шлют ему привет, —
Мы можем утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко…
Ба! Сколько зим и сколько лет!
Товарищ Зонтиков! Привет!

Когда пойду я в учрежденье
И зря там потеряю день я,
То, заглянувши в кабинет, —
Могу я утверждать без риска,
Что наш знакомый где-то близко…
Ба! Сколько зим и сколько лет!

Товарищ Зонтиков! Привет!

Товарищ Зонтиков понятен:
Он всем нам очень неприятен.
Тут он блондин, а там брюнет…
Мы можем утверждать без риска,
Что он недолго будет близко…
Но… сколько зим и сколько лет?
Товарищ Зонтиков! Привет!

Как хорошо там, где вас нет!

№ 33, 1963 г.

Иван Костюков
РАБ БОЖИЙ

Недавно председатель месткома товарищ Ивушкин пригласил меня к себе и, как говорят дипломаты, без всякой преамбулы заявил:

— Вчера обком профсоюза устроил мне страшный суд за развал антирелигиозной работы. Так вот, чтоб мне не пришлось на том свете лизать горячие сковороды за пустые обещания, которые я дал обкому, мы тут посоветовались и решили возложить на тебя святое дело борьбы с предрассудками. Давай действуй!

Тем же вечером я приступил к исполнению указаний товарища Ивушкина. Свои первые шаги по атеистической дорожке я направил к прихожанам церкви «Всех скорбящих радость». Эта церковь была от меня совсем близко.

— Ну как, Агафья Никаноровна, в церкви дело-то идут? — спросил я свою богомольную соседку при встрече. — Все ли скорбящие обретают радость?

— И, какая там радость, — отмахнулась старушка. — Одни слезы да печали. Больше лукавого

тешим да грешим, чем молимся. Батюшка-то наш, отец Игнатий, уж дюже крепко к бутылке присосался. Да и насчет всяких амурных дел тоже страшный греховодник!

Тут бабушка Агафья поведала мне такую деталь из жития отца Игнатия, о которой принято говорить только шепотом и на ушко.

— И вы, темь беспросветная, ходите к распутнику молиться? — начал я увещевать Агафью Никаноровну.

— А куда ж, миленький, деваться-то? Как-никак, а он пастырь господний!.. — Бабушка перекрестилась и посмотрела вверх. — Ты же, господи, небось, сам видишь, какой это пастырь! Ведь видишь же, господи? Так почему не вразумишь его, не поставишь на путь праведный? А ведомо ли тебе, господи, что от него, как от чумы какой, вся паства разбежалась? — И, переведя взгляд с неба на меня, бабушка Агафья добавила: — Православный люд совсем перестал ходить в божий храм!..

Пока бабушка Агафья вела беседу то с богом, то со мной, я пришел к твердому убеждению, что сложившаяся ситуация очень благоприятствует моей работе. Сам отец Игнатий своими непутевыми делами здорово подорвал веру у прихожан.

И я начал рассказывать верующим и неверу-

ющим о небожественных похождениях отца Игнатия. После одной его ночевки в вытрезвителе мы разделали попа в сатирической стенгазете «Не в бровь, а в глаз». И, наконец, в областной газете я напечатал злую-презлую статью о пастырских художествах.

А еще недели через две я увидел ощутимый итог своей работы. Это было после очередной встречи с бабушкой Агафьей. Старушка была рада-радешенька.

— Спасибо тебе, родненький! — еще издали закричала она. — Сняли-таки греховодника!

Я почувствовал себя на седьмом небе. Мне уже слышалась речь председателя месткома товарища Ивушкина, который с трибуны общего собрания говорил обо мне: «Вот как надо искоренять предрассудки!»

От нахлынувшего чувства успешно исполненного долга я готов был обнять добрую вестницу Агафью Никаноровну. Но сдержался. А только спросил:

— Значит, вы рады?

— Да еще как! На душе прямо-таки великий праздничек! Спасибо тебе!

— Не за что, — говорю. — А вообще-то я тоже рад, что все так получилось. Хватит, отмоли-

лись!

— Как это, касатик, отмолились? — Бабушка скрестила руки на груди. — Что значит, хватит? Да мы же теперь только и начинаем! Батюшка в новый хор записывает всех желающих!

— Какой новый хор? Какой батюшка? Агафья Никаноровна, ведь ты же только что сказала, что батюшку убрали?

— Так убрали какого батюшку? Отца Игнатия! А на его место прислали отца Вениамина. Хороший такой батюшка, молоденький! Голосок, словно ангельский! И ликом похож на херувимчика! Мы

все уж так рады, так рады, что и выразить нет сил! Теперь кто и не ходил-то, так опять зачастил в церковь! Еще раз тебе, раб божий, спасибо от всех прихожан, спасибо!..

...Что же я товарищу Ивушкину буду докладывать?

№ 4, 1964 г.

Михаил Андраша
БАБУЛЯ

Письмо

Здравствуй, дорогая наша мамочка и бабуля!

Если бы ты знала, как нам тебя не хватает!

Каждый день мы все вспоминаем, как ты была у нас в прошлом году и как нам было хорошо с тобой! А как Петечка любил оставаться с бабушкой! Что и говорить, ты была для нас всем! И только теперь, когда ты далеко от нас, мы чувствуем, мамочка, что мы тебя не ценили как нужно. Нет, мы не можем забыть, родная, того счастливого времени, когда мы были вместе с тобой! Валентин рассказывает, что очень многие его сослуживцы жалуются на своих тещ; говорят даже, что петух поет лишь потому, что у него жен много, а тещи — ни одной. К Валентину эта сказка про петуха не подходит, потому что мы все знаем, какая ты у нас мамочка, тещечка и бабуля. Господи, где мы найдем такого человека, как ты? Валентин говорит: «Да, мне чертовски повезло с тещей».

Мамочка, мы живем тут хорошо. Валентин

записался недавно на стиральную машину, пылесос и электрополотер новых марок. Как только они поступят в магазин, нам сообщат. Я работаю обычно до трех часов. Валентин приходит в семь и тоже много работает. Петечка в садике.

Дорогая мамочка, мы все очень, очень скучаем без тебя. Ах, как хорошо нам было с тобой! Мы не можем жить вдалеке от тебя! Приезжай к нам, живи у нас постоянно. Будь с нами. Родная наша, любимая!

Все Глазковы крепко-крепко целуют тебя, обнимают и с нетерпением ждут того часа, когда ты будешь с ними.

Твои дети Соня и Валентин Глазковы.

Фототелеграмма

Продала дом, продала сад, корову, распродала мебель и все хозяйство. Что из вещей осталось, то отправила багажом. Еду к вам. Встречайте восемнадцатого, вагон пятый. Обнимаю всех, ваша бабуля.

Заявление директору магазина «Бытовые приборы»

В связи с изменившимися обстоятельствами

прошу снять меня с очереди на покупку пылесоса, электрополотера и стиральной машины.

Глазков В.

№ 5, 1964 г.

Наталья Ильина
«РОДИТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ»
Пародия на журнал для воскресного чтения

САМОЕ-САМОЕ ДОРОГОЕ

Редакция дала мне задание написать о хорошей учительнице. Но их так много! О ком писать? После долгих колебаний я решила посвятить свой очерк Нелли Федоровне, изящной и тоненькой, с синими, вспыхивающими, озорными искорками глазами и мелодичным, певучим голосом. Ей бы на сцену, в оперу, в балет, но она учитель! Это — призвание. Еще двухлетней крошкой она отшлепала за какую-то мелкую провинность годовалого братишку, а едва научившись говорить, строго сказала бабушке: «Баба! Не так!»

Я побывала на уроке Нелли Федоровны. Лица второклассников сияют радостью, озарены счастьем, глазенки блестят, зубенки — тоже. Еще бы! Любимый педагог проводит беседу о морали в быту. «Волнуюсь! — шепнула мне Нелли Федоровна после урока. — Будет ли результат?» А результат был немедленный. Когда за ребятами пришли

родители, восьмилетняя Леночка М., кинувшись к матери, громко произнесла: «Мама! Сегодня я решила помочь тебе вымыть посуду!» Лицо матери озарилось счастьем. Нелли Федоровна радостно сжала мою руку своей маленькой горячей рукой. Ребята наперерыв обнимали и целовали Леночку. Чья-то бабушка всхлипывала в углу.

Через час я поспешила в дом Леночки М., чтобы взять интервью. Мать с гордостью продемонстрировала чайную чашку и блюдце, вымытые Леночкой. «После того, как я помогла маме мыть посуду, — сказала Леночка, — мне почему-то стало так легко, будто у меня выросли крылышки. И петь захотелось...» На прощание она сказала: «Я приняла решение с завтрашнего дня собственноручно стелить свою постельку!» Я молча обняла Леночку.

К. Незабудко

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В номере 5 «Родителя и учителя» был опубликован фельетон под названием «Ай-ай, как не стыдно!», в котором сообщалось о поведении Н. Миляева, директора восьмилетней школы села Вощилова, Энского района. Имея четырехкласс-

ное образование и незаконно получив место директора, Миляев систематически предавался в рабочее время пьяным разгулам и грубо зажимал критику, стреляя в критикующих из охотничьего ружья. Факты подтвердились. Состоялся товарищеский суд. Несмотря на отдельные голоса дружков Миляева, восклицавших: «Ну, с кем не случается!» — Миляеву был объявлен выговор и указано на несовместимость его поведения с высоким званием педагога. От должности директора Вощиловской школы Миляев освобожден и переведен директором в Устинскую школу соседнего района.

В РЕДАКЦИЮ ПРИХОДЯТ ПИСЬМА...

Недавно мы получили письмо от отца пятиклассника Вовы Кузькина. Публикуем письмо полностью.

«Проявляя заботу о воспитании молодежи, в частности имея дома сына двенадцати лет, ничего, кроме негодования, не вызывают некоторые произведения для среднего школьного возраста. Так, например, в сказке автора А. Пушкина о золотой рыбке мною были обнаружены различные грубые слова. «Дурачина ты, простофиля!» — заявляет старуха мужу. Тот не остался в долгу,

обзывая супругу «проклятой бабой». Далее читаем: «Осердилась пуще старуха, по щеке ударила мужа». Из этой книжки ребенок, значит, узнает, что взрослые между собой ссорятся, а бывает, дерутся! К чему это? И зачем нашим ребятам брать с собой в будущее все эти грубые слова, наследие тяжелого прошлого? Необходимо заново отредактировать произведения дореволюционных классиков, железной метлой выметая оттуда словесный мусор. Необходимо также крепко проследить за произведениями современных писателей».

Шлите, дорогие товарищи, ваши отклики!

ПРОТИВ ИЗЛИШЕСТВ В КОСТЮМЕ УЧИТЕЛЯ

(Педагогические раздумья)

Однажды мною была услышана беседа двух учениц. Последние говорили: «У нашей учительницы платье голубое в желтую полоску», «А у нашей зелененькое в белый горошек!» Разговор меня насторожил, вызвав вихрь педагогических раздумий.

Целесообразно ли, отвлекая детей от науки, привлекать их внимание к одеждам педагогов? Лично я считала бы правильным устранить цве-

та и фасоны из костюма педагога, рекомендуя последнему надевать в рабочее время темный, бесформенный хитон, свободно падающий красивыми складками. Хитон может быть надет на что угодно, но это «что угодно» будет скрыто от любопытных взглядов учеников. Введение единообразных хитонов дает, кроме того, возможность спрятать от глаз учащихся юбки и брюки, ввиду того, что последние преждевременно фиксируют зрение воспитуемых на различии полов.

Внимание ребят, не уводимое в нежелательную сторону, сосредоточится на учебном процессе, что, несомненно, повысит процент успеваемости.

К сожалению, унифицировать наружность преподавателей пока не представляется возможным. Сегодня это нам недоступно, но дальнейшие победы человека над природой обещают широкие перспективы и в этой области.

С. Унтерова,
бывшая директор школы, ныне пенсионерка.

№ 5, 1964 г.

В. Санин
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПАПА

Я знал писателя, автора толстых и многоплановых романов, битком набитых действующими лицами. Нужно было только посмотреть, как ловко он управлялся со своими героями! Он их хвалил, разоблачал, убеждал, осуждал, награждал, женил, влюблял и так убедительно мотивировал их поступки, что читатель восторженно говорил самому себе: «Ах, какой он сердцевед, этот писатель Н.! Какой он проницательный!»

Я видел писателя Н., когда он разбирался в сложнейшей драматической коллизии. Его восьмилетний сын раздобыл ключи от буфета и очистил банку варенья так здорово, что ее можно было тут же сдавать в посудную лавку. Писатель анализировал этот поступок, ссылаясь на выдающиеся авторитеты мировой педагогической мысли. Я в жизни не слышал более аргументированной речи по поводу кражи варенья из буфета. Будь я на месте презренного воришки, провалился бы от стыда сквозь паркет. Но сын писателя был устроен по-иному. Не скрывая своего

равнодушия, он некоторое время слушал, потом поморщился и сказал:

— Включи лучше телевизор, батя, пока я не заснул.

Писатель напряг последние силы и обратился к сыну с длиннющей цитатой из Песталоцци, но добился лишь того, что аудитория откровенно зевнула.

Каким же должен быть папа? Я некоторое время изучал этот вопрос и не делаю тайны из своего исследования.

Можно быть великим поэтом, автором целого километра стихов; можно быть гениальным актером и повергать в трепет потрясенную публику — для существа в коротких штанишках это значения не имеет. Ибо он видит папу в основном в пижаме, а домашняя пижама, как ничто другое, лишает человека ореола. Я даже думаю, что если бы сам Ганнибал при Каннах вел свои войска в атаку, сидя на слоне в домашней пижаме, то римским легионам угрожала бы только одна опасность: надорваться от смеха.

Поэтому я считаю, что в деле воспитания ребенка не может быть пустяков. Даже ваша одежда, и та имеет грандиозное воспитательное значение. Из этого, конечно, не следует, что генерал,

например, должен надевать парадный китель с орденами, если его сын вылил на собаку флакон маминых духов. Но всякий папа, воспитывая в сыне добрые начала, обязан выглядеть внушительно: когда судья не вызывает уважения, наказание не пойдет на пользу.

В глазах ребенка папа должен выглядеть человеком, сотканным только из достоинств. Если ваш чертенок увидит, что у папы есть хоть один недостаток, пиши пропало. Мои соседи однажды нарушили этот принцип: из их короткого, но выразительного диалога пятилетний сын с невероятным изумлением узнал, что его папа — осел. К этой моральной травме прибавилась и физическая, поскольку папа довольно нервно реагировал на попытку сына уточнить свое происхождение. Поэтому следует заключить с женой соглашение говорить правду друг другу в глаза только при закрытых дверях.

Нужно добиться того, чтобы каждое ваше слово было исполнено высокого смысла. «Ибо так сказал папа!» — вот что должно быть законом для ребенка. Говорите медленно, с достоинством, соблюдая осторожность, чтобы не ляпнуть какую-нибудь чушь, за которую ваш мальчишка не замедлит уцепиться мертвой хваткой. В конце

вашей речи, нашпигованной страшными примерами и сравнениями, должна быть мораль, как в басне. Воспитательная речь без морали не стоит выеденного яйца. Однажды, когда мой сын скатал на крыше ком и бросил его на голову прохожему, я состряпал довольно сильное обвинительное заключение. Я начал с испанских инквизиторов, заклеймил жестокость во всех ее формах и уже собирался было закончить эффектной моралью, как вдруг вошел мой брат, с которым у меня были старые шахматные счеты. Мы сели за столик и оторвались от него только тогда, когда в сопровождении дворника пришел какой-то разгневанный человечек, ведя за ухо моего сына. Человечек вопил, что над его достоинством надругались «самым варварским образом». Как мне удалось установить, мальчишка снова залез на крышу и соорудил такой чудовищный ком, что человечек был вбит в кучу снега, словно гвоздь.

— Ты ведь не сказал мне, что этого делать нельзя, — нагло заявил на допросе преступник.

Вот что может случиться, если не доводить дело до конца! Нечего и говорить, что каждый папа должен быть по возможности сильным. Я не хочу сказать, что он обязан уметь вязать в узлы кочергу или останавливать на скаку разъ-

яренного мустанга. Но папа, мускулов которого достаточно разве для того, чтобы одной рукой выжать подушку, вряд ли будет выглядеть в глазах сына романтическим героем. Желающие могут воспринять эти строки как призыв немедленно заняться утренней гимнастикой.

Обещания ребенку нужно давать с крайней осторожностью: ничего так не подрывает авторитета папы, как попытка увильнуть от данного слова.

Один мой знакомый однажды долго уговаривал сына хлебнуть касторки в обмен на твердое обещание завтра же пойти в кино. Мальчишка доверчиво проглотил адское снадобье, а хитрый папа, сбежав на кухню, весело смеялся над обманутым сыном. Никакого похода в кино, конечно, не состоялось, но зато вскоре произошла драматическая сцена. Когда к папе пришли гости, впечатлительный мальчишка, потрясенный моральным падением своего кумира, акварельной краской написал на обоях: «Мой папа — обманщик».

Так что если уж дали обещание, то разбивайтесь на молекулы, но выполняйте. Не сочтите за нескромность, но сошлюсь на свой опыт. Мой мальчишка долго настаивал, чтобы я бросил курить. Я пообещал это сделать, когда клещами тащил из него согласие добровольно пойти к зубному врачу. Папино слово — закон: с тех пор мальчишка не видел меня курящим. Ба, вот он идет домой! Простите, я должен кончать. Мне еще нужно спрятать окурки и проветрить комнату.

№ 5, 1964 г.

М. Семенов
ИДУЩИЙ ВО ГЛАВЕ

Я глава семьи, и этим сказано многое. Каждый, кому хоть в течение короткого отрезка времени приходилось занимать высокое официальное положение, хорошо знает, как это обременительно. Помните, у Апухтина:

Мешают почести, приветствия, поклоны.
Я целый день пишу законы
И очень устаю…

Правда, глава семьи обычно не издает писаных законов, но вот почести… Они действительно утомляют. Впрочем, судите сами. Чтобы подчеркнуть, сколь высокую ступеньку иерархической семейной лестницы я занимаю, домочадцы абсолютно добровольно предоставили мне:

а) постоянное, строго охраняемое от любых посягательств место за обеденным столом;

б) домашние туфли, к которым не притрагивается ни один член семьи;

в) фарфоровую кружку с позолотой, из которой

пью чай только я, и никто другой.

Когда я просыпаюсь и выхожу из спальни на кухню, мне говорят:

— С добрым утром!

А отходя ко сну, слышу:

— Спокойной ночи!

Не буду скрывать: все эти знаки внимания, конечно, приятны. Но иногда, оставаясь наедине, я терзаюсь сомнениями. В самом деле, нужно ли постоянно педалировать на исключительности моего положения в семье, столь ли необходим этот дурманящий сознание фимиам? К чему все это? Ведь в конце концов я, Константин Иванович Синев, обыкновенный, простой советский человек…

Но нет, такая здравая мысль никому не приходит в голову. И я продолжаю жить, подобно восточному владыке. Ей-ей, тут нет ни малейшего преувеличения. Как часто за этими почтительными «С добрым утром!» и «Спокойной ночи!» мне слышится совсем другое, давно отжившее и успешно преодоленное ходом цивилизации:

— О солнцеликий князь! О мудрый наместник пророка на земле! Пусть рассыплются в прах горы, пусть высохнут все реки и моря, если хоть один волос падет с твоей головы!

И так далее и тому подобное… Более подробные сведения можно почерпнуть из истории древних государств Востока.

Подобно восточному деспоту, я имею не одно, а несколько имен. Супруга, например, называет меня: батя, батька, батенька, отец, Синев.

Вы можете спросить: к чему одному человеку такая прорва псевдонимов? Но они, оказывается, необходимы. В различных жизненных обстоятельствах ко мне обращаются по-разному. Вот образцы:

— Батя, ты не будешь сердиться? Я купила себе шапочку из синтетического меха. Теперь носят только такие…

— Батенька, тебя не очень затруднит, если ты сходишь на рынок за картошкой?

— Отец, займись наконец сыном, у него опять хвост по начертательной геометрии!

— Послушай, Синев, ведь я к тебе обращаюсь! И что за отвратительная привычка: уткнется в газету и молчит!..

Продолжительная семейная жизнь вырабатывает известный автоматизм. Услышав от дочери обращение «папульчик», я откладываю все свои дела и начинаю копаться в книгах, чтобы начинить ее бездумную головку подробностями

восстания декабристов. У дочери домашнее сочинение. А когда сын говорит мне «папахен», я без лишних слов лезу в кошелек и выдаю ему девяносто копеек на приобретение жестких креплений взамен утерянных им во время прошлой лыжной вылазки.

Тут как раз наступает подходящее время, оставив в стороне привилегии, более подробно поговорить об обязанностях солнцеликого князя и наместника пророка на земле.

Они довольно многочисленны и очень разнообразны.

В сущности, их описанию следовало бы отвести несколько страниц. Но экономии ради я ограничусь простым перечислением. Как подсказывает мой собственный жизненный опыт, глава семьи должен: вести задушевные беседы с женой и детьми, то есть выполнять функцию воспитателя; следить за порядком в доме, постоянно напоминая, что совсем не обязательно каждый вечер устраивать в квартире иллюминацию и что после завтрака, обеда и ужина целесообразнее всего убирать продукты в холодильник, чем держать их на кухонном столе; в начале каждого сезона обеспечивать соответствующую экипировку членов семьи; производить мелкий

ремонт электро- и прочих бытовых приборов; следить за развитием международных событий и информировать о них семью; не допускать самовольных отлучек из дому; по возможности удовлетворять свои бытовые нужды методом самообслуживания; не приводить домой друзей; быть приветливым со всеми родственниками и знакомыми жены. И, наконец, всем своим авторитетом поддерживать семейный мир.

Тут я замечу, что глава семьи, как и всякий другой премьер, должен обладать недюжинными дипломатическими способностями, так как объявление войны или мира (соседи, родственники, знакомые) является целиком его прерогативой. В случае если конфликт уже возник и боевые действия начались без объявления войны, его обязанность — выполнить функции Совета Безопасности. Во время внутренних междоусобиц следует лавировать. А если объектом агрессии становится сам глава семьи, то единственный разумный выход для него — безоговорочная капитуляция.

Занявшись беглым перечислением, я, возможно, кое-какие обязанности пропустил. На самом деле их так много, что о некоторых наместник пророка на земле забывает. Этого не следует де-

лать. Во всяком случае, глава семьи обязан всегда помнить, что забота о покупке горчицы, чая и зубной пасты целиком лежит на нем. Положиться в этом деле на кого-нибудь из домочадцев означает завтракать сосисками без острой приправы, запивать их кипятком без заварки и ходить с нечищеными зубами.

Главу семьи украшает ровный, спокойный, покладистый характер. Он никогда не должен раздражаться, повышать голос или, хуже того, канючить. Этого никто не переносит — ни жена, ни дети. Если вы когда-нибудь в сердцах заметите, что вам надоело ютиться на раскладушке и вы хотели бы, как и другие, иметь нормальную кровать, то вам скажут:

— Суворов тоже всю жизнь спал на походном топчане, но это не помешало ему стать великим полководцем.

И лучше попридержать язык, когда вас отрывают от интересной книги и гонят в очередь за свиными ножками для холодца. Иначе можно нарваться на такое замечание:

— В твоем возрасте надо больше двигаться, а не сидеть сиднем на одном месте. Читал бы лучше журнал «Здоровье», а не эти дурацкие книжонки о шпионах и сыщиках.

Со стороны может показаться, что я нарисовал слишком мрачную картину. А как же привилегии, почести, приветствия? Ведь есть они?

Конечно, есть! Но я не кичусь этим и не задираю нос!

По секрету даже могу сообщить вам:

а) мое постоянное место за обеденным столом находится в самом углу между кухонным шкафом и газовой плитой, и я не могу оттуда выбраться, не выслушав всех обращенных ко мне претензий и упреков;

б) к моим домашним туфлям действительно никто не притрагивается, потому что они куплены в 1947 году во время предпоследней денежной реформы и изношены до дыр;

в) с моей фарфоровой кружки давно слезла всякая позолота, у нее отбита ручка, и когда я наливаю в нее чай, то чертовски обжигаю руки.

Что же касается почтительных «Спокойной ночи!» и «С добрым утром!», то я их просто не слышу. Когда я заканчиваю домашние дела, все уже спят, а когда встаю и иду на кухню готовить завтрак, никто еще не просыпается.

Так вот я, Синев Константин Иванович, и живу. Прошу, только не поймите превратно: я не хочу вас разжалобить и вызвать сочувствие. Наоборот,

мне хочется разжечь чувство зависти у всех лиц моего пола, кои одиноки. Вот уж поистине жалкая участь, вот уж действительно бессмысленное существование!

Глава семьи — этим многое сказано.

Я иду во главе, и меня это радует, бодрит, вдохновляет.

№ 5, 1964 г.

В. Подольский
ЗА МИЛЫХ ЖЕНЩИН

В нашем учреждении решили в этом году по-особому отметить Восьмое марта.

— Это же в конце концов хамство, — сказал председатель месткома Григоркин, открывая заседание комитета. — Ежегодно в этот, я бы сказал, лучезарный день мы ограничиваемся… Чем? Утомительными собраниями с длинными докладами. Ну, отпускаем еще сотрудниц с работы на пару часов раньше обычного. Но разве ж это соответствует эпохе?

— Однообразно… и неярко, — подтвердил зампредседателя месткома Сашин. — Нет и в помине эмоций, присущих, так сказать, этому чудесному дню. А ведь если подумать…

И они стали думать.

Спустя час, когда заседание близилось к концу, все члены месткома были твердо убеждены, что одни утомительные доклады — это плохо, а что-то яркое, блестящее, эмоциональное — это хорошо. Но вот где раздобыть это яркое и эмоциональное?..

В критический момент снова поднялся председатель месткома.

— Я могу заявить кратко, — сказал он, — месткомом отпустит на данное мероприятие пятьдесят рублей.

— Это уже основа для делового разговора! — живо откликнулся Костя Егоркин, никогда не бывший членом месткома, но всегда числившийся в ближайшем активе. — Если есть полсотни кровных профсоюзных рублей, то это уже вселяет бодрость и уверенность. К тому же подобная сумма может быть приумножена складчиной!

— Абсолютно точно! — восхищенно согласился Сашин и даже хлопнул в ладоши.

— А раз так, — продолжал развивать свою мысль Костя, — то мы устроим женщинам сюрприз. Силами мужчин мы накроем стол, проявим в этот день особую внимательность к сотрудницам, пригласим на вечер своих жен. А?

— Особая внимательность к сотрудницам и присутствие жен — это два, по-моему, взаимно исключающих мероприятия, — сказал кто-то меланхолически.

— Вздор! Мещанство! — отпарировал председатель месткома. — Одной рукой мы вежливо усаживаем к столу и угощаем товарища по ра-

боте, другой, так сказать, — товарища по семье и быту.

— М-да, — глубокомысленно произнес заместитель председателя месткома. — Откровенно говоря, рискованное это дело. Как бы все это не закончилось конфузом… Есть предложение жен не приглашать… Да и денег не так уж густо…

— Правильно! — горячо поддержал кто-то. — Осторожность в таком вопросе не повредит.

— Ну, тогда, — оживился председатель месткома, — можно более щедро накрыть стол. Людей меньше, а деньги те же. Не только пирожные, а и вино можно купить. Если хотите, даже чего-нибудь покрепче… Соберемся вечерком с нашими сотрудницами в уютной обстановке, выпьем с ними на брудершафт по рюмочке-другой, потанцуем в честь Восьмого марта. Домой их проводим, сотрудниц… Пусть знают и ценят мужское внимание!

— Лично я не думаю, чтобы наши жены встретили такое мероприятие с воодушевлением, — мрачно заметил секретарь месткома. — Я даже заостряю внимание собравшихся на том, что жены могут недопонять внутренней силы и значения это-кого… ммм… варианта… Понятно?

На минуту наступила тягостная тишина.

— М-да. Как бы некоторым из нас не пришлось после такого бала ночевать на улице. Ну просто не впустят в дом, — испуганно проговорил заведующий культсектором Зайкин. — Лично я припоминаю такой случай…

И опять, казалось, уже полностью решенный вопрос был безжалостно загнан в тупик.

— А если и сотрудниц не впутывать в это дело? — несмело сказал Костя, робко оглядываясь вокруг.

— То есть их тоже не приглашать? Так, что ли, вы предлагаете? — грозно спросил председатель месткома.

— Во избежание неприятностей, — тихо добавил Костя, краснея.

— Что ж… предложение смелое! — громко заявил председатель.

— И интересное, — добавил заместитель. — Лично я — за. Аудитория на нашем вечере будет, так сказать, более однородная. Можно говорить, не стесняясь, и всяких бабьих сплетен не последует… Имеется мнение принять это предложение за основу. Возражения есть?

Возражений не последовало.

И вот наступило Восьмое марта. Сотрудниц учреждения по традиции отпустили на два часа

раньше обычного. Правда, большую часть этого времени они просидели на общем собрании и, зевая, слушали длинный доклад руководителя учреждения. Однако тут уж ничего не поделаешь: праздник.

Но зато, когда закончился полный рабочий день, женщины поспешно разошлись по домам, а сотрудники мужского пола торжественно направились в красный уголок. Здесь их встречал не член месткома, но его непременный активист Костя Егоркин.

Жмуря от удовольствия глаза, он стоял возле празднично накрытого стола, уставленного бутылками и соответственно тарелками. Штопоры тоже были.

Мужчины, радостно загалдев, сели за праздничный стол. Но надо отдать им должное: они нисколько не думали о себе. Они пили за женщин.

№ 6, 1964 г.

Сем. Нариньяни
СВАТОВСТВО НА АРБАТЕ

К буфетчице трампарка тете Лизе приехал из-под Курска племянник Костя. Молодой, белозубый, с копной рыжих волос на голове. Поначалу тетка встретила белозубого не очень гостеприимно:

— Ты еще зачем?

Племянник многозначительно улыбнулся. Пять дней назад он прочел «Милого друга» Мопассана и позавидовал карьере Жоржа Дюруа.

— Что, что?

Племянник пробует рассказать тетке о жизни Милого друга.

— Ты что, не жениться ли приехал?

— Да, если ты поможешь найти мне подходящую невесту.

— Господи, это только свистнуть!

И тетка с ходу начинает сватать племяннику невест:

— Вот, например, Ира Дерюгина. Умница, красавица! Или возьми Любу Глущак… А еще лучше Сашу, дочь Марьи Антоновны…

— А она кто, эта Марья Антоновна?

— Вагоновожатая из нашего парка. Хочешь, познакомлю?

Саша, дочь вагоновожатой, — это, конечно, не Сюзанна, дочь парижского банкира, на которой женился Милый друг, но…

«Начинать с кого-то нужно», — думает белозубый Костя и говорит тете:

— Хорошо, знакомь, только по-быстрому. Со всеми невестами сразу.

«Что ж, раз племяннику не терпится, пусть будет по-быстрому», — решает тетя Лиза и устраивает в складчину коллективные смотрины. Каждая девушка, которой хотелось попытать счастья и познакомиться с белозубым Костей, вносила тете Лизе на вино и закуску по пять рублей. Повела в гости к тете Лизе свою дочь Сашу и Марья Антоновна.

— Чем черт не шутит, может быть, что-то и получится?

И что-то получилось.

— Хотя на смотринах были невесты и покрасивее, — рассказывала много времени спустя в редакции Марья Антоновна, — гость из-под Курска выбрал все же мою Сашу.

— Почему?

— Так ведь у Саши московская прописка.

— Как, неужели жених заглядывал в паспорт вашей Саши?

— Конечно, Костя — человек обстоятельный.

«Обстоятельность» Кости, пришедшаяся по душе будущей теще, к сожалению, не насторожила будущую жену, а ведь Саша была комсомолкой, училась в заочном педагогическом институте.

До появления белозубого Кости самым близким другом Саши Ворониной был Саша Клепиков. Соседи так привыкли к этому другу, что звали его Сашиным Сашей. Сама Саша тоже привыкла к Саше и все ждала, когда он пригласит ее в загс. А он с загсом не спешил. И не потому, что не любил Сашу, а потому, что тоже был обстоятельным. Однако «обстоятельность» Сашиного Саши была иного свойства, чем у Кости. У Сашиного Саши было восьмиклассное образование, а он хотел иметь высшее и еще в 1960 году составил личную семилетку: два года потратить на окончание вечерней школы и пять лет посвятить институту.

— Дай мне встать на ноги, — говорил Саша Саше. — Получу диплом инженера, и тогда мы поженимся.

Саша поначалу согласилась, а потом заскучала. А тут на горизонте появляется белозубый Костя и

приглашает Сашу в театр. Сашин Саша в тревоге.

— Не ходи, — просит он Сашу, — четыре года ждала, подожди еще три! Вот получу я высшее образование…

А ей ждать надоело. Женятся же люди и без высшего образования — и ничего: живут счастливо, рожают, воспитывают детей. В этот четверг Саша Воронина идет с белозубым Костей в театр, а в следующий — в загс.

Паспортистка жэка пыталась открыть глаза Саше и отказалась записывать в домовую книгу белозубого Костю. Уж очень подозрительным показался ей этот скоропалительный брак. А Саша и ее мать Марья Антоновна устраивают паспортистке скандал, идут с жалобой в милицию, на прием к депутату и добиваются своего. Как только в паспорте Милого друга появляется штамп о прописке, так молодой супруг тут же перестает симулировать любовь и внимание к молодой супруге. Больше того: он идет к тете Лизе с претензией.

— Не ту жену ты мне сосватала. Квартира у нее однокомнатная! Передняя темная! Санузел совмещенный!..

— Что же, давай переженю! У меня и невеста есть на примете подходящая.

— Опять дочь вагоновожатой?

— Вдова директора магазина гастрономии и бакалеи. У нее и передняя лучше и санузел раздельный.

И вот Костя идет в гости к вдове. Вдова выходит навстречу жениху в новом платье, в модной прическе. А Костя даже не смотрит на прическу. Он говорит «здравствуйте!» и отправляется в обход по квартире. Сначала осматривает места общего пользования, потом интересуется расположением комнат. Закончив осмотр, Костя задает вдове вопрос:

— Где работаете? Сколько получаете?

— Я не работаю. У меня сберкнижка.

Костя проверяет сумму вклада и впервые в этот вечер улыбается. Вдова в порядке. Есть полный расчет менять однокомнатную жену на двухкомнатную.

Белозубый Костя приехал в Москву искать легкого счастья.

Нелли Гусева приехала учиться. Сдала Нелли приемные экзамены на три двойки и две тройки. Ей нужно возвращаться домой, а она не едет.

«Хочу поработать в библиотеке МГУ», — пишет она матери в Свердловск.

Но вместо библиотеки Нелли зачастила в сквер

на Арбатской площади. Придет, сядет на скамейку. Не в той стороне сквера, где под присмотром нянь и мам играют дети, а в той, где режутся в «козла» папы и дедушки. Раскроет Нелли кружевной зонт и сидит над книжкой, как рыбак над удочкой, ждет, не клюнет ли. И клюнуло. Один из чемпионов козлодрания прельстился смиренным видом юной отроковицы. Два дня он любовался ею издалека, а на третий подошел и представился:

— Коськов-Португалов.

— Нелли.

— Разрешите сесть рядом?

Нелли разрешила и спросила:

— Хотите пообщаться?

— Это что значит?

— Общаться — значит дружить, — объяснила Нелли и добавила: — Я согласна дружить с вами, если только вы скрепите эту дружбу законным браком.

— Господи, конечно! — сказал Коськов-Португалов и повел девушку под белым кружевным зонтиком в загс.

Заведующая загсом, нужно отдать ей должное, бросив взгляд на жениха, отказалась регистрировать его брак. Жених возмутился, стукнул

кулаком по столу:

— Я пенсионер областного значения!

Коськов-Португалов не только стучал кулаком, он ходил в собес, на прием к депутату, доказывал, что Конституция страны не устанавливает предельного возраста для женитьбы пенсионеров, поэтому он просит оказать ему содействие в бракосочетании с двадцатилетней Нелли. В Конституции и в самом деле ничего не говорилось о предельном возрасте женихов, тем не менее ни собес, ни депутат не пожелали оказывать жениху-пенсионеру содействие. Тогда пенсионер отправился к врачу-эндокринологу и принес в загс справку: «Податель сего, несмотря на преклонный возраст, обладает жизнедеятельностью человека сорока лет. Брак ему не противопоказан».

Коськов-Португалов добился своего.

Поздний брак не принес, однако, счастья жениху областного значения. Через месяц после свадьбы Коськов-Португалов, возвращаясь с арбатского сквера после затянувшейся партии «в козла», видит, как его молодая жена, прощаясь, целуется в дверях квартиры с неизвестным молодым человеком. Коськов-Португалов от обиды даже заплакал. А Нелли успокаивает его:

— У Манон Леско тоже были слабости, и кавалер де Грие прощал их ей.

Еще через месяц Нелли целовалась со своим любезным не только в отсутствие мужа, но и в его присутствии. Коськов-Португалов попробовал поучить жену ремешком, но разве старому, пусть даже вооруженному справкой врача-эндокринолога, одолеть молодую?

Что делать? Идти в собес, к депутату, просить их о помощи? Стыдно! И Коськов-Португалов бежит из собственного дома.

Нелли стала жить одна в однокомнатной квартире. Четыре года назад она родила сына. За эти четыре года сын и четырех месяцев не прожил с матерью: то его из жалости приютит одна соседка, то другая.

Маме Нелли возиться с сыном некогда. Днем она спит, а вечером и ночью поет, танцует. Работник детской комнаты милиции спросил как-то сына Нелли Гусевой: «Кто твой папа?» (Может, удастся этого папу заставить взяться за воспитание ребенка?) И мальчик ответил:

— Мой папа — дядя Витя.

— Какой дядя Витя, директор гаража?

— Дядя Витя, директор гаража, был папой в прошлом году, а в этом мой папа — дядя Витя,

работник речного пароходства.

Нелли Гусева трижды привлекалась к суду за аморальное поведение. Первый суд лишил ее родительских прав, второй предложил заняться общественно полезным трудом. И так как Нелли не пожелала внять добрым советам, третий суд выселил ее из Москвы.

Так бесславно закончилась карьера Манон Леско из Свердловска. Что же касается Милого друга из-под Курска, то он целый год занимался пополнением своего гардероба. Квартируя у вдовы, Милый друг за счет сбережений покойного директора магазина гастрономии и бакалеи сшил себе три пальто (зимнее, осеннее и летнее), пять костюмов (три темных вечерних и два светлых). В тон костюмам он приобрел дюжину сорочек (три москвошвеевских, три венгерских, три польских, три немецких). Вдова вела обновам штучный учет. Она делала покупки, надеясь, что как только будет оформлен развод с Сашей Ворониной, белозубый Костя женится на ней. А он женился на Гале Кишкиной. У Галиного папы трехкомнатная квартира и три десятка деловых знакомств. Милый друг надеется с помощью этих знакомств сделать карьеру, выгодно устроиться на железной дороге. Нет, не министром. Эта

должность очень хлопотная. И не начальником дороги. У этих тоже много хлопот. Мечта Кости — стать директором вагона-ресторана. И он, конечно, станет им, и, конечно же, проворуется и отправится вслед за Нелли в отдаленные районы Красноярского края.

Этот фельетон не о преступлении и наказании. Я пишу о подлости и доверчивости. И Костя и Нелли — люди весьма примитивные. С первого же взгляда каждому ясно, что перед ним молодые прохвосты. Ни любить, ни дружить они не умеют. Таких интересуют только деньги и прочие выгоды.

Разве Саше Ворониной, Сашиной маме Марье Антоновне и почтенному Коськову-Португалову не делались на этот счет предостережения? А они вместо того, чтобы сказать «спасибо», стучали на работников загса и паспортисток кулаками. С непонятным упрямством они ходили, жаловались, добивались права сунуть голову в петлю, породниться с прохвостами. И вот породнились, покалечили себе жизнь: молодые в самом начале ее, а старики — на закате.

№ 8, 1964 г.

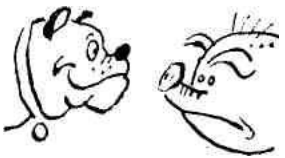
Сергей Смирнов
САТИРИЧЕСКАЯ РОССЫПЬ

Стратег и тактик

Односторонний критикан

Является —
ретивее ретивых —
И первым выступает
на активах,
Но тут же
выбирает
для присеста
«Удобоубегаемое» место.

Мопс
на Свинью
воззрился косо:
— Ох, до чего же ты
курноса!



Двурушник

Петух-лицемер

Он кричит:
— Я воин,
Вы друзья мои!..
А язык
раздвоен,
Словно у змеи.

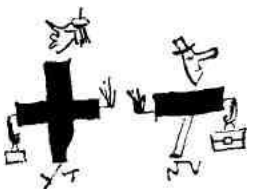
В любовной драке
выдрал потроха
У ближнего собрата
Петуха,
А говорит,
что ревность —
Это древность.

Водолею-ворчуну

Плюс на минус

Любя ворчать
И злиться,
Не лезь в печать
Излиться.

Сошлись,
А не нашли
контакта
...Вот так-то!



Себе на уме

Прогрессивный скачок

Не отрешился
от соблазна
Хвалить в глаза,
Хулить
заглазно.

Решив,
что много смысла
в этом,
Канаву
Стали звать
Кюветом.

Мухомор

Что за красавец!
Ай да вид!..
А на поверку

ядовит.

Двуногая порося

Растет,
Не слыша даже краем
уха,
Как достается
Хлебная краюха.

Хавронья о себе

Экспромт-самозванец

— Кому во вред,
а мне полезно! —

Прохрюкала
И в грязь полезла.

Значится
Нескромно
В качестве
Экспромта,
А над ним
Сидели
Около
Недели.

№ 9, 1964 г.

Ю. Золотарев
СЛУШАЛИ — ПОСТАНОВИЛИ

Вынырнув из табачного дыма, управляющий трестом решительно сказал:

— Хватит с нас совещаний. Довольно тратить попусту рабочее да и нерабочее время. Будем решать вопросы оперативно, по-деловому. Кто за? Против? Принято единогласно!

* * *

На радостях сразу организовали культпоход. Вместо проклятого совещания пошли в театр. В оперу. Во главе с самим управляющим. Чинно сели на свои места и замерли в ожидании таинства.

Заиграла музыка. Поднялся занавес. На сцене тотчас началось совещание.

Артист, талантливо загримированный под председательствующего, проникновенно спел лирическим тенором:

— Пове-е-стка дня-я…

А где-то сзади хор бодро и дружно грянул: «Слушали — постановили! Слушали — поста-

новили!»

Управляющий трестом почесал затылок, заглянул в программку и ужаснулся. Там было написано:

> «Действующие лица:
>
> Председатель собрания — засл. арт. респ. Верхне-Дунайский.
>
> Члены президиума собрания — засл. деятели автономной обл. Бобченко, Добченко и Лифшиц.
>
> Счетная комиссия — учащиеся оперной студии».

Управляющий потихоньку поднялся и, пробравшись к выходу, спросил встрепенувшегося билетера:

— Принимать резолюцию скоро будут?

— За основу?

— Хотя бы.

— Вторая картина. В целом — третья, после антракта.

— Так. Ну, а считать голоса?

— Чего там считать! У нас в театре настоящих голосов раз, два — и обчелся.

— Я говорю о голосовании по ходу оперного собрания.

— А! Это, дорогой товарищ, финал. Перед самым что ни на есть гардеробом. Как урну под перезвон колокольчиков внесут на сцену, так, считай, дело к концу идет.

В антракте управляющий сказал грустным подчиненным:

— Не унывать! Пошли в кино. Только выбрать надо название поинтереснее. Вот, например, фильм «Погоня».

Фильм действительно захватывал с первой минуты.

Человек мужественно гнался за уходящим трамваем. Не успевал.

Гнался за троллейбусом. Успевал, но в последний момент падал. Лежа, он вспоминал свою жизнь.

Затем вскакивал в свободное такси, но не успевал до конца первой серии уговорить несознательного водителя подвезти его.

Во второй серии появлялся самый лучший в мире вертолет. Под звуки звездного марша герой фильма опускался прямо на крышу и через красиво обставленный чердак попадал в зал к столу президиума.

Оказывается, он так торопился потому, что должен был председательствовать на вот-вот

открывающемся важном заседании.

В финале фильма звучат слова диктора:

— Мы рассказали вам простую историю о простом председателе рядового собрания. Он не сделал ничего особенного. На его месте так поступил бы каждый. Если скажут «надо», он успеет сегодня же еще на одно собрание!

— Это верно, — согласились работники треста. — Можно успеть и на десять совещаний в день! Но как от них отдохнуть?

— Знаете, что, — предложил управляющий, — пойдете на стадион! Уж там-то…

А там, между прочим, шло очередное заседание членов клуба любителей футбола. И прения были в самом разгаре…

* * *

Могут сказать, что юмореска несколько устарела. Что, дескать, для наших спектаклей и фильмов уже не характерны многочисленные совещания. Возможно, возможно…

Все дело в том, что я написал эту юмореску давно и никак не мог напечатать. Редактор, который должен был ее прочитать, все время пропадает на заседаниях.

№ 10, 1964 г.

Николай Монахов
ШПИЛЬКА

Десятитонный самосвал едва тащился под тяжестью груза.

В кузове громоздились газовая плита, походная кухня для туристов, комплект инструментов «Все для огородника», дюжина волчьих капканов и комнатная статуя Аполлона.

— На дачу едет, — говорили прохожие и махали человеку, восседавшему на шее Аполлона. — Привет дачнику!

Самосвал подъехал к дому. Дюжие грузчики принялись выгружать имущество и носить на пятый этаж.

Владелец имущества позвонил в свою квартиру.

Дверь открыла женщина в элегантной шубке, но с распущенными волосами.

— Петенька, разве можно так долго ходить в магазин? — закричала она. — Мы же опаздываем в театр. Давай скорей шпильки.

Тут она увидела грузчиков, застрявших на лестнице с комплектом «Все для огородника».

— Боже! А это что такое? У нас же нет огорода!

— Возьми, — сказал муж, протягивая ей шпильки для волос. — А все остальное мне навязали в качестве принудительного ассортимента.

№ 11, 1964 г.

Иван Законов
ТЕТЯ ВАРЯ ЧТО-ТО ВАРИТ

Ночью свет у тети Вари
Подозрительно горит:
Тетя Варя что-то варит,
Только что́ —
Не говорит.
Из буртов колхозных свеклу
Получив на… трудоночь,
В поварском искусстве свекру
Тетя следует точь-в-точь.
Тетя варит тихо-тихо,
Только слышно:
Кап-кап-кап.
Все боится повариха,
Не раскрыли тайну каб!..
Заиграл мышонок в прятки —
Тетя варит не дыша.
В этот миг
Шмыгнула в пятки,

Точно мышь, ее душа.
Чу! Кричит далече где-то
За деревнею сова.
Тете чудится, что это
Участкового слова!..
Что сварила —
В темный угол!..
У стряпухи нервный шок.
А из печи
Прыгнул уголь —
Вспыхнул с варевом горшок.
«Дом горит!» — кричит Варвара,
Угодив сама в огонь...

* * *

Тетка свеклу воровала
И варила самогон.

№ 14, 1964 г.

Давид Кугультинов
СМЕЯТЬСЯ ЛЕГЧЕ

При мне насмешливый бездельник
Кричал, что деньги — ерунда.
«Я знаю, ты всегда без денег, —
Ответил я ему тогда, —
Чтоб презирать рубли и медь,
Все ж нужно их сперва иметь».
При мне бездарный рифмоплет
Глумился злобно и лукаво
Над поэтическою славой.
Ему сказал я в свой черед:
«Чтоб славою не дорожить,
Все ж нужно славу заслужить».

Перевела с калмыцкого Ю. Нейман.

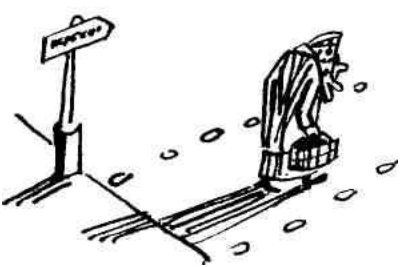
№ 15, 1964 г.

Микола Билкун
МАМА У НАС ОТДЫХАЕТ

— А-а-а! Павел Максимович, заходите, заходите! Давненько у нас не были. Знакомьтесь, это наша мама, она у нас отдыхает: уже на пенсии. Садитесь, садитесь! Сюда! Здесь вам будет удобнее. А бы, мама, чего стоите?!. Организуйте нам чего-нибудь перекусить. Павел Максимович наверняка тоже еще не обедал. Давайте, давайте, быстренько!.. Да-а… Ушла на пенсию старушка. Законно, так сказать, отдыхает. Ну, по дому где что надо поможет. Сюда-туда… Мамаша, что же вы, прости господи, собираетесь, как на охоту? Так… А селедочка где? Ай-я-я-яй! А селедочку и забыли. Ничего, ничего, Павел Максимович, тут до гастронома два квартальчика. Пускай старушка пробежится. Одна нога здесь, другая там. Хе-хе-хе! Она ведь теперь отдыхает, ей полезно пробежаться по свежему воздуху. Да-а… А как вы поживаете? Как на службе дела? Как жена, детки? И жена тоже работает? Так, так… Мамаша, почему вы так долго? Можно подумать, что вы сами селедочку ловили и солили. Хе-хе-хе! Что, лифт испортился?

Вечно у вас что-нибудь не слава богу. Ну вот, я так и знал! А минеральная водичка где? Что вы, что вы, Павел Максимович, как можно в такую жару без минеральной водички? Мамаша сейчас почистит селедочку и сбегает за водичкой.

О-о, а это супружница моя с прогулки вернулась и сынок. Саша, дай дяде ручку. Нет, Саша в детский садик не ходит. Зачем? Ведь мамаша у нас теперь отдыхает, она за ним и присматривает.



Нина, садись к столу. Сейчас мама водичку откроет и поведет Сашу гулять. Берите его, мама, берите, чего стали? Ишь, как раскапризничался! Прошу вас, Павел Максимович, прошу. И водичкой запейте. Мамаша еще принесет… О, а сигареты она все-таки забыла! Сейчас крикну ей с балкона. Мамаша! Сигарет купите в киоске. Каких, каких! «Спутник». Вы что, забыли? Подумать только, у человека никаких забот, сидит себе, как у бога за пазухой, на пенсии, отдыхает, а память такая дырявая. Берите, берите, Павел Максимович, закусывайте! Сейчас мамаша сигарет принесет, черный кофе заварит. Она у нас мастак на такие штуки. А вот и сигареты! Ну, мамаша, давайте оформляйте нам черный кофе. Ниночка, положи гостю еще сырку. Мама, где вы там ходите? Посмотрите-ка, почему там Саша плачет. Наверное, кошка поцарапала. Мамаша, да выбросьте кошку на лестницу! Ага, а кофе уже сварили? Наливайте, чего же вы стоите?!

Мамаша, налейте Павлу Максимовичу еще чашечку. Правда, вкусный кофе? Мамаша у нас — специалист. Как вышла на пенсию, как стала отдыхать, так ее кулинарный талант прямо-таки расцвел. Мама, посмотрите: была ли почта? Поглядим, что сегодня по телевизору. Павел Мак-

симович, вы уже прощаетесь? Куда спешите? Ну, не буду задерживать. Привет жене, деткам! Ушел… Да-а… Ну, что у нас там по телевизору? Так, так… Ага, передача «Для вас, женщины». Ниночка, садись поближе. Мамаша, неужели нельзя убрать посуду тихо? Мешаете слушать! Уф-ф! Жара какая! Откройте дверь на балкон, а то задохнуться можно. Мамаша, там, кажется, кошка весь дерматин на дверях обдерет. Что это у нас творится, черт возьми! Придешь с работы усталый, культурно отдохнуть хочется — никаких тебе условий. Вы ведь целый день отдыхаете, а создать нам эти условия не можете! Мамаша, а где мои туфли? Сами под тахту заткнули. Ой, сколько там пыли! Зачем только пылесос покупал?! Ну, так я и знал: двух пуговиц на пижаме не хватает. Когда вы соберетесь их пришить? Уложите Сашу спать, потом пришьете пуговицы. А вообще надо свой отдых как-то планировать. Вы же как-никак весь день дома…

Перевод с украинского.

№ 15, 1964 г.

Юрий Мартынов
ВЕЧЕРНЕЕ ПЛАТЬЕ

Вика высока и стройна. У нее бледно-голубые глаза навыкате, остренький носик, большой рот. Вика считает себя пикантной. Она признает, правда, что уши у нее немного великоваты. Но этот недостаток ее не беспокоит: уши прикрыты модно сделанной прической.

Когда Вике исполнилось семнадцать лет, она серьезно подумала о жизни и составила единственно разумную, с ее точки зрения, программу. Вика решила уйти из школы, окончить курсы стенографии и машинописи, поступить на работу в одно из солидных министерств (в одно из тех, двери которых нельзя открыть иначе, как повиснув всем телом на массивной медной ручке), работать и жить в свое удовольствие: быть модной, ходить на танцы и в кино, нравиться мальчикам и в то же время осмотрительно к ним относиться. С ее внешностью, полагала она, можно найти прекрасного мужа, такого, который сочетал бы в себе обаяние молодости с неограниченными средствами.

После окончания девятого класса Вика объявила о своем решении матери, уже немолодой женщине, страдавшей сердечной болезнью. Мать всполошилась, почувствовала себя плохо, заплакала. Она работала санитаркой в районной поликлинике, и ей хотелось, чтобы дочь стала врачом.

Но у Вики была своя духовная наставница — тетка по отцу, владелица дачи и сада, неудавшаяся художница. Тетя Туся торговала цветами, вязала и шила, сдавала комнаты.

— Не дай бог, — говорила она, — если девочка пойдет по стопам матери, у которой главная забота — работа. Девочка должна жить легко и красиво.

В то самое лето, когда подруги по классу сдавали экзамены на аттестат зрелости, Вика уже восседала за монументальным столом секретаря начальника главка, красила губы модной розовой помадой и купила себе первые туфли на «шпильках».

Вика напряженно следила за веяниями моды и с редкой силой воли шлифовала себя. Она считала, что голос у нее резковат, а свойственная ей манера обрывать собеседника на полуслове вульгарна. Приходилось постоянно следить за

собой, а голос упражнять дома.

Вика освоила негромкое контральто, призванное выражать тонкие оттенки чувств. Она научилась слушать своих собеседников с выражением искренней заинтересованности.

Резкую, угловатую походку Вика сменила на плавную поступь. Она муштровала себя до тех пор, пока у нее не стало привычкой, не торопясь, подавать руку, небрежно натягивать перчатку и непринужденно держаться где бы то ни было. Вика уже начинала хандрить оттого, что никто не выражает вслух восхищения результатами ее усилий, но тут она познакомилась с Анатолием, студентом последнего курса юридического факультета. Самоусовершенствование, которому посвятила себя Вика, приобрело более определенный и волнующий смысл.

Как-то вечером Вика и Анатолий отправились на концерт в Зеленый театр. Симфонический оркестр играл что-то скучное. Хотелось есть. В момент, когда мысли Вики остановились на этом довольно пошлом предмете, раздались дружные рукоплескания. Она прищурила глаза и увидела, как на сцену к сверкающему в луче прожектора роялю прошла известная актриса в платье из белоснежной искрящейся ткани.

Вика затаила дыхание. Хороша, ничего не скажешь! Как это она, Вика, до сих пор не подумала о таком вечернем платье?

Викина мысль вдохновенно заработала. Надо, надо шить вечернее платье, и именно белое, парадное, ослепительное. И немедля!

Остаток вечера был поглощен новой мечтой. Правда, это не помешало Вике основательно поужинать с Анатолием в ресторане. После закрытия ресторана Анатолий отвез Вику домой на такси. Чувствуя себя немного хмельной от выпитого за ужином вина и нового грандиозного замысла, Вика весело простилась со своим другом и поднялась к себе. Едва она вошла в комнату, ярко освещенную полной луной, как ее охватила ярость: в комнате резко пахло валерьяновыми каплями.

«Опять старуха пила эту гадость! — со злостью подумала Вика. — Никогда не вспомнит обо мне, знает, что я не переношу запаха валерьянки», — и неприязненно посмотрела в сторону матери, которая спала на диване. Перед диваном на стуле стоял стакан с водой и пузырек с каплями.

«Опять плохо было», — холодно заключила Вика, прошла к окну, распахнула его и села на подоконник.

Перед ее глазами вставало то белоснежное платье певицы, то она сама в таком же платье.

«Да, эту идею нельзя откладывать в долгий ящик, — лихорадочно размышляла Вика. — Анатолий обещал свести меня в интересную компанию. Кто знает, может быть, это платье и решит мою судьбу. Ведь не сошелся свет клином на Анатолии, тем более что он еще очень несамостоятелен и, как сам однажды признался, не в ладах с отцом».

Итак, платье. Тетя Туся поможет. Это во-первых. А во-вторых… Вика соскочила с подоконника, включила свет и открыла шкаф. Под платьями и костюмами белела коробка. Что это? Полуботинки матери, но они поношены, и вряд ли их можно реализовать. А вот пыльник — как это она не вспомнила о нем сразу? — пыльник подойдет. Правда, мать его очень любит, но иногда приходится идти на жертвы.

Вика прикрыла шкаф, значительно успокоенная.

Платье у нее будет, и не позднее, чем к следующему воскресенью. Запах валерьянки уже не так раздражал ее. Теперь можно и спать. Вика разделась, забралась под одеяло. Последняя ее мысль была о матери: простыни она крахмалит отлично, ничего не скажешь!

№ 22, 1964 г.

Виктор Орлов
В НЕПРИНУЖДЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

Боря Баранкин — это, конечно, не Александр Македонский, но тоже ничего, звучит. Тем более, что именно Боря Баранкин, а не кто другой изобрел глиссер-вертолет.

Глиссер-вертолет и прославил скромную фамилию Баранкина. Этот глиссер-вертолет (в одну десятую натуральной величины) мог двигаться по воде и тут же с ходу подниматься в воздух. Он был весь разборный, и винт вертолета тоже разбирался и мог в случае аварии служить в качестве весел.

Это последнее обстоятельство привело в особое восхищение редакцию местной газеты, и о Боре Баранкине была напечатана статья. Потом местное радио сделало о Боре Баранкине передачу. А потом Борю Баранкина пригласили на местный «Голубой огонек».

Режиссер телевидения долго рассказывал Боре Баранкину, что нужно делать. Боря должен был в непринужденной обстановке, за чашкой кофе рассказать о своем глиссере-вертолете, о том,

как зародилась идея и как она осуществлялась, привести забавный случай из жизни школьного технического кружка, поблагодарить старших, и особенно пионервожатую Люсю Гаврикову, и показать свой глиссер-вертолет, при условии, конечно, что он не врежется в телевизионную камеру.

И вот наконец настал вечер передачи. Борю умыли, одели в парадную форму — белый верх, черный низ — и отправили на студию.

На студии в непринужденной обстановке сидели взрослые дяди и тети. Они сидели за тонконогими столиками, перед каждым стояла пустая чашка — кофе обещали налить в начале передачи. Все дяди и тети были очень красиво одеты. Они прокашливались и вполголоса репетировали свои выступления.

Родители Бори Баранкина тоже волновались — дома, у телевизора. Они не понимали, почему передача так долго не начинается. Они не знали, что студия уже с утра выбилась из графика, что спортивная передача заняла слишком много времени, что из-за этого пришлось урезать «Вести с полей», что, несмотря на это, «Вести с полей» съели все время «Умелых рук», что «Умелые руки» протестовали, и, пока прояснялась эта сложная

ситуация, запустили одночастевый документальный фильм, который оказался трехчастевым, и вот теперь никто не решался его остановить. Не знали этого и красивые дяди и тети, которые прокашливались и торжественно повторяли свои слова.

Непринужденная обстановка накалялась. Ассистенты режиссера бегали по залу, сталкиваясь лбами. Сам режиссер сидел в углу, тихо стонал и сокращал текст выступлений целыми страницами.

Только один человек был спокоен — юноша в красивых носках. Он переходил от столика к столику, садился, высоко задирая брючину, и одним глазом посматривал, видны ли в камере его носки.

Фильм все-таки прекратили на самом интересном месте, и на экране появилась симпатичная заставка: птичка клевала улыбающегося червячка. Заставка держалась очень долго, и Борины родители опять недоумевали.

В это время беготня на студии усилилась, ноги ассистентов слились в одну сверкающую линию, а между режиссером и оператором возник небольшой скандал.

Наконец режиссер подал сигнал. Камеру на-

правили на юношу в красивых носках. Режиссер сделал юноше страшные глаза. Тот вздрогнул и быстро рассказал, что он сидит рядом со знаменитым ученым-физиком и что знаменитый ученый-физик занимается изучением солнечного вещества. Боре Баранкину стало ужасно интересно. Человек в очках закашлялся и, запинаясь, объяснил, что вообще-то никто не видел и не изучал солнечного вещества вблизи, хотя в дальнейшем можно будет совершить экспедицию к Солнцу и, так сказать, непосредственно «зачерпнуть» солнечной материи. Юноша оторвался от своих носков и быстро поглядел на человека в очках.

— Как ложкой из кастрюли? — спросил он и захохотал.

— Да… разумеется… — растерянно сказал человек в очках и покраснел. По телевизору этого не было видно.

— Вот ведь — как ложкой из кастрюли! — весело повторил юноша в красивых носках. — Все это очень, очень интересно! А сейчас вы, выходит, еще не зачерпнули?

— Нет, разумеется… Сейчас мы проводим серьезные исследования…

— Не зачерпнули, значит! — обрадовался юно-

ша, одним глазом, как птица, снова взглянув на свои носки… — Ну что же, остается вас поблагодарить…

— Но я еще не рассказал… Дайте сказать, — жалобно попросил человек в очках, отодвигая пустую чашку.

— Рассказать… да-да… ну, скажите!

— Изучение солнечной материи имеет и будет иметь тем более серьезное значение для нашей науки…

— До тех пор, пока мы сами ее, так сказать, не зачерпнем! — уверенно подсказал юноша. — Ну, что же, все ясно, большое спасибо! — быстро закончил он, делая под столом отчаянные знаки оператору.

Раздался грохот — это упала телекамера. Обаятельная ведущая испугалась и вскрикнула. Человек в очках махнул рукой и замолчал. Вторую камеру уже наводили на ведущую, которая быстро подсела к старику, увешанному орденами и медалями.

— А сейчас, дорогие зрители, мы познакомимся с участником двух войн, генерал-майором в отставке Петром… Петром… Вас ведь зовут Петр?

— Петр Федорович, — ласково улыбнулся ей старик.

— Ну, конечно, Петр Федорович! — просияла обаятельная ведущая. — Скажите, Петр Федорович, это у вас все ордена?

— Ордена.

— А это медали?

— Медали.

— Да. Ордена и медали. Старый воин, конечно, может многое рассказать о своих подвигах. Ведь можете, Петр Федорович?

— Да как сказать… — снова улыбнулся старик и прокашлялся. — Вот, помню я, в сорок третьем под Харьковом…

— Ну, вот видите, может! — обрадовалась обаятельная ведущая. — Немало воспоминаний хранится в памяти старого воина! Но мы, к сожалению, торопимся. Петр Федорович, мы пригласили вас, чтобы специально в вашу честь исполнить ваше любимое мамбо «Голубка»!

Оркестр грянул. Он играл очень долго и очень громко. В середине музыканты что-то кричали хором. Потом выскочила голая тетя в красном лифчике и начала делать под музыку мостик. Боря Баранкин и не заметил, как на него наставили телекамеру.

Оркестр смолк. Прямо к Боре бежала обаятельная ведущая.

— А вот еще один наш сюрприз — Вова Баранкин! — объявила она на ходу и встала к Боре спиной. И затем, обернувшись на минутку лицом, прошептала: — Вовочка, в темпе!

Боря вздохнул. Ему стало ужасно жаль взрослых, которые очень мучались. Ему ужасно захотелось помочь им. Он еще раз вздохнул и быстро-быстро сказал:

— Я знаю, тетя, вы очень спешите…

— Верно, Вовочка! — обрадовалась обаятельная ведущая.

— Меня зовут не Вова, а Боря, но это неважно…

— Верно, Вовочка!

— Я изобрел глиссер-вертолет, но это тоже неважно…

— Верно, Вовочка!

Балетными шагами к ним припорхнул юноша в красивых носках. Он уже не смотрел на свои носки, он неотрывно смотрел на часы.

— Я не буду рассказывать о зарождении идеи и приводить забавный случай, потому что вы спешите…

— Верно, Вовочка! — хором воскликнули обаятельная ведущая и юноша в красивых носках.

— Еще я должен поблагодарить взрослых и особенно пионервожатую Люсю Гаврикову, но

они тоже обойдутся.

— Конечно, Вовочка! — ликовали обаятельная ведущая и диктор в красивых носках.

— У меня все, тетя. Мне было очень, очень интересно, тетя. Большое спасибо.

Грянул оркестр. Обаятельная ведущая повернулась к экрану.

— А теперь, товарищи…

Больше зрители ничего не увидели. На экране появилась заставка. На ней была изображена все та же птичка. Она клевала улыбающегося червячка. Заставка долго держалась на экране в полном молчании. Потом заиграла музыка. Птичка и червячок улыбались друг другу. Так прошло полчаса…

Еще через полчаса объявили следующую передачу.

№ 21, 1964 г.

Ц. Солодарь
ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Открыт магазин минеральной воды:

«Боржоми» — озера, «Джермука» — пруды!

Огромнейший выбор. Названий не счесть:

«Смирновская» есть и «Московская» есть!

Повсюду плакаты:

Кому и когда

Положена та иль иная вода.

Вприпрыжку спешат в магазин старики:

Есть все разновидности «Ессентуки»!

Отбоя от жен-покупательниц нет —

«Нарзан» украшает семейный обед!

Но...

Кто-то подумал:

— Конечно, «Нарзан» —

Достойный напиток. А касса? А план?

«Нарзан» потеснили.

На полках стоят

Кавказские вина и крымский мускат.

Завмаг призадумался:

— Что ж это вдруг

Понизился спрос на «Арзни» и «Джермук»?

Да, видимо, это серьезный сигнал,

Что срок за шампанское взяться настал!

И вместо «Баталинской» горькой воды

«Абрау-Дюрсо» засверкали ряды,

А вместо «Московской» да «Ижевской» вод

Московская водка пошла в оборот,

На смену «Боржоми» пустили коньяк…

И тут же решает сметливый завмаг:

— Полезно «Нарзаном» коньяк запивать —

Мы станем «Нарзаном» опять торговать.

А это нам полное право дает

Оставить названье «Продажа минвод»!

№ 25, 1964 г.

Валентин Лагода
ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Отребье всяческих пород
На нашу землю лезло,
Совались гады что ни год
К нам с кулаком железным.
На нас походным маршем шли,
За нашу гибель пили,
Нас в паровозных топках жгли,
И в топях нас топили...
А мы живем,
Живем не зря!
Для нас года не бремя.
На нас в сияньи Октября
Работать будет время.
С войной четырнадцать держав
Явились к нам незванно.
Мы, наглый натиск их сдержав,
Разрушили их планы.
От страха начали спешить

С пророчеством Емели,
Что будто нам осталось жить
Всего лишь две недели…
А мы живем,
Живем не зря!
Для нас года не бремя.
На нас в сияньи Октября
Работать будет время.
Фашисты к нам ломились в дверь,
Грозя несметной силой…
А где же та орда теперь?
У нас нашла могилу.
И в волжской сгинули воде
Фашистские вояки
И на Днепре узнали, где
У нас зимуют раки.
А мы живем,
Живем не зря!
Для нас года не бремя.
На нас в сияньи Октября
Работать будет время.
Мы испытали много бед

И трудностей немало,
Ведь мы возводим новый свет,
Какого не бывало!
В борьбе решается наш спор,
За мир ведем мы битвы,
И всем врагам наперекор
Живем и будем жить мы!

№ 30, 1964 г.

Борис Стрельников
НАШИ «АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ»

Однажды мою корреспондентскую квартиру в Нью-Йорке ограбили. Это было странное ограбление. Вместе с именными часами, кинокамерой и двумя пишущими машинками грабители унесли мои рукописи, записные книжки, вырезки из американских газет и письма из Калифорнии от выжившего из ума генерала в отставке. Этот генерал официально уведомлял меня, что он назначил сам себя правителем США «в изгнании», предварительно объявив правительство в Вашингтоне незаконным.

Ожидая прибытия полиции, я горевал о своих записных книжках, а больше всего о генеральских письмах, которые собирался использовать для фельетона в «Крокодиле». Размышления мои прервал телефонный звонок. В трубке что-то пищало, звенело, гудело, слышался далекий человеческий голос. Наверное, так будет звучать первая радиоперекличка Земли с Марсом. Прошло несколько минут, прежде чем я понял, что по радиотелефону меня уже «записывают»

репортеры местной радиостанции, узнавшие во время облета города на вертолете об ограблении корпункта «Правды». Потом звонили изо всех нью-йоркских газет. Телевизионная компания прислала бригаду для съемок, но я скрылся, выбравшись из дома черным ходом.

Через сутки приехали полицейские в штатском, чтобы задать мне несколько незначительных вопросов и тщательно обшарить всю квартиру. Они открывали стенные шкафы и многозначительно произносили:

— Гм! Да-а!

Заглянули даже под кровать, на секунду повергнув меня в ужас от мысли, что я беспечно спал на той самой кровати, из-под которой сыщики вытащат сейчас бандитов.

Не обнаружив преступников под кроватью, один из сыщиков слазил на чердак и принес оттуда дырявую соломенную шляпу.

— Узнаете? — спросил он, глядя на меня проницательными глазами. — О'кей! Проверим!

Спустя час они ушли, чтобы никогда больше не вернуться.

С тех пор моя почта заметно возросла. Кто-то заботился о моем духовном просвещении. За одну неделю я получил несколько библий на русском и

английском языках, долгоиграющие пластинки с записью церковных песнопений, книги «Как легко разбогатеть», «Как научиться играть в карты» и «Как обольщать девиц», пакет с порнографическими открытками и подписную квитанцию на фривольный журнальчик «Бездельник». Мне прислали приглашение стать держателем акций, вступить в Общество трезвенников, в Лигу любителей птиц и, наконец, в Ассоциацию ценителей висконсинского сыра.

Однажды в дверь позвонили.

— Я узнала ваш адрес из газет, — затараторила симпатичная девушка, очень похожая на какую-то голливудскую звезду. — Я хочу поговорить с вами о боге и о смысле жизни...

Только вконец очерствевший человек мог бы захлопнуть дверь перед такой девушкой. Я впустил ее. К сожалению, разговора не получилось, ибо выяснилось, что мы с ней знаем о боге одинаково мало, но резко расходимся в мнениях относительно смысла жизни. Девушка видела смысл моей жизни в том, чтобы я «порвал с коммунизмом», а своей — в том, чтобы склонить меня к этому.

Вскоре после этого меня посетил совсем уже странный человек. Предварительно он позвонил

по телефону и попросил свидания, сказав, что имеет сообщить нечто важное. Он был бы рад, если бы вечерком я заглянул к нему домой пропустить пару рюмочек, поболтать и обменяться мнениями. Найти его дом легко: он расположен в том же квартале, где помещается лаборатория военно-морского флота. Ах, вас не интересует, где размещается лаборатория? Впрочем, да-да, конечно, он все понимает… У вас нет времени? Печально, очень печально…

Тогда он приехал сам. Маленький, черненький человечек, нос горбинкой, на голове ежик, весь тщательно отутюжен и выбрит до синевы. Обеими руками он прижимал к животу огромный желтый портфель. Сел на диван и осторожно поставил портфель на стол.

Видите ли, он ученый, специалист по ракетным двигателям, у него своя частная лаборатория. Хотел бы переписываться с советскими учеными. Кое-что у него есть, хе-хе-хе, в этом портфельчике. Преинтереснейшие данные! Вот, извольте взглянуть…

Он переставил портфель под стол, покопался в нем, извлек какую-то бумажку, испещренную формулами, щелкнул замками портфеля и снова водрузил его на стол.

— Я ничего не понимаю в формулах и не интересуюсь ракетными двигателями, — громко сказал я, обращаясь к портфелю. — Повторяю: я ничего не…

— Да-да! — прервал меня человечек. — Но, может быть, ваши друзья…

— У меня нет друзей, интересующихся ракетными двигателями! — прокричал я портфелю. — Между прочим, советские двигатели, как пишут об этом в ваших газетах, гораздо лучше американских. Повторяю: советские двигатели…

— Можно не повторять, — сухо проинструктировал он меня, отодвигая портфель. — Может быть, вас как журналиста интересует какая-нибудь экономическая или научная информация? Только не повторяйте ответ.

В глазах его отражалась тоска.

Я сделал таинственный знак рукой, чтобы он нагнулся ко мне, и сказал ему на ухо:

— Бросьте эту волынку. Хотите советской водки?

Он проглотил слюну, покосился на портфель и также шепотом деловито осведомился:

— «Столичная» или «сучок»?

Спустя полчаса я провожал гостя к лифту.

— Очень приятно провел время! — восклицал

он.

— Мне тоже было весело, сэр! — отвечал я.

— Вы, я вижу, неплохой парень!

— Надеюсь, вы тоже, сэр!

— До новых встреч!

— Давайте, давайте! Я уже привык!

Действительно, это вошло в привычку. Уже давно я стал замечать, что кто-то посещает нашу квартиру в те часы, когда никого нет дома. Дверь оставалась закрытой на ключ, но было видно, что кто-то копался в моих бумагах, в гардеробе, в ящике с детским бельем. Кто-то курил на кухне и оставил у плиты окурок сигареты. Зачем-то снимал заднюю стенку радиоприемника и, по-видимому, впопыхах, ставя ее назад, привинтил только на два винта из четырех.

Как-то раз я снял трубку телефона и набрал номер отделения ТАССа в Нью-Йорке. Не успели мне ответить коллеги из ТАССа, как я услышал в трубке незнакомый голос, сказавший по-русски:

— Стрельникови звонит. Записывать?

Телефон подводил их еще не раз. Договорившись по телефону с друзьями о поездке за город, мы нарочно остались дома. В тот час, когда мы должны были катить по автостраде, к океану, нашу дверь открыл своим ключом управляющий

домом. Из-за его спины выглядывали трое молодых джентльменов в серых плащах, в мягких шляпах, в белоснежных рубашках с галстуками. Они будто сошли с экрана телевизора из еженедельной серии «Неприкасаемые» — о героях-агентах Федерального бюро расследований.

Замешательству управляющего не было предела. Мне показалось, что, увидев нас в квартире, он хотел перекреститься. Застыв на пороге, он долго тянул «Э-э-э», потом «А-а-а», пока один из джентльменов не пришел ему на помощь.

— Мы собираемся купить этот дом, сэр, и хотели бы осмотреть квартиры, — сказал он с приятной улыбкой, оттирая плечом обалдевшего управляющего.

Остальные джентльмены, включая меня, едва сдерживались, чтобы не расхохотаться. Так мы и ходили по комнатам, понимающе поглядывая друг на друга и усмехаясь. Удовлетворившись беглым осмотром нашей квартиры, джентльмены из телевизионной серии «Неприкасаемые» не стали беспокоить соседей, приподняли шляпы и направились к лифту. Вместе с лифтом уплыли вниз вздохи управляющего и дружное жеребячье ржание, застоявшееся в трех здоровенных глотках.

К сожалению, не все джентльмены в серых плащах наделены таким чувством юмора, как те трое парней. Корреспондент «Экономической газеты» застал у себя дома человека, который отрекомендовался монтером.

— На станции мне сказали, что у вас испортился телефон. Что вы с ним сделали? — сердито спросил незнакомец.

— Но как вы проникли в квартиру? — удивился корреспондент.

— Дверь была открыта, — сухо сообщил монтер.

— Ну, если вы уже вошли, то не почините ли вы вот этот выключатель? — попросил мой коллега.

— Я не специалист по выключателям, — еще суше сказал монтер и выскочил в коридор.

Мы привыкли к своим «ангелам-хранителям». Привыкли к тому, что они ходят за нами по городу, прыгают вслед за нами в автобусы, лежат летом рядом с нами на пляже. Иногда они сидят за соседним столиком в ресторане и, со вздохом поглядывая на часы, грустно потягивают через соломинку кока-колу. Они часто фотографируют нас во время митингов, демонстраций или когда мы берем интервью на улице. Поэтому, отправляясь на митинг или демонстрацию, мы особенно

тщательно повязываем галстук и причесываемся, чтобы выглядеть на фотографиях элегантно.

До прошлого года они отправлялись с нами в каждую поездку по стране. Всегда опрятно одетые, в серых плащах, в белоснежных рубашках с галстуками, в мягких широкополых шляпах. Их машины внешне ничем не отличаются от тысячи других, но оборудованы двусторонней радиосвязью, имеют мощные моторы и способны брать с места в карьер. Мы никогда не пытались «оторваться» от них, считая это бесцельным и опасным занятием. Чтобы отучить вас от быстрой езды, они могут ночью воткнуть в шины вашего автомобиля гвозди, и тогда вы рискуете перевернуться со скоростью 70 миль в час.

Должен сказать, что лично со мной этого не случалось. Не знаю, почему, ко мне они всегда были очень внимательны. Если я останавливался у развилки дорог, размышляя, по какой ехать, они обгоняли меня и ласково манили руками за собой, неизменно доказывая, что они знают мой маршрут гораздо лучше меня.

Я не думаю, чтобы каждая поездка доставляла им удовольствие. Помню холодный рассвет недалеко от канадской границы, колючий снежок и одинокую машину у обочины дороги. Мы с

корреспондентом ТАССа, ожидая открытия кафе, гуляли по берегу озера, а джентльмены в машине, надвинув на нос шляпы и поеживаясь от холода, читали старые газеты, курили, зевали и посматривали на нас с величайшей ненавистью.

Однажды мы с корреспондентом «Труда» долго не могли выехать на нужную дорогу. Была ночь, шел дождь, смешанный со снегом, спросить было не у кого. Битый час наша машина рыскала по большому незнакомому городу, делала самые неожиданные развороты и зигзаги. Эти же развороты и зигзаги повторяла машина с джентльменами в серых плащах. Наконец, мы остановились и подошли к ним.

— Мы заблудились, ребята.

Они переглянулись, потом один из них сказал:

— Только не отставайте. Нам некогда.

Впервые не они боялись отстать от нас, а мы от них. О боже! С такой скоростью я не ездил еще никогда в жизни.

Выведя на главную дорогу, они пропустили нас вперед и вскоре отстали совсем. За мостом в хвост нам пристроилась другая машина. Мы поняли, что по нашей вине смена «эскорта» произошла на час, а то и на два часа позже расписания. Нам оставалось лишь утешать себя догадками, сколь-

ко они получат за сверхурочную слежку.

Я думаю, что иногда их удивляло и раздражало наше легкомыслие. Скажем, вчера по телефону мы обещали кому-то приехать к 4 часам дня: впереди 300 миль пути, уже 9 часов утра, а мы еще в постели. В 10.00 в нашей комнате звонил телефон:

— Хэлло, Джон! Ты все еще дрыхнешь? Не туда попал? Простите!

Мы продолжали спать.

В 10.30 кто-то дубасил кулаком в дверь.

— Хэлло, Мэри! Ты еще спишь, детка? Ошибся дверью? Простите!

Мы так привыкли к нашим «ангелам-хранителям», что, когда они отставали, исчезали, как сквозь землю проваливались, нам становилось не по себе…

№ 3, 1965 г.

Игорь Тарабукин
ДРУГОЕ ДЕЛО

— Держи его!.. Грозился выбить глаз! —
В прохожем возмущеньем все кипело.
— Но хулиган имел в виду не вас...
— Ах, не меня? Тогда другое дело!

№ 6, 1965 г.

Алексей Марков
ПОВЕЗЛО

Бог меня уберег
От чумы и проказы,
И змея на порог
Не вползала ни разу.
Но по чести, ей-ей,
Мне другое дороже:
От елейных друзей
Ты хранишь меня, боже!

№ 6, 1965 г.

В. Козлов
РАССКАЗ БЫВАЛОГО БОКСЕРА

Боксом я занимаюсь уже тридцать лет и по сей день участвую во всех значительных боксерских соревнованиях. Правда, последние двадцать пять лет в качестве зрителя.

Гляжу я на сегодняшний бокс и не устаю удивляться. Сколько стало среди наших боксеров светил мирового класса!

Как объявит судья:

— Боксер среднего веса, чемпион Советского Союза, чемпион Европы, чемпион Олимпийских игр! — так у меня даже дух захватывает. Звания такие, что только от них поджилки задрожать у кого угодно могут.

Потом судья представляет второго участника боя:

— Перворазрядник такой-то! — И все.

Кажется, что сейчас этот перворазрядник, насмерть перепуганный всеми званиями противника, ляжет на пол и станет умолять судью побыстрее отсчитать до десяти и зафиксировать чистый нокаут… Но все происходит иначе. Зовет

судья боксеров на центр ринга, и перворазрядник спокойно шагает навстречу своему грозному противнику.

— Бокс!

Тут начинается что-то для меня странное. Перворазрядник, как будто не понимая, с кем имеет дело, первый наносит удар по самому, можно сказать, авторитету. Потом следует обмен сериями, затем защита, снова нападение… Словом, бой как бой, и все чемпионские титулы в стороне…

Конечно, трехкратный чемпион — боксер выдающийся. Проигрышей его я лично не наблюдал. Но выигрывать ему приходится в борьбе с затратой всех сил. Легко побеждать за счет устрашающего воздействия собственной персоны он не может. Это сейчас. А было время, когда… впрочем, обо всем по порядку.

Много лет назад довелось мне участвовать в боксерских соревнованиях на первенство Москвы среди вузов. Боксеры первого разряда по условиям этих соревнований допускались сразу к участию в полуфинале. В своей весовой категории я был единственным перворазрядником и потому не сомневался, что чемпионский жетон обязательно достанется мне, притом без особого труда.

Путь боксера на ринг испокон веков проходит через весы. Простая формальность — каждый поддерживает необходимый ему вес. Поэтому на весы я взошел, как на пьедестал почета: бодро, уверенно, солидно. И тут…

— Четыреста граммов лишних — к соревнованиям не допускаю! — сухо констатировал судья.

Я охнул, тупо посмотрел на стрелку весов и понял, что все мои радужные прогнозы лопнули.

Мой секундант Серега бросился к судейской коллегии, просил, умолял, убеждал судей, что четыреста граммов — сущая ерунда, результат всего-навсего двух стаканов только что выпитой воды. Все было тщетно. Закон есть закон. И в боксе тоже.

Вдруг Серега исчез. Появился он через несколько минут, сгибаясь под тяжестью огромного овчинного тулупа и двух пудовых, залатанных кожей валенок.

— Вот что, друг, — директивным тоном предложил он, — немедленно напяливай эти доспехи здешнего ночного сторожа и пробегись рысью два раза до стадиона «Динамо» и обратно. Гарантирую, что скинешь за милую душу эти проклятые граммы.

И я побежал. Если кому-нибудь полтора километра покажутся расстоянием незначительным, попробуйте преодолеть его бегом, привязав по кирпичу к каждой подошве и взвалив на плечи, скажем, мешок с картошкой. Как пробежал я это расстояние, рассказывать не буду. Скажу только, что когда я проделал первый рейс и подумал о втором, у меня родилось устойчивое желание лечь на снег и зареветь громче пароходной сирены. И все же я заставил себя снова отправиться в путь...

Закончил дистанцию я вполне благополучно: при помощи двух добрых старичков, которые поддерживали меня под руки и читали мораль о вреде пьянства.

На весы для повторного взвешивания мне удалось забраться только с третьей попытки. И я до сих пор считаю это своим высшим спортивным достижением. Вес оказался в норме.

Сил тоже вполне хватило, чтобы дотащиться до раздевалки и плюхнуться на скамейку.

— Полежи спокойно минут двадцать и почувствуешь себя Геркулесом, — авторитетно посоветовал Серега.

К сожалению, в справедливости его слов мне убедиться не пришлось.

Именно в эту минуту я был вызван на ринг для ведения боя.

Теперь представьте себе зал, до отказа набитый студентами. Публика эта всегда славилась своим темпераментом. В центре зала залитый ярким светом ринг. В одном из углов, держась за канаты и боясь свалиться от дуновения ветерка, стою я. В противоположном углу, подпрыгивая и приседая, разминается мой противник — невысокий, коренастый и наверняка очень сильный парень. Судья представляет его публике: называет фамилию, Бауманское училище и третий разряд.

Гремят аплодисменты. Раздаются подбадривающие выкрики. Конечно, это бауманцы. Парень весело улыбается, охотно раскланивается и бросает задорные взгляды в мою сторону. Наступает мой черед. Судья называет мою фамилию и по бумажке зачитывает сложное название: «Государственный институт театрального искусства!»

Это вызвало такой дружный хохот всего зала, что, казалось, даже стены насмехаются надо мной. Среди хохота раздавались возгласы: «артиста, «пижон», «гастролер» и всякое такое…

Правда, вид у меня был действительно щеголеватый: белая шелковая майка, белые трусы и белые боксерки, но подобной реакции я не ждал.

Когда хохот и крики несколько затихли, судья громким голосом закончил:

— Первый всесоюзный разряд!

Вдруг наступила полная тишина, а затем взорвался шквал аплодисментов, какой не всегда доставался знаменитому тенору за исполнение романса «Снился мне сад в подвенечном уборе».

Я взглянул на противника и сообразил, что если не упаду сам, то имею вполне реальные шансы покинуть ринг без помощи носилок.

Куда только делся бравый вид этого парня! Он сник, стал бледен как полотно и глядел на меня глазами кролика перед удавом.

Гонг.

Нетвердыми шагами я вышел на центр ринга и остановился.

Противник мой, прижав обе перчатки к лицу и согнувшись в три погибели, быстро передвигался по рингу, петляя, как заяц, на почтительном

расстоянии от меня. Я с трудом держался на ногах, достаточно было легкого толчка, чтобы мне пришел конец, а он бегал в своем углу и дрожал мелкой дрожью.

Так прошел весь первый раунд. Во втором раунде повторилась почти та же картина с той лишь разницей, что противник начал описывать вокруг меня круги по часовой стрелке. Мне пришлось все время поворачиваться к нему лицом и таким образом медленно вертеться в одну сторону. Поэтому к середине раунда я ощутил сильное головокружение. К счастью, противник неожиданно сменил направление и пошел против часовой стрелки. Видимо, и у него голова закружилась от этой карусели.

Все происходящее на ринге вызывало громкий смех зала. К моему бездействию публика относилась как к явному чудачеству сильнейшего. Под смех зрителей я тянул время, которое явно играло на меня. Кое-какие силы во мне заметно прибавились, и я не только не боялся хлопнуться на пол, но даже способен был из последних сил нанести несколько легких ударов. И я их нанес. В конце последнего, третьего раунда за несколько секунд до окончания я неожиданно двинулся на противника и под овацию зала провел серию

быстрых и легких ударов, которые напугали его почти до обморочного состояния. Правда, и у меня они отняли все наличные силы, пришлось ухватиться за канат…

В этот момент со спасительным гонгом пришла победа, о которой я до сих пор вспоминаю с чувством содрогания и стыда.

Сейчас авторитет боксера совсем не тот. Он то и дело подвергается действительно сильнейшим испытаниям. Но когда будете смотреть соревнования, верьте в успех боксера с высокими званиями.

Он должен победить! Разумеется, если этот авторитет достаточно прочно держится на ногах!

№ 8, 1965 г.

Василий Ардаматский
ЧЕЛОВЕК И КНИГИ

Это произошло в Ленинграде в первую, самую страшную блокадную зиму.

Из блокированного города все время вывозили людей — «дорогой жизни», через Ладогу, и самолетами. Моему знакомому ленинградцу Борису Давидовичу достался путь воздушный. А он предпочитал уехать на грузовике. Причина в том, что для улетавших вес багажа строго ограничивался — десять килограммов на человека и ни грамма больше.

У Бориса Давыдовича весь багаж составляли книги. Он был по основной специальности химик, а по страсти — библиофил. И, как сам говорил мне, даже не женился, потому что боялся, как бы жена не наложила запрета на его книжные траты.

Его библиотека была невелика, но все же содержала около сотни поистине уникальных изданий. На несколько его книг безуспешно покушался «царь» наших книголюбов, артист и писатель Смирнов-Сокольский. Кстати, он-то однажды и

познакомил меня с Борисом Давыдовичем.

…Под утро перед его отлетом я зашел к Борису Давыдовичу на квартиру — он просил меня помочь ему добраться до Смольнинского аэродрома. Я застал его сидящим посередине комнаты на груде книг. Перед ним стоял чемодан, наполненный книгами же.

— Немножко сверх нормы получается… — с нарочитой небрежностью сказал Борис Давыдович.

Я попробовал поднять чемодан и не смог. Сказал ему:

— Лишнее выбросят на аэродроме, лучше оставьте дома.

— Но это же варварство! — вдруг разозлился Борис Давыдович. — Неужели никто не понимает, что это за книги? Мы просто обязаны сохранить их. Они дороже меня. Да, гораздо дороже! И если на аэродроме прикажут выбрасывать книги, я откажусь от полета в пользу книг. Пусть летят одни книги. А там, на Большой земле, их примут и сохранят.

Я стал просматривать уложенное в чемодан. Действительно, что ни книга, то жемчужина русской культуры. Борис Давыдович комментировал:

— Во всей России этой книги всего три, от силы

четыре экземпляра… А в этой на полях заметки Льва Толстого. Собственноручные!.. Это же путешествие Радищева! Первое издание. Понимаете вы? А это! Вы думаете, просто библия? Откройте! Видите записи между строк? Дневник неизвестного узника Шлиссельбурга! Совершенно изумительный документ!..

Я твердил свое:

— Выбросят на аэродроме…

Вдруг Бориса Давыдовича осенила идея. Он надел пиджак, перепоясался поверх ремнем и начал запихивать книги из чемодана за пазуху. Потом надел пальто, снова перепоясался и снова запихнул десяток книг. Он стал толстый, как бочка, и не мог двигать руками. Сунул мне в руки нож и приказал:

— Распорите мне рукава под мышками!

Теперь он мог двигать руками, и вскоре, привязав чемодан к саночкам, мы отправились на аэродром. Просто непонятно, как Борис Давыдович выдержал этот путь. Ведь он был уже пожилым, порядком истощенным человеком.

На аэродроме в одной из землянок происходило взвешивание и беспощадное усекновение багажа эвакуируемых. Девушка в солдатской шинели делала опись составляемых вещей. Мы с Борисом Давыдовичем стояли последними. За столиком сидел усталый летчик. Все бросались с просьбами и жалобами к нему, и всем он, не поднимая глаз, говорил одну и ту же фразу:

— Десять килограммов — и ни грамма больше.

Наконец мы вдвоем взгромоздили чемодан на весы. Девушка с возмущением посмотрела на нас и спросила:

— Это багаж на двоих?

— Да, — мгновенно ответил Борис Давидович и

тут же добавил: — Впрочем, нет — лечу я один.

— Выбросить двадцать девять килограммов, — холодно распорядилась девушка.

Борис Давыдович подошел к летчику и как-то торжественно сказал:

— Я не могу выбросить ни одного килограмма!

— Золотые слитки? — устало спросил летчик.

— Книги, — отрезал Борис Давыдович.

— Какие книги? — поднял взгляд летчик.

— Одним словом, редкие, — ответил Борис Давыдович. — Я собиратель книг.

— Откройте чемодан, — приказал летчик.

Он брал из чемодана книгу за книгой, просматривал их и аккуратно клал обратно. Одну он просмотрел особенно внимательно и сказал:

— За этой книгой я давно охочусь…

— Возьмите, — отрешенно сказал Борис Давыдович.

Летчик глянул на него с усмешкой и сказал:

— Закройте чемодан и тащите в самолет.

— И ничего не выбрасывать? — почти шепотом спросил Борис Давыдович.

— Ясно сказано — быстрее тащите в самолет. А то передумаю…

И тут Борис Давыдович заплакал. Он стоял над своим чемоданом и беззвучно трясся. Летчик

закрыл чемодан, взял и понес к выходу. Я догнал его уже на поле и перенял чемодан.

— Вы кто ему? — спросил летчик.

— Знакомый.

— За пазухой у него тоже книги?

— Тоже.

— Скажите ему: как взлетим, пусть вынет все, а то задохнется не ровен час…

Летчик подмигнул мне и пошел вперед. За нами, еле передвигая ноги, плелся Борис Давыдович. Я подождал его.

— Я… негодяй! — задыхаясь, сказал он. — Я же обманул этого святого человека! Я не сказал ему, что у меня за пазухой.

— Он знает, — ответил я.

№ 13, 1965 г.

Алексей Голуб
РЯДОВАЯ МАРЬЯ ПРИНИМАЕТ ПРИСЯГУ

Закончив хлопоты по хозяйству, Мария Ивановна повязала косынку, поправила фартук и приготовилась отдавать рапорт. Как только Иван Ильич появился на пороге, она стала «во фрунт» и четко отрапортовала:

— Борщ готов, каша в духовке, мясо поджарено!

— А сметана есть?

— Так точно! В погребе!

— За сметаной шагом марш!

Мария Ивановна, четко печатая шаг, промаршировала по кухне и скрылась в сенях. Когда через пять минут она появилась с горшочком в руках, Иван Ильич скомандовал:

— Два шага вперед! Кру-гом! Можете подавать на стол.

Иван Ильич Цыбуля — начальник караула Иваньковского обозного завода. Мария Ивановна — его супруга. Военный порядок у себя в доме Цыбуля завел не с бухты-барахты. Прожив со

своей половиной двадцать восемь лет, он стал замечать, что в последнее время она относится к своим обязанностям с прохладцей. То борщ недостаточно разогрет, то сметана кислая...

С подобной недисциплинированностью Иван Ильич мириться не мог. Начальник караула привык, чтобы его распоряжения выполнялись

беспрекословно.

И перевел Иван Ильич свою Марью на положение рядовой от инфантерии.

— За водой шагом марш! Смирно! Равнение на умывальник!

А чуть что не так — по физиономии…

Идет Мария Ивановна с базара, навстречу ей сосед попадается. Раньше, бывало, она остановится, о том о сем покалякает. А теперь проходит мимо.

— Здрасте, Мария Ивановна! Куда поспешаете? — заговаривает сосед.

— Во время несения службы разговаривать не велено, — коротко отвечает Мария Ивановна.

Соседки собрались в кино, приглашают с собой Марию Ивановну.

— За пререкания с начальством отбываю два наряда вне очереди, — сумрачно отвечает супруга Цыбули.

Не так давно Иван Ильич явился домой, вынул из кармана листок бумаги и рявкнул:

— Становись, Марья, во фрунт! Будешь принимать присягу!

— Какую такую присягу? — перепугалась Мария Ивановна.

— Такую, чтобы проворней была и соседям не плакалась. Бери ухват на плечо и повторяй за

мной слово в слово.

И Мария Ивановна приняла присягу, текст которой мы приводим полностью, сохранив по возможности стиль и орфографию ее автора:

«Симейная присяга

Цыбуле Ивану Ильичу от бывшей Кузьминой Марии Ивановны в данное время Цыбули.

Я, бывшая Кузьмина Мария Ивановна, сичас зарегистрированная в загсе с Цыбулей Иваном Ильичом, переступивши на постоянное местожительство до Цыбули Ивана Ильича, принимаю симейную присягу и торжественно клянусь быть честной, храброй, дисциплинированной женой, строго хранить симейную тайну, беспрекословно выполнять все требования своего мужа Цыбули Ивана Ильича. Любить, ценить, уважать, почитать, дорожить за своим мужем Цыбулей Иваном Ильичом и до последней капли крови быть преданной своему мужу Цыбуле Ивану Ильичу.

Не вступать ни в какие пререкания, все требования выполнять с охотой и рысцою

бо это все для своего мужа Цыбули И.

Не навищать посторонних мужчин, не ставать с ними ни на минуту ни на какие разговоры, при встрече даже ранее знакомых не смотреть на них и не здравствоваца.

Я клянусь выполнять все выше указанные требования моего мужа Цыбули Ивана Ильича и ни при какой обстановке не допущу нарушения моей кровной клятьбы перед своим мужем Цыбулей Иваном Ильичом.

А если я нарушу цю торжественную кровную симейную присягу, то пусть меня смертельно покарае суровая смертельная кара моего мужа Цыбули Ивана Ильича».

Вот с этого дня жизнь в доме начальника караула и протекает в строгом соответствии с уставом.

— Рядовая Марья!

— Я!

— Смир-рно!

№ 19, 1965 г.

Т. Константинов
УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Развитие барьерного бега сдерживалось тем, что некому было чинить препятствия.

Детективные романы зачитывались до одырения.

Ребенок был заброшен: родители нянчились с домработницей.

Хотя наша обувная промышленность идет вперед, обувь зачастую топчется на месте.

В театре теней творилось светопредставление.

Вместо того, чтобы отремонтировать дорогу, на ней установили знаки препинания.

Технику на строительстве не использовали — даже убытки гребли лопатой.

№ 23, 1965 г.

Евгений Шатров
АНОНИМ ПРОСИТ ИЗВИНЕНИЯ

Таинственные авторы

В редакцию пришло письмо из приволжского городка, рисующее местного зоотехника Николина беспросветно-мрачными красками… Тунеядец, спекулянт, пьяница, хулиган, кляузник — и все это в одном лице. Работать в животноводстве отказывается. Так и прожил до пятидесяти лет, не ударив палец о палец по специальности. Существует Николин с доходов от сбыта по бешеным ценам огородной рассады, выращиваемой на принадлежащей ему огромной плантации.

Под письмом стояла выведенная твердой рукой подпись — В. Кленов, а еще ниже указан адрес автора.

С таким же обвинением против Николина оказалось в редакционной почте и второе письмо из того же городка. И его автор Г. Ступников не забыл указать свой адрес.

Мне оставалось повидать Кленова и Ступникова, расследовать сообщенные ими факты, а затем написать о зоотехнике-тунеядце хлесткий фелье-

тон. С этой целью я и отправился в приволжский городок.

В поезде я думал о масштабах спекулятивных операций огородной рассадой, предпринимаемых героем моего будущего фельетона. По всей вероятности, масштабы эти грандиозны. Барыши позволяют Николину жить припеваючи, иметь два дома… Интересно, сколько же тысяч корней капусты и помидоров надо продать, чтобы купить хотя бы один дом?

Я не в курсе цен на рассаду и не знаю, почем нынче дома. Нет ли об этом в письмах, которые везу расследовать? Достал их, положил рядом и вдруг сделал поразительное открытие: письмо В. Кленова написано тем же почерком, что и письмо Г. Ступникова. Да ведь мало этого! Кленов и Ступников делают одинаковую грамматическую ошибку: слово «ученый» упорно пишут через два «н».

Природу удивительного совпадения предстояло выяснить при встрече с авторами писем. Но наше свидание, увы, не состоялось! Кленов по указанному им адресу не проживал. Ступников тоже. Еще одно таинственное совпадение!

Зашел в городскую милицию, чтобы в паспортном столе навести справки о подлинных адресах

Кленова и Ступникова.

— А мы как раз еще и Ткаченко никак не найдем, — сообщили милицейские работники. — В письме, пересланном нам из областной газеты, указал, что живет по Октябрьской, пятнадцать… Но нет там такого!

— А письмо про одного местного зоотехника?

— Да… Но откуда вы знаете? — изумились милицейские товарищи.

— Врожденная прозорливость! — пошутил я. — Между прочим, уверен, что Ткаченко слово «ученый» пишет через два «н».

— Так точно, через два, — говорят мои собеседники, заглядывая в исписанные листки и удивляясь еще больше.

— Письмо Ткаченко подтвердилось?

— Нет. Клевета, грязная кляуза…

Кладу письмо Кленова и Ступникова рядом с письмом Ткаченко. Ясно видно, что все они написаны одной рукой.

Но кто же этот аноним, замаскировавшийся под тремя вымышленными фамилиями?

Встреча с зоотехником

Мой визит не обрадовал Кирилла Захаровича Николина. Еще бы! Только что вызывали в мили-

цию: расспрашивали, проверяли, а теперь явился корреспондент.

Все же мы обстоятельно побеседовали. Поговорил я о зоотехнике и в райкоме партии. Внимательно просмотрел некоторые документы. Выяснилось, что Николин — человек, характер которого может нравиться или не нравиться, однако все порочащие его обвинения начисто отпадают.

Не может быть и речи о тунеядстве, об уклонении от работы по специальности. Окончив техникум, Николин всю жизнь трудился в сельском хозяйстве. Он и высшее образование получил без отрыва от производства. Но вот несколько лет назад произошло с ним несчастье: инфаркт миокарда. Из больницы Кирилл Захарович вышел инвалидом второй группы.

Пенсия небольшая. Надо как-то подкреплять семейный бюджет. Когда сердце не особенно тревожило, зоотехник брался за временную работу. Конечно, от постоянной, непрерывной приходилось отказываться. Это и дало повод клеветнику, злостно передергивающему, извращающему факты, обвинить Николина в праздном образе жизни. Пусть хоть немного будет похоже на правду!

Этим подловатым методом аноним под тремя масками действовал и дальше. У зоотехника и в самом деле есть огород, а на нем несколько парниковых рам. Он действительно продавал весной излишки рассады. Но с каких пор продажу плодов своего личного труда на приусадебном участке стали называть спекуляцией?!

А ведь Николин может еще сойти и за дважды домовладельца, если только от малюсенькой правды не отмести ложь большущую. Он живет в одноэтажном деревянном домике, четвертая часть которого досталась ему по наследству. И еще в таком же домике унаследовала шестую часть жена зоотехника. Вот вам и вся их недвижимость, будто бы нажитая нечестным путем!

Совсем недавно врачи признали, что здоровье Николина позволяет больше не считать его инвалидом. Но сердце, разумеется, надо беречь и беречь, избегать волнений, не переутомляться. С такими напутствиями не поедешь в колхоз или совхоз. Учитывая это, райком партии помог Кириллу Захаровичу подыскать работу в городе и по силам и по знаниям. Кстати сказать, такую работу никогда бы не доверили человеку, который пьянствует, хулиганит и кляузничает. А ведь и в этих тяжких грехах обвинил Николина автор

анонимок!

— Кто же занялся отвратительной писаниной? — спрашиваю у зоотехника. — Кто клеветал на вас? Кто обманывал редакции?.. Кем может быть, несомненно, единый в трех лицах «Кленов» — «Ступников» — «Ткаченко»?

— И думать тут нечего! — слышу в ответ. — Это наверняка Сергей Гаврилович Плусецкий…

Снова два «н»

Сравнительно недавно директор местной птицеводческой фабрики С. Плусецкий переживал счастливую пору стремительного взлета и этакого приятного парения в небесах. Вознесли его в заоблачные дали самые обыкновенные куры-молодки. И вознесли вовсе не на своих слабых, неокрепших крыльях.

Просто, достигнув определенного возраста, молодки принимались исправно откладывать яйца, а Плусецкий все числил их цыплятами, которым нестись по штату не положено. Десятки тысяч яиц, полученных от молодых несушек, ставились в заслугу курам более солидным, а также и в актив самому Плусецкому, не щадившему, дескать, сил на фронте борьбы за повышение яйценоскости.

Последовали победные рапорты, подсчет премиальных, теплые поздравления. А затем Сергей Гаврилович сверзился с высот на грешную землю. И до сих пор почесывает бока. Райком партии разоблачил бесчестную комбинацию директора и строго его наказал.

Взяться бы после этого Плусецкому за улучшение показателей, так сказать, в натуре, а не в липовых рапортах! Навести бы полный порядок в порученном ему хозяйстве! Но нет, директор принялся за другое.

Сначала он днями и ночами терзался вопросом:

— Кто же это сигнализировал о фокусах с молодками?

Затем почему-то пришел к выводу, что тут не обошлось без Николина, временно работавшего на фабрике.

Сделав такой вывод, Плусецкий принялся сочинять бесчестные, лживые письма. И орудием своей гаденькой мести пытался использовать нашу печать…

Но не рано ли мы это утверждаем? Я встретился с директором птицефабрики и сказал:

— Оба ваши письма редакцией получены.

На лице Плусецкого недоумение. Пожал пле-

чами, развел руками и даже немного обиженно процедил:

— Никогда не имел ничего общего с вашей редакцией! Никаких писем ей не посылал.

Плусецкий охотно подтвердил это и официальным заявлением. Он быстро написал несколько строк, протянул их мне. До чего же знакомый почерк! И в тексте слово «ученый» через два «н».

Маска падает

Чувствуешь, уверен, располагаешь косвенными уликами, но перед лицом закона все это лишь подозрения. Как юридически доказать, что «Кленов», «Ступников», «Ткаченко» и Плусецкий одно и то же лицо? Изобличить клеветника-анонима может графологическая экспертиза. Назначается она судебным порядком. Однако до суда дело не дошло. Очевидно, Плусецкий понял, что редакция настроена решительно и готова привлечь его к ответственности. Так лучше покаяться!

Не успел я вернуться из приволжского города, как от человека, таившегося под чужими фамилиями, прибыло очередное послание.

С. Плусецкий признался, что письма в редакцию, скрывая свое авторство, писал он. И дальше уже плаксивая нота: «Считаю, что поступил

нечестно, беспринцЫпно».

Но и став на «принцЫпиальную» позицию, сбросивший маску аноним юлит, вывертывается, пытается уверить, что писал чистейшую правду. Уверяет так, хотя все поклепы на зоотехника Николина проверены на месте и отметены.

В конце своего заявления Плусецкий просит редакцию его извинить. Нет, ложные доносы, подметные письма, грязные анонимки, порой еще отравляющие атмосферу, которой мы дышим, нельзя извинять. Никак нельзя! Вот уж тут — извините!..

№ 24, 1965 г.

Борис Привалов
ЦЕННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ

Новый начальник главка товарищ Раджапов всем сразу понравился: обходителен, решителен, задорен, дело знает глубоко. Но одно обстоятельство казалось удивительным: он в первый же день приехал в главк с каким-то толстым, круглолицым, неопрятно одетым мужчиной, который был к тому же слегка навеселе.

— Поработаем! — воскликнул толстяк, окидывая взглядом здание. — Здесь есть где развернуться!

И он радостно потер ладонью о ладонь. К вечеру выяснилось, что товарищ Раджапов назначил толстяка заведующим диспетчерским пунктом.

— Вы знаете, сколько трудов мне стоило заполучить к нам этого человека? — доверительно сказал Раджапов своему заместителю.

— Мне он не понравился! — откровенно заявил заместитель. — Простите, может быть, это ваш друг, но он похож на забулдыгу.

Начальник главка рассмеялся:

— Его лично я знаю совсем недавно. Но у него

такие рекомендации!

— Хороший работник?

— Никудышный! Никогда нигде ничего не делал. Но — незаменим.

— Ребусами разговариваете, — пожал плечами заместитель.

— У этого бездельника гениальный нюх на те должности, где нечего делать. Чтобы, значит, оклад шел, а работы — никакой. Один мой друг, директор треста, всю жизнь таскал этого типа с собой. Как магнит указывает скрытое в земле железо, так этот гражданин находит себе легкую работенку. Сегодня он походил, побродил по главку, приходит и просит: «Назначьте меня диспетчером!» Кстати, что делает диспетчер?

— Да ничего фактически. Осталась эта должность от какого-то старого штатного расписания, — объяснил заместитель.

— Ну, вот видите! — вздохнул Раджапов. — Будем ее ликвидировать. А нашему лентяю предложим что-нибудь другое — на выбор. Вы знаете, мой друг, директор треста за десять лет сэкономил государству на ликвидации ненужных должностей почти миллион рублей. Вот почему так ценят этого, как вы, кстати, довольно точно его назвали, забулдыгу. Да, бездельник и забулдыга, но — ценный специалист! Он нам еще очень и очень пригодится! Надеюсь, что в заместители ко мне он проситься не будет, как вы думаете?

№ 25, 1965 г.

Игорь Мартьянов
ТЕЩА ВИНОВАТА

Впились в парня восемь взоров,
Восемь пар сердитых глаз.
— Почему же вы, Задоров,
Опозорили всех нас?
Как такое допустили:
Стыд отбросив на момент,
В церкви сына окрестили,
Словно темный элемент!
Сколько будет разговоров:
Вы ж ударник, активист!..
И сказал, вздохнув, Задоров:
— Я, конечно, атеист.
Но попал, как кур, я в ощип,
Переехав в тещин дом.
Чуть не так — злодейка теща
Есть готова поедом.
У нее свои законы,
Что захочет — не перечь.

По углам везде иконы,
Запах ладана и свеч.
Настояла эта дура —
Окрестили малыша.
Вот какая конъюнктура...
— Да, не очень хороша!
Но смягчились восемь взоров,
Прежней строгости в них нет.
Провинившийся Задоров
Дал спасительный ответ.
Не сыскать глупее моды —
Ставить тещам все в вину:
И крестины,
И разводы,
И пристрастие к вину.
Тащат довод этот тощий
На партком и на местком,
Прикрывая грех свой тещей,
Словно фиговым листком!

№ 26, 1965 г.

Наум Лабковский
НЕВЫПОЛНИМОЕ ЗАДАНИЕ

Так уж повелось у нас в организации, что, приходя утром на работу, второй заместитель сразу же вызывал к себе своего первого помощника Сергея Сергеича.

Спустя полчаса Сергей Сергеич выходил из кабинета начальника с блокнотом, полным поручений и заданий, и приступал к работе, а второй заместитель приступал к телефонным разговорам.

На этот раз все было не так. Правда, Сергея Сергеича ровно в девять вызвали в кабинет начальника, но второй заместитель вместо того, чтобы начать беседу словами: «Стало быть, записывайте», — посмотрел на помощника заискивающе и придвинул ему стул.

Сергей Сергеич вздохнул и присел. Вздохнул он потому, что давно знал: за такой любезностью обычно следовало невыполнимое задание.

— Я имею для вас небольшое поручение, — начал второй заместитель. — Как вы знаете, мы шефствуем над Гороховским районом. Прямо

надо сказать, шефство подзапущено. А тут конец года на носу, отчитываться придется… Вчера как раз звонили из района, у них тоже катастрофа…

Сергей Сергеич понимающе кивнул головой.

— Все бы ничего, да одна запланированная лекция срывается, — продолжал второй заместитель. — На тему «Есть ли бог на земле?». В данном районе преобладают женщины, основная масса — пожилые. Когда речь касается бога… вполне возможна обструкция…

Второй заместитель замялся и неуверенно поглядел на Сергея Сергеича. Тот невозмутимо ждал продолжения.

— Вы у нас на все руки мастер, — подобострастно сказал второй заместитель. — Поезжайте к подшефным, проведите там массовое мероприятие на эту тему, ну, вечер вопросов и ответов, что ли, в связи с наступающим рождеством. Только будьте осторожны!

Сергей Сергеич кивнул и записал в блокнот: «Гороховский район. Есть ли бог? Женщины. Обструкция…»

В субботу клуб Гороховского райцентра был набит до отказа. В зрительном зале пестрели головные платки, стоял бабий гомон.

За кулисами завклубом виновато говорил Сер-

гею Сергеичу:

— Вы уж нас извините, конечно! У нас в районе старух больно много. Профиль у нас птице-молочный: молоко, сметана, яички. Климат здоровый. Вот и живут старухи до ста лет. Никак мы этой лекции провести не можем. Не дают старухи лектору рта раскрыть. Приезжал один, настырный, так его, поверите, бракованными яичками от усов до штиблет закидали. Но вы не беспокойтесь. Если что, я сразу занавес дам. Комсомольский патруль двину.

— Ничего, — сказал Сергей Сергеич, — обойдемся без комсомольского патруля.

Он вышел на авансцену, улыбаясь, оглядел зрителей и сказал:

— Гражданочки, у нас на повестке сегодня один вопрос: есть ли бог на земле?

Зал настороженно притих.

— На этот вопрос я могу дать только один ответ: бога на земле нет!

В зале будто бомба взорвалась. Женщины повскакали с мест, кричали, размахивали руками.

Сергей Сергеич стоял на сцене, добродушно улыбаясь. Когда шум начал стихать, он сказал твердым голосом:

— Да, уважаемые гражданки, бога на земле нет,

потому что он есть на небе.

В зале воцарилась зловещая тишина.

— Именно на небе, — подтвердил Сергей Сергеич. — Об этом ясно говорится как в Новом завете, так и в Ветхом. Правда, ни тот, ни другой не указывают точного адреса бога, что весьма затрудняет наше общение с ним. Небо, как известно, имеет площадь, в сотни миллионов раз большую, чем земля, а мы с вами не знаем ни номера почтового отделения, ни улицы, ни даже дома, в котором находится божеская квартира. Него же тут удивляться, если жалобы, адресуемые нами господу богу, остаются без ответа! На земле иной раз и улицу, и подъезд, и квартиру на конверте укажешь, и даже почтовый индекс — и то почта ухитряется заслать письмо неизвестно куда. Как же мы можем требовать, чтобы до бога доходили наши послания, если мы их шлем на деревню дедушке?

В зале послышались смешки.

С места поднялась дородная женщина.

— Ты чего нас путаешь! — зычно крикнула она. — Ты можешь прямо ответить: есть бог или нет?

— Могу! — сказал Сергей Сергеич. — Поскольку никто не в состоянии доказать, что бога нет, ско-

рее всего он имеется.

В зале опять зашумели. Кто-то кому-то что-то доказывал, кто-то с кем-то о чем-то спорил. Сергей Сергеич, ухмыляясь, прохаживался по сцене. Когда спорщики утомились, он обратился к залу:

— Уважаемые гражданки! Может, лучше будем высказываться по порядку? Кто хочет слова?

Вверх взмыли десятки рук. На сцену выползла старая бабка в капроновом платке. Отдышавшись, она сурово поглядела в зал и сказала:

— Чтой-то нас гражданин лектор путает! Как это так: бог есть, а адреса у него нету! Каждое создание должно гдей-то находиться. А ежели оно нигде не находится, значит, что его нет.

— Правильно! — закричали в зале.

— И зачем только к нам присылают таких лекторов, которые тянут нас обратно, к старому прошлому! — продолжала бабка. — Не для того наши внуки в университетах учатся, не для того мы в телевизоры футбол из заграничных городов смотрим! Ежели б бог имелся, мы бы его обязательно раз-другой в телевизор поймали. Когда космонавт Леонов единолично по небу плавал, его очень даже ясно видно было. А почему бога не видно? А?

Одна за другой на сцену стали подниматься

женщины и на разные лады стыдили Сергея Сергеича за то, что он пытался их обмануть, доказывая, что бог есть. Когда страсти так разгорелись, что дело грозило дойти до бракованных яичек, завклубом поспешно дал занавес…

Через несколько дней в нашу организацию пришло благодарственное письмо из подшефного района. В нем сообщалось, что антирелигиозная лекция прошла на высоком уровне. Все старухи района единогласно постановили, что бога ни на земле, ни на небе нет.

— Как вам удалось втолковать это старухам? — с восхищением спросил второй заместитель у Сергея Сергеича.

— А я им этого не втолковывал. Напротив, я утверждал, что бог существует. Это они мне весь вечер доказывали, что я ошибаюсь.

Второй заместитель развел руками.

— Но как вам удалось так изучить женскую натуру?

— Очень просто, — сказал Сергей Сергеич, — я двадцать три года женат.

№ 3, 1966 г.

Н. Станиловский
МИМОХОДОМ

Закройщик мечтал о клиенте, которому все по плечу.

Откладывал деньги в безразмерный чулок.

Ему нравилось, что журнал не возвращал рукописей: это в какой-то степени льстило его самолюбию.

К сожалению, транспорт иногда не столько подвозит, сколько подводит.

Начал с нумизматики, а кончил стяжательством.

№ 7, 1966 г.

Руд. Бершадский
ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Две мечты томили меня с самой молодости и томили тем более неотступно, что я заранее отдавал себе ясный отчет в их полной неосуществимости.

Хотя одна, казалось, была необычайно легко достижима. Но для кого угодно, только не для меня! Когда я со всем не растраченным тогда еще темпераментом молодости во что бы то ни стало старался убедить всех и вся вокруг, что самое правильное решение из любых возможных — это решение, предлагаемое мною, а со мной не соглашались, я обижался и отдавался во власть одной затаенной пленительной мечты. Так истомленный пловец, не в силах преодолевать сопротивление океана, ложится спиною на воду и качается на волнах, как в колыбели.

Я мстительно и грустно плыл на волнах своей мечты и думал:

«Хорошо же! Вот уеду ото всех вас на Южный берег Крыма и наймусь там ночным сторожем на виноградник… Не соглашайтесь со мной…

Пожалуйста! Но когда убедитесь, что прав был все-таки я, и спохватитесь: а где же он? — меня уже не будет среди вас. Растворюсь в мире — и все! Буду сидеть себе где-то на винограднике. Кругом тишина, ночь, лунная дорожка на море. Лишь иногда на горизонте вспыхнет горстка мигающих цветных огней — пассажирский пароход пройдет. И опять чернильная чернота… А я сижу в тулупе, мне спокойно. Пожалуйста, не соглашайтесь со мной… Пожалуйста!»

Но, однако, даже в те минуты, когда я тешил себя этой обольстительной русалочьей мечтой, я понимал, что никогда не смогу поддаться ей. Как же! Так я и сумею спокойно сидеть пнем в тулупе! Во-первых, я приду на виноградник взвинченным и сонным, потому что не выкрою днем и часа на то, чтобы поспать перед дежурством: весь день уйдет у меня на то, чтобы драться в месткоме профсоюза или где там еще за то, чтобы ночным сторожам на виноградниках выдавали наконец не старую, блохастую рванину, а полноценные, как положено, тулупы: тулуп не роскошь, а прозодежда! Во-вторых, что это за безобразие: среди такого отряда трудящихся, как сторожа, которые в силу специфики своей работы не могут посещать все мероприятия наравне с другими товарищами,

занятыми в дневных сменах, не ведется никакой культурно-воспитательной работы?!

Нет, я-то знал, что моя мечта, какой бы доступной она ни казалась, именно для меня была совершенно недостижима…

А другая мечта была, наоборот, потрясающе честолюбивой. Я хотел сочинить песню, такую песню, которую подхватил бы весь народ, которая вошла бы во все сердца, которую, где бы ни начни, подтягивал каждый.

И вот однажды в Ялте, в самом рядовом доме отдыха, судьба свела меня за одним обеденным столом на весь срок путевки с таким человеком, что у меня дыхание зашлось, когда я услышал, с кем мне посчастливится сидеть рядом.

Нет, я не могу назвать фамилию этого поэта. Он жив, продолжает писать… И, к сожалению, не создал больше ничего лучшего, чем та песня, о которой я говорю и которой он прославил себя. Поешь ее — и как будто весенним дождем омывает душу, и солнце светит ярче, и дышится легко…

— Вы не знаете, — спросил меня поэт (это был его первый вопрос ко мне), — я забыл осведомиться у сестры-хозяйки: тут можно подогревать перед едой «Ессентуки»?

— Не знаю, — ответил я недоуменно. — А разве минеральную воду надо подогревать? Она ж, наверно, становится невкусной?

— Счастливец! — криво улыбнулся поэт. — Юноша! Я вижу, у вас никогда не болела печень…

И тут я заметил, что, правда, лицо моего соседа все время перекашивала брюзгливая гримаса, будто ему тошно от всего на свете. И оно отливало нездоровой желтизной, плоское и острое в профиль, как перочинный ножик. И он был, конечно, много старше меня — почти совсем старик: ему было уже года 32—33, не меньше. И совершенно по-стариковски у него на носу, на самом кончике, сидели круглые совиные очки. Впрочем, они, по-моему, не были ему нужны: он смотрел на все окружающее, так низко наклонив голову, которую была не в силах выдержать тонкая, цыплячья шея, что было непонятно, зачем ему очки, он смотрел на всех поверх них.

К вечеру меня уже расспрашивали многие из нашего дома отдыха:

— Слушай, это правда, что с тобой за столом сидит тот самый поэт, который…?

Я отвечал:

— Правда.

— Ну, и какой он?

Я отмалчивался. Что я мог сказать?

Тем временем многие девушки стали давать кругаля, направляясь в столовой к своему столу, лишь бы пройти мимо нашего.

Мой сосед, по-моему, не обращал на это никакого внимания, так как он был углублен в анализы своей крови и чего там еще. Через три дня я уже начал жалеть, что нас посадили вместе.

Но однажды вечером он пришел к столу еще более горестный, чем всегда.

— Что с вами? — невольно поддался я первому порыву души и только, уже задав такой опрометчивый вопрос, сообразил, какую лавину жалоб, наверное, навлек им на себя. Замучит! Весь ужин будет донимать меня подробными описаниями, какой у него мерзкий вкус железа постоянно во рту и как ему противна любая пища… Будет указывать печальными глазами на аппетитный бифштекс с ломтиками лимона, поданный мне, и расписывать, как ему тошно от кислого, и от жареного, и от запаха сливочного масла, в котором плавает картошка, поданная мне на гарнир к бифштексу…

Но неожиданно я ошибся. Он даже не посмотрел на мою тарелку. Он промолчал в ответ. Больше того, он продолжал молчать и дальше. И я успел

спокойно съесть почти весь бифштекс и решил, что он не расслышал моего вопроса.

Но так же неожиданно он очнулся. И ровным, унылым, как всегда, голосом рассказал мне, как он возвращался сейчас с набережной на ужин — шел короткой дорогой, прямо вверх, по нескончаемой уличной лестнице, на каждом марше которой на площадке стоит скамья, утопленная в зелени кустарников, и вдруг, подходя к очередной площадке, услышал несшийся со скамьи приглушенный голос какого-то парня. Парень напевал его песню. И хотя уличные фонари еще не были зажжены, а на дворе было уже темно, мой близорукий поэт все же разглядел, что парень обнимал за плечи тоненькую девушку. И, несмотря на то, что пел парень плохо, хрипло и безбожно врал мотив, девушка все-таки гладила парня по плечу…

И тогда поэт, делая вид, что ему занедужилось от крутизны лестницы, приложил руку к сердцу и остановился в полутьме на этой площадке, чтобы продлить свидание со своей песней.

Но парень прекратил петь, решительно подошел к нему с намерениями, смысл которых не оставлял сомнений… Однако, увидев, что перед ним старик — парень был, должно быть моего

возраста, — сказал, цедя сквозь зубы каждое слово:

— Проходил бы ты, папаша, подальше отсюда. Понятно? Потому что куда ты в такой песне? Третий лишний!

Милая наша официантка Тонечка подошла, заботливо справилась у моего соседа:

— Вы что ж это совсем не кушаете?

Но он лишь молча, кивком головы, поблагодарил ее за внимание, встал из-за стола и так, ни до чего не дотронувшись, ушел. Тоня недоуменно спросила меня одними глазами: что это с ним?

Я, также без слов, пожал в ответ плечами.

…Говорят, высшее признание для творца песни — это когда народ настолько признает ее своей, что и автора забывает. Наверно, так и есть. Но автору каково? Разве и ему забыть что это он ее создал? Нет, не забудет…

С тех пор прошло много лет. Очень много. Вот и у меня начала печень прибаливать. А мечта написать песню, которую подхватил бы весь народ, все-таки нет, не прошла. Хотя теперь-то я уж точно знаю, что никогда ее не напишу. А если бы даже и написал, то все равно оказался бы в ней третьим лишним. Ну и что? Но песня-то осталась бы!

№ 10, 1966 г.

Им. Левин
ПРИВЕТ С ЧЕРНОГО МОРЯ
в письмах

Письмо первое

Дорогой Юрка!

Извини, что шлю тебе открытку с надписью «Жоре». Приходил в наш дом отдыха один деятель с чемоданчиком и предлагал на выбор открытки с любыми именами. Всего 120 имен от Алика до Яши. Был даже привет мамаше и папаше. А пока я бегал за деньгами, всех Юр расхватали. Но потом девочки меня надоумили, Юра — это Георгий, Георгий — это Гога, а уж Гога — это само собой Жора. Вот я и послала.

Юра, отдыхаем хорошо, питание, море и горы на уровне. Завтра едем в экскурсию на Красную Поляну. Вернусь — напишу.

С приветом Тася.

Письмо второе

Дорогой Юрка!

Только что вернулась с Красной Поляны. Все

очень красиво — дорога над самой пропастью. Экскурсовод рассказал нам, что эту дорогу в начале века строил инженер Константинов. Но не достроил, потому что ему изменила жена с приезжим офицером из 105-го драгунского полка, и он, т. е. инженер, застрелился. Издалека видели его могилу. Интересно.

Завтра едем на экскурсию в Гагру. Приеду — напишу.

С приветом Тася.

Письмо третье

Только что вернулась из Гагры. Очень красивое место, особенно парк. Экскурсовод показал нам на горе дом, который построил для своей любовницы-массажистки принц Ольденбургский. А сам он был женат на сестре Николая Второго, великой княжне Ольге. Интересно, правда?

Завтра едем на экскурсию в Сочи. Приеду — напишу.

Целую в носик. Тася.

Письмо четвертое

Милый Жорик!

Только что вернулись из Сочи. Красивый, зе-

леный город, который населен мулами, тиграми и ишаками. Так экскурсовод называет курортников. Мулы — это которые ходят в одиночку, тигры — которые кидаются на женщин, а ишаки приехали со своими женами.

Жоржичек мой, когда мы с тобой поженимся, я хочу, чтобы ты всегда был ишачком. Хорошо?

Завтра едем на мыс Пицунда. Вернусь — напишу.

Твоя львица Тася.

Письмо пятое

Бор сосновый у Черного моря,
Есть с песочком и галькою пляж,
Бронзировка, купанье задорят,
Красотою чарует пейзаж.

Жоржик мой, ты не подумай, что это я написала. Я еще так не умею. А стихи эти напечатаны на открытках, которые продают в Пицунде прямо с рук.

А еще мы были в старинном храме. На память о нем я тоже купила открытку со стихами:

…Мыс богат историческим прошлым,
Храм с десятого века стоит.

Кто-то фрески замазал, опошлил,
Но они не теряют свой вид.

А всего я накупила много разных открыток с видами Пицунды. И каждая с такими вот задушевными стихами. Жаль только, фамилия поэта не указана…

А когда мы ехали обратно, то экскурсовод (ты не думай, что у нас один и тот же — в каждую поездку разные) сказал, что тут на побережье самое счастливое число — тринадцать. Вот в Гагре тринадцать здравниц, тринадцать милиционеров, тринадцать разводов на десять свадеб, среднегодовая температура — тоже тринадцать, а у помощника капитана тринадцать детей, но его жена об этом не знает…

Завтра едем на озеро Рица. Те, кто уже там побывал, говорят, что по дороге экскурсоводы рассказывают про мужские и девичьи слезы и еще про разные любовные истории, которые могут происходить только здесь, потому что климат и природа к этому очень располагают.

Вернусь — напишу.

С черноморским приветиком, мой ишачок, чтоб не был без меня тигром.

Твоя кошечка Тася.

От автора. Все эти письма я публикую с согласия адресата, моего соседа по дому Юры К.

Он передал их мне со словами:

— Спасите мою Тасю, она тонет в Черном море пошлости.

Впрочем, тонет не одна Тася. И не первый год.

№ 22, 1966 г.

Гр. Городецкий
НА ВЫСОТЕ

Ваша цифра высока,
Наша цифра выше:
Ваша взята с потолка,
Наша взята с крыши.

№ 28, 1966 г.

М. Арсанис
МЫСЛИ ВСЛУХ

После звонка будильника особенно хочется спать.

Дверь без ручки всегда получает пинки.

Религия неизбежно будет порождать атеистов.

Если население боится воров, то воры боятся его еще больше.

Если в темноте приходит мысль, подумай, как она будет выглядеть на свету.

№ 32, 1966 г.

В. Канаев
МИМОХОДОМ

На танцверанде не слышно было оркестра. Танцевали под шумок.

Лифт спускался со скоростью чулочной петли.

Крик моды умолк, но еще долго звучало его эхо.

Приходило ему на ум и хорошее, но оно не укладывалось в голове.

Жертвовать качеством приличествует только шахматистам.

№ 33, 1966 г.

Александр Николаев
КАК Я СТАЛ КЛЕВЕТНИКОМ

Был схож один товарищ наш
с героем басни Михалкова:
он пьяных не любил,
сам в рот не брал спиртного,
но обожал подхалимаж.

Ну что ж,
хотя сюжет не нов
(а что сейчас в рассказах ново?),
я написал, как Иванов,
который в рот не брал спиртного…

Но тут осечка,
как на грех.
Не избежал я слов суровых:
— Рассказ ваш — клевета
на всех
полмиллиона Ивановых.

Нашелся выход,

хоть с трудом:
переписал рассказ я снова
о том, как некий управдом,
который в рот не брал спиртного...

Вдруг позвонил начальник жэк
и в трубку прорычал зловеще:
— Сатирик ты иль человек?
На управдомов всех клевещешь!

Я взял героем продавца —
из торга поступила справка,
что я огульно
без конца
шельмую рыцарей прилавка.

Кого ж тогда героем взять?
Не видя выхода иного,
Я написал,
как некий зять,
который в рот не брал спиртного...

Опять не вышло ни черта.
Дед, что живет в моей квартире,
заметил:

— Это клевета
на всех зятьев в подлунном мире!

И так уже в который раз!
Я весь сарказмами изранен.
Зато теперь пишу рассказ
о том,
как некий марсианин…
Придумал все:
и внешний вид
и достоверные детали…

…Звезда с звездою говорит:
— Всех марсиан оклеветали!

№ 1, 1967 г.

Борис Сибиряков
ИЗ МУХИ

* * *

* * *

* * *

Пускай в теории изъяны,
но мухи думают, что, мол,
как человек от обезьяны, —
от мухи слон произошел.

…Читаю запись в книге жалоб:
«В столовой грязь. Со стен течет.
Кормить почище не мешало б.
Тут мухи падают в компот».
Ответил зав:
«Скажи на милость!
К стакану муха прислонилась!
Зачем тут жалоба нужна?
Из мухи делают слона!»

Слон возвратился, как обычно,

Что называется, хорош,
но не ругался неприлично
и не устраивал дебош.
И вдруг ему Слониха — в ухо:
— А ну, дыхни! Да ты под мухой!
А Слон считает, что жена
из мухи делает слона.

Охотник — шапку на макушку,
отставил кружку
и понес:
— Так вот, беру слона на мушку!
Трах-бах! Копыта! Хобот! Хвост!..
Не придирайтесь к этой фразе.
Рассказ охотничий. И разве
одни охотники спьяна
из мухи делают слона?

№ 5, 1967 г.

М. Генин
МИМОХОДОМ

Правда все равно всплывет, но это не значит, что ее надо топить.

Не дрожи перед начальством мелкой дрожью. Начальство может ее просто не заметить.

Хорошую мысль можно и по миру пустить.

Если твой жребий жалок, брось его и выбери что-нибудь получше.

— Ваше семейное положение?
— Многосемейный.

Фильм прошел при огромном скоплении билетов в кассе.

В магазине самообслуживания был объявлен конкурс на лучшего покупателя.

— Не петушись, — сказал петух курице, — не женское это дело.

№ 5, 1967 г.

Илья Шатуновский
ЗА СЛОВОМ В КАРМАН

Лектор из райцентра (к сожалению, его фамилия в путевке оказалась неразборчивой, известно только, что его звали Петр Иванович) прибыл в село Воротилино, когда в клубном зале уже собрался народ. Мягким, леопардовым шагом он вбежал на трибуну, отпил из стакана воды и на виду всего зала полез за словом в карман. Он извлек свернутую трубкой рукопись и простер руку вперед.

— Товарищи, — громко прочел он, обнаруживая в голосе высокие дребезжащие ноты.

Лекция началась…

Несмотря на то, что она посвящалась текущей окотной кампании в свете задач, поставленных последней сессией исполкома, подбираться к проблемам современности лектор начал осторожно и издалека. Он сказал что-то такое о формах землепользования в XIV веке и особо подчеркнул, что все крестьянские революции прошлого были обречены на неудачу ввиду разобщенности движения и отсутствия у восставших ясного по-

нимания конечных задач.

Против такой научной заостренности вопроса принципиальных возражений ни у кого не нашлось. Тем не менее в зале воцарилась довольно нетипичная картина: оратор себе почитывал, а зал позевывал, покашливал и похрапывал.

Наконец, приезжий товарищ предпринял энергичную попытку увязать преподносимый исторический материал с конкретными фактами сегодняшней жизни села Воротилина. Увы, увязка обернулась крупной неувязкой. Как заявляют теперь слушатели, приезжий лектор высмеял колхозных маяков, назвал их пьяницами и рвачами. А самогонщиков похвалил и велел всем на них равняться.

С какой же стати этот оратор вдруг выступил

с неприкрытой ревизией всех наших, казалось бы, незыблемых моральных устоев? В чем дело? Выясняется, что в тексте просто перепутались листы. Сначала должна была идти страница с фамилиями передовиков, а почему-то пошла страница с фамилиями лентяев.

Лектор Петр Иванович уезжал из села, расточая угрозы по адресу своего налогового инспектора. Оказывается, в учреждении, которое возглавляет оратор, налоговый инспектор слывет большим докой по части всякой бумажной писанины. И вот этот специалист за полтора вечера из трех популярных брошюр скомпоновал лекцию, обогатив ее местными фактами, почерпнутыми из телефонного разговора с секретарем сельского Совета.

Конечно, можно обвинять таких разболтанных подчиненных, которые, вручая оратору лекционный материал, не постараются как следует растолковать, в каком месте говорится о пьяницах, а в каком — о героях труда. Но если подойти к этому вопросу с другой стороны, то становится очевидным, что и сам лектор должен хотя бы приблизительно представлять, какого характера текст ему предстоит оглашать перед той или иной аудиторией.

С другим таким же Петром Ивановичем случился не менее прискорбный конфуз. Выступая на совещании творческих работников, он воспроизводил кем-то заранее подготовленный текст, обвиняя в махровом бюрократизме критика П., человека уважаемого, авторитетного. В зале пожимали плечами, недоуменно перешептывались. И вдруг где-то на восьмой странице до него дошло, что он несет ахинею. К изумлению слушателей, оратор вдруг стукнул кулаком по кафедре и гаркнул на весь зал:

— Нет, с этим я не согласен!

Тут мы подходим к важной и пока далеко не выясненной проблеме ораторского искусства, суть которой можно сформулировать предельно кратко: читать иль не читать?

В самом деле, может ли человек, очутившийся на трибуне, лезть за словом в карман или в портфель? Либо он должен выходить без бумажки, как школьник к классной доске?

Мы, грешным делом, не видим тут повода для большого принципиального спора. Если можно экспромтом высказать на собрании свое мнение по какому-нибудь частному вопросу, то для более обстоятельного выступления экспромт — помощник плохой. Что говорить, оратор, уважающий

аудиторию и ее время, заранее наметит план или даже составит развернутый конспект, чтобы ясно и коротко донести до слушателей свои мысли. Но важно, чтобы конспект писал сам выступающий, а не привлеченные со стороны методисты.

Теперь нужно закончить рассказ о выступлении упомянутого Петра Ивановича на творческом совещании. В перерыве к нему подошел критик П. и сказал:

— Вас я, Петр Иванович, ни в чем не виню. Вы человек порядочный. Я это знаю. Но вашим референтам, которые вписали меня в этот доклад, я теперь руки не подам!

Недавно мы беседовали с другим Петром Ивановичем, который заведует одной конторой, и он убеждал, что ему самому готовить свои выступления просто невозможно.

— Во-первых, совещаний полно, во-вторых, повестка настолько разнообразна, что одному человеку все знать решительно не под силу.

— Ну, а зачем на всех совещаниях произносить речи? В одном случае выступит ваш заместитель, в другом — начальник планового отдела, в третьем — главбух.

Начальник конторы настораживается:

— Это как же, передоверять подчиненным от-

ветственное дело?

Но если Петр Иванович не доверяет подчиненным выступать на совещаниях, то он вполне доверяет им готовить свои речи. И вот наиболее расторопные сотрудники отыскивают в целом ворохе бумаг три факта-бриллианта. На них, как на трех китах, должно держаться все выступление. Факты-бриллианты таковы:

«Директор первого отделения за три последних года в театре, в кино, на концерте не был. Был всего два раза в цирке». (О культурных запросах кадров.)

«В среднем каждый второй работник филиала в отчетном году побывал в вытрезвителе. Среди них зав. отделом рекламы, юрисконсульт, техноруков и воспитатель из молодежного общежития». (О пьянстве.)

«В автобазе сорок восемь дружинников. За восемь месяцев они разняли двух шалунов у входа в Дом пионеров, ликвидировали пьяный дебош в диетической столовой и помогли председателю райсовета вытащить из лужи на главной улице его «вездеход». (О слабом использовании сил общественности.)

Наличие фактов-бриллиантов вдохновляет Петра Ивановича. Подготовка доклада вступает в

решающий этап. Создается бригада методистов, которая обобщает материал. Конечно, было бы проще, если б начальник конторы толково и обстоятельно высказался по двум-трем узловым вопросам. Но, с его точки зрения, это мелко, несолидно. И вообще он любит выступать развернуто, панорамно. Поэтому трудолюбивые методисты засиживаются до петухов. Они прикидывают, примеряют, вписывают и вычеркивают и в конце концов отливают болванку. Теперь остается лишь облицовочная работа.

В качестве облицовщика приглашают баснописца из учрежденческой стенной газеты.

— Вы знаете, что Петр Иванович — человек остроумный? — говорят ему члены бригады.

— Догадываюсь, — молвит баснописец упавшим голосом.

— Просим вас, пройдитесь по тексту. Где надо, подбросьте соли, добавьте перцу и подберите идейно выдержанные шутки. Словом, максимально приблизьте текст к живому народному языку, каким обычно выражается Петр Иванович.

И вот баснописец обкладывается энциклопедическими словарями и сборниками избранных изречений мудрецов. На него жалко смотреть.

Ему нужно найти высказывание Петра Великого о важности кружковой работы и острием народных пословиц высмеять лиц, засыпающих на семинаре по эстетике. Кроме того, он должен исправить замеченные смысловые несуразицы, освободить текст от засилья деепричастных оборотов и вывести целый ряд имен существительных из-под удара коварного винительного падежа…

Но в назначенный час Петр Иванович появляется на трибуне и начинает держать речь. Он говорит с аудиторией на живом народном языке. Факты-бриллианты производят соответствующее впечатление. Петр Великий ложится в строку…

К счастью, таких торжественных болтунов, которые измеряют свой труд и труд других числом произнесенных речей да удельным весом в них шуток да прибауток, за последнее время стало гораздо меньше. Но нет-нет появится на трибуне этакий чтец-декламатор, явно страдающий недержанием речи. В выступлениях по любым поводам он видит главное свое назначение. Методисты готовят ему сценарии, а он знай себе оглашает.

Неплохо было бы как-нибудь перед выходом Петра Ивановича на трибуну отобрать у него этот сценарий. Любопытно будет наконец послушать, что думает он сам по тому или иному поводу, чем черт не шутит, может быть, на этот раз он выскажет действительно интересные, оригинальные мысли…

№ 6, 1967 г.

Борис Юдин
БОРЗЫЕ ЩЕНКИ

Жить надо с чистыми руками —
Сам «не давай» и «не проси»...
Вот Тяпкин-Ляпкин брал щенками,
А деньги... боже упаси!
— Вано Давидович? Узнали?
Да-да. Вот именно, Петров.
Вы что ж пропали, генацвале?
А я хотел вам пару слов...
Ох, замотался, нету мочи!
Да... Магомет идет к горе.
Нельзя ли две путевки в Сочи,
Чтоб там... попозже, в сентябре?
— Две? В сентябре? Пожалуй, можно.
А мне вот нужен телефон.
— Попробуем, хоть это сложно:
Тут шанс один на миллион.

— Вась?.. Не ругай, опять я лезу:
Есть друг, он кое в чем силен...

Ему ну просто до зарезу
В квартире нужен телефон.
Спасибо! Что? Какое дело?
Ах, то? Так ты смелее будь!
Тут нужно действовать умело.
Толкнем. Найдем кого-нибудь.

— Матвей? Услуга за услугу!
Ты там просил устроить дочь,
А моему не мог бы другу
Слегка, немножечко помочь?
Он вам бумаги все направил.
Без канители и возни
Нельзя ль, помимо всяких правил…
Ну, в общем, как-нибудь толкни!

— Привет, Гурген! Прошу пощады,
Но ты поверь моим словам:
Тут девочку устроить надо,
Она давно мечтает к вам.
Ты переехал?
— Да. В панельный.
Не знаешь, где достать бы лак?

Ну до чего все канительно!..
Смешно! Конечно, не «за так».
— Так, значит, этот лак для пола
Не отпускает магазин?
Есть ход: я выпишу «Футбол» им,
И с лаком мы сообразим.

Все действуют без промедленья,
Взаимной чуткости полны…
И, как по щучьему веленью,
Заявки все утверждены:
Петрову есть путевки в Сочи,
Шевчук подписан на «Футбол»,
Арутюняну, между прочим,
Вторично кроют лаком пол…
То «дело», что вне всяких правил,
Бурштейн на подпись уж отправил,
А дочь устроена вполне,
Ему на радость и жене.
Маршания весь вечер дома
Звонит родным, друзьям, знакомым,
И до безумья счастлив он:
Ему поставлен телефон.

И все довольны. Все в порядке.
Весь «круг» так четок и красив...
Но взятки!..
А какие взятки?
Да что вы, боже упаси!

№ 7, 1967 г.

Ц. Меламед
КОРОЧЕ ГОВОРЯ...

Страшное упущение: река забвения до сих пор не оборудована спасательной станцией.

Приятнейший способ самоубийства — тонуть в сиропе славословия.

Грамм чуткости килограмм валидола бережет.

Новый директор сумел-таки сплотить коллектив, но против себя.

Шевелюра выдается человеку напрокат в комплекте, а возвращается по волоску.

Сорняк бахвалился тем, что он растущий.

№ 11, 1967 г.

А. Лигов
МИМОХОДОМ

За неимением своего таланта зарывал в землю чужой.

Мысли не одалживают: их либо дарят, либо воруют.

Когда нет собственной души, лезут в чужую.

Окончил институт, о котором потом говорил: «Мое высшее учебное заблуждение».

Ничто так прочно не запоминают ученики, как ошибки своих учителей.

Лекция о проблемах передвижения людей на других планетах не состоялась: лектор не явился из-за гололедицы.

Его натолкнули на мысль, и он ее затоптал.

№ 12, 1967 г.

Борис Данелия
СЛОВО МУЖЧИНЫ

Председатель Лехаиндравского сельсовета Акакий Кикава, восседая на верном коне, едет через кукурузное поле. Конь как две капли воды похож на хозяина. Такой же тихий и такой же застенчивый. Стоит его огреть хворостиной по левому боку, как он тут же подставляет правый.

— Н-но!

Акакий с опаской озирается по сторонам. Не дай бог встретиться с этим прохвостом Гиви. Шалопай Гиви со своими дружками Симоном и Самсоном по ночам хлещут вино, а днем отсыпаются в кукурузе.

— Н-но!

Встретят — убить не убьют, побить не побьют, а авторитет испортить могут.

— Н-но!

Убаюканный спокойным аллюром, Акакий на мгновение закрыл глаза и, когда открыл, увидел на дороге Гиви.

— А ну, председатель, слезай с коня!

Симон и Самсон со свирепыми лицами стали

приближаться с явным намерением схватить лошадь за узду…

Что было дальше, Акакий не помнит. Опомнился он, когда все уже было позади и верный председательский конь с тяжелого галопа перешел на легкую рысь.

Заметив подъезжавшего на колхозном «газике» Георгия, Акакий отчаянно замахал руками.

— Не езди туда, Георгий! Там эти бандиты-разбойники!

Однако Георгий не обратил на это предостережение никакого внимания.

— Ничего, у меня машина. Не догонят.

Гиви со своей компанией встретил Георгия на том же месте, где только что с ними расстался Акакий.

— А ну стой!

Георгий вылез из машины.

— Теперь пойдем.

В кукурузе, метрах в пятнадцати от дороги, прямо на земле была разостлана газета. На ней лежала небогатая закуска: пучок лука, огрызок сыра и кусок мчади. Тут же стоял глиняный кувшин с вином. Гиви наполнил стакан.

— Дорогой Георгий, — торжественно начал он. — Я поднимаю этот маленький бокал с боль-

шим чувством за нашу встречу. Мы встретились не случайно. Если бы мы не стремились к этой встрече, мы бы не встретились…

— Подожди, — перебил Георгий. — Вы что это людей пугаете?

— Как пугаем, кого пугаем? — обиделся Гиви. — Целый день, понимаешь, одни пьем. К себе никто не приглашает, к нам тоже никто не ходит… Ну, решили кого-нибудь пригласить к нашему столу, вышли на дорогу… А он убежал… Хорошо, тебя встретили…

Гиви передал Георгию стакан.

— Ну, будьте здоровы, — сказал Георгий. — Желаю вам счастья. Пусть в вашем доме всегда будет радость и веселье.

Гиви наполнил стакан по второму разу и приготовился произнести новый тост.

— Больше пить не буду, — сказал Георгий. — Вы это вино не заработали… А ты, Гиви, зайди утром в контору.

— Что, на работу звать будешь?

— Не буду. Слово мужчины.

— Тогда приду… Слово мужчины!

Утром Гиви, как и обещал, явился в контору. Не говоря ни слова, Георгий открыл сейф, достал сто рублей и протянул Гиви деньги.

— Возьми.

— Это еще зачем?

— Купи себе брюки, обувь, рубашки. А то стыдно смотреть.

— Оскорбляешь?

— Когда будут — отдашь. Кроме меня и тебя, знать об этом никто не будет. Даю слово мужчины.

Гиви потоптался на месте и как бы нехотя сунул деньги в карман.

— А может, тебе все-таки помочь надо?

— Как хочешь.

— Хорошо, с сегодняшнего дня моя бригада в твоем распоряжении. Дня три поработаем…

Через три дня Георгий заглянул на чаеприемный пункт и застал там Гиви.

— Ну что ж, три дня прошло, — сказал председатель. — Можете уходить.

— Что значит уходить? — насупился Гиви. — Тут Медико Хунци на пятки, понимаешь, наступает, а ты меня дезорганизуешь… Три дня, видите ли, прошло!

И Гиви очень пристально посмотрел на Медико, которая как раз в это время ставила на весы круглую корзину, до верха наполненную нежными зелеными побегами чая.

№ 16, 1967 г.

Марк Захаров
Я, ИНСПЕКТОР МАНЕЖА, УКРОТИТЕЛЬ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЫСЬ

Мой первый день в новой должности ознаменовался неожиданным происшествием.

— Василий Васильевич! — воскликнул бледный инспектор манежа, вбегая без стука в мой кабинет. — Рысь тигрицу куснула! Прямо на манеже, при зрителях!

— В каком смысле? — заинтересовался я.

— В самом непосредственном! Прямо за загривок. Пришлось дать струю из брандспойта. Укротитель оба хлыста об рысь поломал, и никакого эффекта.

— Понятно, — сказал я, отложив текущие дела. — Пригласите.

— Укротителя? — не понял меня инспектор.

— А при чем здесь укротитель? — сказал я задумчиво. — Разве он кусал?

— Не понимаю, кого же вам пригласить? — изумился инспектор.

— Кто кусал, того и пригласите.

Потрясенный инспектор выскочил из кабинета

и вскоре вернулся в сопровождении двух унифомистов, которые вели на поводке здоровенную рысь с наглой физиономией. Бледный укротитель подтащил сзади пожарный шланг и перезарядил оба пистолета.

— Находится в невменяемом состоянии, — объявил он мне дрожащим голосом. — Бросается на людей, как все равно на кроликов.

— Понятно. С этим я уже сталкивался на прежней работе, — успокоил я собравшихся. — Всех лишних попрошу выйти из кабинета.

— Как? — прошептал укротитель, вздрогнув. — Мне тоже?

— Ну вот, опять двадцать пять! — вздохнул я с раздражением и медленно прищурился. — Последний раз спрашиваю: кто из вас кусал тигрицу?

— Она! — дружно сказали все, указав на рысь.

— Вот и оставьте нас с ней с глазу на глаз. Вернее, с зуба на зуб.

После этих слов наглая физиономия у рыси заметно вытянулась, и она даже слегка попятилась к выходу.

Но было поздно. Бледный укротитель, вылетая из кабинета, стремительно захлопнул перед ней дверь, даже слегка защемив при этом рысий

хвост.

— С хвостами надо поаккуратнее! — сказал я ему вслед, желая соблюсти объективность. — Хвосты, они тоже на улице не валяются. Правильно?

Несмотря на это заявление, рысь почему-то ощерилась на меня и вызывающе приблизилась к столу.

Некоторое время мы молча изучали друг друга. Наконец я решил начать беседу.

— Мне думается, ты неправильно себя повела, — сказал я ей по-хорошему, как бы раздумывая. — Наша, понимаешь ли, дальневосточная рысь укусила своего же уссурийского товарища. Разве так можно?

После этого мы оба озабоченно помолчали.

— Ладно бы ты ее цапнула, — сказал я через некоторое время как можно задушевнее, — в этой... в нерабочей обстановке. Но на манеже, при всех... Некрасиво! А что зрители подумают?

На чем они у тебя воспитываться будут? На каких примерах? Хочешь, чтобы в антракте или, хуже того, придя домой, они друг дружку перекусали? Да? Этого ты добиваешься? Стыдись!

Весь первый час нашей беседы я посвятил именно этой сложной проблеме взаимоотношений. В начале второго часа я коснулся напряженной международной обстановки, после чего, как бы невзначай, остановился на еще имеющихся отдельных недостатках с последующим перечислением всех имеющихся достижений. В четвертом часу я заговорил исключительно на узкосемейные темы. Затем на общечеловеческие. На исходе шестого часа я открыл дверь в коридор и спокойно обратился к укротителю:

— Заберите кыску!

Укротитель заглянул в дверь и, не поверив своим глазам, два раза ущипнул себя за нос.

— Как вам это удалось? — воскликнул он в крайнем изумлении.

— Удалось, — подтвердил я. — И не таким зубы заговаривали!

№ 17, 1967 г.

А. Титов
МИМОХОДОМ

Чтобы предвидеть, не обязательно подниматься на гору.

Как ни ропщут листья на дерево, а все-таки крепко держатся за его ветви.

Ни одну дорогу не хочется так пройти заново, как дорогу жизни.

Позавидуешь пням: они умеют постоять за себя.

Самая теплая характеристика — некролог.

№ 24, 1967 г.

В. Жемчужников
ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

Счастье ведет себя, как ветреница: улыбается одному, а приходит к другому.

Говорят, мир возник из хаоса. Мы должны позаботиться, чтобы он не кончил тем, с чего начал.

Самокритика — самый сложный вид самообслуживания.

Пока талант пробьется, бездарность уже успеет выслужиться.

Супружество — вольный союз двух людей, всю жизнь борющихся за свои права и независимость.

Настоящая близость обычно начинается издалека.

Всякая бывает любовь. Не может быть только любви с гарантией.

Утверждение собственного «Я» не должно происходить за счет выкорчевывания всего алфавита.

№ 27, 1967 г.

Михаил Дудин
ЛЕНИНСКИЙ ВЕК

Жизнь принимая большую и разную,
Верность и честь выводя на парад,
Я Революцию славлю и праздную
И восторгаюсь тобой, Ленинград.

Все в твоей жизни здоро́во и здо́рово!
Новым победам людским в образец
Здесь прогремело орудье Авророво,
Старому миру пророча конец.

Все в тебе ладно, красиво и весело.
Ясен самой Революции свет.
Ночь над Невой канделябры развесила
Радугой в небо взлетевших ракет.

Шпили и куполы, арки портальные
И парапеты причастны векам...
И поднимают колонны Ростральные
Пламя, как знамя, к седым облакам.

Знамя самой Революции! Ввысь она,

К звездам стремится, идет по земле.
Здесь справедливость навеки прописана,
С бою добыта в крови и золе.

Славлю вас, ленинской правды ровесники,
Всей неподкупностью песни своей,
Нынешних наших побед провозвестники,
Ваше упорство — в крови сыновей.

Ваше ни с чем не сравнимое мужество
В дни, когда горло сжимала беда...
Ваше рожденное с песней содружество
Мысли пытливой и страсти труда...

Бита нагайками, пытана, стреляна,
Жизнь возвеличила город родной.
Смотрит с надеждой планета на Ленина.
Ленинский век начался над Невой.

№ 30, 1967 г.

Н. Сергеев
МИМОХОДОМ

Шел обочиной проторенной дороги, а говорил, что идет нехоженой тропой.

Ярко выряженная индивидуальность.

№ 31, 1967 г.

Никита Богословский
ПОСЛЕ ПОЛУЧКИ

МОЗГ. Значит, так: зарплата получена. На руки чистыми 54 рубля 06 копеек. Пятьдесят сразу Маше на хозяйство, целковый на подарок Андрюшке, а 2.87 в задний карман на непредвиденные. Все в ажуре.

СЕРДЦЕ. А все-таки люблю я их! И Машеньку, несмотря на ее вечное ворчание, и Андрюшку, не глядя на его тройки. Хорошие они у меня, золотые!

НОГИ. А ну, шагаем веселей до дому! Обед, небось, давно готов. Наши ждут с нетерпением.

ГЛАЗА. А что тут такое, на углу? Раньше не замечали. *(Читают по складам.)* Пив-ной зал но-мер де-вять… Наверно, недавно открылся.

ПРАВАЯ НОГА (левой, нерешительно). Зайдем, что ли, на пять минут, полюбопытствуем?

ЛЕВАЯ НОГА. Стоит ли? Дома-то ждут…

МОЗГ. Прямо уж не знаю, как и быть…

СЕРДЦЕ. Ни в коем случае! Вспомни, чем кончился для меня наш субботний поход с Артюхиным и Краснопевцевым!

МОЗГ. Ну, мы, право же, на минутку, без компаний!

ГЛАЗА. Никак Павел Николаевич в дверь прошмыгнул? Вот мы кого давно не видели!

МОЗГ. Зайти, а?

СЕРДЦЕ. Ну, как знаешь! Я снимаю с себя всякую ответственность.

ПРАВАЯ НОГА (левой). Ну, пошли, что ли? Чего на месте-то топтаться!

РУКИ. Вот примите, пожалуйста, плащ. Ничего, можно за петлю, вешалка оборвана.

СПИНА (ногам). Очень прошу вас, останемся у стойки. Мне это нетрудно, мы ведь на минутку.

НОГИ. Нет уж, пожалуйста, вы за нас не решайте! Мы ведь тоже не железные. Присядем ненадолго.

ПРАВЫЙ ГЛАЗ. А вот и мой коллега у Павла Николаевича подмигнул нам.

НОГИ. Пошли, что ли, к его столику?

ПРАВАЯ РУКА. Ох, до чего же сильно он меня жмет! Прямо Юрий Власов!

СПИНА. Ну, я понимаю, друзья, давно не виделись. Но зачем же так больно хлопать?

СЕРДЦЕ. Может, все-таки уйдем?

МОЗГ. Да уж куда теперь! Неловко. А потом мы же только на пять минут.

ГОРЛО. О, как горячо! Не меньше как градусов сорок!

ЖЕЛУДОК. Ну, вот опять! Мало ему субботнего!

ГОРЛО. Фу, как горько и холодно! Терпеть не могу пива!

ПРАВАЯ РУКА. Держись, рюмочка, не падай! Сейчас тебе опять с подружкой стукаться!

УШИ. Ах, как приятно слышать этот мелодичный звон!

ГОРЛО. Опять горячо! Что же это за климат такой неустойчивый.

ЖЕЛУДОК. Эй, вы там, наверху! С ума, что ли, посходили? Лейте осторожнее, а то у нас все затопляет!

ПЕЧЕНЬ (с тоской). Боже, что со мной будет завтра!

НОГИ. Ну, вот! Только удобно устроились, как нам еще какую-то пустую бутылку сверху спустили. Только мешается тут под столом!

СЕРДЦЕ (мозгу). Слушай, может, хватит? Наши дома заждались…

МОЗГ (беспечно). А, чего там! Обойдется! А ты помалкивай! Твое дело биться — тук-тук, тук-тук. И вообще я сейчас дам команду запеть!

ЯЗЫК. Этого еще не хватало. Я же еле ворочаюсь!

ЛЕВАЯ РУКА (глазам). Ну-ка, гляньте, пожалуйста, мне на запястье. Который час?

ГЛАЗА. Мать честная! Уже половина десятого!

МОЗГ. А ну еще по одной!

ЖЕЛУДОК. Да вы в своем уме? Все! Я сегодня больше не принимаю!

ПЕЧЕНЬ (умоляюще). Братцы, имейте совесть! Ведь для меня это зарез!

РУКИ. А вот как мы сейчас обнимем Пашку, старого черта!..

ГУБЫ. Паша, родной! Дай-кась мы тебя расцелуем!

ГЛАЗА. Что за наваждение? Кажись, Павел Николаевич отворачивается.

ПРАВАЯ РУКА (решительно). Пальцы! Слушать мою команду! Сжимайтесь в кулак! Сейчас мы этому нахалу как…

ЗУБЫ. Чтой-то нас после Пашкиного ответа вроде меньше стало?

ПРАВЫЙ ГЛАЗ. Караул! Заплываю!

РУКИ. Товарищ старшина!.. Больно! Не заламывайте нас так сильно за спину!

НОГИ. Интересно, куда это нас волокут?

ЛЕВЫЙ ГЛАЗ. Хоть я теперь и один, но убей меня бог, если это не родное 50-е отделение…

СПИНА. Боже мой, какая опять лежанка жест-

кая! Как в ту субботу!

МОЗГ (сквозь сон). Значит, так… Маше на хозяйство… Андрюшке на подарок… Мне на непредвиденные…

РУКИ. Да тут в кармане только и осталось что 06 копеек!

МОЗГ (не слушая их). Маше на хозяйство… Андрюшке на подарок… (Окончательно засыпает.)

ГОРЛО (облегченно). Наконец-то!.. Х-рр… Х-ррр!

№ 32, 1967 г.

Николай Баженов
ПУСТЫННИК АГАФОН

Тройка изб прячется в самой лесной глухомани. Однако лесник Иван Никитич нисколько не похож на косматого таежного лешего. Он носит щегольскую куртку из искусственной кожи, ежедневно бреется механической бритвой «Спутник», каждое воскресенье гладит свои бриджи.

Возможно, поэтому в ответ на мое шутливое замечание, что, мол, живут он и его соседи на манер пустынников и я нисколько не удивлюсь, если и они, вроде Серафима Саровского, кормят медведей хлебом из рук, лесник только усмехнулся.

— Никак нет, — ответил он рокочущим баском, — мы хлебопродукты лесному поголовью не переводим. Да и какие мы пустынники, ежели находимся в курсе всех событий мира? — Он кивнул головой в сторону висящего на гвоздике транзистора «Селга». — Настоящие пустынники — это публика совсем другого сорта. Да вот, не угодно ли послушать про одного из них, благо спать еще вроде как и рановато?

До войны работал я в соседнем колхозе, в ово-

щеводческой бригаде. Трудился там вместе со мной один парень по имени Агафон. Обоих нас и мобилизовали, как началась война. Меня, пехоту, прямо на фронт отправили, а Агафона оставили при артиллерийском складе. Малый он старательный, аккуратный, скоро ему чин какой-то дали и к боеприпасам приставили.

После войны я еще пару лет по разным заграницам ездил, потом вернулся в деревню и узнаю, что Агафон тоже недавно демобилизовался. Я к нему.

Встретились. Обнялись. Всплакнули о тех, кто не вернулся. Я и спросил у Агафона, не ходил ли он еще в правление насчет работы.

«Нет, не ходил, — отвечает Агафон и виновато прячет от меня глаза. — Расходятся, Ваня, наши дорожки. Я в колхозе работать не буду».

«Ага! В город надумал, промышленность поднимать?»

«И не в город. Я богу хочу послужить, душу спасти. Зарок нерушимый дал в минуту лютой опасности: останусь жив — конец дней своих проведу в посте и молитвах».

Я так и ахнул. Стою обалдевши, выпучив на Агафона глаза, и не знаю, что делать: плакать или смеяться?

«Так ты же всю войну на складе в наших краях

прослужил! Боев здесь не было. Откуда же взялась лютая опасность?»

«Бомбили наш артиллерийский склад однажды, — ответил он, — подобно коршуну, смерть надо мной кружилась, я в ту минуту и прозрел».

Одним словом, приспичило парню душу спасать, да и все тут! Всем колхозом уговаривали мы его оставить эту затею. Не помогло!

Распрощался он с нами и подался на север, в самую чащобу. Вырыл себе землянку, отгородился от хищного зверя и стал жить-поживать, духовного добра наживать. Спрашиваете, чем питался? А чем бог послал. Кое-что с собой прихватил, грибы да ягоды собирал, опять же орехи.

Но недолго прожил Агафон в одиночестве. Однажды ввалилась в его землянку белокурая девица с рюкзаком за плечами и попросила угостить ее чаем. Наш пустынник поначалу подумал: искушает его бес, ибо девица оказалась румяная да смешливая. Но за ней двое мужчин пожаловали, испачканные в глине до невозможности. И были это геологи, искавшие нефть. Богатеющий был край, где Агафон от мира прятался. Я слыхал, что по нефтедобыче он сейчас не то третьим, не то четвертым Баку числится.

И Агафон сильно расстроился. Ему для спасения

души мертвая тишина требуется, а где ее возьмешь, когда тысячи людей да разные механизмы в округе появятся! Он спросил у геологов, как же ему быть. Смеются. А в заключение посоветовали к ним в экспедицию на работу поступить, поскольку у них рабочих не хватало.

Но пустынник не желал сдаваться. Рано утром забрал из землянки убогие свои пожитки да и махнул еще дальше на север, пробираясь в самые дремучие места, подальше от нефтяных вышек. Месяц он путешествовал, пока не встретилось ему подходящее место. Вырыл он близ опушки леса новую землянку, залез в нее и давай снова перед образом матушки-троеручницы поклоны отбивать.

А месяцы шли. И уж совсем наш Агафон стал от мира отрешаться, да случилось тут одно происшествие: проснулся он однажды на заре и вдруг слышит: самолет гудит.

«Воздух!» — не своим голосом завопил он, вспомнив про свой артиллерийский склад, выбежал из землянки и видит: висит над полянкой чудная такая машина — вроде стрекозы, а из ее брюха веревочная лестница свешена, люди по ней спускаются.

Бросился пустынник в землянку обратно и с

удвоенной энергией принялся за поклоны, чтобы поскорее сгинуло железное видение. Да где уж! Поисковая партия мигом разыскала его убежище. И тут же предложили Агафону с ними вместе какие-то редкие элементы искать. Пришлось бедняге и отсюда ночью удирать. Даже чайник, лучшее сокровище свое, на очаге забыл!

Долго ли, коротко ли, но добрался он до горы, густо поросшей сосняком. Облюбовал Агафон себе местечко возле ручья, взялся за лопату, поплевал на руки и…

…тут же выронил ее из рук: прямо над его головой проплыли две большие железные стрекозы, таща на канатах что-то огромное и тоже железное. И понял Агафон: не видать ему благословенной тишины и в этих местах.

Иван Никитич замолчал и стал наливать себе в кружку ароматного чая.

— Ну и как же Агафон ваш вышел из положения на этот раз? — полюбопытствовали мы.

— Об этом он пусть сам вам расскажет, — отозвался лесник и, распахнув окошко, крикнул: — Эй, сосед, зайди сюда, товарищи корреспонденты хотят о чем-то спросить тебя!

Из соседней избы вышел не старый еще мужчина в красной шелковой тенниске. Поздоро-

вавшись с нами и узнав, о чем идет речь, он смущенно махнул рукой.

— Было такое дело по молодости моих лет.

— Где же вы сейчас «спасаетесь»? — засмеялись мы.

— В колхозной мастерской, — кротко ответил он. — Да еще на заочных курсах механизаторов. Надо же наверстывать упущенное!

№ 36, 1967 г.

Андрей Никольский
ЗЛОБОДНЕВНАЯ ТЕМА

Вот, говорят, фельетонист, фельетонист... Дескать, хлебом его не корми, только дай сочинить что-нибудь отрицательное про своих ближних.

Отчасти, может, это и верно. Но только ведь фельетонисты — тоже люди. И порой ужасно надоедает изображать негативные стороны жизни. Хочется хоть раз написать о чем-нибудь хорошем, о том, скажем, как растет наше благосостояние. Поскольку это всегда злободневная тема.

Нынче с утра у меня как раз было такое настроение.

А тут, на счастье, приносят в редакцию письмо.

Вообще-то писем нам приносят горы. И все негодующего плана. Там, глядишь, света нет, там воды нет, там крыша прохудилась.

И это письмо такого же плана. Но с рациональным зерном. И как прочитал его, даже разволновался.

А пишут с юга супруги Жупахины. Они несколько лет назад поженились, но не обзавелись

обручальными кольцами. Может, тогда колец не было, а может, они от великой радости прошляпили эту деталь. Я не знаю. А скорей всего денег у них не было. Это чаще всего случается. Тем более свадьба, гости и все такое.

Надумали сейчас купить — ан дудки. Кольца продаются только по справкам из загса.

И молодые люди спрашивают: что ж, дескать, дорогой Крокодил, нам делать? Не следует ли регистрироваться еще раз?

Такой вот подкожный вопросец они задают. Я-то лично думаю, что этот вопросец сама Жупахина придумала. Не иначе. Муж, он бы поставил вопрос прямо: «до каких пор?», скажем, или «за что проливали кровь свою?». А тут уж очень, понимаете, яда много.

Но не в этом суть. Прочитал я это письмо раз, прочитал два, и прямо глаза разгорелись. Ну разве ж это, думаю, фельетон? Это ж, думаю, великолепный положительный материал, который будит целый ураган мыслей.

Вот, скажем, бросим мы ради интереса ретроспективный взгляд в очень недавнее прошлое. Года четыре назад этой же самой авторучкой писал я обзор писем трудящихся о том, что в продаже нет носков. Действительно, была та-

кая черная полоса в нашей жизни. И я, между прочим, на этой странной беде своих сограждан честно заработал какой-то мизерный гонорар. Такая уж у меня специальность.

А три года назад стали поступать письма, что нигде бритв не найдешь. Куда они подевались — никто, ясное дело, не знал. К этому же периоду можно отнести поток писем о том, что в магазине нет зубных щеток. Потом авторучек. Потом фотобумаги. Еще чего-то.

И все это были такие житейские мелочи, что о них даже противно было писать. И я на нервной почве нажил из-за этих фельетонов астму, стенокардию, тик в правом глазу и опять же мелкий гонорар с вычетом бездетного налога.

И вот, дорогие товарищи, поступают письма, что нет золотых колец. Вы только вдумайтесь, граждане, нет золотых колец! И это всего через каких-нибудь четыре года.

Ну, а давайте бросим робкий взгляд в будущее. Глядишь, лет эдак через пяток начнут жаловаться, что нет бриллиантов. Или жемчуга покажутся мелковаты. А о бритвах, глядишь, и разговоров не будет? Какая же это будет распрекрасная жизнь!

Вот такие светлые мысли пробудило у меня это в общем-то рядовое письмо. И мне захотелось в кои-то веки написать положительный материал. Что я в кои-то веки и сделал.

№ 3, 1968 г.

Владимир Поляков
ДОМАШНИЙ ТЕАТР

В этом театре нет афиш, а идущие в нем пьесы не имеют названия. Но спектакли идут утром, днем, вечером. И даже ночью. К тому же без выходных дней.

Зрителей в этом театре нет, но театр не «горит», даже не получая дотации.

Не всегда установлены нужные декорации, часто не вовремя включается и выключается свет, костюмы в основном старые, зато шумовые эффекты выполняются исключительно.

Бывают случаи, что актеры нечетко знают свои роли, путают мизансцены и говорят не совсем тот текст, но это не отражается на успехе спектакля.

Часто выручает импровизация.

Вероятно, вы уже догадались, что сценой в этом театре является моя квартира, а актеры — это я и моя семья.

Распределены все амплуа. Я герой-любовник (я сам выбрал для себя эту роль), моя жена Татьяна, естественно, — героиня. Ее мать, то есть теща, — комическая старуха, мой отец — резонер,

наш десятилетний сын Колька — благородный мальчик, и мой друг — сосед по квартире Никита — комик-простак.

Начинает спектакль жена. Она говорит:

— Андрей, ты меня не любишь. Скажи мне об этом честно.

Она не хочет, чтобы я сказал честно, но она настаивает на этом. Ведь это ее роль.

— Ты совершенно не обращаешь на меня внимания, а ведь я женщина. Я еще могу нравиться.

Она знает, что уже давно не может, но ведь она играет обольстительную героиню.

— Как тебе не стыдно! — восклицаю я. — Ты же знаешь, что для меня существуешь только ты одна!

В это время я думаю о машинистке Любе из нашего учреждения. Но я же герой-любовник, и я хватаю жену за руки.

— Сколько раз мне нужно тебе говорить, что я тебя люблю?! Боже мой! За что? За что?

Я беспардонно вру. Я уже давно не люблю ее, но я веду свою роль. Я вхожу в образ. Мельком взглядываю на себя в зеркало для контроля и вижу свои глаза, полные неги и любви. Не отвлекаться! Смотреть в глаза партнерши!

— Таня! Если бы ты знала, как я люблю тебя!

(Если бы она знала!)

Вбегает сын. Он только что хватанул в школе двойку, но делает вид, что все в порядке. (Он же артист, он играет роль по меньшей мере четверочника.)

— Папа, что случилось? Я слышал какие-то крики, — говорит он.

— Ничего не было, — говорит жена.

— Значит, мне послышалось, — говорит Колька. (Он знает, что не послышалось, больше того, он знает, что это были за крики, но он же артист! И он играет свою роль.)

— Колюньчик, — говорит Таня, — на тебе рубль, пойди купи себе эскимо и можешь полтора часа погулять. (Она отлично знает, что эскимо стоит 11 копеек, но она играет, что она не знает этого.)

— Ладно, — говорит сын. — Я куплю эскимо и погуляю во дворе.

И он уходит. (Он твердо знает, что никакого эскимо он не купит, а пойдет в кино смотреть фильм, на который детям до 16 лет вход воспрещен. Но он играет отличного, послушного мальчика.)

— Мне надоело терзаться и мучиться! — кричит жена. (Она кричит нарочито громко, чтобы услышала ее мать, находящаяся в соседней комнате.)

Входит мать.

— Опять бранитесь? — спрашивает она. (Она знает, что мы бранимся, но она спрашивает; такой у нее текст.)

— Милые бранятся, только тешатся, — говорит она. (Она же комическая старуха.)

— Он меня совершенно не любит! — всхлипывает жена. (Она научилась вызывать слезы по желанию.)

Тут матери нужно сказать что-нибудь смешное, и она говорит:

— А кого же он тогда любит? Меня, что ли?

Смех. Это смеюсь я. Мне ничуть не смешно, мне это все осточертело, но я смеюсь (ведь я же актер), и теща довольна.

И тут я вспоминаю, что я герой-любовник. Я подхожу к окну и долго смотрю в него. (Пауза.)

— Какой закат! — говорю я. — Он напоминает зарево. (Он мне ничего не напоминает, но я же должен внести элемент поэзии.)

— Таня, ты слышишь, как бьется мое сердце?.. (Это стенокардия, и радоваться тут нечему, но я же артист, черт возьми!)

— Если б я это когда-нибудь услышала! — вздыхает жена. (Ей плевать на мое здоровье).

Стук в дверь. Входит мой друг Никита.

— Ну, что нового? — спрашивает он. (Он абсолютно точно знает, что ничего нового нет и быть не может, но он задает этот вопрос. Он нужен для следующей реплики моей жены.)

— Видимо, нам придется расстаться с Андреем, — произносит она.

Никита отлично понимает, что это чушь, но текст есть текст, и он всплескивает руками и говорит:

— Вы с ума сошли! (Он, конечно, отлично знает, что сходить не с чего.)

— Это она сходит с ума, — говорю я. И тут же: — Что делать, Никита, что делать? (Я-то знаю, что делать, но для приличия спрашиваю.)

— Или нужно наладить отношения, или, если это действительно невозможно, надо их прекращать, — говорит Никита. (Он простак.)

И тут входит мой отец Семен Гаврилович.

— Друзья мои! — говорит он. — Вы уже восемнадцать лет вместе. Пора бы вам перестать ссориться по пустякам. Уж я-то знаю, как вы любите друг друга! (Он знает? Ничего он не знает. Но он положительный резонер.)

— Поцелуйтесь, и пора ужинать, — добавляет он. Мы целуемся. (Господи! В который раз!)

ЗАНАВЕС. КОНЕЦ СПЕКТАКЛЯ.

ЗАВТРА МЫ БУДЕМ ИГРАТЬ СНОВА.

№ 3, 1968 г.

Александр Жаров
КОГДА ЦВЕТЕТ ЧЕРЕМУХА

Черемуха колышется
Несмелою листвой.
Опять под вечер слышится
Знакомый голос твой.
Опять мотив «Страдания»
Ручьем звенит в саду…
Но только на свидание
Я нынче не пойду!
Меня еще не вызвала
К себе моя весна.
Сижу у телевизора
С подружкой дотемна.
Мы даже после ужина
Любуемся вдвоем
Каким-нибудь заслуженным
Московским соловьем.
Поет он под гармонику
Без приторных гримас —

Не ходит возле столиков,
А все глядит на нас.
Глаза зарею светятся,
А голос — чистый мед...
Не крутится, не вертится,
Не шепчет, а поет.
Шуми, листва несмелая,
Неси ему привет!
Мети метелью белою,
Черемуховый цвет!
Но вот мотив «Страдания»
Опять звенит в саду.
Пожалуй, на свидание
Я все-таки пойду.

№ 12, 1968 г.

Борис Егоров
САНАТОРИЙ «БОРЗАН»

В санаторий «Борзан» я попал не в качестве отдыхающего. Я приехал в командировку от журнала.

Редактор сказал:

— Тебе, наверное, известно, что на пороге лето. Встает тема отпусков. Поезжай в санаторий и напиши критическую корреспонденцию.

— О чем? — спросил я.

— Как о чем? О недостатках. Как лечатся, отдыхают.

— Есть конкретный адрес?

— Нет. Возьми любой по справочнику…

Санаториев на «а» в справочнике мне не попалось. Взял первый же на «б» — «Борзан». Естественно, никакого представления о нем я не имел. Тем удивительнее была моя с ним встреча.

…Прежде чем войти в ворота, я долго шел вдоль аккуратного, красивого забора. Дырок в нем и оторванных досок я не обнаружил, что меня немало озадачило. Как же возвращаются больные на заповедную территорию из ночных походов?

Ведь ворота после отбоя положено запирать.

От старичка привратника, который сидел в шезлонге и читал книгу Чуковского «От двух до пяти», я узнал, что ворота не затворяются никогда. В этом нет надобности: больные по ночам в соседний поселок не ходят.

— А зачем же тогда вы тут сидите?

— Я, милок, встречаю отдыхающих. Которые приезжают. И чужих не пускаю. Чтобы наших не развращали.

Я достал сигареты и предложил собеседнику:

— Закуривайте. Только вот бензин у меня в зажигалке вроде кончился. Не найдется ли спичек?

— Благодарствую, — ответил привратник. — Не отравляюсь. И у нас вообще никто не курит.

— Ни врачи, ни больные?

— Больных у нас нет. У нас здоровые. И доктора к ним так и обращаются: «Товарищ здоровый, придите ко мне на прием».

— Значит, и эти… здоровые не курят?

— Ну, подымит кто из отдыхающих дня два-три по приезде, а потом бросит…

— А где тут у вас, папаша, сулейман?

— Что это такое? — спросил старичок. — Ты, милок, русский али кто?

Я пояснил, что сулейманами называются ларьки при санаториях. В них продают спички, папиросы, вина, настойки разные. Оказалось, что ларька такого в «Борзане» нет, что он не имел бы ни копейки выручки, если его открыть, так как отдыхающие не только не курят, но и пить ни капли не хотят.

Привратник снова углубился в чтение книги «От двух до пяти», а я, немало удивленный почерпнутой у него информацией, зашагал по каштановой аллее.

В стороне на спортивной площадке двое толстяков в синих тренировочных костюмах отвешивали земные поклоны — сбивали животы. Около клумбы копались люди: пололи траву, подсаживали цветы.

Потом я увидел круглый стеклянный павильон. На нем было написано «Бювет». У бювета стояли в очереди мужчины и женщины. В руках они держали фарфоровые кувшинчики с длинными носиками дудочкой.

В очереди слышались тихие, учтивые пререкания:

— Извините, вы стояли не позади меня, а впереди.

— Нет уж, позвольте вам возразить: я стоял не

впереди, а за вами.

— Товарищи, что вы там спорите? — раздался вдруг голос погромче. — Давайте пропустим вперед всех женщин, а мы, мужчины, потом.

Мужчины радостно заулыбались, а те, у которых кувшинчики лежали в карманах, даже зааплодировали благородному, рыцарскому предложению.

В бювете из нескольких краников лилась вода. Люди наполняли ею свои кувшинчики, отходили в тень деревьев и мелкими глотками пили из носиков.

— Какая это вода? — спросил я пожилого человека с юношеским румянцем на щеках.

— А, вы нездешний! — догадался он. — Вода какая? Минеральная. «Борзан».

— Спасибо. Большое спасибо. А скажите, как пройти к главному врачу?

Мой собеседник принялся не торопясь, детально рассказывать:

— Сначала вы идете этой аллеей, потом будет развилка — сворачивайте не на левую дорожку, а на правую, потом, не доходя мостика, снова свернете, будет большой дом с колоннами. Эта не тот дом. Его нужно обойти. Впрочем, разрешите, я вас провожу.

Когда мы проходили мимо одного из корпусов, то увидели двух здоровых в белых панамах. Они стояли на соседних балконах и разговаривали:

— Я не помешал вам вчера спать своим транзистором?

— Нет, нет, что вы! Я ничего не слыхал.

— А мне показалось, что я слишком громко включил «Последние известия». Потом так переживал!

Нет, критической корреспонденцией в «Борзане» не пахло. Я чувствовал, что попал не туда. Странно как-то все было кругом. Не по-нашему.

— А в чем же секрет? — спросил я главного врача.

Очень симпатичный, добродушный мужчина средних лет, с живыми, я бы даже сказал, озорными глазами ответил мне:

— В «Борзане», в источнике, который мы открыли совсем недавно. Люди несколько раз в день пьют эту воду, а также принимают борзанные ванны. И, представьте, постепенно меняются, оставляют свои вредные привычки и скверные черты характера. Нахал, например, становится тихим, зазнайка — скромным, грубиян — вежливым, склочник — доброжелательным. Некоторые беглые мужья, полечившись у нас, возвращаются

к своим женам…

— Вот это уж, наверное, ни к чему, — вырвалось у меня.

— У вас порочные взгляды на семью, — мягко сказал доктор. — Выпейте «Борзанчику». — И он пододвинул ко мне сифон с водой.

— А что, действует сразу? — спросил я.

— Да, немного. Вообще же результаты лечения сказываются через несколько дней. Но чтобы они не испарились, а были прочно закреплены, нужен месяц.

Я выпил мелкими глотками стакан шипуче-игристого «Борзана» и сказал неожиданно для себя:

— Это хорошо, когда мужья к женам возвращаются. А еще что интересное вы можете рассказать?

— Разное, — ответил доктор, стараясь, видимо, вспомнить наиболее показательные случаи. — Приехал недавно к нам один очень солидный товарищ. Требовал для себя и жены трехкомнатную палату с радиоприемником, телевизором, холодильником и телефоном. Даже ножкой притопнул! Отвели ему целый холл и все необходимые электроприборы притащили — один из клуба, другие с кухни. А через несколько дней он подходит ко мне и говорит: «Хочу жить, как

люди. Будьте любезны, переведите нас с женой в обыкновенную палату». А с другим вот какой случай был. Попадается мне навстречу веселый, улыбающийся: «Доктор, легче на душе стало! Понимаете, погорячился на заводе перед отъездом и одному мастеру «строгача» ни за что влепил. А сейчас позвонил в заводоуправление и отменил этот выговор…»

— У вас здесь есть переговорный пункт? — спросил я. — Мне надо позвонить в редакцию.

— Пожалуйста. Почта, телеграф, телефон. Кстати, там вы могли бы тоже кое-что любопытное заметить. Из нашего санатория не посылают таких, например, телеграмм друзьям и родственникам: «Вася, поиздержался. Вышли пятьдесят».

— Ну, а если человек в преферанс…

— Выпейте еще «Борзанчику», — предложил врач. — Никаких преферансов у нас нет. Даже в домино не играют. Теннис, бадминтон, крокет. Физическая работа на воздухе.

— Когда я шел к вам, то заметил много людей у цветочных клумб.

— А, это те, у кого срок кончился. Которые завтра отбывают. У нас отъезжающие не рвут цветы с клумб, чтобы привезти домой букет, а, наоборот, сажают их. Хотят сделать приятное тем, кто

приедет сюда позже…

Я связался с редакцией, рассказал, что увидел. Редактор меня не понял. Он сказал:

— Наверно, тебя там заугощали. Пил что-нибудь?

— Два стаканчика минеральной.

— Минеральной или натуральной? Ты что-то говоришь не то. О «Борзане» не пиши. Этому никто не поверит. Поезжай в другой санаторий.

Я отправился в другой, пожил там неделю и авиапочтой отправил критическую корреспонденцию, которая так нужна была журналу.

А на обратном пути снова заглянул в «Борзан»: все равно дорога моя пролегала мимо этого очаровательного уголка.

— Но — увы! — он уже не был столь очаровательным.

…Со старичком привратником беседовал, запустив руки в карманы брюк, довольно крепко причастившийся мужчина, видимо «отдухающий»: «Вот ты нас охраняешь. А скажи, ружье у тебя есть?»

За дощатым столиком неподалеку от пустующей спортивной площадки, отчаянно дымя папиросами, четверо игроков забивали «козла». Очереди у бювета я не увидел. Из окон спаль-

ных корпусов неслись звуки бравурных маршей и задорной летки-енки. Они переплетались с другими, протяжно-степными. Где-то замерзал ямщик, отдавая последние распоряжения относительно коней, обручального кольца и другого имущества.

В вестибюле главного корпуса около телефонной будки толпились жаждавшие поговорить с далекими родственниками. У одного из них голова была плотно забинтована. А через приоткрытую дверцу будки слышался рокочущий бас: «Не думайте, что я далеко. Приеду — всем по шеям».

Все, что происходило вокруг, вселяло в меня недоумение и тревогу, и я, конечно, кинулся за ответом к главному врачу.

Я застал его расстроенного и взлохмаченного. Он ходил из угла в угол по кабинету.

— Доктор, ничего не пойму… Забивают «козла»! Дым коромыслом! Летка-енка… И этот, с забинтованной головой… — начал я сбивчиво объяснять виденное и слышанное.

Главный врач на минуту остановился, улыбнулся. Глаза его были совсем не озорными, а грустными.

— С забинтованной головой? Да, да. Этот здо-

ровый, то есть больной, вчера вечером ходил в поселок к девчатам. Ну, какой-то парень и приревновал его. Результаты, как говорится, налицо.

— А что же случилось, доктор? Не томите!

— Что случилось? Вода кончилась… То есть вода не кончилась, а трубы лопнули, и насос отказал. Знал, что так будет. Сколько заявок за последние месяцы написал…

— Обещают?

— Года через два. А как мне ждать? Как я со всей этой оравой справлюсь? Триста здоро… то есть больных! Двух терапевтов толкачами послал! Сам в завхоза превратился! Да, среди этих трехсот нашел человека, который имеет прямое отношение к трубам. Пока он пил «Борзан», говорил, что поможет. А теперь опять несознательным стал. Заявляет: «Я на отдыхе, и делами мне заниматься сейчас не положено». А он, по-моему, всю жизнь на отдыхе и делами не занимается. Ах, если бы мне опять пустить воду! Вот вы журналист, может, достанете мне эти чертовы трубы?

* * *

Милый доктор, где ты и где твоя вода? Или все это мне только пригрезилось?

№ 16, 1968 г.

Михаил Глазков
КАК НА ОДНОМ ЗАВОДЕ ШТАТЫ СОКРАЩАЛИ

Экономя средства
«Мудро» в своем роде,
Сократили штаты
На одном заводе:

Уборщицу — в инструментальном,
Уборщицу — в экспериментальном,
Уборщицу — в термическом,
Уборщицу — в механическом
И еще одну уборщицу
В конструкторском бюро.

Вот пришли на смену.
Ан не до работы —
На людей свалились
Новые заботы:

Нет воды в инструментальном,
Грязно в экспериментальном,

Пыль столбом в термическом,
Горы стружек в механическом,
Пришлось за метлы взяться
И конструкторскому бюро.

Так вот «экономно»
Жили два квартала.
Подвели итоги —
Даже грустно стало.

Аврал — в инструментальном,
Завал — в экспериментальном,
Сорван план в термическом,
Провален — в механическом,
Труба, как говорится, дело
В конструкторском бюро.

Дал приказ директор:
«Чтоб отныне точно
Выполнялся график,
Взять нам надо срочно:

Слесаря — в инструментальный,
Токаря — в экспериментальный,
Механика — в термический,

Сварщика — в механический
Да инженера —
В конструкторское бюро».
Пусть подметают!

№ 18, 1968 г.

Л. Митницкий
МИМОХОДОМ

Увидев себя в зеркале, привычно сказал:
— Зайдите завтра!

Так пристально вглядывался в день завтрашний, что проглядел день сегодняшний.

Старый подхалим делился своим согбенным опытом.

«У всех свои слабости, — оправдывался хулиган. — Моя слабость — силовые упражнения».

В ателье шили для щедрых хозяйственников костюмы с государственными карманами.

Не гордись снижением себестоимости, ежели товару грош цена.

Постоянство предпочтительно в любви, непостоянство — в меню.

№ 19, 1968 г.

Надежда Черепанова
НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ
(Рассказ моего знакомого)

Как-то раз под выходной
Друга я встречаю.
Пригласил меня с женой
Друг на чашку чаю.

Разговор о том о сем
Завожу я за столом.

На заводе, мол, опять
Боремся за время,
А приятель:
— Где достать
Банки под варенье?

Говорю:
— На стадион
Я иду с Полиной.
— Соберу, — ответил он, —
Ведер пять малины.

— Слышал? Витька-то — орел!
Вот изобретенье!
— Что такое? Где набрел
Ты на удобренье?

Разговор такой у нас
Продолжался целый час.

Говорю: Карпаты,
Слышит он: лопаты.
Говорю ему о клубе,
Он толкует мне о клумбе.
Я ему о кроссе,
Он мне о насосе.

— Не пойти ль тебе к врачу,
Не болят ли уши?
— Да, — ответил он, — хочу
Посадить я груши.

Знать, причина здесь не та,
Докторов не надо.
А причина здесь проста:
Он владелец сада.
Хворь такая (вот досада!)

Объявилась у него:
Он, бедняга, кроме сада,
И не знает,
И не видит,
И не слышит ничего.

№ 21, 1968 г.

С. Марков
МИМОХОДОМ

Не всякий поющий с чужого голоса — певец.

Литературу не любил: предпочитал читать нотации.

Салон для сновабрачных.

Вполне современный город: магазины без продавцов, трамваи без кондукторов, театры без зрителей.

Диетиздат.

Покупатель продавцу: «Я уж не возражаю, грубите, но только культурно!»

№ 26, 1968 г.

В. Хочинский
МЕЖДУ СТРОК

Глупость может царить и без престола.

Карлик на высоких каблуках кажется еще меньше.

Кругленькая сумма всегда больше, чем круглая.

Если вместо слова «вкусно» вы стали говорить «питательно», значит, вы стареете.

Бездарность, как и талант, раскрывается не сразу.

Взяточник не любил пословицу: «Кому много дано, с того много и спросится!..»

№ 27, 1968 г.

В. Ветров
МИМОХОДОМ

Совершенство шара заключается в том, что он бесконечно многогранен.

Нет ничего труднее, чем найти решение, которое было бы проще простого.

Яйца учат курицу терпению.

Скажи мне, где север, и я скажу тебе, где юг.

Лектор шел по пути, уже давно протараторенному его предшественниками.

Дубина тонкой работы.

Старый официант писал менюары.

№ 31, 1968 г.

Ян Полищук
УКУС МОСКИТА

Вот, извольте, кусок из быстротекущей жизни. Грубый, но натуральный. Максимум допущенного художественного вымысла — имя героя: мастер Ерофеич. Пришлось пойти навстречу пожеланиям трудящихся кожевенного завода.

Остается лишь приплюсовать к имени индивидуальные приметы: сивые фольклорные усы, сердечность и простота, энциклопедическая любознательность с легкой склонностью к созерцательности…

Итак, вот он, побритый и попрысканный одеколоном «Свежесть», с бутербродом в кармане немнущегося плаща, топает на смену. Его распирает от избытка информации. Век, что ли, такой? Особенно волнует космогония. Завидев шабра из заготовительного, тревожно интересуется:

— Как полагаешь, пульсация из Галактики — это далекая цивилизация или буржуазная сенсация?

— Чего? — озадаченно лепечет шабер.

— Я говорю: пульсация — это сенсация?

— Это немного есть, — уклончиво говорит шабер и начинает быстро удаляться. Удалившись на расстояние, въедливо кричит:

— Ты лучше под носом телескопь! Вон там твой малолеток, видать, заместо плана готовит покушение на нарушение… Туды его в Альфу Центавра!

Пришпоренный Ерофеич поспешает на родимый участок.

Там его ученик, высунув фиолетовый язык, корпит над сверхплановой деталью.

— Это что за ятаган, Фомичихин?

Фомичихин вскидывает нахальные глаза на плоском, словно двудырчатая пуговица, лике.

— Перочинный ножик сочинил для младшего брата.

Ножик устрашающе великолепен, рукоятка плексигласовая, наборная, на лезвии — насечки тремя крестиками. Покажи такой скотобойцу — тут же сляжет от зависти.

Мастеру бы следствие навести, а он наводящие спрашивает:

— Когда?

— В нерабочее время, — податливо отвечает Фомичихин.

— Из чего?

— Из сэкономленных материалов.

— А-а! — облегченно вздыхает Ерофеич. — Ну, давай, давай!.. А про план не забудь. План — это что? Это есть первая заповедь передовика…

— А я не передовик.

— Ничего. Все там будем. — И вдруг, охваченный какой-то ассоциацией, закручинился: — Намедни по радио уловил: в Саутгемптоне опять банк очистили.

— Это где же? — переполошился Фомичихин.

— Да ты не бойсь. Далече отсюда. В буржуазной Англии. Ты как кумекаешь, кривая преступности у них опять пойдет вверх?

— А куда же еще? — подкованно кивает Фомичихин и набрасывается на обточку ятагана.

…Тут самое время нарушить плановое течение повествования и сделать зигзаг, продиктованный фактической жизнью.

В тот же день, Ерофеич совместно с супругой совершив культпоход в театр, возвращался домой в троллейбусе номер девять. В салоне было сумрачно и тихо. Угнетенно подняв воротники, на диванчиках вибрировали пассажиры робкого десятка. Обалдуй-подросток в кепке коровьим блином перегородил ногой проход и, поигрывая ножом, заставлял прыгать козлом всяк сюда

входящего.

— Что смолкнул веселия глас? — вопросил Ерофеич, не разобравшись в обстановке.

В ответ послышались междометия, покорившие слух даже такого старого производственника, как наш мастер. В воздухе заструились коньячные ароматы.

«Три звездочки?», — в момент определил Ерофеич. — Да еще и местного розлива. Ф-фу!.. И куда глядит милиция?..»

Он тронул террориста за плечо и тут же отпрыгнул. Террорист вскинул нахальные глаза на плоском, словно двудырчатая пуговица, лике. В тусклом троллейбусном свете блеснула сталь ятагана с плексигласовой наборной рукояткой.

— Без агрессии, папашя!

— Фомичихин! — догадливо вскричал мастер Ерофеич. — Ты что, своих не узнаешь? Ай-ай-ай!..

...Ну, а мораль?

> «Рассказ с моралью, — указывал О'Генри, — подобен москиту с жалом. Он сначала надоедает, а после себя оставляет яд, который надолго отравляет вашу совесть...»

Вот пока я над этим размышлял, на соседнем

заводе два подростка под носом у мастера и начальника цеха собрали пистолет, стреляющий боевыми патронами. Из сэкономленных материалов, разумеется.

Что еще там на повестке дня? Царь-пушка?

№ 31, 1968 г.

Б. Рябикин
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ

Мама просто не верит. Мама не может нарадоваться. Мама даже немного пугается.

Второй месяц Гриша ходит в третий класс — и ни одной двойки. Да что там двойки! Троек нет. В дневнике — одни пятерки. Даже по немецкому. Даже по физкультуре. А уж как строг Валерий Тихонович — за тапочки снижает отметки.

Пугают не только пятерки. С дисциплиной то же. И в школе, и на улице, и дома.

Посуду теперь не только убирает со стола, но и сам моет. «Спокойной ночи» стал говорить. Прямо хоть по телевизору показывай.

«Это оттого, что Софья Семеновна пересадила его к Марине Кузиной, — думает мама. — Девочка воспитанная, умная. Она и влияет на нашего…»

Папа так не думает. Папа думает по-другому. Папа говорит:

— Молодчина! Так держать! Главное — стимул!

И хлопает сына по плечу. И подмигивает. Сегодня, мол, как и обещал.

Вечером Гриша приходит из школы бледный. Портфель вываливается из рук, куртка с оторванной вешалкой сползает на пол.

Гриша спотыкается о собственную левую ногу и с размаху лбом — о телефонный аппарат.

— Что с тобой? — спрашивает мама. — Заболел?

— Нет… Ничего особенного. Нас скоро в пионеры будут принимать.

— Вот и хорошо, что будешь пионером: ты уже большой мальчик.

— Буду… А может, и не буду. Может, меня и не примут… Двойку получил.

Мама прикладывает руку к сердцу. Сама собой захлопывается форточка. Замирают рыбки в аквариуме.

— И по какому?

— По арифметике…

— По арифметике? Ведь вчера на родительском собрании Софья Семеновна хвалила тебя, говорила, что ты лучше всех решаешь задачи…

— Правильно, говорила. Конечно, лучше всех. Это сейчас, в третьем. А я про второй. Двойку-то я в прошлом году получил. И вам тогда не сказал. Ни тебе, ни отцу. А сегодня вот вспомнил. И очень неприятно стало. Грустно… И вообще… Получает-

ся, я не только двоечник, но еще и обманщик.

Мамина рука падает в аквариум. Мама выдергивает ее и трясет над подоконником.

— Фу ты, как напугал!.. Ведь это было давно, в прошлом году. Пустяки какие!

— Тебе — пустяки, а мне — нет. Не тебя же будут принимать, а меня. Поэтому и тяжело мне. Переживаю. Мучаюсь.

Мама внимательно смотрит на него.

— И… это все? Больше ничего?

— Да как тебе сказать… Не совсем все… В футбол мы играли. Славка Ермолаевский отличный пас дал, на выход. Я ка-ак стукну… Ну, и, в общем, стекло разбил. Убежал… А сейчас осознал. Стыдно за свой поступок. Тяжело. Ругаю себя последними словами. Не вслух, конечно, но ругаю…

— Да-да, конечно… Только это, наверное, тоже было во втором классе? В прошлом году? А?

— Не-ет, что ты. Разве в прошлом году Славка у нас учился?

— Значит, сегодня разбил? Или вчера?

— Что ты!.. Мы теперь только в бадминтон играем, им ничего не разобьешь… Это еще когда я в первом классе учился. Два года прошло, а как сейчас помню. Стыд и позор. Вспоминать не хочется, а вот вспоминаю. Потому что совесть мучает.

Мама отходит от аквариума.

— Ну, Гришенька! Это же совсем давно было. И прошло. Зачем же вспоминать неприятности?

— Конечно, давно. И прошло. Но ведь было? Можно сказать, исторический факт. Никуда не денешься. Оттого и тяжело и грустно.

— Ладно, ладно. Успокойся… Все?

— Нет, не все.

На всякий случай мама прислоняется к серванту. Пристально смотрит на сына. Он опускает глаза. Молчит. Откашливается.

— Вот у Марины Кузиной… я у Марины Кузиной… компот выпил…

От нервного маминого смеха звенят фужеры.

— Сынулек мой! Конечно, это нехорошо, обижаешь свою соученицу. Что же, сегодня вкусный компот был?

— Очень. Я попробовал немножко и отдал. Свой стакан. Марине. Угостил, в общем, ее. Своим компотом.

— Ничего не понимаю. То ты говоришь, что выпил ее компот, то, наоборот, отдал ей свой.

— А чего понимать-то? Все ясно. Я у нее компот в детском саду выпил. Мы с ней тогда в одной группе были… И так стыдно, так совестно… Третий год мучаюсь. Вот сегодня угостил ее своим

компотом, а все равно тяжесть на душе. Терзаюсь… А ты, мама, терзаешься когда-нибудь? Как у вас, у взрослых?

«Нет, это уже что-то маниакальное. Надо вызвать врачам, — решает мама.

И пока она крутит диск телефона, Гриша вспоминает былые годы. Хмурится, шепчет:

— Я все понимаю, мама. Тебе тяжело. Но мне тяжелее. Мучает… Давит… Я уж все сразу. Ты уж сама отцу расскажешь… Вот когда ты меня водила в ясли…

Звон за дверью. Совсем не похожий на привычный, электрический. Гриша зажмуривается. Мама бежит открывать врачу.

Но это не врач, это папа. Папа толкает велосипед. Новенький, блестящий. Никелированные рожки весело бодают обитую клеенкой дверь.

№ 34, 1968 г.

Вл. Панков
ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ПУСТЯЧОК

Мы с Санькой так насобачились выделывать всевозможные трюки и фокусы с валяной обувью, что друзья стали уговаривать нас бросить работу на стройке и попытать счастья непосредственно в сфере искусства.

— С таким талантом — и батареи центрального отопления ставить? — уговаривали нас друзья. — У других, понимаешь, и поменьше таланту, а не ставят. В искусстве процветают…

Нам повезло. Шел смотр самодеятельности строителей, где просеивались таланты.

— Какой у вас жанр? — спросили нас, когда мы пришли записываться.

— Жанр? А что это? — переглянулись мы.

— Ну, вы что делаете: поете или танцуете?

— Какое… — смутились мы. — Петь — талант нужен, а мы валяной обувью перекидываемся…

— Ладно, запишем, что у вас оригинальный жанр, а там видно будет…

Вышли мы с Санькой на сцену, стесняемся. Опять же в валенках, неудобно как-то…

Народ, что на просмотре был, хохочет. Мы с ноги на ногу переминаемся, ждем, значит, когда рояль вдарит…

Я было уж совсем к публике привыкать стал, а Саньку нервы прихватили и не отпускают. Повернулся даже, чтоб со сцены бежать.

— Стой, — шепчу я ему сквозь зубы, — еще ж рояль не вдарил…

А Санька, как лунатик, сам за себя не отвечает, себя не чувствует. Зал над ним со смеху заходится, носовые платки в ход пошли.

Но как только музыка появилась, Санька отошел малость. Повеселел даже. Оттянул он ногу немного назад — да как швырнет свой валенок ко мне прямо с ноги. Валенок большой, на три номера больше…

А пока Санькин валенок до меня путь держит, я времени даром не теряю и отбрасываю Саньке свой валенок, а ногу освобождаю для приема… В этот момент как раз Санькин валенок поспевает и точненько надевается ко мне на босу ножку. В носке, конечно.

Зал отчаянно ухает и начинает заливаться хохотом на разные голоса. Впереди жюри баскáми гугукает, посередке нормальная публика повизгивает, а на галерке безбилетные школь-

ники прямо-таки икают от смеха без особого стеснения.

Это нас порядочно подбодрило, и мы уже вроде не в таком стеснении начинаем упражнения усложнять. То есть пока наши валенки туда-сюда планируют, мы газетки из карманов достаем, разворачиваем, почитываем… Причем все это как бы в полной меланхолии, с максимальным равнодушием к непосредственной работе.

Ну, понятно, это публику подстегивает еще больше и разжигает просто-таки до биса.

Один из зала предположение высказывает:

— Небось, с магнитом валенки-то?

Мы усмехаемся.

— Сам ты с магнитом! Не видишь — искусство? Ловкость ног — и никакого мошенства. Просто не каждому дано…

— Да, сила, — говорят специалисты из жюри, — блеск! Очаровательный номер!

Короче, нас отбирают. На заключительный смотр, что ли… На обсуждение приглашают — чин чином. Ласково улыбаются, интерес проявляют: как, мол, это вам в голову-то пришло?

— Да на стройке… Бывает, не завезут цемент, делать нечего, вот мы и совершенствуемся…

Тут какой-то бровастый дядек с дальнозорким

прищуром вдруг покашливать начал.

— Н-да, — говорит, — хм-хм… Номер-то, он… хм-хм… очаровательный, конечно, но, как бы выразиться… хм-хм… пустячок очаровательный, вот что.

— Это верно, — вздыхает тут тетечка с белым воротничком. — О чем номер? Ни о чем. Где подкладка? Нет подкладки.

— А может, придать номеру сатирическую окраску, и дело с концом? — предлагает какой-то молодой, весь в замше. — Скажем, «Два лентяя» — сценка на стройке, а? Жалко такую прелесть браковать.

— Кто лентяи? — поднимается суровый Саня.

— Это не о вас, — ласково улыбается ему замшевый, — это — обобщение.

— А не слишком ли обобщим? — опять привязывается бровастый.

— Есть мысль! — поднимает руку белый воротничок. — Новый танец «Валенки-валенки», якобы созданный коллективом какого-нибудь неотапливаемого клуба.

— Ну знаете!.. — волнуется бровач. — Это уж совсем сатира…

— А если подать как юмор? — не унимается молодой в замше. — Танцевальная сценка «Танец

сторожей». Представляете, ночью, при луне…

— Знаете, мне кажется, что валенки на сцене создают какую-то лапотную атмосферу, — еле слышно произносит с другого конца старушка с морщинами древнего дворянского рода. — Создается ложное впечатление, будто у нас весь народ ходит в валенках…

— Так добавить к валенкам кордебалет из девушек в легких туфельках, — напирает замшевый.

— Да, но у нас могут спросить: при чем здесь девушки?

— Ну, оправдать это уж легко. Например, большой театрализованный номер «Молодежная свадьба», на которой два гримированных старичка танцуют в валенках.

В общем, что долго рассказывать. На заключительном смотре мы получили с Санькой первый приз.

— Конечно, исполнительского мастерства вам пока не хватает, — поздравляя нас, радушно говорил бровач, председатель, — профессиональных навыков маловато, но тема искупает все… Да, кстати, на вашем месте я бы немедленно убрал эти валенки. Они снижают звучание высокой темы.

Мы послушались совета и с валенок перешли на хромовые сапоги. Но пока у нас ничего не получается, хотя тренируемся мы усиленно…

№ 36, 1968 г.

Сергей Довлатов
ПОБЕДИТЕЛИ

В борцовском зале Зимнего стадиона манеж освещен четырьмя блоками люминесцентных ламп. На брезентовых коврах топчутся финалисты городского первенства по классической борьбе.

За центральным столиком возвышается главный судья соревнований Лев Епифанов.

Судья-информатор взял микрофон и произнес:

— В синем углу — Аркадий Дысин, в красном углу — Николай Гарбузенко.

Борцы пожали друг другу руки и начали возиться.

Оба они весили больше ста килограммов, обоим было за тридцать, оба ходили с трудом, а борьбу уже давно считали ненужной мукой. Но каждый раз тренеры уговаривали их поддержать команду...

Борцы давили друг друга круглыми плечами, хлопали по шее, охали и отдыхали, сомкнув животы.

— Спортсменам делается предупреждение за

пассивность, — объявил судья-информатор.

Однако Дысин и Гарбузенко не обратили на это внимания и стали бороться еще деликатнее.

— Синий не борется! — кричали зрители. — И красный не борется!

Но Дысин и Гарбузенко даже не смотрели в их сторону. Борьбу они ненавидели, а зрителей презирали.

Вдруг что-то произошло.

Ощущение было такое, как будто на вокзале остановились часы. Зрители и секунданты начали тревожно озираться. Дысин и Гарбузенко замерли, облокотившись друг на друга.

Главный судья Лев Епифанов крепко спал, положив голову на кипу судейских протоколов.

Прошло двадцать минут. Никто не решался побеспокоить главного судью. Секунданты и боковые судьи пошли в буфет пить пиво. Зрители занялись своими делами, штопали носки, пели вполголоса туристские песни, потом постепенно начали расходиться.

— Пора завязывать, старик, — сказал Гарбузенко своему партнеру.

— Давно пора.

— Знаешь, о чем я мечтаю, Аркадий? Я мечтаю приобрести диван-кровать и целый день на нем

лежать.

— Это как стихи, — сказал Дысин.

— Стихи я тоже уважаю, — сказал Гарбузенко.

— Эх, Коля! — печально молвил Дысин и вздохнул.

От этого шума проснулся Лев Епифанов.

— Кто победил? — вяло спросил он.

— Да какая разница? — сказал Гарбузенко. Потом сел на краешек ковра и закурил.

— Ну вот еще, — забеспокоился Епифанов, — а что я корреспондентам скажу?

— Аркашка победил, — сказал Гарбузенко, — он красивый, пусть его фотографируют.

— Ты тоже симпатичный, — сказал Аркадий, — ты смуглый.

— В общем, ты судья, ты и решай, — произнес Гарбузенко, обращаясь к главному судье.

— Какой там судья! — махнул рукой Епифанов. — Бог вам судья, ребята.

— Идея! — воскликнул Дысин. Он попросил у Епифанова пятак и подкинул в воздух.

— Орел, — сказал Николай Гарбузенко.

— Решка, — поразмыслив, сказал Аркадий Дысин. Монета опустилась на ковер.

— Победил Аркадий Дысин! — воскликнул главный судья Лев Епифанов.

Все трое, обнявшись, вышли из зала.

Через минуту из-за угла, покачиваясь, выехал трамвай. Друзья поднялись в вагон. Трое юношей, по виду студенты, уступили им места.

№ 2, 1969 г.

Владимир Митин
САРЫНЬ НА КИЧКУ!

Моего знакомого грузчика Шихту вызвал директор и велел отвезти раскладушку к нему на дачу. Шихта категорически отказался.

— Жаба, — беззлобно сказал директор. — Краб ты. Хотя, постой, возможно, ты из принципа?

Шихта опять отказался.

— Считаю до тысячи. — Директор вперил в грузчика добрые перламутровые глаза. — Девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять… Впрочем, иди, у тебя еще есть период времени для размышления.

Дома Шихта лег на кушетку и отвернулся к гобелену. Узнав, в чем дело, домашние забеспокоились, но Шихта заявил, что все равно он не лакей.

— Да ты опасный дурак! — взметнулась жена. — Я тотчас ухожу от тебя к маме.

Однако Шихта и тут не дрогнул. Через сорок минут прикатила теща. Она простирала к грузчику пухлые руки, и перстни ее были похожи на кастеты.

— Этот синьор, — кричала теща, — этот швейцарский гранд не может отнестись к начальству по-человечески!..

Ночью привезли дядю Альберта Лукича. Лукич долго дышал у кушетки, потом сказал:

— Все имеет свои плюсы и свои минусы. Чем ты думаешь кормить твоих детей? И почему нельзя морально пойти по линии дружеской поддержки?

Утром Шихта прибежал ко мне посоветоваться, как, мол, ему быть в этическом аспекте.

— Друже Шихта, — отвечал я. — Все зависит от взгляда на вещи. При желании любой подхалимаж можно так закамуфлировать, что пальчики оближешь! Послушай, какую историю мне рассказали в Придатске.

Григорий Васильевич Катеров, директор Придатского рыбокомбината, взошел на пригорок и осмотрел окрестность.

Днепр не был чуден, так как не было тихой погоды. С лимана налетал бейдевинд, такой морской ветер. Днепр более или менее вольно и плавно мчал на своих водах к Придатску всякую дребедень — прутики, ящик и даже доску с чьим-то выжженным сердцем, напоминавшим лавровый лист.

Директор вытер с бровей наддніпрянські брызги и хозяйственно подумал, что много, однако, гибнет вот так материялу ни за грош.

Затем Катеров посмотрел влево, где скрипело на волне вверенное ему судно «Скат». Потом вправо. Там, на его дачном участке, в четыре лопаты поспешала команда «Ската». Бригада поднимала целину под огород директора. Рядом с огородом надлежало вырасти будущей директорской даче. Сам же капитан «Ската» шкипер А. Горбов следовал за начальством и также обозревал днепровскую акваторию. Директор потянул носом ионизированный пиратский ветер.

— Сарынь на кичку, — застенчиво сказал Катеров и повел плечом.

— Вы учтите, — строго отозвался А. Горбов, — все, что происходит на данном участке, осуществляется в порядке дружеского содействия в отношении вас. А, может, вы полагаете как по-иному? Тогда скажите.

— Что ты, Александрушка, — пугался директор. — Ясное дело: человек человеку… Кстати, не кажется ли и тебе, что у моего берега мелковато? Фарватер паршивый. Суда со стройматериалами подойти смогут ли? Тут, я считаю, канал надо прорыть, использовав, правда, транспортное суд-

но «Зюйд». У него нет специального устройства для копания, но ведь можно рыть и винтом. А?

— Можно-то можно, — нахмурился А. Горбов, — да вдруг вы подумаете, что это — использование гостехники в приватной сфере? Вы смотрите у нас, Григорий Васильевич…

— Ты что, Александрушка, — робел директор, — я разве купчик или другой какой мелкобуржуазный хозяйчик? Восприму в виде оказания помощи от подведомственного персонала…

— То-то же, — на всякий случай еще строже молвил Горбов и пошел доглядеть за экипажем.

Вечером, посадив кое-какие огородные культуры, команда погрузилась в судно, и «Скат» взял курс на Придатск. Солнце сваливалось с клотика в лиманный студень. В городских скверах веселые бабки катали суровых младенцев. Бейдевинд переходил в другой морской ветер — фордевинд…

На следующий день судно «Зюйд» вплыло в территориальные директорские воды и, причалив кормой к берегу, стало копать винтом канал, создавая надлежащий фарватер. Под сверхнагрузкой натужно завывал пятидесятисильный зюйдовский мотор.

Директору икалось. Он думал, что это его вспоминает народный контроль, и аврально хватался

за карман, где хранились стройматериальные накладные со словом «уплочено»… Нет, директора поминал не контроль. Поминал механик Михуля, таскавший, как говорится, «на горбу» по недостроенному причалу материалы для дачи.

— Я не холуй! — вызывающе шумел на бегу Михуля, сгибаясь под тяжестью груза. — Нехай бы он себе сам таска…

Тут он рухнул в канал с ядерным всплеском. Вылезши из воды, синий, облепленный водорослью, механик накинулся на начальство.

— Или вы думаете, я подхалим, да? — Михуля, дрожа, пытался раскурить рыжий сигаретный окурок. — Тогда так и поставьте в известность!

— Михуля, — кричал Катеров, деликатно оттесняя ладошками мокрого механика, — ты ли это, Михуля?! Я же тебя просто не узнаю. Все ж знают твое золотое сердце, Михуля. Что ты не откажешь человеку…

Не отказал человеку и весь комбинат. После сооружения причала для генерального подвоза стройгрузов была мобилизована рыболовецкая флотилия в составе следующих водоизмещении: «Партизан», «Скат», «Литак» и тот же «Зюйд».

— Флаг и гюйс поднять! — скомандовали капитаны. — По местам стоять, с якорей сниматься.

Подвахтенные, вниз!

По поднятию госфлага двинулись норд-норд-вест, курсом на катеровскую обитель. Штормово дымя, флотилия входила в Днепр. Директорское лицо овевал такой очень сильный морской ветер — норд-ост. В свисте ветра слышалось нечто страстное, удалое, но Катеров трезво подумал, что все-таки сил одной флотилии маловато. Он вышел по рации в эфир. Из ящика долго сыпалась морзяночная чечетка и чуждая фокстротная лабуда, но Катеров поймал-таки голос председателя подчиненного рыбколхоза «Увага».

— Иванушко! — воззвал директор. — Шли парусник в подкрепление… Одним разом не могу все перевезть… И сарынь на кичку!

— Чего? — не понимал председатель. — Чего, кроме парусника?

Катеров устыдился. В самом деле, было в этой «сарыни» нечто не стенько-разинское, а, скорее, даже разбойничье. Тем не менее вскорости забелели реи колхозной бригантины.

Вечером же назрел конфликт. Капитаны морской походкой пришли в кабинет. Атмосфера была насыщена, как если бы каждый пришедший принес под бушлатом по электрическому скату.

— Мы окончательно заявляем, — сказал самый

неразговорчивый капитан. — Вы нас за лакеев и лизоблюдов не считайте. Работаем в служебное время, а не в свободное. Факт?

— Факт, — подтвердил струсивший Катеров. — И я по-человечески, от души признателен вам за помощь. Что касается оплаты — не сомневайтесь…

— Ну-ну, годится! — удовлетворились капитаны и ушли.

Директору не спалось. Ему мнилась какая-то грядущая гадость, и таковая в подлинности произошла. У судна «Зюйд», того, что варварски рыл канал, сломался винт. Не выдержал, паразит! Благо, люди из своего ремонтного цеха, вникли по-человечески и поставили новый.

А так все в целом шло хорошо, по-товарищески! Рыбокомбинатская бригада каменщиков в поте лица помогала директору, ставя стены его дачи. Дружина плотников-богатырей с комбината оказывала поддержку по линии крыши…

Глядь-поглядь, благодаря дружескому энтузиазму сотрудников для директора был выстроен дом в окрестностях Придатска…

Вот какую поучительную историю пересказал я Шихте.

* * *

Вчера я встретил Шихту. Он прогуливал огромного директорского боксера. Это отвратительно ласковое животное то и дело лезло к грузчику целоваться.

— Тьфу, — отплевывался Шихта. — Помогаю вот… Позор, конечно, но родня загрызла. Фу же!..

В обед подходит к ним младший грузчик с двойной фамилией Елин-Палкин. Глядя на его преданное улыбающееся лицо, Шихта думает, что, наверное, обезьяна произошла от человека, а не наоборот. Он дает Елину мелочь, а тот идет за бутербродами для собаки. Считается, будто Елин по-дружески подсобляет Шихте, но в глубине души оба знают, что они моллюски.

№ 3, 1969 г.

Михаил Заборский
ЖЕНИХ

Мы сидели неподалеку от уже грязной, пропотевшей дороги, пересекающей широкое озеро, и ловили икряных «королевских» ершей. Прекрасная рыба — апрельский ерш, этакая колючая черно-бурая шестеренка, которая, упираясь на тонкой лесе, никак не желает лезть в лунку! Солнышко неторопливо подбиралось к закату, было очень тепло и тихо, появилась первая мошкара, настроение у всех было отличное. По дороге то и дело проходили люди. Кое-кто на минутку останавливался поглазеть на наши успехи.

Остановился и этот паренек. Он был свеж и румян. Лицо у него было простое, чуть лубочное, как часто изображают графики «добрых молодцев», иллюстрируя русские народные сказки. Густой чубчик громоздился из-под кроличьей ушанки, сдвинутой далеко на затылок. Он был одет в новое зимнее пальто, сидевшее на нем несколько мешковато, в подвернутые валенки домашней валки, с ослепительными тупоносыми галошами. И перчатки были у него кожаные,

малонадеванные и переливчатый шарф, яркий, как оперение попугая.

Паренек шел не торопясь, должно быть, о чем-то раздумывая, изредка щуря глаза с пшеничными ресничками. Он задержался посреди нашего табора, не переставая восторгаться каждой пойманной рыбой.

— Глянь, глянь! Опять потащило! — то и дело ахал он, хлопал себя по ляжкам и громко, с прихрюкиванием, смеялся… — А ну, мужики, дайте и мне попробовать!

— Садись, жених! Причащайся! — сказал кто-то, и все захохотали. И в самом деле, во всех своих

незатейливых обновах он удивительно смахивал на несколько старомодного комедийного жениха.

Ему выдали удочку, щепотку мотыля, он присел на корточки и тут же потащил «королевского».

— Ну, пропал жених! — грохнули рыбаки.

— А точно, мужики, — сказал парень, когда клев чуточку перемежился. — Я ведь вроде как свататься иду. Вона деревня на дальнем бугре видна. Новоселки… Слыхали, может? Километра два отсюдова.

Вскоре «крестника» нашего забрало не на шутку. Новое пальто его лоснилось на боках от густой ершиной слизи. Кто-то посоветовал ему вынуть носовой платок, но вновь обращенный только отмахнулся и продолжал вытягивать ершей.

— Жених! — Теперь все уже стали так к нему обращаться, а он даже и не обижался. — Ты глянь, как фрак-то разделал! Невеста из дому выгонит!

— А пес с ней! — неожиданно став словоохотливым, отвечал парень. — Я уж теперь все равно не пойду. Поздно. Да, правду сказать, я больше из-за мамани. Маманю обижать неохота. Пристала как банный лист, — сходи да сходи! Может, и дотолкуетесь. Девушка, говорит, самостоятельная, в сельмаге продавцом работает. Светка… Слыхали,

может? Хозяйственная, говорит, такая, все в дом тащит.

Он опять выволок ерша и продолжал:

— А я так раздумываю: рысковое это дело-то. Торговлишка! Засыпалась, раз — и ваших нету! А потом и получится: я тебя вижу, а ты меня нет!

Жених сделал из пальцев, обильно измазанных ершиной слизью, нечто похожее на решетку, после чего стал собирать улов в пожертвованный кем-то из нас целлофановый мешочек.

№ 5, 1969 г.

Александр Суконцев
НАШ ЧЕЛОВЕК В СТОЛИЦЕ

Согласно последней переписи, в Москве проживает семь миллионов двадцать восемь тысяч триста сорок один москвич. Из них восемь тысяч триста сорок один — бывшие лучезарцы.

Два раза в день — утром и вечером — эти лучезарские москвичи собираются на Павелецком вокзале. Они встречают и провожают родственников и знакомых, знакомых и их родственников и родственников их знакомых.

В остальное время суток они наравне со всеми работают в учреждениях и на предприятиях, смотрят по телевизору КВН, ходят по магазинам. И еще успевают выполнять различные просьбы и поручения, которые поступают из Лучезарска в письмах, по телефону, в телеграммах и с нарочными.

Все восемь тысяч триста сорок успевают, и только триста сорок первый не успевает. Как ни прискорбно, тот сорок первый — я.

И что больше всего обидно, просьбы пустяковые, а я почти ни одной не сумел как следует

исполнить. Все что-нибудь да помешает мне. А вернее, это я сам отговорки придумываю в оправдание.

Судите сами.

У одного довольно гениального лучезарского художника слова белье с веревки пропало. Все как есть. Осталась только, извините, майка. Обворованный художник слова завернул эту, опять-таки извините, деталь туалета в бандероль и со своим личным автографом прислал мне.

«Ищи вора».

Как мне следовало поступить? Ну, разумеется, всесторонне обследовать предмет туалета и взять след. А я начал глупо философствовать — что, да как, да в каком смысле. Время-то и упустил. Обворованный художник слова, как потом выяснилось, на меня мало надеялся, другого жителя столицы попросил. Тот не в пример мне проявил расторопность, клич в прессу бросил. Привлек к поискам краденого широкую общественность.

А я в дураках остался.

Или вот другой случай.

Один знакомый знакомого моей лучезарской троюродной тети Клавы — спортсмен, физкультурник. Он ходок. Нет, ходьбун. Опять не то. В общем, он ходит на очень длинные дистанции.

Пешком. Вот этот, стало быть, физкультурник купил там, в Лучезарске, себе ботинки. И не прошел он и десяти своих обычных сверхдлинных дистанций, как на левом ботинке отлетела набойка.

Троюродная тетя Клава сообщила мне по телефону, чтобы я в воскресенье в пять тридцать утра был в аэропорту Быково и встретил там рыжего Васю, который прилетит этим рейсом и проинструктирует меня, что я должен делать по поводу спортсменовской набойки.

Рыжий Вася, которого я по своей малой смекалке не без труда отыскал в аэропорту, разъяснил мне все очень просто:

— Ты, браток, сходи-ка к министру. Скажи ему,

нехай трудящих не обдуривают, а набойки прибивают как следует. На совесть. Вот и все.

Конечно, это был единственно правильный путь, поскольку с министром мы живем в одном городе, ходим по одним улицам. Чего проще где-нибудь в подземном переходе прижать его к стенке, облицованной метлахской плиткой, и передать ему Васи рыжего слова.

Этой осенью ночью у меня в квартире раздался звонок. Все почему-то спали. Я вскочил, посмотрел на будильник — пятнадцать минут четвертого. Спросонья никак крючок не найду. Открываю дверь. На пороге — трое: двое мужчин и женщина. Мужчины с чемоданами, на женщине рюкзак висит.

Впереди стоит высокий, чубатый молодец в кепке и улыбается.

— Ну, — говорит он радостно и громко, — вот мы и прибыли.

Раскидывает молодец руки, словно боится, что я из квартиры мимо них выскочу. А куда же выскочишь босой и в одних трусах! Идет он на меня с раскинутыми руками и с явным намерением облобызаться. Деваться некуда, я тоже раскидываю руки. Лобызаться так лобызаться. Целует молодец меня в ухо, а я его — в небритую щеку.

Поцеловались, я спрашиваю:

— А вы, извините, к кому?

— Вот тебе и раз, — отвечает долговязый, — к тебе, конечно, к кому же еще.

Ну, раз люди приехали ко мне, приглашаю войти в дом. Входят они, чемоданы свои на пол возле трельяжа ставят, гражданка рюкзак снимает и туда же. Раздеваются. Долговязый между тем поясняет ситуацию:

— Приехали, понимаешь, на Павелецкий в два часа, дополнительным. Мои, — он показывает на своих спутников, — говорят: давай на вокзале переждем, пока рассветет. Куда ночью пойдем? А я им толкую: да что вы! Можно сказать, в двух шагах сидеть от тебя и не прийти. Да ты мне такого свинства век не простишь. Правда ведь?

Я кивнул головой.

— А ты знаешь, как мы адрес твой нашли?

— Может, — говорю, — вы завтра проинформируете, а сейчас с дороги отдохнете?

— Отдохнуть не мешает, но пока ты стелешь нам постели, я все-таки расскажу. Тебе же это интересно знать. Справочные ночью в Москве, оказывается, не работают. Так я позвонил самому главному: говори, толкую ему, где мой Мишка живет…

— Гришка, — робко поправляю ночного гостя, — Григорий.

— Ну да, я и говорю: Мишка-Гришка. Так тебя тетка Леокадия называла.

— Какая Леокадия?

— Ну ты что, здесь в столицах всех своих родных перезабыл? Помнишь, в 1948 году ты шел на демонстрацию и забежал к тетке Леокадии, а я тебе еще сказал, что ее дома нет. Мы же по соседству с ней жили. Вспомнил?

— Вспомнил…

— То-то же.

Все для этих дорогих гостей сделал: на неделю, пока они жили, тещу переселил к сослуживцу, детей устроил в интернат, а сами с женой жили в гостинице по их паспортам. Долговязому организовал очередь на мотоцикл с коляской, его попутчику по купе — путевку в Цхалтубо. Женщину с рюкзаком всю неделю водил по редакциям и издательствам. Она оказалась самодеятельной писательницей, а в рюкзаке — часть ее произведений. Удалось пристроить два рассказа в журналы «Собака — друг человека» и «Ухо, горло, нос».

Кажется, гости были довольны. Но вот в день отъезда долговязый, которого, оказывается, звали

Федей, вдруг изъявил желание:

— Мне бы картошечки по-украински.

А у нас в доме, как на грех, ни одного украинца. Звоню в ресторан гостиницы «Украина», чтобы срочно прислали повара для инструктажа. Отвечают: «На дому не инструктируем».

Так и пришлось подавать картошку обычную, жареную. Гость был великодушен. Но на вокзале, когда я их провожал, он все-таки сказал:

— А к следующему моему приезду жена пусть научится по-украински-то.

— Обязательно, — заверил я.

Но на душе заскребли кошки: такого пустяка не смог сделать.

А уж совсем недавно я опростоволосился самым элементарным образом. Утром ко мне на работу пришла симпатичная молодая девушка и с порога заявила:

— Я пришла к тебе с приветом. Из Лучезарска. От дяди Степы. — И подает мне письмо.

Читаю. Пишет дядя Степа (фамилию его на письме я не разобрал): податель сего письма — женщина по имени Рая. Она поругалась третьего дня с мужем и решила от него уйти. Ты, пожалуйста, устрой Раю с жильем. На первое время можно даже в общежитии. Ну, а потом — дело

ее молодое, — конечно, и отдельную квартирку. Подыщи ей работу поинтересней — рублей на 150, не меньше. Ну, о таком пустяке, как прописка, я не говорю. Вот и все. Твой дядя Степа.

Дядей у меня всего в Лучезарске восемь, но Степы среди них, по-моему, нет.

Но это не так уж важно. Раз человек назвался «дядя», значит, он дядя.

И я, как племянник, а главное, как земляк, или, как сказал мне один из наших, лучезарских, как «полномочный представитель», обязан…

— А вы где остановились? — спрашиваю я беглянку по имени Рая.

— Нигде, — просто говорит она и с недоумением смотрит на меня.

— Да, да, конечно, — исправляю я собственную оплошность, — о чем это я болтаю, поживете пока у меня.

Короче говоря, привел я ее домой. Очень долго на кухне объяснял ситуацию жене. Но разве жены всегда нас понимают?

Прощалась Рая со мной подчеркнуто холодно.

— Дядя Степа меня, правда, предупреждал, что вы малость того… Но чтобы до такой степени…

Добил меня окончательно некто Петр Иванович. Когда-то его сват вместе с кумой моей тещи был вместе в гостях. И потому он, естественно, считался другом нашего дома. Дядя Петя приехал позавчера. У него ко мне были всего три маленькие просьбы.

— Не просьбы — просьбишки, — сказал он. — Во-первых, я выхожу на пенсию. Так вот, надо сделать не простую пенсию, а персональную. Как-никак, а я тебе не чужой. Во-вторых, под старость деньжонок скопил, хочу купить «Волгу». Но только черную и в импортном исполнении. Ну и последнее, хочу остатние годы провести в столице. Я уж тут и новый домишко присмотрел на Ленинском проспекте. Давай, действуй.

Все сделал. С квартирой заминка вышла.

— Ну, вот что, — сказал дядя Петя, — мне давно в Лучезарске говорили, что ты тут землякам не помогаешь, что ты зазнался, зажирел. Значит, так: ты переезжай в мою комнату, в Лучезарск, а я твою квартиру займу. Так уж и быть, хоть квартира у тебя и не новая да и не на Ленинском проспекте. Но что с тебя возьмешь!.. Пакуй вещички. Через неделю приеду.

И он уехал. А я сижу жду…

№ 7, 1969 г.

Семен Комиссаренко
УЗЕЛОК

К чертежной доске приколот чистый лист ватмана. За доской — техник Филякин. Сидит, курит. Подходит ведущий конструктор:

— Узелок надо начертить: две втулки, одна в другой. Вот размеры…

Часа через два ведущий подходит снова. На доске чистый лист.

— Вот вы сказали «одна в другой», — задумчиво произносит Филякин, — а какая в какой, не сказали.

— А что тут говорить? Снаружи наружная, а внутри, само собой, внутренняя!

После обеда ведущий опять у доски.

— Я вот сижу, думаю, — говорит Филякин, — как бы они не спутались там…

— Кто?

— Втулки эти. Снаружи, значит, очутится внутренняя, а внутри, наоборот, наружная!

— Как это «очутится внутри», если ей положено быть снаружи? — нервничает ведущий.

— Значит, советуете сначала начертить втулки,

а потом уже их назвать: ту, что снаружи, — наружная, а ту, что внутри…

— Вот именно, советую начертить! Между прочим, чтоб не путаться, запомните, Филякин, внутренняя втулка еще «плавающей» называется…

На следующий день Филякин подходит к ведущему сам. Чистый лист ватмана обрамлен рамкой.

— А уплыть она не может?

— Кто?

— Втулка…

— Ну зачем же ей уплывать? — с волнением спрашивает ведущий.

— Вы же сами сказали «плавающая»…

— Так ведь это ж условное название, Филякин, символическое! Ну, например, как «лошадиная сила». Но это ж не значит, что она потребляет овес, Филякин! А «плавающая» втулка есть подвижная, свободно передвигающаяся деталь, в отличие от неподвижной…

После обеда ведущий снова у доски. На чистом листе ватмана, обрамленном рамкой, — одна осевая линия…

— Интересно, — говорит Филякин, — а как символически называется неподвижная втулка?..

Тут не выдержал ведущий. Опустился на стул… И начертил узелок.

С тех пор и не обращается к Филякину. Если что начертить надо, — чертит сам!

А Филякин сидит, развалившись у доски, курит.

— Не надоело еще, — спрашивают, — в дураках?

— Неприятно, конечно, — тяжело вздыхает Филякин. — Но это необременительно: с дурака какой спрос?

№ 8, 1969 г.

Феликс Вибе
НЕ ЩАДЯ ЖИВОТА

Я просто счастлив, что наконец работаю в институте, где есть принципиальные люди. Не верите? Приходите к нам на заседание ученого совета. Я, например, сижу и получаю чистое наслаждение. И вопрос-то, казалось бы, пустяковый. Чем крыть крышу десятого корпуса: шифером или железом? Но, видно, для людей государственного ума нет незначительных дел.

Сначала один массивный товарищ, похожий на мамонта (фамилия его оказалась Мошкин), сделал доклад, из которого всем стало ясно, что крыть десятый корпус надо только шифером. Все было доказано так обстоятельно, что я чуть не зааплодировал, когда он кончил.

Но уже в следующую минуту мне стало стыдно за свою наивность. Научный сотрудник Сиворяб (он работает в нашем отделе) поднялся на трибуну и начисто отверг шифер. Он привел цепь доказательств, из которых всем стало ясно, что если крыша будет железной, то государство сэкономит на ремонте более восемнадцати копеек.

Когда Мошкин услышал это, на его лице появилось упрямое выражение закаленного бойца. И он взял слово для справки и напомнил присутствующим об извечном враге металла коррозии.

— Экономия, полученная на железной крыше, эфемерна, — сказал он. — Окраска кровли масляной краской поглотит эти «более восемнадцати копеек» в первые же, — тут Мошкин вытащил из кармана логарифмическую линейку, — первые же… э-э-э… четыре секунды эксплуатации.

Вы думаете, Сиворяб сдался? Дудки! Он набросал перед нами душераздирающие картины потерь: хрупкий шифер ломается при перевозке, уходит налево как дефицитный материал, трещит под ногами озорников-мальчишек.

Снова выступил Мошкин…

Короче, прошло уже два часа, а спорщики не унимались. Как хотите, но я просто полюбил этих людей.

Полюбил я их, но и разозлился: стоит ли из-за двугривенного так распаляться? Ведь посинели оба, трясутся, близки к инфаркту. Так мы быстро лишимся наших лучших кадров. Надо как-то с этим бороться. Может быть, все дело в том, что двое гробят себя, а остальные пассивны?

Когда в перерыве мы вышли покурить, я по-

пытался расшевелить одного из своих новых коллег:

— Простите, а вы за шифер или за железо? Что, по-вашему, лучше?

— Лучший материал — это тот, который достанет завхоз, — ответил он цинично.

— Где же ваша принципиальность? — не сдержался я.

— А, вы о наших ораторах? — засмеялся он. — Не обращайте внимания. Когда восемь лет назад Сиворяб защищал диссертацию, Мошкин голосовал против. Вот они с тех пор и сводят счеты.

№ 8, 1969 г.

Юрий Никольский
ИСПОВЕДЬ

Я воровал кровельное железо и сбывал его индивидуальным застройщикам. Жадностью, которая, как известно, губит нашего брата, я не страдал, воровал понемногу и мог бы долго продолжать в том же духе. Меня подвела набожность. Чтобы облегчить душу, я отправился на исповедь.

— В чем грешен, сын мой? — спросил меня священник.

— Ворую, святой отец.

— Что, где и в каком количестве?

— Кровельное железо на заводе. Листов двадцать в неделю.

— Какой сорт?

— Первый. Оцинкованное.

— Размер листа?

— Пятьдесят на семьдесят.

— Сколько за лист?

— Рубль.

— Отпущение греха и двадцать копеек за лист! Аминь?

— Заметано. Сколько вам нужно, святой отец?

— Во имя отца и сына и святого духа! Триста листов.

— Постараюсь ради святой церкви…

Через неделю меня доставили на исповедь к следователю.

№ 9, 1969 г.

Михаил Кокшенов
РЕКОРД

Решил один штангист побить рекорд.

Целый год готовился к рекорду, пока соревнования не подошли. Начались соревнования, вышел он на помост, взвалил рекордный вес на грудь и выжал его без сучка без задоринки.

Весь зал так и ахнул, заревел весь зал от восторга.

А он поднял штангу и не опускает.

Ему кричат:

— Вес взят, можешь опустить…

А он держит.

Товарищи к нему подошли.

— Вась, опускай, ведь ты рекорд побил. А он отвечает:

— Побить-то побил, да еще удержать хочу.

И стоит. Час стоит, два стоит, уже соревнования кончились, народ домой разошелся, а он все стоит и стоит.

День стоит, два стоит. Жена ему обеды носит, с ложки его кормит, а он все стоит — рекорд держит.

А тем временем в другом зале его рекорд побили, а он все стоял и держал бывший рекорд. И было ему невдомек, что, стоя на месте, рекорд удержать нельзя.

№ 10, 1969 г.

Зиновий Юрьев
СТРАХ

Улицы американских городов залиты страхом. Подобно болотным испарениям, он застаивается на перекрестках, сочится из переулков, плывет над парками. Он проникает повсюду, упорный и постоянный. Днем и ночью он обволакивает людей, заставляет их вздрагивать при звуке шагов за спиной, шарахаться от собственной тени, он иссушает души, делая горожан подозрительными и нелюдимыми.

Абстрактные цифры роста преступности в США (семнадцать процентов лишь за прошлый год) давно уже перестали быть сухой статистикой. Они врываются в дома, угоняют машины, вытаскивают бумажники, выхватывают сумочки, нажимают на курок. Они вошли в американский образ жизни, стали его плотью и кровью.

Для четырехсот тысяч американцев каждый год эти цифры означают нападение грабителей. Семьдесят тысяч американцев в результате этих нападений оказываются в больнице, десять тысяч — в морге.

Статистика, как известно, оперирует средними цифрами. В беседе с корреспондентом журнала «Ньюсуик» одна жительница Вашингтона жаловалась:

— Остается только ждать, пока не окажешься жертвой. За полтора года у меня один раз выхватили на улице сумочку, раз украли деньги, раз обчистили квартиру и раз под угрозой оружия обобрали на улице. Люди стояли у своих подъездов, смотрели в окна, но никто даже не закричал, не говоря уже о том, чтобы прийти на помощь…

Ждет не одна она. Жительница Нью-Йорка миссис Сильвия Бэртон, мать восьмерых детей, получает ежемесячное благотворительное пособие. Но не всегда оно доходит до нее. Если она замешкается и не вынет вовремя чек из почтового ящика, ее опередят воры, которые унесут чек вместе с ящиком.

— Я в отчаянии, — говорит миссис Бэртон. — За последнее время у меня сорвали четыре почтовых ящика.

У архитектора из Сан-Франциско Питера Уитмера больше возможностей для охраны своего имущества, чем у нью-йоркской многодетной вдовы. Он установил в своем доме тройные рамы из закаленного пуленепробиваемого стекла и

окружил свое жилище четырехметровым забором, утыканным поверху острыми шипами. Вернувшись недавно с работы, он обнаружил, что его ограбили.

Водительница такси из Атланты Лиз Дикерсон не может полагаться на высокий забор, и рядом с ней на сиденье ее машины марки «чекер» постоянно лежат два пистолета: один обычный, тридцать второго калибра, второй с зарядом слезоточивого газа.

У пешеходов, кроме пистолетов, популярностью пользуются трости, не столько для придания элегантного вида, сколько для защиты. При нажатии кнопки из трости выскакивает лезвие. Некоторые предпочитают полые трости, в которых перекатывается увесистый стальной шарик. По утверждению специалистов, ударом такого инструмента можно проломить череп слону.

Но настоящий арсенал скорее всего можно увидеть, пожалуй, в барах. В одном из популярных баров на Четырнадцатой улице в Вашингтоне под рукой бармена всегда семь пистолетов и автоматическая винтовка системы «браунинг».

— Это еще не все, — говорит он. — Я обещаю пятьсот долларов любому, кто убьет грабителя, который попытается ограбить меня. А что вы

хотите? Я могу вам назвать не одного моего посетителя, который привлекался к суду.

Владельцы магазинов так далеко не заходят — эдак, глядишь, распугаешь всех клиентов. Но кражи готового платья в таких магазинах приняли такие размеры, что решено было снять портьеры с кабинок для примерки.

Школьные учителя перенимают опыт таксистов. В городе Ист Сент-Луи, штат Иллинойс, многие учителя носят заряженные пистолеты — слишком много было случаев убийств и нападений на преподавателей. Пистолет как орудие педагогики — вещь, безусловно, новая, но как средство самозащиты оно проверено не раз.

— Когда я возвращаюсь ночью домой, — рассказывает один нью-йоркский полицейский, — я никогда не держу пистолет в кобуре, только в кармане. Вполне может статься, что из кобуры вытащить его не успеешь...

Два типа глаз наблюдают сейчас за американцами — глаза преступников, высматривающих очередную жертву, и немигающие стеклянные глаза телевизионных камер, выслеживающих нарушителей закона. Объективы смотрят на покупателей в магазинах, на посетителей банков, на людей, заходящих в подъезды жилых домов.

Проникает глазок телекамеры и внутрь частных домов, если, конечно, владельцы в состоянии за нее расплачиваться. Некий миллионер из Далласа, штат Техас, устроил в своем доме «комнату повышенной безопасности», нечто вроде спального сейфа. Не помогло: хозяина избили и обворовали. Сейчас на каждом его окне устанавливается автоматическая сирена, сигналы тревоги подсоединяются к коврам, и главное — в стенах монтируются незаметные следящие телекамеры. Поможет ли?

Миссис Р. Гэрвич из Сан-Франциско надеется, что поможет. У нее даже на крыше дома колючая проволока. Она перестала ходить в гости, перестала звать к себе, перестала ездить в автобусах. Она боится. Не меньше, чем тот чиновник госдепартамента США, который в беседе с корреспондентом упомянутого выше журнала «Ньюсуик» признался:

— Учишься жить, как кролик в кустах.

— Это не жизнь, — жалуется пожилая женщина из города Альбукерка. — Сегодня у нас на крышах прожектора и сирены, капканы у дверей, установки с инфракрасными лучами, вызывающие полицию, как только преступник пересечет их. У меня в багажнике машины лежит резиновое

чучело человека. Я всегда надуваю его и сажаю рядом с собой на сиденье, когда еду вечером одна. Я боюсь его, этого резинового человека, но еще больше боюсь нападения...

* * *

Кажется, еще совсем недавно американские фантасты описывали вымышленные города будущего, в которых жизнь идет по средневековым законам.

Как это нередко бывает, фантасты ошиблись в сроках. Средневековье уже пришло в американские города. Средневековье принесло беззаконие, разбой, одичание, страх.

Можно строить сверхзвуковые самолеты, запус-

кать к Луне космические корабли, изготовлять отличные автомобили, можно, наконец, вырубить настоящие джунгли, но капитализму не под силу изжить то, что естественно порождается им самим, обществом с техникой будущего и моралью средневековья.

Ни один фантаст не мог придумать надувного резинового человека в автомобиле рядом с перепуганной женщиной. Он символ. Он один не боится американских улиц и великолепных шоссе. Он гордость современной техники. Легкий, прочный, легко надувающийся, очень похожий на человека. Ему хорошо. Если в него попадает пуля, его легко залатать (инструкция прилагается). А каково обычным, ненадувным людям? Для них пуля чаще всего бывает смертельной… Для них американский образ жизни становится воистину преступным образом жизни.

№ 12, 1969 г.

Станислав Родионов
РЕСТОРАН НА ДОМУ

Не надо ходить в «Кавказский» и в шашлычную «Космос» тоже не надо. Дома лучше. Фокус в том, чтобы телом сидеть в квартире, а душой чувствовать себя в ресторане. Я тебя научу.

Закупи в магазине то, что заказываешь в ресторане. Если этого в магазине нет, то купи другого. Водки купи побольше, а коньяку еще больше.

Возьми приятеля и ступай вечерком домой. Об официантке не беспокойся — я надеюсь, что ты женат. Жена и не догадается, что она сегодня официантка.

Поставь посреди комнаты два небольших столика, за один сядь с приятелем и попроси жену подать то да се. Она по этому поводу скажет два-три слова, и первая рюмка под них проскочит в горле, как репейник, — вот тебе уже и ресторан. Но до полного ощущения еще далеко.

Прежде всего нет чего-то знакомого, нужного, как звон комара в палатке. Поэтому сбегай за электриком. Если он не пьет, пригласи водопроводчика — уж он-то не откажется. Посади его за

соседний столик и налей две рюмки сразу, а лучше один стакан. Жена-официантка нетактично выразится в том смысле, что зачем ты привел эту вечно пьяную рожу. Подмигни жене и на ухо шепни, что водопроводчик пришел в смысле испорченного телевизора. Она подаст ему селедочку. Он выпьет, гордо откажется от закуски, уронит ее на пол, икнет и подтащится к вашему столу выяснять насчет уважения. Признайся ему сразу, что уважаешь, и он ответит взаимностью. Опрокинув в знак дружбы твою рюмку себе в рот, водопроводчик вернется за свой столик и сразу уснет.

Замечаешь, что стало ресторанее?

Но чего-то не хватает, и я знаю чего — чувства современности. Сходи-ка в квартиру над тобой и пригласи молодого парня с его сезонной подругой. Скажи, что достал на денек запись нового танца шлеппи-поппи. И они придут: он кибернетик, она социолог. Посади их за столик к водопроводчику, и пусть столкнутся две цивилизации — неандертальская и модерн.

Кибернетик в безукоризненном костюме, само собой, с транзистором. Будет на тебя посматривать с легким превосходством, потому что ты фрезеровщик. Она, социолог, будет курить си-

гареты, трясти волосьями не существующего в природе цвета и светить из-под стола здоровыми, как автомобильные фары, коленками. Не вздумай дать им вина и водки — только рябину на коньяке. В крайнем случае кальвадос.

Замечаешь, что пересторанило? Но еще не все: нет настоящей суеты.

Сбегай в квартиру справа и квартиру слева: пригласи всех соседей немедля в гости. Они удивятся и пока будут гладить воротнички и чистить зубы, сходи вниз к дяде Пете. В каждом доме есть дядя Петя. Если в вашем нет, значит, его зовут дядя Вася. Быстренько приведи дядю Васю к себе, поднеси водки в той большой рюмке, которая называется фужером, и объясни задачу. После второго фужера он поймет.

Теперь садись, теперь все готово.

Через полчаса позвонят первые гости. Дядя Вася, стоящий между входных дверей, как в вертикальном гробу, откроет и сообщит онемевшим гостям, что мест нет. Тут же подойдут остальные. Все страшно удивятся, разволнуются, начнут доказывать и нажимать на дверь. На лестничной площадке станет еще веселей, чем в обычном ресторане.

Именно в этот момент кибернетик затеет раз-

говор с подругой.

— Хемингуэй — сила, — скажет он.

Водопроводчик проснется и пролепечет:

— Потому их много.

— Хемингуэй один, — строго скажет кибернетик.

— Сто мильенов, — подтвердит водопроводчик.

— Хэм один, — забагровеет кибернетик.

Из передней донесется шум прибоя — значит, вся лестница присоединилась к гостям, и теперь все из любопытства напирают на дядю Васю.

— Да я за Хемингуэя рожу тебе отвинчу! — заорет кибернетик и схватится за транзистор.

— За сто мильенов, — заплачет водопроводчик.

Ты не успеешь подумать, что они перепутали цивилизации и теперь их не отличить, как одна пара при помощи рубля прорвется в домашний ресторан. Но ты не обратишь на них внимания, ибо кибернетик все же поднимет над головой транзистор, но уже не из-за Хемингуэя. Он заметит, что рука водопроводчика лежит на коленке-фаре его подруги, хотя сама подруга этого не заметит.

Ты не успеешь решить, что предпринять, как

твой приятель ущипнет твою же официантку-жену. Ты, конечно, возьмешь в руку мельхиоровую вилку, но здесь завизжит подруга кибернетика, потому что водопроводчик возьмет в зубы мельхиоровый нож.

Тут уж толпа с лестничной площадки сомнет дядю Васю и ворвется в ресторан — отдельную квартиру, а твоя жена вызовет дружинников.

Ну, чем теперь не ресторан? Так что не ходи в водочную «Фиалка» и в молодежный ресторан «Синхрофазотрон» не ходи. И дома можно.

№ 24, 1969 г.

Ю. Скрылев
МИМОХОДОМ

К сожалению, мы не столько выезжаем, сколько наезжаем на природу.

Графоману присудили премию за рассказ «Как я бросил писать».

Мучительно остроумный человек.

Завистники задушили его фимиамом.

№ 34, 1969 г.

Михаил Раскатов
ЧУДО-ЧАДО

* * *

Когда, увлекшись воспитанием,
Ребенка учит вся родня
С трех лет — фигурному катанию
(По понедельникам полдня)…

Когда в порядке дополнения
Спешат в бассейн дитя везти
(По вторникам и воскресеньям
От девяти до десяти)…

Когда усердно учат музыке,
Прелестным переливам гамм,
Чтоб чадо подружилось с музами
(По пятницам и четвергам)…

Когда его без сожаления
Еще шпигуют иногда
«Инъязами» с великим рвением
(С утра — суббота и среда)…

То остается лишь практически
Установить по вечерам
Час физико-математический
(В пределах вузовских программ).

Набравшись силы и терпения,
Назло соседской детворе
Учить дитя искусству пения
На бледной утренней заре.

И полдней ночью, между зорями,
В часы без шума и жары,
С ребенком изучать теорию
Мудрейшей шахматной игры.

Тогда, уверен в полной мере я,
Поклонники таких затей
Напишут толстый том из серии
«Жизнь замечательных детей».

№ 35, 1969 г.

Эдуард Полянский
ЧТО МНЕ ПОДАРИТЬ?

— Интересно, какой подарок вы мне преподнесете? — напрямик спросил я у сослуживцев накануне своего пятидесятилетия.

— Думаем купить радиоприемник, — ответили они, засмущавшись.

— Только чтобы на ножках, — предупредил я, — а то мне не на что будет его поставить.

— Видите ли, Николай Николаевич, — промямлила сидящая справа от меня экономист Валя, — на приемник с ножками у нас не хватает денег.

— Вот так-так! Приемник презентовать решились, а на ерунде, на ножках, экономите? — пристыдил я своих коллег. — Какую же сумму вы собрали, если у вас на ножки не хватает?

— Семьдесят рублей, — симпатично покраснев, ответила экономист Катя, сидящая слева от меня.

— Семьдесят?! — удивленно переспросил я и обвел сослуживцев укоризненным взглядом. — Да вы издеваетесь надо мной! На эти гроши и

без ножек-то ничего порядочного не купишь. По скольку же вы собирали, если не секрет?

— По семь рублей с носа, — как бы извиняясь, ответила Валя.

— Не понимаю, — сказал я грустно. — Стоило ли мне в таком случае достигать юбилейного возраста? Отчего же по семь, если Петухову полгода назад по десятке отвалили?

— С Петуховым была совсем другая статья, — разъяснил мне плановик Цыпкин. — Петухов уходил на почетную старость, навсегда расставался с коллективом. Будете вы уходить на пенсию, тоже по червонцу скинемся.

— Может, вы и правы, — сказал я. — Хотя вряд ли при таком отношении я доживу до пенсии. Но меня волнует и другое: почему собрано семьдесят рублей, когда в нашем отделе работает двенадцать человек. Меня, естественно, вычтем. Итого одиннадцать человек. Одиннадцать на семь, как известно, семьдесят семь.

— Вы забыли, что Уварова в отпуске, — напомнил Цыпкин, глядя сквозь меня.

— Вовсе не забыл. И пусть в отпуске. Она, я думаю, специально приурочила отпуск к моему юбилею, чтобы зажилить семь рублей. А вы ей потакаете. Внесите за нее пока из профсоюзных

денег.

— Неудобно, Николай Николаевич, — сказал Цыпкин, изучая чернильное пятно на своем столе. — Все-таки человек с курорта вернется. А оттуда, сами понимаете, денег не привозят. Вы и так получите два подарка: один — от нашего отдела, второй — от дирекции.

— Что вы говорите! — оживился я. — И от дирекции тоже? Это меняет дело! Ладно. Пусть Уварова отдаст мне семь рублей, когда сможет. Конечно, сразу после отпуска ей будет тяжеловато. Я понимаю. У самого дети есть.

— Все-таки что вам подарить? — спросил Цыпкин, переводя взгляд с пятна на меня. — Хотите кресло-кровать?

— Намекаешь на мои ссоры с женой? — насторожился я. — Так это не твоего ума дело…

— Вчера в универмаге чайные сервизы появились на двенадцать персон, — непонятно к кому обращаясь, сказала инженер Евгения Васильевна. — Сорок два рубля пятьдесят копеек стоят. Я даже удивилась, почему так дешево.

— На двенадцать персон, говорите? — заинтересовался я. — Неплохо. Шесть персон можно будет продать… А скажите, Евгения Васильевна, чашечки с цветочками?

— С цветочками, — с готовностью ответила Евгения Васильевна.

— Совсем неплохо. А какие цветы, садовые или полевые? Хотелось бы полевых — жена их очень любит.

— Нет, садовые, — огорчилась Евгения Васильевна.

— Это хуже, но терпимо, — сказал я. — А чайник вместительный?

— Да, вполне, — заверила меня Евгения Васильевна. — И розетки есть для варенья. Тоже очень удобные, вместительные.

— Что же в этом удобного? — снисходительно засмеялся я. — Какой гость попадется. А то и варенья не напасешься. Впрочем, так и быть: даю согласие на сервиз. Но остается еще двадцать семь с полтиной.

— Можно купить настенные часы, — снова вмешался Цыпкин. — На веревочке.

— На какой еще веревочке? — спросил я недоверчиво.

— На обыкновенной. Висят и тикают.

— Ну и подковыристый же ты парень, Цыпкин! — возмутился я. — Мне не нужно, чтобы они тикали. Я буду спать, а они будут тикать!

— Тогда соглашайтесь на торшер — он не тика-

ет, — сказал Цыпкин.

— А ты не диктуй. Я сам знаю, что мне подарить, — сказал я, положив на стол счеты. — Значит, так: купите в галантерее четыре пары безразмерных носков по рубль восемьдесят — мои совсем порвались, пару капроновых чулок для жены, желательно немецких, без шва, десять рублей выдадите на руки — мне как раз не хватает на отрез для костюма. Итого — двадцать рублей двадцать копеек.

— Осталось на бутылку кубинского рома и пачку сигарет, — вставил Цыпкин.

— Будешь глотать ром в свой юбилей, — отрезал я. — А у меня сегодня не решена проблема с овощами. Девочки, кто пойдет за подарками?

— Мы, — сказали Валя и Катя.

— Зайдите на рынок и купите на оставшиеся деньги все, что написала жена на этой бумажке. Лук репчатый, картошку, морковку и так далее… Все. Можете идти!

№ 35, 1969 г.

Евгений Матвеев
ВОТ Я СИЖУ И ДУМАЮ

Вот я сижу и думаю: вот я сижу и думаю, а там, за окном, — жизнь, вороны там летают, велосипедисты ездят, Сыромятников мебель носит…

Да, жизнь не стоит на месте!.. Хотя нет, Сыромятников, пожалуй, дома сидит. Он сидит, а перед ним бутылка стоит и банка маринованных огурчиков. А он, чудак, сидит, потому что в мебельном выходной сегодня.

Вот и я сижу и думаю: а давно ли мне семнадцать лет было? Давно. Лет тридцать назад. Как сейчас, помню: течет река Волга, а мне семнадцать лет. А в Волге — рыба. Первая рыбалка тогда была на рассвете, первые соловьи на закате, первые маринованные огурчики на закуску…

А тут еще первая любовь, знаете ли…

— Ты меня любишь? — спрашивают меня, бывало.

— Да, — говорю я, конечно. — Замаринуй огурчиков.

А в ответ слышу:

— Нет.

Нет бы сказать: да! Я, конечно, учитывал силу своего пола и скандалов не давал себе устраивать. Я просто сам тогда спрашивал:

— Ты меня любишь?

В ответ, конечно:

— Да.

— Замаринуй, — говорю тогда, — огурчиков.

А в ответ:

— Нет.

Конечно, при этом и дружба юношеская бывала. Не имей сто друзей — вот тебе и вся арифметика!

А потом — дальнейшая жизнь, которая и сейчас продолжается.

Вот я вчера сижу возле дома на скамеечке и в шутку думаю: а не передумать ли мне старую пословицу на новый лад? Например, так: не имей двух рублей, а имей двух друзей, и чтобы каждый из них имел бы при себе рубль. Тогда и твой рубль не пропадет внапрасную, если еще шестьдесят две копейки раздобыть.

И тут как раз — Сыромятников из подъезда. Он хоть немножко и бестолочь, но я все-таки сделал снисхождение. Я ему сказал:

— А у меня рубль.

А он дурак дураком…

— А у меня нету, — говорит.

— Это почему же, — говорю я ему, — нету? Вернись домой и возьми два рубля шестьдесят две копейки.

А он:

— Не могу, — говорит. — На меня жена и так уж сегодня замахивалась.

— Чем, — спрашиваю, — замахивалась-то? Веником? Половником? Банкой с огурчиками?

А он грубый такой, плохо воспитанный такой человек.

— Бюстгальтером, — говорит.

Он такой недотепа, этот Сыромятников, что мне и думать о нем не хочется. У него даже сны глупые. Ему однажды приснилось, будто он шашлык.

— Хорошо, — говорю ему. — Ну, а дальше что?

— А дальше я проснулся, — отвечает.

— И все? — спрашиваю.

— Все, — говорит. — Но только из-за этого чертова шашлыка пива ужасно захотелось.

— Ну, и выпил бы.

— А где? На пивзаводе аппарат какой-то не то сломался, не то вовсе украден! А я, как назло, еще и огурцов маринованных наелся!

Ну что вы скажете! Невозможный же человек! Однако огурчики у него замечательные. Жена

у него сама их делает. Когда огурчики-то летом поспевают, она берет и идет на базар и выбирает там самые маленькие, молоденькие такие, с пупырышками. Чесночку, конечно, укропчику, листочки, конечно, от черной смородины. Лучше даже не листочки, а прямо почечки, которые только еще наклюнулись.

Вот я сижу и думаю: а не пойти ли мне к Сыромятниковым?

№ 2, 1970 г.

Ясон Герсамия
СУХУМСКИЕ ФОНТАНЫ

Это неважно, как называется контора, верьте слову. Я специально приехал в Сухуми. Мне следовало получить в неупомянутой конторе справку, подтверждающую, что я — это я. По-моему, большинство справок только для этого и нужно. Не так ли?

В конторе было тихо и прохладно, как будто и не было на свете знойной сухумской жары и неумолчного шума на улицах. Согласитесь, это приятно. Меня встретил сотрудник такой любезной улыбкой, какая достается на долю разве только именитого родственника. Я человек пожилой, робкий, и вежливость иногда доставляет мне удовольствие.

Добрый, теплый взгляд этого сотрудника словно бы говорил: «Дорогой, ну проси что хочешь, все сделаю».

Я не остался в долгу и нежным голосом сказал:

— Могу ли я, дорогой мой, видеть самого директора?

— Не можешь, уважаемый, его нет.

— А заместителя товарища директора?

— Тоже нет. Кроме меня, никого в конторе нет.

— Послушай, сейчас половина одиннадцатого. Неужели еще никто не приходил на работу?

— Почему не приходил? — обидчиво сказал сотрудник. — Пришли и ушли. Все ушли.

— Не скажешь ли, куда?

Сотрудник так скорбно посмотрел на меня, что мне захотелось его утешить.

— Садись, пожалуйста, — сказал он. — Будешь моим гостем. Раздели мое одиночество. Будем пить чай самого лучшего сорта, самый ароматный.

Я сел. Стал пить чай. Самого лучшего сорта. Самый ароматный.

— И все-таки, — осторожно спросил я, — куда ушли все сотрудники и начальство? Если это не секрет, конечно.

— На похороны. Умерла тетя директора. Хорошая женщина. Очень добрая женщина.

— Это ужасно. Терять хорошую, добрую тетю так неприятно! — посочувствовал я. — Но все-таки почему ушла вся контора?

— Из уважения к директору.

— Ага. У вас очень отзывчивые сотрудники. Но, надеюсь, после похорон они зайдут в контору?

— Нет, дорогой мой, не зайдут. Вся контора будет сопровождать директора на поминки.

— Понимаю. Сотрудники очень уважают вашего директора?

— Уважают? — вскричал сотрудник. — Обожают! — И просветленно улыбнулся, словно раннее солнце, выглянувшее из-за вершины горы.

Я поблагодарил за чай и пошел к морю, чтобы как-то успокоиться. Меня не на шутку тронула столь горячая и единодушная любовь сотрудников конторы к директору и его усопшей тете.

На другое утро я снова пил чай. Ароматный. Лучшего сорта. Конечно, в компании любезного сотрудника, или — как он мне по-приятельски назвал свою должность — первого заместителя заведующего хозяйством.

— Ах, ах, опять тебе не повезло, — сказал он в перерыве между двумя глотками. — Директор и сотрудники поехали в больницу навестить больную жену вышестоящего начальника.

Я опять задал наивный вопрос:

— Но почему ушли все сразу?

— Ради экономии средств. Для сотрудников заказали автобус, а он как раз вмещает всю контору.

Я поблагодарил за конторский чай и пошел к

фонтанам у театра. Говорят, они успокаивают лучше, чем морские волны.

На третий день я приступил к делу сразу.

— Говори, дорогой, без чаепития, куда контора уехала сегодня?

— На свадьбу, — очень охотно отвечал заместитель завхоза. — На свадьбу нашей секретарши.

Ну что тут скажешь? Девушка выходит замуж, дело житейское… Я сел пить чай. Самого лучшего сорта. Ароматный. Мой друг между тем не спеша рассказывал свою биографию.

— Послушай, дорогой, — прервал я его как раз на том месте, когда он начал ходить в школу. — Бывают такие дни, когда ваша контора работает?

— Конечно, бывают… В тех случаях, когда никто из родственников директора не болеет, не умирает, не женится, не справляет новоселье, день рождения ребенка, свадьбу или десятилетие со дня смерти предка. Наш директор уважает обычаи. А сотрудники обожают директора.

Я почувствовал, что пора бежать к фонтанам. «Пофонтанившисъ», спешно вернулся в контору, чтобы использовать антинервную зарядку.

— Дорогой, поведи меня, пожалуйста, на свадьбу вашей секретарши. Может быть, я уговорю

директора выдать мне справку, — попросил я.

— Я бы, уважаемый, с удовольствием поехал с тобой, но у нас кончились лимиты на транспорт.

— А это далеко?

— Да. Придется взять такси.

Первый зам. завхоза пригнал за мой счет такси и деловито погрузил в него пишущую машинку, папку с бумагой и копиркой.

Справку напечатала сама невеста, директор подписал и поставил печать. Я вернулся домой веселый и хмельной: вы сами понимаете, жених и невеста долго не отпускали меня. Эта контора умела кутить.

Когда я положил проклятую справку на стол моего начальника, он изумился:

— Какая справка? Ах да, помню, помню. Но, дорогой, ты ужасно опоздал.

В нашем городе нет спасительных фонтанов, поэтому я закричал:

— Какого черта вы гоняете меня за справкой о том, что я — это я?!. Я три дня подряд пил конторский фонтан, заряжался чаем, танцевал на свадьбе с пишущей машинкой, целовался с первым заместителем завхоза…

Начальник с беспокойством посмотрел на меня.

— Голубчик, не надо… Вы расстроены. Вам надо подлечить нервы. Сходите-ка лучше к психиатру… Пусть он выдаст вам справку о состоянии вашего здоровья.

Я вновь поехал в Сухуми и явился к психиатру. В приемной было прохладно и тихо. Оказывается, врач поехал на вокзал встречать гостей. Будут праздновать повышение по службе его брата.

Я помчался к фонтанам. Незаменимая вещь, скажу я вам!

№ 8, 1970 г.

Святослав Спасский
НАТАША

Весь день за окнами бушевал свирепый норд-ост.

А к вечеру он прекратился.

И наступившая тишина особенно подчеркнула странные звуки, раздавшиеся в квартире Кусакиных.

Сначала тревожно щелкнуло, как будто стремительно взвели тугой курок.

Потом что-то прозвенело: так звенит стекло, пробитое пистолетной пулей.

И, как следствие, тут же прозвучал жалобный плач ребенка.

На самом деле щелчок произвел Михаил Кусакин, выключая телевизор. Звон раздался от упавшего на пол блюдечка: это Маша, жена Михаила, мыла на кухне посуду. А жалобный плач…

«Действительно, что за наваждение? — подумал Михаил Кусакин. — Ей-богу, ребенок… А может, кошка? Да нет, непохоже…»

Рывком он распахнул дверь в соседнюю комнату и не поверил своим глазам. Поперек диван-

кровати лежал сверток нежно-розового цвета, и терзающие душу всхлипывания доносились из его глубины.

— Маша! — растерянно крикнул Михаил Кусакин.

Жена прибежала из кухни. Посудное полотенце перехватило ее грудь, как лента фельдмаршала.

— Что случилось? — испуганно спросила она.

Михаил Кусакин боязливо, левым мизинцем указал на сверток.

Маша быстро и озабоченно развернула розовое одеяло и с улыбкой повернулась к мужу.

— Ничего особенного, просто мы проснулись и хотим кушать.

— Вы проснулись? — тупо переспросил Михаил Кусакин.

— Мы проснулись и хотим ням-ням, — подтвердила жена.

— А что… кто это?

— Да что с тобой? — обеспокоенно сказала Маша. — Как это кто? Наш ребенок.

— Откуда он?

— Ну, знаешь! Твои шутки, как всегда, неуместны.

Тут только сознание Михаила Кусакина отметило легкую походку и тонкую талию жены.

— Маша! Ты что, уже? — воскликнул он радостно. — А почему все так неожиданно? Люди в родильных домах лежат...

Жена грустно улыбнулась.

— И я лежала. Девять дней. Что же ты, забыл, как ночью такси вызывал?

Михаил Кусакин потер себе лоб.

— Ничего не понимаю. Да ведь я... Машенька, родная моя! У нас — ребенок! Это сын или дочка?

— Господи! Ну, конечно, дочка. Мальчика ведь Наташей не назовут.

— Наташа, значит? А почему же ты со мной не посоветовалась, как назвать? Все-таки я имею какое-то отношение...

— А я советовалась. Как сейчас помню, я подошла к тебе — ты сидел в той комнате, в кресле, — и сказала: «Как дочку назовем?»

— А я что?

— А ты, не отрываясь от телевизора, закричал: «Шайба!» И свистнул.

К утру разбушевался зюйд-вест со снегом.

Начинался двенадцатый день чемпионата мира по хоккею с шайбой.

№ 9, 1970 г.

Вл. Бахнов
БЕЗ НАМЕКОВ

Виктор Кузнецкий — бессменный редактор нашей стенгазеты «За сокращенные штаты». Амбиция у него невероятная и, так сказать, обратно пропорциональная амуниции. Однако есть у Кузнецкого и одна редкая способность: он умеет любую самую простую ситуацию превратить в безвыходное положение, а потом из этого положения найти неожиданный выход.

Недавно Кузнецкий заглянул к нам в конструкторское бюро и знаками вызвал меня в коридор.

— Ну, даешь! — сказал он, хлопнув меня по плечу и восторженно тряся головой.

— Ты о чем?

— О твоем рассказе. Хороший рассказ, толковый. Пойдем покурим.

Мы прошли в конец коридора, вышли на лестничную площадку и, усевшись на подоконник, закурили. Я вообще-то не курю. Но не так часто хвалят мои рассказы, и я надеялся услышать что-нибудь приятное.

— Нужный рассказ и смешной, — сказал Витя,

поблескивая очками. — Он будет украшением нашей стенгазеты. Только имя героя лучше все-таки изменить…

— Почему? Обычное имя — Семен Семенович…

— Конечно, обычное. Но все подумают, что ты имеешь в виду Степан Степаныча.

— При чем здесь Степан Степаныч? — искренне удивился я. — Ведь рассказ о том, что Семен Семеныч увлекается хоккеем в рабочее время. А всем известно, что наш Степан Степаныч ни разу не был на стадионе и не может отличить хоккея от футбола.

— Вот видишь, — легко согласился Кузнецкий. — Так зачем тебе нужно, чтобы кто-нибудь истолковал твой рассказ как-нибудь не так? Ты только не подумай, будто я заступаюсь за Степан Степаныча потому, что он наш директор…

— Да поверь, я вовсе не его имел в виду.

— Верю. Но ведь твое произведение буду читать не только я. Нет-нет, имя-отчество необходимо изменить.

— Пожалуйста, я могу превратить Семен Семеныча в Иван Иваныча.

— Степан Степаныч — Иван Иваныч… — медленно проговорил Витя, как бы прислушиваясь. — Нет! Все равно напрашиваются ненужные

аналогии.

— Хорошо, пусть героя зовут Пантелеймон Казимирович.

— Уже лучше, но все-таки многие догадаются.

— О чем догадаются? — закричал я.

— Старик, ну зачем ты так со мной разговариваешь? — обиделся Кузнецкий. — Ты же сам знаешь, что мне твой рассказ нравится и я тебе желаю добра. Ты сам говоришь, что не имел в виду Степана Степановича. Значит, следует сделать так, чтобы это было ясно.

— Каким образом?

— Надо подумать. Беда, понимаешь, в том, что Степанович и Казимирович одинаково кончаются на «ич».

— В русском языке все отчества имеют окончания «ич».

— Почему все? А Вера Михайловна, например?

— Но Вера Михайловна — женщина…

— Ну и что?

— А действительно, что, если героем рассказа будет не Семен Семеныч, а женщина — Аглая Тихоновна? — предложил я.

— Это идея! — оживился Кузнецкий, но тут же снова задумался. — Нет, с женским именем еще обидней для шефа получается…

Итак, Виктор Кузнецкий сделал свое дело: положение стало безвыходным.

— А может, превратить рассказ в басню? — робко предложил я. — Один Медведь любил футбол…

— Шито белыми нитками! Неужели ты думаешь, никто не догадается, кого ты называешь Медведем? Ты уж лучше прямо напиши: Степан Степаныч. — Вдруг Кузнецкий обрадован-но засмеялся и соскочил с подоконника. — Слушай, а что, если вправду назвать твоего героя Степан Степанычем? А?

— Как? — не понял я.

— А вот так: Степан Степаныч!

— Но…

— Никаких «но»! Это замечательный выход! Ведь никто не подумает, что ты решился в открытую писать про нашего Степан Степаныча. Без намеков, без всяких там басен, впрямую называя его полным именем. И всем будет ясно, что если бы ты имел в виду нашего Степана Степановича, то назвал бы его Семен Семенычем, Пантелеймоном Казимировичем или Аглаей Тихоновной. Это азбучная истина. Положись на меня.

Я положился, назвал героя Степаном Степановичем, и рассказ поместили в стенгазету. Степан

Степанович не обиделся…

ОТ АВТОРА. Редактора нашей стенгазеты вправду зовут Виктором, а фамилия его и в самом деле Кузнецкий. Надеюсь, это служит достаточным доказательством того, что данный рассказ о редакторе Викторе Кузнецком к редактору нашей стенгазеты не имеет никакого отношения.

№ 16, 1970 г.

Е. Весенин
ЧАСТУШКА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Младший научный сотрудник, или, короче говоря, «менесе», Алексей Грошиков тайфуном ворвался в кабинет шефа, крупного ученого, профессора, доктора наук.

Разъяренный бык, недобитый тореадором, выглядел по сравнению с Грошиковым безобидным теленком. Задыхаясь, точно после приступа астмы, он с трудом выдавил:

— Какая подлость?! И вы, Николай Павлович, молчите?!

Шеф не на шутку встревожился:

— Что случилось? Прошу, садитесь!..

— Мне сидеть некогда! — непочтительно отрезал Грошиков, и его левая бровь полезла вверх — верный показатель того, что волнение достигло предела.

Не зная, как успокоить своего менесе, шеф предложил:

— Валидол не хотите ли?

Грошиков отрицательно помотал головой, но

все же таблетку взял. Наступила пауза. Менесе стал дышать ровнее, левая бровь вернулась в исходное положение.

— Успокоились, голубчик? Садитесь и расскажите, что стряслось.

«Голубчик» Грошиков снова отказался сесть и снова начал на высоких тонах, после чего левая бровь поползла вверх.

— Стряслось то, что нас с вами поносят на виду у всего города…

— А вы толком, конкретнее…

— Пожалуйста, могу конкретно: наши добрые отношения кому-то кость в горле…

— А точнее нельзя ли? — Профессор, привыкший считать время не на минуты, а на секунды, терял всякое терпение.

— Точнее? — повторил Грошиков. — Извольте, сообщаю голый факт: Булкин из молекулярной лаборатории вчера вечером в городском сквере распевал похабную частушку. Собственными ушами слышал…

— И что же вы собственным умом поняли? — Профессор откровенно поддел Грошикова, который и прежде уже не раз уличался в беспричинной панике. — Ну, пел? Ну, выпил по случаю праздника? Что в этом страшного?

— Страшное — в самой частушке! Она полна грубых намеков.

— Намеки еще не факт…

— А вы послушайте, не то скажете… Сами убедитесь… Вот она, записанная дословно, по свежим следам. — Грошиков вынул блокнот и, явно подражая Булкину, пропел на мотив «саратовских страданий»:

Жизнь его не шоколад,
А сплошной кромешный ад:
Чтобы верность доказать
И к начальству быть поближе,
Лижет спину, лижет ниже,
Дальше некуда лизать…

— И это все? — спросил шеф, сохраняя невозмутимое спокойствие, достойное его высокого звания.

— Вам этого мало? — опешил Грошиков. — А шоколад вам ничего не говорит?

— Какой шоколад? — вытаращил глаза шеф, досадуя, что из-за пустяков его отрывают от важного дела.

— Да тут же явный намек на мой подарок к вашему юбилею: фигурный шоколадный торт…

— Вольно же вам принимать на свой счет.

— Определенно и про меня и про вас… Помяните мое слово, частушка эта, как мина замедленного действия, взорвется на весь институт. Но будет поздно, мы станем посмешищем всего города…

Чтобы отвязаться от настырного менесе, шеф пообещал:

— Ладно, ладно, я вызову Булкина, сделаю ему внушение…

— И только? В таком случае примите мое официальное заявление… Я требую принятия действенных мер! Я этого так не оставлю…

Грошиков помчался в местком.

Однако председатель месткома Пташкин и слушать не стал.

— Как чуть прижмет, сразу же в профсоюз! А задолженность по членским взносам кто погасит? Минин и Пожарский? — самодовольно сострил предместкома.

Грошиков тут же уплатил за четыре месяца и даже внес вперед за пятый.

— Теперь другой коленкор, — повеселел Пташкин.

Грошиков по просьбе Пташкина несколько раз повторил вслух крамольную частушку: предместкома все глубже вникал в ее преступный смысл,

а затем под диктовку Грошикова записал ее на отдельном листочке и, задумавшись, многообещающе изрек:

— Понимаю! Сочувствую! Налицо явное хулиганство! Тут бы на всю катушку показательный процесс. С общественным обвинителем… Это беру на себя… Как говорите фамилие? Булкин? — спросил Пташкин и, сделав пол-оборота, стал рыться в картотеке. — Булкин? Булкин?.. Булкин в картотеке не значится… Должен огорчить, он на учете не у нас, а должно быть, в другой профорганизации по месту прежней работы. Нам, так сказать, не подчиненный… Обидно… Так что остается один путь — посоветуйтесь с юристом и — в народный суд.

В юридической консультации Грошикову пришлось снова — в который раз! — поведать о фигурном шоколадном торте, преподнесенном шефу в день юбилея. Но юрист — и попался же такой дотошный крючкотвор! — требовал более вещественных и конкретных доказательств.

— Взвесим факты аква ланцэ — беспристрастно. Ведь кто-то еще, кроме вас, мог подарить профессору такой же шоколадный торт. Предположим, мы де-юре докажем, что частушка посвящена вам, но кто еще, кроме вас, подтвер-

дит, что именно ответчик Булкин ее исполнял? Свидетелей-то нет… Догадайся вы записать на магнитофон, тогда мы легко, как говорится, прижали бы ответчика к ногтю…

Грошиков рвал и метал. Рвал черновики заявлений как недостаточно насыщенные ядом и желчью. Рвал и в новых заявлениях подробно комментировал возмутительную частушку, пригвождая к позорному столбу и пасквилянта Булкина и всех, кто его покрывал.

Грошиков рвал и метал. Рвал подметки, обивая пороги всевозможных инстанций, и метал испепеляющие молнии, которые, увы, ничуть не испепеляли Булкина.

Не находя поддержки нигде в инстанциях, Грошиков искал сочувствия у случайных прохожих, у совершенно незнакомых людей.

Он без конца повторял всем встречным злополучную частушку и тут же, на улице, в трамвае, в автобусе, приводил все новые аргументы своей незыблемой правоты.

Работа над диссертацией, сулившая Грошикову кандидатскую степень и блестящую карьеру ученого, была заброшена. С любимой девушкой он рассорился. Не желая ее огорчать, он скрыл от нее конфликт с Булкиным, но та интуитивно

почувствовала, что с Грошиковым творится что-то неладное.

— Что с вами, Леша? — Она от всей души пожалела его. — Вы очень осунулись, опустились, не бреетесь, совсем захирели. Вы как заплесневелый шоколад…

Одного только слова «шоколад» оказалось достаточно, чтобы привести Грошикова в шоковое состояние.

— Ах, и ты, Брут! — горестно воскликнул Грошиков и выбежал на улицу.

Любимая девушка, имевшая довольно смутное представление об истории Древнего Рима, никак не могла понять, почему Леша назвал ее, Берту, Брутом и почему так бурно реагировал на ее столь невинное замечание.

Вконец обескураженный, никого не замечая, Грошиков возвращался домой. И вдруг оцепенел: впереди него какие-то подростки распевали знакомую частушку.

Жизнь его не шоколад,
А сплошной кромешный ад:
Чтобы верность доказать
И к начальству быть поближе,
Лижет спину, лижет ниже.

Дальше некуда лизать...

Вот она — мина замедленного действия! Пакостные мальчишки! Грошиков остановил их и грозно прикрикнул:

— Чего распелись? Что за безобразие!

Мальчишки врассыпную. Грошиков погнался за ними. Ему не терпелось отодрать их за уши: не удалось наказать автора, так пускай хотя бы исполнителей коснется карающая десница. Но мальчишек и след простыл...

Грошиков возвращался домой, сжимая кулаки в бессильной злобе. Левая бровь взобралась высоко на лоб. Он шел, погруженный в тяжелые думы: кто это злонамеренно распространяет в народе частушку, кто расставляет на каждом шагу эту мину замедленного действия?

И ответа не находил...

№ 17, 1970 г.

Леонид Лиходеев
ЗАКОН И ОБЫЧАЙ

Тут недавно одного шофера поймали в люцерне. Этот шофер имел задачу — сократить путь к своей цели и выскочить на большак раньше срока. Ему начальник велел — прораб. Потому что самосвал неисправный и может прицепиться автоинспектор. И тем самым задержать перевыполнение плана. Так что он поехал через аграрный сектор, чтобы не портить индустриальную картину отдельными недочетами своих тормозов.

Аграрный сектор, как известно, отсталый сектор. Вроде вчерашнего дня на фоне исторического процесса. Скажем, если ты загубил завод, — так тебе несдобровать. Обязательно либо выговор дадут, либо на другую работу переведут, а может, даже премии лишат. Тут строго. Зато колхоз губи сколько хочешь. Топчи ему земли, отрезай наделы, бури его вдоль и поперек, переворачивай вверх ногами гуммозный слой — ничего тебе не будет. Потому что деревенщина. Чего с ней чикаться!

И вот мы сидим с председателем одного юж-

но-черноземного колхоза и думаем думу. Можно эту думу назвать, скажем, «Дума о земле» или «Дума о родных местах». Можно назвать «Дума о поголовье» или «Дума о земельном кадастре». Тут все равно, как назвать.

Председатель, конечно, гнет свою линию:

— Спецдорстрой приходит — грабит, энергострой — грабит, геологи — грабят… Куда податься крестьянину?

Я ему говорю:

— Не ужасайся, об этом теперь разве что школьники не пишут. Теперь всякий совершеннолетний пишет о том, как расправляются с колхозной землей все кому не лень. Как только человек дорос до индустриального состояния, так он и начинает родную землю шпынять.

Он говорит:

— У нас в результате превосходства индустриальности над аграрностью три тыщи гектар увели. По кусочку… Значит, от чистой души сказать, выходит, ежегодно у нас пропадает восемьсот тонн молока, сто семьдесят тонн мяса, двести тысяч яиц, тысяча тонн зерна… То есть мы их уже не производим. А производили. Больше производили. Это я посчитал, что государству сдавали.

— Значит, увели?

— Ага… Украли.

— А прокуроры?

— Какие прокуроры?

— Ну, такие, чисто выбритые, ладные, которые на страже законности. Нерушимые такие прокуроры с острым государственным оком.

Он молчит, косится на меня и улыбается не то печально, не то жизнерадостно.

— Прокуроры, говоришь? Так ведь и прокуроры дело знают…

Прокуроры, конечно, любят хмурить брови по долгу службы. Они в нахмуренном виде более соответствуют своему образу и подобию. Вот он хмурится, а сам с пятки на носок раскачивается, взбалтывая в себе гражданственный гнев. Взболтает-взболтает и начинает учить:

— Так-так… Стало быть, не жалко вам, граждане-колхозники, землю народную, данную вам в вечное пользование? Не жалко? Оттого и отдаете все разным нарушителям. Пач-чему не возьмете палку? Пач-чему метлу не возьмете? Что ж, у вас метлы в хозяйстве нет? Ась? Пач-чему терпите отдельные незаконные посягательства?

— Ой, батюшки! Да берем палку, берем! И метлу имеем на вооружении. Как не иметь — дело

крестьянское, аграрное, самооборонительное… Да только как же с нею, с метлою, обороняться, когда на тебя — бульдозер, семитонный самосвал, скрепер, а то и чего похуже?

— Плохо берете! Бульдозер! Мало, что на вас бульдозер! Бульдозер — мертвое железо, а вы, живые люди. Что же вы, живого человека принижаете? Ниже машины ставите? Самосвала испугались! И после этого испуга вводите в заблуждение некоторые организации своей надуманной любовью к родным местам… Нет, не любите вы народную землю, данную вам в вечное пользование!

Любовь — дело святое. А как увидишь своими очами искореженную, изрытую, бессмысленно изувеченную землю, уничтожаемую не только в нарушение законов, но и чисто инженерных норм, становится не до любви. Бог с ней, с любовью — тут не песни петь, а караул кричать.

Роют канаву — воду ведут. Ладно. Так ты же, как у тебя в наряде записано, откинь плодородный слой вправо, а глину влево. И зарывай свою золотую трубу в обратном порядке! Чтоб над нею родная пшеница колосилась!

Не с руки. Винегретом роют, абы вырыть.

Ищут геологи полезное ископаемое. Пока оно

еще в земле лежит, а по земле посев уничтожают. Техника! Теперь все грамотные. А грамота что говорит? Ближайшее расстояние между двумя точками — прямая. Хоть она и через ясные хлеба идет. И дуют по прямой.

Иной председатель не выдержит, кинется грудью:

— Что ж вы делаете, математики чертовы? Нам же тут пахать-сеять, хлеб собирать!

— Ничего, — говорят, — папаша! Пифагоровы штаны на все стороны равны! Земли у нас хватает!

А по утрам секретарши докладывают индустриальным начальникам снисходительно:

— Опять до вас добивается некий мужик-деревенщина… Травку ему, видите ли, потоптали… Ужасно отсталый тип…

Начальник веселится:

— Пред очи не пускай… Наследит… Ты ему штраф заплати. У нас еще по плану не все штрафы израсходованы. Не нищие, слава богу!

Форма собственности, дорогой читатель. Такая форма, что если, скажем, с колхоза, не дай бог, штраф причитается, так колхоз из своих кровных платит, а если с завода — так тот из государственных. А из государственных почему бы не

заплатить? Жалко, что ли? Колхоз крутится в своем хозрасчете, а завод штрафы большой лопатой планирует. Колхозу — жалко, а заводу — не жалко.

— Штрафы, — говорит председатель, — штрафы, конечно, платят... Посчитают суммарно, сколько убытка на данном участке, и, пожалуйста, триста рублей, и заткнись. А это только сегодня триста рублей. А завтра? А послезавтра? Землю отводят временно, а портят навсегда.

Штрафы — дело тонкое... Потоптали дорожники колхоз «Россию» на сумму триста шестьдесят рублей. «Россия» — к прокурору. Прокурор начальника стройучастка кличет:

— Что ж это ты, дорогой созидатель? Другой раз не топчи...

— Ни в жизнь! — клянется созидатель.

И появляется официальная бумага:

> «В связи с наложением на начальника стройучастка дисциплинарного взыскания указанная сумма 360 рублей перечислению не подлежит».

Видимо, план по штрафам выполнили, перечислять нечего. Ну ничего, в будущем году потопчут, — заплатят. Хорошо бы в начале финан-

сового года потоптали, пока смета не освоена…

Конечно, дисциплинарное взыскание — это хорошо. Оно как-то радует душу. Председатель говорит, что его коровы аж повеселели, узнав о данном моральном воздействии. Только молока не прибавили. Потому что, кроме веселого настроения, тут еще нужно сено. А сено-то как раз и вытоптано.

Конечно, об этом писали неоднократно, и полагаю, будут писать и фельетоны, и романы, и докладные записки. Нарушаются, мол, законы землепользования. И нарушаются не землепользователем, а посторонним дядей.

И землепользователь плачет, но ничего поделать с сим фактом не может.

А тут не в законе дело, а в обычае. Обычай посильнее любого закона.

Обычай таков, что организационные потравы не считаются уголовным преступлением. Десять кило зерна стибрить — преступление, потоптать этого зерна хоть десять центнеров — сойдет.

А ведь так называемый «временный отвод земли» — настоящий бич сельского хозяйства. Этот временный отвод производится даже не всегда по согласованию с землепользователем. Но если когда и по согласованию — все равно беда. Стро-

итель крестится на образа, распятие целует:

— Не беспокойся, кормилец! Вот только нитку трубок проведу, зарою — не узнаешь, где провел.

Как не верить — человек крест целовал!

А потом? А потом — суп с котом. Потом севообороты трещат. Потому что трактор через ихнюю нитку три года не переедет.

Вот если бы банк попридержал строителю денежки: принеси, мол, ласковая душа, полное удовольствие от землепользователя, да с печатью, да в письменном виде, чтоб ясно было, не обманул ты его, а подчистил за собою как следует, — тогда дадим. Так ведь банку все равно.

Куда же ему податься, землепользователю, которому земля отведена навечно?

Есть на этом свете разные инспектора с решительными функциями. Санинспектор, пожарный, ветеринарный, автотранспортный, мало ли. А подобного земельного — нету. Их дело — совещательное, рекомендательное, просительное.

А между тем аграрии научились считать гораздо лучше иных индустриариев. Потому что они считают свое, а не абстрактно-казенное. Сидят себе на завалинке и считают.

И именно на этой завалинке один мужик-деревенщина с двумя высшими образованиями

сказал мне:

— У нас нет практики учитывать упущенную выгоду. А ведь упущенная выгода — серьезный элемент в экономических взаимоотношениях.

Штраф выгоднее платить, чем получать? Это же надо, в самом деле!

Иной деятель заранее знает, что его административная немочь и никчемность будут полностью оплачены из государственного кармана! И прокурор тут к нему не подкопается!

Отпустите шофера, братцы, он не виноват. Ему сказали, и он поехал.

№ 17, 1970 г.

Самиг Абдукаххар
ЛЮБИМЫЙ СПОРТ

Недавно на одной из улиц
такой я слышал разговор:
— Дай закурить.
— А что ты куришь?
«Казбек»?
«Пальмиру»?
«Беломор»?
Ты не стесняйся, бога ради!
— Да нет, спасибо, что юлить…
Люблю я те,
сказать по правде,
какие можно
подстрелить!

Деревья на ветру шумели,
как ветераны на пиру,
а мне припомнился немедля
один «соратник» по перу.
Его творения громадны,

как непрощенные грехи:
он пишет очерки, романы,
статьи, поэмы и стихи.
А между делом для балета
он изготовил два либретто...
Но, главное, известен тем,
что всяческих касался тем.
Село, завод, бойцы, спортсмены,
бетон, урюк и колбаса —
любые темы неизменно
он покоряет в полчаса.
Тут главное — глаза и уши.
Поспел повсюду наш пострел:
три темы где-то он подслушал,
пять — у кого-то подсмотрел.
Души не вкладывая жара,
кого бы ни изображал,
он слил все мыслимые жанры
в один большой халтурный жанр...

№ 18, 1970 г.

Д. Епифанов
...И Я ЗА СЕБЯ СПОКОЕН

Он говорит: чего вам надо?

Каждому человеку завсегда чего-нибудь надо. Одному — одно. Другому — другое. Третьему — третье. Четвертому — одно, другое и третье. Между прочим, сами же пишут в газетах: советскому человеку для счастья надо много. Мне, к примеру, пятикомнатную квартиру, чтобы на втором этаже, балконом на юг, а спальней на север, путевку в Сочи, материальную помощь и зятю участок для дачи рядом с моей.

— Вы, — говорю, — маленький механизм, и от вас мне надо одно — пропустить на прием к управляющему.

— Я должен знать, по какому вопросу и чего вам надо.

А сам отворачивает глаза.

— Про то, чего надо, — отвечаю, — скажу управляющему.

— В таком случае извините, — говорит, — управляющий занят и принять вас не сможет.

— Ничего, я подожду...

Тогда этот самый помощник так, со значением отвечает:

— Он вообще все эти дни будет занят и принять вас, пока будет занят, не сможет.

— Это, — спрашиваю, — как понимать? Начинаем помаленьку забюрокрачиваться? Помаленьку от народа уходить за клеенчатые двери?

Спрашиваю тоже со значением. И, не сводя с него глаз, начинаю медленно опускать руку во внутренний карман.

Он у меня всегда при себе, во внутреннем кармане. Я без него никуда не выхожу, потому что великая сила в нем. Куда бы я ни шел, я обязательно засовываю его во внутренний карман, и тогда я за себя спокоен.

Помощник бросает на меня быстрый взгляд, чуть бледнеет и говорит:

— Какой вы, право… Подождите минуточку, доложу…

Управляющий хмурый и на меня не смотрит. Глядит в бумаги. Даже не предлагает сесть.

Присаживаюсь сам.

— Слушаю вас, — говорит.

Я ему говорю: каждому человеку завсегда чего-нибудь надо. Одному — одно, другому — другое, третьему — третье. Четвертому — одно, другое

и третье. Сами же, дескать, в газетах пишете… И выражаю свою просьбу.

— Не могу, — говорит.

Потом поднимает на меня голову и еще раз для твердости говорит:

— Вот так, не могу! Квартиру вы только что получили, какую просили, — трехкомнатную. Вам на двоих более чем достаточную. На курорт только что ездили, и двух месяцев нет, как вернулись. Помощь вам уже оказывали, хотя вы в ней и не нуждаетесь. Зятю участок выделили, хотя это и противозаконно…

Я разъясняю, что выделили старшему, а теперь надо тому, за кем меньшая дочка…

— Все! Хватит. До свидания.

— Нет, не хватит, — говорю. — Вы, дорогой товарищ начальник, не имеете никакого полного права выгонять из своего кабинета служащего человека…

И медленно начинаю засовывать руку во внутренний карман.

Управляющий делает вид, что углубляется в важные бумаги. То есть разговор со мной считает законченным и мою руку не замечает.

Тогда я медленно вытаскиваю что-то из внутреннего кармана и кладу на стол.

Чуть пониже фабричного слова «Блокнот» выведены, чтобы бросались в глаза, синими чернилами еще слова: «Для заметок в газету».

Тихонько, опять же со значением, постукиваю ногтем по этим словам.

Управляющий на меня не смотрит, но я вижу, как его лицо начинает покрываться бурыми пятнами.

Значит, реагирует.

Он прекрасно знаком с этим блокнотом, наш управляющий. Полгода назад, после того как у него в кабинете побывала пятая комиссия, его, говорят, чуть не хватила кондрашка — такой инфаркт захлестнул начальника.

— Вон! — говорит он шепотом, но с большой злостью, почти что с бешенством. — Вон, вымогатель и шантажист! Прошло твое время, клеветник и пасквилянт!

И добавляет, что меня, дескать, достаточно все узнали.

— Вы, — говорю, — не очень. Держите, — говорю, — ноги в тепле, а голову в прохладе. Это помогает от нервных болезней. А за оскорбление ответите по всей строгости.

Делаю, конечно, беглые заметки в блокноте и иду к двери.

Но не успел я пройти приемную, как, слышу, сзади окликает. Оборачиваюсь — стоит на пороге своего кабинета, держится рукой за сердце.

— Вернитесь, — говорит.

Вертаюсь. Хмурится.

— Пишите, — говорит, — заявление.

Пишу, конечно, потому что каждому человеку завсегда чего-нибудь надо. Одному — одно, другому — другое... И в газетах сами же пишут...

№ 19, 1970 г.

Ал. Рохович
ГРИБЫ

Лес на заре! Прельщают взоры
Березы, сосны и дубы.
Но из лесной обильной флоры
Всего приманчивей грибы!
Мы ходим-бродим, не отводим
Вниз устремленных зорких глаз,
И гриб, который вдруг находим,
Для нас дороже, чем алмаз!
Но, разбираясь и знакомясь
Со всей грибною пестротой,
Я обнаруживаю помесь
Их вида с сущностью людской.
Грибок едва лишь из пеленок,
А скользок, верток, маслянист,
Как будто это не масленок,
А перспективный карьерист.
Другой стоит в таком наряде,
Что восхищенно замер взор.

Мне вспомнился чиновный дядя —
Такой же чванный мухомор!
Все перелески и полянки
Грибами завлекают нас.
А приглядишься — сплошь поганки,
Как на бульваре в поздний час...
Вот гриб с осанкой горделивой,
Высокий, крепкий, молодой,
А ковырнешь — насквозь червивый,
Что твой стиляга записной!
А это кто? Забрался в ельник
С шапчонкой, сползшей набекрень,
И, как подвыпивший бездельник,
Кейфует праздно целый день.
Крик на опушке поределой:
— Смотрите! Белый!.. Наконец!..
Напрасна радость: то лжебелый,
Как лжеученый и лжеспец.
Но вот награда: в гуще чащи —
Начальство братии грибной —
Попался белый настоящий,
Стоящий важно под сосной.

За ним охотился весь день я:
Известно ведь, что боровик,
Подобно шефу учрежденья,
Скрываться от людей привык.
Людские переняв привычки,
Его любовно там и тут
Рыжеволосые лисички,
Как секретарши, берегут.
Судьба зазнайства не прощает,
И, очевидно, неспроста
В конце концов его срывают,
Как бы с большого сняв поста!
...Неся приятнейший из грузов,
Домой торжественно идем.
И вдруг — еще! Так лезь же в кузов,
Раз называешься груздем!

№ 24, 1970 г.

Андрей Внуков
ПАМЯТКА ХУЛИГАНУ

Когда ты женщину избил
И уличен на месте был, —
Не доходя до прокурора,
Женись на ней без разговора.
Потом дерись:
Хоть трезв, хоть пьян, —
Ты муж,
А муж не хулиган...
Кто взял свидетельство о браке,
Тот состоит в законной драке!

№ 26, 1970 г.

Борис Ласкин
ОДНО СПАСЕНИЕ

Там, где я работал, я уже больше не работаю. По какой причине — сами поймете. Так что я могу изложить вам всю эту историю.

Я не буду начинать сначала, я лучше расскажу с конца.

В понедельник утром я поднялся в приемную начальника главного управления и сказал секретарше:

— Здравствуйте. Мне бы хотелось побеседовать с Иваном Александровичем по личному вопросу.

— Простите, а как доложить?

Я немножко подумал и сказал:

— Доложите, что его хочет видеть человек, который только благодаря ему вообще способен сегодня и видеть, и слышать, и дышать.

Секретарша, конечно, удивилась:

— Может быть, вы назовете свою фамилию?

— Это не обязательно, — сказал я. — Как только я перешагну порог кабинета, он тут же все поймет.

Секретарша вошла к начальнику и закрыла

за собой дверь. Ее долго не было. Наконец она вернулась. С большим интересом посмотрев на меня, она сказала:

— Пожалуйста.

Мы поздоровались, и начальник указал на кресло:

— Прошу.

Я сел в кресло и сразу же заметил, что начальник тоже смотрит на меня с большим интересом. В тех условиях он не мог, безусловно, меня рассмотреть. Тогда он был занят другим: он спасал мне жизнь.

Я сидел в кресле и специально некоторое время молчал, чтобы начальник почувствовал, что волнение мешает мне начать разговор. Но потом, когда пауза немножко затянулась, я развел руками и сказал:

— Человек так устроен, что он никогда не может угадать, где его подстерегает опасность.

— Это правильно, — сказал начальник.

— Все, что я в эту субботу испытал, вам хорошо известно. Я уже говорил, вы это слышали…

— Знаю, вы это говорили, но я этого не слышал, — сказал начальник. — Расскажите, что с вами случилось!

«Скромность и жажда славы иногда живут

рядом. С одной стороны, вы как бы не хотите преувеличивать значения своего благородного поступка, с другой стороны, вам приятно еще раз окунуться в детали происшествия, где так красиво проявилось ваше мужество и готовность прийти на помощь ближнему. Я все это прекрасно понимаю и могу вам напомнить, что случилось в субботу».

Фразу, которую вы сейчас прочли, я не произнес. Я только так подумал. А сказал я совсем другие слова:

— Вы хотите знать, что со мной случилось?.. Я расскажу. В субботу мы с одним товарищем отправились за город. Погуляли, подышали свежим воздухом и пришли на пруд. И здесь лично у меня появилось желание покататься на лодке. Выехал я на середину пруда, потом повернул к берегу. Плавать я не умею, так что решил зря не рисковать. А если, думаю, лодка перевернется, что со мной будет? Погибну. Кругом ни души... И тут я вижу: сидит на берегу человек с удочкой. Помню, я посмотрел на него — на этого отныне дорогого и близкого мне человека — и подумал: если что случится, он сразу же бросит свою удочку и окажет мне скорую помощь...

— И что же было дальше?

«Иван Александрович, я вижу вас насквозь. По тому, как вы меня слушаете, я понимаю, что вам охота лишний раз услышать о том, какой вы благородный и хороший!»

Эту фразу я тоже произнес мысленно, а вслух я сказал:

— Кошмар! Вы знаете, бывают моменты опасности, когда перед вами в несколько секунд проходит вся жизнь: детство, юношество, учеба в школе и в техникуме, упорная работа на разных участках и в основном последний период работы в системе нашего главного управления… Так вот, именно это все как раз и промелькнуло в моем сознании, пока я шел на дно и уже прощался с жизнью.

— Тяжелый случай.

— Да. Но, к счастью, все обошлось. Мне повезло, что по близости оказался настоящий советский человек, который пришел мне на помощь.

— В общем, отделались легким испугом, — сказал начальник, и глаза его весело сверкнули. — Обошлись без потерь?

— Да так, кое-какая мелочь утонула: часы, зажигалка. Стоит ли говорить?

— Конечно, это мелочь. Но вы не огорчайтесь. Я надеюсь, что и часы ваши найдутся и зажи-

галка…

— Вы так думаете?

— Уверен, — сказал начальник и посмотрел на меня долгим взглядом. — Для этого даже не придется беспокоить водолазов.

— Вы полагаете, для этой цели стоит понырять? — спросил я.

— Стоит, — сказал начальник. — Нырните в карман тому товарищу, которому вы сказали на берегу: «Держи мои часы и газовую зажигалку. Когда он меня из воды вытащит, отдашь».

Я вынул сигарету «Ява» и закурил.

«Я тогда не только про часы и зажигалку. Я еще кое-что сказал на берегу. Я сказал: «Если меня спасет лично сам начальник главного управления, об этом узнают все, включая министра, а уж после этого я буду в полном порядке, как говорится, на виду у всей общественности».

Эту фразу я, конечно, в кабинете не произнес. Я только курил и мысленно повторял те мои слова и при этом думал и гадал, откуда ему все известно.

А начальник тоже закурил и посмотрел на меня.

Тогда я сказал:

— Кто же вас так проинформировал?

— Никто. Я это слышал сам. Я говорю:

— Вы меня извините, но сами вы это никак слышать не могли.

— Почему?

— Потому что лично вы с удочкой сидели в отдалении.

— Это вам показалось. Не сидел я с удочкой в отдалении. Я лежал поблизости за кустиком и собирался уж было задремать, вдруг слышу, обо мне разговор идет…

Рассказывает мне это начальник, и я вспоминаю: действительно, лежал там на травке какой-то гражданин в тренировочном костюме, вроде бы спал, лицо локтем закрыл от солнца. Я еще подумал: а вдруг он из нашего главка, услышит, а потом всем раззвонит…

Я говорю начальнику:

— Прошу понять меня правильно. Я и теперь трезвый и в субботу капли в рот не взял. Как я сейчас вас ясно вижу, так я и в субботу видел с удочкой.

— Не было этого.

— То есть как не было, когда я вас видел своими глазами?

— Своими глазами вы видели моего родного брата Игоря. Он обожает рыбалку. А работает

он директором цирка. Мы здорово похожи друг на друга. Нас даже мать родная часто путает... Так что вытащил вас не я, а Игорь, и свои слова благодарности адресуйте ему.

Дело прошлое: здесь я полностью растерялся.

Я встал и сказал:

— Теперь мне все ясно. Пойду в цирк.

Начальник тоже встал:

— Не буду вас задерживать.

Эту последнюю свою фразу он произнес не мысленно. Он сказал ее вслух.

№ 26, 1970 г.

В. Ломаный
КСТАТИ ГОВОРЯ

Брал обязательства перед своей совестью, но вечно их пересматривал.

Только писатель, дойдя до точки, пребывает в отличном расположении духа.

Хорошо подвешенный язык всегда чешется.

У расписавшегося в своем бессилии автографов не берут.

№ 33, 1970 г.

Л. Нефедьев
МИМОХОДОМ

Что стоит химикам изобрести такую лакмусовую бумагу, которая бы краснела в атмосфере подлости?

Опирался на факты так осторожно, словно боялся их раздавить.

Ученый дурак опасен тем, что его глупость могут унаследовать ученики.

Люди, которые спят на работе, выйдя на пенсию, начинают страдать бессонницей.

№ 35, 1970 г.

Александр Моралевич
ЛЕОПАРДОВАЯ ЖАБА

Данная часть настоящего фельетона посвящена трамваю. Итак, шел трамвай № 5: Ростокино — Белорусский вокзал. Тут присутствовали старушка, тихая трамвайная жительница, студенты института транспорта, студенты театральных вузов и человек с подушкой (ушел от жены).

Это был веселый трамвай. Смеялись студенты. Колыхалась старушка. Ушел От Жены постепенно тоже отмяк.

Так двигался трамвай через Москву, и веселый водитель, объявляя остановки, говорил, что идет сегодня в кино.

Приятно было ехать в этом трамвае. Где-то в Сибири, в Академгородке, молодые ученые ходили на службу через лес, и от этого производительность труда ученых подскакивала на двенадцать процентов. Лес улучшал настроение, вот и все.

А в Москве не было леса, но ходил трамвай № 5. И тот, кто ехал в нем на работу, будто проходил через лес.

И тут в трамвай залез гражданин. Он сурово

прислушивался и хрустел синим всепогодным плащом.

Громыхая плащом, гражданин растолкал пассажиров и открыл дверь к водителю.

— Почему вы говорите во время движения? — спросил он в упор. — Надо молчать!

— Сам и молчи! — защитил водителя человек с подушкой. — Репей!

— А вы почему везете подушку? Вот из нее торчит пух. Провозить пачкающие предметы запрещено!

И все прикусили языки. А маршрут № 5 сразу стал казаться длинным и скучным.

Гражданин в синем плаще ежедневно слезал на Палихе. Напоследок он обводил всех взглядом, и взгляд его говорил: «Смотрите тут без меня… Распустились!»

На улице он не менялся. Это был несгибаемый праведник-многоборец. Он считал, что весь мир вокруг становится чересчур легкомысленным и веселым.

— Что вы клеите? — на подходе к своему учреждению кричал праведник девушке с вязанкой афиш. — Нет, я вас спрашиваю: что? Ид-деоты!

И, придя на службу, он первым делом заносил в книжечку: «Афиши. Изображен русский на-

родный оркестр имени Осипова. Музыканты в смокингах, дирижер во фраке. Где косоворотки и плис шаровар? Щемит сердце».

Он долго не мог успокоиться и кусал папиросу. Он даже ничего не замечал вокруг от злости. Но когда пришел в себя, то увидел в коридоре свежий плакат. На плакате были стихи:

Тебя на лыжах
прокатиться
Зовет местком, пока зима.
Спеши с подругою
спуститься
С горы на лыжах. Задарма.

Он немедленно посетил профорга.

— Вы видели? — спросил он, тыча пальцем за дверь.

— Видел, — признался профорг, вычищая под ногтем тушь.

— Я про это — «спеши с подругою». Призыв к разложению за счет месткома?

— Роднуля! — сказал профорг. — Идите отсюда к свиньям собачьим! Знаете, как вас зовут? То самое вы и есть.

— Я пойду! — сухо сказал поборник. — Но за-

метьте: свинья не может быть собачьей. Оскорбление плюс искажение языка — это вам даром не пройдет.

«Что за жизнь! — ужасался праведник, грохоча по ступеням в дирекцию. — Куда мы идем? Легкомыслие, смешки и улыбки. Превратили действительность в мюзик-холл Конникова!»

— Но, — выслушал его директор, — по-моему, очень веселые стихи. Так и подмывают.

— Это безыдейно! — закричал многоборец.

— Не знаю, — сказал директор. — Не знаю. Жалуйтесь выше.

«Заговор, — прозрел праведник. — Типичный сговор. Всех выведу на чистую воду».

Всю зиму он подшивал компрометирующие факты. Он растирал руками крупную апельсиновую плешь и вспоминал, вспоминал. Весной он нагрянул с портфелем в редакцию. Он требовал управы на месткомовские стихи, требовал поубавить веселья водителю трамвая, искал управы на оркестр имени Осипова (музыканты в смокингах), на осквернителей языка (не может быть свиньи собачьей, равно как жабы леопардовой).

Еще он жаловался, что люди нахально улыбаются прямо на улице и налицо большая безыдейность. Он жужжал усыпительно и нудно.

— Хоть бы дождик пошел, — приуныли газетчики.

— Влагоотдачи сегодня не произойдет, — жестко заметил праведник.

— Так чего вы от нас добиваетесь? — снова спросили газетчики. — Мы водителя ругать не будем. Нам такие симпатичны, кто работу делает весело.

— Значит, покрываете? Тогда я оставлю вам заявление. Вот я памятую себе в книжечке: «Оставлено 20 марта». Знаете, какой срок ответа на письма граждан? Самое большее — месяц! Вот и будьте любезны.

— А зачем вам непременно ответ?

— Жаловаться!

Действительно, есть постановление насчет месяца. Не годится мешкать с ответом.

Ответим:

Уважаемый гражданин в плаще! Почтенный!

Всесоюзной проверкой установлено, что у вас есть единомышленники. Им тоже претят улыбки и веселые лица. Лица у них, спаси и сохрани, совсем неулыбчивые. Они воспитали на своих лицах кожу, толстую, как на пятке. Никаких усилий не хватит, чтобы растянуть эту кожу улыбкой.

Тщательной проверкой установлено, что пра-

ведники суют свой нос во все сферы производства, культуры, быта и оскучняют жизнь слоям населения. Так сказать, блюдут всеобщий духовный пост.

Это люди жесткой закваски. Они норовят переделать жизнь на свой лад.

Борьба предстоит им большая.

В литературе — запретить фортели подобного рода: «нетоварищески обращался со своими штанами».

В рекламном деле — изъять стихотворные выверты типа:

Все здоровы:
Вы,
мы,
ты,
Если руки
вы-
мы-
ты.

Запретить весенне-летние ночные грозы как нарушающие постановление о тишине.

Навести порядок на Пулковской обсерватории. Научно-исследовательское атеистическое учре-

ждение, а там голуби летают!

Запретить директорам с окладом выше 140 рублей шутки и смешки с подчиненными. Так вот смешки, смешки, а потом падает дисциплина.

И др.

Праведники на ногах. Многоборцы не дремлют. Всякое веселье кажется им непристойным, несолидным, тем более производственное веселье. Многоборцы против того, чтобы жизнь строилась в расчете на человека.

И многоборец обрушивается на все то хорошее, что становится нормой нашей жизни, что помогает жить и сближает людей.

Всем известна милицейская служба ГАИ. Работать ей тяжело: машин и пешеходов становится все больше. Непочтение и наплевизм бьют ее по рукам. Множится число аварий и наездов. Как быть?

Челябинская ГАИ в центре города поместила плакат:

ТОВАРИЩ!

На этом участке улицы

ПРОИЗОШЛО СЕМЬ

НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

С ПЕШЕХОДАМИ.

Постарайся

НЕ БЫТЬ ВОСЬМЫМ!

Это по-настоящему. Это с человеческой интонацией. Человек обращается к человеку. Это проймет! Но взрывается праведник. Что за стиль? Нестандарт! Вольнодумство! Где деловитость? И вот уже скрежещет перо: «Уважаемая редакция. Пишу вам от злости...»

№ 4, 1971 г.

В. Комов
СПЛОШНЫЕ НАМЕКИ

Когда телятница Абросимова исполнила романс «Пара гнедых», бригадир Поваренков вынул из брючного кармана блокнотик и стал что-то записывать.

Концерт был в самом зените. Члены бригады горячо аплодировали самодеятельным артистам — своим односельчанам. А Поваренков продолжал делать пометки. При этом он осуждающе смотрел в сторону улыбающегося комсорга колхоза Алексеева: «Затеял все это и радуется...?»

Назавтра бригадир принес в партком колхоза заявление:

«Прошу обратить внимание и принять соответствующие меры к нашему комсоргу. Он организовал самодеятельный концерт из сплошных намеков, чтобы при всем народе, то есть при моих подчиненных, подорвать в самом корне мой авторитет. Вот конкретные факты-примеры. В песне «Пара гнедых?» говорится про «тощих, голодных и грустных на вид» лошадей. Вроде бы о старине, а на самом деле о нашем бригадном

конепоголовье. Сам знаю, что от недосмотра и пьянства конюха Гаврилыча кони почти доходягами стали. Но зачем же афишировать это со сцены да еще в предпраздничный день? В другом стихотворении под музыку излагается про «поле чистое, изукрашенное цветочками». Конечно, летом был зафиксирован факт зарастания отдельных посевов сорняками. Выходит, опять старое вспомнили.

Обидно было слушать также факты-примеры про «дороги, пыль да туман» и старорежимные выражения «Эй, ухнем! Эй, ухнем! Еще разик, еще раз!». Малолетке и то понятно, что все это подковырки: одни намекают на неотремонтированный участок дороги от бригады до автотрассы, вторые — на плохую механизацию фермы. Может, это и правильно, но к чему несолидная критика под гармошку и пианино?

А еще самозваные артисты исполняли, видать, тоже по заданию:

«Позарастали стежки-дорожки,
где проходили милого ножки».

Намек: редко бываю на стройке нового коровника.

«…А в лугах трава не скошена».

Намек: припоздал с сенокосом.

А под конец самодеятельность вовсе распоясалась и запела:

«Не бушуйте, ветры буйные,
Перестаньте выть, осенние!
Не к тому ли вы бушуете,
Чтобы стоны заглушить мои?»

Намек: плохо подготовился к зимовке скота. Коровы и свиньи, мол, начнут выть и стонать, то есть мычать и хрюкать, от нехватки кормов.

Все эти факты-примеры приведены не к месту и не ко времени. Люди собрались попраздновать, культурно отдохнуть, им же под разными подливами критику на непосредственного руководителя подсовывают. А зачинщик всего перечисленного комсорг Алексеев сидел и ехидно ухмылялся. И это называется уважение к старшим? Прошу разобраться и сделать выводы».

Открылась дверь, и вошел Алексеев.

— На ловца и зверь… На, изучи. — И, чуть приметно улыбнувшись, парторг колхоза Калмыков протянул заявление бригадира.

Комсорг прочитал и заметил:

— Честное слово, не думал, не гадал, что наш безобидный концерт вызовет у Петра Семеновича такую здоровую самокритику.

№ 10, 1971 г.

Н. Исаев
УНИКАЛЬНЫЕ ГОРОДА

Обстоятельства сложились так, что из пункта А в пункт Б вышел турист.

Мало этого, из пункта Б в пункт А тоже вышел турист.

Оба туриста совершенно случайно встретились в пункте С, как раз на полдороге между А и Б.

— Ничего себе этот С, — сказал Первый. — Симпатичный такой городок.

— Да, С симпатичен, — подтвердил Второй.

— А сами вы откуда? — поинтересовался Первый.

— Я из Б, — с гордостью ответил Второй.

— О! Из Б! Я бывал в Б! — воскликнул Первый. — Уникальный город!

— Да, Б уникален, — согласился Второй.

— Знаете, что мне у вас больше всего нравится? Озеро ваше. Такое отгрохали — берегов не видать.

— Да, озеро у нас… Какое озеро?

— Водохранилище, говорю, отгрохали что надо.

— И давно отгрохали?

— Года два назад.

— Интересно. Первый раз слышу. Все, знаете ли, в походах или у костра. А насчет озера это хорошо придумали. Рыбачить-то я на Селигер езжу или на Каспий. А у нас-то там, в озере, клюет?

— Клюет. Правда, я не особенный рыболов. Я на ваше озеро из-за знаменитой пещеры ходил.

— Да, пещера у нас… Какая пещера?

— Как какая? Длинная. 350 километров. Начинается у вас, кончается в соседней области.

— Что вы говорите? Никогда бы не подумал. У нас — и пещера! И такой удлиненности…

— Да, красавица пещера. Сходили бы на досуге, посмотрели. Вход с 10.00. А то неудобно, своих мест не знаете!

— Ну, почему же не знаю…

— Главное, конечно, на стоянку древнего человека там посмотрите.

— Что, давно стоит?

— Кто?

— Человек какой-то, вы говорите, стоит.

— Где? А… Этот давно стоит, то есть стоял. Кто говорит, неандерталец, кто — питекантроп, но все равно интересно.

— Надо будет как-нибудь выбраться. Да все некогда. Сейчас к вам в А тороплюсь, пока не поздно.

— Не пожалеете — прекрасный город. А почему, собственно, пока не поздно?

— Вы что же, ничего не знаете?

— Нет.

— Опускается ваш А. Что ни год, все ниже и ниже уровня моря. Ученые подсчитали, того и

гляди, совсем под воду уйдет.

— Господи, да я три дня как оттуда, а ничего не знаю!

— Вот и напрасно. Я посторонний человек, и то знаю, что за год ваш А на полтора сантиметра опускается, к 3000 году его, того и гляди, совсем затопит.

«Я назад побегу, — решил Первый. — Жену предупредить».

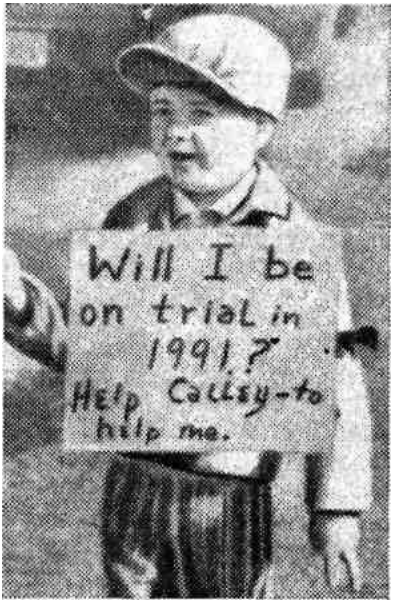
«И то, — задумался Второй. — Пойду-ка к себе в Б. Пещеру посмотрю, человека этого... Может, стоит еще».

№ 12, 1971 г.

М. Виленский
ПИСЬМО МАЛЬЧИКУ С ПЛАКАТИКОМ (вручить через 20 лет)

Привет, Джонни, паренек из Оклахома-сити! Давненько написано это письмо — в далеком 1971 году. А теперь, в 1991-м, пентагоновская повестка, наверное, приказала тебе явиться на призывной пункт.

Извини, дружище, что называю тебя Джонни. Вполне возможно, что ты вовсе Майкл, Джозеф, а то и Уильям — тезка лейтенанта Уильяма Колли. Журнал «Тайм», опубликовавший 12 апреля 1971 года это фото, не удосужился назвать твое имя. Так что уж прости, если ошиблись.



Мы не просто так, Джонни, вспомнили лейтенанта Уильяма Колли. По странной прихоти твоих родителей твоя судьба сплелась с судьбой этого изверга. На снимке ты запечатлен в картузике с лихо заломленным козырьком и с плакатиком на груди: «Будут ли меня судить в 1991-м? Помогите Колли, чтобы помочь мне». Не знаем, кто нацарапал эти слова на фанерке — мать или отец. За их поступки ты, конечно, не

отвечаешь. Но они-то обязаны были отвечать за твою судьбу.

Чтобы ты не угодил на скамью подсудимых, Джонни, мы хотим рассказать тебе, что творилось в твоей стране в 1971 году.

Америка ощупью брела во тьме бездуховной пустыни, чавкая сапогами в кровавой жиже неправедной вьетнамской войны. Непрошеная и незваная, вломилась она в чужой и далекий дом. Велеречивые деятели, любившие поболтать про мораль, справедливость и права человека, растоптали во Вьетнаме и первое, и второе, и третье…

Если твоя матушка находила время не только для изготовления глупых плакатиков, то она, видимо, читала тебе детские стишки про Шалтая-Болтая, того, что сидел на стене и упал во сне. Помнишь, что было дальше: и вся королевская конница и вся королевская рать не могли поднять этого самого Шалтая-Болтая.

Так вот, парень, представь себе, что Шалтай-Болтай — это престиж твоей страны. Весь Пентагон со всеми его напалмами, шариковыми бомбами, дефолиантами и «тигровыми клетками» был не в состоянии поднять престиж Америки, ведшей разбойную, грязную войну.

Солдафоны из каменной пятистенки, которые сегодня прислали тебе повестку, тогда, в пору твоего младенчества, оставляли за собой в Индокитае пустынные пепелища. Но возникала еще и другая мертвая зона — зона выжженных душ, которую оставлял за собой Пентагон в Америке. В эту зону угодила и твоя матушка, парень. Иначе зачем бы она стала выводить на куске фанеры такой опасный вздор: «Помогите Колли, чтобы помочь мне»? Да, видно, маху дал старик Моисей, не выбив на скрижали маленькое примечание к своим заповедям: «Не чти отца своего и мать свою, если говорят они те бе: «Убий неповинного».

Всерьез Колли нуждался тогда лишь в одном виде помощи — нужно было помочь ему поскорее сесть на электрический стул. Вместо этого президент подарил ему свободу.

Чудны́е вещи творились в твоей стране, мальчик!

Однажды в 1970-м по улицам Нью-Йорка прошла демонстрация половых извращенцев. Они требовали равноправия с нормальными людьми. Полицейские любезно улыбались. Естественно, обошлось без избитых и арестованных. Наркоманы, психопаты, насильники, извращенцы давно

стали нормой американской жизни. Для сотен тысяч американцев дух марихуаны заменил духовную жизнь. «У нас пермиссивное общество», — говорили буржуазные американские социологи. Пермиссивное значит «разрешительное». То есть общество, где все разрешено, все дозволено. Но почему же, когда на улицы выходили нормальные люди с наинормальнейшими требованиями прекратить войну во Вьетнаме, воздух оглашался свистом дубинок, хрустом костей, шорохом волочащихся по мостовой ног арестованных? «У нас репрессивное общество», — объясняли другие философы. То пермиссивное, то репрессивное. Противоречие? Ничуть. В мире извращенных представлений о добре и зле все наоборот — дурное разрешалось, доброе подавлялось.

Больное общество физически репрессировало президента Джона Кеннеди. К заговорщикам, организаторам убийства отнеслись пермиссивно — их постарались не найти.

Застрелили Мартина Лютера Кинга — репрессия за руководство освободительной борьбой чернокожих американцев. Его убийце Рею судьи сказали: «Если действовал с сообщниками — электрический стул. Один — пожизненная тюрь-

ма. Выбирай». Суд длился минуту. Рей выбрал жизнь. К заговорщикам подошли пермиссивно. Они остались на свободе.

Но если пермиссивно убивать своих национальных лидеров, то кто же станет репрессировать за убийство чужих людей, желтых по цвету кожи и красных по убеждениям?

И лейтенант Уильям Колли по прозвищу «Рыжик» стрелял в женщин и детей.

У него, понимаешь ли, были плохие цифровые показатели. Его взвод отставал в соревновании с другими подразделениями. У тех была лучшая «трупная статистика». А Рыжик не хотел заниматься очковтирательством. Рыжик был честненький. Так его воспитали. В других подразделениях антенны на бронетранспортерах напоминали наколку для чеков в универмаге «Мэйси» вечером под рождество — почти доверху унизаны отрезанными ушами убитых вьетнамцев. У Колли же антенны болтались, как голый осенний ивняк на ветру. Капитан Медина в целях улучшения статистики велел стрелять «во все, что дышит». 102 человека из деревни Сонгми перестали дышать. Колли не забыл пристрелить из пистолета двухлетнего ребенка, который плакал в придорожной пыли. Он стоял приблизительно

так же, Джонни, как ты на снимке из «Тайма», с той только разницей, что он не улыбался и не было на нем плакатика с призывом помогать Колли. В ту минуту Колли не нуждался в помощи. Он сам хорошо управлялся.

Когда вести о Сонгми выползли на газетные полосы, твоя страна, Джонни, разноголосо загомонила. Одни ужаснулись, другие полезли на рожон. Ура-патриоты вступились за Колли. «Во-первых, этого не было, а во-вторых, так им и надо», — хрипло взревела орда воинствующих шовинистов и дремучих мещан, свихнувшихся на почве антикоммунизма. Правда, сквозь их рев раздавались и кое-какие осмысленные силлогизмы типа «Почему только он, а не стоящие над ним капитаны, полковники, генералы и президенты?», «Мы ветераны войны, у каждого из нас за плечами свое Сонгми, но нас награждали, а не судили. Если мы герои, то и он герой. Если он убийца, то и мы преступники».

Кто-то засучил рукава, обнажив поросшие жестким волосом руки, где-то отметили повышение спроса на оптические прицелы. Возможно, кому-то привиделось 22 ноября 1963 года. 12 часов 43 минуты дня. Даллас. Перекресток Хьюстон-стрит и Эльм-стрит, семиэтажное морковного

цвета здание книжного склада, сухие щелчки выстрелов, полузадушенный крик женщины, сменившей позднее фамилию на Онассис: «О нет, нет!..»

Президент освободил Колли. Подошел с пермиссивных позиций.

Ах, Джонни, ты был тогда слишком мал, чтобы понимать смысл происшедшего! Ты бегал в своем жокейском картузике и, наверное, не понял толком, по какому такому поводу твоя матушка заливалась счастливым смехом и на радостях испекла праздничный яблочный пирог, изобразив на нем цветными кремами американский флаг.

Да что там мамин пирог!.. Ты бы видел, Джонни, что творилось на Капитолийском холме — конгрессмены и сенаторы, враз позабыв любимые цитатки из Шекспира и библии, в плотоядном восторге повскакали со своих мест. Наконец-то они объединились — либералы и консерваторы, ястребы и белые в кровавую крапинку голуби. Были забыты все межпартийные дрязги, свершилось трогательнейшее слияние на общей почве — на пропитанной кровью и закапанной серым мозговым веществом почве деревушки Сонгми. Слетели фиговые листки, упали на капитолийский паркет вконец измызганные

хитоны цивилизации. Чуть не четверть Америки понеслась в непристойном, обезьяньем хороводе, припевая: «Бей желтых, бэби, жги, красных, дарлинг!»

Но внезапно словно легкая тень пала на ликующую толпу. Нечто темное и пугающее, покачиваясь, нависло над головами. То выплыл из коллективной памяти огромный вопрос, чем-то напоминающий свитую из манильского каната петлю. Да, то был вопрос вопросов, всем силлогизмам силлогизм: «Так ли уж отличаются военные преступления нацистов, карой за которые стал приговор Нюрнбергского трибунала, от преступлений американской военщины во Вьетнаме? А если не столь уж отличаются, то почему же нет второго Нюрнбергского процесса? И почему за Хатынь, Орадур, Лидице вещали, а за Сонгми милуют?»

Теперь, в 1991 году, ты взрослый парень, Джонни. В руках у тебя пентагоновская повестка. Поразмысли, Джонни. История не президент. Она не помилует.

№ 15, 1971 г.

Г. Осипов
УБИЙЦЫ ДАЮТ ИНТЕРВЬЮ

Этот респектабельный господин разгневан. Его, процветающего бизнесмена, владельца первоклассного ресторана «Мейфер Инн» на Квинзвей, 1184, в Торонто, почему-то заставляют вспоминать события, о которых он предпочел бы молчать вечно.

Восседая в кабинете своего заведения, оцениваемого в триста с лишним тысяч долларов, мистер Дмитро Купяк дает интервью.

Корреспондента влиятельной канадской газеты «Глоб энд Мейл» интересует один вопрос: как мистер Купяк реагирует на официальное сообщение о том, что против него в СССР возбуждено уголовное дело? Он обвиняется в массовых зверских убийствах двухсот человек на Львовщине, в военных преступлениях и измене Родине.

— Они пытаются морально убить меня, — сердится Купяк. — Если бы я был простым рабочим, меня бы не тронули. Но я создал это дело — ресторан — тяжелым трудом. Я виновен лишь в том, что богат. Они хотят лишить меня собствен-

ности…

Итак, к нему, видите ли, применен «классовый» подход. И только. Другой вины за ним нет.

Далее владелец «Мейфер Инн» доверительно сообщает, что он приехал в 1948 году в Канаду, не имея за душой ни гроша. Один добрый человек дал ему взаймы двести сорок долларов. И вот он, честнейший из честнейших бизнесменов, при помощи пота и мозолей округлил эту сумму до трехсот тысяч.

Когда другие корреспонденты попросили Купяка вернуться к основной теме интервью, он ответил, что выдвинутые против него в 1964—1967 годах обвинения являются «частью плана запугивания», что в убийствах мирных граждан он не замешан и сражался против «русской полиции».

— Подобные обвинения, — добавил он, — были выдвинуты еще раньше торонтской газетой «Вохенбладт».

— Почему же вы не привлекли эту газету к суду, если ее обвинения ложны? — резонно спросили журналисты.

— Я не хотел гласности, — насупившись, ответил Купяк.

— А что вы скажете по поводу дополнительных

обвинений, выдвинутых против вас Львовским областным судом осенью 1969 года? — спросили спустя некоторое время другие дотошные газетчики. — Там, на Украине, не так давно осуждены ваши соучастники: В. Олейник («Голодомор»), А. Мороз («Байрак»), С. Чучман («Береза»), П. Чучман («Бенито») и другие. В определении суда прямо сказано, что атаманом этой шайки убийц были вы, мистер Купяк-Клей. И вам даже прислали из Львова в Торонто официальную повестку: «…Львовская прокуратура сообщает, что за преступления, учиненные вами в 1941—1945 годах на территории Львовской области УССР, против вас возбуждено уголовное дело, в связи с чем вы вызываетесь на допрос как обвиняемый… Для получения визы на въезд в Советский Союз и оплаты дорожных расходов вам следует обратиться в посольство СССР в Оттаве».

При словах «обратиться в посольство СССР» на бульдожьей физиономии Купяка заходили багрово-коричневые пятна.

— Я уже ответил, что не хочу гласности! — зарычал он.

И в самом деле, зачем гласность атаману националистической банды, главарю «бойовки СБ» (служба безопасности), бывшему агенту

гестапо, вешателю мирного населения, поджигателю украинских и польских деревень, известному в националистическом подполье под кличками «Славко Весляр» и «Митько Клей», скрывавшемуся теперь за неоновыми витринами фешенебельного кабака в Торонто?!

Карьера Дмитрия Купяка началась в его родном селе Яблоневке на Львовщине, где он с братом Михаилом по кличке «Генерал» по заданию гестапо возглавил отряд карателей-полицаев, которых их хозяева натравливали на советских патриотов. На толстых, словно сардельки, пальцах этого мясника кровь односельчанина Ивана Зерского, супругов Яремкевичей и Максимишиных, колхозницы Марии Хохулы, слесаря Василия Чарковского… Сожженное дотла село Адамы, двести убитых и замученных украинских патриотов — таков кровавый след банды «Митька Клея».

Осенью 1944 года, боясь ответственности за свои преступления, Купяк-Клей драпанул в леса, в оуновско-бандеровское подполье, и стал вожаком банды, орудовавшей близ городов Львов и Буек, в селах Бродовского, Золочевского и Каменка-Бугского районов. «Лесные волки» совершали ночные налеты на села и хутора, жестоко истязали и убивали мирных жителей, грабили на

большой дороге. Банда была подчинена одному из деятелей ОУН, фашисту Григорию Пришляку, под кличками «Микушка», «Сирнык», «Вайсе». Свои донесения Пришляку Купяк подписывал шифром «XIII—К»...

Такова правда о нынешнем владельце «Мейфер Инн» к Торонто. Остается рассказать, каким «трудом» им нажиты сотни тысяч долларов, на чьих костях стоит его фешенебельный кабак.

Осенью 1945 года Купяк-Клей с фальшивым паспортом на имя польского переселенца Владислава Бродзяка, вынырнув во Вроцлаве, сбыл спекулянтам награбленные меха и ценности, в том числе золотые зубы и коронки, снятые с его жертв. А потом с помощью новых хозяев из «Интеллидженс сервис» и американской военной разведки сбежал под крылышко штаб-квартиры украинских националистов в Лондоне, откуда и переплыл через океан в далекую Канаду.

Искренне не желает гласности и другой бандит, окопавшийся в Великобритании. Натурализовавшийся британец и владелец отеля в городе Борнмуте Джордж Чапелл, он же Григорий Епифанович Чаподзе, возмущен тем, что некоторые английские газеты, узнав о требовании советских властей выдать его, военного преступника

и изменника Родины, запестрели заголовками: «Странная загадка Джорджа Чапелла», «Кто есть Чапелл?».

— Я опровергаю утверждения русских, — заявил мистер Чапелл в интервью журналистам газеты «Санди экспресс». — Я отказываюсь говорить о том, что я делал в то время, когда меня подозревали в массовых убийствах евреев на Украине. У меня остались родственники, и я не могу говорить…

Вот так!

Когда же корреспонденты «Санди экспресс» попросили министерство иностранных дел Англии пролить свет на «странную загадку» Джорджа Чапелла, на Уайтхолле ответили:

— Это — дело министерства внутренних дел.

А в министерстве внутренних дел сказали:

— В настоящий момент нет никого, кто бы смог ответить на этот вопрос.

Правда, несколько позже Уайтхолл выступил с официальным заявлением, в котором, ссылаясь на то, что требование о выдаче Чапелла-Чаподзе последовало почти через двадцать пять лет после окончания войны, сообщил, что МИД Англии «не в состоянии рассмотреть эту просьбу».

Разумеется, это вполне устраивает преуспеваю-

щего владельца отеля в Борнмуте.

Из дальнейших бесед с мистером Чапеллом выяснилось, что он еще не стар, недавно женился и, вероятно, еще может пригодиться джентльменам из секретной службы. Пока же Джордж Чапелл-Чаподзе, как и Купяк-Клей, делает бизнес, а всякие напоминания о его участии в зверствах батальона СС «Нахтигаль» и прочих фашистских бандах в некогда оккупированных гитлеровцами районах СССР почему-то вызывают у него отрицательные эмоции.

Если господа бандиты в Торонто и Борнмуте, страшась гласности, все же вынуждены изредка отвечать на вопросы журналистов, то их собрат в Нью-Йорке Болеслав Мойковскис лихорадочно меняет имена, клички, адреса, заметает следы. Еще не так давно его видели в собственной квартире на улице Гранта, № 232, в Миноле (Нью-Йорк), а ныне он вновь уполз в какую-то темную щель и только время от времени анонимно появляется в соборе католиков-эмигрантов.

Однажды он все же попался на глаза одному нью-йоркскому репортеру и на вопрос о том, чем он занимается, кротко ответил:

— Я молюсь богу.

Этот атаман не зря вымаливает у бога проще-

ния грехов и бежит от света в тараканьи норы. На счету его банды, орудовавшей в годы фашистской оккупации на территории Латвии, 15 199 убитых советских людей — латышей, русских, евреев, цыган. В его личном кровавом синодике числятся 553 партизана, 507 антифашистов-подпольщиков, 1 556 угнанных в рабство в Германию латвийских юношей и девушек. Совместно с бывшим начальником Резекненского уезда Эйселисом (скрывается в ФРГ) они провели карательную акцию в деревне Аудрини. Бандиты стерли ее с лица земли, расстреляли и повесили на Ангупанских холмах и на площади города Резекне более двухсот ее жителей, в том числе пятьдесят детей.

Это точные цифры.

Они взяты из уголовного дела.

Именно за это нацистский военный преступник, изменник и предатель Родины, бывший псаломщик церковного хора в Резекне, бывший атаман карательного отряда и начальник двух полицейских участков Болеслав Мойковскис дважды приговорен советским судом к смертной казни.

Но что до этого американским властям!

Янки и сегодня убивают тысячи мирных жителей во Вьетнаме, вешают партизан и антифашистов, стирают с лица земли Сонгми и десятки других деревень в Индокитае. У них тоже есть свои палачи-каратели, вроде лейтенанта Колли. Если сам президент избавил Колли от американского правосудия, то зачем отдавать Мойковскиса советскому правосудию?

№ 16, 1971 г.

В. Князев, В. Шикунов
ПРАВДЫ РАДИ

Июльское утро, обещавшее прекрасный выходной день, Семен Петрович Столбов встретил горестным стоном:

— Как скверно устроен мир! Лучшим людям житья нет. Того и гляди, обзовут, заплюют, затопчут. Джордано Бруно сожгли на костре. У Коперника были крупные неприятности. Галилей тоже пострадал… Теперь вот я страдаю.

Столбов поскрипел кроватью.

— Страдаю, мучаюсь, — глухо пожаловался он. — А все из-за доброты своей.

Вообще-то Семен Петрович страдал от ломоты в пояснице. Но жена поняла его.

— Опять с кем-нибудь сцепился? — спросила она, подавая мужу грелку. — Психовал?

— Понервничал, — уточнил Семен Петрович. — Теперь вот на нервной почве не повернешься. Из-за наших молодых работников. Переживаю я за них. Другой бы сказал: какое мое дело, начальство есть. А что начальство? Нынешнее начальство подчиненным слова поперек не ска-

жет. А вот я кому хочешь правду выложу. За всех душой болею.

— Вредно это тебе. Врач говорил, — напомнила жена.

— Вредно, — подтвердил Семен Петрович. — Но что поделаешь? Лучшие люди всегда нервничали.

— Нашел с кого пример брать, — упрекнула Столбова супруга. — У них, может, ни жены, ни поясницы сроду не было. А у тебя и жена и поясница.

— Не могу, — простонал Столбов, вылезая из-под одеяла и обмахивая распаренное лицо грелкой. — Как быть спокойным: ведь столько людей вокруг! И всем добра желаешь.

— Съездил бы лучше на дачу, — возразила жена, — делом бы занялся.

Семен Петрович сунул ноги в домашние туфли.

— На пиво дашь — поеду, — согласился он.

«И то сказать, чего мне мир переделывать, людей перевоспитывать? — размышлял Семен Петрович, припрятывая выданные женой рубли. — Надо о своем здоровье позаботиться».

И, поставив в хозяйственную сумку две большие банки — одну для клубники, другую для

пива, Семен Петрович вышел из дому.

Июльское утро не обмануло надежд и стало лучезарным, веселым днем.

«Надо ведь, как печет, — недовольно думал Столбов, ожидая автобус. — Такой скверный мир, и никак его не переделаешь! Здоровье не позволяет».

Семен Петрович вздохнул и стал рассматривать собравшихся на остановке. Плохие это были люди.

Вот, например, девушка в ярком и наверняка дорогом платье. Ну что о ней можно сказать? Конечно, бездельница. Вырядилась на родительские деньги. Небось, в ресторан собралась. Сигары курить будет, коктейли пить и апельсинами закусывать. Нынешняя молодежь апельсины заместо картошки трескает. Скверная молодежь.

Или вот этот седовласый пенсионер с гладиолусами. Тоже бездельник. Зачем ему букет? Наверняка не домой везет. Какой-нибудь дамочке преподнесет, «будьте любезны» станет говорить, на карусели кататься. Нынешним пенсионерам только и занятия, что на карусели кататься. Скверные пенсионеры.

А что можно сказать об этих молодоженах с рюкзаками? Два раза уже поцеловались. И где? В

общественном месте. На людях — любовь, а дома, небось, друг друга боксом потчуют. У нынешних супругов чуть что — сразу бокс. Скверные молодожены.

Люди, стоявшие на остановке, вызывали у Семена Петровича беспокойство и душевную боль. Ему страстно хотелось тут же, немедленно перевоспитать их, сделать лучше.

«Нет, нет, не буду и смотреть на них, — спохватился Столбов и даже зажмурился. — Мне нельзя нервничать: у меня жена и поясница».

Несколько мгновений Столбов крепился. Но вот раздался внятный голос его неусыпной совести. Стыдно, Семен Петрович, очень стыдно. Лучшие люди не слушают врачей, а о жене уж и говорить нечего. Не имеешь ты права молчать. Джордано Бруно, будь он на этой остановке, не смолчал бы. И Коперник с Галилеем выложили бы все, что думают.

Семен Петрович прокашлялся и уже открыл рот, но подкатил автобус, и прямо перед носом Столбова распахнулась дверь. Столбов сделал шаг в сторону и сладко сказал:

— Пожалуйста, проходите, пенсионер с гладиолусами. Проходите, дорогие молодожены. Садитесь и вы, девушка.

— Сначала вы, вы старше, — возразила девушка.

— Это неважно, — настаивал Столбов, подталкивая ее к дверям. — Вы наверняка торопитесь апельсинчики кушать.

К сожалению, последние слова, которые Столбов произнес особенно сладко, будто у него самого была во рту долька, апельсина, заглушил стук закрывающихся за его спиной дверей. Но это не сбило Семена Петровича с мысли.

— Да, апельсинчики не картошка, их можно пудами трескать. Только где нам с вами, граждане! — молвил он, обращаясь к пассажирам и переходя со сладкого тона сразу на горький. — Это на родительские деньги вкусно. Так я говорю, девушка? Вкусно ведь?

— Извините, я вас не понимаю, — растерянно улыбнулась девушка, которую Столбов пропустил впереди себя в автобус.

— Смотрите, какая вежливость, — поразился Столбов. — Что значит в ресторане с утра не побывала. Нынешняя молодежь, она только до ресторана слово «извините» помнит. А как в ресторане сигар накурятся, коктейлей напьются, апельсинами объедятся, — тут уж им не попадайся. Обзовут, заплюют, затопчут.

Семен Петрович со всхлипом вздохнул, будто его уже начали топтать, и устремил взгляд в сторону девушки, которая безуспешно пыталась спрятаться за молодоженов.

— А в ресторанах они, нынешняя молодежь, с утра до ночи. Так, что ли, дорогой супруг, целовавший свою половину на остановке, то есть в общественном месте?

— Вам-то что? — обиделся тот. — И девушку зря смутили. Родители, может, ею как раз довольны.

— Что мне ее родители! — парировал Столбов. — Нынешние родители детям слова поперек не скажут. Я и ее родителям могу фигу показать.

Молодой супруг покачал головой.

— Ты мне рот не затыкай, — грозно предупредил Семен Петрович. — Он, дорогие граждане, меня боксом испугать хочет. Нынешние молодожены, они только на людях милуются. А дома у них сплошной бокс. Так, что ли, уважаемый пенсионер с гладиолусами для какой-нибудь дамочки?

Седовласый пенсионер укоризненно поглядел на Столбова.

— Стыдно, гражданин, — только и сказал он.

— Стыдно? — с сарказмом переспросил Семен Петрович. — Чего мне стыдиться? Я не пенсио-

нер. На дармовые денежки дамочкам букеты не покупаю, на карусели не катаюсь, «будьте любезны» не говорю. Это ведь только при дармовых денежках «будьте любезны» говорить приятно.

Семен Петрович перевел дыхание и горько усмехнулся.

— Но не про нас, дорогие граждане, дармовые денежки. Они у кого? У нынешней молодежи да у нынешних пенсионеров. Скверная молодежь, скверные пенсионеры.

Последние слова Столбов произнес особенно громко, так, чтобы перекрыть голоса заговорившиx вдруг пассажиров.

— Что вы, дяденька, в самом деле, расшумелись? — попытался уговорить Семена Петровича юноша в темных очках. — Ведь выходной день сегодня, в самом деле.

— Выпивши, наверное, — предположил другой пассажир, по виду сверстник Столбова.

Возможно, эти словоохотливые пассажиры рассчитывали смутить Столбова, сбить его с мысли, испугать. Но не на того напали.

Семен Петрович оглядел пассажиров. Плохие это были люди. Все без исключения скверные. Обзовут, заплюют, затопчут.

«Вот она, наша доля, доля лучших людей», —

мелькнула в голове Столбова горькая мысль.

Он тихо застонал. На сей раз не от ломоты в поясничке, а от душевной боли. Человечеству добра желаешь. Вопреки всему, даже предписанию врача. А что в ответ?

Джордано Бруно сожгли на костре.

У Коперника были крупные неприятности.

Пострадал и Галилей.

Теперь вот его, Семена Петровича Столбова, черед.

Но он не отступит. Пусть у него жена и поясница, он скажет сейчас все, что думает. Все, что сказали бы на его месте Бруно, Коперник, Галилей.

— Сопляк, — с удовольствием сказал он юноше в очках.

— А ты хам. Пьяный хам, — определил он лицо своего сверстника.

— Дура, — бросил он женщине на переднем сиденье.

— Все вы дураки, сопляки, хамы! — напрягая голос, кричал Семен Петрович. — Правду не любите! Апельсины дармовые любите! Так я вам заместо апельсинов фигу сделаю…

Дальше произошло то, чего и следовало ожидать в этом скверном мире, населенном сквер-

ными людьми. Автобус, не доезжая до остановки, затормозил, высадил Столбова на тротуар и захлопнул за ним двери. Хамы! Если они рассчитывали сломить Семена Петровича, сбить его с мысли, то у них ничего не вышло, И не выйдет.

Лучших людей не сломить. Джордано Бруно, Коперник, Галилей — они всегда гнули свое. Теперь гнет свое Семен Петрович Столбов. Иначе он не может: потомки не простят.

— Всех всегда буду правдой бить! — провозгласил на всю округу Столбов. — Вот, нате!..

И Семен Петрович вызывающе показал вслед удаляющемуся автобусу два больших кукиша.

№ 26, 1971 г.

Владимир Алексеев
ПРОГРЕСС С УМОМ И БЕЗ

Ай-ай!
Что делает Прогресс!
Ну, просто чудеса!
Когда-то
я в пещеру лез
и прятался в лесах.

Как вдруг
Прогресс дает мне дом —
и сухо и тепло.
Не нужно в гору
лезть с трудом
и тискаться в дупло.

Когда-то
мамонта сырым
съедал я, как дикарь.
Прогресс дает
огонь и дым —
вари, копти и жарь.

Руками корни я копал,
камнями бил зверье.
Прогресс мотыгу
в руки дал
и выдумал ружье.

Сжимал перстами
мокрый нос
и бегал без порток.
Прогресс
мне брюки преподнес
и носовой платок.

А там пошло:
электросвет,
метро,
сапожный крем,
касторка,
радио,
мопед,
реактор,
Э-Вэ-эМ!

Ну, и дает!

Ну, все дает!
Видать, что не скупой!
Трудись
без горя и забот,
а после — песни пой.

А хочешь —
в шахматы играй.
Вот это, братцы, жизнь!
Твори, выдумывай, дерзай,
влюбляйся, веселись...

Но вот
услышал я на днях,
что новый плод приспел.
Что кибер песню за меня
и сочинил и спел.

Что, мой покой
и сон ценя,
он объявил аврал —
скульптуру создал за меня
и в шахматы сыграл.

Потом

доктрину изобрел
и написал трактат.
А нынче
слышал я, что, мол,
есть электронный сват.

Из сотни девушек найдет
невесту для меня.
Ее характер разберет
по схеме за три дня.

Он с ней пойдет
в тенистый сквер
над тихою рекой.
Цветы вручит, как кавалер,
пластмассовой рукой.

Затем
на дальние миры
глазеть он с ней начнет.
И притворяться до поры,
что будто он не пьет.

Ее обнять
в тени берез

рискнет он за меня.
И, прогнан ею,
море слез
прольет, судьбу кляня.

Но через месяц
кибер тот
добьется все ж
любви.
Ее ко мне он приведет
и скажет:
«На, живи!»

Ну, нет уж, дудки!
Не пройдет!
Ведь я
«и сам с усам»!
Дарил цветочки
кибер тот?
И женится пусть сам!

Ну, а Прогресс?..
Я за Прогресс!
Но не во всех делах!

Пусть осчастливит нас
Прогресс,
но пусть
без кибер-поэтесс
и электронных свах!

№ 26, 1971 г.

В. Котенко, А. Давидович
БРАК ПО РАСЧЕТУ

В школе все ахнули, когда узнали, что учительница четвертого класса Марья Ивановна выходит замуж за своего феноменального ученика, рецидивиста неуспеваемости, сидящего в каждом классе по четыре года.

Родители, общественность и ханжи возмущены. Ей говорят:

— Вы бы хоть дали ему семилетку окончить.

Она возражает:

— Он тогда уже будет дедом. Я с таким балбесом никогда бы не пошла в загс, будь он в параллельном классе. Но я с ним так замучилась, что у меня нет другого выхода. Мне так будет с ним легче дроби проходить и следить за его дисциплиной. Я тогда буду влиять на него не только как учительница, но и как жена. А что я на два года моложе, так жена и должна быть моложе. Нет, я не люблю этого человека. Это брак по расчету. Чтобы повысить коэффициент успеваемости.

— Это прямо какой-то новый педагогический метод, — усмехается директор. — Может, все-таки

подождете? Вот перейдет в пятый класс, тогда и свадьбу сыграем.

— А перейдет ли? — сомневается Марья Ивановна.

Директор не отступает:

— А не случится ли наоборот: вдруг он возьмет над вами верх, и ваш голос классного руководителя потонет в мужниных интонациях?

— Нет, — уверенно говорит Марья Ивановна. — Здесь расчет тонкий. Я на него как ученика буду давить через свидетельство о браке и через тещу, а как на мужа буду воздействовать через школу, через вас, товарищ директор, через педсовет и пионерскую организацию.

Свадьба прошла чрезвычайно любопытно. Был представитель из районо. Сам ничего не пил и другим не давал. По педагогическим соображениям. Одноклассники читали свои поздравления и кричали «горько». Жених и невеста вопросительно смотрели на директора, директор испрашивал со гласил у представителя районо, тот важно кивал головой, малыши отворачивались, и поцелуй как таковой воплощался в жизнь.

Как ученик этот лоботряс после свадьбы немного выправился. Но как муж был никудышный. Самое главное — он не приносил денег. Все про-

едал на школьных завтраках. Его прорабатывали свои же друзья-одноклассники:

— Семья, Петров, — это важная ячейка нашего общества. И вот такие миллионы ячеек создают государство. Стыдись и люби свою жену, нашу дорогую учительницу, так, как любим ее мы.

Прямо на уроках разыгрывались отвратительные семейные сцены. Марья Ивановна пересаживает своего шалопая от второгодницы с рыжими косичками. Эта необоснованная ревность глубоко задевает молодого мужа.

— Что же это такое? Мне уже девчонку за косы дернуть нельзя?! — возмущается супруг и, в свою очередь, ревнует Марью Ивановну к ученику, заметно хромающему по арифметике, с которым она часто засиживается после уроков.

— Ты почему не выучил стишок? — строго спрашивает мужа Марья Ивановна.

— А как ты меня кормишь? Ты мне обед сготовила? Разве рифмы на пустой желудок запомнишь? У нас медовый месяц, а ты меня стишками кормишь.

— Как ты со мной разговариваешь? — кричит Марья Ивановна. — Встань, иди к доске!

— Не пойду. Я женатый человек.

— Иди, Петров, — шепчут со всех сторон пи-

онеры.

— Не пойду. Это подорвет мой авторитет в семье.

— Ну, тогда шагом марш за родителями и без свекрови не приходи! — приказывает Марья Ивановна под одобрительный гул класса.

Петров недовольно бурчит: «Дома поговорим», — но выходит. За дверью налетает на директора.

— Ты почему, Петров, не на уроке?

— Жена выгнала.

— Ну, это ваше семейное дело, — говорит директор и уходит поднимать дисциплину.

Марье Ивановне советуют дети:

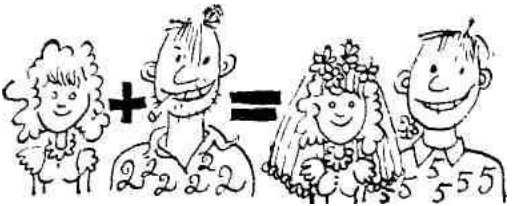
— Вы на развод подайте. Он тогда испугается и стишок выучит.

— Да, Марья Ивановна, — говорит директор. — Вам надо разводиться. Мы не можем принять его оценки за действительные. Вдруг вы за него все уроки делаете?

— Что вы, Михаил Васильевич! Мой за ум взялся. Если он не снизит показатели, мы к серебряной свадьбе поступим в институт…

Резюме: если вся наша многочисленная армия учительниц последует примеру Марьи Ивановны, у нас, быть может, исчезнет второгодничество

в масштабе всей страны...



№ 30, 1971 г.

А. Портер
ВЕДРО

Не так давно еду в метро и вижу: стоит в другом конце вагона мой знакомый Ермилкин с ведром в руках. Подхожу к нему.

— Привет! Ты что это с ведром едешь?

— Да вот, понимаешь, решил теперь вместо портфеля…

— Это как же?

— Да вот так. Очень даже удобно, вместительно и, я бы сказал, красиво. Форма как будто и простая, а смотрится неплохо. К тому же блестит.

— Это ты серьезно говоришь или шутишь?

— Что шутить-то?.. У нас весь главк теперь с ведрами ходит. Очень привилось.

— М-да… Я, конечно, не знаю, но как-то это чересчур, я бы сказал, оригинально.

— Зато удобно! Ты сам попробуй. Уверен, что понравится. Только покупай вот такое, оцинкованное. Дешево и сердито.

Тут как раз остановка. Ермилкин жмет мне руку и выскакивает с ведром на платформу. Тут я и призадумался.

«Что-то здесь не так. Ермилкин шутить не станет. Не умеет. Говорит, весь главк ходит. А там не дураки работают. Им видней. Может, так и надо… Может, такое течение. Ермилкин зря с ведром ходить не станет».

Короче говоря, решил я, что в таких случаях шляпой быть нельзя, и в тот же день побежал в хозяйственный магазин. Купил точь-в-точь такое же, как у Ермилкина, оцинкованное. Иду я с этим ведром домой и не могу понять: что же тут удобного? По ногам бьет, гремит — сплошное наказание. Но несу.

На следующий день прихожу на работу. В ведре у меня бумаги, газеты, всякая документация. Все сотрудники, конечно, глаза на меня пялят, ничего понять не могут.

— Что это вы, Семен Гаврилович, с ведром пришли? Спутали, что ли?

— Да нет, — отвечаю я скромно, — это я вместо портфеля. Очень удобно и вместительно. И даже, можно сказать, красиво. В главке уже все так ходят.

Сотрудники эдак молча на меня посмотрели и разошлись за свои столы. Чувствую, задумались.

В общем, приходят на следующий день все мои сослуживцы с ведрами. И даже начальник наш Кузьмищев тоже с этой железякой приперся. Все друг перед другом своими ведрами хвалятся и меня благодарят, что вовремя их надоумил такую прекрасную вещь приобрести. И на чем свет стоит ругают портфели. Как, мол, это мы раньше могли с такой дрянью таскаться…

Вскоре соседние с нами учреждения приобщи-

лись к новому течению.

А позавчера еду в метро, вижу: стоит Ермилкин. Без ведра. С портфелем! Я к нему:

— Что это ты, Ермилкин, с портфелем?

— А почему бы и нет?

— То есть как? А ведро-то твое где?

— Ведро? С ведром, старик, покончено. Ошибочность это была.

— Как так «ошибочностью? Ты же сам говорил: удобно. Говорил: весь главк ходит.

— Что ж тут удобного? По ногам бьет, гремит. Да ты сам-то признайся, что не знал, куда от него деваться.

— Ну не знал. Я могу и не знать, но ты же сам говорил, что весь главк ходит.

— Тут, старик, такая история вышла. Пришел наш начальник главка с этим ведром оцинкованным… Ну мы и решили… А потом оказалось, что это он себе на дачу купил. Так что ты ведро это дурацкое бросай. Носи снова портфель. Вот как я.

Как раз остановка. Ермилкин выскакивает с портфелем на платформу. А я стою со своим ведром и думаю: что-то здесь не так. Ермилкин зря с портфелем ходить не станет. Говорит: вон весь главк ходит. А там не дураки работают. Им видней.

Короче, побежал я в этот же день в магазин и купил себе точно такой же портфель, как у Ермилкина, черный.

Вообще-то удобно. Но черт его знает…

№ 33, 1971 г.

А. Кочетов
БОЛИТ СЕРДЦЕ

Представляешь, Васек, закавыка какая вышла. Налей-ка по стаканчику. На той неделе встречаю во дворе нашего участкового. Ну, поболтали о том о сем, насчет футбола проехались. А потом он и заявляет: не по средствам, видишь ли, живу. Представляешь? Я не отрицаю, кое-что имею: два холодильника, один домашний, другой для дачи, гарнитуры: спальный — красного дерева, столовый — под орех. Телевизор, конечно, имею цветной. Магнитофон «Телефункен», который в комиссионке достал... Ну и что? Ведь все барахлишко горбом нажито. Оттого, может быть, и болезнь эта проклятая ко мне привязалась. Житья не стало. Все беды через нее, будь она неладна. Как ее? Язык вывихнешь, пока название произнесешь. Что-то нерусское... Стено... кардия, вот!

Слышь, Васек, где же справедливость, я спрашиваю? Где? Больного человека оскорбляют. Спасибо, хлопцы, с которыми я «козла» забиваю, заступились, а то могли бы ни за что ни про что честному человеку какое-нибудь дело припаять.

Он, понимаешь, страдает неизлечимым недугом, а его хапугой обзывают. Давай, Васек, еще по стаканчику. Плохо мне, муторно. А все потому, что каждую мелочь близко к сердцу принимаю. Особенно выводят меня из равновесия разгильдяи, которые к народному добру спустя рукава относятся.

Понимаешь, Васек, доски на улице валяются. Штабелечком, правда, так аккуратненько сложены и куском толя сверху прикрыты. Но никто за ними не присматривает, никому они не нужны, раз толем-то прикрыты. Одним словом, глянул я на такую бесхозяйственность и аж закачался весь от приступа стенокардии. Два дня скрючившись вокруг досок ходил. Лихорадит даже. На третьи сутки не стерпел, грузовичок подогнал и штабелек беспризорный забрал. Продал на сторону. А как деньжата-то начал пересчитывать, чувствую, стенокардия отпускает помаленьку.

Или вот, помню, как-то трубы увидел. Хорошие такие трубы, водопроводные. Дефицит. Люди мучаются, достать их нигде не могут. А они, пожалуйста, лежат себе, никем не охраняются, никому не нужные. Ну, думаю, я им покажу, как добром народным швыряться. Затрясло меня всего. Глаз стал дергаться. Руки дрожат, губы побелели. Все

признаки стенокардии. Пришлось трубы эти в дело пустить. Дачнику одному продал. Тот благодарит меня, чуть ли не целоваться лезет, а я красненькие-то взял в руки, и успокоение пришло, на сердце отлегло.

А самый сильный приступ стенокардии, будь она трижды проклята, случился, как сейчас помню, когда я из-за трансформаторов переволновался. Они, верно, за оградой валялись, рядком так, аккуратненько, восемь штук. Я с неделю, наверное, мимо этого забора ходил. А они лежат себе и лежат. Никому до них дела нет. Никто их не сторожит. Стенокардия разыгралась со зверской силой, так, что наизнанку всего выкручивает. Чуть сознание не потерял. Слава богу, решился наконец и как-то ночью трансформаторам ноги приделал. А получил деньжата, чувствую, полегчало, на поправку дело пошло.

Вот, Васек, какие дела. С трансформаторами худо вышло. Засекли меня все же впоследствии. А разве я виноват? Больной ведь я… Очень скверная болезнь. Врагу не пожелаю испытать на себе стенокардию эту.

Налей по последнему, Васек. Тяжело мне. На поруки-то меня взяли, это верно. А как, скажи, можно ручаться за больного человека? Ты думаешь, я почему пью? Да оттого, что худо мне, ой, как худо. Мутит всего. И щемит сердце, щемит. Не могу спокойно смотреть на разгильдяйство, бесхозяйственность разную. А виной всему стенокардия проклятая. Со вчерашнего дня опять донимает. Боюсь, не выдержу, сорвусь... Как это «держись»? Как тут удержишься, если в соседнем дворе мотки медной проволоки валяются, аккуратненько так сложенные. Без присмотра. Никому не нужные...

№ 33, 1971 г.

Вадим Полуян
КАРТОФЕЛЬНЫЙ ТРИУМФ

* * *

В колхозе назревал картофельный триумф.

В жару ботва густела, словно джунгли.

Но холода ожгли. Все листики пожухли.

Дед вымолвил: «Пора!» И снял с гвоздя треух.

«Вперед!», «В поход!», «Даешь!» Пошла писать контора!

Массив картофеля мешками окантован.

Учетчик начеку. Весь в мыле председатель:

«Ищите тщательней! Почаще приседайте!»

И каждому наказ: хоть в сто потов потей,

Но собери картофель без потерь!

В больнице нет врача. Нет ребятишек в школе.

Нет старцев и старух, завалинка пуста.

А на картошке шум. Там бригадиры школят:

«Нарыть по сто картофелин с куста!»

Да, урожай могуч! Конца не видно пыткам:

Под ветром, под дождем, под снегом, черт возьми,

За каждый клубень падали костьми…

Нарыли. Нагребли. Мешки полны с избытком.

Все — от завхоза до врача —

Поют и пляшут, избочась.

А председатель над трибуной полководцем

Вознесся, как журавль над срубленным колодцем:

«Спасибо! Будет дел и лошади и ЗИЛу».

Росли, как города, картофеля бурты…

Морозы грянули. Зима вступила в силу.
И от картошки — тьма гнилой бурды.
Был председатель мудр. Людей собрал он роем,
А овощехранилищ не построил.

Уж коли ты поставлен у руля,
Копейку пестуя, не забывай рубля!

№ 1, 1972 г.

А. Кучаев
МЫ ЖДАЛИ ИХ

Мы с другом стояли на площади под фонарем, дожидаясь своих дам, а дамы запаздывали. Мороз был градусов сто. Рядом стояла очередь. Они дожидались такси, эти люди.

Справа был Большой театр, за спиной — Малый. Такси ехали мимо.

— Обед!

— Заказной!

— Шабаш!

— На Ваганьковское никого? Ха-хо-хо-ррр!

— В Шереметьево! Червонец сверху!

Текли по морозу фрегаты под зеленым пиратским флагом в шашечную клетку. Наши подруги запаздывали.

В очереди на такси первым не выдержало лицо духовное: человек с рясой из-под драпового макси-пальто и в галошах. Он бросился под черную «Волгу» с желтыми фонарями. Завизжали тормоза. Расширились зрачки у Островского на чугунном кресле перед Малым.

— Вам куда? — спросила глазастая «Волга».

— К Елоховской…

— Садись.

Кормовые огни осветили очередь кровавым рубиновым огнем.

Очень легко одетых молодых людей — он и она, явно не венчаны — поступок духовного лица вдохновил. Они легли под машину с надписью «Связь».

— У меня «пикап», — сказала «Связью. — Полезете?

— Еще бы! — Невенчанные исчезли в чреве «пикапа» среди вечерней корреспонденции.

Одинокий интеллигент, писатель, человек аскетической жизни, уехал на автомобиле с надписью «Мясо».

Женщину с цыганскими глазами унес в ночь спецтранспорт «Живая рыба».

Наших дам, пардон, все не было.

Подошла «Скорая». Туда поместилась веселая компания с гитарой и откупоренной водкой.

— Трогай, милай! — булькнул забубенный голос…

Рассасывалась очередь. Осталась одна гоп-компания и приезжий, с порядками вовсе не знакомый. Он пригорюнился на чемоданчике.

Гоп-компании ждать надоело. Свистнул их

заводила тугим ременным свистом, и умчались они на знаменитых конях с фронтона Большого театра.

Оскудел архитектурный ансамбль.

Подошла машина. «Пикапчик», весь разрисованный розанами и пузанчиками-ангелочками. Распахнулись дверцы его кузовочка, разорвав славянскую вязь надписи «ПИРОЖНЫЕ ПИРОЖКИ», и с противней, выложенных обливными эклерами, выпорхнули к нам наши дамы, сияя улыбками.

Теплее стало на земле, теплее стало на площади: справа Большой театр, за спиной — Малый. А рядом, застыв от мороза, дремал на чемоданчике приезжий, с порядками вовсе не знакомый. Ему снились фрегаты под зеленым пиратским флагом в шашечную клеточку…

№ 1, 1972 г.

В. Коняхин
ТЕЛЕФОН

Петров шел по улице и вдруг услышал телефонный звонок. Он остановился — сигнал раздавался из автомата. Петров зашел в будку и снял трубку.

— Петров?

— Да…

— Ты что, спишь?

— Нет. Я шел мимо и услышал звонок.

— Где ты шел мимо и почему не на рабочем месте?

— У меня обеденный перерыв, и я прогуливаюсь.

— Кто тебя научил в конце месяца прогуливаться?

— Никто. Просто вышел развеяться.

— Перекрытия пятого этажа завезли?

— Нет.

— А лестничные марши?

— Нет.

— А как ты думаешь дом дальше строить?

— Так ведь, как обычно, перейдем на строительство открытого рынка.

— И ты после такого решения вышел развеяться?

— Я ждал звонка из отдела снабжения и не дождался: обеденный перерыв как раз.

— А ты сам не мог им позвонить?

— Я им звонил в начале месяца.

— А сколько тебе положено по графику звонков в месяц?

— Гм… мм… Это нигде не написано.

— А ты что читаешь?

— Директивы… приказы…

— Ну вот, приезжай в трест и прочитай приказ о своем увольнении.

— Иван Иванович, ведь я болею за производство.

— Какой я тебе Иван Иванович?

— Так вы не Иван Иванович? А кто?

— А я с кем разговариваю?

— Я Петров.

— С какого стройуправления?

— СУ-тринадцать.

— Значит, я звоню не в СУ-двадцать один?

— Нет, вы звоните на улицу.

— Слушайте, не хулиганьте! Это вы звоните мне из телефона-автомата.

— Больше мне делать нечего, как звонить вся-

ким из автоматов! Я же вам рассказывал, что шел мимо и услышал звонок. Снял трубку, а вы сразу приказ об увольнении.

— Работать надо. Тогда никто не будет вас увольнять.

— Мы работаем.

— Ждете звонков из отдела снабжения? Это называется работа? Проклятые телефоны, связывают с чужими лодырями, когда тут и со своими сладу нет!

В трубке стукнуло и противно загудело. Петров постоял еще немного, потом заторопился на работу. Телефон, может, и неисправный, только чем черт не шутит...

№ 1, 1972 г.

Г. Дробиз
ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Наш серебристый лайнер благополучно перемещался во времени и пространстве, чтобы по расписанию прибыть в аэропорт большого города, расположенного на берегах могучей, полноводной реки. Являясь командиром корабля, я уверенно держал руки на штурвале и обдумывал предстоящую посадку. Под крылом уже проносились городские окраины, как вдруг оба наши двигателя отказали, и мы начали падать. Если не принимать во внимание крики пассажиров, мы падали в полной тишине.

— Спокойно, товарищи! — сказал я пассажирам, второму пилоту, штурману, стюардессам и себе. — Будем садиться на что попало.

Я посмотрел вниз. Справа и слева от нас до горизонта простирались бесконечные кварталы большого города, а прямо под нами неторопливо несла свои воды могучая река.

— Внимание! — объявил я. — Принимаю решение садиться на реку.

Услышав мой уверенный голос, пассажиры

потеряли сознание, и теперь уже в полной, без всяких оговорок, тишине, наш серебристый лайнер врезался в спокойную поверхность реки. Вопреки моим опасениям, он не утонул. Он нырнул до самого дна и вынырнул обратно. От удара пассажиры пришли в сознание и начали аплодировать и смеяться. Кроме того, внезапно заработали оба двигателя, и наш самолет стремительно помчался по речной глади, оставляя позади пенный след. Я быстро разобрался в новой обстановке, чисто интуитивно нащупал фарватер и повел самолет к ближайшей пристани.

Вскоре на берегу засверкали белоснежные строения речного вокзала. Я заложил глубокий вираж и четко пришвартовался к причальной стенке. При нашем появлении на пристань высыпали люди с узлами и чемоданами. Потом появился человек в кителе. По его распоряжению нам подали трап. Пассажиры тепло поблагодарили меня и всю команду за чудесное спасение и дружно покинули самолет. Вслед за ними по трапу спустились мы. Но человек в кителе загородил нам дорогу.

— А вы куда, товарищи? — с удивлением спросил он. — У вас через десять минут рейс на Астрахань. Вот и пассажиры готовы.

— Категорически игнорирую ваше наглое требование, — решительно заявил я. — Вверенный мне лайнер принадлежит системе Аэрофлота.

— Что с возу упало, то пропало, — сурово заметил человек в кителе. — С той минуты, как ваш самолет коснулся поверхности реки, он фактически превратился в плавающее приспособление, именуемое судном, а юридически перешел в систему нашего пароходства. И давайте не будем задерживать пассажиров.

— Кончай волынку! — зашумела очередь. — Третий день на узлах сидим, а они, видите ли, где-то там летают.

— Граждане! — сказал я. — Этот рейс для нас полная неожиданность. Еще час назад мы летели на высоте десяти километров и ни о чем таком не думали.

— А могли и подумать, — сказал старичок, стоявший первым. — В дороге надо быть готовым ко всему.

...Из Астрахани мы вернулись бывалыми речниками. Пока грузились новые пассажиры, я поднялся в ресторан. Там ко мне подсел человек в кителе. Мы пили пиво. Под нами плескалась волна, над нами орали чайки.

— Охота в небушко-то? — приветливо спро-

сил он.

— Охота, — сознался я. — Черт меня дернул на вашу речку садиться.

— В следующий раз осторожнее будешь.

— Знал бы, не вынырнул, — пошутил я.

— Ну и что? Ну не вынырнул бы? — Он дружески обнял меня за плечи. — Что бы изменилось? Тебя бы зачислили подводной лодкой. Эх, капитан, — задумчиво сказал он, сдувая пену с моей кружки, — никто не знает своей судьбы. В прошлом году один из ваших на пшеничное поле сел. И что ты думаешь? Пятьсот гектаров убрал к осени. Теперь лучший комбайнер района, на груди — орден, на фюзеляже — звездочки. Или другой случай, сам видел. Автобус на рельсы занесло. Дождь шел, скользко было. С тех пор маневровым паровозом работает. Да что говорить. Ты меня спроси, как я в речники попал. В пятьдесят пятом году пошел в магазин «Одежда»: костюм покупать. Примерил один, другой, третий. Смотрю: китель висит. Вот этот. Только я его на плечи — тут меня и зачислили. Пятнадцатый год работаю… А до этого я в горсправке служил. Как сейчас помню, иду из школы домой, а навстречу — старушка. Молодой человек, спрашивает, как мне на Васильевскую улицу пройти?

Объясняю: квартал прямо и два направо. Только сказал — раз! Обнесли меня киоском, телефон поставили, окошечко открыли: горсправка. Вот такие дела…

— Нет, — твердо сказал я. — Мне ваше смирение перед судьбой непонятно. Я буду драться до конца. Я, пока шли в Астрахань, с каждой стоянки телеграфировал. И в Аэрофлот и в пароходство.

— Ну и какой результат?

— Пока никакого, — признался я. — И пароходство не отвечает. И, самое непонятное, родной Аэрофлот молчит.

— Что же тут непонятного? — усмехнулся человек в кителе. — Все понятно. Не до тебя им теперь. Ни вашим, ни нашим.

— Почему?

— А ты что, не слыхал? Тут у нас катерок на воздушной подушке развил недозволенную скорость и оторвался от поверхности.

— И что?

— Как что? Твой Аэрофлот его вмиг зацапал и поставил на линию. Кажется, Свердловск — Воронеж.

— Послушайте, — обрадовался я. — Это как раз моя бывшая линия. Теперь самое простое — обменяться. Мы — туда, катер — сюда.

— И не мечтай, капитан, — сказал человек в кителе. — Этому не бывать. Суди сам: сегодня тебя отпустят, завтра буксир попросится, послезавтра — баржа. А кто здесь будет плавать? Нет, капитан, ты теперь до гробовой доски речник. Сиди и не рыпайся.

Я уткнулся в кружку и заплакал.

— Ну, брось, брось, — ласково сказал он и подлил мне свежего пива. — Давай-ка споем лучше, что ли. Нашу речную.

— Давай споем, — сказал я сквозь слезы. — Речную так речную.

Мы обнялись и затянули: «Из-за острова на стрежень...»

После второго куплета нам дали категорию, после третьего — поставили в график филармонии, а четвертый мы пели уже на гастролях в Кисловодске: три концерта в день, из них один шефский.

— А ты говоришь, не вынырнул бы, — сказал человек в кителе. — Идем, вызывают на «бис»...

№ 5, 1972 г.